

Светлана Гольшанская

НЕТОРРЕННЫМИ ТРОПАМИ 2

Пылают пожары войны, духи зла пробуждаются в древних храмах — мир на грани гибели. Нам нужен спаситель, и хочется верить даже в недостойного. Одна надежда — Безликий бог, спящий мертвым сном на краю земли.

Ключ к его возрождению — оракул трех Норн. Чтобы стать одной из них, я должна отринуть мирские страсти. Только как отказаться от любви?

Сплетаются в силки интриги врагов и друзей. Плата за амбиции будет непомерна, ведь все мы лишь марионетки в руках неведомого.

Парило. Цвела мутно-коричневая вода. Увивавшие берега реки сочные растения морились и источали душный запах. Вокруг сплавляющегося по течению плота кишели москиты.

— Разгоните гнус! — потребовал телепат, налегавший на шест. Косматого ольстерца с растительностью на лице в цвет мутной воды звали Масферсом. — Они же сожрут нас заживо. Зверолорды вы, или как?

Раскинувший руки в трансе Огюстен, молодой норикиец с волчьими чертами, приоткрыл один глаз и огрызнулся:

— Думаешь, лучше нас сожрут крокодилы? Отвлечёмся на мелкую шушеру и пропустим настоящую угрозу. Терпите. Ничего от пары укусов с вами не станется!

Масферс шумно выдохнул и продолжил работу.

Полторы тысячи лет назад люди бежали из Муспельсхейма, южной прародины, когда её поразило неведомое бедствие. Война богов, конец света — старого света — только предания древности сохранили память об этом. Люди так и не вернулись на юг, обжив северный континент, который нарекли Мидгардом.

Про опасности, богатства и чуда «мёртвого» Муспельсхейма слагались легенды. Редкие смельчаки наведывались сюда за дорогими диковинками вроде слоновых костей или артефактов древности. Возвращались единицы, множа рассказы о расплодившихся здесь демонах. В Мидгарде их гоняли рыцари ордена Сумеречников, но так далеко те не совались без особой нужды.

Недавно таковая возникла.

Год назад отряд из пятнадцати Сумеречников вышел из Эскендерии. Тревога нарастала день ото дня. Продираясь сквозь джунгли, они потеряли троих бойцов. Последняя ночёвка в племени дикарей-кавачей под рассказы о духах-ягуарах окончательно подорвала настрой. Только показавшийся на горизонте призрак конечной цели заставлял двигаться вперёд.

Предводителем отряда был Иниго Каэтано, молодой сальванийский книжник-телепат. Грубая северная речь рыцарей и нахрапистые повадки были пыткой для его утончённого воспитания, но ради своей цели он терпел всё.

Никто из отряда ещё не догадывался, что Иниго предал Сумеречников. По чести, он никогда не принадлежал к ордену, несмотря на принесённые во время посвящения клятвы и высокородное происхождение. В детстве Иниго сдружился с жившими неподалёку единоверцами: тайком от родителей таскал им еду и одежду и слушал речи проповедников. Все люди равны и любимы пред божественным ликом. Нужно заботиться о ближних, особенно если им повезло меньше, чем тебе. Нельзя завидовать, лгать и воровать. Перед высшим судом всем зачтётся по заслугам. Когда божественные посланники приведут на землю Единого-милостивого, наступит идеальный мир, где не будет пороков, болезней и нищеты. Все до последнего убогого и калеки обретут счастье.

Настолько правильных слов Иниго больше ни от кого не слышал: ни от отца-рыцаря, ни от жрецов в храмах Сумеречников. Последние и вовсе пугали. Слово в молитве перепутаешь, оступишься или священный знакобразишь не так — заругают и розгами отходят. Не любил Иниго их мрачные и душные сборища.

Единоверцы же собирались на лугу под открытым небом, брались за руки. Проповедник смеялся и играл с детьми, ласковым шёпотом поправлял, если кто ошибался, отвечал на вопросы, словно сам желал докопаться до истины.

Когда отец узнал о симпатиях Иниго, то отвёл его на главную площадь родной Тегарпони. Посреди деревянного эшафота на виселице болтались посиневшие тела единоверцев. Добрый проповедник был среди них. Иниго не смог даже проститься с ними: отец высек его до полусмерти и посадил в колодец на несколько дней.

Не было ни страха, ни боли. Иниго лежал на боку, едва дыша, всматривался в полную луну через решётки на потолке и желал. Желал неистово. Желал со всей страстью израненной души. Желал, чтобы единоверцы поменялись местами с Сумеречниками, чтобы имения рыцарей жгли, а их самих вешали в назидание остальным, без вины, просто потому что те родились такими. Уродами! А добрые единоверческие проповедники пускай выступают в храмах и указывают всем путь к свету. Иниго уже почти видел идеальный мир в грёзах, навеянных агонией.

Но он не умер. Когда хлипкий мостик под ногами рушился, кто-то протянул руку. Серый балахон скрывал фигуру, длинный капюшон — лицо.

— Ты божественный посланник? — просипел Иниго ломким голосом. — Ты приведёшь сюда Единого?

— Если ты пожелаешь, ты ведь желаешь? — задумчиво ответил тот. Иниго принял его руку и кивнул. — Тогда слушай меня.

Взрослеть оказалось намного легче, когда некто умный нашёптывал в уши, как правильно поступить и что сказать, чтобы все остались довольны. Не совершать ошибок. Ошибаются только дети и глупцы. Отец больше не бил, а о затаённых симпатиях к единоверцам никто не узнал. Даже от мистических способностей Сумеречников закрывал незримый божественный посланник. Иниго старательно учился, поступил в Университет и проложил себе путь в Большой Совет ордена.

«Бойся синеглазого авалорца, что носит в себе дар злого бога, — предупреждал голос. — Он видит нас насквозь и искажает наши слова».

Иниго понял, о чём он, только когда выступал перед Советом. Уговаривал сидевших на трибунах лордов искать истоки религии единоверцев в Муспельсхейме. Взгляд пронзил разрядом молнии. На хмуром лице читалось понимание. Гэвин Комри — его представили, самый молодой из маршалов. Его глаза светились синевой штормового неба. Казалось, он тоже слышит шёпот и знает о предательстве. Иниго быстро закончил выступление и спрятался в тени, пока Совет голосовал. Гэвин убеждал лордов отказаться от похода, но его не послушали, пеня на неопытность и чрезмерную осторожность. Они упустили последний шанс на спасение.

— Приплыли! — Масферс указал на затянутую ряской воду. Дальше тростниковые заросли смыкались стеной. — Болото — не пройдем.

Плот пристал к берегу, где между замшелыми стволами деревьев виднелся просвет. Отряд ступил на сушу. Чернокожий проводник-кавач, в одной набедренной повязке, похожий на лысую обезьяну, залопотал несуразицу. Масферс приложил ладонь к его лбу. Проводник замолчал и уставился в пустоту невидящим взглядом.

— Говорит, дальше идти нельзя. Там спит древнее зло. Если мы его потревожим, оно уничтожит всё живое вокруг, — Масферс скривился и помахал руками, изображая суеверного кавача.

— Может, демон? — напрягся Рат, тоже телепат, старший из отряда, самый серьёзный и опытный.

Он потянул меч из ножен. Остальные сделали то же. Иниго передавал Рату командование каждый раз, когда тот выказывал желание. Лишь бы отряд шёл в нужном направлении. Масферс упёр остриё клинка между лопатками кавача.

— Топай! А то это зло, — рыцарь постучал себя в грудь кулаком, — уничтожит тебя быстрее.

Проводник не понял слов, но пошёл вперёд. Двенадцать членов отряда двинулись следом. Клинки рассекали мясистые лианы и сплетения растений, расчищая путь сквозь тенистые заросли. Иниго отбирал бойцов сам: три телепата, два зверолорда, два целителя, медиум, иллюзионист, пирокинетик и ясновидец. Ещё трое погибли. Голос нашёптывал брать всех, кроме телекинетиков, телекинетики бесполезны, слишком упрямы и подозрительны, как тот синеглазый маршал.

— Па! Тя-тя-тя-тя! — залопотал кавач.

Сумеречники замерли, прислушиваясь. Кавач выкрутился из захвата Масферса и юркнул в папоротниковые заросли. Огюстен оскалился и собрался перекинуться в звериный облик, но Рат взмахнул рукой:

— Демоны с ним! Нам туда.

Джунгли уже почти поглотили его, покрыли мхом и оплели лианами. В приземистые пристройки корнями вцепились деревья-паразиты. Они тянулись в небо, словно стремились закрыть остроконечные башни, похожие на свечи с ободками оплывшего воска. Гладко отполированный песчаник блестел на солнце.

Рыцари сбились в строй и поднялись на ступени, разглядывая гривастых каменных стражей, застывших на массивных тумбах. Вход обрамляли колонны с выгибающимися дугами перекладин наверху. Стены испещряли барельефы и надписи на доманушском языке.

Первым покой древнего храма нарушил Трюдо. Сухому невысокому телепату-книжнику не терпелось изучить святыню изнутри. Рат поспешил за ним и позвал остальных:

— Пусто! И это подозрительно.

— Почему? Дикари собственной тени пугаются, — отмахнулся Масферс. — Может, опять какого зверя за «злого духа» приняли.

Ноздри Огюстена затрепетали, зрачки сузились до тонких вертикальных полосок. Он отрицательно качнул головой.

Рыцари зажгли факелы и вошли. Внутри царил прохладный сумрак. Мох едва пробирался за порог, куда доставал солнечный свет. Дальше выглядывал растрескавшийся, с чёрными разводами песчаник. Время не пощадило даже центральное святилище. Барельефы на стенах обломались, от каменных лавок остались лишь развалины. Хорошо сохранились разве что статуи в центре. Четыре танцующих мальчика в рубашках из перьев, спина к спине.

— Братья-ветры? — поделился догадкой Масферс.

— Мельтеми, Гилавар и Аргест, — без труда прочитал закорючки на постаменте Трюдо.

— А четвёртый? Почему у него лицо и имя сбиты? — любопытствовал Масферс, щупая пальцами глубокие царапины на постаменте.

— Видишь, он смотрит на запад, — Трюдо провёл линию рукой и усмехнулся. — Это Западный Ветер, Безликий.

— Я думал, Безликому не строили храмы, — Масферс сдвинул мохнатые рыжие брови.

— Это не храм Безликого, — донёлся из глубины святилища голос Рата. Он вышел из алтарной ниши и показал отломанную голову ещё одной статуи. Взрослый мужчина с величественными чертами. — Это храм Небесного Повелителя, отца Безликого. Добре пожаловать в колыбель нашего ордена. Только почему поиски завели нас сюда?

— Что тебя удивляет, старина? — по-дружески ответил Трюдо, который был к нему ближе всех по возрасту и чину. — Мы искали истоки выдумки простолюдинов в далёких джунглях, хотя ответ всегда был у нас под носом, — он кивнул на статую мальчика без лица. — У нас один бог и одна вера. Нам не из-за чего драться.

— Это ты им скажи, — хмыкнул Рат и печально отвёл взгляд: — Драка у нас вовсе не из-за веры.

— Быть может, если мы расшифруем надписи на стенах, то поймём, как убедить их, что наша власть праведна? — не сдавался Трюдо, хотя остальные его надежды не разделяли.

— У нас не так много времени, перерисовывай, что успеешь. В Эскендерии разберёмся, — уступил Рат.

Иниго слушал их возню вполуха. Надо же, решили, что костная вера в Безликого и Повелителей стихий имеет что-то общее с истинной верой в Единого. Скоро они поймут, как ошибались.

Шёпот указал на жертвенный камень в боковой нише. Непроглядный антрацитово-чёрный брус размером со стол. Иниго склонился над ним и достал из-за пазухи кинжал с волнистым лезвием.

— Создания света, создания тьмы, сквозь сон забвенья в дюжину веков призываю, вернитесь, пройдите тайными тропами, явитесь пред страждущим, примите нашу жертву, — запел он торжественным голосом, каким пели единоверцы.

Рыцари замолкли. Замерли шаги. Иниго взмахнул лезвием. Из горла на антрацитовый брус хлынула кровь.

— Одержимый, берегитесь! — вскрикнул Рат.

Ты опоздал, вы все опоздали!

Пирокинетик взмахнул рукой. Вспыхнул огненный шар, устремился Иниго в спину. Пламенные объятия были последним, что он почувствовал.

***

— Забудьте о нём, бегите! — кричал Рат.

Не успели. Даже стремительные зверолорды не добрались до выхода. Антрацитовый брус взорвался тысячью осколками. В стороны брызнула чёрная мгла, схватила каждого щупальцами и скользнула в рот. Поела внутренности, присасывалась к сердцам чернильным спрутом. Мгновение, и всё закончилось. Над храмом вновь властвовала тишина.

Рат нащупал потухший факел, встал и зажёл его, разгоняя сумрак. С кряхтением поднимались Масферс и Трюдо. В нише у алтаря рядом с обезглавленной статуей Небесного Повелителя барахтался в конвульсиях Огюстен. Остальные были мертвы. Рат подошёл к зверолорду и положил руку ему на грудь:

— Нас принимает только разум телепатов. Зверолорды, быть может, способны выдержать переход, но зачем довольствоваться малым, когда можно получить всё?

Рат достал из мешка на поясе пустой фиал и, поднеся его ко рту Огюстена, надавил коленом на грудь. В фиал потекла жидкая темень. Огюстен обмяк. Умер. Рат заткнул фиал пробкой и подошёл к живым товарищам. Они смотрели на него одинаковыми разноцветными глазами: один голубой, другой зелёный. Такими же стали глаза Рата, сам он

помолодел и распрямился.

— Что делаем дальше? — Трюдо отпихнул ногой лежавшую рядом голову божества.

— То же, что хотели они, — улыбаясь, предложил Рат. — Заставим людей поверить в нашего «Единобожия». Когда веры станет достаточно, мы возродим его и возведём на Небесный престол, как бы ни противились остальные Стихии, — Рат кивнул на статую одного из мальчишек. — Идёмте. Надо найти ещё пару носителей.

Глава 1. Дух огненный

Снег в Эскендерии не падал ни разу за двадцать лет, что здесь прожил Жерард. А в родной Сальвани про эту напасть и вовсе не слышали. И вот сейчас — случилось. Белые мухи жалили холодом и сыростью, залепляя глаза. В Верхнем городе хотя бы чисто. У дворцов знати и особняков богачей стояли жаровни, где можно было погреть ладони над углями, купить тёплой выпечки и вина. Но за воротами в Нижний город становилось тесно, мрачно и грязно. По кривым улочкам текли помои, из подворотен выбрасывали замёрзших насмерть оборванцев, плотными рядами смыкались обветшалые лачуги, набитые разбойной голытьбой.

Сколько народу собралось — уму непостижимо! Словно вся Сальвани укрылась тут от единоверческих восстаний. Только семьи Жерарда не было: родные навсегда остались среди пепелищ усадеб вблизи некогда цветущей столицы — Констани.

Эскендерия, независимый город книжников, древняя твердыня Сумеречников, стояла на меже четырёх стран: солнечной Сальвани на юго-западе, богатой Норикии на северо-западе, непомерной Веломовии на северо-востоке, и диковинного Элама на юго-востоке. Отец привёз сюда Жерарда, когда ему исполнилось восемь. Устроил в грамматическую школу и вернулся поправлять дела в имении. Сколько раз Жерард просил их с матерью уехать из пчелиного улья! Но они не хотели бросать любимую страну и народ — неблагодарный сброд, который давно от них отвернулся.

Отец был слишком добрым к простолюдинам: принимал в любое время, не требовал платы за лечение, делился запасами в голодные годы. Безумная чернь не вспомнила о его благодеяниях, когда ворвалась в имение и порезала всех без разбора, только за то, что над входом в ветхий дом висел герб Сумеречников. Фанатики подпалили Констани. В засушливое летнее время ветер разнёс огонь до самого побережья, выжег город и близлежащие земли дотла.

Известие о гибели родителей пришло перед поступлением в Университет. Оно не убило, наоборот, сделало сильнее, помогло получить высший балл по всем испытаниям и открыть путь в вожделенный мир книжников. Мир, где сосредоточены золото и власть. Если пробраться на верхушку, можно ещё что-то изменить. Орден бездействует: пускай Сальвани сама решает свои проблемы, Сумеречники не станут поднимать оружие против собратьев — людей. Седобородые старики из Малого Совета хоть раз видели, каким злым огнём горят глаза единоверческих фанатиков? Не люди они, демоны, демонами одержимые!

К двадцати шести годам Жерард обзавёлся почётным местом в круге книжников, докторской степенью в области мистицизма и собственной, пускай и небольшой, лабораторией. Недавно Дюран, руководитель кафедры Мистических возможностей одарённого разума, подал в отставку и предложил своё место в обмен на женитьбу на его дочери. Жерард интересовался женщинами, только чтобы снять напряжение, о женитьбе и вовсе не помышлял. За женой надо ухаживать, а времени нет. Но ради должности и места в Большом Совете он бы смог. Амбициозный замысел требовал этого.

Вот бы ещё получить доступ к одержимым. Год назад из Муспельсхейма вернулся сильно поредевший отряд. Шутка ли, искали источник выдумки единоверцев, а угодили в западню — подцепили демоническую заразу, которая выкосила всех, кроме троих телепатов,

Трюдо, Масферса и Рата. Подозрительно было уже то, что они, не отдохнув ни дня, потребовали созвать Большой Совет.

Людей тогда собралось тьма — в городе только и было разговоров, что про это заседание. Жерард частенько посещал их без права голоса — в его чине это не возбранялось. Сидел на трибунах рядом с заклятым другом, авалорским маршалом Гэвином Комри. «Некоронованный король» величали его высокие лорды за то, что ни перед кем не гнул спину, повиновался лишь собственной воле и даже с Архимагистром держался на равных. Впрочем, с низшими чинами он тоже нос не задирает, с Жерардом разговаривал открыто, спорил на диспутах так, как не умели даже седые мэтры.

В этот день Гэвин был необычайно сосредоточен: стучали друг об друга семена лотоса в привезённых с востока чётках, синие глаза потемнели и смотрели пронзительно цепко. Телекинетические волны расходились во все стороны так, что звенело в голове. У «короля» даже дар королевский — усмехались за спиной Гэвина. И пользовался он своими способностями так ловко, как мало кто умел. Не зря же его предки считались сподвижниками Безликого, основателя ордена. По легенде бог поделился с ними могуществом и мудростью, оставив в знак признательности таинственный дар, который Комри передавали от отца к сыну и хранили от посторонних. Спросить бы, да Гэвин ответит так, что не поймёшь, всерьёз он или шутит.

— В заброшенном храме Небесного Повелителя нам открылась истина — нет бога, кроме Единого. В нём спасение не только для ордена, но и для всех людей Мидгарда! — вещал с помоста капитан Рат. — Мы — его посланники и несём его волю вам. Присягните ему, и будете спасены, когда мы приведём его на бrenную землю.

Жерард знал Рата с выпускных испытаний, когда тот в качестве независимого наблюдателя задавал каверзные вопросы. Тогда он казался здравомыслящим, даже умным, насколько умны могут быть рыцари. Сейчас же изменились его глаза: из тепло-карих они стали пугающе разноцветными — один голубой, другой зелёный. Последствия муспельсхеймской заразы.

Бусины замерли, стих назойливый стук. Гэвин вытянулся струной. Его ноздри затрепетали, будто к чему-то принюхиваясь. Он подскочил и вскинул руку. С пальцев сорвался сгусток воздуха и с гулом врезался в телепатов на помосте, опережая голос:

— Внушение! Они нарушили клятву. Это одержимость!

Телепаты упали, придавленные воздушной глыбой. Остальные не могли пошевелиться, как увязнувшие в паутине мухи. Вспышка высветила раскинутую повсюду сеть внушения, сгустки воздуха сыпались на неё градом, разрывая на ошмётки и дробя, высвобождая людей от гипноза. Гэвин стоял недвижно, сияющий синевой разросшейся ауры, с вытянутой вперёд рукой, как маяк посреди бушующего моря.

Толпа заворошилась: вскакивали, кричали, стражники бежали к помосту, бряцая оружием. Скрутили всех троих, пока те не успели очухаться.

— Ты будешь гореть за это! — сплюнул Рат на полу белого плаща Гэвина, когда одержимые прошли мимо. Маршал проводил их мрачным взглядом. Нестерпимо хотелось прочесть его мысли, мысли того, кто для всех оставался загадкой.

Телепатов допрашивали опытейшие дознаватели ордена, осматривали лучшие целители, изучали самые начитанные книжники. Никаких ответов, никаких следов одержимости и нарушений в ауре, кроме разноцветных глаз и истовой веры в Единого, хотя прежде они даже в божественности Безликого сомневались. Хоть и косвенно, но это

доказывало связь единоверцев с демонами.

Жаль, опасность оценить смог лишь Гэвин. Цитировал самые жуткие места из Кодекса ордена и требовал, чтобы от одержимых избавились. Демоны бы побрали его правильность. Ему самому-то место в Большом Совете досталось только за принадлежность к древнейшему роду — ещё большее нарушение Кодекса!

Почему они оказались по разные стороны баррикад, ведь цель у них одна — защитить орден. Защитить людей — так поправил его Гэвин, такой же романтичный дурень, как отец. Жерард обязан спасти его и всех недалёковидных дурней.

Чтобы увериться в правильности пути, нужно получить последний знак — имя и лицо. Если не выйдет, можно не мучиться: корпеть в лаборатории над новыми медитативными практиками, а то и вовсе отойти в опиумные грёзы.

Именно в грёзах Жерард отыскал первый знак, в Сальвани, сказочной стране своего детства, где нет снега и небо не бывает серым. Ему было пять. Тогда он впервые увидел единоверцев. Отец вызвался посмотреть больных и взял в их лагерь Жерарда, чтобы приучать к ремеслу целителя.

В аскетичных серых хламидах единоверцы походили на длинноногих цапель. Измождённые, с мрачными до костей обветренными лицами. Разбитые губы шептали молитвы. Запах немых тел вызывал дурноту. Враждебные взгляды пугали, но отец их не замечал до тех пор, пока у него на руках не умерла изуродованная оспинами женщина. Тогда в него полетели камни.

Булыжник чиркнул Жерарда по виску, лишив чувств, но открыл нечто невероятное внутри самого себя. Он был душой огня, бежал по залитым солнечным светом улицам Констаны к фонтану посреди главной площади.

В искристых брызгах танцевали духи, нагие, бесполое, идеальные в своей непорочной чистоте. Ни одной эмоции не выражали ни лица, ни движения, ни голоса, которыми они изрекали волю мироздания. Духи воды, земли и воздуха вещали о том, как спастись от единоверческой саранчи с юга. Парки: Нона, Децима, Морта. Мойры: Клота, Лахесис Антропос. Норны: Урд, Верданди, Скульд. Он сам, Жерард Паредда, сын сальванийского целителя и норикийской леди из ордена Сумеречников, Дух огненный, центр и источник, повелевающий голосами. Вершитель судеб мира.

Жерард очнулся дома от прикосновений материнских рук. Всё обошлось: единоверцы сами перепугались, когда господин Сумеречник пронёс через лагерь ребёнка с разбитой головой. Нападать больше не пытались.

После, замкнутый и молчаливый, Жерард часто садился в тени смоковницы в саду и размышлял. Единоверцы — чума для всего Мидгарда, они устроят светопреставление, которым его пугала старая нянька. Чтобы их остановить, Жерард обязан воплотить свой сон в жизнь — построить фонтан, найти трёх Норн, что слышат волю богов, и самому стать Духом огненным. Ради этого он постигал науки, ради этого готов был пойти на всё.

Эта жажда и гнала его в разгар ненастья в ненавистную часть города, обиталище черни. Второй год он ходил туда, рискуя потерять место в кругу книжников и даже честь Сумеречника.

Холод пробирал до костей. Жерард плотней запахнул промокший и отяжелевший плащ, под которым прятал чёрную мантию книжника. Надвинул капюшон на лицо, хотя ночная темень и так скрывала внешность. Из подворотни вылез крупный детина с внушительным ножом. Не раздумывая, Жерард ударил его тростью. Выдвинулось потайное лезвие и с

хрустом пронзило плоть. Лучший оружейник Эскендерии не подвёл — грабитель рухнул в лужу. Жерард переступил через него, гоня мысли прочь.

Кое-каким приёмам он обучился из древних, запрещённых трактатов, кое-что слышал от восточных мудрецов, но до цельной гипотезы дошёл сам: если не думать, что причинил вред, ничего с целительским даром не случится. Медитациями, дисциплиной ума и тела можно очиститься от сомнений. Выдворяя чувство вины на самое дно, а оттуда прочь из души, ты становишься осколком льда, холодным и прозрачным. Любая эмоция отскакивает от гладкой поверхности. Не оглядываясь на тех, кто остаётся за спиной, ты идёшь на ослепительный свет далёкой цели. Только она и существует в падшем в бездну безверия и хаоса мире. Мире, который молит о спасении! Главное — не потерять рассудок.

Прятавшиеся под скатами крыш бродяги, мокрые и растрёпанные, как воробьи по весне, провожали любопытными взглядами. Они слишком трусливы, чтобы донести в орден. Да и сколько здесь встречалось кутающихся в плащи людей? Магистры и студиозусы из семей побогаче, ясновидцы и медиумы — все направлялись в «Кашатри дэи». Небольшая питейная, которую держали переселенцы из Поднебесной, ютилась в нищей части города, как можно дальше от дозоров. Здесь подавали напитки из аниса и риса, от которых сметало с ног после первого глотка, курили опий, а некоторым, по знакомству и за щедрое вознаграждение, могли предложить нечто особенное.

За поворотом показалась неприметная дверь без вывески. Условленный стук: три коротких удара, один длинный. Отворил шкафообразный громила, окинул улицу придирчивым взглядом и пропустил Жерарда внутрь. Дохнуло едким дымом. В горле запершило, глаза заслезились, с трудом привыкая к тусклому свету. За низенькими столиками на устланном коврами полу сидели вельможи, купцы и спитая до черноты беднота, раздобывшая где-то денег. Вокруг суетились подавальщицы с узкими восточными глазами и оголённой грудью. У посетителей не хватало сил даже на приставания — они лишь смотрели.

К гостям, укутанным в дорогие плащи, относились с большим почтением. Подбежал расторопный распорядитель с зализанными назад короткими волосами, косоглазый, как и все местные работники. Отвёл в кабинку, отделённую от остального помещения непроницаемыми гардинами, и ушёл за хозяином. Жерард скинул плащ и развалился на подушках возле медной курильницы, которая служила ещё и светильником. Огонь в ней дрогнул, когда между гардинами показалась лысая голова Джанджи Бонга, хозяина.

— Доктор Пареда, весьма рад! Давненько вас не было, — улыбнулся и вошёл внутрь. Он едва доставал Жерарду до плеча, поэтому даже голову под низким пологом пригибать не пришлось. — Вам как обычно?

Жерард протянул ему клочок бумаги. Бонг опустился рядом, достал из-за пояса увеличительное стекло и поднёс записку к огню.

— Вы решили свести счёты с жизнью? — тонкие брови поползли кверху. — Не в моём заведении. Если тут обнаружат ваш труп, никакие взятки меня не спасут. Я не хочу болтаться в петле, как другие кабатчики.

Бонг всегда был непрост. Целитель, как и Жерард, разве что дар слабый, истраченный на глупость. С родины Бонга вышвырнули за продажу опиума, кампалы и прочих запрещённых снадобий, к которым люди быстро пристращались. В Эскендерии он стал осторожнее, а после гонений на собратьев по цеху — накачавшихся до остановки сердца кампалой студиозов и магистров находили тут часто — дул даже на воду. Ледяную.

— Я рассчитал дозу до грамма. Прошло достаточно времени с предыдущего сеанса. Моё тело восстановилось, но не отвыкло от нагрузок. Всё получится.

Жерард умел говорить вкрадчиво и красноречиво, так, чтобы ему верили, какие бы безумства он ни предлагал. Он не был рождён с этим даром, но освоил некоторые приёмы телепатии. Мало кто знал, что большинством ментальных техник можно овладеть, не имея родового дара — достаточно поставить цель и упорно к ней идти. На всё у Жерарда времени не хватало, но необходимое для работы он изучил досконально и тренировал каждый день.

— Но вы ведь не медиум и даже не ясновидец.

— Все мы немного пророки, особенно сейчас, в преддверии конца. — Жерард вынул из-за пазухи бумагу: — Вот мои заверения, подписанные в присутствии шести свидетелей. Если со мной что-то случится, ты и твоё заведение освобождаетесь от ответственности. Бери, не бойся. Когда-нибудь люди ещё помянут кабатчика Бонга, который помог Сумеречникам достучаться до богов.

Бонг тяжело вздохнул. Его слабое место — тщеславие и жажда золота. Жерард вложил в руку кабатчика увесистый кошель. Бонг развязал тесёмки, присвистнув, кивнул и ушёл.

Ожидание продлилось около получаса. Формула была сложная, как и само действие. Время Жерард коротал, мысленно расслабляясь и очищаясь. За день до этого ничего не ел, пил только родниковую воду, не проявлял эмоций, не перегружался чрезмерно. На этот раз должно получиться!

Бонг вернулся с длинной красной трубкой в виде головы демона из Поднебесной, который прирастил людей к опиуму, и тремя кульками со смесями курительных трав.

— Мне остаться?

Жерард качнул головой:

— Возвращайся через два часа, а до этого не тревожь.

— Дело ваше, — Бонг махнул рукой и вышел.

Жерард набил трубку опиумной смесью из первого кулька и подпалил. Деревянный край коснулся губ. Долгая затяжка — сладковатый дым защекотал гортань. Из головы демона вырвались кольца. Тело расслаблялось. Мысли истирались, наступало блаженное безмолвие: ни тревог, ни чувств, ни движений.

В ход пошёл второй кулёк с кампальной смесью. Нёбо обварило горечью. Пустой холст внутри головы взорвался радужными переливами, они кружились, вспыхивали, перетекали из одной формы в другую. После третьей затяжки послышалась небесная музыка. Жерард воспарил над миром и созерцал его сверху во всей многогранной сложности. Не размышлял, просто смотрел, как извергаются вулканы, как катятся к океану бурные реки, как зимний холод сменяется весенним цветением и летним зноем, как летят куда-то журавли.

Жерард выдернул себя из забытья и раскрыл третий кулёк, самый дорогой. Бельбельник, волчья трава, южная мерваля, болиголов и щепотка порошка из сушёных плодов вершки — очень редкого дерева сновидений из пустыни Балез Рухез. Жерард не ощущал вкуса. Мыслями он уносился всё дальше, на юг, в детство. Веки смежились.

Раскалённая мостовая обжигала пятки, горячий воздух трепетал, Жерарду снова было пять. Он вернулся в свой сон в Констане. В руках — сачок для ловли бабочек. На низенькой крыше глинобитного дома, дразнясь, каркнул ворон. Жерард взмахнул сачком, но не достал. Птица перелетела на соседнюю крышу.

Почему нужно делать это в детском теле с одним сачком в руках?! Изловить земляную черепаху было куда проще. Вот с карпами пришлось повозиться — они никак не хотели

клевать на бамбуковую удочку, а строптивый чёрный самец с белым глазом и вовсе порвал леску. Правда, сдался сам, когда его белая подружка попала на крючок. Ворон же уходил от Жерарда добрую сотню раз. После прошлой попытки он едва проснулся. Несколько месяцев ушло на то, чтобы восстановить здоровье и подготовиться к новому путешествию, последнему.

Жерард полез на крышу, ругая неловкое детское тело. Разбежался и перепрыгнул на соседнюю, где сидел ворон. Тот подождал, пока он не замахнётся, и упорхнул, чтобы дразнить уже со следующего дома. Жерард стиснул зубы и побежал, гремя черепицей. Раньше он иногда срывался и падал, а потом наяву залечивал ушибы и ссадины. Сейчас обвыкся, доза стала сильнее, Жерард управлял почти всем.

Он перелетал с одной крыши на другую. На хлипких бамбуковых конструкциях, покрытых соломой, приходилось замедляться и быть осторожней. Считать вдохи, сосредотачиваться на каждом движении. Не падать. Не позволять хитрой птице заманить себя в ловушку.

Жерард замер перед зданием на этаж выше соседних. Ворон был там.

С тихим шорохом взметнулась маленькая тень и опустилась рядом. Кот, он снова здесь. Он следил за Жерардом с первого возвращения в сон. Тощая рыжая бестия с белым пятном на всю морду, похожим на маску, прожигала синими глазами. В мире сновидений законы бодрствующего мира не действовали: кот умел летать без крыльев. Он вызывал чувства: негодование и ярость. Хотелось схватить палку, несколькими ударами переломить ему хребет и слушать предсмертные хрипы. Никогда прежде Жерард не ощущал ничего настолько нерационального.

От презрительного кошачьего взгляда поднялась волна злобы. Ноги отяжелели, голова загудела — вот-вот выбросит из сна. Продержаться удалось совсем мало! Жерард закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов. Забыть о коте! Он ничего не значит, нужен ворон. Сегодня либо он, либо Жерард.

Он открыл глаза. Кот напряжился и взмыл в небо, расправив передние лапы, как крылья. Летел, выше и выше, пока не приземлился на черепичный край крыши самого высокого дома. Посмотрел оттуда, бросая вызов.

Жерард зажал в зубах сачок и набрал в грудь побольше воздуха. Раз кот смог, то и ему — раз плюнуть! Подпрыгнул, потянулся вверх, руками отталкиваясь от воздуха, как если бы тот был твёрдым. Выше, выше, ещё чуть-чуть! Пальцы вцепились в край крыши. Взгляд скользнул вниз — три этажа. Если сорвётся, кости не соберёт. Жерард отбросил предательские мысли и подтянулся из последних сил. Хорошо, что сачок не уронил! Ворон сидел рядом и смотрел. Устало, обречённо, почти по-человечьи. Будто ребёнок молил жестокосердного родителя отпустить его. Жерард прогнал и эти мысли.

Небесный Повелитель играет со мной!

Сачок взлетел и опустился, ничего не поймав. Быстрее! Жерард выжимал из себя всю скорость и мощь, на какую был способен. Ещё взмах, и ещё, на самом краю. Птица запуталась в сетке, Жерард перехватил её ладонью. Ноги соскользнули, незакреплённая черепица обломалась, и Жерард полетел вниз.

От удара о мостовую вышибло дух. Боль туманила, спешила вернуть испуганное сознание обратно в тело. Нет, только не сейчас! Вдох-выдох.

Боль — это смерть, я не чувствую боли.

Я пройду сквозь неё и сам стану болью.

Она растворится и исчезнет, а я останусь.

— Я останусь!

Жерард выкрикнул последнюю строчку литании и с кряхтением поднялся, сжимая ворона в кулаке. Птица рвалась и клевала руки. Жерард похромал к фонтану, который пришёл сюда за своим хозяином, Духом огненным.

— Покажи её! — он вытянул птицу над водой, будто собирался утопить.

Ворон жалостливо каркнул. Ему вторило угрожающее шипение. Жерард обернулся и встретился взглядом с хищными синими глазами. Озарило. Всё это время он охотился не за тем! Как ни странно, тотем Небесного Повелителя — кот, а вовсе не птица. Вот уж истинно говорят, неисповедимы пути богов.

— Покажи её, иначе я сверну ему шею!

Он положил окровавленную руку на голову ворона. Кот рыкнул, зашипела вода. Жерард обернулся к фонтану. Неужели?!

Он выпустил потрёпанную птицу и окунул руки в воду по плечи. Иди ко мне, родная! Она доверчиво скользнула в ладони. Показалась голова: по-мальчишечьи короткие светлые волосы, измождённое личико с заострившимися от худобы скулами, обветренные губы. Распахнулись огромные небесно-голубые глаза. Она прошептала:

— Свобода!

— Доктор Пареда!

Тормошили за рукав. В нос ударил запах крепкой настойки. Предметы медленно обретали очертания вместе с сокрушительной болью.

— Хвала богам, он очнулся! — охнул кто-то знакомый.

— Всё в порядке! — отмахнулся Жерард, но от боли чуть не вытошнило.

— Осторожно, у вас вывихнуто колено и, возможно, сломано запястье, — остановил его Бержедон, престарелый помощник. Неплохой целитель — плохих Жерард не держал. Дёрнул за ногу, вправляя сустав, и обвязал вокруг него палки.

Бонг стоял между гардинами, сложив руки на груди.

— Рамиро! — позвал Жерард.

Второй помощник, молодой и энергичный, самый доверенный человек во всём ордене — вот кто был нужен сейчас. На плечи легли тяжёлые руки.

— Я здесь.

— Скажи старику Дюрану, что я возьму в жёны его дочь и приму должность. Мне был знак. Нужно искать девушек: пышную южанку с именем «Цвет весны», изящную островитянку-танцовщицу с именем «Око бури» и тощую северянку-странницу с именем «Свобода». Мы построим фонтан, и Норны заговорят. Они приведут к нам богов, и мир будет спасён!

Присутствующие кивнули, подхватили Жерарда под руки и потащили на улицу. Нужно было опередить утренние патрули.

Бонг хмуро наблюдал, как они скрылись за углом улицы. Из подворотни выглянул тощий рыжий кот с белой мордой. Бонг поднял его на руки и прижал к груди.

— Невежество — твой удел, Жерард, — прошептал один из них.

Глава 2. Одержимые

В степях холодало. Близился Самайн, год подходил к концу, как и наше путешествие. Весной мы выехали из Урсалии на севере, где я рассталась с братом-близнецом Вейасом. Он заполучил клыки демона-вэса как трофей и вернулся в Ильзар, замок нашего отца, лорда Веломри, чтобы стать рыцарем ордена Сумеречников.

Мне же, после того как мой жених испугался пленившего меня демона-Странника и сбежал, возвращаться не захотелось. Я выбрала нетореную тропу, по которой хаживал разве что Безликий, чтобы отыскать новую судьбу для себя и для всего мира, как бы глупо это ни звучало.

— Лайсве! — мягко коснулся моей руки Микаш.

Раньше этот безродный телепат служил моему жениху и надеялся поступить в орден, но расстался с наивными мечтами, чтобы спасти меня от Странника. После он согласился сопровождать меня, куда бы ни лежал мой путь. Мы долго не могли найти общий язык. Микаш прятал свои чувства ко мне за грубой язвительностью, я бесилась и обижалась. Но одолев все тяготы этой дороги вместе, мы незаметно сдружились. Что-то роднило меня, тощую и почти прозрачную, с ним, высоким и могучим.

Микаш ехал на огромном вороном жеребце Беркуте, под стать его росту и размаху плеч. Мне же достался коренастый серый мерин Лютик. Наши лошади тоже сдружились и жались боками так, что мы едва не задевали друг друга коленями.

— Всё хорошо? — заботливо поинтересовался Микаш.

Я кивнула, разглядывая своё отражение в его глазах цвета колкого серого льда. Измождённое обветренное лицо, обрамлённое растрепавшимися на ветру короткими почти седыми прядями — в дороге я носила мужскую одежду. Совсем непохожа на дочь лорда.

Мы двигались вдоль побережья Западного океана на юг к Эскендерии. Мне было ниспослано видение, что в этом городе книжников меня ждёт Дух огненный. Он поможет возродить Безликого, моего дорожайшего друга с детских лет. Ещё одна безумная мечта потерянной девчонки.

Древний Южный тракт, самый большой в Мидгарде, был совсем не таким пустынным, как показалось вначале. Со стороны Сальвани по нему без конца катили подводы, нагруженные пожитками до просевшего дна. Встречались и разбойники, которые отнимали последние крохи у ободранных беженцев и бродяг. Даже к нам, несмотря на притороченные к сёдлам мечи, сунулись с угрозами. Микаш не спешил: стискивал головы грабителей телепатическими клещами, те падали навзничь и дёргались, как опрокинутые жуки. Мы ехали дальше, разбойники выкрикивали в спины проклятья, но не преследовали.

Такая жестокость не давала мне покоя:

— Зачем так грубо?

— Припугнуть лучше, чем сражаться. Разбойники как гидры: с одной бандой разберёшься, ещё дюжина появится. В нынешние времена многие на лихую сторону подаются. Непостижимое их пугает. Люди считают, что смерть от наших способностей страшнее, чем смерть в петле. Маленькая демонстрация — к нам больше не сунутся и товарищей предостерегут.

Иногда Микаш пускался в долгие размышления, словно стремился восполнить время,

когда служил моему жениху и не мог вставить и слова, выслушивая череду оскорблений. Раньше я выпадала на третьей его фразе и только поддакивала, но теперь притворяться опостылело. Я коснулась его руки. Микаш замолчал и вскинул бровь. Я улыбнулась, он улыбнулся в ответ и больше не занудствовал. Хотелось заглянуть в недра его души, чтобы понять, так же ему теперь легко со мной, как и мне с ним.

Солнце кренилось ко сну. Эскендерия вырисовалась на горизонте причудливым силуэтом. Отливающие желтизной башни венчала кроваво-алая черепица. Седыми струями устремлялся в небо дым из чёрных труб. Горели в закатных лучах купола храмов, пронзали небо островерхие шпили, тёмными громадинами довлели дворцы. Самый большой город, что я когда-либо видела. Только Констани, столица Сальвани, могла поспорить с Эскендерией в размерах и роскоши, но её сожгли единоверцы. Теперь городу книжников уподоблялись разве что столица соседней богатой Норикии — Дюарль, и древняя твердыня священного острова Авалор — Ловонид. Первую мы объехали стороной, а во вторую можно было добраться только по морю, но денег нанять судно у нас не осталось.

На версту от городской стены раскинулся лагерь беженцев: палатки, костры и перевёрнутые днищем телеги. Пропускать не хотели, смотрели косо, а то и бранились непристойно. Только внушительные размеры Беркута и притороченный к поясу Микаша меч помогли прорваться сквозь толпу.

Двустворчатые ворота из красного дерева украшал герб города — открытая книга с вложенным в неё мечом. По обе стороны стрельчатой арки, украшенной каменным кружевом, стояли стражники. Тонкую кольчугу скрывало бело-зелёное сюрко с тем же гербом. Завидев нас, они скрестили алебарды.

— Город закрыт, — объявил один из них.

— Пару минут ещё осталось, — я махнула рукой на запад.

Посверкивая последними багровыми лучами, там пряталось пугливое осеннее светило.

— Город и днём закрыт, только торговцев на рынок пускаем по особым грамотам, — ответил второй стражник.

— Но мы из знатного рода Сумеречников, — они окинули меня придирчивым взглядом. Я закашлялась. Микаш потянул из-за пазухи серебряную подвеску в виде голубки с мечом в клюве. Брат оставил мне наш родовой знак перед тем, как сбежать. — То есть он из высокого, а я оруженосец, — Микаш-то на рыцаря похож гораздо больше меня. — Мы хотим попасть в Круг книжников. Именем Безликого, пропустите!

— Сумеречников тоже пускать не велено, тем более непосвящённых, — поддержал второго первый стражник. — Нужно дозволение с печатью и подписью одного из членов Большого Совета. Можете его предъявить?

Мы покачали головами.

— Значит, дожидайтесь вместе со всеми, когда город откроют либо отправляйте прошение в Совет. Нет грамоты — нет прохода.

Он развёл руками. С языка уже срывалось что-то хлёсткое, но вмешался Микаш со своей похожей на оскал улыбкой:

— Благодарю за подробные разъяснения. Мы непременно так и поступим. Бывайте!

Он немного склонил голову и приложил пальцы к виску.

— Бывайте, досточтимый мастер Сумеречник, — хором отсалютовали стражники.

Микаш умел напускать на себя полный высокомерного достоинства вид, но большую часть времени сутулился и косолапил, словно пытался стать незаметным, что при его росте

выглядело несуразно. Он поехал прочь, пришлось поторапливаться следом.

— Почему ты не дал мне сказать?! — возмутилась я.

— Они бы не пропустили. У них строгий приказ, за исполнение которого они отвечают головой. Лучше не привлекать внимания. Или ты жаждешь раскрыть свою маскировку?

Я задумчиво качнула головой.

Хотелось убраться подальше от запаха чужих костров и грязных тел, расспросов и враждебности, но повсюду было некуда плюнуть от кибиток беженцев. Мы ехали вдоль мощных внешних стен, которые тянулись за горизонт. Сложенные из массивного серого камня, саженой шесть-семь в высоту, они щетинились зубцами, с машикулями, бойницами и сторожевыми башнями через каждые две дюжины саженой. Непрístupная. Ни одна армия, ни людей, ни демонов не смогла её осадить за полторы тысячи лет. Впрочем, воевать с Сумеречниками на их вотчине никто не отваживался до недавнего времени.

Только у противоположной стороны стены отыскался свободный от беженцев клочок земли.

— Как думаешь? — спросил Микаш.

Неподалёку качались на ветру тёмные силуэты деревьев. Странно, повсюду голая степь, только кустарники попадались изредка. А это, похоже, вязы, посаженные ровной линией. Между ними проглядывали стёсанные полукругом каменные плиты.

— Старое кладбище. Про него какая-то легенда была, не помню, — ответила я. — Проклятое место, дурная слава...

— Страшное непостижимое. Не боишься? — он усмехнулся, припоминая нашу встречу с демоном-пересмешницей. Впрочем, ему и самому тогда знатно досталось. Теперь он вёз её косу в сумке как трофеей.

— Было бы чего. Мы же не медиумы.

Мы расседлали лошадей, развели костёр и приладили над ним закопчённый котёл с жидкой овсяной похлёбкой пополам с дорожной пылью. Быстро, если дружно.

— Что дальше? — поинтересовалась я, грея ладони о миску с едой.

Трещали смолистые дрова, летели в стороны искры, дым горчил и щекотал ноздри.

— Подождём до утра, ты ведь никуда не спешишь?

Микаш взлохматил пятерней и без того всколоченные волосы. Цвета соломы, они и на ощупь были такие же жёсткие и даже пахли похоже.

Я покачала головой.

— Тогда ешь. Возможностей море. Договоримся с купцами, чтобы провезли нас под видом товара, подделаем грамоту, спишемся с кем-нибудь из Совета или отыщем подземный ход. В такой стене они должны быть на случай, если жителям придётся бежать.

— Я что-то слышала об этом, — лениво набрала ложку похлёбки и запустила в рот.

Еда становилась комом и не лезла в горло, но Микаш следил. Его вечно беспокоила моя худоба, а уверения, что я ем ровно столько, сколько хочу, его не успокаивали. Приходилось впихивать в себя через силу.

— Думаешь, получится?

— Мы прошли лабиринт Хельхейма. Что нам городская стена? — хорохорился он. — Да хоть на осадных кошках переберёмся!

Я слабо улыбнулась, но на сердце легла стопудовая тяжесть:

— Значит, скоро придётся расстаться. Куда ты потом?

— Может, тоже здесь осяду. Отыщу ремесло в городе: у кузнеца или у плотника. Буду

навещать тебя в свободное время. Книжники ведь это разрешают?

— Не знаю, — я повела плечами. — А как же охота на демонов? Ты же так мечтал.

— Это уже никому не нужно, сама видишь, — Микаш кивнул в сторону огоньков от костров беженцев. — Все заняты войной друг с другом. До демонов никому и дела нет.

— Как глупо. Люди не должны сражаться друг с другом. Разве они не понимают, что делают себя уязвимыми?

— Недовольство назревало давно. Сумеречники стали жадными, закрылись в замках, занимались тёмными делишками, пеклись только о своих интересах. Они должны пойти на уступки, реформировать старый уклад, точнее, вернуться к тому, что был заложен Кодексом, искать поддержку у королей и знати, открыть хотя бы часть секретов.

Не удивительно, что он симпатизировал бунтовщикам — самому сильно досталось от рыцарей несмотря даже на его родовой дар.

— Принимать на службу простолюдинов наравне с высокородными?

— Как вариант. Приток свежей крови — не так уж плохо, согласишься? — я фыркнула, но он не обратил внимания. — Но они слишком гордые. Если единоверцы победят, то на Сумеречников начнут охотиться, как на демонов. Не при нас, конечно, но при наших детях — точно.

Конец света, который должен остановить Безликий? Звучит ещё бредовой, чем победа селян в битве с рыцарями.

— Но если ордена не станет, кто тогда будет сражаться с демонами?

— Они станут сказкой. Они и сейчас для многих сказка. До нашествия Странников на моё село я не верил, а потом как будто прозрел. Иногда думаю, что зря, — он отложил опустевшую миску и откинулся на локти, глядя в ночное небо. — Жизнь была бы намного проще без этого.

— Бессмысленной?

— Наверное. Я уже забыл, но у меня будет шанс вспомнить. Как думаешь, смогу?

Я усмехнулась и покачала головой.

— Я всё равно попробую. Но ты ведь не забудешь меня настоящего? Подвиги Великого Микаша, м? — Он достал меч из ножен и повернулся в профиль, будто позируя для бюста.

— Такое забудешь, как же, — я прыснула в кулак.

На его лице зеркально отразилась моя тоска.

— Я буду помнить, — добавила я.

Вдоволь налюбовавшись на Хребет ночи в звёздном южном небе, мы улеглись спать.

Через несколько часов я проснулась от тревоги. Словно кто-то бродил вокруг, высматривал, склонялся над нами и пытался высосать дыхание. А всё дурацкие разговоры перед сном! Раньше я бегала к отцу в такие моменты, но детство давно закончилось. Мне уже семнадцать.

Я открыла глаза. Воображение составляло искажённые в темноте очертания предметов в жуткие картины: ощерившиеся пасти клыкастых монстров, когтистые лапы. Я гнала от себя кошмары, вспоминала то, что довелось пережить. Смерть, даже смерть от демонов — это не страшно. Все когда-нибудь умирают. Раньше или позже — не важно. Бояться нечего.

Уговорить себя не получалось. Стоило закрыть глаза, как наваждение продолжалось. Я глотнула воды из фляги и выскользнула из объятий Микаша. Нужно размять ноги. Старый сон уйдёт, придёт новый, лучший.

Безветренно, как перед бурей, небо заволочли тучи, скрыв звёзды и луну. Я спотыкалась

на кочках, но всё равно брела на завораживающий зов. Кто-то был там впереди, не чужаки, которые не верят в нас и не видят мира демонов, а наши, Сумеречники.

— Чего ждём? Давно пора уходить! — раздался басовитый голос.

Сомнамбулический бред оборвался, будто я упала в ледяную воду. Это патруль. По дороге сюда мы ни разу на них не нарывались — видимо, все силы ордена отправились на юг. Я сжала в ладони амулет Кишно, скрывающий ауру. Он ведь даже Микаша не провёл, только для тупых подручных моего жениха стоился. Я, крадучись, пошла обратно.

— Там! — раздался ещё один голос, более высокий. — Эй, стой!

Не успела я сделать и двух шагов, как на плечо легла тяжёлая рука. Вдох-выдох. Мне нечего скрывать. Я обернулась. Передо мной стояли трое, в темноте удалось разобрать только очертания плотных плащей и притороченные к поясам мечи.

— Доброй ночи, господа Сумеречники. Как служба? — я улыбнулась. Понимала, что в не видно, но всё же...

— Идёт, — радушно ответил тот, кто держал меня за плечо. Средний по росту и по возрасту, похоже, тоже. Второй старик, хрупкий и невысокий. Третий молодой и крупный. Все сильные телепаты, судя по ярким голубым прожилкам в аурах. — Что вы здесь делаете?

— То же, что все — хотим попасть в город, — я пожала плечами. — Мы что-то нарушили? Здесь нельзя находиться? Мы не знали, можем уйти. С остальными нам неудобно, вы же понимаете.

Говоривший внимательно меня разглядывал, будто что-то видел во мраке, кроме аур. Остальные нетерпеливо переминались с ноги на ногу, но молчали. По-моему, он тут главный.

— Мы не патруль, — ответил он. — Обычные рыцари. Возвращались из похода и отстали от отряда. Ждём утра, чтобы войти. Не пригласите к костру? Мы весь день ехали и очень устали.

Не хотелось задерживаться с ними надолго, но отказ бы вызвал подозрения.

— Конечно.

Я повела их в лагерь, ориентируясь на трепещущий отсвет костра. Микаш проснулся и подкладывал поленья в огонь.

— Зачем ушёл? — сказал он, заметив гостей.

— Не спалось, — я пропустила троицу к костру.

Они назвали свои имена, но те не задержались в памяти. Мы тоже представились. Я предложила перекусить. Рыцари были изможденнее нас с Микашем, тощие, с чёрными, непроглядными даже в свете пламени лицами.

— Мы северяне, из западных пределов Веломовии. А вы? — поинтересовалась я.

— С юга, из Муспельсхейма, — ответил предводитель.

Микаш и остальные рыцари отмалчивались. На моего товарища, видно, снова накатила хандра, и он безучастно смотрел мимо. А вот молчание Сумеречников настораживало.

— Так вам посчастливилось увидеть колыбель людей? — притворяться радушной стало проще, когда подключилось любопытство.

— О да! И кладбище слонов, и наскальные рисунки, и непроходимые джунгли, и заброшенные храмы, и бездна созданий, демонических и обычных, названий которых нет в нашем языке. Удивительное место! — предводитель присмотрелся ко мне и, улыбаясь, спросил: — Хочешь там побывать?

Я пожала плечами. Не хвастать же, что я видела ледяную пустыню Хельхейма.

— Может, но не сейчас. Нам надо в город.

— А что там, в городе? На севере полно городов ничуть не хуже, более спокойных и, главное, открытых.

— Мы только что прошли испытание. — Что за навязчивый интерес? — Хотим попасть в Университет.

— Тогда вы опоздали — вступительные испытания уже три месяца как закончились.

— Нас ждёт один человек. — Странные они. И не выгонишь — чего доброго донесут.

— Кто он? — не унимался предводитель.

— Я не знаю его имени и как он выглядит, но когда увижу, пойму, что это он.

— Так может это кто-то из нас? Посмотри внимательней! — предводитель распахнул своих клюющих носом товарищей.

— Не думаю, что стоит... — пробормотал старик, но осекся, схлопотав недовольный взгляд от предводителя.

Я пыталась унять тревогу и раздражение, но они только усиливались, словно запутавшийся в волосах ветер шептал: «Опасность!»

— Нет, это не вы, — я перевела взгляд на Микаша в поисках поддержки.

Он вцепился в эфес меча.

— Жаль, — печально вздохнул предводитель. — Но должны же мы отблагодарить вас за помощь. Чего вы хотите? Попасть в город?

— Нет, мы как-нибудь сами, — твёрдо ответила я.

На горьком опыте поняла, что от незнакомцев помощь принимать нельзя. Хотя, может, это только мнительность. Как узнать чужие намерения, не залезая в мысли? Клятву Сумеречников мы, конечно, не давали, но они-то об этом не знают.

— Тогда что-нибудь другое? Нам многое подвластно, даже такое, что сложно представить. Только скажите. Изменить предначертанное? Заставить удачу улыбаться?

— А мир во всём мире можете? И чтобы демоны разом передохли? — оборвал его Микаш.

Я облегчённо выдохнула. С ним и море по колено. Даже против всего мира мы выстоим вдвоём.

«Выстоим!» — прозвучал в голове голос Микаша.

— Можем, но это не твоё сокровенное желание, — отозвался предводитель, его улыбка ширилась, грозя перерасти в оскал. — Ты хочешь, чтобы тебя приняли и признали. Ты бы хотел родиться в замке на холме. А ты, — он перевёл на меня завораживающий взгляд. — Ты хочешь, чтобы бог полюбил тебя. Но его сердце — осколок льда, а смертная доля не соединяется с бессмертной.

«По-моему, это не Сумеречники», — передала я Микашу также мысленно.

— По-моему, это не люди, — во всеуслышание ответил он.

Напряжение нарастало. Чужаки тянулись за мечами. Микаш выхватил из костра ветку. Я зарядила арбалет. Двое против троих с неизвестной силой — не отобьёмся!

Горящей веткой Микаш отмахивался от двоих молчунов, а меч наставлял на предводителя.

— Не повредите! — приказал тот.

— Сейчас мы их не возьмём! — отозвался молодой.

Первый болт я выпустила в него. Опоздала — он увернулся и обрубил ветку мечом. Микаш метался между тремя противниками, раскручивая клинок вокруг себя стальным

вихрем. Лязгали мечи, шипел огонь, пахло битвой, срывались с губ тяжёлые вздохи. Я не успевала перезаряжать арбалет и стреляла, почти не целясь. Почему не получается быстрее?!

Они не пытались нас ранить, только обезоружить. Тенёта гипноза затягивали — мы поздно их ощутили. Двигались теперь как в трясине. Микаш рвал голубые нити внушения вокруг себя, но на него наматывались новые. Я сопротивлялась, но сеть телепатии сжималась так плотно, что не получалось вздохнуть.

Залаяли собаки. По воздуху пронеслась невидимая волна, запахло грозой. Голубые нити пошли рябью и разлетелись мелкими брызгам. Голова загудела как от удара. Молодой подобрался к Микашу вплотную и замахнулся снизу. Обманный финт отвёл лезвие. Разворот к подступившему сзади предводителю. Микаш поднырнул под меч и подсёк ноги. Предводитель распластался на земле.

— Бежим! Синеглазый близко! — Старик потащил молодого за рукав.

Предводитель дёрнулся, но Микаш навалился сверху:

— Верёвку!

Я бросила арбалет и полезла в тюки. Микаш развернул предводителя лицом в землю и заломил руки за спину. Я замотала запястья верёвкой. Микаш проверил узел на крепость и отодвинулся. Грудь вздымалась тяжело. По лицу струился пот. Но, надо отдать ему должное, Микаш очухался быстрее меня. Меч взлетел и прижался остриём к спине предводителя.

— Кто вы? Чего от нас хотели?! — Микаш пихнул его в бок ногой. — Отвечай!

— Мы... — захрипел предводитель, но продолжить не успел.

Землю сотряс беззвучный гром, аж уши заложило. Ноги подкосились. Я вскрикнула и упала на колени, выставив перед собой ладони. Воздух заискрился, вихревой поток взрыл почву. Из сверкающей молниями серой воронки вышел человек. Она растворилась за его спиной. Вокруг разрасталась тяжёлая, непомерно большая и удушливая аура. К шее Микаша прислонилось лезвие меча.

— Спрашивать буду я. В сторону!

Незнакомец оттолкнул его и развернул предводителя к себе лицом.

— Это не поможет, — ухмыльнулся тот, сплёвывая кровь с разбитых губ. Говорил, сипя отрывистыми вздохами и безумно вращая глазами: — Они утратили веру. Эти дети предвестники конца. Спасенье в нашем боге!

От страха мутило. Я прижалась к потной рубашке Микаша.

— Не пользуйся даром, — шепнул он.

Собачий лай приближался. Послышался топот копыт.

— Развяжи ему руки, — приказал незнакомец. Он не повышал голос, но слова отдавались в голове набатом.

Мы переглянулись.

— Зачем? — Микаш осекся под тяжёлым взглядом.

— Приказы не обсуждаются. Развязывай!

Микаш подчинился впервые: разрезал верёвки и отпрянул. Незнакомец схватил предводителя за грудки, поставил на ноги и подтолкнул вперёд.

— Беги!

Тот не сделал и пары шагов, как рухнул на землю, словно его придавило каменной глыбой. Незнакомец оказался рядом в один прыжок и с размаху воткнул в спину клинок.

— Не... выйдет. От... срочка, — прохрипел предводитель на последнем издыхании.

— Может, в этом и смысл, — Незнакомец вскинул левую руку с растопыренными

пальцами и выкрикнул на непонятном языке: — Петрификес сантис дельехиз пэри эт нома спитри ад лестес.

Я с трудом различала слова.

Запахло кровью. Загудел ветер, собираясь в вихревые потоки в ладонях незнакомца. Хлеставшие с его пальцев струи вонзились в предводителя. Тот выгнулся, утыкаясь лопатками в гарду меча. Затряслись в судорогах руки и ноги. Рот распахнулся. Наружу вырвалось сверкающее антрацитовое облако. Оно растворилось в ночном сумраке, и предводитель обмяк.

— Это человек! — воскликнула я, разглядывая мёртвое тело.

— Одержимый, — кивнул незнакомец.

— Зачем вы его убили? Почему не попытались помочь?

— Кодекс гласит, что одержимые могут носить в себе семя страшнейшего демона из всех. Их, как сорную траву, надлежит выпалывать без отлагательства, — бесстрастно ответил он, вынул меч из тела и обтёр лезвие от крови тряпкой.

Микаш положил руку мне на плечо:

— Он прав.

— Это слишком жестоко! — упрямо возразила я.

— Жестоко? — усмехнулся незнакомец и остриём меча отодвинул рукав мертвеца. Глубокие язвы ввелись чуть ли не до костей. Они покрывали всю кожу от запястий до локтя и прятались под одеждой.

— Их больше двух лет держали в казематах, пока книжники пытались «помочь». По мне, быстрая смерть куда милосерднее, — буднично объяснял он.

Я поёжилась и сглотнула:

— Вы же не станете вменять нам то, что он наговорил? Мы ждали здесь утра, чтобы попытаться счастья у городских ворот, и ничего не знаем.

— Я не сужу людей по чужим наветам. Вы ответите только за свои поступки, — он посмотрел поверх моей головы на Микаша. — Итак, что произошло?

— Они подошли к нам сами, представились рыцарями, — Микаш цедил слова, напряжённо подбирая каждое. — Мы пригласили их погреться и поесть. Они выпытывали про наши желания. Стало ясно, что что-то не так. Мы схватились за оружие. Они использовали гипноз. Если бы не вибрации от вашего прыжка, нас бы порешили. Когда этот замешкался, — Микаш кивнул в сторону мертвеца. — Я опрокинул его на землю. Остальные испугались какого-то синеглазого и убежали.

— Прямо дамский угодник, — хмыкнул незнакомец. — Ладно, вы сами кто?

Микаш застыл, пригвозждённый тяжёлым взглядом.

— Покажи ему родовой знак, — зашептала я, достала подвеску у него из-за пазухи и протянула незнакомцу. — Это Микаш Веломри. Я его кузен Лайс. Мы из Белоземья на северо-западной окраине Веломовии. Мы прошли испытание в долине Агары — добыли косу пересмешницы — и хотим попасть в Университет.

Незнакомец посмотрел на меня безразлично.

— Врать нехорошо, госпожа, — как он догадался? — Наследник рода Веломри прошёл посвящение и отправился на службу в Стольный.

Вейас уже Сумеречник?

— Вы украли чужой родовой знак?

— Мы ничего не крали! — возмутилась я. — Мой брат оставил его мне.

— Вот этому я скорее поверю, госпожа Веломри. А теперь не представите вашего спутника? — он снова поднял глаза на Микаша, который нервно кусал губы и ту же стискивал эфес меча.

Из-за пригорка показалась кавалькада со сворой легавых псов. Всадники поравнялись с нами и спешили.

— Что произошло, мой маршал? — подбежал к незнакомцу суетливый мужчина и отвлёк от допроса.

Маршал и без охраны?

Подошли и остальные Сумеречники.

— Всё в порядке, Сольстис. Рат погиб при попытке к бегству. Они подтвердят, — маршал кивнул на нас. — Трюдо и Масферсу удалось уйти. Я истратил единственный прыжок, а вы не нагоните их до того, как они окажутся на вражеской земле.

— Вспомнила, — зашептала я Микашу, чтобы заставить его отпустить меч. — Ходили слухи, что трое одержимых из Муспельсхейма вынуждали Совет принять веру в Единого. Они воспользовались телепатией, и их посадили в темницу. Похоже, это они и были!

Вперёд вышел ещё один человек, немолодой и не такой крепкий, как воины, в бесформенной мантии. Книжник. Он опустился на колени и принялся изучать тело:

— Неужто нельзя было оставить в живых?

Маршал поморщился:

— Он сопротивлялся. Собирайте хворост. Нужно отдать почести павшему воину.

— На костёр?! — возмутился книжник. — Я бы хотел забрать тело в лабораторию для исследований.

— Нет, над мёртвым измывательств не будет, — маршал повернулся к рыцарям и прикрикнул: — Дрова тащите, увальни!

— Совет покарает вас за самоуправство, — прошипел книжник.

— Времена, когда я боялся Совета, давно миновали, — отмахнулся тот. — Рат был моим другом и доблестным воином. Я должен ему достойное погребение, — обернулся к нам. — Этих двоих никуда не отпускать. Обыщите их вещи.

Рыцари обшарили нашу одежду. Первым делом отстегнули ножны с мечом у Микаша. Он дёрнулся отобрать своё обожаемое оружие, но я снова перехватила его руку. Взяли мой амулет и серебряный медальон, с Микаша сняли гербовую подвеску и даже нашли обгорелое письмо у него за пазухой. Лишившись меча, он скис и не пытался сопротивляться. Все находки передали Сольстису. Ещё один рыцарь перетряхнул наши пожитки и проверил лошадей.

— Всё будет хорошо, — я сжала ладонь Микаша. — Они проведут нас в город.

— Проведут... Я знаю, кто это, — ответил он, безотрывно наблюдая за маршалом.

Тот с неестественно прямой спиной чеканил шаг по полю, отдавая мелкие указания, плащ виляя вороньими крыльями. Книжник и Сольстис следовали за ним по пятам и говорили на оба уха. Кого-то он мне напоминал.

Костёр собрали знатный. Нас подвели к нему, следом подошли остальные. Сольстис поджигал хворост факелом, а маршал произносил поминальную речь полным чувства голосом:

— Сегодня мы прощаемся с доблестным воином и другом, братом, ибо все, собравшиеся здесь и те, кто собираются в зале посвящений — братья. Мы связаны узами крепче крови, узами оружия и общего дела, общей битвы и общей жизни, — он воздел к небу меч.

Остальные отсалютовали так же. — Он умер почётной смертью, на поле брани, в неравном бою за свою душу. Мы будем помнить тебя настоящего, друг, а не демона, что украл твоё тело. Пускай пламя очистит твою плоть, пускай Жнец явится по твою душу, пускай Паромщик перевезёт её на Тихий берег, пускай наступит Час возрождения, когда мы встретимся вновь другими, для более светлой жизни. В сердце мы будем помнить о братстве и предназначении, о песне кликов и аромате битвы, о сомкнутых руках, что не разрубить даже самой острой сталью и о том, что мир покоится на плечах у каждого из нас и существует лишь до тех пор, пока мы сражаемся за него и жертвуем ради него. Ступай с миром, брат!

— Ступай с миром! — хором повторили воины и снова воздели мечи.

Пламя долго не бралось за повреждённое демоном тело. Подкладывали дрова, пирокинетики добавляли огонь там, где он затухал, пока даже кости не превратились в пепел. Ветер растянул гарь по округе.

Маршал поманил нас за собой, следом пошёл только Сольстис. Остановились возле нашего затухающего костерка.

— Надумал говорить? Как твоё родовое имя? Чей ты человек? — потребовал маршал.

Микаш снова оцепенел, глядя куда-то в сторону. Я уже хотела вступиться, но меня опередил Сольстис.

— Похоже, он ваш, маршал Комри. Тут ваша печать.

Он вручил маршалу письмо Микаша. Тот присел на корточки у костра и пробежался глазами по бумаге.

— Сын лорда Тедеску? — он поднялся и ухватил Микаша за подбородок. — Ты же не оборотень с тотемом шакала. Откуда у тебя это и кто ты, в конце концов?!

— Микаш из села Остенки. Безродный и никому не присягал, а письмо украл, — едва не крича, ответил тот, я аж вздрогнула.

— Зачем? — нахмурился маршал и убрал руку.

Микаш одарил его волчьим взглядом исподлобья и плотно сжал губы. О, боги! Ну зачем показывать норы сейчас?!

— Ладно, в штабе разберёмся, — маршал зашагал к отряду такой размашистой походкой, что поспевал за ним только длинноногий Микаш.

— Коня! — позвал маршал. Ему подвели поджарого жеребца. — Поеду коротким путём. Времени нет, а дел по горло. Мальчишку и госпожу Веломри ко мне для допроса.

— Госпожу? — книжник оглянулся по сторонам, словно искал кого-то в платье.

— Зрение подводит вас в темноте, доктор Жиглиус? — снисходительно улыбнулся маршал и указал на меня.

Я нырнула Микашу за спину — он не возражал, обречённо наблюдая за своим кумиром.

Кто не слышал о Гэвине Комри, прославленном маршале из древнейшего авалорского рода? Про его доблесть и удачу слагали легенды. Юнцы из высоких родов стремились воевать под его знамёнами, желая отщипнуть кусок его славы для себя. Недавно его хотели сделать Архимагистром, но он отказался бросить армию ради политики. Знал бы он, сколько времени Микаш провёл, перечитывая его письмо и мечтая поступить в его армию. Жаль, что все наши грёзы оборачиваются ядом.

— Вызови Мёрдикая и Кретьена, — отдал последний приказ маршал, запрыгивая в седло.

— Они спят. Может, обойдёмся дежурными? — предложил Сольстис.

— Нет, мне нужны мои доверенные телепаты для допроса, — отмахнулся тот и умчался в противоположную от ворот сторону, поднимая столбы пыли.
Может, он знает короткую дорогу? Вот бы её найти!

Глава 3. Синеглазый маршал

Мы выехали к городским воротам на своих лошадях. Рыцари окружали нас со всех сторон, Сольстис дышал нам в спины, не отрывая взгляда. Ни он, ни Сумеречники не лезли в наши разговоры — только это и радовало.

— Почему ты просил не использовать телепатию? — поллюбопытствовала я, подобравшись вплотную к Микашу.

«Его дар испускал такие волны, что тебя бы оглушило, — привычно зазвучал в голове его голос. Я облегчённо выдохнула и отъехала в сторону, чтобы мы не сталкивались. — Одержимые проиграли из-за этого. К тому же он бы почувствовал воздействие».

Телепатия и телекинез одностихийные способности. Их обладателей называют Детьми Ветра. Телекинез — старший и активный, направленный вовне, телепатия — младший и пассивный, действует более тонко, скрытно, изнутри человеческого сознания. Старший брат спорит и перекрывает младшего, делая его хитрость бесполезной перед чистой силой. Могла бы и сама догадаться.

Микаш рассеяно искал у себя на поясе меч, но его так и не вернули.

«Осталось только коня лишиться, и прощай мечты!»

Он любовно огладил Беркута по шее.

«Но ты же постоянно на него ругаешься. К тому же зачем мирному кузнецу или плотнику боевой конь?»

Микаш угрюмо потупился:

«Незачем. Может, ещё и вздёрнут за то, что чужое взял. Хотя, так даже лучше будет».

Его разговоры о мирной жизни — бравада, за которой он скрывал своё отчаяние. Слишком он любил ремесло Сумеречников и всё, что с ним связано, слишком сильно в нём естество демоноборца. Всё же я верила, что справедливость восторжествует. Маршал Комри показался мне чересчур суровым, но честным. Хотя, наверное, я слишком уповаю на порядочность высокородных. Мой жених, кузен Петрас, отец... даже Вей, мой любимый братишка, часто поступались совестью и нарушали Кодекс, но никогда это не задевало меня настолько сильно.

«Я заступлюсь за тебя».

«Не надо. Маршал тебя почти не слушал, его волновали только мои слова».

«Я всё равно постараюсь. Это моя вина. Одержимые как будто меня позвали».

«И меня. Должно быть, это то, о чём говорила вельва. Они бы всё равно пришли, они искали именно нас».

«Наверное, это из-за того, что сделал Безликий».

«Что сделал Безликий?» — насторожился Микаш.

Я замялась, не хотела, чтобы он узнал правду, не сейчас, когда ему плохо.

«Я имела в виду, что хочу сделать я — возродить Безликого».

Сольстис вклинился между нами и спас меня от расспросов:

— Не переживайте. Мастер Гэвин хороший человек.

Мы не отвечали. Я раздумывала о том, как тяжело будет без Микаша. Последние мгновения утекали сквозь пальцы, а ведь столько ещё не сказано и не сделано!

— Когда меня только к нему назначили, я тоже побаивался, — продолжал успокаивать

Сольстис. — Маршал Гэвин порой говорит и делает странные вещи, но не ошибается никогда!

— Великий Гэвин! — зло рассмеялся подъехавший к нам Жиглиус. — Самовлюблённый болван, вот он кто! Одержал несколько побед и возомнил себя Безликий ведает кем! Ничего, я опишу в Совет — они найдут на него управу, помяните моё слово! Даже на родословную не посмотрят.

Сольстис горестно вздохнул и отстал, чтобы переговорить с книжником наедине и смягчить. Тяжёлая это работа — прикрывать такого неуступчивого человека. Мысли о маршале улетучились, как только Микаш вновь поравнялся со мной и протянул руку. Я щупала его тёплую, жёсткую от мозолей ладонь и не хотела, жутко не хотела его отпускать!

Стражники пропустили кавалькаду через городские ворота без лишних вопросов. С широкой дороги вдоль дворцов знати, мы свернули на узкую улицу. В городе было безветренно, стены источали тепло, пахло выпечкой и поздними цветами. По брусчатой мостовой стучали подковы, из-под копыт с шипением выскакивали коты, бряцали оружием изредка попадавшиеся патрульные. Мы растянулись по одному и почти упирались в круп идущей впереди лошади. Иногда приоткрывались ставни, и из окон выглядывали горожане. С час, наверное, мы пробирались вдоль скромных одноэтажных домов в сердце города. Рядом с просторной главной площадью за ещё одной неприступной стеной скрывался дворец Сумеречников. Мы проехали через тройную триумфальную арку из белого мрамора, поставленную в честь Сумеречников-победителей демонов и освободителей земли Мидгардской. Наверху статуи оседлавших драконов девушек-альбас в приспущенных с груди хитонах — духов-прислужниц Повелительницы огня Уот, олицетворяющих победу. Сама арка изукрашена барельефами со знаменитыми битвами. Жаль, в темноте не разглядеть всю роскошь.

Сольстис куда-то убежал, бросив поводья своей лошади одному из рыцарей, следом испарился и доктор Жиглиус. Мы под конвоем проехали вдоль дюжины четырёхэтажных корпусов, миновали обнесённое ярусами трибун летнее место заседания Большого Совета под открытым небом. Рядом зимнее место в ротонде с колоннадой и каменным куполом. Посреди строгого регулярного парка помпезной громадиной высился парадный дворец. Мы не доехали до него, свернув в сторону длинных рядов конюшен, где спешили. Лошадей увели. Нас повели вдоль казарм до примыкавших к ним двухэтажных маршальских корпусов. Снаружи убранство рассмотреть не удалось. Мы вошли в длинный, как червяк, коридор. Стены были задрапированы тканями светло-коричневого оттенка сверху и облицованы панелями из тёмного дерева снизу. Дубовые двери шли с двух сторон. Горели свечи в развешанных повсюду серебряных канделябрах. Пахло горячим воском и едва уловимо — шафраном. Звуки шагов глушил толстый ковёр. Уютное место для отдыха.

Кабинет маршала находился в самом конце. Массивная деревянная дверь, украшенная резным кружевом, была отворена. Из комнаты лился мягкий свет. Маршал сидел за большим столом с ножками в виде львиных голов и выводил что-то на листе бумаги. Рядом лежало письмо Микаша. Мы застыли в нерешительности. Протолкнул нас внутрь вернувшийся Сольстис. За ним вошли два телепата-дознавателя и затворили за нами дверь. Сольстис закашлялся.

— А, да, мальчишку первого, — маршал кивнул, повстречавшись взглядом с опухшими лицами своих дознавателей. — Госпожа Веломри пускай за дверью подождёт.

Я напоследок сжала ладонь Микаша, чтобы хоть как-то подбодрить. Сольстис

выпроводил меня обратно в опустевший коридор и захлопнул за нами дверь.

— Вам что-нибудь принести? Еды или питья? Может, тёплую одежду? Плед? — спросил он.

Покачав головой, я уселась на обитый коричневым бархатом диванчик и сложила руки на груди. Сольстис пожал плечами и скрылся за боковой дверью. Я тут же прильнула к замочной скважине. Видно было плохо. Микаш сидел на стуле спиной к выходу, за руки с обеих сторон его держали телепаты. Маршал смотрел на него и перебирал что-то в руках. Я приложила к скважине ухо.

— Не сопротивляйся, и боли не почувствуешь. Сам знаешь, — вкрадчиво и спокойно говорил Гэвин.

Микаш молчал.

— Приступим. Твоё имя, имена твоих родителей, где рос и учился, с какими демонами сталкивался и зачем сюда приехал. Я хочу знать всё.

Послышался нервный вздох.

— Я Микаш из села Остенки в Заречье. Моя мать была вдовой бедного селянина. Имя отца мне неизвестно, я родился через одиннадцать месяцев после смерти её мужа. У неё на руках осталась больная дочь, и она хотела, чтобы в доме был сильный мужчина. Через несколько месяцев мне будет двадцать, я не знаю точной даты. Мы едва сводили концы с концами. Сызмальства я много работал, помогал матери, чем мог. Односельчане чурались нас из-за моего дара. Я слышал чужие мысли, сколько себя помню, и поначалу не понимал, когда нужно молчать. Потом я научился закрываться, но было уже слишком поздно.

— Чем болела твоя сестра?

Микаш молчал. Ауры телепатов ядовито вспыхнули. Он застонал и всё-таки ответил:

— У неё был слабый ум. Иногда она раскачивалась из стороны в сторону, повторяя одно слово. Я успокаивал её с помощью дара.

— Продолжай, — приказал Гэвин.

— Когда мне было десять, к нам пришла горевестница.

— Вэльва? — удивился маршал. Раздался скрип и быстрые шаги. — Можешь повторить её слова?

— Она сказала... сказала...

Ауры телепатов снова вспыхнули. Кто-то засипел. Микаш!

— Ничего из сказанного не выйдет за пределы этой комнаты, — настаивал Гэвин.

— Сказала, что я должен учиться у короля Сумеречников. Я стану первым среди них. Меня поведёт Северная звезда, но как только она погаснет, я стану самым страшным демоном. Под моими ногами загорится степь, и небеса прольются людской кровью. Я проложу путь по мёртвой плоти к Небесному Престолу и возведу на него дух несправедный, — Микаш выровнял дыхание и продолжил, не дожидаясь понуканий. — Я заставил горевестницу забыть об этом и уйти. А через два года на моё село напали Странники. Я просил Сумеречников с заставы защитить нас, но они избili меня и вышвырнули на улицу. В отместку я украл у них серебряный меч, но когда вернулся в село, Странники уже всех убили. Их предводитель фантом питался горем моей сестры, чтобы наделить своих шавок силой. У меня случился прорыв способностей. Я убил и сестру, и всех демонов в селе. Наутро меня полумертвого от изнеможения нашёл лорд Тедеску. Он выходил меня и выучил, чтобы я охотился на демонов вместо его сына Йордена.

— Экий, оказывается, лорд Тедеску затейник, — усмехнулся Гэвин. — А наведаться в

спальню невесты вместо сына он тебе не предлагал? погоди! Только не говори, что там за дверью и есть его невеста.

Микаш шумно выдохнул.

— Дети! Ладно, дальше.

— Мне было всё равно, что славу отбирают другие. Я хотел отомстить демонам за гибель моего села. Пока у меня был меч, меня всё устраивало. Я добывал для лорда Тедеску трофеи. Он обещал устроить меня за это в орден, но годы шли, а он ничего не делал. Невеста Йордена, г-госпожа Веломри, — официальное обращение в его устах звучало так непривычно. — Сбежала с братом на север, и мы отправились в погоню. Когда выяснилось, что её пленил Странник, Йорден струсил и удрал, а я остался и спас её. Странники... ненавижу Странников! Дальше мы втроём с госпожой Веломри и её братом поехали в ледяную пустыню Хельхейма. Нас сопровождал маленький отряд туатов.

— Подхолмовых шавок? Как вам удалось их уговорить? — заинтересовался Гэвин.

— Они хотели искупить вину перед госпожой Веломри. Из-за их козней она попала к Странникам. Мы добрались до подземного лабиринта и охотились там на вэса.

— Это который охраняет гробницу Безликого? Чем дальше, тем чуднее. И как, убили?

— Да... но он меня ранил. Я умирал, но почему-то выжил. На мне не осталось и царапины.

— Инициация? Переродился, что ли? Как в легендах? Ладно, дальше.

— Потом брат госпожи Веломри уехал вместе с клыком вэса, а с меня взял слово защищать её, куда бы она ни поехала дальше. Ей захотелось в Эскендерию, и вот мы тут. Это вся история.

— Хорошо, — вздохнул Гэвин. Что-то щёлкало в тишине. — Перечисли демонов, с которыми сражался и высокородных, за которых ты охотился.

— Палески, гыргалицы, стрыги, Странники, варги, вэс, пересмешница... — и ещё длинный список дичи и высоких родов.

Гэвин дотошно выпрашивал детали, которые Микаш припоминал с трудом. Про семью чуть ли не до десятого колена, про распорядок дня в селе, про ощущения во время схватки со Странниками, про быт в замке Тедеску, про убранство внутренних покоев Ильзара, про северных животных. Зачем ему это понадобилось?

Голос Микаша скрипел, как несмазанные дверные петли, язык еле ворочался, но он продолжал говорить. Прошёл час, когда Гэвин, наконец, задал последний вопрос:

— Так зачем ты украл это письмо?

Микаш задыхался очень часто.

— Говори!

Я подставила к замочной скважине глаз. Дознаватели положили руки на голову Микашу. Из их пальцев потянулись тонкие голубые нити, оплетая его плотной сетью, по ней то и дело пробегали яркие белые всполохи, жаля шипами на сплетениях. Микаш глухо стонал, борясь с непереносимой болью от пытки, которая тянула из него все соки.

— Прекратите! — остановил Гэвин дознавателей. — Что же ты делаешь? Неужели ответ на этот вопрос страшнее, чем пророчество вельвы? Скажи! Я не хочу, чтобы ты здесь надорвался или тем более умер от изнеможения. Пойми, от этого зависит безопасность города и, быть может, всего Мидгарда.

Микаш поперхнулся и закашлялся. Захотелось вбежать туда и самой сказать то, что этот глупый маршал не понимал, а Микаш не хотел говорить. Ничего опасного или дурного он не

желал!

Дознаватели убрали руки, и Микаш сказал, тяжело сипя на каждом слове.

— Йорден отказался от службы рядовым и выкинул это письмо в камин. А я был согласен служить даже оруженосцем, лишь бы участвовать в настоящих битвах, убивать демонов, чтобы спасти людей, а не ради трофеев и чужой славы... И я забрал это письмо. Я хотел... представиться им. Или собой... всё объяснить... Уговорить его... то есть вас!.. Взять меня... Я... мечтал... о братстве, о смерти в битве... как вы говорили в погребальной речи... Но это невозможно... Я безродный и не достоин носить оружие. Пожалуйста... не заставляйте продолжать!

Он поник и обвис на стуле. Долгое время слышно было только его тяжёлое дыхание и это неумолимое щёлканье.

— Ладно, уже непростительно поздно. Заканчивайте, — приказал Гэвин дознавателям.

Они поднялись и приложили ладони к лбам друг друга. Забвением вспыхнули ауры. Теперь дознаватели не вспомнят ни слова, произнесённого Микашем. Они посмотрели на Гэвина. Тот позвонил в колокольчик и велел:

— Ступайте отдыхать. За вами пришлют, если понадобится.

Я отпрянула от замочной скважины. Дознаватели вышли и, не глянув на меня, зашагали по коридору. Из боковой комнаты показался Сольстис с серебряным подносом в руках и зашёл в кабинет. Дверь осталась не притворенной, и я снова приникла к щели. Так видно и слышно было намного лучше.

— Надо было себя до такого доводить? — Гэвин протянул Микашу платок. Тот принял его очень медленно, долго разглядывал и только потом отёр лицо. В воздухе витал запах крови. Хоть бы Микаш не надорвался!

Сольстис вручил ему дымящуюся чашку. Вторая чашка досталась Гэвину. Он вертел её в руках, грея ладони.

— Меня казнят? — выдавил из себя Микаш ломким голосом.

— Мы не казним наивных мальчиков ни за воровство чужого мусора, ни даже за глупое упрямство. За кого ты нас держишь?

Микаш опрокинул в себя напиток залпом, отдал чашку Сольстису и отвернулся.

Снова повисло молчание. Гэвин потягивал своё питье мелкими глотками.

— Поищи в списках погибших во время испытаний безземельного и без живых родственников. Сможешь? — обратился он к Сольстису.

— Да, конечно, — обескуражено ответил тот.

Гэвин кивнул и поднял глаза на Микаша:

— Так ты ещё хочешь служить?

Он встрепенулся и недоуменно уставился на маршала:

— Вот так просто?

— Дар, конь и меч у тебя есть. Это, — Гэвин достал из сумки Микаша косу пересмешницы, — вполне сойдётся за трофей с испытания. А в остальном проблем не вижу.

— В-вы вернёте мне меч и коня? Без обмана?

Гэвин гортанно рассмеялся:

— Я не лорд Тедеску. Славы и трофеев за полторы тысячи лет в моём семействе скопилось хоть ложкой ешь. Мне нужны воины, которые хотят бороться с демонами. Пока орден занят религиозной склокой на юге, рук не хватает. Я не стану разбрасываться людьми только потому, что они родословной не вышли. Если готов сражаться, ты мой человек.

Микаш взлохматил волосы пятерней, лицо просияло, усталость как рукой сняло.

— Я... я не знаю, что сказать. Спасибо! Клянусь, вы не пожалеете. Я буду служить вам верой и правдой. Я... — Микаш поднялся и сделал шаг к столу, чтобы выказать почтение, но Гэвин выставил перед собой руки.

— Клясться будешь завтра в полдень на церемонии посвящения.

Микаш стусевался, но продолжал сиять широкой улыбкой.

— Ступай спать. Слуги покажут гостевые покои. После посвящения орден пожалует тебе собственное жилье. Через два дня выступаем.

— Так скоро? — опомнился вдруг Микаш. — Но я же...

— Отдохнёшь и восстановишь резерв в дороге. Поле брани — не место для неженков. Ты всегда можешь отказаться — просто скажи «нет».

— Нет! То есть я готов хоть сейчас. Извините!

— Прекрати лебезить. Может, лорду Тедеску это и нравилось, но меня раздражает. Ступай.

Микаш коротко кивнул и выскочил за дверь, едва не сбив меня с ног. Я потёрла ушибленный лоб и посмотрела на него недовольным глазом. Второй зажмурила. Под носом над губой у Микаша остался след от крови, на белках глаз выступили красные прожилки, над скулами залегли тени, внешняя оболочка ауры в нескольких местах надорвалась, но он всё равно приплясывал от возбуждения.

— Меня приняли, представляешь? Приняли!

Микаш подхватил меня на руки и закружил по коридору, так, что дыхание спёрло. Изнутри поднималась сварливость. Молодец, конечно, но зачем же вести себя как ребёнок? Даже Гэвин заметил. Просто... просто не получалось порадоваться за него!

Сольстис вышел и кликнул слуг. Микаш опомнился и поставил меня на пол.

— Поздравляю, — улыбнулась я, пытаюсь унять головокружение.

Слуги смотрели на нас. Я подтолкнула его к ним. «Иди, ты и так не с лучшей стороны себя показал!»

Я не хотела, чтобы он понял мои чувства, оставаться с ним дольше и фальшиво улыбаться — тоже. Хотя может стоило показать, какая я на самом деле. Тогда бы он отстал... навсегда!

— Ты придёшь на посвящение? — Микаш схватил меня за руку и заглянул в глаза.

Я кивнула. Он ушёл вместе со слугами. Я снова осталась одна и от скуки прислушалась.

— Передай письмо Архимагистру с началом службы, — Гэвин вручил Сольстису лист, который дописывал до нашего прихода. — Нужно опередить Жиглиуса с его кляузой.

— Всё будет в лучшем виде. Но не стоило вам... ни с Ратом, ни тем более с этим молодчиком, — заметил помощник. — Уж он-то вам не старый друг.

— Одной проблемой больше, одной меньше, — отмахнулся Гэвин, потирая переносицу. — У парня характер, конечно, что кремень. Если задать нужное направление, то он весь мир под себя прогнёт. Двоих опасных перебежчиков мы уже сегодня потеряли, подарить врагам ещё одного — непозволительная глупость. Если что, уж лучше я сам от него избавлюсь.

Избавиться от Микаша?! Я ахнула и зажала рот рукой.

— Кто там? — позвал Гэвин.

Я вышла из-за двери сама.

— Госпожа Веломри, совсем про вас забыл, простите — кивнул он и сцепил руки на

груди. На левом запястье висели чётки с большими белыми бусинами, на которых были вырезаны руны. Видимо, ими он и щёлкал во время допроса. — Проходите, пожалуйста.

Сольстис оставил нас наедине.

— Вы же обещали судить нас по поступкам. Микаш самый лучший из всех, кого я знала. Он поверил вам, а вы только и ждёте, когда он оступится, чтобы убить его, как вы убили одержимого.

— Подслушивали? — он вскинул брови и заговорил спокойно: — Похвально, что вы так печётесь о безродном, среди молодёжи такое — редкость. Опасность ему угрожает ничуть не большая, чем кому бы то ни было из моих людей. Я в ответе за них перед всем Мидгардом, поэтому обязан судить и карать, если так нужно. Будь моя воля, этот клинок, — он положил на стол облегчённый клеймор в кожаных ножнах, украшенных лишь растительным орнаментом, — никогда бы не обагрился человеческой кровью.

По его лицу было непонятно, насколько он искренен. Телепатией не проверишь. Я заглянула ему в глаза и процедила сквозь зубы:

— Если вы подставите его, клянусь, я сделаю так, чтобы все узнали, какой вы лжец!

Он положил локти на стол, сцепил пальцы и опустил на них голову, в упор глядя на меня или мимо меня, на тень за моей спиной, словно силился увидеть там незримое нечто.

— Не стоит забивать вашу прелестную головку тем, что там быть не должно, — он широко зевнул, прикрывая рот рукой. — Завтра я отпишусь вашему отцу, что вы нашлись. Последние два года он никому покоя не давал, требуя, чтобы вас вернули домой. Я отбываю в поход через пару дней, но за вами присмотрят. Погостите здесь, пока для вас не соберут эскорт до Белоземья. А там подыщут более подходящую партию.

— Я не вернусь домой! — я сжала ладони в кулаки. — К тому же замуж меня не возьмут, потому что я уже не невинна.

Гэвин поперхнулся и рассмеялся в голос:

— Откуда вы такие наивные взялись на мою голову, что вы, что ваш друг. Кому сейчас какое дело до невинности? Некоторых на сносях замуж выдают.

Я поджала губы. Пусть так живут те, кто хотят, а я хочу искренне, без притворства.

— Это для вашего же блага. Эскендерия не место для вас, здесь обитают такие твари, которым демоны в подмётки не годятся. Дом, семья, дети — большего счастья в жизни нет. Вы ведь достойная девушка, и я бы даже предложил выдать вас за кого-то из моих сыновей, но они слишком малы для женитьбы.

— Я останусь! — я встала и развернулась на каблуках.

— Хорошо. Ступайте. После сна на всё мудрее смотреть будете.

Вошёл Сольстис.

— Отчёт доставил, помощник Жиглиуса на две минуты опоздал, — улыбаясь, доложил он. — Вам письмо.

— Что ещё? — встревожился Гэвин, снова потирая переносицу, а потом и виски. Голова заболела от недосыпа? — Не сейчас — всё после сна и посвящения.

— Это из дома, — улыбка Сольстиса стала шире.

— От милой Пенни? — Гэвин взбодрился. — Почитай мне.

Он прикрыл глаза. Сольстис достал из кожаного футляра скатанный в трубочку лист и принялся читать:

«Дорогой мой любимый муж, как у тебя дела? Хорошо ли ты питаешься, достаточно ли спишь? Приглядывает ли Сольстис, чтобы ты не работал по ночам?»

У нас всё замечательно. Лето мы провели в моём загородном поместье в Озёрном крае. Целители говорят, что свежий воздух полезен как для меня, так и для мальчиков. На зиму из-за холодов приходится возвращаться в Ловонид, а там мы скучаем по тебе с двойной силой.

Дэвид уже пошёл и сказал своё первое слово: «отец». Негодник Бран подучил. Они очень близки. Зря ты переживал из-за напыщенного индюка Гвидиона. Мы нашли для Брана лучшего наставника, который его не пугает. Будет сильный воин, такой как ты. Мы все об этом мечтаем. Бран нарисовал тебе картинку, как он побеждает своего первого демона. Отсылаю её с письмом.

Удачи в походе. Уповаю, что после него у тебя достанет времени навестить нас. Хотелось бы, чтобы Дэвид не только знал слово «отец», но ещё и как он выглядит.

Люблю, целую, скучаю.

Всегда твоя, Пенелопа Комри».

Сольстис передал Гэвину рисунок. Я тоже заглянула в него. Чёрными чернилами там был изображён человечек с мечом, стоящий над разорванной в клочья кляксой.

Лицо Гэвина посветлело и смягчилось:

— Милая моя заботливая жёнушка. Чиркни ей что-нибудь тёплое в ответ.

— Если вы её так любите, то почему не напишете сами? И почему приезжаете домой только раз в год между походами? — не сдержалась я. Все они одинаковые, даже лучшие из них.

— Реже, — Гэвин поморщился и снова принялся массажировать переносицу. — Девочка-совесть, ступай спать. Нам всем уже пора.

И то правда.

Глава 4. Утром он уйдёт

Слуги отвели меня в маленькую гостевую комнату, сухую и протопленную. Кровать для разнообразия оказалась застлана свежим бельём. Я повалилась на неё, едва сняв верхнюю одежду, и уснула. Разбудили меня, казалось, всего через пару мгновений. Слуги сложили рядом новое платье и поставили на тумбу тарелку с яичницей, чашку тёплого молока и таз для умывания.

— Поторопитесь, юная госпожа, если хотите попасть на посвящение вашего друга, — бросил появившийся на пороге Сольстис и удалился вместе со слугами.

Я умылась и поела на скорую руку. Платье надевать не хотелось, но нарушать этикет в гостях с не решилась. Наряд был не слишком претенциозным: нижнее платье из плотного жёлтого сукна с рыжеватым оттенком, верхнее — приталенное красно-коричневое с широкими рукавами до середины локтей. Великовато немного, особенно в бёдрах. Короткие волосы заставили скрыть под платком, а сверху надеть позолоченный обруч. Ничего, потерплю немного для Микаша.

Сольстис вернулся проводить меня. Малый церемониальный зал находился неподалёку от маршалских корпусов в круглом двухэтажном павильоне с белыми колоннами и голубым куполом. Здесь посвящали в рыцари представителей незнатных родов. Знатные рыцари посвящались либо в парадном дворце, либо в своём замке. Мы не пошли через центральный портик, а завернули по узкой внешней лестнице на балкон под куполом.

— Женщины в церемониальные залы не допускаются, — развёл руками Сольстис.

— Знаю, — пробормотала я. Жаль, не догадалась спросить у Безликого о несправедливых порядках.

Сольстис ушёл. Я прислонилась к перилам и посмотрела вниз. Яркий свет отражался от белых стен огромного зала. На них висело начищенное до блеска оружие и устрашающие трофеи: рога, клыки и шкуры демонов. Рядом стояли нарядные доспехи, в центре пюпитр из красного дерева, на нём в окованной серебряными скобами кожаной обложке увесистый фолиант Кодекса ордена. Отворились двустворчатые двери. Первым вошёл Гэвин, за ним вчерашние дознаватели-телепаты и Сумеречники из отряда. Всего полдюжины. На церемонию обычно собирались толпы: посвящали сразу несколько рыцарей из незнатных родов, приходили их родственники, даже самые дальние, близкие друзья и просто знакомые. Устраивали пир.

Гэвин встал за пюпитр. Остальные Сумеречники собрались возле него полукругом, заложив руки за спины. Маршал перелистнул страницы и подал знак. Лица сделались торжественными под стать обстановке, взгляды устремились ко входу. Микаш вступал в зал один, медленным церемониальным шагом, держа прямую осанку. Поднял голову и, заметив меня, улыбнулся. Отмытый, гладко выбритый, со стянутыми в пук на затылке волосами. Одежда недорогая, но добротная: чёрные бриджи, заправленные в высокие сапоги, коричневый жилет поверх белой рубахи и широкий голубой плащ на плечах. Сложно представить, что это тот самый косматый простолюдин, которого я приняла за медведя в утгардской пещере.

Гэвин поднял глаза, и мы встретились взглядами. Уголки тонких губ потянулись кверху в едва заметной усмешке. Вчера от усталости было не так видно, но сегодня его глаза

полюхали изнутри сапфировым светом. Взгляд пронзал насквозь, словно обнажал в людях то, что те даже от себя скрывали. Об острые черты лица, казалось, можно порезаться, такие соразмерные и гармоничные, как будто на высоком лбу выведено: «порода». Прямые иссиня-чёрные волосы стянуты в тугой пук на затылке.

Вчера Гэвин показался мне старше, возраста моего отца — усталость, ответственность, должность внушительная. На самом деле ему было не больше тридцати пяти, но работал он на износ и не желал дожидаться старости.

Микаш замер перед ним. Я сравнивала их. Ниже на полголовы и не такой широкий в кости, Гэвин тем не менее выглядел внушительно. Таящаяся внутри уверенная, не нуждающаяся в доказательствах сила сквозила в каждом движении.

Микаш преклонил колена, положил ладонь на раскрытую страницу книги и заговорил исполненным важности голосом:

— Я, Микаш из села Остенки, которого больше нет, отрекаюсь от прошлой жизни, мирской суеты и праздных забот. С чистым сердцем и по доброй воле я принимаю обет братства и служения. Отныне я меч, что сечёт орду, факел, что прогоняет тьму, ветер, что несёт защиту Мидгарду. Да не изопьёт моя сталь человеческой крови, да будет моя воля крепка и стойка к соблазнам, а дух чист и справедлив, как небесный пламень, что заберёт меня после смерти. Отныне я человек Безликого!

— Вверяешь ли ты ордену всего себя, свои помыслы и свою силу? — спросил Гэвин.

— Вверяю!

— Клянёшься ли ты хранить верность Безликому, своим братьям по оружию и всем людям?

— Клянусь!

— Клянёшься ли ты служить мне верой и правдой, защищать меня и исполнять мои приказы, не прекословя и забыв о собственных нуждах?

— Клянусь.

— Клянёшься не использовать свой дар, чтение мыслей и внушение, вне битв с демонами?

— Клянусь! — Микаш опустил голову.

Гэвин вынул из ножен меч и по очереди коснулся обоих плеч Микаша.

— Я, Гэвин Комри, маршал Авалора, именем Безликого и волей Совета принимаю тебя как сына и брата, и посвящаю в наш орден. Отныне я буду отвечать за твои поступки как за свои собственные. Поднимись, Микаш, Сумеречнк из селения Остенки, которого больше нет.

Микаш коснулся губами гербового перстня на подставленной руке Гэвина, поднялся и поцеловал маршала в обе щеки. Сумеречники ободряюще хлопали Микаша по плечам. Сдержанные поздравления отражались от стен эхом.

Что ж, вот и конец. Заветная мечта Микаша исполнилась, к лучшему или к худшему. А моя нет! Всего неделя до того как соберётся эскорт. Надо найти Духа огненного до этого времени. Он поможет, ведь я нужна ему не меньше, чем он мне.

Микаш снова поднял на меня взгляд и улыбнулся. Я выдавила из себя улыбку и помахала рукой. Они уже направлялись к выходу. Я сбежала по лестнице и спряталась за колонной. Не хочу больше его видеть, не могу радоваться его счастью. Я так ему завидую!

Микаш вместе с Сумеречниками прошёл мимо, удостоив моё укрытие одним коротким взглядом. У него теперь будут новые лучшие друзья, а обо мне он забудет. Когда они

скрылись, я выбралась наружу и столкнулась с Сольстисом.

— Вы куда? — удивился он.

— В город.

— Оденьтесь потеплее!

Он едва успел накинуть мне на плечи чёрный шерстяной плащ, как я побежала прочь, не оглядываясь. Промчалась мимо ворот, выскочила на главную площадь и дальше, не разбирая дороги. Ни мыслей, ни желаний. Я остановилась, только когда ноги загудели, закружилась голова, а сердце вырывалось из груди, забились в угол в подворотне и, закрывшись руками, расплакалась. Не смогла даже поддержать того единственного, кто хоть что-то для меня делал. Почему я так завидую? Почему так отчаянно желаю, чтобы он остался со мной?!

Надо собраться, отпустить его и жить своей жизнью. Я найду Духа огненного, обрету собственную мечту и смысл. Обязательно!

Я поднялась. Повсюду были аккуратные двух-трехэтажные особняки, с клумбами и резными балконами. Богатый квартал — хорошо! В бедном запросто могла на разбойников нарваться, защитника-то у меня больше нет. Я растёрла по лицу слёзы. Холодный ветер остужал горечь.

Прохожие подсказали, как вернуться на дворцовую площадь. Дороги расходились от центра диагонально. Если идти всё время прямо, то либо упрёшься в стену, либо выберешься, куда надо. Я вдыхала пряный запах незнакомого южного города, пыталась понять и вжиться в него, но что-то не отпускало. В груди теснилась неизбывная тоска. Микаш... Мыслями я всё время возвращалась к нему и безуспешно боролась со слезами.

Промелькнули длинные ряды деревянных прилавков на центральном рынке, ограда большого парка, хмурый стражник у ворот. Огромную главную площадь обрамляли пышные фронтоны дворцов, громадина Храма всех богов и статуи стройных юношей и девушек. В центре красовался помост для выступлений. Люди спешили по делам и не замечали меня. Я была благодарна им. Хотелось побыть одной, успокоиться, найти силы внутри себя.

Университетский городок обнаружился в квартале от главной площади. Вначале показались приземистые и скромные здания школы и интерната для учеников — одноэтажные дома из серого камня с маленькими окнами и безо всяких украшений. Рядом был разбит небольшой сквер и площадка для отдыха.

Я ворвалась в толпу людей в разноцветных мантиях. Занятия закончились, и книжники разбредались по домам. Я заглядывала в их сосредоточенные лица и не могла припомнить образ Духа. В памяти от него осталось только блёклое пятно. А что если он — моя грёза?

На территорию колледжей не пустили. Охрана в красно-чёрных ливреях сказала, что приём окончен. Приходить завтра.

Смеркалось стремительно. Мгновение, и уже темно, хоть глаз выколи. Я последовала по дорожке из фонарей в сторону дворцовой площади. Белые громадины корпусов манили из-за парковой ограды, но её пришлось обогнуть, чтобы попасть внутрь.

Нужно думать о хорошем: эту часть города я изучила, буду знать, куда идти завтра. Хотя куда идти... Нет, нельзя терять надежды, иначе путь один — спрыгнуть с моста в речку с привязанным к шее камнем!

В покоях Гэвина никого не встретилось. Я скинула плащ в коридоре и прокралась к себе в комнату. Слуги принесли на ужин острую телятину с гороховой кашей. Грубая мужская пища, чего хотеть от рыцарей, которые приличных дам видят пару месяцев в году? Я поклевала её в одиночестве, вспоминая, как Микаш беспокоился о моём плохом аппетите.

Порывалась отыскать его, но нежелание сознаваться в своих неудачах останавливало меня. Одной приятней, ни с кем себя не сравниваешь, есть только ты, и никто не может быть лучше тебя.

Я легла рано, чтобы проснуться с первыми лучами солнца. Слуги рассказали про общественные бани. Воду там меняли только в конце дня. Чтобы помыться в чистой, требовалось прийти к открытию. Мне удалось. Час я отмокала и отскребала въевшуюся до костей грязь. Смешанный с лекарственными отварами пар снимал усталость и напряжение. Ощущение, будто ходишь босой по раскалённым углям, а из стен тычут заточенными кольями, немного притупилось.

Посвежевшая, я снова попытала счастья в Университете. Во время занятий в городке было тихо и сонно. Лишь иногда по выложенной булыжником мостовой спешили старшие книжники в чёрных мантиях с охалками свитков в руках. Видно, они не учительствовали, а занимались «исследованиями», о которых мечтал мой брат Вейас. Ему бы здесь понравилось: днём изучаешь древние фолианты, «вгрызаешься в суть вещей», а вечером развлекаешься в Нижнем городе. Все пухлые булочки и милovidные цветочки были бы у его ног. Я усмехнулась и отправилась покорять «благодетельную мать» знаний и духа.

Миновали светлые здания колледжей из искрящегося на солнце белого камня. «Благодетельная мать» не поддавалась. Её не брали ни улыбки, ни лесть, ни угрозы, ни мольба. В мир мужчин женщин не принимали, а кое-кто даже презирал и боялся. Лишь изредка попадались старые, иссушенные временем прачки и полемойки. Я бродила от здания к зданию, спрашивала, чем там занимаются, не нужен ли им работник, разглядывала прохожих. Меня отовсюду гнали: принимали то за интриганку, то за падшую женщину, то и вовсе за умалишённую. Такой я себя и чувствовала порой, но продолжала идти. Молва обо мне опережала меня, шепотки доносились отовсюду. Люди прогоняли меня ещё до того, как с моих губ срывались слова.

Главное здание Университета могло поспорить великолепием убранства с дворцом Сумеречников. Оно состояло из трёх корпусов, фасады боковых украшали три яруса арочных анфилад с огромными полукруглыми окнами. Центральный корпус возвышался над ними на много саженей, украшенный толстыми, в три обхвата колоннами, со статуями бородатых мудрецов-книжников внутри арочных ниш и огромным золотым куполом наверху. Я замерла на широких ступенях центрального входа, задрав голову, и двинулась вперёд, только когда сверху повалил поток студиязусов в белых ученических мантиях. Они громко обсуждали занятия и личную жизнь, отвлекаясь лишь для того, чтобы покоситься на меня с любопытством.

Ожесточённо работая локтями, я пробралась в просторный холл, увешанный тяжёлыми зелёными с золотой вышивкой гардинами у высоких, почти до потолка окон.

— Это не место для женщин! Ступайте в женский корпус! — остановил меня сухощавый и лысый старичок, видно, смотритель. — Туда идите, — он махнул рукой на юг. — Ну же, вы мешаете. Разве не видите, мальчишки на вас отвлекаются. Скоро в драку полезут.

Я вздохнула и зашагала прочь под улюлюканье мальчишек. Стучалась в каждое встреченное здание, но результат был такой же.

Женский корпус стоял на отшибе. Неприметное обветшалое, с обшарпанной штукатуркой одноэтажное здание, гораздо меньше, чем остальные. Меня направили в кабинет к руководителю — моложавому и тощему книжнику с таракаными усиками. Он

заинтересовался моими способностями к отражению и принялся рассказывать про свой «колледж». Женщин отправляли сюда, если их дар влиял на здоровье и разум, угрожал окружающим. Считалось позором, если мужчины в их роду не справлялись сами, поэтому девушек было немного. Гораздо больше книжников, которые изучали женские способности, тело и даже душу. Никогда бы не подумала, что её можно изучать. Девушек укладывали на кушетки и до изнеможения расспрашивали о жизни. Так изо дня в день, пока книжники не заканчивали своё «исследование». Что становилось с девушками после, я так и не узнала, ровно как и то, до чего книжникам удалось докопаться таким образом.

— Если с нами свяжется ваш отец или муж, мы с удовольствием примем вас на обучение, — руководитель широко улыбнулся, а вот я скисла.

Отец от одной просьбы в бешенство придёт и запрет меня в самой высокой башне Ильзара на веки вечные.

Я уже выходила из здания, как меня окликнула женщина. Писарь, как я поняла по огромной книге и чернильнице на столе, за которым она сидела у двери. На вид ей было около тридцати. Высокая и плоская, как жердь, в синей мантии и огромном пенсне она походила на стрекозу-переростка.

— Ищете работу? — спросила она высоким, немного сиплым голосом. — Я вас понимаю. Мой муж опозорил меня и бросил, а отец отказался от родства. Я тоже просила о помощи, а все отворачивались, пока одна добрая женщина не подсказала, куда обратиться. Женщины должны держаться друг друга, сказала она, раз уж мы живём в мире бессердечных мужчин, для которых мы лишь хлам, — она взяла мои ладони в свои и улыбнулась.

Я была обескуражена, но улыбнулась из вежливости.

— Неподалёку есть лаборатория. Туда подбирают девушек-телепатов для исследования. Книжники из мужских корпусов, золота и влияния в Совете побольше нашего, поэтому они могут позволить себе вольности. Хотят достучаться до богов. Сумасшедшая идея, конечно, но пока их поддерживают, девушек будут содержать в достатке. Попробуйте, может, вам повезёт.

Достучаться до богов? Этим занимался Дух огненный в моём видении! Удача благоволит тем, кто не сдаётся!

— Спасибо! Вы не представляете, как вы помогли, — я обняла её и поцеловала в обе щеки.

Женщина зарделась и вырвала из книги страницу:

— Это их адрес, а это мой. Меня зовут Элоиза Пти. Заходите! И помните, мы, женщины, должны стоять друг за друга, иначе за нас никто не постоит.

Я ещё раз её поблагодарила и побежала по адресу.

Лаборатория отыскалась только к закату. Уже зажигались фонари, когда я вышла на узкую улочку, примыкавшую к Университетскому городку сбоку и зигзагом ведущую ко дворцу Сумеречников. Небольшой серый двухэтажный особнячок с фронтоном, обрамлённым каменным кружевом. На ступенях собралась толпа: девушки-телепаты с мужчинами из их родов. Я протиснулась ко входу, но дорогу перегородил чернявый норикиец с зализанными назад волосами и недобрый прищуром болотного цвета глаз.

— В очередь! Принимают только по договорённости. Где ваш опекун?

— У меня нет... — пролепетала я, но тут же опомнилась и заговорила уверенно: — Я не по вашему делу. Мне только на пару слов, это не займёт много времени. Пропустите.

— Все так говорят. В очередь! Без записи вас не примут и без опекуна тоже, — он

толкнул меня.

Я не покатила со ступенек только благодаря тренировкам с Микашем. Присутствующие тарацились на меня неодобрительно и враждебно. Я встала в конец очереди. Минут через десять нелюбезный норикиец повёл свою спутницу внутрь. Там они были долго. Толпа возроптала, называли их пройдошливыми авантюристами. Что им понадобилось в лаборатории? Вскоре из дверей выглянул молодой книжник в синей мантии и казённым голосом объявил:

— Приём окончен. Мы нашли того, кто нам нужен. Приносим глубочайшие извинения за беспокойство и потраченное время.

Собравшиеся выкрикивали что-то про взятки и едва не лезли в драку. Книжник пригрозил позвать патруль, и толпа начала расходиться, осыпая «бессовестных мошенников» проклятиями и пожеланиями всяческих напастей. Я дождалась, пока последние скрылись из виду и нырнула в дверь за молодым книжником.

— Что вы себе позволяете?! — возмутился он, заметив меня.

— Прошу, пропустите. Я знакома вашего начальника, проведите меня к нему! — ответила я с уверенностью и улыбнулась.

Мы вошли в просторную гостиную. В центре стоял обитый светло-коричневым бархатом диван. На нём у круглого столика сидели нелюбезный опекун со своей спутницей. Девушка была высокая и стройная. Элегантное платье подчёркивало широкие бедра и пышную грудь. Тёмно-каштановые волосы собраны в кольца с боков и украшены сеточкой со сверкающими бусинами. Гости потягивали горячий напиток из расписных глиняных чашек.

— Я же велел гнать всех взащей! — строго выговорил книжник в пурпурной мантии, сидевший на диване рядом с гостями.

Не больше двадцати пяти, шатен с тяжёлой челюстью и выпученными, как у лягушки, прозрачными глазами.

— Она говорит, что знает начальника. Сказать ей?.. — оправдывался пропустивший меня паренёк, но старший прервал его властным жестом.

— Начальник здесь я, и вас вижу впервые. Убирайтесь!

Я упрямо встала перед ним и заглянула в глаза:

— Меня зовут Лайсве Веломри. Я приехала с крайнего севера, чтобы увидеть вас!

— Эта полоумная девица пыталась пройти сюда без очереди и опекуна, — сообщил толкнувший меня грубиян. — Вы адресом ошиблись, это не храм Вулкана для душевнобольных!

— Выслушайте меня! Я видела Безликого, разговаривала с ним, как говорю с вами. Меня послали сюда, чтобы вы помогли мне возродить его и вернуть людям.

Все трое дружно засмеялись, парень рядом со мной передёрнул плечами. В комнату заглянули другие книжники. Насколько бы сумасшедше я ни звучала, нужно продолжать. Если он и правда Дух, он поймёт!

— Вы ведь добиваетесь того же — говорить с богами. Мы можем помочь друг другу, — мой голос дрожал от устремлённых со всех сторон взглядов.

— Вы слишком буквально восприняли нашу идею. Боги — нечто далёкое, гипотетическое, нечеловеческое. С ними нельзя вот так общаться, тем более с Безликим. Только дисциплиной разума и талантом можно дотянуться до частички божественного замысла. Но явно не с вашими способностями, — высокомерно ответил главный книжник.

— Но это правда. Он был со мной, касался меня... и спас!

Я встретила взглядом с девушкой. Более густые, чем у её опекуна, почти карие глаза смотрели по-хищнически, пухлые губы кривились в презрительной усмешке. Она поднялась и сорвала с моей головы платок с обручем.

— Глядите, даже волосы обрезаны. Небось из-за вшей или тифа. Ты себя в зеркало видела? Немошь тщедушная. Не женщина — недоразумение. Сколько тебе? Пятнадцать?

— С-семнадцать. Нет у меня ни вшей, ни тифа!

— Без разницы. О чём Безликому с такой как ты разговаривать? Двух слов связать не можешь, заика. Выдумала всё, потому что муж бросил. Если мужу не нужна, то всемогущему богу — подавно. Лгунья!

Мою щёку ужалила пощёчина. Я отпрянула, прижимая ладонь к лицу. Больше обиды, чем боли. Меня никогда не били!

— Думаешь, благодаря этой сказочке удастся приличное содержание получить? — слова несносной женщины хлестали не хуже бича. — Не надейся! Тут другие таланты нужны.

— Сюзетт, не марай себя об это! — укорил её опекун.

Я глотала ртом воздух, пытаюсь прийти в себя.

Сюзетт взмахнула длинными, похожими на паучьи лапки ресницами, уселась вплотную с главным книжником и по-хозяйски положила руку ему на колено.

— Убирайтесь, иначе вас выставят! — рыкнул на меня он, бросив короткий взгляд на грудь Сюзетт.

Понятно, какие им таланты нужны. Развратники и обманщики. Тьфу!

Я развернулась и пошла к двери.

Младший книжник поспешил за мной, но его остановил властный голос старшего:

— Я капитан этого корабля. Все, кто не со мной, отправятся за борт на корм акулам.

Больше меня не останавливали.

Гнев угас. Стоило выйти на улицу, как накатило отчаяние. Этот несимпатичный развратник не может быть моим Духом огненным! Тот был другим, серьёзным, с умным лицом и пронизательным взглядом. Такое разочарование! А если они правы? Я всё выдумала, чтобы не было так больно от осознания, что меня бросили. Такая замечательная сказка — что я нужна самому Безликому, что он привёл меня в свою гробницу, чтобы я помогла ему победить тьму. А потом... потом он любил меня. Бред! Я даже сама не верю.

Я хлюпнула носом, зябко кутаясь в плащ. Нельзя раскисать! Нужно узнать правду. Микаш мне скажет, он ведь прошёл со мной этот путь рука об руку. Микаш! На рассвете он уедет в поход. Если эскорт увезёт меня в Ильзар, то мы больше не увидимся. Никогда!

Забыв о слезах, я побежала к маршальским корпусам. Сольстис остановил меня в коридоре.

— Ему выделили комнату в соседнем квартале, — ответил он прежде, чем я успела спросить, и вручил мне листок с адресом.

— Спасибо! Вы лучший! — я обняла его на прощание и побежала искать Микаша.

Уже поздним вечером, запыхавшись, я добралась до нужного дома. Небольшое прямоугольное здание в два этажа, простое, но добротное. Консьерж на входе подозрительно косился, пока я объясняла свою нужду. Он отвлекся шум на улице, и я проскользнула по лестнице на второй этаж. Дверь с именем Микаша оказалась в длинном коридоре последней слева. Я постучала — никто не ответил. Нахлынуло осознание. Он ведь теперь Сумеречник. Должно быть, празднует с новыми друзьями, а про меня и думать забыл.

Я закрыла лицо руками, развернулась и едва не врезалось в кого-то.

— Принцесска, как чудно! Я тебя повсюду искал, — слышался знакомый низкий голос.

Я растопырила пальцы и вгляделась в улыбающееся лицо Микаша. Действительно, чудно!

— Отпразднуем? Я всего накупил. Не знаю, что ты любишь.

Я убрала ладони от лица. Он держал в охапке огромные полотняные свёртки. Верхний чуть не упал — я подхватила у самого пола. Забрала часть, чтобы Микаш смог отпереть дверь увесистым ключом.

— Входи. Это, конечно, не замок высокого лорда, но и не бедняцкая лачуга, — подмигнул он и подтолкнул внутрь.

Мы сгрузили свёртки на небольшой стол у ближней к двери стены. Микаш хотел зажечь свечи, но огниво не поддавалось, да и свечей было как на Йольтайд — две дюжины, не меньше. В конце концов он справился. Отсветы плясали по комнате, разгоняя тени. Она была чистая и просторная, только необжитая: голые стены, из мебели лишь кровать, тумба, стол и два стула. Даже вешалки для одежды нет. В углу камин. Хорошо бы было протопить, чтобы избавиться от сырости и плесени, но кто-то забыл купить дрова. Впрочем, Микаш и сам понял: вздыхал и суетливо распаковывал свёртки, неловко толкая другие вещи и едва не роняя их.

— Давай я, — отстранила его, иначе бы всю ночь пришлось убирать грязь.

Микаш наблюдал за мной с несчастным видом, но хоть под руку не лез. Накупил он действительно всего: мяса, рыбы, пирогов, медовых рогаликов, халвы, фруктов, овощей, ещё белые сласти, которые я видела впервые. Армию накормить можно.

Мы уселись. Я разлила по кружкам вино, наложила в тарелку Микаша всего по чуть-чуть. Он хоть часть из этого пробовал раньше? Себе взяла только пирожок с мясом и грибами, потому что он был горячий, а меня знобило, и винограда с яблоками.

— За нас. Мы покорили этот город! — Микаш чокнулся с моей кружкой.

Мы выпили. Голову повело, загорелись щёки. Страх и робость как рукой сняло, да и не было с Микашем по-настоящему страшно никогда. Слишком привычен его терпкий с лёгкой кислинкой запах, нежные, почти интимные прикосновения.

— Маршал Комри и вправду необыкновенный. Кто бы ещё меня принял? — делился радостью Микаш, от которой мне становилось тревожно. — Нужно было сразу к нему обратиться.

— Поосторожней с ним. Если ты оступишься, он не подставит плечо, а забьёт гвоздь в гроб. Ты же видел.

— А раньше было по-другому? Теперь я Сумеречник, по-настоящему, вот, — он вытянул из-за пазухи серебряный медальон в виде заключённого в круг меча — знак простого рыцаря. — Настоящий поход с настоящими воинами, а не молокососами, которые не знают, с какой стороны за меч браться. Все мои победы и поражения — только мои и ничьи больше. Даже если я умру в первый день, то меня сожгут, как Сумеречника, и поминать будут как брата, а не безродную дворнягу без имени и судьбы.

Я не сдержалась и прикоснулась к его выбритой щеке. Восторженный наивный мальчик, которым снова и снова будут помыкать, пока он не сломается. Такого его сокровенное желание.

— Только не верь никому и не подставляй спину.

Микаш сжал мои пальцы и снова улыбнулся. Он произносил тосты, я немного пила, немного ела, но больше отщипывала хлебные крошки и скатывала их в шарики. Как спросить у него и что?

— Не нравится? — Микаш затянул старую балладу. — Скажи, что тебе нравится. Поздно, конечно, но я найду, всех бакалейщиков подниму. У меня теперь есть деньги!

— Микаш!

Он успокоился и взгляделся в моё лицо.

— Что это? — шершавые пальцы дотронулись до скулы. Немного больно. Похоже, там остался синяк. — Тебя кто-то обидел? Скажи, я разберусь!

— Я сама себя обидела, — оттолкнула его руку. — Книжники меня не приняли. Моя мечта оказалась горячечным бредом и развеялась, как дым. Ты же знал, что так будет. Это было понятно любому здравомыслящему человеку. Отыскать Духа огненного, возродить Безликого — несусветная чушь, которую я придумала, чтобы казаться себе более важной и нужной. Теперь придётся с этим жить.

— Мне так жаль, — он попытался заглянуть мне в глаза, но я отворачивалась, пряча слёзы. — Я откажусь от всего и останусь с тобой. Вместе мы что-нибудь придумаем. И с Безликим, и с этим Духом, кто бы он ни был. А хочешь, поедem в Муспельсхейм, только ты и я.

Я всё же посмотрела на него. Такое открытое, искреннее лицо. Он не шутил, и мне нестерпимо хотелось ответить: «Да! Брось всё, и мы дальше будем последними неудачниками в Мидгарде».

— Не нужно. Пускай хоть твоя мечта исполнится. Ты заслужил это место, как никто другой, и я не имею права... — К горлу подступили рыдания. Я подскочила и отвернулась. Глотала, а оно не хотело оседать.

Микаш тоже встал и шагнул за мной.

— Скажи, — остановила я его до того, как он успел меня обнять. — Только правду. Я знаю, ты не умеешь лгать. Скажи, я ведь когда-то тебе нравилась. Ты даже был влюблён.

— Конечно! Я до сих пор... люблю тебя больше всего в Мидгарде, — заверил он, стоя у меня за спиной. Дыхание опаляло мою макушку. — Даже больше, чем раньше.

— Скажи, я красивая? Я похожа на... на женщину?

— К-конечно, ты самая, ты единственная, ты... — говорил он, но я хотела не этого. Не верила в его глупую мальчишескую влюблённость, упрямства больше, чем чувства. Однажды он поймёт, что любил образ в своей голове, который не имеет ничего общего со мной настоящей.

Я развязала пояс и расстегнула крючки на спине. Широкое верхнее платье скатилось к моим ногам. Я подняла юбку нижнего платья и стянула его через голову. Воздух охлаждал кожу, по хребту бежали мурашки. Последним с лёгким шорохом упало исподнее. Я повернулась к Микашу лицом. Пускай увидит меня всю без остатка, воспалённые от слёз глаза и горящие щёки, выступающие каркасом от худобы рёбра и узкие костлявые бёдра.

— Скажи, я всё ещё самая? Когда ты смотришь на меня, ты видишь меня со всеми недостатками? Ты видишь во мне живого человека или кумира, которого себе выдумал?

Он смотрел молча, неподвижно. Губы плотно сомкнуты. Зрачки затопили почти всю радужку. Микаш судорожно выпустил воздух и задышал часто-часто. На лбу выступила испарина.

— Всё ещё... — пробормотал он и отвёл взгляд. — Ты прекрасна, ты совершенна. Я не

знаю других слов! Прости.

Он опустил на корточки, поднял нижнее платье и попытался накинуть на меня.

— Тогда докажи, — я отобрала у него платье и отшвырнула. Повернула к себе его лицо и заставила смотреть на мою наготу. — Покажи мне свою любовь, если не лжёшь и не трусишь, как раньше. Я хочу почувствовать.

Его глаза лихорадочно блестели, язык облизывал пересохшие губы.

— Я... — прохрипел он вязким голосом. — Дай мне минуту.

Микаш вырвался из моих рук, взял со стола верёвку и чистый нож.

— Я не могу... так просто, — он цедил слова сквозь сжатые зубы. — Хочу помнить, хочу, чтобы это было особенным, пускай даже в глазах других оно не будет значить ничего.

Он полоснул себя по запястью. Багрянцем выступила кровь.

— Клянусь, что отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива и даже после смерти.

Я протянула ему собственное запястье.

— Тебе не нужно ничего...

— Я хочу.

Я отобрала у него нож и порезала себе руку. Мы сложили их, рана к ране, кровь к крови. Микаш обмотал вокруг наших запястий верёвку узлом и обрезал, оставив каждому по петле. Так женятся мануши-кочевники, свободные от обязательств перед обществом и жрецами.

Я тянула его к кровати, помогая раздеться. Быстрее! Внутренности наливались жаром, в голове колыхался кисель, от предвкушения становилось трудно дышать.

Простыни мялись, качался матрас, в ушах свистел ветер, глаза застилало тёмное марево. Микаш замер. Его лицо оказалось рядом с моим. Он коротко поцеловал в губы и коснулся своим лбом моего, впуская в мысли, позволяя ощутить в полной мере. Бесконечное восхищение, спирающий дыхание восторг, воспламеняющее кровь в жилах вождение, сны, повторяющие то, что он делал со мной за мгновение до этого. Видения ослепительно белого света, манящего теплом и чистотой. Сладкие запахи луговых цветов. Море, неистовое, клокочущие, погребаящее под сокрушительными валами безумной, не знающей преград и условностей любви.

— Ты это хотела почувствовать? — сипло выдохнул он.

— Да! Да! — я мучительно вырывала из себя звуки.

Когда всё закончилось, я лежала на его груди и разглядывала лицо. Сумеречное состояние, когда мысль течёт сама по себе и приходит к абсурдным выводам. После соития с Безликим меня затапливали боль и горечь, но сейчас с Микашем всё было по-другому, более реально. Пьяняще сладко, дурманно. Никогда бы не подумала, что медведь может быть настолько нежным и трепетным. До чего же красив, волшебный принц из сказки с мужественной квадратной челюстью, трогательной ямочкой на подбородке, жёсткими губами, которые, впрочем, умеют быть мягче пуха, орлиным носом, резкими скулами, глубоко посаженными глазами, густыми, почти косматыми бровями и высоким лбом. Он один умеет любить так крепко и пламенно, не за что-то, мне ведь не надо было делать ничего, чтобы понравиться ему, даже наоборот, я так долго отталкивала его, а он всё равно оставался рядом. Интересно, если бы на помолвке у господского стола меня ждал не Йорден, а Микаш, сбежала бы я? Нет наверняка.

— Спасибо, — выдохнул он в самое ухо, вырвав меня из забытья. Шершавые ладони, щекоча, выводили у меня на лопатках узоры.

— За что?

— Ты исполнила все мои мечты. Я ведь не верил в сказку до самого конца. На посвящении ждал, что маршал Комри отрубит мне голову этим мечом. А сейчас... что ты вырвешься и закричишь, что я тебя насилую. Я не достоин всего этого, но сейчас... сейчас я задыхаюсь от счастья. Если я не доживу до рассвета, то всё равно буду счастлив, потому что миг триумфа у меня был. Был благодаря тебе, благодаря тому, что ты привела меня в этот город и столкнула с маршалом Комри. Был, потому что ты позволила мне прикоснуться к тебе, к мечте, к сказке.

От щемящей тоски в его голосе стало не по себя. Я подалась вперёд и принялась целовать его глаза. Почему он высказывает мои страхи, мои мысли о себе моими же словами? Он же сильный и везучий, теперь в особенности, и заслуживает много-много лучшего.

— Ты не умрёшь. Я буду молиться за тебя, как молилась за отца и брата. Сам Безликий будет тебя оберегать. Ты вернёшься в этот город с маршем победителей, я выбегу тебе навстречу, ты будешь кружить меня на руках, а я — целовать тебя в губы. Все, даже боги, будут нам завидовать.

Он коснулся пальцем моего рта.

— Не пачкай себя ложью. Ты вернёшься в отцовский замок и выйдешь замуж за знатного лорда. Ты самое прекрасное создание во всём мире, самое лучшее! И достойна самого лучшего. Люди прозреют и поймут очень скоро. А теперь спи. И не жалея меня никогда, потому что жалеть тут нечего.

Упрямец! Не поверит, даже если я сто раз повторю. Ничего, я ещё упрямее!

Он задул свечи, окунув мир во тьму. Усталость погрузила изнеженное тело в безмятежные недра сна.

Когда я проснулась рано утром, Микаш уже ушёл, оставив на прощание лишь тающий поцелуй.

Глава 5. Третья Норна

Отец говорил: держи руки чистыми. Жерард оттирал с пальцев кровь чуть ли не до мяса, раз за разом меняя воду в тазу, мылил, драл рогожкой въевшиеся пятна, вычищал грязь из-под ногтей. Белая трёхстворчатая ширма из плотной холстины закрывала от домочадцев, позволяя успокоиться. Жерард окунул в воду лицо и, вынув, взлохматил пятерней кудрявившиеся от влаги тёмно-каштановые волосы. Не сходить с ума! Жаль, звуки приглушить не удавалось: спиралью набирал громкость плач, слышалась сварливая брань и визгливый лепет. Нет, так дальше нельзя!

Жерард вышел из-за ширмы. Спальня с большими окнами в обрамлении сдвинутых коричневых гардин умиротворяла светло-бежевыми тонами.

— Что происходит? — потребовал он.

Пухлая, уже немолодая горничная качала на руках свёрток с орущим младенцем:

— Она не успокаивается. Может, заболела?

Жерард забрал ребёнка и раскрыл одеяла.

— Жара нет. Просто есть хочет.

Он повернулся к жене. Она лежала на просторной кровати с ажурной спинкой из старого дуба и смотрела на него с плохо скрываемым презрением. Посреди взбитых перин и подушек волнами разметались её длинные тёмные волосы.

— Пилар, не покормишь? — собрав самообладание в кулак, спросил он.

— Нет! — в лицо полетела подушка — едва поймал. — Унеси это! Выбрось в подворотню, только не подноси ко мне!

Пилар была красавицей. Светлую кожу она прятала под одеждой и вуалями, чтобы сохранить её чистой от веснушек и вульгарного загара. Идеальные формы: стройные ноги, широкие бёдра, тонкая талия, высокая грудь, длинная шея. Большие зелёные глаза околдовывали. Только характер — врагу не пожелаешь. Сосватал же пройдоха Дюран жёнушку!

Жерард скорбно отвёл взгляд и передал свёрток служанке:

— Найди кормилицу, любые деньги — я заплачу.

— Вы ведь говорили, что лучше когда мать...

— Лучше, но не сейчас. Ступай! — голос сорвался.

Ребёнок завопил сильнее.

— Как хоть её звать? — не унималась служанка. Хотелось её ударить.

— Не сейчас, — отмахнулся он. — Ступай!

Она наконец-то унесла ребёнка за дверь. Жерард облегчённо выдохнул.

— Я же просил не капризничать при прислуге. Что о нас подумают? — укорил он жену.

— Это чудовище выпило из меня все соки! Почему ты его не выбросил?!

Жерард закатил глаза. Никакого терпения на женские капризы и слёзы не напасёшься!

— Это наша дочь. Тебе после родов худо. Полегчает — пожалеешь о своих словах.

— Чего жалеть-то? Это не наша дочь. Она никогда не была твоей. Думаешь, тебе за красивые глаза должность сосватали? — Пилар сухо рассмеялась. — Я ещё до свадьбы понесла, отец хотел позор скрыть.

Жерард оттянул ворот рубахи: дышать стало трудно. Выбросить бы демонова ребёнка в

подворотню вместе с мамашей.

— Кто ещё знает?

— Полгорода. Полгорода над тобой смеются, рогоносец! — она зашлась хриплым хохотом.

Жерард мял в ладонях подушку, представляя, что сворачивает Пилар шею. Нет, руки надо держать чистыми.

— Хорошо. Я откланяюсь, с вашего позволения, — опустился возле кровати на колени, подложил под голову жены подушку и поцеловал в висок.

Она онемела и вытаращилась на него. Он улыбнулся и вышел. Пускай хоть сдохнет от заражения крови — он и пальцем не пошевелит.

Жерард спустился холл по широкой белой лестнице, придерживаясь за резные перила. Завтракать не хотелось, но как целитель он слишком хорошо знал потребности своего тела. Остывшую глазунью с беконом и зеленью оставили на столе в кухне. Жерард морщился от привкуса базилика и рукколы, борясь с тошнотой. Надо попросить кухарку добавлять что-нибудь менее резкое.

— Записка из лаборатории, — заглянул курносый рыжий мальчишка-слуга и вручил бумагу.

Жерард пробежался глазами по строкам. Пока его не было, помощник Рамиро развёл в лаборатории бардак. При всей его расторопности и прозорливости водился за ним грешок: настолько охоч был до смазливых мордашек и сладкой жизни, что забывал о деле. Вот и сейчас возжаждал вместо нужной девушки взять в проект свою протееже.

Две пророчицы-Норны — «Око бури» и «Цвет весны» — нашлись, осталась только таинственная северянка «Свобода». Её разыскивали повсюду: списывались с книжниками из других городов, просматривали портреты, приглашали на встречи — ни одна не походила на ту, что Жерард видел в опиумном сне девять месяцев назад. Словно она — лишь фантазия отравленного разума.

В дверь снова постучали: доставили приглашение во дворец Сумеречников. Просили отчитаться перед Малым Советом о проделанной работе и потраченных деньгах. До назначенного часа Жерард чах над пустой тарелкой, закрыв лицо ладонями. На людях нельзя показывать слабость, иначе сожрут живьём.

Жерард переоделся в чистое: чёрные штаны и белую рубашку с выглаженными манжетами. Застёгнутый на все пуговицы воротник-стойка стягивал горло удавкой. Сверху новая чёрная мантия, утеплённая бобровым мехом. Пускай видят, что всё прекрасно.

«Кар-р-р!» — поприветствовал ворон, стоило выйти на улицу. Птица следовала за ним невидимой ни для кого, кроме него, тенью. Жерард не решил, галлюцинация ли это истощённого разума, помешательство от противоестественных техник или мистическое создание, знак избранности. Так уж ли эти явления отличались на самом деле? Рассказывать о птице никому не стоило, но иногда Жерард разговаривал с ней, как с единственным близким человеком. Она никогда не перебивала и изредка многозначительно каркала, помогая найти нужный ответ.

Главную площадь перекрыли из-за парада в честь похода против демонов, как случилось частенько. Пришлось идти через Университетский городок. Вспоминалась Сальвани, наполненная искристыми солёными брызгами, запахами пряностей, гомоном торговцев и заливистым детским смехом. Теперь её нет, она подмята врагом. Ходили слухи, единоверцы изменят название. Кошунство!

Жерард рассекал толпу книжников, как корабль — волны, ощущая своё одиночество. Одиночество не в этом опустылевшем городе, не в суетливом Университетском городке, а среди людей, потому что человеком себя не чувствовал.

Малый Совет заседал в круглом зале в сердце Большого Дворца. Тот тянулся вдоль парка длинными корпусами, соединёнными арочными переходами, выкрашенный в цвета ордена — белый и зелёный, с позолоченными вензелями прошлых Архимагистров и барельефами. Привратник провожал посетителей через парадные покои, чтобы они в полной мере прониклись помпезной обстановкой и несметными богатствами ордена перед разговором с досточтимыми мэтрами и мастерами. Частые гости собирались в маленьком внутреннем дворе, откуда идти было ближе и не таклюдно. Жерард обратился к постовому точно вовремя, но тот ответил, что предыдущий посетитель задерживается.

Томиться в помещении не хотелось — стены давили на плечи. Жерард плотнее закутался мантию и присел на ажурную скамейку. Погодка была под стань настроению. Небо хмурилось, набухало тучами, пронизывающий ветер нагонял их ещё больше.

Прошло несколько чиновников, шепоток раздражил слух. Последние пару дней пролетели в заботах о жёнушке. Жерард расчувствовался, мол, ребёнок, ответственно и почётно, а полгорода потешалось над рогоносцем и готовилось отнять отвоёванное с трудом место. Змеи!

Из угла ближних корпусов донёсся шум. Юный оруженосец висел на поводьях у жеребца. Поджарый, редкой масти цвета слоновой кости, конь больше походил на борзую собаку. Лупил копытом по мостовой и ронял с губ пену. Зелёные глаза выворачивались белками, резные уши прядали по сторонам. Похоже, здесь Гэвин. Эламских лошадей, небесных аргамаков, ему привозили с караваном в подарок от тамошнего правителя. Говорят, норовистые, в драку сами лезут — только покажи, скакать могут сутки напролёт и не взмокнуть. Если в человеке хозяина признают, всю жизнь верно прослужат. Гэвин подкупал их чем-то, не кровью же древней. А остальных — не слушали. Жеребец взмахнул мордой, ноги оруженосца оторвались от земли, он заскулил.

Долго же Гэвина песочат, или он песочит, это уж как посмотреть. Набрал в армию голодранцев. Мол, Совет сам виноват, что все силы на борьбу с единоверцами направляет. Демоны же не станут ждать, пока люди договорятся. Вот он и принял всех, кто раньше не проходил по знатности, силе или мастерству. А что половина из них поляжет в первом бою, так ордену же легче — меньше дармоедов на стремительно пустеющую казну. Определённый смысл в этом был, но сброду Гэвин доверял слишком сильно, как и слишком полагался на родовую удачу. Когда-нибудь она иссякнет, как казна.

Двери отворились, и с порога спустился Гэвин в серой походной форме. С бала, значит, на корабль. Интересно, как к несоблюдению церемониала относится Церемониймейстер? Впрочем, с Гэвина как с гуся вода.

Парадом на главной площади, похоже, руководил Вальехиз, его доверенный помощник по военным делам. Как и Сольстис, помощник по делам светским, решал второстепенные проблемы и был исключительно предан своему маршалу — других тот к себе не подпускал, даже если высокие лорды пихали ему своих сыновей. В чине капитана, собственной роты у Вальехиза не было, зато он частенько принимал командование всей армией, если Гэвин уносился на очередной «пожар».

«Кар-р-р!» — позвал ворон и захлопал крыльями, чтобы поприветствовать спускающегося по лестнице Гэвина.

— Маршал Комри! — завизжал оруженосец, когда жеребец потащил его к хозяину.

Кровоточащие ладони бросили поводья. Мальчишка побежал прочь — только пятки сверкали.

— Шаркиз, тварь такая, зачем последнего оруженосца спугнул? — забранился Гэвин. Конь ткнулся мордой ему в руку и посмотрел честными сорочьими глазами. — Знаешь, как трудно найти толкового парня? — маршал почесал бархатный нос и кивнул Жерарду. — Как дела? Можно поздравить с пополнением семейства?

Неужели не знает?

— Ночью роды принимал, — ответил Жерард не так бодро, как хотелось.

— Мальчик или девочка? Как назвали? Почему из тебя всё как на допросе тянуть надо?!

— Девочка. Не придумали ещё.

— Быстрее придумывайте. Ребёнку без имени никак — мары уташат.

Жерард поджал губы. Никогда не поймёшь, всерьёз Гэвин, шутит или врёт.

— Отчитывали? Ты правда нарушил приказ Архимагистра брать одержимых живьём? — невзначай поинтересовался Жерард, наблюдая, как маршал затягивает подпруги и проверяет сбрую на коне.

— По-другому не вышло, — отмахнулся тот.

— Не вышло или ты подстроил, чтобы не вышло? — Жерард усмехнулся. Гэвин молчал. — Если бы ты стал Архимагистром, делал бы, что хотел и, быть может, мы не проливали бы столько крови на этой войне.

Гэвин обернулся. Выбить из колеи его удавалось редко, но если прицелиться...

— Мой вид правления — тирания. А быть марионеткой пустозвонов из Малого Совета и ослеплённых алчностью лордов из Большого? Увольте! Не хочу тратить время на дразги, которые вы уважительно именуєте дипломатией и гибкостью. Всего семнадцать лет осталось, а я ничего не успел. Я воин и живу только на поле брани. А политика пускай достаётся тебе, друг мой, — он хлопнул Жерарда по плечу и, вставив левую ногу в стремя, вскочил в седло. — Из тебя выйдет отличный Ректор, а то и Архимагистр. Помяни моё слово, почётное место в Малом Совете будет твоим. Прощай!

Не дожидаясь команды, жеребец рванул вдогонку за армией. Через мгновение Гэвин исчез. Чудак! Место в Большом Совете и своя лаборатория — невероятное достижение для сироты, утратившего связь с родовыми землями.

На порог вышел слуга и поманил Жерарда за собой. Всего пару лестничных пролётов, и они остановились возле двери из чёрного дерева с серебряной розой ветров — знаком ордена. Слуга отворил и пропустил Жерарда внутрь просторного круглого зала. Окон здесь не было, стены толщиной в несколько локтей, обитые толстым белёным войлоком, чтобы эту обитель наверняка не покинуло ни звука. Горело множество свечей в серебряных канделябрах. Из-за бликов казалось, что на высоком потолке парят в беспрестанном хороводе Повелители четырёх стихий.

В сердце зала — круглый дубовый стол, символ того, что все члены Малого Совета равны. За ним на обитых пурпурным бархатом стульях — дюжина бородатых старцев. Обернулись разом, как только Жерард вошёл. Нет, старыми они не были, лет на десять, самое большое пятнадцать старше Жерарда. Несуразные бороды делали их... дряхлыми, что ли? Если удастся проникнуть в их ряды, надо будет отменить дурацкую традицию — носить бороды. Не эстетично, не гигиенично — сколько у них там блох, поди сосчитай? Что это за символ мудрости и власти такой?

Жерард раскланялся и принялся представлять проект. Записи с собой не брал — они остались в лаборатории, а заходить туда было не по пути, к тому же он и так знал теорию назубок. Заскрипел мел, выводя на аспидной доске схему: роза ветров с обозначениями сторон света, на ней — треугольник. Знак огня в центре, в верхней вершине воздух, в нижних — земля и вода. Очерчено объединяющим кругом.

Жерарда перешёл к карте Мидгарда на другой доске. Втыкать булавки в нужные точки на ней он мог с закрытыми глазами. Обвязывал их ниткой, чтобы наглядно показать схему. Жаль, карты звёздного неба с линейками и направлениями движения небесных тел здесь не нашлось.

— Как нам известно, время циклично. Мы рождаемся, проживаем жизнь, дряхлеем и умираем, чтобы возродиться обновлёнными и полными сил. Также рождаются и умирают эпохи. Наш орден был создан в конце предыдущей эры, эры Золотого барана. То было время Первостихий, когда боги и духи бродили среди смертных и влияли на нашу жизнь. Она, как и все предыдущие эры, закончилась катаклизмом, в результате которого Муспельсхейм стал непригоден для жизни, и люди переселились в Мидгард.

О природе катаклизма можно только догадываться. Если взять за основу теорию сторонников божественности Безликого, то его причиной послужила Война Богов, в результате которой они удалились из мира людей, передав власть Сумеречным жрецам, то есть нашему ордену. Уже полторы тысячи лет длится наша эра Чёрно-белых Кои, эра борцов с демонами, обладателей мистических способностей и проводников божественной воли, но скоро закончится и она. Кроме движения светил, парада планет, череды затмений и необычных природных явлений, таких как Сияние червоточин за пределами Утгарда, снег на юге, засушливое лето на севере, на это указывают и события в жизни людей. Появление новой религии, восстание черни, одержимые в наших рядах, ослабление мистических способностей у молодёжи, падение нравов и морали, снижение рождаемости и увеличение болезней, обнищание народа и активность демонов.

По расчётам астрологов конец наступит через семнадцать лет на весеннее солнцестояние. Какой катаклизм произойдёт, сказать сложно, — Жерард лгал. Он прекрасно знал, чего ожидать — победы единоверцев и падения ордена. Но бородатые мэтры и без того смотрели на него с сомнением. — Наш мир умрёт, чтобы вернуться к началу обновлённым и полным сил. Наступит новая эра, эра Водочерпия, когда люди уподобятся богам и смогут менять мир по своему разумению. Нам будет дано тридцать лет, чтобы войти в неё в ином качестве, нежели сейчас. За это время родятся дети, которые не будут помнить старого порядка и смогут создать новый, отвечающий вызовам времени. Нашему ордену потребуется мощная защита, силы и знания, которых у нас нет, но которые были обещаны нашими покровителями.

Мэтры зевали, слушали, но не слышали — ничего не понимали. Не любили долгих прелюдий, хотя вся соль всегда заключалась именно в них — предпосылках и предзнаменованиях.

— В осевое время кажется, что наши силы иссякают, но это не так. Мироздание просто аккумулирует их, чтобы в нужный момент выдать их нужным людям, которые благодаря своему характеру и обстоятельствам послужат миру лучше, чем если бы силы распределялись слабо, но равномерно. Если поймать аккумулирующий момент предназначения, из него можно извлечь чистую энергию, не созидательную и не разрушительную, а ту, которую можно будет применить так, как мы сочтём нужным.

Издревле наш орден поделился на воинов, чья сила заключалась в оружии и мастерстве, и книжников, чья сила в знаниях. Как книжнику, мне ближе второе, потому я предлагаю начать именно с него — со Всезнания.

— Вэльвы? — спросил Главный Прорицатель.

— Не совсем. Вэльвы ограничены своей стихией, они говорят только то, что позволяет их грязноволосая богиня Седна, — Жерард указал на изображение страшной женщины с рыбьим хвостом рядом с Повелителем Морей, его грозная супруга. Неудивительно, что он от неё сбежал. — Я же хочу построить оракул, который вместит себя знания всех стихий, и говорить он будет не только то, что хотят передать боги, а всё, что они знают.

Всезнание послужит щитом от катаклизма, подскажет, как уберечься, куда приложить силы, которыми мы располагаем. Очевидно, что боги отвернулись от нас и помогать не собираются. Мы сделаем их безвольными орудиями, какими они долгое время делали нас. По прошествии тридцати лет Всезнания мы получим и Всемогущество. Людей, подобных богам, которые станут во главе всего мира и поведут нас к победе и благоденствию.

— Звучит не менее сказочно, чем бред фанатиков про пришествие Единого, — усмехнулся Ректор, единственный здесь действительно старец.

Жерард передёрнул плечами. Да как они могут сравнивать!

— Разница в том, что мы не будем ждать чуда, а сделаем его своими руками и умом. Идеальная форма, — Жерард кивнул на нарисованную на доске схему. — Идеальное место, — на карту. — И три идеальных существа — Норны-пророчицы, связанные со стихиями неразрывной пуповиной. Мистическая сила проявляется в наибольшей степени, когда бытие становится чистым Сознанием, лишённым потребностей тела и духа. Это и есть мой оракул.

Жерард углубился в детали. Вопросов сразу стало меньше. Видимо, плохо понимая предмет, досточтимые мэтры боялись попасть впросак. Тем легче. Надо надеяться, что всё выглядит достаточно солидно, чтобы они не передумали насчёт денег.

— Мы это уже слышали. Какие успехов? Когда начнётся практическая часть? — оборвал его получасовую речь Казначей. — На что были потрачены деньги?

Жерард про себя сглотнул, но виду не подал.

— Практическая часть уже началась и идёт параллельно теоретическим изысканиям. Получен доступ в закрытые залы Библиотеки, копятся сведения со всех уголков Мидгарда. Как вы могли наблюдать...

— Говорите конкретнее! Начали ли строить источник, нашли ли Норн? — не дал закончить строгий Канцлер.

Жерард глубоко вздохнул. В прошлый раз они были терпеливей и благосклонней. Неужели слух дошёл?

— Идеальное место построить нельзя — его нужно отыскать. Это легендарный пуп земли, где сходятся все силовые линии. Если вы взглянете на карту...

Ректор властно вскинул руку:

— Это даже школярам известно — пуп земли в катакомбах под Библиотекой. А что с Норнами?

Указать на ошибку или позволить им дальше упиваться своим невежеством? Всё-таки это один из немногих козырей, которыми Жерард располагал. Если выложить всё, то проект передадут кому-нибудь более ушлому. Не то, чтобы Жерард создавал его из-за власти или денег, просто другие не смогут довести его до конца. А проект этот самый важный за всю

историю круга книжников. Если его провалят, годы трудов пропадут втуне, и не только они.

— Мы нашли двух: медиума и ясновидящую, — Жерард сложил руки на груди. — Третью ещё ищут.

— А это точно те? Ошибки быть не может? — подал голос рыжебородый Главный Жрец. Жерард предпочитал отчитываться перед Архимагистром, а не перед этим пройдошливым хитрецом.

— Точно. Это они.

Ректор поднялся со стула. Прожжённый и прагматичный, на представлении проекта он выступал главным оппонентом Жерарда и так не вникнул в суть. Его возражения — самое плохое, что могло произойти.

— Почему вы так уверены? — мутные карие глаза впились в Жерарда с такой силой, что пришлось призвать всё самообладание, чтобы не отвести взгляд. Неужели донесли про опиум?

— Интуиция — главный помощник Сумеречника в любом деле, хоть в битве, хоть в изысканиях, — Жерард процитировал Кодекс ровным голосом. Это не удовлетворит Ректора, зато на остальных подействует.

— А третью? Мне доложили, что вы уже нашли третью Норну, но отчего-то тянете, — не унимался оппонент. — Вы боитесь провала? Достучаться до богов — очень амбициозный проект, очень важный в наше беспокойное время. Мы готовы выделить на него средства, но нам нужны гарантии, что они не будут растрочены даром.

— Откуда такие сведенья? Вас, видно, ввёл в заблуждение кто-то из моих помощников. Мы развернём проект в полном масштабе, как только отыщем третью Норну. Однако призываю к терпению. На то, чтобы получить результаты, уйдут годы трудов. Спешка здесь неуместна.

— Тогда, быть может, стоит подыскать кого-то более компетентного и энергичного для руководства, а вас оставить консультантом по теоретическим вопросам? Тогда у вас освободится время для решения м-м-м... семейных проблем, — Ректор ухмыльнулся. Руки сами сжимались в кулаки.

— Меня хотят сместить? — с деланным безразличием Жерард повернулся к Архимагистру.

— Нет, — веско ответил тот. Под его тяжёлым взглядом Ректору пришлось сесть. — Нам просто нужны осязаемые гарантии результата. Ваши пояснения — всего лишь слова, для непосвящённых к тому же непонятные. Трудно поверить, что мы сможем достучаться до богов.

Да, непонятными. Из всех людей, из многомудрых книжников и старцев, смысл проекта дошёл только до Гэвина. О, какой у них тогда был диспут перед всем Большим Советом! Никто не понимал ни единого из их аргументов, даже сути спора не уловили, глупцы! Почему Гэвин не может поступиться гордостью и занять место в Совете, которое принадлежало ему по праву рождения?

— Всё в мире зиждется на вере — и сила Сумеречников, и даже сила Повелителей, — Жерард снова обратился к Кодексу. — Третья Норна будет найдена сегодня, а завтра мы приступим к обучению и развернём проект в полном масштабе. Так говорит дарованная мне Безликим интуиция. Моя должность в кругу книжников и место в Большом Совете будут вашими гарантиями.

Ректор и Казначей недовольно скривились, Церемониймейстер потёр руки, а

Архимагистр удовлетворённо кивнул. За ним последовали и остальные девять членов совета. Жерард откланялся.

«Кар-р-р!» — подбодрил ворон, как только он покинул стены дворца.

Следовало узнать о здоровье новорождённой и позаботиться о ней, но возвращаться домой не было ни времени, ни желания. Оставалось надеяться, что служанка справится сама.

Тучи сгущались, накрапывал дождь. Проносились мимо запряжённые рысаклами экипажи, разбрызгивая грязь. Надвинув поглубже капюшон, Жерард спешил в лабораторию, отстукивая тростью по брусчатке монотонный ритм. Похоже, ушлый помощник решил не только личную жизнь устроить, но ещё и место начальника занять. Ничего — он своё получит.

Жерард постучал в дверь. Толпа кандидаток испарилась. Похоже, и впрямь объявили, что поиски закончены.

— Мастера книжники никого не принимают, — после третьего стука донёсся сипловатый фальцет практиканта Густаво.

— Открывай, малец, это я, — прочистив горло, отозвался Жерард.

Что-то звякнуло, заскрежетал замок. Жерард толкнул дверь, отстранив дрожащего юнца, и не раздеваясь, прошёл в гостиную.

На диване распивали согретое вино неизвестные мужчина с женщиной. Старика Бержедона согнали на кособокий стул в углу. Пышные седые бакенбарды поредели, блёклые глаза смотрели угрюмо. Ещё трое замерли, раскрыв рты, как будто не ожидали его увидеть. Рогоносец даже на работе.

— Что здесь творится? — потребовал Жерард.

Молчание. Заскрипела дверь кабинета. В освещённом свечами коридоре показался проходимец Рамиро. Выпученные лягушачьи глаза смотрели по привычному нагло.

— Вы рано. А как же семья? Рождение первенца — такое событие, — хитро прищурился он.

— Рад бы, да с самого утра в Совет вызвали. Удивительное дело, говорят, третья Норна нашлась. Верно, они ошиблись? — начал Жерард нарочито спокойно.

— Отчего же? Вот, — улыбнувшись, Рамиро указал на пару на диванчике. — Госпожа Сюзетт де Годон и её опекун Тибо де Годон. Мы как раз обсуждали её содержание.

Жерард вздёрнул брови. Пышногрудая норикийка в откровенном платье закинула ногу на ногу и подмигнула:

— Приятно познакомиться, доктор Жерард.

Рамиро склонился и поцеловал её ладонь.

Мда, эта томная брюнетка ни капли не похожа на хрупкую северянку из опиумного сна.

— Поговорим, — Жерард ухватил Рамиро под локоть и поволок за собой в кабинет.

— Ещё раз спрашиваю, что происходит? — Жерард старался держать себя в руках, но когда огляделся, от самообладания не осталось и следа: — Ты переставил мебель в моём кабинете?! И где, скажи на милость, моя картина?

Стол задвинули к дальней стене от окна, шкаф с книгами соседствовал с дверью, стулья стояли по углам. Место родного пейзажа сальванийской пустыни Балез Рухез занимала аляповатая мазня, которую лишённая вкуса молодёжь называла «пасторалью».

Рамиро вырвался и потёр передавленную руку:

— Освежил интерьер. А жуткую картину выкинул. От неё только настроение портилось.

— Ладно, — Жерард стиснул зубы, борясь с желанием треснуть его по голове. Не имеет

значения. Вдох-выдох. — С остальным что? Я же сказал, нужна телепатка, с уникальным даром: забвение или внушение. А твоя девка слабая левитаторша, — такие вещи подмечались по ауре с первого взгляда.

— Телепатка или левитаторша — какая разница? Всё равно к стихии ветра относится. У этих людей связи и способности в другом, не менее важном, и острая нужда. Отчего же не помочь хорошим людям? — нелепо оправдывался Рамиро.

Понятно, что связи там порочащие, а способности сомнительные, да и вульгарный вид красноречиво говорил о природе нужды.

— Извини, что напоминаю, но мы тут не для благотворительности собрались. Малейшая ошибка — и ничего не сработает, — усовестил его Жерард, но Рамиро расхохотался ему в лицо.

— Простите, но я уже не могу, — неискренне извинился он, как плетью хлестнул. — Не стоило вам работать так много. Глядишь, не стали бы рогоносец с чужим ребёнком. Не понимаете разве? Этот проект — уловка, чтобы деньги из Совета выкачивать. Никто не верит в богов, а тем более что человек, жалкий человек, сможет познать их и общаться как с себе подобными. Вы понадобились лишь для красивой отделки. Позвольте умеющим людям довершить начатое, и, может, получите свою выгоду. А если нет, что ж... посмотрим, что скажут в Совете про ваши походы в «Кашатри Деи».

Рука взметнулась словно по своей воле. Пальцы сжались вокруг цыплячьей шеи мерзавца.

— Подсидеть меня вздумал? — прошипел Жерард. — Зубы-то не обломай. Я не для того столько лет из клоаки выкарабкивался, чтобы уступить проходимцу вроде тебя. Когда-нибудь этот проект спасёт наш орден.

Рамиро посинел, выпучивая глаза ещё больше. Жерард отпустил, сожалея об этой вспышке. Нужно было держать себя в руках и улыбаться. Улыбаться, пока не сдохнет.

Он покинул свой, нет, уже чужой, кабинет и плотнее запахнулся в мантию. Никто не одарил его даже взглядом на прощанье, предатели! Один старый Бержедон на мгновение поднял глаза и снова задремал.

На улице потемнело, дождь ронял за шиворот ледяные капли. Жерард залез в подворотню и, борясь с брезгливостью, принялся копаться в мусоре.

«Кар-р-р», — ворон неодобрительно кружил над головой, будто прося оставить дурное занятие.

Картина обнаружилась, но краски уже потекли. Восстановлению не подлежит. Жерард отшвырнул её к стене. Подрамник треснул, порвался холст.

Хлынуло как из ведра.

Жерард брёл по пустынным улицам, кутаясь в промокающую мантию, месил грязь сапогами. Надо бы приструнить наглого сосунка: снять с должности и услать. Хорошо бы условиться с Бонгом, как от обвинений отбрезхиваться будут. Кабатчик, поди, не раз уже телепатические допросы обходил. Но без третьей Норны всё стало безразличным. Может, уехать на фронт Сальвани помогать раненым? Хоть что-то сделает для павшей родины. Или на край света сбежать? Что там Бонг рассказывал о Крыше мира? Туда, в мифическую Агарту, где по поверьям обитает сама старуха Умай, вдова Небесного Повелителя и мать Безликого.

Сквозь тучи мутной пеленой опускались сумерки. «Кар-р-р», — ворон полетел к увитой плющом парковой ограде из серого камня. Возле неё стоял Бонг в пёстром халате с

канарейками. Поманил и скрылся за воротами. Жерард спешил следом, поскользываясь на мокрой опавшей листве, но не мог догнать. Кто бы подумал, что в пухлом низкорослом кабатчике столько прыти.

Соскочил с оголившейся ветки платана рыжий кот с белым пятном на всю морду. Дразнили сапфировым светом глаза. Это сон? Жерард помчался за ним, сожалея, что в руке нет сачка. Кот петлял по размокшим аллеям, как заяц. Сердце заходилось, ледяное дыхание опаляло горло, тело взмокло не только от дождя, но и от пота. Кот замер возле скамейки, укрытой от прямых струй раскидистыми ветвями, глянул на Жерарда, маня. Ворон опустился на плечо и каркнул в самое ухо. «Протри глаза и смотри!»

На скамейке сидела девушка, судя по ауре, из своих — сильное дитя Ветра. Добротный серый плащ полностью скрывал её фигуру. Кот запрыгнул ей на колени, бледная тонкая ладошка погладила свисавшую мокрыми ключьями шерсть. Жерард опустился на край скамейки и исподтишка поглядывал на них, словно душегуб, высматривающий жертву.

Грубые сапоги сверху донизу покрывала грязь, с плаща потоками стекала вода. Ничего особенного, если скользить взглядом или присматриваться, но если отвернуться, боковое зрение улавливало голубое свечение, непроницаемым пологом скрывавшее истинную суть от непосвящённых.

— Почему вы грустите? — удивила девушка, заговорив первой. Речь-то какая плавная и мелодичная, будто песня журчит. Совсем не похоже на резкую речь южан и норикийцев.

— Я грущу? — впервые в жизни слова давались с трудом, настолько страшно было спугнуть её.

— Грустные люди гуляют под дождём, — кристально голубые глаза внимательно смотрели из-под капюшона, прозрачные и чистые, словно корили весь мир за его грязь и порочность, даже самому делалось совестно. — Вид у вас грустный.

Искренность — вот ключ. Фальши это существо не потерпит и упорхнёт, как птица в небо. А солнце уже скатывалось за край, и время бежало неумолимо, не оставляя права на ошибку. Он задаст вопрос, а она изречёт волю богов, какой бы суровой та ни оказалась.

— Жена родила ребёнка от другого и не хочет им заниматься. Начальство требует результаты и не понимает, что на это надо время. Помощник пытается занять мою должность. Все смеются надо мной и не понимают моих идей. Как будто мир встал на дыбы, чтобы сбросить меня и потоптаться копытами, — выпалил он на одном дыхании. Полегчало.

— Это оттого, что вы никого не любите, — добродушно ответила она. — Как называли ребёнка?

— Никак, — Какое кому дело до не нужного даже матери младенца?

— Зря! Если не дать ребёнку имени, его заберут мары. Тем более если ребёнок нежеланный, — Это и есть ответ богов? Прямо как Гэвин говорил. — Поделитесь с ним теплом, чего вам стоит? Дети в таком возрасте впитывают доброту. Всё, что вы для него сделаете, вернётся к вам сторицей. Не услугами или золотом, а знанием, что дорогой вам человек жив и счастлив.

— Это девочка. Гизелла, — быстро нашёлся Жерард. — Так звали мою мать. Но я ничего не знаю о младенцах.

— Красивое имя. Отправьте к кормилице в деревню, а как подрастёт, к себе заберёте. Только не бросайте — ни один ребёнок, пускай даже чужой, этого не заслуживает.

Пустынным стоял парк, шумел дождь, дрожали голые ветки, шелестела палая листва.

Наивные слова завораживали, хотелось вслушиваться в вибрации голоса, искать тайные

знаки и предзнаменования. Смотреть и видеть перед собой не её, а кого-то другого, могущественного и грозного, с ехидным прищуром пронзительно синих глаз. Кот на её коленях растворился во влажном от дождя воздухе вместе с голубым сиянием.

— А почему грустите вы? — участливо спросил Жерард. — Грустные люди...

— Глупость. Вы будете смеяться, — голос ломался, пряча всхлипы. Она отвернулась.

— Не буду. О глупости я знаю не понаслышке, — он медленно придвинулся ближе.

Доверчивая! Она была доверчивой во сне.

— Я приехала издалека, чтобы найти одного человека, Духа огненного. Я видела его во сне, думала, он тоже меня ищет. Хотела пробудить Безликого. Мне казалось, я встречалась с ним когда-то, разговаривала как с вами сейчас. Он грустил даже без дождя. Я нашла лабораторию, в которой хотели связаться с богами. Но проект оказался уловкой для легковверных. На самом деле всем нужны только деньги и развлечения. Даже Духу.

Она обняла себя руками.

«Кар-р-р!» — подтвердил ворон над самым ухом.

Горячечный бред. Как и вся эта затея с источником мироздания и Норнами.

Ублюдочный Рамиро! Из-за его козней явившееся к ним по своей воле чудо едва не ускользнуло, но теперь Жерард ни за что его не упустит. Боги благословили его и этот проект!

Жерард обхватил, развернул к себе и откинул с её головы капюшон. Измождённое тонкое личико, короткие волосы цвета лунного серебра, огромные глаза, в которые падаешь, как в небо.

— Ты в этом уверена, моя неуловимая Свобода? — смеясь, спросил он, не чувствуя уже ни дождя, ни холода.

— Моё имя Лайсве, — прошептала она, обмякнув в его руках.

Глава 6. Лаборатория Жерарда

Странно вышло. Я сидела на скамейке в парке под проливным дождём, отчаявшись, а потом увидела таинственного сальванийца. Высокий, узкоплечий и сухой, он разглядывал меня, крадучись хищнической походкой. От сырости и без того кудрявые тёмно-коричневые волосы вились барашками. Цепкий взгляд светлых ореховых глаз не отпускал, пока сальваниец усаживался рядом. Я была настолько опустошена, что даже не испугалась. Из своих ведь — целитель, целители не убивают, какими бы сумасшедшими они ни казались. Даже жалко немного его стало, такого печального, потерянного хищника. Я заговорила, по привычке пытаюсь унять его тоску словами и даром, хотя как и раньше чувствовала наивность своих порывов. Он слушал внимательно, а я изучала его узкое длинное лицо с резкими утончёнными чертами. Смуглая оливковая кожа морщинилась лишь слегка в уголках глаз и рта. Тонкий прямой нос, вздёрнутый подбородок и пухлые губы — у южан такая необычная внешность. Несочетаемое сходится вместе и околдовывает причудливостью, которую я раньше видела разве что в забытом сне. Сне!

В голове вспыхнул образ. Дух огненный всё-таки нашёл меня!

— Извини за Рамиро, это мой недосмотр. Он получит своё, — держа за руки, он убеждал меня вкрадчивым голосом.

— Не стоит. Не хочу, чтобы у кого-то были проблемы.

— Ты слишком добрая, — он потрепал меня по щеке, как любили делать отец и брат. — О, боги, время! Совет не будет ждать.

Он потянул меня за собой. Дождь слепил и заливал за шиворот. Мы шлёпали по лужам, обгоняя экипажи, проскакивали перед копытами лошадей, прохожие шарахались в стороны.

— Куда? Вы даже не сказали... — я боролась с тяжёлым дыханием и сердцебиением.

— Жерард Пареда, — представился он, когда нас остановил стражник возле ворот на дворцовую площадь. — Потом, всё потом!

Стражник пожал плечами и пропустил внутрь. Сбивая сапоги и оскальзываясь на лужах, мы снова побежали, промокшие до нитки. Коротким путём через боковые аллеи добрались до служебного входа во дворец. Жерард позвонил в серебряный колокольчик, и из-за двери показался слуга в бело-зелёной ливрее.

— Заседание закончено, — покачал он головой. — Все уже уходят.

— Пускай задержатся. Я нашёл третью Норну! — Жерард выпихнул меня из-за своей спины и подтолкнул вперёд.

Слуга удивлённо покосился на меня и поманил за собой. Сверкал белый мрамор, радужными бликами плясали огоньки свечей в хрустале люстр и канделябров. Совестно было капать грязью на дорогие зелёные с золотой вышивкой ковры. Мы проносились мимо великих битв, портретов героев и полководцев на гобеленах и полотнах, развешанных по всем стенам вдоль лестниц. На третьем этаже встретилась пара седобородых Сумеречников в чёрных мантиях. Они замерли, удивлённо нас разглядывая.

— Как и обещал, третья Норна найдена, — Жерард указал на меня и шепнул на ухо. — Это почётные члены Малого Совета, мэтры Церемониймейстер и Глава наставников.

Я отвесила им книксен. Стыдно в таком виде — растрёпанная, мокрая и грязная.

— Если вы вернётесь в зал заседаний, я официально её представлю, — Жерард

пропустил их вперёд.

— Если остальные согласятся, — пожал плечами Глава наставников.

Мы остановились возле мраморного бюста Джорджа Драконоборца, первого Архимагистра ордена, нет, тогда их по-другому называли, и вступили в зал заседаний. Здесь оставалось всего пять человек, ещё пятерых слугам пришлось искать по всему дворцу. Пока мы ждали, Глава наставников забрал мой мокрый плащ и накинул на плечи свой, сухой и тёплый, подбитый собольим мехом. Видимо, не выдержал смотреть, как я стучу зубами.

— Вдруг не придут? — спросила у Жерарда.

— Любопытство пригонит, — усмехнулся он уверенно и спокойно, будто не изливал мне душу в отчаянии совсем недавно.

Члены Совета явились в полном составе через пять минут, два человека уже были в верхней одежде. Архимагистр в серебряной мантии, расшитой знаками ордена, первый сел за стол, за ним последовали остальные. Он нетерпеливо кивнул Жерарду:

— Приступайте. Ваш помощник всё-таки оказался прав?

— Нет. Она искала меня, но мы разминулись из-за моих семейных хлопот и встретились в последний момент. Разве это не предзнаменование? Северянка-странница с именем Свобода и даром к телепатии.

— Отражению, — поправила я.

— Пускай сама расскажет, — потребовал Архимагистр.

Я оробела. Самые важные люди в ордене, а может, и во всём мире, внимательно смотрели на меня.

— Если что, я помогу, — подмигнул Жерард.

Я прочистила горло, сложила руки на груди и вдохнула побольше воздуха.

— Моё имя Лайсве Веломри, на самом деле я не с севера, а из маленького графства Белоземье на границе Веломовии и Кундии. Это, конечно, северней Эскендерии, но много южнее Лапии и...

— Беглая дочь лорда Веломри! Маршал Комри обнаружил её под городскими стенами во время погони за одержимыми, — перебил меня Церемониймейстер. — Ваш отец уже второй год не даёт никому покоя с вашими поисками.

Я сглотнула. На выручку пришёл Жерард:

— Это единственно логично. Безликий мог выбрать пророчицу только из благороднейшей крови древнего рода, а не кого-то из голодранцев.

— Он выбрал меня не поэтому, — тихо возразила я, не он не дал продолжить и ухватил за подбородок.

— Вглядитесь в это лицо! Видите эту непорочную красоту, суровую неприхотливость и силу духа, которые издревле служили главными добродетелями в нашем ордене? Это чудесное создание словно явилось из сказаний о богах и героях, когда наш мир был молод и полон высоких стремлений.

— Доктор Пареда, позвольте ей говорить самой. Ваших пафосных речей мы слышали уже достаточно, — остановил его старый Ректор. Жерард недовольно сверкнул глазами, но подчинился.

— Я появилась на свет в замке на холме. Моя мать умерла, рожая меня и моего брата-близнеца Вейаса. В детстве я любила бывать в нашем родовом святилище. Отец всегда просил меня помолиться за него перед очередным походом. Называл меня своим талисманом. Порой мне казалось, что ветер слушал и даже отвечал, стучась в трубы и окна.

До шестнадцатого дня рождения я не помышляла об иной участи, кроме жены и матери, но на нашу с братом церемонию взросления явилась вельва и предрекла мне скорую смерть при родах. Я попросила её изменить мою судьбу и ступила на нетореную тропу, чтобы самой решать, как мне жить и что делать дальше.

Мы с братом сбежали на север. Вельва назначила ему принести из Хельхейма клыки вэса, который сторожит гробницу Безликого. В Урсалии вместе с племенем туатов мы сразились с Лунными Странниками и спасли город от нашествия. Туаты проводили нас до подземного лабиринта в ледяной пустыне Хельхейма. Там мы и отыскивали вэса, но во время охоты случился обвал. Нас с братом разделило. Я осталась в зале с четырьмя колоннами. На них были нарисованы ворон, сокол, сова и кот. Из последней он и явился — Безликий — в образе Огненного зверя. Он сказал, что призвал меня в это место с помощью вельвы, чтобы я своей верой возродила его былое могущество и помогла победить хищную мглу. Он называл её Легионом теней, которым руководил его брат-предатель Тень.

Безликий отвёл меня в Тэйкуоли, Пещеру духов. Я принесла ему в жертву ещё одного вэса. Напившись его крови, Безликий исполнил свою миссию и отправил меня к брату, попросив забыть обо всём, но я не смогла. Вернувшись в Урсалию, я рассталась с братом и поднялась на священную гору Мельдау. Там мне было видение, что я должна отыскать в Эскендерии Духа огненного, который поможет возродить Безликого. Я отправилась сюда. В город меня не пустили, поэтому пришлось заночевать под стенами. Там на нас напали одержимые.

— С вами кто-то ещё был? — спросил Глава Жрецов.

Я затаила дыхание. Не хотелось рассказывать про Микаша, у него могли быть неприятности.

— Мой бог всегда со мной.

— Ещё одно доказательство. Связь с высшими силами привлекает одержимых, — снова помог Жерард.

— Ещё слово, и вас выведут за дверь, — отчитал его Архимагистр.

Он покорно склонил голову.

— Потом меня спас маршал Комри и привёз в город дожидаться эскорта домой. Но вот... мой Дух огненный нашёлся, и теперь я здесь.

Я неловко усмехнулась. Седобородые мэтры кивали, кто скептически, кто безразлично, кто и вовсе со злобой.

— Доктор Паредра, признайтесь, это вы сочинили эту сказочку? — спросил Ректор.

— Я так похож на сочинителя? Впервые слышу эту необычайную историю, — Жерард сжал моё плечо. — Если Совет пожелает, позже мы проведём допрос с телепатами и целителями разума. Сейчас же нашей хрупкой пророчице следует отдохнуть.

Я вздрогнула. Микашу сильно досталось во время допроса. Неужели со мной будет так же? А если всплывут грязные подробности? Я не смогу людям в глаза смотреть!

— Не стоит подвергать несчастную девочку болезненной процедуре. Она не преступник! — вступился за меня Глава Судей.

— Согласен. Вам виднее, пророчица она или нет, тем более за успех этого проекта отвечаете вы сами, — высказал своё слово Архимагистр. — Но лорду Веломри это не понравится. Всё-таки она не бесприданница.

— Я всё улажу. Проект остаётся за мной? — отмахнулся Жерард.

— В полном вашем распоряжении. Мэтр Казначей выделит необходимые средства, —

постановил Архимагистр. Один из мэтров кисло скривился. — Скорее отведите бедняжку переодеться и накормите горячим. Её смерть от воспаления лёгких лорд Веломри нам точно не простит.

Жерард торжествующе улыбнулся и повёл меня прочь. Мы вышли из дворца и направились в сторону маршальских корпусов, прячась под скатами крыш от дождя.

— Совет мне не поверил...

— Поверит, я их заставлю, — Жерард похлопал меня по плечу. — Главное, что я тебе верю. Я тоже видел Огненного зверя, если того паршивого кота можно так назвать. И ворона. Хотя я специализируюсь не на болезнях разума, а на его мистических способностях, но умею отличить болезнь от дара. Один и тот же сон не может сниться двум людям, одно и то же безумие не может настичь двоих. Не бойся. Давай претворим твою мечту в жизнь и докажем, что безумны не мы, а весь остальной мир. Ты же хочешь возродить Безликого?

Я вгляделась в его тёплые ореховые глаза. Обман с участием Малого Совета ради того, чтобы воспользоваться мной? Глупость!

— Хочу! Больше всего на свете! — Я пожалала подставленную руку.

Мы вошли в маршальский корпус.

— Сегодня переночуешь здесь и напишешь мне во всех подробностях о своей жизни и, главное, о путешествии и встрече с Безликим. А завтра я заберу тебя в лабораторию.

Жерард подозвал слуг и принялся отдавать им распоряжения. Дверь отворилась, и в коридоре появился Сольстис. Он оставался здесь за главного на время отсутствия маршала.

— Что происходит? — потребовал он.

— Девочка промокла и продрогла. Её надо согреть, накормить и уложить отдыхать, — отмахнулся Жерард как ни в чём не бывало.

— Она не ваша ответственность, а маршала, — встал между нами Сольстис. Неужели проблемы начнутся с порога?

— Ошибаетесь. Она моя пророчица, и волею Совета завтра поступает в моё ведение. А сегодня, если позволите, она погостит у вас последнюю ночь.

— Маршалу это не понравится.

— Мне тоже много чего не нравится, но кто меня спрашивает? — Жерард обернулся ко мне. — Завтра утром будь готова. Найду Гиззи кормилицу, и сразу за тобой, м?

Я не выдержала и улыбнулась. Всё-таки он милый, хоть и немного чудной. Жерард зашагал прочь.

— Зря вы с ним связались. Мутная эта затея с оракулом — маршал так и сказал. Лучше бы вы вернулись к отцу, — покачал головой Сольстис.

— Маршал не бог, чтобы мне указывать.

Я ушла в свою комнату. Уютно потрескивали дрова в камине, пахло хвоей. Когда я переоделась в камизу, слуги уже расстелили постель и положили в ноги грелку. Вился дымок над тарелкой с протёртым грибным супом, рядом стояла кружка с подогретым вином. Самое лучшее средство от простуды, как говорил Жерард. Всё-таки здорово, когда ты не один такой сумасшедший, воющий на луну.

Я выписала из дневника всё, что не боялась рассказать, и легла спать. Утро выдалось на удивление ясным, как будто не лило весь прошлый день. Я собралась и вышла на порог, щурясь от яркого солнца. Жерард похвалил меня за пунктуальность.

— Сама как птичка, и вещей как у птички, — усмехнулся он, забирая мой тощий вещевого мешок.

— Дорога приучает довольствоваться малым, — Даже удивительно, что он признавал во мне высокородную в таком состоянии.

— Выше нос. Скромность — одна из главных добродетелей ордена, — он снова потрепал меня за щёку. — Обживёшься здесь, и всё будет прекрасно.

Мы направились по знакомой дороге мимо Университетского городка. Сейчас здесь было тихо и безлюдно. Видно, занятия уже начались.

— Как ваша дочь?

— Отправил её к знакомым в пригород. До деревни далеко и беспокойно. А так смогу навещать её иногда, — рассказывал Жерард по дороге.

Я улыбалась и кивала. Хороший он, живёт не только развлечениями и выгодой. Такой лёгкий характер и тёплое отзывчивое сердце — редкость.

У лаборатории людей тоже не наблюдалось. Жерард отпер дверь и пропустил меня внутрь. На шум выглянул давешний паренёк и удивлённо уставился на нас.

— Вы вернулись?

— Да, на этот раз чтобы остаться и работать, — Жерард подтолкнул меня в гостиную.

Неприятная пара снова сидела на диване. Я передёрнула плечами от ядовитого взгляда мужчины.

— Опять эта полоумная?! — вознегодовал он. — Одного раза ей мало? Вышвырните её!

— Эта девушка самый важный человек в моём проекте, — Жерард закрыл меня спиной. Вежливый тон не вязался со смыслом слов: — А вы здесь лишние. Попрошу покинуть здание.

— Что вы себе позволяете?! — запротестовал мерзкий тип.

Стукнула об стену входная дверь, из прихожей донёсся топот.

— Патруль. Всем оставаться на своих местах! — в гостиной показались несколько рослых Сумеречников в чёрной с белыми полосами форме. — Нам сообщили, что здесь хранятся запрещённые вещества. Мы должны всё осмотреть. Кто у вас главный?

Работники замерли. Я вцепилась в подставленный локоть. Неужели всё закончится так бездарно?

— Доктор Жерард Пареда, заведующий кафедрой мистических способностей развитого разума и этой лабораторией, к вашим услугам, — представился он. — Осматривайте, пожалуйста. Надеюсь, это ошибка. Мы здесь наукой занимаемся, ни о каких веществах не помышляем.

Патрульные недослушали и принялись рыться в вещах, заглядывать под столы и стулья, выворачивать мешки и сумки.

Никак не получалось унять дрожь. Жерард приобнял меня за плечи и зашептал:

— Не переживай. В последнее время такое случается. Все немного не в себе из-за войны на юге.

Только остальные выглядели не менее опарашенными, чем я.

— Что здесь происходит?! — показался из-за двери одной из внутренних комнат Рамиро.

Кожа на его лбу собралась в толстые складки, глаза тревожно бегали от патруля к Жерарду и обратно.

— Вот оно, — позвал патрульный.

Все обернулись. Он достал из сумки полотняный мешочек, развязал тесёмки, посмотрел и попробовал на вкус белый порошок.

— Чистый опий. Чья это сумка? — потребовал глава патруля.

Работники испуганно переглядывались.

— Его! — старик, притаившийся в дальнем углу гостиной, указал на Рамиро.

— Это не моё! — возмутился он.

— Пройдёмте с нами, — попросил глава патруля.

— Меня подставили! Это он! Он курит опий, его идеи...

Рамиро бросился на нас, но патрульные удержали его за руки.

На лице Жерарда не было и тени тревоги или гнева. Он лишь печально качал головой, сочувствуя другу. Такой аккуратный, собранный, ухоженный. Разве он способен на преступление?

— Спросите у Джанджи Бонга, хозяина «Кашатри Деи»! Спросите... — Рамиро поволокли в прихожую, а оттуда на улицу.

— Уповаю, что всё обойдётся, — обратился Жерард к главе патруля, оставшемуся, чтобы собрать подписи свидетелей. — Рамиро, конечно, был странный в последние дни: возомнил себя начальником, писал отчёты том, чего не было. Эти смехотворные обвинения. Я же тут несколько недель не появлялся, за женой смотрел. Она вчера родила. Первенца. Девочку. Такое чудо!

— Поздравляю от всей души! — суровое лицо патрульного чуть просветлело.

— Доктор Пареда чист перед Кодексом, как младенец, — старик поднялся со стула. Все замолкли. Высушенный голос скрипел, как ржавые петли: — Благороднее и честнее человека не сыщете. Не его опий.

— Спасибо, Бержедон, — Жерард положил ладонь на его плечо. — Истинные друзья познаются в беде, но не стоило. Право, ты слишком стар и хрупок для пустых волнений. Лучше присядь, нет, не на стул, там неудобно — на диван. Наши гости уже уходят.

Пара на диване зашевелилась. Женщина встала первая и потянула упирающегося мужчину за рукав. Когда они поравнялись с Жерардом, мужчина вырвался и выплюнул ему в лицо:

— Вы должны мне денег!

Жерард вскинул брови:

— Я вам ничего не обещал.

Женщина снова потянула его за рукав:

— Власть сменилась, не видишь?

Они ушли, и я надеялась, что навсегда.

— Есть шанс, что все уладится? — спросил Жерард у закончившего работу патрульного.

— Я бы советовал найти нового помощника. От опиума у них ум за разум заходит. Но на вашей репутации это никак не отразится. Здоровьечка жене и новорождённой, — ответил тот и откланялся.

Жерард подошёл к приютившемуся в углу дивана Бержедону и взял его за руки:

— Спасибо. Не стоило марать себя об это.

— Это вам не стоило. Я всё сделал, а ваши руки остались чистыми. Теперь спокойно принимайтесь за работу. Жаль только, что я больше не смогу вам помогать, — старик устало опустил подбородок на грудь.

— О чём речь, старина, ты всегда будешь рядом, — Жерард обнял его и вернулся ко мне.

Остальные книжники смотрели на нас с заискивающими улыбками, готовые отозваться

на любую просьбу и услужить всем, чем можно. Жаждают искупить вину. Что ж, они лишь люди.

В дверь постучали.

— Густаво! — окликнул Жерард, и паренёк бросился открывать.

Все снова встрепенулись. В гостиную вошёл молодой купец в короткой куртке и красном берете. Под мышкой он нёс большую картину в тонком чёрном подрамнике.

— Пришлось побегать, но я нашёл! — счастливо сообщил он.

Жерард поманил его за собой. Я направилась следом. Мы очутились в небольшом кабинете. Мебель в нём была расставлена настолько неудобно, что втроем было тесно. Мы сталкивались либо натыкались на шкафы, стол или стулья. Я присела, и стало легче. Жерард снял со стены пёструю картину с полуголыми пастушками, при виде которой мой отец сгорел бы со стыда. Купец повесил новую, причудливую. Пустыня. Жёлтый песок перетекает в красный, вздымается волнами, огибает сиротливо-голые скалы, чёрными щупальцами тянутся к пронзительно синему небу окаменелые деревья, тени играют ломаными гранями.

— Вызывает кошмары? — спросил Жерард.

— Что вы! Очень таинственно и чарующе. Ледяная пустыня Хельхейма плоская и холодная, совсем не такая. А настоящей я ни разу не видела, — с охотой ответила я.

— Я свожу как-нибудь, здесь неподалёку есть небольшая полупустыня. А на картине реликтовая Балез Рухез, на границе между Сальвани и Муспельсхеймом. Я рос рядом, но из-за войны пришлось уехать. До сих пор скучаю, — вспоминал он.

Купец нетерпеливо закашлялся, указывая на картину с пастушками:

— А что с этой делать?

— Выбрось или перепродай — что хочешь! — Жерард отсчитал ему несколько золотых и выпроводил к поджидавшему за дверью Густаво.

— Что ж, — Жерард потёр ладони. — Написала рассказ о своей жизни? Знаю, что это утомительно, но...

— Вовсе нет. Я веду дневник. Вот кое-что оттуда, — я вынула из вещевого мешка стопку листов.

Жерард пробежался по ним глазами и отложил.

— Замечательно, что у тебя такая страсть подмечать детали. Я бы хотел изучить сам дневник. Наверняка там найдётся нечто, что ты сочла незначительным, а мне бы показалось любопытным.

— Нет, там личное, — я отступила на шаг и упёрлась спиной в закрытую дверь. Не хотела, чтобы кто-нибудь читал моё сокровенное до моей смерти. И после... уже совсем не уверена, что хотела бы. Лишь бы Микаш никогда не узнал, что я сделала.

— Милая, ты что меня боишься? — он замер на месте, но продолжал вглядываться в моё лицо так же пристально. — Если не хочешь, не надо. Просто это могло бы помочь.

Я сняла с головы платок и принялась перебирать его в руках, пряча глаза.

— Простите, я не разбираюсь в людях. Плохие хорошо притворяются и делают всё, что ты хочешь, пока не добиваются нужного, а хорошие... они такие, как есть и не приукрашают себя, поэтому их трудно узнать.

Надеюсь, он не обиделся? Платок выпал из моих рук. Я наклонилась за ним, но Жерард оказался проворней: взял его и отложил на стол.

— После всего, что выпало на твою долю, твоё недоверие оправдано. Я вот вроде тёртый калач, а тоже обманулся. Думал, Рамиро мне друг и соратник, а он попытался отнять

мой проект и обвинил невесту в чём, — Жерард навис надо мной и заглянул в глаза. Я отстранилась, сложив руки на груди, но он хорошенько меня встряхнул. — Всё, что мы тут делаем, зиждется на искренней вере и доброй воле. Обещаю, ничего из сказанного не выйдет за пределы этой комнаты. Я не буду ни смеяться, ни упрекать, а взамен отвечу на любой твой вопрос.

Я нерешительно пожала подставленную ладонь. Тонкие гибкие пальцы напоминали цепкие паучьи лапки.

— Это не вы подбросили опий?

Жерард вздохнул и спокойно ответил:

— Нет, но я его курил.

Я отпрянула. Демоны! Сколько ещё раз я буду попадаться на неискреннюю доброту?!

Жерард повернулся к картине и бродил взглядом по ребристым бороздкам на песке. Я могла уйти, но не ушла, хотя в голове продолжали вертеться сонмы неприятных образов.

— В детстве, когда только началась эта война, я видел сон, — глухо заговорил Жерард. — Мир накрывала тень, что губила всё на своём пути. Этой тенью были единоверцы. Спасеньем от них стал источник, огромный фонтан в центре мироздания. В нём обитали три пророчицы-Норны: Урд, та, что корнями уходит в землю, зрит минувшее и ткёт нить судьбы, Скульд, что выходит из морской пучины, зрит грядущее и оплетает нитями долга; и Верданди, та, что парит в небесах, зрит нынешнее и указывает путь. Они подчинялись Повелителям Стихий и были глазами и ушами высших сил в мире людей. Только Повелители, объединившись, усмирили тень. Я стал Духом огненным, взрастил и помогал Норнам везде, где мог, чтобы они привели Повелителей к победе.

Он замолк, переводя дыхание. Я смотрела на него во все глаза, вспоминая смутно похожие сны о конце света. Только в них мир умирал не от тени, а от пожара, что вызвала схватка Огненного зверя с моим тёмным суженым.

— Родители отправили меня сюда на учёбу подальше от войны. Здесь я искал сведения о Повелителях Стихий, пророках и источнике мироздания. Прочитал сотни тайных книг по всем наукам, но самых сокровенных знаний там не нашлось.

Он обернулся, и взгляд его был необычайно ясным. Жерард сделал шаг мне навстречу, и я подалась вперёд, уступая любопытству. Длинные пальцы коснулись моего лба:

— Они спрятаны здесь. Только в снах приоткрывается завеса, когда мы можем прикоснуться к истине. Обычных снов мне было недостаточно. Я искал способ заглянуть глубже, и опий показался хорошей идеей. Сны с ним становились долгими, почти осязаемыми, проект обретал плоть. Я выяснил многое, но как только узнал имена Норн, бросил курить. Опий затмевает разум, а мне он нужен острый, как лезвие. Уже год я держусь, и, надеюсь, продолжу и впредь. Пускай это обещание будет залогом моей искренности, — он снова протянул мне раскрытую ладонь, и я её приняла.

— А теперь скажи, что ты скрыла от Совета? Это ведь связано с Безликим?

— В некотором роде. Со мной был Микаш, простолюдин с истинным даром к телепатии. Он служил моему жениху, но бросил его, когда тот отказался вызволять меня от Странника. Микаш спас меня и поехал с нами в Хельхейм. Это он убил вэса, но тот укусил его за ногу. Микаш умирал от яда. Безликий вселился в него, чтобы сразиться с Легионом. Жертвенной крови демона оказалось недостаточно для победы, и я подумала... Подумала, что пожертвовать надо чем-то более дорогим, самым дорогим, что у меня было. От страха это показалось мне хорошей идеей... Я отдала ему свою невинность.

Щёки и уши горели, взгляд утыкался в пол, даже когда я пыталась поднять глаза.

— Как инициация, хм, интересно, — Жерард подошёл к столу и всплеснул руками. — Дурацкая перестановка!

Он повернулся к книжному шкафу и, пробежавшись пальцами по корешкам, достал небольшой томик.

— Тут есть немного об обычаях людей до переселения в Мидгард. Во многих племенах избранных девушек на шестнадцатой весне отправляли к богам, чтобы те благословили их на долгую и счастливую жизнь в браке. Инициация, ритуальное лишение девственности — вот что означал этот обряд. После него женщины становились самыми уважаемыми и желанными в своём племени.

— Как жаль, что мы не древние люди, — усмехнулась я и снова потупилась.

— Не горюй. Всё хорошо, что хорошо кончается, — подбадривающе подмигнул Жерард. — Что стало с Микашем после?

— Безликий ушёл, а он выздоровел и ничего не вспомнил. Я так и не смогла сказать ему правду. Не говорите и вы, прошу! Мне так стыдно! Это был и его первый раз...

— Не скажу, я же обещал. А где он сейчас?

— Микаш? Он был со мной, когда на нас напали одержимые. Маршал Комри посвятил его в рыцари и забрал с собой в поход.

— О, так Гэвин и тут меня опередил, старый лис. Ладно, это только доказывает, что я на правильном пути.

— Вы его знаете? Скажите, он не навредит Микашу?

— Гэвин очень справедливый и принципиальный, даже слишком. Пока твой Микаш будет вести себя осмотрительно, его не тронут, но если оступится или помешает, Гэвин будет беспощаден.

Лишь бы ему не подставили подножку нарочно!

Несколько минут мы молчали. Жерард перечитывал мой отчёт и просматривал свои книги, потом позвонил в колокольчик. Из-за двери выглянул Густаво.

— Проведи Лайсве в смотровую, — Жерард обернулся ко мне: — Разденешься, и я сделаю все замеры.

Я сглотнула.

— Не переживай, я же целитель. Вид обнажённого тела меня волнует не больше, чем вид из окна.

Густаво отвёл меня в маленькую белую коморку, разделённую на две половины ширмой. Здесь резко пахло лечебными бальзамами и снадобьями. На столике лежали остро заточенные ножи и серпы, ярко горели лампы. За ширмой стояла кушетка, застеленная свежими простынями, и непонятные металлические приспособления. Я разделась. Вспомнилось, как приходилось мучиться со старомодными платьями в Ильзаре — их невозможно было надеть или снять без посторонней помощи. Здесь же одежда оказалась достаточно простой, чтобы обходиться без служанок.

Я завернулась в простынь и устроилась на стуле за ширмой. Вскоре пришёл Жерард, сменивший чёрную мантию на белый халат. Измерил мой рост и вес на весах в человеческий рост с подвесными гирями и штырями. Осмотрел горло и голову, а потом просил убрать простынь и принялся изучать тело. Душа улепётывала в пятки от ледяных прикосновений, но Жерард делал это настолько бесстрастно, что к концу я расслабилась. Опыта с мужчинами у меня не так много, но кажется, они другие, когда вожделеют, такие как Микаш, нежные и

трепетные над каждым лоскутком кожи, или как кузен Петрас, готовые рвать на части, ломать и подчинять попавшую в руки жертву, или как Безликий, ищущие утешения и близости, но всё равно остающиеся затворниками.

— Ты недавно была с мужчиной? — спросил Жерард.

Снова окатило волной горячего стыда.

— Микаш уехал надолго, быть может, навсегда. Я...

— Ты не думаешь, что поддерживать отношения, основанные на лжи, немного неправильно?

Я запахнулась в простынь по самый подбородок и убежала за ширму.

— Я ничего не думаю. Мне просто хорошо с ним, как ни с кем и никогда ещё не было, даже с Безликим. Если бы не Микаш, я бы уже давно свела счёты с жизнью.

Я принялась одеваться.

— Надеюсь, это больше не понадобится. Если снова возникнут мысли о смерти, поговори со мной. Я знаю, как помочь. Всё-таки койка — довольно опасный способ.

— Будете рассказывать об опасности забеременеть? — я горько усмехнулась.

— Судя по возмущениям в твоей ауре, опасность крохотная. У вас обоих очень сильные способности, которые к тому же плохо стыкуются друг с другом. Именно потому круг герольдов и подбирает пары по совместимости: сильные способности — слабые способности. Ребёнок получится средним по силе, но он хотя бы будет. С сильными аурами обоих родителей зачатия пришлось бы ждать несколько лет постоянных сношений, обоюдного желания и любви. А от пары случайных встреч в качестве лекарства от хандры ничего, кроме разочарования, не будет.

— Он — не лекарство. И я не откажусь от него, если... когда! он вернётся!

— Даже если это помешает возродить Безликого? Ладно, со временем ты сама придёшь к верному решению. Сейчас лучше заняться более насущными проблемами. Тебе надо бы набрать пару-тройку фунтов, иначе тело не выдержит нагрузок. Ты хорошо питалась?

— Как можно питаться в дороге? — ответила я, натягивая верхнее платье и запахиваясь в шерстяную шаль.

— Что ж, Густаво! — послышались шаги, закрипела дверь. — Сбегай к трактирщику, — и обращаясь ко мне: — Что ты предпочитаешь?

Позавтракала я плотно, но отказываться невежливо.

— Тушёные овощи с нежирной птицей или рыбой. Печёночный паштет. Не знаю... Подогретое вино? — Я соскучилась по изысканным блюдам Ильзара.

— О, этот высокородный вкус! — усмехнулся Жерард. Я закрыло лицо ладонями. — Ладно, в честь праздника разоримся на пару деликатесов. Густаво?

Он приглушил голос, и остальных слов я не расслышала. Встала на цыпочки и выглянула поверх ширмы:

— Только вино разбавленное, если можно. Крепкое — не люблю.

— Конечно, — подмигнул мне Жерард.

Мы вернулись в гостиную.

К нам подошёл книжник лет двадцати пяти, с курчавыми рыжими волосами и глазами цвета мутного янтаря.

— Это Люцио, иллюзионист второго уровня, — представил его Жерард. — Он у нас по хозяйственной части, присматривает, чтобы приборы не ломались, хватало бумаги, перьев с чернилами и прочего.

— Если понадобится что-то достать по бросовой цене или починить то, что кажется сломанным — обращайтесь, — Люцио плутовато сощурился.

Я протянула руку, но он тут же убрал ладонь. Я попыталась её поймать, но потом поняла, что выгляжу глупо, и отстранилась. Он улыбнулся, обнажив маленькие клыки, и пожал мою руку сам.

Следом приблизился мужчина постарше, с прилизанными светлыми волосами, маслянистыми каре-зелёными глазками и рассеянным видом.

— Клемент, медиум третьего уровня, — сказал Жерард. — Несмотря на слабый дар, он прекрасный математик и инженер, всё обсчитывает и проектирует.

Он с трудом сосредоточил на мне взгляд и после небольшого промедления пожал руку.

— Приятно, госпожа Лайси.

— Лайсве, — поправила я, но он уже не слушал, бормоча себе под нос и удаляясь вглубь к столу с бумагами.

Третий книжник обладал восточной внешностью с узким лбом, выдвинутой челюстью, смуглой кожей, тёмными глазами и жёсткими прямыми волосами. Невысокий, сухой и жилистый. Из-под мантии на шее заметны чёрные штрихи татуировки.

— Шандор, оборотень.

— Какой у вас тотем? — поинтересовалась я.

— Хануман, — скуластое лицо растянулось в лисью улыбку.

— Обезьяна, — пояснил Жерард. — Он из южной провинции Поднебесной. Отвечает за работу с телом — гимнастика, упражнения на силу и выносливость, ритуальные татуировки.

Его место занял импозантный мужчина чуть старше самого Жерарда.

— Сезар, целитель, как и я, знаток истории, обрядов и мифов.

— Мудрость веков ведёт нас, — сухо сказал он, вынужденно поцеловал мою ладонь и удалился.

— Он со всеми поначалу такой, а как разговорится — человека умнее и интересней во всём Мидгарде не сыскать, — извинился Жерард. — На диване Бержедон, мой помощник, один из. Рамиро придётся искать замену.

Жерард скрылся в своём кабинете, я подседа к старику. Он с трудом поднял на меня выцветшие глаза и без тени улыбки или приветствия сказал:

— Не подводите доктора Жерарда и не обманывайте. Он делает важное дело.

Слова оборвал сухой кашель.

— Я постараюсь. Я желаю ему успеха, как никто другой!

Шандор подал мне плед, и я укутала в него Бержедона.

— Отдыхайте. На сегодня достаточно волнений.

— Я ему говорил, — Жерард вернулся в гостиную и вручил старику чашку с пахучим отваром. — Выпей — немного отпустит. Пару дней дома отдохни. Я найду тебе хорошего целителя — живо на ноги поставит.

Бержедон принялся потягивать отвар. В прихожей хлопнула дверь. Вернулся Густаво с полными сумками еды. За ним в гостиной показались две девушки моего возраста.

— Это другие Норны, — объяснил Жерард. — Джурия, шепчущая мёртвым из Элама.

Высокая и плотная, она с достоинством носила охровое платье, перехваченное под грудью тонким кожаным поясом. Густые прямые волосы цвета тёмного мёда были заплетены в толстые косицы и обмотаны вокруг головы венцом. Плечи укрывал шерстяной плащ с откинутым капюшоном. Большие миндалевидные глаза были на тон светлее волос.

Взгляд добродушный и смиренный.

— Её покровитель — мать-земля Калташ. Она смотрит в прошлое.

Джурия присела в глубоком реверансе и тихим, как шелест опавшей листвы, голосом произнесла:

— Это честь — встретится с той, кому уготовано общаться с Безликим.

Я тоже поклонилась. Джурия поднялась, и её место заняла вторая девушка.

— Торmenta из Ольстера, что в Западном море, — объявил Жерард.

Она была изящной и гибкой. С овальным личиком и мягкими чертами, вздёрнутым носиком, усыпанным золотыми каплями веснушек. Огненные волны волос спускались до талии. Платье насыщенно-зелёного цвета, по фасону такое же, как у Джурии. Выразительные малахитовые глаза смотрели прямо, дерзко, с вызовом. Уголки аккуратного рта выгибались кверху в ехидной улыбке.

— Торми, попросу! — одёрнула она Жерарда.

Тот покосился неодобрительно.

— Как скажете. Её покровитель — Фаро, но мы сомневаемся, что с ним удастся связаться. Надеюсь, его супруга Седна окажется более разговорчивой, раз уж она до сих пор повелевает вёльвами, — продолжил Жерард. — Торми гадалка, знает секреты манушских карт. Она смотрит в будущее. Будет смотреть, если проявит хоть каплю усердия! — он повысил голос, когда Торми хихикнула.

— Ладно вам, не будьте таким букой! Еда остывает. — Она кивнула на Густаво, который уже сервировал стол. — Нелюбезно в первый же день показывать новенькой скудное гостеприимство.

Присутствующие накладывали понравившиеся блюда в широкие глиняные плошки. Густаво разливал по чашкам согретое вино. Оно отдавало пряностями и бодрило. Вкусная еда заходила гораздо легче. Я и забыла, что она может быть такой.

Книжник разбились по группкам и вполголоса обсуждали общие интересы. Джурия беседовала с рассеянным Клементом и суровым Сезаром. Торми щебетала под хохот Шандора и Люцио. Я наблюдала со стороны, не готовая примкнуть к ним. Набрала в тарелку лёгкой еды, налила в чашку родниковой воды из кувшина и отнесла дремавшему на диване Бержедону. Он недоуменно глянул на меня. Я опустилась рядом и вложила в его руку тарелку.

— Угоститесь. Все празднуют, — он устало кивнул и принялся есть, отщипывая по маленькому кусочку от варёных овощей и белого куриного мяса.

— Обвыкаешься? — подошёл к нам Жерард с кружкой вина. — Мы должны быть командой, чтобы всё получилось. Ты с Джурией и Торментой — сёстрами. В единстве наша сила — остальное нужно оставить за порогом.

Старая мудрость Кодекса. Я улыбнулась и кивнула:

— Это займёт некоторое время, но всё будет в порядке.

Я направилась к компании Джурии.

— Нет, дорогой мой друг, ты слишком увлечён своими цифрами и чертежами, — горячо спорил Сезар. — Мир плоский, и он покоится на плечах четырёх стихий, что питают его жизненные силы. Конец света случится оттого, что стихии утратят могущество, помогая нам в борьбе с демонами, и мир засохнет, как цветок без воды, солнца и плодородной почвы. Так говорится во всех откровениях.

— Это костные предрассудки необразованных простолюдинов! — Клемент спорил

необычайно жарко. — Мир — это несколько вложенных друг в друга сфер, которые вращаются вокруг одной оси. Конец света наступит оттого, что наш внутренний мир опрокинется, то есть Хельхейм и Нифельхейм поменяются местами. Об этом говорят не только мои расчёты и опыты. Изменения в погоде, увеличение активности демонов и даже война с людьми подтверждают мою теорию. Этот процесс цикличен, наш мир уже несколько раз умирал таким образом, в последний раз из-за этого Муспельсхейм стал непригодным для жизни.

— Ты связываешь разнородные факты, не имея на то прямого логического обоснования. Так можно до чего угодно договориться, — посмеялся Сезар. Клемент уже был готов кинуться на него с кулаками, как между ними встала Джурия.

— Досточтимые мэтры, пожалуйста, не ссорьтесь. Мастер Клемент, ваши расчёты движения небесных тел поистине впечатляют, как и ваши познания в истории и мифологии, мастер Сезар. Я считаю, что вы оба правы по-своему. Мир может поменять свою ось из-за того, что стихии перестанут его удерживать и подпитывать, а демоны, чуя, что наши силы скудеют, пойдут в наступление.

— Вы все правы, но не понимаете сути, — я встала рядом с Джурией. — Мироздание — это ОНА. Она живая, она есть в каждой крупице нашего мира. Музыка её дыхания можно услышать, если приложить к уху морскую раковину. Стихии, пришедшие с далёких звёзд, умиряют её и облекают в плоть своими танцами. Наша вера наполняет их могуществом, в то время как мы получаем от них силу и защиту. Но как только нашей веры станет недостаточно, они уйдут за грань, растворятся в сиянии звёзд, откуда и пришли. И мы, их главные создания, погибнем, а ОНА будет всегда, свободная от войн, раздоров и нашего настырного шебуршения в её чреве.

— Шаманская концепция племён юга? — из всех слушателей не смутился один Сезар. — Откуда вам о ней известно?

— От северного шамана.

— Но их там больше нет!

— Один есть, — я улыбнулась и покачала головой.

— Признайся, Сезар, уела тебя наша маленькая странница? — Жерард подкрался настолько неслышно, что я вздрогнула от неожиданности, когда он положил руку мне на плечи. — Некоторые вещи лучше увидеть своими глазами, а не только читать о них. Серьёзные вопросы обсудим завтра, сегодня лучше выпьем за то, чтобы светопреставление никогда не случилось!

Мы чокались кружками и пили пряное вино до дна.

***

— Интересная девушка, — пробормотал Бержедон. — Не такая, как все.

— Милая. Я понимаю, что в ней нашёл Безликий, — усмехнулся Жерард.

— С ней будет тяжело.

— Почему? Ведь она уже видела и верит больше, чем остальные.

— Две другие поборются чуть-чуть и сдадутся. А эта только своей воле повинуется. С ней будут проблемы, — Бержедон истратил на длинную тираду все силы. Подбородок опустился на грудь.

Жерард забрал у него посуду и оставил старика отдыхать.

***

После праздничной трапезы Джурия и Торми проводили меня в жильё для Норн. Оно

находилось в десяти домах от лаборатории. Маленький двухэтажный короб с покатой крышей, серый, скромный, с небольшими продолговатыми окнами и без украшений, зато содержали его в чистоте и порядке.

— Общежитие для женщин, которые участвуют в исследованиях книжников. Они здесь не задерживался в отличие от тех, кого берут на постоянную работу в качестве секретарей, писарей или даже судей по женским делам, — рассказывала Джурия, пока мы поднимались на второй этаж по крутой узкой лестнице.

Наша комната располагалась под двускатной крышей.

— Я приехала сюда ещё летом. В зной тут бывает душно, но ко всему можно привыкнуть, — добавила Джурия.

— Только привыкать-то зачем? — фыркнула Торми.

— Ради великой цели можно вытерпеть любые лишения, — ответила я вместо Джурии.

Та просветлела лицом и кивнула.

Просторная комната делилась на три сектора кроватями, стоявшими у разных стен. Рядом тумбочки для умывания, удобные письменные столы с принадлежностями и стульями, вешалки для одежды. Ни загородок, ни ширм. Места достаточно, чтобы не толкаться локтями, но одной побыть не удастся.

Девочки переодевались в одинаковые домашние платья.

— Твоя кровать у западной стены, — любезно указала Джурия.

У изголовья голубой краской был выведен символ Безликого — круглая маска с прорезями для глаз и носа. Я принялась укладывать скудные пожитки в тумбу и развешивать одежду на крючки. Жаль, вещи быстро закончились. От скуки я разглядывала обстановку и своих новоиспечённых «сестёр».

Джурия уселась, скрестив ноги, на кровать у южной стены и уткнулась в толстый фолиант.

— Что это такое? — спросила я, указывая на нарисованное на стене над кроватью дерево с круглой раскидистой кроной.

— Драконово дерево, очень древнее. Первые переселенцы из Муспельсхейма посадили его перед основанием Констани. Символ вечной жизни — матери-земли Калташ, — объяснила Джурия, отрываясь от чтения.

На столе рядом с её кроватью лежали книги и листы с записями, одинаковые охровые платья висели на вешалке вместе с платками, шалями и плащами.

Над кроватью Торми у восточной стены красовались чёрная и белая рыбки Кои. Символ равновесия мужского и женского начала — символ грозной хозяйки вёльв, Седны. Символ её мужа, Повелителя Морей Фаро — белый кашалот, скорее намекал на неукротимость и невозможность познать таинственную бурливую стихию. Символами его безымянного внебрачного сына часто изображали треуголку и абордажную саблю, явно намекая на его постыдную связь с моряками или даже пиратами, а может, просто на удалой нрав. Удивительно, сколько припомнилось с уроков истории дома!

Торми устроилась на стуле у тумбы и вымыла лицо в тазу. Рядом лежали щётка для волос, гребни, фиалы с эфирными маслами, мыло. На стене напротив висело небольшое кругло зеркало. Глядя в него, Торми намазывала лицо ароматной мазью из туеска. Её стол вместо книг заполняли изящные украшения: ожерелье, бусы, заколки, широкие браслеты. На вешалках висело несколько нарядных пёстрых платьев в обрамлении позолоченных монет. В дальнем углу стола валялась колода карт манушей, чистая и почти новая.

— Хочешь, погадаю? — Торми перехватила мой взгляд и подмигнула. — Мануши научили. Я мечтала странствовать с их табором, танцевать на площадях больших городов, собирать восхищенные толпы. Я красиво танцую, ты знала?

Торми сняла с крючка чёрный с золотыми и зелёными цветами платок и накинула его на тонкие плечи.

— Родителям не нравились мои увлечения, и я сбежала. Меня поймали и вернули домой. После такого позора слабый шанс выдать меня замуж испарился. Родители долго искали, куда меня пристроить, пока не подвернулся проект доктора Пареды. Теперь вот приходится сосуществовать с этой затворницей, — Торми покосилась на Джурию, которая спряталась за книгой. — Ничего! Я танцы не брошу и буду блистать. Вот увидите!

Два года назад я тоже мечтала «блистать», но едва не стала невзрачным камушком в чьём-то ожерелье. Когда-нибудь и она поймёт...

— С тобой хоть не так скучно, как с этой... — Торми взяла карты и перетасовала их ловкими движениями изящных пальцев. — На что гадаем? На любовь?

— Не стоит расточать дар попусту, — пробормотала Джурия.

— Зануда! — выкрикнула Торми.

— В тех краях, откуда я родом, женщинам нельзя показывать своё тело посторонним мужчинам. Женщины должны быть послушными и кроткими, любить и уважать мужа, холить его и лелеять. Ничем не омрачать, тем более распутством, — ворчала Джурия.

Забавно. Я тоже так думала, но кротость оказалась никому не нужна. Мужчины заводят любовниц на стороне, а от милых, послушных, но скучных жёнушек избавляются.

— Что-то я не вижу твоего мужа! — огрызалась Торми, тасуя карты всё яростней. — Где ты его прячешь? Под кроватью?

— Нигде! Я восьмая дочка в семье. Я не могу выйти замуж раньше сестёр. У моих родителей едва хватило приданного на трёх. Благодаря доктору Пареде ещё две мои сестры стали уважаемыми жёнами. Я готова отдать этому проекту всю себя в благодарность! Ты тоже должна быть благодарна за спасение от позора. Мануши бы попользовались тобой и бросили. Чужаков они никогда не примут!

Торми фыркнула:

— Вот ещё! Будь благодарна, сколько хочешь, а нас оставь в покое. Скажи ей, Лайсве!

— Да, скажи! — потребовала Джурия.

Не хотелось принимать чью-то сторону или что-то доказывать, изливая перед ними душу. Я задрала голову, отстраняясь. Потолок из гладко обтёсанных досок, любопытный рисунок годовых колец на мощных балках. Интересно, что за дерево?

— Можешь погадать, вернётся ли мой знакомый из похода? — спросила я, когда девчонки уже собирались вцепиться друг другу в волосы.

Торми немного успокоилась, а Джурия обиженно отвернулась.

— Всё-таки на любовь! — Торми протянула мне стопку, и когда я сняла шляпку, разложила карты замысловатым узором.

— Так-так, — приговаривала она, постукивая пальцами по загадочным картинкам. — Любовь есть, да ещё какая. Страсть. Судьба! И жизнь долгая, счастливая! Ребёнок! Ой!

На стол легла карта с шутком. Торми нервно кусала губы. Следующими оказались ягнёнок на алтаре и костянокрылый жнец с косой. Насчёт значения последней карты сомневаться не приходилось.

— Это может быть что-то другое, и произойдёт очень нескоро, на закате жизни, —

оправдывалась Торми.

Джурия метнула в неё убийственный взгляд:

— Я говорила не злоупотреблять даром!

Я забрала у Торми последнюю неоткрытую карту. На ней был крылатый человек в маске.

— Тайна, — пояснила она. — Карты не хотят говорить, так бывает.

— Ничего страшного, — у неё был такой несчастный вид. Я ободряюще коснулась её плеча. Если каждую ночь во сне наблюдаешь гибель мира, к предсказаниям, даже самым мрачным, начинаешь относиться спокойно. — Все когда-нибудь умрут. Хорошо, что на закате, а не на заре.

Все вернулись к своим делам: Джурия читала, Торми расчёсывалась. Раз сто провела щёткой по волосам и столько же гребнем.

Я легла на кровать и снова взялась изучать древесные рисунки на потолке. Мысли пугались и возвращались к последней карте. Крылатый человек в маске. Тайна.

Глава 7. Наставники и занятия

К оседлой жизни привыкать оказалось не так просто. Каждый день похож на предыдущий, самый первый из моих дней в проекте.

Встали мы рано, умылись и в сопровождении строгого Сезара отправились в Храм всех богов.

— Это необходимо не только для того, чтобы боги слышали вас, но и чтобы вы прониклись величием тех, с кем вам суждено общаться, — объяснял он.

Храм находился на главной площади и соседствовал с Дворцом Судей. Круглое строение, снаружи облицованное белым, искрящимся на солнце мрамором, заслоняло весь мир, словно было его воплощением. Наверху — огромный синий купол с нарисованными золотом луной и звёздами. Входом служил прямоугольный портик с колоннадой. На них вычурной лепниной и барельефами изображались девять сфер мироздания с их обитателями. На массивном треугольном фронте сами Повелители стихий исполняли танец сотворения.

— Тут записана вся история богов, которая сохранилась в людской памяти, — рассказывал Сезар.

На широких ступеньках толпился разномастный люд, выстраивались огромные очереди, чтобы попасть внутрь. Нас же пропустили по первому слову Сезара.

Внутри было прохладно даже в летний зной, а воздух будто не принимал никаких «грязных» запахов, благоухая ладаном, шафраном и плавённым воском. Стены более мягкого светло-коричневого оттенка с редкими вставками белого и золотого. Помещение делилось на четыре части нишами, отгороженными стройными колоннами. В каждой нише располагался большой алтарь Повелителя и вокруг него меньшие для его семьи и свиты. Алтарь Калтац — золотая баба, оплетённая лозой, алтарь Фаро — каменная чаша, откуда бил фонтан, а в бассейне плавали чёрная и белая рыбки Кои. Алтарь огневолосой Уот — бронзовая чаша с неугасимым пламенем, земной рыжий в танце с небесным синим. Алтарь Тэнгри — высокая фигура из редчайшего голубого мрамора в окружении четырёх крылатых мальчишек, братьев-ветров.

В городе встречалось много других храмов, каждому божеству по отдельности, но обратиться ко всем сразу можно было только здесь, стоя в середине, когда взгляд каждого Повелителя устремлялся на тебя.

Сезар составил для нас молитву, заставил выучить наизусть и читать каждый день на рассвете.

— Мы, ваши смиренные слуги, проводники вашей воли, пастыри ваших чад, созданных вами по-вашему же подобию, молим вас даровать нам мудрость в нелёгкий час испытаний и войн. Осветите наш путь сквозь тьму неверия и гордыни, проведите сквозь пустоши памяти и лес заблуждений, отворите завесу в неизведанное в обмен на наши сердца, тела, души и помыслы. Мы ваши сосуды, мы ваши глаза и уши, мы ваши рекущие уста. Вдохните в нас свою благостную суть в искупление грехов и спасение чад ваших. Да не настанет конец дней, да не угаснет пламя, и взойдёт на Небесный престол дух праведный.

После каждая шла к алтарю своего Повелителя и снова читала написанные Сезаром воззвания.

— Заклинаю тебя, брат мой Ветер, грозный сын иступленного неба, покровитель воинов

и защитник слабых, — говорила я нараспев, вглядываясь в лицо крылатого мальчика с руной «исаз» на лбу. Был ли он хоть каплю похож на Безликого? Статуя его отца здесь сильно отличалась от той, что стояла в Пещере духов. Та была теплее, человечнее, словно сияла изнутри любовью скульптора. Насколько мы далеки от них? Не знаем, не понимаем, и ещё надеемся, что наши казённые слова будут услышаны, и что нам ответят так, как хотим мы. — Помоги нам, укрой своими крыльями, разбей наших врагов пламенеющим мечом и низвергни в бездну Червоточин. Не отдавай мраку вотчину твоего отца, не позволяй обратить во прах всё, что он создал. Услышь глас страждущего, пробудись ото сна, мы нуждаемся в твоём предводительстве как никогда раньше. Охрани наш мир! — Красивые возвышенные слова казались неискренними. Дома в святилище я говорила неумело, но от всего сердца, и Безликий отвечал. В минуты тоски и отчаяния я выкрикивала про себя: — Скажи хоть слово! Поддай знак! Я блуждаю во тьме без тебя.

Крылатый каменный мальчик оставался неподвижен и нем.

Позже я выпросила у Сезара молитву к матушке Умай.

— Чем, скажи на милость, занималась твоя высокородная мать, что не научила тебя даже самым простым вещам, которые должна знать любая женщина? — возмутился он.

— Она умерла, — ответила я сиплым голосом и отвернулась. — Доктор Пареда сказал, что возможно её тело не выдержало, рождая на свет сразу двух одарённых.

— О! — неловко замялся Сезар и больше нотаций не читал.

Я подошла к статуе женщины в одежде из перьев. В руках она держала глубокую миску с рисом.

— О, милосердная властительница Небесного сердца, светлоликая мать Ветров, позволь разделить твою скорбь по павшим в битвах мужчинам. Знаю, ты до сих пор ждёшь и веришь, что когда-нибудь они вернуться, усталые, но живые. Я спою твою песнь и зажгу свечу на окне, чтобы заплутавшие отыскиали путь домой. Ты же, молю, пригляди и охрани Вейаса, моего брата, Артаса, моего отца, — называя каждое имя, я втыкала подождённую от неугасимого пламени свечку, оплетённую рунным узором, в рис. — И Микаша, моего... — Кто же он мне теперь? Защитник, лучший друг, любовник или... Или...

Я поставила свечку и закончила:

— Самого благородного из мужей Мидгарда. Верни их мне в свой час.

По дороге в лабораторию я расспрашивала Сезара:

— Что мы будем делать?

Стояла ясная погода, хоть и было по-зимнему прохладно.

— Обучаться. Бакалаврская программа Университета, кафедры и некоторые наработки мастера Жерарда, — отвечал Сезар отстранённо и сухо. Джурия и Торми уже привыкли, но всё равно прислушивались.

— Как это поможет связаться с богами и создать оракул? — не отставала я.

Сезар передёрнул плечами:

— Это лучше у доктора Пареды спросить, мы не до конца понимаем его гений. Мне кажется, — он замялся. — Он и сам не знает. Все эти ментальные техники и мистические практики востока и запада... Надеется, что хоть что-то сработает, вызовет озарение или как это называют мистики с Островов Алого Восхода — «сатори». Он будет наблюдать за вами, фиксировать малейшие изменения, выводить закономерности ваших приступов «обожения», и на основании опытов придумает, как управлять этими процессами.

— Звучит жутко, — ответила я.

— Что ж ты хотела, милочка, это наука, более того, которая имеет дело с неизведанным. Разве же она может быть не жуткой?

От холодного ветра я поёжилась и, плотнее закутавшись в шаль, обняла себя руками. Торми убежала к цветочнице на углу улицы. Джурия встала между нами и присоединилась к беседе:

— Что вы говорите, мастер Сезар, наука — это прекрасно, как поэзия или музыка. Когда вгрызаешься в суть вещей, постигаешь магию цифр и геометрических фигур, чувствуешь подъём, будто становишься частью чего-то важного. Мир оказывается гораздо шире и глубже.

— Так разве же тебе не страшно стоять на краю и смотреть в эту необъятную бездну, милочка? — Сезар немного смягчился, любил старательных учениц.

— Нет-нет, что вы! Число бесконечность всегда завораживало меня, — она густо покраснела и повернула голову, пряча взгляд. В профиль проступали её крупные породистые восточно-сальванийские черты.

— Хватит болтать о мрачном и занудном! — подскочила к нам Торми с белыми лилиями, кончики лепестков которых словно обрызгали пурпуром. — Жизнь слишком коротка, чтобы не радоваться ей каждое мгновение!

Она вплела цветок мне в волосы.

— И тебе, извечная-бесконечная бука, достанется! — Торми высунула язык и, несмотря на сопротивление Джурии, тоже вставила ей за ухо цветок.

Мы дружно засмеялись. Джурия заливалась пунцовой краской и прятала глаза.

В лаборатории мы позавтракали лёгкой пищей: омлетом с овощами. После нас отвели в учебную комнату, светлую, с большими окнами. Мы сели за удобные письменные столы, Жерард встал за кафедру напротив, рядом с которой на стене висела грифельная доска.

— Здесь будут проходить ваши основные занятия. Хочешь о чём-то спросить? — поинтересовался он.

— Да-а-а... — протянула я, подбирая слова, чтобы не казаться таким уж скептиком. — Я не совсем понимаю смысл этой затеи с оракулом. То есть как он поможет возродить Безликого и спасти мир? Правильней бы было отправиться к гробнице бога, да и видения посещали меня в местах силы, в чрезвычайных обстоятельствах.

— Этому городу лет больше, чем нашему ордену, он одно сплошное место силы. Противоестественная братоубийственная война не кажется тебе достаточным чрезвычайным обстоятельством? — Жерард принялся объяснять, голосом подчёркивая самое важное так, что его слова доходили легко и запоминались надолго. — Сложные задачи нужно решать шаг за шагом, — Жерард нарисовал на грифельной доске трилистник. — Это источник мироздания. Каждый лепесток обозначает категорию времени: прошлое, настоящее и будущее. За каждый отвечает свой пророк, который обращается к своему богу. Вместе они видят суть всех вещей, знают судьбу каждого живого существа и место каждой твари в Мидгарде.

Из трёх источников образуется общий непрерывный поток, который несёт людям свет и мудрость. Он таит в себе силы намного большие, чем любая Сумеречная армия. Он защитит нас от великого зла, от фанатиков и ложной веры, он же откроет нам путь к Безликому и его возрождению. А Безликий... — он указал на меня.

— Встанет на нашу сторону и поведёт в последнюю битву, в которой решится судьба мира? — неуверенно ответила я.

— Именно! — Жерард поднял большой палец. — А пока вы станете сосудами высших сил и позволите им заполнить вас без остатка. Но для этого вы должны очиститься телесно и духовно, стать совершенными формами. Этим с вами будут заниматься наши наставники.

По мере того совершенствования вы почувствуете себя ближе к богам, услышите их глас, истинный и отрешённый от всего суетного. Это будет знаком, что ваш мирской путь закончился и настало время переместиться в новый дом-святилище в центре мироздания. Там уже ничто не будет вам угрожать или мешать вещать высшую волю. Вопросы?

Торми с Джурией отмалчивались, а мне хотелось знать:

— Почему именно девушки? Мужчины же к богам ближе: они и воины, и жрецы. Родовой дар у них намного раньше и сильнее проявляется.

— Такова версия Совета, — усмехнулся Жерард. — Из хроник видно, что в прежние времена девушки участвовали в боях с демонами наравне с мужчинами. Способности их ценились не меньше, а, может, даже больше мужских. Только потом потери стали слишком ощутимыми. Некому было рожать новых воинов. Потому женщинам пришлось оставаться дома с детьми, пока воюют менее ценные мужчины. Постепенно женский дар ослабел за ненадобностью, и мужчины воспользовались этим, чтобы возвыситься.

— Вы так легко нам это раскрыли? — удивилась я.

— Дела давно минувших дней. Сейчас наши порядки заостенели настолько, что изменить их может лишь чудо, — развёл он руками в извинение. — Наша задача — не бороться с устоями, а достучаться до богов. Уж им-то никто не посмеет прекословить.

Я кивнула.

— За всю историю с богами связывались всего трижды. И каждый раз это были девушки. Почему? Возможно, боги посчитали их чище и достойнее. Возможно, потому что они чувствительнее к колебаниям сфер. А может просто совпадение. Но решающий фактор — найти девушек для этой работы проще и дешевле, — Жерард обезоруживающе улыбнулся.

— Значит, мы будем учиться, а вы — нас изучать и ждать божественного откровения? — спросила я без обиняков.

— Уже изучаю, — Жерард кивнул. — К сожалению, многое можно познать только опытным путём. Мы будем выезжать и на места силы, и от всех чрезвычайных обстоятельств я вас оградить не смогу, но пойми: божественное откровение не за манящим далями горизонтом, а вот здесь, — он коснулся моего лба. — Разве ты видела недостаточно доказательств этому?

Я слышала это уже много раз, просто дорога настолько срослась с душой, что отпускать её не хотелось. Жерард поднял мою голову за подбородок.

— Всё, что мы здесь делаем, зиждется на двух китах: вере и желании. Только они могут сотворить чудо, они и есть идеально отточенные инструменты общения с богами. Верь и желай этого всем сердцем, верь в меня и в себя, верь в нас. Вы — моё самое дорогое сокровище. Я сделаю всё, чтобы наша общая мечта воплотилась в жизнь. Я существую только ради этого.

Он крепко сжал мою ладонь, а потом сжал ладони Джурии и Торми.

— Без веры мы ничто. А теперь небольшая демонстрация. Время у нас есть, но его не так много, и ограничивает его вовсе не Совет. Семнадцать лет — наш крайний срок. Ваши первые догадки, что случится через семнадцать лет. Торми?

— Реки наполнятся кровью, Червоточины исторгнут сонмы демонов, и начнётся последняя битва, в которой весь мир сгорит дотла! — засмеялась Торми, изображая руками

чудовищный ужас.

Жерард остался невозмутим:

— Джурия?

— Единоверцы победят и наш орден будет уничтожен? — спросила она и передёрнула плечами.

Да, самый вероятный исход, оттого и гораздо более зловещий.

Жерард просиял и повернулся ко мне:

— Попробуй. Просто первое, что придёт в голову.

Я потупилась и в задумчивости потрогала губы пальцами. Надо его чем-то удивить, чтобы он во мне не разочаровался. Я напряжённо припоминала всё, что слышала и видела в Пещере духов.

— Безликий... убьёт своего сторожа-вэса и запустит мельницу душ. Всё, что было, повторится вновь. На жизнь... или на погибель. Простите, у меня пока не получается! — выпалила я и отвернулась, стораю от стыда.

— Ну-ну, это же просто игра, хотя и было очень похоже на настоящее пророчество, — снисходительно похвалил меня Жерард. — Со временем придёт и уверенность. Не забываете, у нас есть всего семнадцать лет, чтобы спасти мир. Не теряйте их даром!

Воодушевившись его верой в меня и наше дело, я засучила рукава и взялась нагонять остальных по учёбе.

Рассеянный инженер Клемент учил нас математике, логике и черчению. По началу мало что получалось, я злилась и не могла усидеть на месте. Сложные домашние задания удавалось выполнять только благодаря Джурии. Она вечерами решала со мной задачи и помогала выводить чёткие линии сложных фигур на бумаге, раз за разом объясняя, что и как нужно делать и почему у меня не выходит.

Торми же от учёбы отлынивала, наплевав на осуждение Джурии и выговоры от Жерарда.

Для занятий с Шандором мы собирались либо в университетском парке, когда позволяла погода, либо в просторном зале женского корпуса, о котором договорился для нас Жерард.

Шандор учил нас гимнастике, показывал, как дышать правильно: сморкаться, кашлять, стонать, свистеть, задерживать дыхание — даже немного смешно. С упражнениями на силу я справлялась легко: отжаться, подтянуться или поприседать.

— Юная каспаша бекать как молодая самка оленя! — похвалил Шандор, когда я первая завершила пробежку вокруг парка и даже не запыхалась. Так приятно было размять кости, и погода стояла сухая, просто отличная!

— Мой друг говорил, что я скачу, как сайгак по пшенице, — вспомнился Микаш, и наше душе потеплело.

— Очень красивый сайгак, с улыбка небес, — усмехнулся Шандор, разглядывая моё лицо. Щёки запылали, впрочем, цвет моего лица отличался мало от моих запыхавшихся подруг. Они уже показались из-за поворота и преодолевали последние сажени шагом. Впрочем, запыхалась только Джурия, Торми как всегда цвела и пахла, не желая перетруждаться.

— Вам нужно больше тренировки и дышать, — он поводил возле своей груди ладонями, показывая глубокое дыхание.

— Зачем?! — заныла Джурия, прикладывая руку к боку. — Лучше гимнастикой для

разума заниматься, а телесная оболочка — брэнна, истлеет и рассыплется прахом в конце концов.

Мы дружно засмеялись. Но, думаю, каждому позволено иметь свои причуды.

Упражнения на гибкость стали моим кошмаром: не получалось даже до носков дотянуться, спина была как деревянная.

Мы занимались в зале, сидели на растленных на полу толстых покрывалах и пыхтели, пытаюсь обхватить ладонями ступни. Одна Торми делала всё легко и непринуждённо.

— У каспаши мышцы как у воина и всадника, — Шандор подошёл и ощупал меня со всех сторон. — Нужно стараться чуть, каждый день по пяди. Попробовать массаж — я уметь, — он поднял большой палец.

— После двух лет странствий — неудивительно, — я пожалала плечами, распрямляясь. Уже успела привыкнуть, что тела книжники касаются бесстрастно и для дела. — Не стоит, правда, я...

— Тогда картинка? Маленькая, красивая, как сайкак небес! — он распахнул рубашку на груди и показал переплетающиеся татуировки с изображением животных и рун.

Я передёрнулась и замахала я руками:

— Предпочитаю кожу чистой! Лучше массаж.

Шандор одарил меня лисьей ухмылкой.

Массаж оказался вовсе не так ужасен. Я лежала всё на том же цветастом шерстяном покрывале, пока Шандор разминал мои спину и плечи, втирая в кожу оливковое масло с добавлением ароматных эфирных масел: лаванды, шалфея, мелиссы, можжевельника и лимона.

— Запах тоже лечить: усталость, тоска, — рассказывал словоохотливый чужеземец, чтобы я расслабилась. — Больной пахнуть плохо.

— Запахи привлекают мужчин, — усмехнулась я, подпрыгивая ногами от щекотки.

— Особенный женщина пахнуть особенно для особенный мужчина.

— И он сходит с ума, и видит то, что не видят другие!

— Да-да-да! — согласился Шандор, массируя всё сильнее.

Сперва было больно, будто всё тело по косточкам разбирают, вытаскивают каждую мышцу и дробят. Несколько дней после я ходила как в тумане.

— Повторить? — спрашивал Шандор скорее из вежливости и отказов не принимал.

После нескольких сеансов полегчало, по крайней мере, спину уже не тянуло.

Сезар специализировался на истории, легендах и молитвах, но вместо этого учил нас за один взгляд охватывать целый разворот книги. Нужно было сосредоточиться, не проговаривать слова про себя, а быстро отыскивать главное. Мы заучивали наизусть огромные куски текста. Сезар просил выделить суть и передать её своими словами, чтобы удостовериться, что мы понимаем, а не просто зазубриваем.

Не получалось у всех примерно одинаково. Торми побаивалась Сезара, потому старалась. Джурие не давалось вычленение главного и запоминание его надолго, а не на пару дней. У меня всё происходило по настроению. В один день я была собрана и сосредоточена — получалось легко, а в другой дёргалась от любого шороха и витала мыслями в воспоминаниях и тревогах, не вникая в смысл.

Самыми любопытными занятием оказалось естествознание, которое мы изучали с Жерардом. Он говорил так, что заинтересовывался даже самый нерадивый. Показывал минералы и необработанные полудрагоценные камни: яшму, кошачий глаз, бирюзу, малахит

и многое другое, рассказывал, как и где их добывают, какие у них свойства. Учил, как по кольцам на стволах деревьев определять, какая погода была в разные годы его жизни. Когда мы проходили металлы, он посыпал кусок камня порошком, и тот превратился в золотой самородок.

— Это не настоящее золото. Ни один ювелир не даст за него и ломанной медьки, но фокус всё равно знатный, — он обаятельно улыбнулся, заражая нас весельем.

Иногда Жерард приносил необычных маленьких зверушек: похожую на пятнистого хорька генетту, которую на юге держали в домах для ловли мышей и мохнатых бурых ихневмонов, которые уничтожали змей. Жерард рассказывал про их повадки и как они устроены внутри. Про людей он тоже рассказывал:

— Некоторые болезни мы наследуем от родителей вместе с родовым именем и даром, а некоторые цепляются к нам в течение жизни. От некоторых можно избавиться, другие лишь заглушить на время.

Люций, единственный из наставников относился к нашим занятиям так же несерьёзно, как Торми. Опаздывал, травил байки, показывал ярмарочные фокусы. Торми приходила от них в восторг, Джурия напряжённо размышляла над тем, что бы это могло значить, а я скучала, потому что мой дар позволял видеть его иллюзии насквозь. Изредка он рассказывал про ауры и использование дара.

— Когда резерв переполняется, а энергия не находит выхода, аура мерцает цветами дара, — он всегда бродил из угла в угол, когда говорил что-то серьёзное. — Если при этом испытать сильные эмоции, то энергия прорвётся наружу спонтанным выплеском. Порой он бывает настолько мощным, что носитель причиняет себе вред или теряет сознание. Избежать этого можно мгновенно опорожнив резерв одним мощным целенаправленным действием.

— Так велик шанс надорваться, особенно если ты необученный, — смутилась я. Насколько же мальчишкам проще! Они тратят большую часть резерва на тренировки и схватки с демонами. Энергия не застаивается практически никогда.

— Правильно, девочка-всезнайка, — Люцио развернулся ко мне и одарил плутоватой ухмылкой. — Поэтому нужно пользоваться способностями каждый день по чуть-чуть. Ну-ка, о чём я сейчас думаю?

— О редком сальванийском вине десятилетней выдержки, которое вам обещал подпольный скупщик за пропуск в город.

Он приложил палец к губам. Я замолчала и пожала плечами. Глубоко старалась не лезть. Мутный тип, кто знает, как он свои грязные делишки обстряпывает?

Джурия ненадолго призвала из амулета-ловушки призрака-хранителя. Полыхнул мертвецким зелёным огоньком, и его тут же упрятали обратно.

Торми раскинула карты на победителя ближайшего рыцарского турнира во дворце Сумеречников.

— Иллюзионисты всё скрыли. Комар носа не подточит, — она скривилась, собирая отказавшиеся говорить карты.

— Ладно, поищу другой способ, — не слишком расстроился Люций и отпустил нас домой.

Про то, как защищать себя и сражаться с демонами, он не рассказывал. Я тосковала по последнему почти как по дороге и Микашу.

Не обошли наш проект и трагические события. Жерард уговорил старика Бержедона

немного отдохнуть. Через неделю его нашли мёртвым по дороге из дома в лабораторию. Похороны устраивал Жерард, потому что близких родственников у того не было.

— Сердечный приступ, — объяснил он сухо, когда освободился для занятий с нами. — Всё случилось очень быстро, ему бы не смогли помочь.

Выглядел спокойным, только когда поворачивал голову, становилось заметно, как трепетала жилка на виске и в углах глаз собирались морщины.

Жерард установил на одном из столов маленький фонтан — систему из трёх сообщающихся сосудов. Мы встали рядом, чтобы её рассмотреть. Из верхней чаши била тонкая струйка, постепенно уменьшаясь вместе с уровнем воды в среднем сосуде, пока не иссякла. Жерард присоединил к нижнему сосуду насос, и струя снова забила вверх.

— Сердце тоже насос — гонит кровь по таким же сосудам в нашем теле. А ещё это мышца. И как другие мышцы у стариков, она дрябнет и уже не может гнать кровь, — Жерард перестал накачивать насос, и фонтанчик снова иссяк. — Человек умирает.

— Почему бы не сделать насос, который бы не переставал работать? Тогда бы люди смогли бы жить вечно, — задумчиво сказала Джурия.

— Вечный двигатель? Подобные исследования ведутся уже с век. Клемент участвовал в одном из проектов, правда, тот потерпел фиаско. К тому же жить вечно такой насос бы не помог. В нашем теле ещё много органов, которые со временем изнашиваются и ломаются. Прибавьте к этому болезни, голод и войны. Смерть будет существовать, пока существует жизнь. Это не так плохо, заставляет торопиться со свершениями, а не откладывать их. Бержедон прожил долгую жизнь, полную событий. Вряд ли он сильно сожалел об уходе, и мы тоже должны отпустить его с миром. Мы не забудем, — Жерард приложил два пальца левой руки к губам и поднял их в воздух в ритуальном жесте.

— Мы не забудем, — повторили мы втроём.

Через день утром состоялись похороны. Погода была прохладная, ветреная, небо хмурилось, обещая разразиться дождём.

Облачённое в холщовый саван тело пронесли с пышной процессией к старому кладбищу за городской стеной. Там уже сложили погребальный костёр.

— Мы пришли проститься с тобой, старый друг. Ступай с миром, ты был хорошим человеком и преданным товарищем. Ты верил в меня и в моё дело даже больше, чем я сам. Ты вытаскивал меня из передряг столько раз, сколько не перечесть по пальцам обеих рук. Ты никогда не требовал похвалы или почестей, таясь в моей тени. Ты был вдохновением моего проекта. Мне жаль, что я так мало тебя ценил. Но клянусь, я никогда не забуду твоих мудрых советов и отеческой заботы. Я доведу наше дело до конца, чего бы мне это ни стоило. Я буду помнить, — Жерард снова приложил два пальца левой руки к губам и поднял их в воздух, призывая собравшихся сделать то же.

От его речи на глаза наворачивались слёзы. Женщины в чёрных одеждах рыдали в голос.

— Это нанятые плакальщицы. Чем больше их на похоронах и чем громче они стеноют — тем больше уважения к усопшему, — шепнула мне Джурия и пожала плечами на мой недоуменный взгляд: — Сальванийский обычай.

Странно и немного смешно, но смех на похоронах неуместен. Плакальщицы хорошо отработали деньги — рыдали, пока ревущее пламя полностью не поглотило тело, оставив лишь пепел. Его собрали в урну и закопали в уже разрытую яму. Сверху поставили стёсанный полукругом камень с выбитым на нём именем и эпитафией: «Верный друг, ты унёс в могилу чужие тайны. Покойся с миром, пускай они не тревожат тебя на Тихом

берегу».

После погребения я подошла к Жерарду, чтобы выразить соболезнования. Он только виновато улыбнулся, взял меня под локоть, и мы пошли обратно в город вместе с процессией.

Ещё долго в гостинной лаборатории на подоконнике горела свеча в память об усопшем.

Через месяц Жерард нанял сразу двух молодых помощников — близнецов-целителей в красных мантиях бакалавров.

— Кнут и Кьел из вольных городов северной Лапии, только после Университета, — представил их Жерард и, подмигнув, добавил полушёпотом: — Ещё не испорченные «взрослой» жизнью.

Долговязые тощие альбиносы-лапийцы выглядели непривычно бледными по сравнению с южанами. Вели себя очень тихо. Если переговаривались, то только между собой и шёпотом. От пронзительных взглядов почти бесцветных серых глаз по коже бежали мурашки. Близнецы взяли на себя часть уроков Жерарда.

— За всю историю человечества ядов было придумано не меньше, чем лекарств, а способов умерщвления не меньше, чем способов лечения. Это и есть так называемый закон равновесия в действии. Добра не может быть без зла, света без тени, Сумеречников без демонов, — вплетал Кнут в свои лекции строки из Кодекса, но они всё равно звучали сухо и казённо.

— Возвращаемся к ядам, — подхватывал его Кьел. — Большую часть из них можно использовать, как лекарство в малых дозах. Более того, в эламской пустыне Хааб есть кочевое племя, которое принимает по капле сильнейшего известного яда — элапедая с младенчества, чтобы выработать к нему устойчивость и использовать отравленные стрелы для войны с соседними племенами.

Мы скрипели перьями, старательно записывая их слова и скучая по весёлым опытам Жерарда.

Интерлюдия I. И духов зла явилась рать...

В наскоро собранных шатрах, накрытых воловьими шкурами, было плохо: днём — жарко, ночью — холодно. В закопчённых домах Сумеречников останавливаться побаивались, словно там до сих пор бродили призраки, хотя проповедники вещали, что нет ни призраков, ни демонов. Всё зло — от колдунов проклятых.

Так-то оно так, только даже не в колдовстве их дело, а в жадности и гордыне. Как пиявки присосались к простому люду, вытягивали из них все соки, унижая и прикрываясь своей избранностью. Защитники, ха! Да от таких защитников впору самим защищаться.

Теодор Фальке, бывший маршал имперской армии Сальвани, был среди заговорщиков. Советник, хитрый лис, тоже переметнулся на сторону единоверцев, как только запахло жареным. Он долго уговаривал пощадить императорскую семью. Но Император до последнего отказывался вступать в борьбу с Сумеречниками, повторяя, словно одурманенный: «Без них мы погибнем. Без них наш мир поглотит зло». Пришлось его убрать, и Советника вместе с ним. До сих пор казалось, что на клинке проступают пятна их крови.

Теодор не был набожен, не преклонялся ни перед высшими чинами, ни перед фанатиками. Просто неистовая вера стала хорошим скрепляющим материалом — повышающей мораль идеологией для всех бунтовщиков. Вера в прекрасное будущее, будущее без Сумеречников и непомерной дани, которую они взымали за защиту от того, что никто, кроме них, не видел.

Единоверцы победили, нет, не проповедники, которые брезговали кровопролитием и только воспаляли народ беспомощными речами, а воины и политики, стратеги и придворные интриганы. Теодор помнил, как во исполнение ритуала водрузил свой зад на жёсткий каменный трон, у подножия которого истекал кровью ещё живой Император.

Только дворец они не удержали. Всё пожрал огонь — союзник Сумеречников, на котором они жгли своих мёртвых. Город для них тоже был мёртв, а чужие, обычные люди — мелкие сошки.

Огненный вал с чудовищным гулом стелился по земле, приближаясь к столице быстро, как приливная океанская волна. Старики рассказывали, что после могучего землетрясения одна такая накрыла прибрежную деревушку. Огонь же пожрал их цветущую столицу — Констани, город вечного лета, тепла и детского смеха. Трещали в языках пламени усадьбы с благоухающими садами, горели дворцы и парки, центральные улицы с изящными статуями и фонтанами и маленькие тёмные проулки, в которых прятались бродячие коты. Все бежали без оглядки, плохо соображая куда: обычные люди, проповедники, даже brave воины.

На память об этом огне у Теодора остались большие ожоги на руках. Многим повезло меньше. Но они выжили! Выжили и выгнали колдовскую мразь со своей земли. Ликование длилось долго... пока не заурчали от голода животы, а в глотки не набилось столько гари, что стало невозможно дышать. Это отрезвило всех, кроме фанатиков, которые твердили, как бараны: «Единый придёт, единый спасёт, теперь мы свободны!»

Многие притаились среди беженцев, предпочли забыть, что воевали под другими знамёнами, и двинулись на север к Сумеречникам. Ряды стремительно редели. Новый император Теодор понимал, что Сальвани не удержать. Несколько битв, из воинов только

самые преданные остались, да те, у кого от проповедей ум за разум зашёл. Скоро армия Сумеречников огрызнётся так, что никого в живых не останется, а если останется, то позавидует мёртвым.

Зачем?! Чтобы доживать последние дни в этом нищенском лагере?

Таяла свеча, хрупкий лепесток пламени трепетал, отбрасывая тени на разложенную на столе карту. Рядом донесения, отчёты. Сколько человек осталось, сколько из них умеет держать в руках что-нибудь более действенное, чем вилы и лопаты. Только здесь Теодор позволял себе предаваться унынию, чтобы другие, не приведи... Единый, да, теперь только Единый мог спасти их... не видели, что даже он потерял надежду.

Теодор опрокинул в себя кружку вина, вторую, пока не опустел кувшин — недопустимое расточительство. Нужно попросить ещё.

Снаружи доносился встревоженный шум: шаги, голоса, бряцанье оружия. Теодор подскочил и достал меч из ножен. Враг уже здесь?

Отвернулся полог. Потянуло дурманым запахом пустыни, удушливым, плавящим мозги. Взметнулось пламя свечи, тени заплясали как шальные. Стихло всё, наполнилось стрекотом цикад и пиликаньем расстроенной скрипки. Теодор выронил меч, зажал уши и зажмурился. Пот под рубахой. Жарко, словно он снова горит, и пахнет повсюду — кровью. Нет-нет, не поддаваться безумию раньше срока!

— Ваше Величество, к вам вестники с севера, — наваждение пропало, послышался ровный голос помощника Джиджи. — Говорят, у них есть сведения о планах Сумеречников.

Теодор напрягся. Залип в паутине, как муха. Выбраться!

— Почему пропустили? Это наверняка лазутчики!

— Мы не лазутчики, — послышался скрипучий, будто выжженный зноем голос.

Из-за спины Джиджи вышли два странника в заношенных холщовых балахонах. Помощник застыл, словно статуя, которую лишили управляющей ею воли.

— Стража! — закричал Теодор, отшатнувшись. Так же бессильно кричал Император. Никто не откликнулся, не издал даже звука. Теодор оттянул ставший тесным ворот рубахи и уставился в глаза крадущейся смерти. Палачей!

Странники скинули капюшоны, открыв обожжённые, обветренные до костей, измождённые лица. Только глаза — один голубой, другой зелёный — горели колдовским огнём.

— Не бойся, убийца Фальке, мы на твоей стороне, — заговорил старший из них.

— В-вы С-сумеречники, — с трудом выдохнул он, борясь с дрожью.

Никогда не боялся ни колдовства, ни расправ над бунтовщиками, ни тем более рассказней. Теперь же впервые стало страшно, будто все кошмары воплотились в жизнь, прозрели глаза к тому, чего обычным людям видеть не стоило. Не поймёшь ты, не признаёшь, пока оно не взойдёт на порог твоего дома. После встречи с ним не выживешь, чтобы кому-то рассказать. Истину.

— Были ими. Но прозрели, как ты сейчас. Услышали глас бога истинного, вашего бога. Мы его божественные посланники, те самые, о которых бают ваши проповедники. Мы явились, чтобы привести в мир нашего бога. Ты нам поможешь, — они окружали, как шакалы, отрезая пути к отступлению.

— Я не верю!

— Главное, что остальные верят, — так же спокойно ответил второй странник. — Просто скажи, чего желаешь. Нам всё подвластно.

Мигнула свеча, заплакала стружкой воска, истлел фитиль, и даже дыма не было видно в кромешной тьме.

— Я желаю... желаю... чтобы моя Империя победила!

— Дай срок. Священная Империя будет жить, — они приблизились вплотную и положили ладони ему на голову. — Долгих лет Императору-убийце Теодору Фальке!

Из их пальцев выстреливали голубые и чёрные нити, пеленали в плотный кокон, врастали под кожу, струились по жилам, в дыхании они, в глазах, в ушах. Ты уже не ты, а их марионетка. Последнее, что можешь — разинуть рот в немом крике. В первый и последний раз.

Не вижу зла, не слышу зла, не говорю о зле.

***

Для них поставили отдельный шатёр, накормили так, как не кормили с момента воплощения в этом треклятом мире. Они могли и без людской пищи, и даже без воды, подпитывать бранные тела своей тенью. Но всему есть предел. Не хотелось бы потерять с таким трудом доставшихся носителей и не обрести новых. Без реального воплощения ты ничто. Уж кому, как не Предвестникам невоплощённого Мрака, об этом знать?

Люди суетились, вести разлетались с ошеломляющей скоростью, воодушевлённый гам не стихал. С этими проще, легко подтолкнуть внушением или чёрной жадью. Они не как те треклятые слуги Безликого, они не верят и верят одновременно, смотрят и не видят того, что у них перед глазами. Они все хотят одного и того же: выжить и воплотиться. И нет рядом Синеглазого, того, кто рвёт путы и разбивает слова в прах. Они сами уничтожили своих защитников. Сами позвали новых, совершенных. Не все для одного, а всё для всех — для высших целей. Для другого более правильного и справедливого мира.

— Именем Единого, кто вы?! — ворвался к ним старец в балахоне. Лёгкий нырок в голову. А! Главный проповедник, слепой пастух слепых баранов.

— Мы его божественные посланники. Разве до вас не доходила весть?

— Вы Сумеречники! Нечистые!

— Разве не милостив он к кающимся? Узревшим и признавшим Истину? Дар ценится только тогда, когда дорога к нему была тяжела и терниста. И мы ценим, превыше золота и гордыни. Взгляни на наши язвы, на наше нищенство, на отверженность среди собственного племени. Мы выбрали свой путь — путь служения и отречения, а не стяжательства. Мы защитим твою паству и выиграем войну. Мы подготовим мир к его пришествию. Тебе ведь хочется? — Трюдо приложил к его лбу палец. — М-м-м! Златоглавые храмы, как были у Сумеречников, и костры вокруг колдунов, где они будут гореть живьём за свои злодеяния.

Пастух вытаращил глаза и отшатнулся.

— Гнев! Гнев праведный — всегда хорошо, — согласился Масферс. — Иди к остальным. Скажи, мы глас его гнева. Мы сметём нечестивых, но прежде предложим покаяться. Те из них, кто присоединятся к нам, будут спасены. Остальных пожрёт их же очистительное пламя.

Пастух вышел и сделал внушённое. Больше их не тревожили.

— Нужно действовать. Эти олухи ничего не смыслят даже в том, с кем сражаются, — Масферс изучал донесения и отчёты.

— Не удивительно. Орден тщательно оберегал свои тайны. Да и недоступны они... — Трюдо приложил палец к виску и махнул в сторону выхода. — Ограниченному разуму. Справимся! Жаль, мятежных духов упустили. Рат их очень хотел.

— Настолько хотел, что попался на клинок Синеглазому. Да и какая разница? Не этих, так других найдём, — отмахнулся Масферс. — Никакие носители не стоят семени.

— Молод ты ещё, не понимаешь, — покачал головой Трюдо. — Духи ведут за собой людей, становятся виновниками изменений. Перетянем Разрушителя и Искателя на свою сторону, и победа за нами. Жаль только, что Синеглазый, скорее всего, от них избавился.

— Ничего! Семнадцать лет ему кружить над Мидгардом осталось. Он будет гореть! — рассмеялся Масферс. — А пока нужно связаться с демонами. Чую, орда уже воспрянула, чтобы добить обескровившего себя противника. Они дадут нам время, чтобы подготовить этих жалких фанатиков к победоносной войне.

— Тебе бы всё головы резать, — Трюдо махнул рукой и повернулся к разложенной на столе карте. — Занимайся, а поиск носителей оставь мне.

Глава 8. Наука Збиденя

Микашу понравилось в походе с первого мгновения, когда они с Беркутом присоединились к серым колоннам новобранцев, конных и пеших, которые замыкали парад войск вместе с оруженосцами, целителями и обозами. Сливался стук колёс, копыт и сердец, устремлялись вперёд решительные взгляды. Дышалось по-особенному хорошо, торжественно и дружно. Толпа, собравшаяся посмотреть на высокородных капитанов в сияющих латах с золотыми гербами на груди и прославленных героев тысячи битв, расходилась по домам, лишь пара зевак ещё висла на деревянных ограждениях. Худосочный чернявый мальчишка в обносках с чужого плеча, сложив ладони лодочкой, прокричал:

— Слава героям, слава освободителям земли мидгардской!

Микаш улыбнулся и помахал ему рукой. Внутри зарождалось ликование, хоть они ещё не выехали из города.

За стеной парад закончился, и новобранцы разбрелись, знакомясь друг с другом и отыскивая приятелей. Микаш наблюдал за происходящим в одиночестве. В войске царило возбуждение. Все предвкушали славные подвиги. Микаш тоже не мог сдержать кошачью улыбку на устах.

Небо хмурилось, на степных пустошах дул пронизывающий осенний ветер, холодом пахла земля. Выступали маршем, за день преодолели очень много. Новобранцы с непривычки устали, спешивались на ночлег лениво, неверно ступали и шатались из стороны в сторону. У Микаш же наоборот всё трепетало от предвкушения.

Рядом с глашатаями выстроилась большая очередь. Новобранцы называли имена, и их распределяли по назначениям.

— Микаш Остенский! — бойко представился он, вытянувшись по струнке и дёрнув за повод расклячившегося Беркута.

— Не припомню такого, — пробормотал глашатай и сверился с длинным свитком.

— Может, в конце? Меня перед самым выступлением приняли. Давайте помогу!

Глашатай удивлённо вскинул брови, в спину устремились любопытные взгляды. Микаш пожал плечами, перебирая листы, и, найдя нужную строчку в самом конце, ткнул в неё пальцем.

— Микаш Остенский из зареченских Римшей, безземельный. Ну да, ну да! — глашатай подмигнул. Маршал Комри намутил с его происхождением? Надо выяснить, что это за Римши. — Рота Красноклювов, капитан лорд Мнишек, звено Зябликов, командир Збиденя Кадлубек. Не повезло тебе, парень.

Глашатай вручил Микашу приказ о назначении. За его спиной всюду гулял досужий шёпот.

— Строгий?

— Есть немного. К нему совсем зелёных отправляют, чтобы научил уму разуму, а потом распределяют в другие звенья в зависимости от успехов. Просто таких как ты он на дух не переносит.

— Каких таких?

— Ну, — глашатай смерил его двусмысленным взглядом и хохотнул в кулак. — Безземельных.

На что он намекает, в конце концов?!

Микаш повёл Беркута в сторону реявшего над лагерем красного знамени. Он обозначало положение роты Красноклювов. Маленькая неказистая палатка командира Зябликов отыскалась лишь на самом краю. Возле неё, скрестив ноги, сидел сухой, наполовину седой старик с пышными усами. Судя по ауре ясновидец первого уровня. Истинный бы, наверное, уже до капитана роты дослужился.

— Микаш Остенский, прибыл нести службу, — отчитался он, протянув бумаги.

Старик медленно поднял голову, придирчивым взглядом прозрачных глаз оббежал коня и замер на знаке ордена на груди. Подёрнутое сеточкой морщин лицо нахмурилось, густые снежные брови взлетели вверх. Микаш даже пожалел, что не побрился перед выходом.

— А, «безземельный», — скривился старик. — Зови меня дядька Збиденё, так меня все зовут. Ты опоздал.

От родного, зычного с лающими нотками говора защемило в груди. Микаш положил бумаги на землю рядом.

— Так ведь никого ещё нет.

— С тебя спрос особый. Ни одной промашки не потерплю. Так что собирай манатки сейчас.

— Но ведь вы даже меня в деле не видели!

— Зато слышал достаточно. Костёр разведи и за паем сходи. Дежурным будешь.

Микаш отсалютовал и убежал исполнять приказания: перепоручил коня оруженосцам, развёл костёр и на раздаче пая познакомился со словоохотливым целителем Харуном. Тот рассказывал про заведённый порядок, отмеряя в котелок лишнюю жменю овса:

— С кашеварами нынче плохо. Можно, конечно, подсуетить.

— Голодранцам и провинившимся кашевары не положены! — гаркнул проходивший мимо немолодой рыцарь в красном капитанском плаще, который быстро промокал под накрапывающим дождём. — И нечего тут зубоскалить! Вы бы так строем ходили, как лясы точить горазды. Ещё одно замечание — и схлопочете по выговору.

Микаш с целителем одновременно вытянулись и отсалютовали.

— Так точно, лорд Мнишек! — затараторил Харун так, что Микаш едва успел повторить.

Капитан смерил их презрительным шагом и ушёл восвояси.

— Старый хрыч! — плюнул ему вслед Харун. — Хоть бы на него подагра напала!

— Вы же целитель!

— Посмотрим, что ты запоёшь после пары недель с этим...

— Бывало и хуже, — неожиданно для себя Микаш улыбнулся во весь рот. — Лучше, чем сейчас, и быть не может!

Харун удивлённо рассмеялся, а Микаш побежал обратно, запахиваясь в плащ.

Темнело. Остальные новобранцы уже собрались у костра и задорно болтали, то и дело взрываясь хохотом. Стоило Микашу приблизиться, как они уставились на него и замолчали. Он подкладывал дрова в огонь, они вдыхали горький дым и тянули ладони поближе к скрипучему жару, борющемуся с дождём. В котле хлюпала пузырями каша, прикипая к стенкам. Микаш раскладывал её по площадкам деревянной поварёшкой и выдавал каждому Зяблику по куску солонины, улыбаясь как можно любезней, но они тушевались ещё больше, замирая в непонятной тревоге.

Микаш уже устраивался рядом со своей площадкой, как за спиной раздалось громкое

чавканье. Збиденъ приближался со стороны лагеря, разбрызгивая сапогами грязь из луж.

— Ты, — он указал на Микаша. — Ко мне, живо!

Тот с досадой глянул на Зябликов и нехотя подчинился приказу.

В палатке было непривычно сухо и тепло. Тлели угли в закопчённой жаровне, Збиденъ усаживался на взбитые тюфяки в углу рядом с приземистым столиком. На нём дымились две тарелки с жареной телятиной. Командиров явно кормили лучше, чем рядовых.

— Отпразднуем знакомство! — Збиденъ распечатал кувшин, разлил по кружкам брагу и указал на место рядом с собой. — Только не надо мне этого волчьего взгляда. Садись, говорю!

Сел. Збиденъ подтолкнул к нему кружку, расплескав пену. Они чокнулись, командир опрокинул залпом, Микаш едва пригубил.

— Маршал всё про тебя рассказал.

Он поперхнулся. Чего теперь ждать? Угроз?

Збиденъ подлил себе ещё, но пить не спешил, разглядывая ободок на глиняной кружке:

— Как Заречье поживает? Я на родине с самого вступления в орден не был, тридцать лет уже поди.

— Как всегда. Земля родит богато, золотые табуны несметны, погода ласкова, только демоны лютуют.

— Слышал. Сочувствую.

Микаш выпил остатки браги и стукнул кружкой по столу. В голову ударил хмель. Микаш принялся за кашу с мясом. Сладко, пресно, пряно — смешались вкусы на языке.

Збиденъ подлил ещё.

— Я из славного города Кадлуба на востоке, а ты?

— Село Остенки на западе, на правом берегу Плавны. Было там. А после нашествия служил оруженосцем у наследника лорда Тедеску. Там всему и научился.

— Тёпленькое местечко. Чего ушёл?

— По-настоящему захотелось с демонами воевать, а не на потеху высокородным рубаху на себе рвать.

— А-а-а, честолюбец. Сюда многие ради славы приходят, только при виде орды бегут первыми.

— Я не из тех.

Микаш продолжал сосредоточенно жевать, не желая говорить больше, чем просят. Збиденъ всё подливал и подливал, чтобы развязать ему язык. Нелепая битва. Микаш хоть и не пил раньше много, а пьянел, лишь когда сам желал этого.

— Расскажи хоть, какой у тебя опыт, — сдался Збиденъ, оставив кувшин.

Микаш перечислил виды оружия, которые доводилось использовать, опробованные телепатические техники, убитых тварей. Збиденъ присвистнул.

— В команде когда-нибудь работал?

— С наследником лорда Тедеску и его компаньонами, правда, больше за них, а не вместе. А потом... ещё с двумя высокородными. С ними вместе. Получалось вроде, когда не шло из рук вон плохо.

Микаш по привычке сунул руку за пазуху в поисках серебряного медальона с портретом Лайсве, но вспомнил, что отдал его ей в Урсалии, когда хотел уехать, а уехал в результате её брат.

— Командовал кем-нибудь?

— Нет. Да и не нужно мне этого, — Микаш обвёл вокруг себя руками. По правде, он бы лучше давился под дождём пресной кашей, чем пил вместе со старым лисом, отвечая на каверзные вопросы. — Я доволен тем, что у меня есть. Я смотрел смерти в лицо столько раз, что пальцев на обеих руках не хватит сосчитать. Она меня не страшит, и слава тоже не прельщает. Я просто хочу быть Сумеречником и сражаться с демонами.

— Наивный мальчик, здесь не спрашивают, чего ты хочешь. Ты делаешь то, что нужно, либо уходишь, — горько усмехнулся Збидень. — Ладно, ложись спать. Завтра на рассвете построение. Куда? Здесь спать будешь. И никаких возражений!

Пришлось засыпать под раскатистый стариковский храп.

На диво ясным утром Збидень выстроил Зябликов в шеренгу по росту и прошёл вдоль неё, осматривая всех. Микаш дождался в хвосте, как самый высокий, и косился на соседей по строю.

— Что за вид? — ругался командир. — Ремень затяни, дурень! А ты чего зубы скалишь? Почему воротник расстегнут? Ах, на горло давит?! Так возвращайся к мамочке, там тебе точно давить нигде не будет.

Микаш с беспокойством вспоминал, всё ли у него в порядке. Пятнышко на носке сапога. Ну вот. А ведь чистил! Целых пять минут. Эх, нет здесь Лайсве, она никогда такие вещи не пропускала.

— Это что такое, засохшие сопли? Прости Безликий, ты хоть лицо иногда моешь?! — муштровал Збидень парня, который стоял по соседству.

Микаш распрямил плечи, втянул живот. Збидень отвернулся и принялся расхаживать вдоль строя, заложив руки за спину.

— Чтобы к началу марша себя в порядок привели. Кто не успеет — десять плетей.

Сосед шмыгнул носом. Микаш скосил взгляд. Парень был высокий и тощий, как жердь. Толстогубый, курчавящиеся барашком волосы непослушно выбивались из пука на затылке, несоразмерно длинные руки свисали неуклюжими плетями. Никаких мускулов. Как они испытания проходят?

— Эй, куда смотришь?! — прикрикнул на Микаша Збидень. — Покажи-ка своё мастерство. Или только хвастать горазд?

Микаш вышел из строя, вынул меч и принялся крутить петли, то и дело прерываясь для резких выпадов. Зяблики восхищённо охали, лишь Збидень наблюдал с хитрым прищуром. Надо держать ухо востро. Старик только с первого взгляда немощный, а по походке видно, что ежели драка, налетит как коршун — не отобьёшься. Сильный и жилистый, очень крепкий старый вояка.

Збидень вскинул руку и обратился к соседу Микаша:

— Имя?

Тот выровняла осанку, выпятил грудь и ответил сбивающимся голосом:

— Келман Уввар, к вашим услугам!

Збидень махнул Микашу и подтолкнул к нему Келмана. С желторотиком биться? Неправильно это! Но спорить бесполезно. Противник поднял оружие и замахнулся. Самым простым финтом Микаш сбил его с ног и выдернул из руки клинок. Только бы ничего повредить, это же не по-настоящему! Келман кряхтел и не мог отскрести себя от сырой земли. Микаш схватил его за руку, поставил на ноги, отряхнул и всунул его меч обратно в ножны. Ой, это же не Йорден! Збидень сверлил Микаша пристальным взглядом, Келман удивлённо моргал и откашливался.

— В строй, недотёпа! — прикрикнул на него командир и подозвал следующего Зяблика. С ним повторилось то же, только Микаш больше никого не поднимал и не отряхивал.

— Печально, — заключил Збиденё, наблюдая, как Зяблики потирают ушибленные места. — С каждым годом новобранцы всё слабее. А ведь вы даже даром не пользовались.

Недоговорив, он выхватил меч, прыжком развернулся и сделал настолько молниеносный выпад, что Микаш едва успел уйти в сторону. Завязался поединок. Старик был хорош, чувствовался немалый опыт, выдержка, сноровка. Такому даже проиграть не стыдно. Хитрую технику Збиденё использовал, обманные финты сыпались один за другим, выпады предсказывал, с помощью дара пытался выбить из равновесия и обернуть силу Микаша против него. Без телепатии лучшая тактика — изнурение. Не подпускать близко и сохранять силы. В молодости — главное преимущество. Только воспользоваться им не дали. Збиденё вскинул руку, обрывая поединок, когда они даже вспотеть не успели. Микаш отступил и спрятал меч в ножны.

— Завтра будешь учить остальных. Всем — его слушать, если не хотите в первом же бою головы сложить, — отдавал указания Збиденё. — Вольно! Разойдись! А ты — за мной!

Снова пришлось нырять под низкий полог командирской палатки.

— Что ты творишь, а? — отчитывал вполголоса Збиденё. — Ты уже не простолудин. От тебя требуется только исполнять приказы, мои приказы и больше ничьи. Будешь всем сопли утирать — тебя мигом раскроют.

Микаш виновато молчал. Старые привычки умирают долго.

— Выше голову. Ты лучший воин, чем все эти мальчишки вместе взятые и только поэтому маршал Комри тебя взял. Вспомни свои вчерашние слова и не подводи его.

— Будет сделано! — ответил Микаш, желая выбраться на волю.

Затрубили горны к началу марша, спасли. Микаш убежал собираться. Вскоре выехали и снова телепались в хвосте. Микаш придирчиво разглядывал Зябликов. Чуть младше либо его возраста, одеты в казённые тёмные шерстяные штаны, высокие сапоги, рубахи из немаркой ткани, толстые жилеты и длинные серые плащи от дождя и холода. Мечи дешёвые, некачественнойковки. Метательные ножи, которыми Микаш разжился на подъёмные деньги, и то были лучше. На кольчугу, правда, не хватило, пришлось довольствоваться стёганкой. Да и у остальных сверкающих лат не было. Клячи у всех — низкорослые обозники, не чета огромному Беркуту. Только бы не показывал, что в голове у него одно плесневелое сено.

В сёдлах Зяблики тряслись, как мешки с соломой, и выдыхались почти мгновенно, покряхтывая и не зная, как усесться удобней. Не сильно крупные, кое-кто из них и вовсе казался слишком щуплым для воина. Тренировать их придётся долго. Вначале лучше сделать упор на выносливость, нарастить мышцы, а потом уже браться за мастерство. Микаш увлечённо составлял в голове план, размышляя попутно, что ещё нужно выяснить и раздобыть. Перестал замечать всё вокруг: колыхание конской спины, холодный ветер крадущейся зимы, подступающих всё ближе всадников. Кто-то коснулся его локтя, Микаш вздрогнул и повернул голову.

С ним поравнялся Келман.

— Мы подумали, раз ты будешь нас учить, то надо представиться, — подмигнул он. — Я Келман из Вардани, это на границе с Эламом.

Точно, представиться — совсем забыл!

— Микаш из Заречья, — он пожал протянутую руку.

— Рыжий Мёрк, шербатый Ловель, с залысынами Аттош, красавчик Оле, дальше Дидье, Истарен, Кашгаль, Реут — поспеваешь? — называл окруживших их всадников Келман.

Каждый улыбался, кивал или махал рукой. Микаш суматошно запоминал их имена и отличительные черты. Раньше даже двумя словами переброситься не с кем было, а теперь придётся общаться с сослуживцами очень тесно. Впрочем, сам ведь хотел.

Келман закончил, указав на двух крепышей в отдалении:

— Малыш Нино и, наконец, Этьен.

Большинство норикийцы судя по именам. Норикия рядом, богата, с сильной властью, война туда ещё не добралась. Они могут снаряжать новых рыцарей.

— Запомнил?

Микаш обвёл всех взглядом. Проклятая беспамятность на имена и лица!

— Переспрошу, если понадобится.

Зяблики дружно кивнули.

— Лучше про себя расскажи, — подначил Келман.

Догадались? Ну да, притворяться никогда особо не получалось.

— Почему тебя к нам сослали? — Келман настырно ехал рядом. Микаш недоумённо нахмурился. — Мы сразу подумали, что ты высокородный. Конь знатный, сражаться умеешь. Родители, небось, уйму денег на учителей потратили. Дар истинный, даже сильнее, чем у Збиденя! А у нас все с трудом до второго уровня дотягивают. Не отнекивайся, мы же не легковерные простолюдины!

Вспомнился лорд Тедеску. Теперь его суровое обращение казалось почти отеческими. Выучил его лучше, чем собственного наследника, воспитал строже и рачительней. Быть может, в глубине души он мечтал о таком сыне, потому и не отпускал так долго. Раньше подобные мысли никогда в голову не закрадывались, словно юношеское самолюбие мешало видеть ясно.

— Нет, — повысил голос Микаш. Притворяться безземельным — куда ни шло, но высокородным — увольте! — Я такой же, как вы. Конь случайно достался, сражаться сам научился. Дар... Разве кто выбирает, с каким родиться? Я так же как вы прошёл испытание, так же, как вы, посвятился в орден, так же, как вы, попал в это звено и буду служить вместе с вами.

— Ты прошёл испытание? — ахнул один из рыцарей, Мёрк, кажется.

Остальные распахнули рты.

— А как иначе? — Микаш сглотнул. Надо было выяснить, какие у безземельных порядки!

— Расскажи! — потребовал Келман.

Микаш вздохнул:

— Вэльвы назначили мне убить пересмешницу в долине Агары и привезти её косу как трофеей. Было тяжело, первый бой я проиграл, поддался на чары. Пересмешница отравила и ослепила меня. Если бы не компаньон, я бы погиб. Он сражался за меня, пока я был беспомощен, но тоже не смог одолеть тварь. Тогда я собрался с силами и прикончил её, чтобы защитить нас обоих.

Микаш старался врать как можно меньше и не вдаваться в детали. Ведь похоже на правду. Могло такое быть, почему нет?

— Ты видел настоящего демона? — Аттош с залысынами поднялся на стременах и спросил с восхищением: — Ты победил его совсем один?

— Не один, а с компаньоном, он очень умный и славный. Если бы не он...

Микаш в досаде жевал губами. То, что он говорил, не объединяло с остальными, а наоборот заставляло смотреть на него снизу вверх.

— Ты и правда высокородный! Только их отправляют на настоящие испытания! — Келман заёрзал в седле.

Оказывается, тащиться на край света в пасть к демонам — особая честь для высокородных! Лучше бы молчал, чем хвастать.

— Не робей! — Келман отогнал от него остальных, позволив пустить Беркута менее скованным шагом. Обозники вокруг суматошно сучили ногами, чтобы не отстать. — Про себя не скажешь — видно, тайна. Про порядки тех, кто пониже рангом, тебя не предупредили? Но мы готовы тебя принять, правда, парни? — остальные неуверенно кивнули. Похоже, Келман был у них лидером. — Всему научим, всё расскажем. Только ты нос не задирай и будь одним из нас, а не прячься в палатке командира.

Микаш с облегчением согласился. К Збиденю возвращаться точно не хотелось.

— Расскажи про демона! Это хоть не тайна? — Келман снова добродушно улыбнулся.

Все притихли, подкрадываясь ближе, ловили каждое движение, каждый вздох. Микаш усмехнулся. Уж байки про битвы он мог травить до ночи. Рассказывал про демонов, про повадки, когда стоит нападать, а когда пройти мимо, очень много из того, что узнал на собственном опыте, кое-что из того, что вычитал в книгах. Они слушали так, как никто и никогда его не слушал. Даже спешиваться не хотели, когда пришло время ночлега.

Микаш назначил дежурными крепышей Нино с Этьеном. Они устанавливали палатку, разводили костёр и готовили ужин. Остальным он велел оббежать вокруг лагеря трижды, присесть и отжаться не меньше сотни раз.

— У меня ноги не гнутся после двенадцати часов в седле! — запричитал Мёрк. Остальные смотрели на него с поддержкой.

— Думаете, Збиденё даст вам поблажки? Даже если так, то в бою с демонами их точно не будет, — покачал головой Микаш.

Они неохотно поплелись исполнять. Збиденё куда-то запропастился, должно быть, развлекался с другими командирами, свалив всю работу на Микаша. Не то чтобы он не справлялся, но первое время всё же стоило приглядеть, а не швырять как слепого щенка в реку и ждать, выплывет ли он. Микаш отчаянно сучил лапами: расспрашивал всех встречных, прислушивался к разговорам, изучал обстановку и силы войск. Оруженосцев, стрелков и латников было очень мало, как и оружейников и прочих подсобных работников. Ехать планировалось несколько месяцев на запад к скалам Марси. Лазутчики засекли там орду демонов. И ничего конкретного!

Через несколько дней в лагере случилась суматоха. На плацу сгрудилась шумная толпа. Чтобы разобраться, пришлось пробиваться вперёд локтями. Остановил знакомый целитель Харун, дёрнув за руку. Вместе они заворожено уставились на разыгравшееся представление. К наспех поставленному столбу привязали молодого рыцаря в одних штанах. Над ним чёрной тучей нависал лорд Мнишек. Яростно свистел кнут в его руках, рассекая голую спину несчастного. Крики надрывали слух, на губах оседал привкус крови.

— За что его так? — шёпотом спросил Микаш.

— Дуэль. Этот высокородный хлыщ Холлес небось сам его оскорбил, подпевалы пожаловались капитану, а тот и рад стараться, изверг! — с нескрываемой неприязнью отвечал Харун.

— Холлес? — переспросил Микаш.

Целитель кивнул на стоявшего неподалёку молодого командира. Тот наблюдал за экзекуцией с надменным видом. Светлые волосы забраны в церемониальную причёску, элегантный шерстяной костюм смотрелся неуместно дорого в походе. Словно почувствовав, что говорили о нём, он повернул голову и окинул Микаша презрительным взглядом ядовито-зелёных глаз. Хищно облизал губы. Ветер смешал с кровью тревожный запах лавандового масла, которое любили высокородные в замке Тедеску. Захотелось ссутулиться и поскорее шмыгнуть в тень, но приходилось сдерживаться.

Высокородного обступили другие молодые командиры, одетые менее богато, и ухмылялись на расправу по-шакальи. Среди них выделялся высокий чернявый рыцарь в такой же казённой одежде, как у Микаша, разве что плащ был голубым, как у всех командиров. Держался он робко и неуклюже, совестливо отводя взгляд от расправы, хотя остальные подтрунивали над ним и смеялись.

— Бедокуры как на подбор, — горько усмехнулся Харун. — Говорят, каков командир, таково и звено. А тут у нас — каков капитан, скорее, прикормил волчат.

Толпа тревожно зашевелилась, рыцари суматошно расступались, давая кому-то проход. Сверкнул едва заметно воздушный полог. Хлыст свистнул в последний раз и скользнул по нему с бессильной злобой. Лорд Мнишек развернулся и встретился лицом к лицу с выступившим из толпы маршалом.

— Расходитесь! — гаркнул Гэвин так, чтобы все услышали. — На истязания на площади наказаний в Эскендерии насмотритесь!

Из-за его спины показалось несколько целителей с носилками, отвязали провинившегося и унесли в сторону лазарета.

— Надеюсь, его вылечат до боёв, — прошептал Микаш.

— Вылечат, только звания лишат и отправят домой, — покачал головой Харун.

Микаш сглотнул — Холлес сверлил его любопытным взглядом, в то время как остальные разбрелись по своим делам. Только маршал выговаривал что-то зарвавшемуся капитану.

— Высокородные всегда правы, даже маршал им не указ, — печально хмыкнул целитель и вместе с Микашем пошёл прочь. — Три правила выживания в этой армии: никаких дуэлей с высокородными. На построение перед Мнишкой приходи, чтоб комар носа не подточил. И маршала в голос не поноси. Иначе шкуру тебе основательно подпортят.

Да демоны с ней — со шкурой, лишь бы из армии не выкинули!

— Маршал Комри самый лучший, — от чистого сердца ответил Микаш.

— Вот, правильно баешь! — рассмеялся Харун.

Микаш не стал его убеждать, главное, что сказал правду.

Начались тренировки с оружием. Приходилось обучать Зябликов с азов: как держать равновесие и как делать замах, простейшие стойки, переступы, развороты, наносить прямые удары. Иногда вместо фехтования они пристреливались по мишеням — выходило и того хуже. Многие даже не знали, как лук согнуть, не то, что стрелять навскидку. Боязно, что они ещё той жизни толком не хлебали, настоящего боя.

Каждый вечер Микаш гонял их до десятого пота, каждое утро после разминки на гибкость заставлял отрабатывать технику. А во время переходов рассказывал, с чем придётся столкнуться и как действовать, устраивал проверки, как они всё запомнили. Одно дело в спокойное время ляды точить, а другое — оказаться посреди чёрной орды в зловещем

Сумеречном мире. Бередили душу воспоминания о первом бое, как тогда трудно было совладать с эмоциями и инстинктами, когда когти скребли с душераздирающим скрежетом, щёлкали плотоядно зубастые пасти и яростно мигали колдовские глаза.

Зяблики были гораздо ближе к Микашу и симпатичнее, чем высокомерные дети знатных родов. Он радовался их успехам, как своим, ведь это он научил их без споров и насмешек, только с помощью терпения и уважения. Долгой подчас утомительной работы, когда приходилось по десять раз объяснять одно и то же, подыскивать более понятные слова, придумывать подходящие тренировки для каждого по отдельности. Разминка для ума — почище чем головоломки.

Зяблики смотрели на него как на кумира, подрожали во всём, даже словечки перенимали, дурацкие повадки, которые не удавалось в себе изжить.

Однажды они болтали вместе за ужином у костра, когда Збиденё почтил их своим вниманием. Нет, не их, а Микаш. Ухватил его за плечо и направил к палатке. Остальные покосились на него сочувственно, но всё же отпустили.

— Ты для них стал вторым отцом, молодец! — похвалил Збиденё, заталкивая на подушки в угол. — Как старший брат, уж точно.

— Знали бы они, кто я на самом деле... — Микаш покорно сел и отвернулся.

— Вряд ли бы что-то изменилось. Ты — это ты, ум, характер, дар, а родословная — пустое. Демонам неважно, чей ты сын, оружию неважно, держал ли ты до этого соху или щипал служанок в замке. Забудь о прошлом, и другие не вспомнят. Выпей!

Збиденё вручил ему кружку с брагой. Микаш сдувал с неё пену. Отпустить — легко сказать, только думать «мы», когда говорят о братьях-Сумеречниках, не получалось.

— Здесь были другие простолюдины?

— Все когда-то ими были: жрецами и охотниками, что черпали силу с обратной стороны луны. Только дар имел значение, только доблесть на поле боя, ладный клинок и мастерство мечника. Знатностью родов исключительно обычные люди кичились, те, кто не видел истины, не слышал зова предназначения, не врезался в орду тварей, не кромсал их до последней капли крови. Мы заразились завистью к их богатству и гонору, она же нас и убивает, как неизлечимая болезнь.

Микаш усмехнулся. Знакомые речи. У них намного больше общего, чем показалось вначале.

— Скажите, дядька Збиденё, а были ли другие, кроме меня и вас?

Старик смотрел на него строго из-под хмурых бровей, огненные блики вперемежку с тенями от углей в жаровне делали его лицо чуждым и жестоким.

— Ты хорошо читаешь в сердцах, — усмехнулся он, взяв себя руки. — Отпусти же ты, а? Разве легче станет, узнай ты, что такие появляются время от времени, сражаются так отчаянно, как ни один из высокородных не смог бы, вспыхивают, как сухие щепки и также быстро оборачиваются в прах. И никто не убивается от горя, не грозит мстью на их погребении. Единицы до моих лет доживают. Боишься теперь? Жалеешь, что выпрашивал?

— Нет! — резко ответил Микаш. — Простите. Можно откланяться?

Не дожидаясь ответа, он ушёл, и больше Збиденё к себе не звал.

Пропало ощущение, что он занимает чужое место. Своё место, всё то же, во славу маршала и его командиров, в защиту безусых мальчишек, которые пока ещё ничего не умеют. Его единственный след — тот, который он оставит в их жизнях.

У кого-то получалось сносно, у кого-то лучше, чем ожидалось, у кого-то успехи

оставляли желать лучшего. У добродушного задиры Келмана не получалось вовсе. Ловкости в теле ни на медьку, реакция слишком медленная, интуиции — никакой. Сколько бы Микаш с ним ни мучился, тот так и не смог ни попасть стрелой в мишень с двадцати саженьей, ни толком выполнить ни одного финта.

Они уже подъезжали к местам первых стычек. Время утекало сквозь пальцы.

— Через неделю бой, — бросил Збиденё, наблюдая, как Микаш гоняет своих подопечных перед утренним построением. — Они готовы?

Микаш обернулся на раскрасневшиеся, напряжённые от упражнений лица Зябликов. По хорошему половину надо домой отправлять.

Обычно первый бой стоит нескольких лет тренировок, и всё же...

Микаш приблизился к Келману, который сражался с соломенным чучелом. Ударил так неудачно, что едва не получил по голове, когда чучело начало падать.

— Послушай, — обратился к нему Микаш. — Ты же оборотень, воспользуйся хоть звериными повадками!

— Я не оборотень, а звероуст, — Келман поднял чучело с земли и водрузил обратно на палку.

— Это очень слабый дар. Кто тебя посвящал? — Так резко выговаривать не стоило, но ведь бой с демонами — не шутки.

— Мой высокий лорд, кто же ещё? Его обязали снарядить рыцарей для армии маршала Комри. Желających было не так много, а я попросился сам. Моей семье грозила долговая яма. Из-за войны вся работа стоит, земли не приносят дохода, — он отвернулся, пряча кипящее от стыда лицо, и сменил тему: — А тебя кто посвящал?

— Маршал Комри.

— И ты ещё будешь говорить, что не высокородный! — Келман повернулся и восхищённо заглянул ему в глаза.

— Я простолюдин. — Надело! Пускай знают правду. — Никто, кроме него, меня не брал.

— Хватит заливать! — обиделся Келман. — Не хочешь говорить правду — хотя бы не лги. Дай мне шанс. Я буду стараться лучше. Я смогу. Мне нельзя обратно. Пожалуйста! Ради нашей дружбы.

От мольбы во взгляде становилось гадко и решимость таяла как дым.

— Они готовы? — Збиденё подошёл сзади, голос взвился. Видно, не простил командир того разговора, а из-за пренебрежения разъярился ещё больше. Теперь со свету сживёт, как пить дать.

— Нет, — ответил Микаш. — Половину разорвут в первой же стычке. Нужно отправлять всех домой.

Келман поджал губы и вперил взгляд в землю.

— Настолько расщедриться мы не сможем, но парочку самых малахольных выгнать — запросто. Начнём с этого? — злорадно шурясь, Збиденё кивком указал на Келмана.

Тот покраснел до корней волос, плюнул в сторону Микаша и зашагал прочь. Збиденё ухмыльнулся и тоже ушёл собирать всех на построение.

Угрозы он не исполнил — все остались. Микаш гонял их, не оставляя ни мгновения покоя. Заставлял повторять, пока неуклюжие тела не поймут, как себя вести, чтобы выжить. Стискивал зубы, показывал ещё и ещё, пока хоть что-то не начало получаться.

Келман быстро остыл. Микаш работал с ним больше, чем с остальными. Во время боя не

спустит с него глаз, а там будь что будет.

Зима смилостивилась на тепло, но тревожное ожидание ненастья горчило чертополохом.

Марш остановили у вытоптанной пустоши с растрескавшейся почвой. Враг ютился за пригорками на другой стороне.

Вечерело. Караульных выставили много, спать велели чутко и быть готовыми к схватке. Но спать они не могли, мучимые нетерпением. Про демонов допрашивали с нарастающим пристрастием. Кто там будет? Какие планы у командования? Ты ж к ним ближе всех, потому и знать обязан!

Микаш заставил себя заглянуть в палатку командира.

— Какие указания? — спросил по-деловому, показывая, что оставаться не намерен.

— Атакуем с первым лучом, — Збиденъ потягивал брагу из кружки и не смотрел на него.

— Это я слышал. Более конкретно.

— Не гони волну. На передовой не будем, с краю основные силы прикрываем. Вряд ли даже тень врагов заметим, хотя сосункам полезно бы было со страхом встретиться, — отмахнулся он, допивая напиток залпом. Только пена на усах осталась.

— Что за демоны? Сколько? Какая тактика? — Микаш не желал сдаваться. От этого зависела не только его жизнь, но и жизнь остальных ребят, которые уже стали его семьёй. — Мне нужно увидеть всю картину, чтобы составить план...

— Уймись! Твоё дело — исполнять приказы. Твой приказ — сделать так, чтобы ни один из этих неумех не погиб завтра, — не выдержал Збиденъ.

Наверняка он ничего не знает. Переживает? Да кто скажет!

— Будет сделано! — отдал честь Микаш и удалился.

Всех загнал спать. Всех до одного!

Сон пришёл тревожный. Звёздное небо трескалось, как почвы пустоши, и роняло на голову кожистые осколки черноты. Суета, крики. Бежали куда-то и падали замертво. Он никого, ни единого не мог спасти. В столбе ослепительного света — она. Микаш бежал к ней, звал, протягивал руки, по локоть измазанные в крови, в человеческой крови, не в демонской. Но как только нечистые ладони касались света, она исчезала навсегда.

Микаш проснулся в холодном поту. Сердце грохотало об рёбра. Трудно было сделать вдох. Уже наяву шло трещинами небо и падали горящие звёзды.

— Поднимайтесь! Демоны идут! — заорал Микаш за мгновение до того, как взвыли боевые горны.

Воздух дрожал и пах серой. Микаш расталкивал товарищей, суматошно заряжая арбалет. Над головой искрились серебром сгустки демонических аур. Он закрыл глаза, представляя себя слепым, и выстрелил. Мгновение сосредоточенья. Следующий болт. С каждым разом быстрее и лучше.

— Чего застыли, остолопы?! — заорал Микаш.

Шумело войско. Крики, лязг оружия. Только Зяблики, не нюхавшие крови, оторопело таранились по сторонам. На землю рухнул кожистый кокон. Нино перевернул его мечом. Распахнулись крылья, явив огромную птицу с обвислыми грудями и жутковатой головой, в которой угадывались деформированные человеческие черты. С левой стороны между рёбрами торчал болт. Тварь издохла.

Микаша обстреливал колышущееся небо. Поднимался ветер, хлопали крылья,

демонические ауры полыхали всё ярче. Ещё одна тварь рухнула на землю. Нино потянулся за ней, Микаш опередил его одним прыжком. Демон был ещё жив. Змеиным выпадом он бросился на Микаша, но тот со свистом опустил клинок ему на голову.

— Гарпии! — выкрикивал он. — Хватайте оружие, отбивайтесь! Сейчас скопом нападут.

Возились как улитки. Тварей спускалось так много. Микаш уже не успевал перезаряжать арбалет. Вспыхнуло болью плечо. Микаш развернулся. Взмах меча. Кровавый росчерк в воздухе. Обезглавленная тварь на земле. Ещё одна. Живее! Повезло, что противники сосредоточились на нём, а не налетели на слабых. Три, четыре, десять — всё равно сколько. Без разницы, победит или проиграет, выживет или погибнет. Главное, не позволить погибнуть остальным. До последней капли крови.

Серебристый сполох потянулся к Аттошу. Микаш ухватил его внушением и заставил увернуться, а сам продолжил отбиваться. Зяблики жались друг к другу. Микаш перехватывал каждого по очереди нитями телепатии. Дёрнул Реуга, потом Кашталя, заставляя шевелиться проворнее, хотя бы просто отмахиваться мечами. Гарпии под клинки лезть не хотели.

Саднило уже второе плечо, из бедра торчали обломанные когти, штаны пропитались кровью. Подмога? Нет, рассчитывать нужно только на себя. Дидье замешкался, зубы гарпии едва не сошлись на его горле. Микаш заставил его оттолкнуть тварь ногами. Перед глазами закружились цветные пятна. Дыхание предательски срывалось, реакции замедлились, мышцы налились свинцом, пульсировала на виске жила. Сколько ещё выдержит? Отбив последнюю атаку, Микаш оступился. Келман побежал навстречу, ему на плечи уже падала новая тварь. Микаш из последних сил подхватил его и заставил распластаться на земле, а сам метнул в гарпию нож. Попал. И хорошо...

Мир замер. Звенела тишина, давила на уши. Даже сердце колотиться перестало. Сонливая апатия забирала боль, тушила пожары страха и гнева, вызванных стремительной схваткой.

— Раненые... помощь?... — то жужжал над ухом, то отдалялся скрипучий голос Збиденя. Микаш не запомнил слов, но понял, что все отделались царапинами и лёгким испугом.

— К целителям?... — гаркнул Збиденя так, что голову схватил спазм.

Келман подлез под руку и потащил куда-то, как в ледяную воду опустил. Микаш вырвался, мотнул головой, сяясь вернуть мыслям ясность.

— Всё в порядке. Мне надо... по нужде...

Не дожидаясь разрешения, он заковылял прочь, чтобы никто не увидел, как его согнёт пополам и кишки полезут изо рта вместе с кровью. Нет, ничего такого, хвала Безликому, не приключилось. От слабости мутило, но кровь лилась только из носа. Надорвался снова. Интересно, как быстро восстановится внутренний резерв силы. А если нет? Лучше бы он сдох в бою.

В буковой роще неподалёку нашёл ручей. Микаш стянул с себя рваную одежду, смыл запёкшуюся кровь и достал из ран когти. Хоть бы не ядовитые... У гарпий яда нет. Они только рвут на части и выедают печень. На царапины легла вязкая мазь на пчелином воске. Не смертельно. Только тело закаменело, и в ушах разбушевался прибой. Микаш натянул одежду, привалился к полному стволу старого бука и закрыл глаза. Как там говорила Лайсве? Брат мой, Ветер, помоги!

Тяжело вздымалась грудь, воздух обжигал гортань. Микаш впитывал его кожей, каждым мускулом, каждой косточкой. Впервые настолько сильно хотелось выкарабкаться, впервые

появилось то, ради чего стоило жить!

Это ощущение. Чужая аура. Тяжёлая, густая, будто напоенная высокогорным воздухом, резким, морозным и чистым. Она бодрила страхом, шевелила волоски на спине. Слух обострился, улавливая треск сучьев под сапогами. Слова доходили необычайно чётко.

— Какие потери? — знакомый баритон с едва заметной хрипотцой. Голос, который так привык повелевать, что Микаш подчинялся ему, даже когда не хотел.

— Десяток. Ещё две дюжины ранены. Основной удар пришёлся по слабым воинам в тылу. Если бы вы не подоспели, потерь было бы намного больше, — отвечал незнакомый, торопящийся голос.

Микаш принудил себя открыть глаза. Между деревьями едва заметно в ночной мгле двигались две фигуры.

— Да-а-а, — досадливо тянул Гэвин. — Не рассчитал, что они нападут сами. За беспечность всегда взимается плата.

— Кто знал, что они настолько страх потеряли? Лазутчики докладывают, что собралось несколько тысяч. Такого с тролльих войн не было. Словно почуяли нашу слабость и выползли отовсюду. Объединились даже те, кто раньше ни с кем не сходил. Может, отступить и собрать подмогу? — второй голос был более тихий и вкрадчивый, немного заискивающий.

— У страха глаза велики, а Вальехиз? — усмехнулся Гэвин. — Подмоги не будет. Я и так собрал людей больше, чем рассчитывал. Религиозная междоусобица стала важнее священного долга. А ждать — только на руку противнику играть. Кто может, пойдут в наступление на рассвете. Остальные пускай остаются с целителями и ищут укрытие, где на лагерь не напали бы с воздуха.

— Быть может, всё же не воевать на два фронта? Когда заваруха на юге закончится, добить тварей большими силами? — последние слова были сказаны безнадежно, будто собеседник знал ответ.

— Тогда добивать будет уже некому. Хватит болтовни. Пора готовить наступление, — отмахнулся Гэвин.

Они подходили близко. Микаш хотел отползти подальше, но не смог даже пошевелиться. Затаил дыхание. Авось не заметят.

Повернулась голова одного из силуэтов. Тайнственное мерцание синих глаз завораживало, и голубая аура телекинетического дара росла вширь и ввысь, клубясь, как грозовые тучи, сверкала молниями, закручивалась вихрями, втягивая в себя ветер. Вспомнилась давняя встреча с урсальским моряком, не демоном и не человеком. Разум не мог объять запредельную мощь, а интуиция заходила в панике, совсем как сейчас!

— Выдвигаемся с первыми лучами, — сказал Гэвин нарочито громко. — Ослабшие останутся искать укрытие.

Микаш зажмурил глаза и приказал себе спать. Он не ослаб. Без него Зяблики не выживут.

Перезрелый сон налип паутиной. Снова свет. Снова кровь капает с рук. Вдалеке она. Он спешит, но не успевает. Рядом с ней появляется другой. Статная фигура, красивое породистое лицо маршала. Они уходят рука об руку к туманному берегу на той стороне реки. Ни разу не оглянулись на него...

Микаш тряхнул головой, отгоняя дурное видение. Надо думать о хорошем, о той сказке, что он придумал перед отъездом. Лайсве. Её нежные прикосновения, поцелуи, откровенные

ласки, без страха и отвращения, искренние, подлинные, добровольные. Она не смеётся и не язвит. Забота в её голосе, обещание ждать и молиться. Так сладко тогда было, как никогда в жизни. Хоть на мгновение представить, что он достоин любви принцессы.

Томные видения убаюкивали. Он покачивался на волнах неги, пока не утонул в тёмном омуте, где не было места снам.

Глава 9. Первые бои

Проснулся, как и хотел, на рассвете. Микаш это умел сызмальства, когда приходилось работать от зари до зари. Тело наливалось тяжестью. Нет, не время жалеть себя. Надо бороться до следующей ночи, когда снова можно будет раствориться в сладких грёзах.

Сквозь буковые стволы брезжили ржавчиной рассветные лучи, багрянец проклёвывался из земли, седая дымка бежала в тенистые овраги.

Микаш добрёл до лагеря и переоделся в боевую одежду — вчера не успел. Зато стёганка осталась целой. Царапины саднили, но хотя бы не воспалились. Мазь должна помочь. Вокруг суетились рыцари, поглядывали на него и перешёптывались.

Подошёл неунывающий Келман:

— Ты как? Вчера знатно потрепало. Мы-то думали, ты просто хвастался про демонов. А оказывается...

Он положил руку на плечо Микаша, и тот зашипел.

— Может, к целителям? — забеспокоился Келман.

Сил не было. Резерв заполнился только на четверть. Микаш боялся рухнуть посреди боя, но и остаться не мог.

— Не пойдёшь? — заскрипел голос Збиденя. Микаш обернулся и с негодованием уставился в выцветшие стариковские глаза. — Упрямая ты зараза! Обузы там не нужны, — командир покачал головой и метнул в Келмана повелительный взгляд. Рыцарь убрался. Збиденя вручил Микашу флягу. — Выпей — полегчает, раз уж решил идти. И это... парни должны научиться убивать демонов сами. Иначе когда ты подохнешь из-за своей глупости, они все полягут.

Микаш всю жизнь стремился на поле брани. Погибнет в первом бою? Ну и пусть. Лишь бы он был, хотя бы один! Збиденя ушёл собирать строй. К Микашу подвели уже поседланного Беркута.

Флягу он всё-таки откупорил и понюхал. Пахло резко,пряно и кисло одновременно, но на яд не похоже. Очередное сонное зелье? Горло пересохло и слиплось, першило от жажды. Хотелось выпить до дна, но Микаш глотнул лишь немного. Напиток ударил в голову не хуже эля, а в бой нужно идти трезвым. Микаш вскочил в седло и заторопил коня к удаляющемуся строю.

Становилось легче. По крайней мере, пальцы на ногах перестали неметь, застывшая в жилах кровь растекалась по телу, вызывая зуд. Он бодрил, заставлял держать спину ровно, а голову высоко.

Зяблики шагали в самом хвосте левого фланга. Бой кипел на правом, за пригорками в низине. Вести доходили медленно и обрывочно. По аурам ощущалась лишь мешанина разноцветных сполохов. Ни вид демонов не разобрать, ни их количества. Неведение убивало. Микаш прикладывался к фляге и пытался расслабиться, слиться с материнской стихией своего дара. Немного отпустило только после полудня.

Небо набухало низкими тучами. Прорвало ветром, и на голову посыпались тяжёлые мокрые хлопья. Затаившееся на время чутьё растревожило и предупредило. Пятки впились в конские бока. Микаш вскинул заряженный арбалет. К болту крепилась верёвка. Оставалось только метко выстрелить. Пришлось воспользоваться даром. Замутило. Микаш отстранился

от ощущений в теле и сосредоточился на едва различимой в тучах цели. Щёлкнул крючок, свистнул болт с разматывающейся верёвкой. «Иу-у-у-у», — завизжало вышине. Попал!

Микаш зацепил край верёвки за рожок впереди седла. Хлестнула по крупу хворостина. Беркут сорвался в галоп, грохоча копытами по мёрзлой почве. Визг усилился. Рыцари посторонились. Микаш промчался мимо. Верёвка натянулась, галоп становился скованным, Беркут хрипел и грыз удила от натуги. Икры свело от напряжения. Лупцующая по шее хворостина переломилась пополам. Беркут мог вот-вот встать, а то и вовсе рухнуть без сил. Вместо этого с небес упала гарпия. Микаш соскочил на землю, а Беркут развернулся к твари боком и упёрся четырьмя ногами, будто корни пустил. Упрямый жеребец в этом мастак!

Гарпия не двигалась. Зяблики подались вперёд. Она рванулась, пытаясь выдрать лысой когтистой лапой застрявший в крыле болт. Микаш натянул верёвку, раздирая крыло сильнее. Гарпия заверещала.

— Этьен, слазь, будешь драться, — махнул Микаш высокому норикийцу-оборотню.

Учился он получше остальных, да и волчий тотем прибавлял ему агрессивности и ловкости. Должен справиться.

Этьен медлил, боязливо поглядывая на товарищей. Спешился. Микаш подал ему собственный меч. У них-то оружие никудышное, может подвести.

— Не трусь. Если победишь, попадёшь в передовой отряд, а то и до командира дослужишься!

Збиденъ подъехал к ним и смотрел непроницаемо. Ждал ошибки?

Гарпия отошла от боли и готовилась броситься на них. Микаш дёрнул верёвку и толкнул оробевшего Этьена в спину:

— Не медли и не измывайся над тварью. Её надо убить быстро. Вперёд!

Он несмело замахнулся, гарпия едва не зацепила его когтями. Микаш в последний момент сумел её подсесть. Этьен подобрался ближе. Несколько ударов поразили пустоту — даже раненная, гарпия увёртывалась слишком проворно. На третий раз Этьен пронзил её грудь. Гарпия замерла, свистнул в последний раз клинок, и голова покатила, орошая землю кровью. Серое тело затряслось в судорогах и опало.

Запели боевые горны, возвещая об отступлении. В тучах разгорался закат, мглистой пеленой опускались сумерки. Конница отступала сотрясающим стылую землю топотом сотен копыт. Мокрый снег попадал, отметившись перед владычицей-зимой, да перестал, тут же растаяв.

Лагерь разбили в вытянутой ложбине с выходами с двух сторон. Сверху её укрывали деревянные настилы и лапник. Даже отсветов от костров не заметно, пока не въедешь внутрь. Тесновато, но зато безветренно и тихо.

Их звено снова стояло на отшибе. Зяблики сгрудились у костра и поздравляли Этьена с первым демоном, пили круговую. Микашу не навязывались и не сердились. Не хотелось говорить, слова отбирали последние крохи сил. Он привалился к своим мешкам, глотнул из фляги и запрокинул голову, вглядываясь в лоскуты чернильного неба, обрамлённого крупными стежками лапника.

Флягу не хотелось выпускать из рук. Она нагрелась об кожу и отдавала тепло обратно, помогала даже несмотря на то, что зелье закончилось. Резерв заполнился на треть. По крайней мере, не мутило. Хорошо, что с гарпией легко прошло. Используй он дар ещё раз, наверняка бы надорвался. Глаза слипались, веки наливались тяжестью, пальцы бродили по поверхности фляги. Наткнулись на герб.

Микаш поджёг ветку и принялся разглядывать. Вряд ли у Збиденя есть герб. Копьеносец повергает дракона, внизу девиз: «Помни, кто ты есть». О геральдике Микаш знал мало. Напрягся, выщеживая из памяти крупицы казавшейся чужой и незначительной истории. Джордж Драконоборец, первый Архимагистр, нет, просто вождь охотничьих племён с Авалора. Могучий и доблестный, его подвиги до сих пор воспевали барды. Он предводительствовал над Сумеречниками во время первой тролльей войны и погиб, сражаясь с драконом. Насчёт дракона Микаш был не так уверен, ведь Кодекс предостерегал от схваток с ними. А вот остальное... Авалорец, с королевским даром, древнейший род. Увидел в лесу, понял, почувствовал. Только зачем осыпать милостями безродного мальчишку и следить, чтобы он не сдох под кустом, когда у самого на плечах целая армия?

Збиденё всё так же отказывался делиться вестями. Приходилось собирать их по крупицам из досужей болтовни, скудных на объяснения приказов и того, что удавалось подглядеть. Восстанавливать общую картину из мелочей было сложно, но без этого Микаш плохо понимал, что делать. Через пару дней разум сам процеживал и вычленял нужное. Выходило, что они наткнулись на силы значительно большие, чем рассчитывали. Демонская рать собралась, говорили те, кто воевал на передовой, под стать первым тролльим войнам. Благо, за столько веков силы и мастерство ордена возросли многократно. Потери были значительные. Каждый вечер догорал вместе с погребальными кострами.

Выходов из ложбины обнаружилось больше. Один из них скрывался между пригорками в узком овраге, следопыты рыли подземный ход с противоположной стороны на случай, если придётся отступать тайно.

Твари здесь собрались достаточно древние и распространённые, о них много говорилось в книгах. Кроме гарпий, полчища ехидн, горгон, минотавров, гидр, ламий, василисков, горгулий и керберов. Встречались даже гиганты-кекропы, метатели валунов — от них урона было как от осадных башен. Единственное радовало — хитростью они не отличались, о колдовстве не помышляли, всецело отдаваясь силе и ярости. Ночных нападений больше не случалось.

В боях Зябликов ставили в дальний от основных схваток фланг, потому демонов замечали разве что вдалеке, едва различимыми всполохами аур. Микаш каждый день отлавливал хотя бы одну мелкую тварь, чтобы парни попробовали себя в бою. Гарпии, ехидны, горгоны, горгульи, даже одного кербера удалось притащить. Порой приходилось нарушать приказ и покидать позицию, чтобы оказаться поближе к демонам. Зяблики поначалу трусили. Заставлять, угрожать — без криков обойтись не получалось. Збиденё только журил, что Микаш лезет, куда не следует. Хотелось высказаться. Почему он должен возиться с сосунками? То внушением заставлял добивать полудохлых демонов, то и вовсе направлять их руки собственными, как будто они барышни кисейные!

Однажды утром Оле и Реут не явились на построение. Не нашли в лагере их вещей и лошадей. Сбежали... Грустил о них только Микаш. Оставшиеся постепенно обвыкались, заражались азартом битвы и жадной крови. Больше всех старался Келман: первым лез, если предлагалось самим вызваться на бой. На ночёвках громко хвалился, что уложил больше всех тварей и словно сам себе верил, становился ловчее и уверенней, а в ударе чувствовалось гораздо больше силы. Микаш даже выделил его перед всеми, когда Збиденё собирал их для утреннего построения.

— Если готовы, то сегодня пойдём на передовую, — заложив руки за спину, Збиденё расхаживал вдоль строя. Зяблики тревожно переглядывались, только Микаш оставался

спокоен. Ждал этого. — Подменим выбившееся из сил звено.

Он принялся распределять задания. Микаш внимательно вслушивался, представляя себе будущую битву.

— А ты, как победивший больше всего демонов, сразишься с минотавром, — Збиденё широко улыбнулся Келману.

Тот счастливо облизнулся и закивал.

— М-минотавр?! — выдохнул Микаш прежде, чем Збиденё успел добраться до него. — Вы что! Поставьте лучше меня, я готов!

— Ты пойдёшь против гарпий вместе с Дидье и Кашгалем. Ты же по ним мастер, — отмахнулся Збиденё.

Микаш приподнял одну бровь. Что значит это показное презрение?!

— Они справятся без меня. А на минотавра надо вдвоём, а то и втроём идти. Даже лучший без поддержки не выстоит! — не сдавался Микаш.

— Маршал Комри просил напомнить: приказы командиров не обсуждаются, — не повышая голоса, укорил Збиденё. — Ещё слово, и поедешь домой.

— Не отбирай у меня славу! — хорохорился Келман. — У тебя уже есть трофей — коса пересмешницы. А у меня будет голова минотавра!

Микаш промолчал. Лучше бы и до этого молчал. Молчание — золото. Всё сделает сам.

Он нашёл среди вещей мешок с ядом и отнёс Келману.

— Минотавры перед нападением режут. Широко разевают пасть и... Ты должен закинуть туда это. Одна попытка — больше не будет. Потом отстреливайся. Не вступай в рукопашную, пока он не ослабеет, а лучше дожись меня. Управлюсь с гарпиями — и тотчас к тебе, — подбирал слова Микаш, пока Келман смотрел на него сверху вниз со спины пузатого рыжего мерина.

— Хватит тебе кудахтать! — оборвал тот и погнал коня в начало строя.

Микаш взобрался на Беркута и поспешил следом

У линии фронта все разговоры стихли. Напряжение стало густым и вязким, почти осязаемым в сыром, промозгом воздухе. Лошади хрипели, грызли удила, перебирали ногами в нетерпении. Зяблики жалась к их гривам, побаиваясь первого боя. Серые утренние сумерки рассеивались, в прореху между облаками заглянул алый глаз солнца. Запели боевые горны, закричали командиры, загрохотали по мёрзлой земле кованные копыта. Реяли пёстрые знамёна на ветру, плотным строем, нога в ногу неслись лошади, в такт стучали сердца. Впереди круговертью разноцветных всполохов аур надвигалась орда демонов. У них тоже был свой строй, свой порядок и свои цели, о которых мало что было известно.

Микаш закрыл глаза, доверившись жеребцу. Выискивал гарпий в вышине, за облаками. Достал из колчана стрелу и наложил на тетиву, прицелился и ждал. Боевые горны запели во второй раз, предвещая начало атаки. Микаш открыл глаза. Уже близко. У передних воинов с сотню шагов до линии столкновения. Он снова зажмурился и принялся считать про себя. Пятьдесят, двадцать, десять, три, два... Первая стрела пронзила облака одновременно с трубным гласом горнов. Микаш уже накладывал на тетиву вторую. Быстрее! Он должен разобраться с гарпиями до появления минотавра.

Сумеречники сшибались с лавиной демонов на линии фронта. Дидье с Кашгалем замерли в растерянности. Келман тоже застыл под защитой передних, закованных в железо рядов рыцарей, по которым, словно по утёсам, нахлестывали чёрные волны.

Микаш продолжал стрелять. Одна туша упала на землю, вторая. Дидье спешился и

принялся добивать. Кашгаль так и сидел истуканом. Третья, четвёртая гарпия. Надо быстрее. В самое сердце с одного выстрела. На выдохе. Они падали, как снег, грязными серыми хлопьями, но меньше не становилось. Сгущались тучи. Микаш вихрем метался по полю, Беркут безо всяких команд занимал нужную позицию, то нёсся, то останавливался, позволяя сделать верный выстрел. Кашгаль тоже спешил. Гарпии снижались качающейся тучей, хлопали крылья.

Опасность рядом. Колчан стремительно пустел, гарпии были уже на расстоянии вытянутой руки. Беркут взвился на дыбы и отбросил одну из подлетевших тварей копытами. Микаш отбивался кистенём. Демоны окружали, стало темно, как ночью. Сквозь кожистые крылья, как сквозь слепоту, он видел приближение яростно-бордовой ауры минотавра и испуганные сверкания маленькой коричневой ауры звероуста. Быстрее! Микаш сёк тварей, потеряв им счёт. Лишь бы пробить брешь, лишь бы успеть. Донёсся бычий рёв. За последним взмахом крыльев мелькнула прореха. Келман швырял мешок с ядом в распахнутую пасть чудища ростом в сажень.

«Отстреливайся! Не подходи близко! Жди!» — мысленно приказывал Микаш, скидывая с плеч очередную гарпию. Бился из последних сил.

Келман, хвала богам, не лез на рожон — его слабенькая аура не сближалась с яростно-бордовой, посверкивающей вспышками боли от арбалетных болтов. Минотавр ревел, гарпии с шипением кидались со всех сторон. Их становилось меньше, просветов — больше. Вот минотавр уже как на ладони. Здоров, демон! Плечистый, покрытый густой рыжей шерстью, на руках когти размером с ножи. Голова бычья, с поставленными вперёд рогами. Из ноздрей валил пар, словно демон дышал огнём.

«Держись!» — мысленно позвал Микаш.

Келмана это только подстегнуло. Он отбросил арбалет, спрыгнул с коня, выхватил меч и пошёл врукопашную. Микаш опрокинул на землю сразу трёх гарпий, Беркут топтал их копытами. Дидье с Кашгалем рубили барахтавшихся в пыли тварей. В небе осталось с десяток. Микаш сбил ещё несколько — с остальными справятся без него.

Пятки щекотнули конские бока, Микаш выхватил копьё и направил его вперёд. Беркут подскочил с места и помчался к минотавру.

Поздно! Они уже сошлись. Один удар об выставленные вперёд когти, и никудышный мечик разлетелся на осколки. Келман отступил на шаг. Минотавр скользнул лапой по его лицу наотмашь. Брызнула во все стороны кровь. Келман рухнул. Микаш колотил коня пятками. Минотавр вскинул голову и снова заревел. На всём скаку Микаш всадил копьё в мохнатую грудь, но демон даже не пошатнулся. Обхватил древко руками и дёрнул. Микаш вылетел из седла. Голова врезалась в твёрдую, как камень, землю. В глазах потемнело, привкус крови во рту.

Едва не лишившись чувств, Микаш распахнул веки. Голова Келмана покоилась рядом. Невидяще смотрели выпученные в испуге глаза. Из глубоких борозд сочилась кровь. Кусок черепа был срезан, как крышка, и оттуда вытекало что-то белое. Минотавр снова заревел. Запахи пота, крови, смрада и гари смешивались в воздухе, как крики, стоны и лязг оружия. Тело занемело, даже мысленно на помощь позвать не удавалось. На грудь словно глыба навалилась. По коже волнами пробегали мурашки. Минотавр приближался медленно — неповоротливая туша. Вытягивались из лап чёрные когти. Свист воздуха. Раскроенный череп — неизбежная судьба.

Заскрежетали когти будто по стеклу, не в силах достать до жертвы. Вспыхнул

голубоватой дымкой защитный полог, совсем как во время порки провинившегося. Минотавр ударил ещё раз, но не получилось.

Взвыл ветер. Сладость грозы очистила воздух. Будто мгла разошлась, и сквозь прореху туч в столбе ослепительного света спустился сверкающий всадник. Минотавр замер, Микаш затаил дыхание, казалось, даже время остановилось. Словно наяву послышался восторженный голос Лайсве: «Когда ты ощущаешь трепет или благоговение, знай, боги проходят рядом, дотрагиваются крыльями, защищают и направляют по нужной дороге».

Белый конь неслышно летел над землёй. Вился на ветру белый плащ. Кренился набок обнаживший клинок Утренний Всадник из легенды. Голубоватая дымка окутывала его и сгущалась вокруг лезвия. Копыта замерли рядом. Взгляд полыхающих синевой штормового неба глаз всего на мгновение обратился к Микашу, утягивая в лиховерть потустороннего могущества. Ёкнуло сердце. Сверкающий голубоватыми всполохами клинок опустился на голову минотавра. Она отделилась от шеи и покатила по земле. Тело ещё стояло, а всадник удалялся к линии фронта. Чёрная туча бежала от него.

Вдалеке запели боевые горны, призывая к отступлению. Дидье и Кашгаль, потрепанные, но живые, подбежали и подхватили Микаша с двух сторон.

— Ты как? — спросил до безобразия конопатый Кашгаль.

— Всех перебили! — подмигнул коренастый чернявый Дидье.

Микаш вырвался и подхватил тело Келмана. Перекинул его через холку взмыленного, но невредимого Беркута и залез в седло следом.

Отступали, едва волоча ноги, тащили за собой мёртвых и раненых. Сумерки сгущались над лагерем. Микаш отнёс Келмана к остальным мёртвым у северного выхода из ложбины. Их укладывали рядами по звеньям и ротам, заворачивали в холщовые саваны и готовили к погребению.

Микаш устроил Келмана на свободном участке земли рядом с ещё одним Зябликом. Невозмутимого Аттоша укусила ядовитая горгона. Его не успели доставить в лазарет — околел в дороге. Микаш долго разглядывал его, чтобы не забыть, никого из них! Лицо почернело, из уголков губ выступила смрадная пена.

Из оцепенения вывел дребезжащий голос Збиденя:

— Никак не можешь отпустить? Правильно, виноват! Почему приказа ослушался?

— Келман бы не справился. Я хотел помочь! — заспорил Микаш.

— Помог? Из-за тебя пяток гарпий ушли и Дидье с Кашгалем едва не погибли, а для Келмана ничего не изменилось. Он сам выбрал свой путь и выбрал правильно — слушать командира. Потому что мы делаем общее дело. Если одна рука работает отдельно, её следует отсечь, какой бы сильной она ни была.

Во взбешённых щёлках глаз ясно виделась неизбежная участь. Збиденя прав. Хорошо сражаться — ещё не значит уметь подчиняться и делать общее дело. Для армии второе важнее. Микаш сжал кулаки:

— Прошу, позвольте остаться на погребение!

— Ступай к маршалу, — Збиденя вручил ему серебряного зяблика и отвернулся. — Пускай он сам решает.

Спорить не было смысла. Микаш направился в сердце лагеря.

Тишина до боли въедалась в кости, сдавливала и без того звенящую голову. Костры не трещали дровами, безмолвное пламя неслышно облизывало деревяшки, щекоча ноздри дымком и запахом похлёбки. Усталые воины словно онемели, переговариваясь лишь

короткими взглядами, даже ветер не ворошил серые палатки. Только реял похожий на привидение белый флаг над вытянутым прямоугольником маршальского шатра.

Стражники перегородили путь скрещёнными алебардами. Микаш показал им зяблика, и его пропустили внутрь. За пологом притаилась небольшая прихожая, отделённая от остального шатра занавеской. За ней можно было разглядеть с дюжину силуэтов, обрисованных светом пламени. Капитаны собрались на военный совет. Микаш замер, прислушиваясь.

— Потери значительные, но основные цели мы взяли, посему не вижу смысла отступить в шаге от победы, — не терпящим возражений голосом вещал Гэвин. Остальные молчали. — Вначале нужно снять соглядатаев с воздуха. Гарпий у противника почти не осталось, а горгульи не поднимаются так высоко и много слабее. Для завершения задачи воспользуемся летучими отрядами.

Пирокинетиков и телекинетиков поставим на этих скалах, — силуэт маршала склонился над столом, на котором наверняка лежал план местности. — В авангарде пойдут иллюзионисты вместе с ротой белогрудок. Они загонят противника в эту щель под огонь. Расплавим их как в кузнечном горне. С другой стороны выход закроют наши основные войска, чтобы наверняка никто не сбежал. Вопросы или возражения?

Все молчали, даже не шевелились. Микаш выглянул из-за занавеси. Капитаны собрались вокруг большой жаровни, в которой ярко горели поленья. У противоположной от входа стены стоял одинокий короб с вещами, ковёр устилала толстые подушки. Под потолком висели сухие пучки трав, источавшие свежий запах. Микаш прошёл к приземистому столу с картой, на противоположной стороне которого замер Гэвин. Пальцами он перебирал белые бусы, стуча крупными круглыми семенами друг об друга.

— Слишком рискованно разделяться и оставлять тыл неприкрытым, — высказался Микаш, изучая позиции войск, отмеченные деревянными фигурами.

Один из капитанов одёрнул его за плечо, посыпались упрёки:

— Кто таков? Как посмел возражать маршалу? Как посмел усомниться в его уме и суждениях? Почему пробрался на совет эдакий голодранец? Кто его пустил? Уж не лазутчик ли?

Микаш понурился. Молчание — золото, как он мог забыть? Хотя чего переживать, всё равно выгонят. А там... выпорют-не выпорют, да пускай хоть вздёрнут — без разницы.

Поток возмущения прервал раскатистый смех. Все замолкли и уставились на Гэвина.

— Ну вы и трусы, господа. Один безземельный паренёк высказаться не побоялся.

— Это — не смелость, а глупость, — пробормотал Микаш.

Расслышал его, кажется, только маршал, и едва заметно усмехнулся. Лучше бы запугал! А так... будто лицо ошпарило. Горит! Даже поднять глаза боязно, а взгляд всё бродит по позициям, в мыслях уже рисуется картина следующего боя.

— Пойдите-ка все вон! — крикнул Гэвин и хлопнул в ладоши.

Капитаны нехотя покидали шатёр, осыпая Микаша негодующими взглядами. Он замешкался. Стоит ли докладывать о провинности или уйти вместе со всеми? Здравый смысл возобладал, и Микаш направился к выходу.

— Э, нет, ты останься, — приказал Гэвина.

Микаш сглотнул и повернулся. Из-за его спины выступил подтянутый, в слишком аккуратной для похода одежде капитан. Возраста, должно быть, такого же, как Гэвин, черты лица мелкие и тонкие.

— Целители просили доложить, что мастер Фейн скончался. Тело готовят для погребения, — отрапортовал он с порога.

— Да-а-а, — протянул Гэвин. — После встречи с пифоном мало кто выживает. Жаль парня, никогда не доставлял хлопот. Кажется, у него сын остался возраста первого посвящения? Если мать не воспротивится, можно сделать его компаньоном моего сына Брана. Тому как раз общения со сверстниками не хватает.

— Это к Сольстису. Я отпишусь, — без доли сожаления ответил капитан. — Нужно назначить кого-то на место Фейна. Взгляните на списки кандидатов?

Гэвин покрутил головой:

— Нет, Вальехиз, проследи лучше за подготовкой к погребению.

Капитан поклонился церемониально низко и ушёл. Гэвин сверлил Микаша пронизывающим взглядом. Не боится без телохранителей? Хотя чего бояться? Свежим сохранился в памяти несокрушимый дух битвы внутри синих глаз Утреннего всадника, прекрасный в своей гордой силе. В детских мечтах Микаш видел себя таким, но сегодня впервые осознал их тщетность. Не из-за происхождения или несправедливости, а потому что слаб и недотягивает.

Микаш заговорил:

— Меня прислал мастер Збиденъ с докладом о нарушении приказа. Вместо битвы с гарпиями я атаковал минотавра. Погиб мой сослуживец, а пяти гарпиям удалось улететь.

— Всего пяти? — усмехнулся Гэвин, окончательно сбив с толку. — Збиденъ, похоже, слишком рьяно взялся за обязанности наставника и немного пережал.

Микаш повёл плечами:

— Он не занимался новобранцами. Это делал я. И не справился.

— Его приказ был не возиться с новобранцами, а сделать из тебя лидера.

Микаш догадывался о чём-то подобном, да и Збиденъ несколько раз проговаривался, и всё же... Зачем?

— Интересуешься тактикой? Читал книги? — спросил Гэвин.

— Самую малость. Что попадалось в библиотеке лорда Тедеску. У меня не получается, когда не вижу цельной картины.

Гэвин выдвинул из угла маленький столик, на котором лежала расчерченная белыми и чёрными клетками доска. На ней стояли деревянные фигурки, тоже белые и чёрные.

— Шахматы, старинная эламская забава, а может и не эламская, просто там прижилась. Садись, — Гэвин указал на красную подушку напротив. Микаш настороженно повиновался. — Фейн был моим бессменным партнёром. Играл, конечно, слабо, но остальные отказывались. Как это — обыграть маршала, возражать, спорить? Трусы все, но ты ведь не такой? Бросишь мне вызов?

Проверяет? Издевается? Микаш скрепя сердце согласился.

Гэвин объяснял правила, называл фигуры и показывал ходы. Голова вскипела от новых знаний. Началась игра. Микаш судорожно пытался понять, как ходить, чтобы не терять свои белые фигуры и снимать вражеские чёрные. Пыхтел, покрылся испариной. Так хотелось залезть в голову маршала и покопаться там. Жаль, что он телекинетик — у таких даже эмоции не считаешь.

— Шах и мат, — объявил Гэвин, сняв белого ферзя ладьёй. Другой защиты у короля не оставалось.

Со стороны Микаша лежала горка чёрных фигур, правда, снимал он только те, которые

позволял Гэвин. Научиться бы так — мечта!

— Видишь, в чём твоя проблема? — заговорил маршал, пряча фигуры в кожаный мешок. — Ты просчитываешь ситуацию на два, самое большое на три хода вперёд, а надо охватывать всю партию.

Микаш не представлял, как это сделать, разглядывая доску и продолжая видеть на нейдвигающиеся фигуры.

— Научись. Иди сюда, — Гэвин встал и поманил Микаша к плану местности. — Смотри, это называется долгосрочная стратегия. Ты просчитываешь варианты битв с имеющимися силами и знаниями о противнике. Учитываешь рельеф, погоду — все детали, которые можешь проанализировать. Потом выбираешь вариант в соответствии с твоими целями. Требуется ли быстрая победа или нужно свести потери к минимуму? Зачистить территорию полностью или припугнуть врага, сохранив собственные силы? Для каждой цели своё решение.

— Я бы выбрал, чтобы все наши выжили, — ответил Микаш, представляя Келмана с разбитым черепом и Аттоша с чёрным лицом.

— Достойная цель. Только для этого надо отпустить всех по домам. Несколько лет они будут жить, а потом начнётся полномасштабное нашествие, и умрёт гораздо больше людей.

Микаш потупился. Маршал, как всегда, прав. Нельзя давать волю чувствам, не на поле брани, но всё равно хотелось спасти тех, кого сейчас готовили к погребению.

— Тогда свести потери к минимуму?

— Это сложнее, чем кажется. С одной стороны, можно осторожничать, истощая провиант и силы, а в результате уйти ни с чем. С другой, можно взять разумный риск, выждать подходящего момента и атаковать всеми силами. Тогда с заведомой долей удачи можно победить.

— Если будем ждать дольше, то рассеем силы на мелкие битвы и ничего не добьёмся?

— Быстро соображаешь. На твоём новом месте это пригодится. — Гэвин кивнул. — Поведёшь завтра звено Фейна в атаку.

— Меня следовало бы выгнать, а вы хотите меня повесить? Зачем вы помогаете мне, безродному и неумелому? Почему пришли на выручку, когда могли бы спасти опытного командира, своего друга и партнёра по шахматам?

Микаш положил на стол флягу с гербом. Гэвин поморщился и сцепил руки на груди, словно закрываясь от любопытных взглядов или чтения мыслей.

— Что за времена? Уж и доброе дело нельзя сделать, чтобы не заподозрили злого умысла.

Опять не то ляпнул! А хотелось просто поблагодарить... или даже восхититься. Почему же так трудно совладать с собой? Почему спирает дыхание и потеют ладони от одного его жеста или слова?

Гэвин достал из мешка несколько фигур.

— Если бы Фейн был ближе ко мне, я бы так и сделал. Но спасти я мог только тебя. Смотри, — он вложил в руку Микаша чёрного короля. — Самая важная фигура на доске и самая бесполезная. Движения ограничены одной клеткой, а с его потерей заканчивается вся партия. В общем, политик, дрянь, а не фигура. Вот ферзь — фигура знатная, опасная и сильная. Офицер — неплох, конечно, но далеко не ферзь. А есть пешка, с виду самая слабая, но если позволить ей дойти до края доски, то хоп — она уже ферзь, да ещё во вражеском лагере. Кем бы ты пожертвовал, офицером или удачно расположенной пешкой?

Микаш взял обе фигуры и принялся их рассматривать.

— А как же дружба и справедливость?

— Когда в твоих руках судьба мира, личное отступает на второй план. Выживание нашего вида и общее благо — вот в чём смысл. То, что нужно сделать, должно быть сделано невзирая ни на что.

Всё это правильно, только Микаш никогда не смог бы стать таким... Бесстрастным? Отважным? Настоящим командиром Сумеречников. Быть может, стоит отказаться, чтобы никого не подводить?

За занавес вновь заглянул Вальехиз:

— Погребальные костры готовы. Ждут только вас.

Гэвин кивнул и обратился к Микашу:

— Идём. По дороге объясню задачу твоего звена.

Тьма опустила на лагерь. Все, кроме дозорных, собрались у сложенных кострищ с зажжёнными факелами. Гэвин взял два, и один вручил Микашу. В безветренном молчании слышны были только шаги и треск пламени. Ветер едва перебирал волосы на затылке.

Гэвин останавливался возле каждого завёрнутого в холстину тела, называл имя и лишь потом поджигал. Микаш вглядывался в лица, стараясь запомнить.

Гэвин указал на Келмана и Аттоша.

— Попрошайся с ними сам — полегчает.

— Я не знаю церемониальных слов.

— Я тоже, — усмехнулся он. — Просто скажи от всего сердца.

Микаш набрал в грудь побольше воздуха и заговорил приглушённо, не желая, чтобы посторонние лезли в его горе:

— Келман, Аттош, вы стали мне как братья, даже ближе. Вы приняли меня сразу и без условий, как никто в моей жизни ещё меня не принимал. Я должен был обучить вас и защищать, но оказался слаб и не смог. Не знаю, стоит ли сейчас просить прощения за всё, что не сказал и не сделал. Но клянусь, я буду помнить о вас каждый день своей жизни. Каждый раз принимая бой с демонами, я буду сражаться за вас, чтобы ваша гибель не осталась неотмщенной. Ступайте с миром, куда бы ни лежал ваш путь.

Он отыскал глазами Гэвина, тот подбадривающе улыбнулся и кивнул. Микаш поджёг костры, и они двинулись дальше, хотя взгляд никак не хотел оставлять павших друзей в покое.

Они снова замерли возле молодого чернявого командира, которого Микаш видел в компании высокородного Холлеса. Теперь он лежал мёртвым среди погребального костра. Белый саван скрывал изувеченное тело, но не лицо. На щеках были видны глубокие борозды, обнажавшие кости на скулах.

— Фейн, — назвал имя маршал, словно приказывая.

Микаш опустил на колени, закрыл глаза умершего и положил сверху по монетке для паромщика.

— Спи спокойно, павший воин, я позабочусь о твоих людях. Клянусь честью Сумеречника.

Со всех сторон спину сверлили настороженные взгляды. Его новое звено? Туго с ними придётся.

— Сойки — один из летучих отрядов для скрытных миссий. Проверенные парни, врать и интриговать не станут. Уважают силу. Если что — подскажут. Главное, страх не

показывай, — зашептал Гэвин.

Видимо, отказаться не получится. Микаш принял эту участь и поджёг этот костёр.

Они ещё долго ждали, пока не догорят тела и поднявшийся вдруг ветер развеет прах.

Уже у себя в шатре Гэвин скрепил приказ о назначении Микаша сургучной печатью.

— Если позволено будет сказать, неважная идея — назначать командиром безземельного новичка в обход тех, кто имеет достойное положение и долго ждал назначения, — заметил свидетельствовавший приказ Вальехиз.

Маршал отмахнулся:

— Это временно. У него уникальный опыт «слепых» боёв.

Гэвин возлагал на него слишком много надежд. Придётся попотеть, чтобы не подвести завтра всё войско. Только об этом и стоило переживать. Маршал вложил в его руку серебряную сойку и подтолкнул к выходу.

Микаш вернулся в звено Збиденя, чтобы собрать вещи. Не дав переговорить с командиром, его окружили Зяблики.

— Если тебя в чём-то обвиняют, то мы готовы подтвердить, что ты сражался безупречно. Никто бы не смог сделать больше! — наперебой уверяли они.

Микаш улыбнулся. Раньше за него заступалась разве что Лайсве.

— Меня повесили, — сознался он, показывая командирский знак.

Они не могли поверить, а потом раздался дружный хор поздравлений и пожеланий удачи.

— Насчёт Келмана и Аттоша не переживай, — положил ему руку на плечо Дидье. — Они хотели стать героями, чтобы ты ими гордился.

Микаш неуютно передёрнулся. Он представлял себе героизм не таким тщетным.

— Чего встали? А ну-ка всем спать! Завтра с утра в бой! — раздался зычный голос Збиденя.

Парни не посмели ослушаться и оставили их наедине.

Микаш вложил в ладонь Збиденя зяблика и поклонился в пояс:

— Спасибо вам за науку.

Суровое лицо смягчилось, разгладились морщины. Збиденя обнял Микаша за плечи.

— Дурень ты, дурень. Хоть бы до конца похода ещё поучился. Может, я и пережал, но только для того, что тебе дальше легче было, — сетовал командир. — Будь осторожен. Норов перед высокородными не показывай, иначе никакие милости маршала тебя не спасут. Люди страшнее демонов, не забывай.

— Не забуду, мой командир, будьте спокойны.

Збиденя подтолкнул его вперёд и вернулся в палатку.

Глава 10. Командир Соек

Сойки стояли достаточно далеко от Зябликов. За время дороги Микаш успокоился и собрался с мыслями. На подходе к костру к нему подбежал мальчишка-оруженосец.

— Я Варден, мастер командир. Простите мою нерасторопность! — тараторил он, выхватывая из ладоней Микаша поводья Беркута. Тянулся уже и за перекинутым через плечо мешком с вещами. — Я покажу вашу палатку.

— Не стоит. Коня навяжи пастись и будет. Только аккуратно, он шальной.

Мальчишка убежал, а Микаш, высоко подняв голову, подошёл к наблюдавшим за ним рыцарям. Девять, сидели у костра. По выправке и острым взглядам видно, что не новички. Некоторые много старше Микаша. Да и способности посерьёзнее будут, чем у Зябликов. Только одежда такая же бедная.

— Я Микаш Остенский, ваш временный командир, — он поднёс к свету костра серебряную сойку, чтобы всем было хорошо видно.

На него посмотрели с неприкрытой враждебностью.

— Ну что, сосунок, подлизался к маршалу, чтобы тебя назначили вместо Фейна, когда его прах даже по ветру развеяться не успел? Только у нас свои порядки. Никакая знатность тебе не поможет! — горлопанил рыцарь в цветастом кафтане.

— Я безродный, — тихо ответил Микаш, но его не услышали.

— Фейн был сильным и доблестным. Мы не станем позорить его память, подчиняясь такому, как ты! — возмутился второй.

— У меня есть опыт, необходимый для завтрашней миссии. Меня назначили только для её исполнения, — спокойно объяснил Микаш, но снова тщетно.

— Наш командир — Орсо, он долго ждал и гораздо более достоин. Ну и что, что он безземельный? Зато знает своё дело, с полсотни демонов победил, самых разных. А у тебя сколько на счету? — подхватил третий и указал на рыцаря на противоположной стороне костра.

Зрелый, плотно сбитый сальваниец лет тридцати судя по скуластому лицу, горбатому носу и кудрявым тёмным волосам. Левую щёку бороздили три застарелых рубца. Пожалуй, командир из него впрямь был бы лучший.

— Я не считал, — ответил Микаш после затянувшейся паузы.

Орсо смотрел на него оценивающе. Остальные недовольно галдели:

— Ни одного он не убил — за спинами других отсиживался. Орсо, отлупцуй его, чтобы знал, кто здесь главный! — подзуживал задира в цветастом кафтане.

Значит, силу уважают? Микаш снял с себя куртку и рубаху. Одежды мало — её надо беречь.

Все замолчали, разглядывая едва зарубцевавшиеся шрамы на его плечах.

— Будь по-вашему. Лупцуйте, сколько влезет! — выкрикнул Микаш так, чтобы поняли, что он не шутит. — Победите — уйду, проиграете — останусь.

Они замерли с открытыми ртами. Он поманил их за собой на свободное место:

— Не трусьте, давайте скопом!

Первым поднялся цветастый, за ним те, что тоже возмущались, следом подтягивались остальные. Только Орсо остался сидеть. Микаш дышал глубоко и расслабленно, отрешаясь

от усталости и концентрируясь на противниках.

Первый удар, второй. Микаш действовал холодно, с расчётом. Цветастого двинул локтем в живот, кулаком по лицу второго, подсёк ноги третьему. Сам не всегда успевал увёртываться от тумачков, но держался. Интересно, сколько сможет? Выкрутился из захвата плечистого детины и приложил его по спине. Слизнул кровь с разбитых губ. Кому-то загрел в пах коленом. Бешено работал кулаками. Тягучее марево вокруг, синяки по всему телу. Держаться! Не ради себя, ради Келмана и Аттоша, ради маршала и его армии, ради этих тугих на ухо и ум дураков!

Он сбрасывал их с израненных плеч, отпихивал ногами, а они всё лезли и лезли, словно желали отомстить везунчику, которого спасли вместо их обожаемого командира.

Удачи хватило и здесь: он выстоял. Побитые Сойки расползались в стороны. Микаш тяжело дышал и смотрел на Орсо. Добьёт ли? Ведь наверняка понимает, что Микаша уже ноги не держат.

После тягостных мгновений Орсо встал. Сойки тоже поднимались и смотрели вслед. Ждали, когда он повергнет ненавистного врага с одного удара.

— А ты отчаянный, — усмехнулся Орсо и, подставив Микашу плечо, отвёл к костру. — Жаль только, мальчик совсем. Тебе хоть двадцать есть?

— Скоро будет, — прохрипел Микаш, подтягивая к себе вещи и одеваясь. Вспотевшее тело до костей пробирал холод.

— Мда, Фейн и тот постарше был, — покачал головой Орсо.

— Так вырубь меня, если считаешь, что не справлюсь, — устало отмахнулся Микаш и подался к костру.

В лицо дышало жаром и дымом. Одежда неприятно липла к телу.

— Норов мне твой нравится, — беззлобно усмехнулся Орсо и похлопал его по плечу. — Мне на роду написано в низах сидеть, не дотягиваю до командира. Эй, парни, чтобы слушались его! Приказы маршала не обсуждаются!

Сойки вытянулись по струнке и притихли. Возмущение улеглось до спокойного, как в луже, штиля. Орсо плеснул в миску постной похлёбки с мясом и вручил Микашу. От запаха съестного заурчал живот.

— Ешь и рассказывай пошустрей, а потом сразу ложись. Дурная примета — второго командира подряд хоронить.

Остальные одобрительно загомонили, оттаяли. На том и порешили.

Поднялись всего через пару часов, задолго до восхода. Под покровом темноты пробирались вдоль поля во вражеский стан. Микаш хорошо запомнил план местности и этим воспользовался. Они шли пешком, таились в низинах и оврагах, стараясь создавать как можно меньше шума и даже дышать пореже. Ориентировались в основном по аурам. Микаш надеялся, что не встретятся ламии, которые их искажают, но на всякий случай предупредил, что будет читать каждого. С молчаливой поддержкой Орсо его слушали. История о том, что Микаш умеет сражаться вслепую, не вызвала доверия, как и демонстрация шрамов и силы. Что ж, главное выполнить миссию, а там всё вернётся на свои места. Орсо будет им годным командиром.

Ночной холод бодрил. Дорога длилась вечность, пока не упёрлась в отвесные скалы на другой стороне поля. Гнездовища гарпий были наверху — Микаш учуял демонов издалека. Оставалось надеяться, что они не учуют Соек.

Начался тяжёлый подъем. Сапоги скользили по камням, приходилось подтягиваться на

руках вверх, а то и вовсе цепляться за выступы осадными кошками и карабкаться по верёвкам. Ладони жгло, сбивались костяшки, пот застилал глаза, дыхание срывалось, а на высоте и без того большую голову словно стянуло клещами. Сойки не жаловались и почти не ошибались. Это облегчило задачу до предела — не отставать самому.

Подтянувшись в узкий лаз пещеры. Микаш замер и вскинул руку, дожидаясь остальных, мысленно указал направление, нарисовал в головах Соек картинку с яркими силуэтами аур и наметил красным цели.

«По команде на счёт три!»

Десяток стрел одновременно устремился в пустоту. За ними ещё, единым залпом. Завизжало, загрохотало, как будто внутренности пещеры ожили. Сойки отстреливались до последнего — действовали, как слаженный механизм, забыв о распрах и страхах. Мечи выхватили, когда гарпии были совсем рядом.

«Быстрее!» — скомандовал Микаш, чувствуя приближение большого скопища аур.

Клинки со свистом секли воздух, с чавканьем вонзались в кожистые тела. Визг, лязг! Брызгала вокруг серая кровь, летели ошмётки. С дюжину туш — и всё.

Передышки — ни мгновенья. Снова заскрежетали когти, захлопали крылья, раскатился эхом рык. Снизу по скалам нескончаемым потоком пёрли мелкие серые горгульи. Крылья слабей, свиные рыла вместо морд — проворные твари! Накрывали с головой кожистой лавиной. Сойки прижимались спина к спине, щетиниться оружием, как огромный ёж. Отступать некуда: впереди — пропасть, позади — стена.

Сжимались мускулы, меч скользил в мокрой от пота и крови руке, дыхание вырывалось натужными сипами, подкатывала усталость. Только раскалённая ярость не давала рухнуть без сил, да мелькающая молнией мысль — от них зависит всё войско, на них надеется маршал. У них нет права проиграть!

Поток демонов истончился, в прорехи проглядывали багряные лучи восходящего солнца. Звуки боевого горна наполнили сердца отвагой. Вжух-свищ! Неподвижная тишина. Под ногами груды поверженных тварей. Сдавленный сип — Микаш добил полудохлую горгулью, тянущуюся к стоявшему рядом рыцарю, велел остальным заканчивать и пробираться к выходу.

Снова пришлось карабкаться по скале на вершину, пока огненное зарево восхода разгоняло густую пелену туманных сумерек. Отсюда всё было как на ладони. На соседних скалах уже толпились другие летучие отряды, трепетали их пёстрые знамёна. Внизу, в долине всё громче запевали боевые горны, словно стремились перекричать рассвет. Скалы мелко дрожали от копытной дробы.

С края поля собиралась чёрная демонская орда, не так хорошо сплочённая, с заметными брешами и скоплениями. Много, гораздо больше, чем представлял Микаш. Атаковать в лоб, мелкими стычками — только изнурять армию. Но купятся ли демоны на уловку?

Вражеские ряды заволновались, боевой дух рассеивался вместе с сумерками. Ходил слухок, что демоны бегут в ужасе, когда на поле брани выезжает маршал на белом жеребце. До вчерашнего дня Микаш не верил, но Гэвин так легко снёс голову минотавру!

Вот и сейчас раскрашенные солнцем Утренние всадники вели в наступление огромное воинство. Плечо к плечу развевались по ветру белые, алые, голубы и серые плащи. Неясными росчерками, расползающимися чернильными пятнами стелились ауры, подавляюще огромные и сильные, такие как у маршала. Микаш щурился, пытаясь разглядеть силы рыцарей сквозь морок, но не мог. Иллюзионисты постарались на славу. Ведёт ли их маршал

на самом деле?

Вперёд выдвинулись гигантские ящеры — пифоны. Встали на задние лапы, забили змеиными хвостами, раскрылись пасти в угрожающем шипении. Атака! Всадники исчезали из-под лап и появлялись рядом. Демоны догадались об иллюзии, осмелели и снова ударили. Один всадник на всём скаку пронзил пифона копьём, снёс голову мечом и помчался на следующего, отбросил невидимой стеной, сверкнула сталь на солнце, в воздух поднялся фонтан чёрной крови. Скрылся и снова появился неуловимый всадник. Который настоящий?

Суматоха сбила строй противника. Кто-то бежал, кто-то полнился яростью и рвался в бой. Засвистел в воздухе залп стрел, с другой стороны из туманных низин показалась вторая часть воинства Сумеречников и врезалась в тыл орды. Демоны побежали к расселине между скалами. Рыцари теснили их со всех сторон, бросались в атаку, не жалея себя, стреляли, били копьями. Утренние всадники возникали то тут, то там. Только когда вспыхивали голубым защитные пологи и визжали от боли демоны, становилось ясно, где настоящий маршал, а потом всё снова смешивалось с пеленой тумана и дыма.

Сердце ёкало всякий раз, как исчезала очередная иллюзия. Если не станет маршала, то и воинства не будет. Только на страхе перед ним всё держалось, на его блестящем уме и хитрости. Неправильно, что всё от одного смертного зависело, весь мир на его плечах. Ему нельзя рисковать, почему телохранители позволяют? И разве могут они его удержать? Можно ли удержать ветер?

Последняя тварь укрылась в расселине. Грянули боевые горны, отхлынула от скал волна Сумеречников. С вершин сплошным полотном сорвалось неугасимое пламя. Трещало, гремело, плавало камень, растапливало ледяную землю. Мерцали голубой сетью заградительные пологи. Порывы ветра хлестали со всех сторон, раздувая огонь сильнее внутри расселины, и не выпускали его. Словно несколько драконов залегли наверху и жарили, что было мочи.

Чёрная махина высунула голову из-за скал, и в неё залпом полетели стрелы, ветер набрал силы и хлестнул огненным бичом. Демоны попятились обратно в расселину. Загудело, вспыхнуло синим, разгорелось жарче пламя. Истошный визг надрывал слух, становился осязаемым вместе со смрадом гари. Долго горели демоны. Пытались выбежать, но залпы стрел и огненные бичи загоняли их обратно. Ни одна тварь не ушла — все развеялись пеплом по долине. Только тогда боевые горны возвестили конец битвы.

Сумеречники ликовали, кричали что-то дружно. Сойки обнимались и поздравляли друг друга, приплясывая от возбуждения. Один Микаш стоял, как пришибленный, ждал, когда снимут иллюзии, искал чуждо большую и плотную ауру маршала среди неприметных огней остальных. Гэвин оказался на передовой среди лучников. Целый!

— Молодчина! — хлопнул по плечу Орсо. — Твоя первая идеально исполненная миссия.

— Не моя заслуга, — отмахнулся Микаш.

Орсо недовольно поджал губы и покачал головой.

Сойки торопливо спускались со скал по верёвкам, чтобы вернуться в лагерь до заката. Завтра придётся сниматься с места. Здесь убивать уже некого.

Войска добивали остатки демонов и быстро продвигались вперёд. Больше отдыхали, чем воевали. Впрочем, после такой битвы отдых был жизненно необходим. Сойки смягчились, терпели Микаша за костром, даже принимали в разговоры, когда ему было что сказать. Скорее всего, Орсо настоял. Мучило, что Микаш несправедливо занимал его место,

хотя командиром был только на словах.

Переговорить с маршалом не получалось. Без приглашения в его шатёр не пускали, а обращаться к капитану Мнишеку без веского повода не хотелось. Рыжий кундец с седыми проплешинами, невысокий и сухощавый, не столько следил за мастерством и дружеской атмосферой в роте, сколько за дисциплиной и чистотой. До посинения мог заставлять маршировать нога в ногу. На последнем построении Микаш умудрился схлопотать выговор.

— Только босяки, набранные в армию из жалости, могут одеваться так непристойно. Ты же командир! Какой пример подаёшь своим людям?!

— Так точно, мой капитан, — только и смог ответить Микаш.

Насколько проще незаметному рядовому?

— Не переживай, — сказал Орсо после построения. — Фейну тоже постоянно доставалось. Он все деньги семье отсылал, на себя ни медьки не тратил. Лорд Мнишек только лаять может, все решения маршал принимает.

Вечером вместо себя Гэвин прислал портных.

— Нужно снять с вас мерку на командирскую форму.

— Моё назначение временное! — попытался отказаться Микаш.

— Маршал сказал: немедленно оденьте его прилично, чтобы старый хрыч меня не доставал!

Пришлось терпеть, пока его измерили со всех сторон лентами и пытали, какую ткань и фасон он предпочитает, поднося к его лицу казавшиеся одинаковыми голубые куски ткани.

— Любую! Чтобы не доставлять никому хлопот и не выделяться!

Портные переглянулись, но спорить не стали. В довершение ко всему постригли и побрили. Возвращаться после этой экзекуции в звено было боязно, ощущение, будто корова языком прилизала. Наверное, так он и выглядел со стороны, потому что все оборачивались и усмехались.

— У-у-у, совсем как высокородный стал, — потешаясь, поприветствовал его Орсо с миской дымящейся похлёбки. Стоило Микашу потянуться за ней, как он отдёрнул её дальше. — Только нос не задирай, а то наша еда станет не по вкусу.

Микаш взлохматил пятернёй волосы, склонил голову набок и прищурился:

— Ну что, прохожу теперь проверку на внешность?

— Не во внешности дело, милоч, вовсе не в ней, — вздохнул Орсо и отдал ему ужин.

Не успел Микаш сесть на бревно между Соек, как примчался болтливый и через край суетливый оруженосец Варден, от которого проблем оказывалось больше, чем пользы. Впрочем, он был слишком предан службе и простодушен, чтобы на него злиться.

— Вас ожидают в палатке командиров, — сказал он, задыхаясь после бега.

Микаш скривился, припоминая хищный взгляд командира Холлеса, жуткий запах лавандового масла и стаю его шакалоподобных подпевал. Служить тряпкой для высокородных сапог? Ну уж дудки!

— Я же говорил! — подначил Орсо, но тут же осекся, взглядевшись в его лицо. — Ступай. Там кормят лучше и компания веселее.

Микаш обернулся на Соек. Все насторожились, прислушивались.

— Ступай, говорю! — Орсо пихнул его в спину. — Если не пойдёшь, это сочтут оскорблением, а высокородные оскорблений не терпят.

Сойки виновато потупились. Видно, не судьба ему оставаться незаметным и просто исполнять то, для чего он был создан. Микаш нацепил на себя прохудившуюся стёганку,

словно она могла послужить бронёй, и зашагал за недоумевающим Варденом.

— Быть приглашённым в их компанию — большая честь, многие об это только мечтают, — заметил оруженосец, когда они остановились возле приметного шатра, украшенного разнообразными гербами.

Изнутри вкусно пахло жареным мясом, тренькала лютня.

— Накушался я этой чести уже по самую маковку, — угрюмо пробормотал Микаш и решительно отвернул полог, представив, что идёт в бой на минотавра. — Микаш Остенский, временный командир Соек, к вашим услугам.

Глаза щипало от дыма, они с трудом привыкали к полумраку, разгоняемому лишь отблесками пламени в жаровне.

— О, нас почтил присутствием сам любимчик маршала! — весело возвестил невысокий парень лет двадцати пяти. Несуразно смотрелись залысины на висках на фоне огненно-рыжей шевелюры. Большие оттопыренные уши делали его и вовсе неприятным.

— Рад знакомству.

Микаш направился в дальний тёмный угол. Слуги принесли жареный окорок с гречкой, сочный, с золотистой корочкой. Запить налили полную чарку вина. Вкус не ощущался, куски не лезли в горло, а вино жгло глотку. Но отказаться было нельзя, потому что за ним пристально наблюдали шесть пар глаз, словно хотели просверлить дырку.

— Я Вильгельм Холлес, — навис над ним тот самый высокородный командир.

Микаш поднял на него взгляд. Высокий, стройный, гладко выбритый, с тонкими правильными чертами лица, какие нравились девушкам. Дорогая одежда чистая и не мятая, несмотря на походную жизнь. Похоже, у него ещё и личные слуги здесь есть. Вильгельм ухмылялся, разглядывая Микаша оценивающе. Окаатило волной до боли знакомых эмоций: от хищнического любопытства, когда не можешь решить, поточить ли об новичка зубы или принять в стаю своих пресмыкающихся; лёгкого высокомерного презрения и едва уловимой зависти, которая так удивляла в Йордене.

По привычке захотелось внушить, чтобы от него отстали. Но так уже нельзя: клятва... да и не похожи эти молодые волки на безголовых желторотиков, которые не видели ничего дальше собственного носа. Микаш решительно вытянул руку для приветствия. В конце концов, он теперь тоже рыцарь. Вильгельм вынужден был пожать его ладонь, одаривая угрожающей улыбкой.

— Первым поздоровался с тобой Гаето Нивар, — он указал на скалящегося лопухого. — Бастиан Дайон, — ещё один холёный высокородный с густыми длинными светлыми волосами и мягким женским личиком. — Доминго Кирин, — судя по одежде и заросшему лицу, из рыцарей победнее, кудрявый, с тяжёлым взглядом тёмных южных глаз. — Ромен Рок, — смуглый, голубоглазый мануш разбойного вида, с расстёгнутой чуть ли не до пупа рубахой и серьгой в ухе, лицо тоже смазливое, хоть и не такое женское. — Маркеллино, он просто нас развлекает.

Шестой тоже был смуглым южанином, в чёрных штанах, красной рубахе и чёрной жилетке поверх. Одежда потрёпанная и заношенная. Пальцы бегали по струнам лютни, глаза направлены на инструмент, как будто разговор его не интересовал. Видно, так приучили, а представили только из-за того, что Микаш смотрел вопросительно.

— Рассказывай! — потребовал Вильгельм, отступив на шаг.

— Что рассказывать?

— Сказочку. Как безземельного рыцаря после первого же боя сделали командиром в

обход огромной очереди. Как ты подлизался к маршалу? Он же неприступный!

— Никак, — пожал плечами Микаш. — Это временно, у меня был опыт слепого боя...

Его перебил лопухий Гаето.

— Он ему подлизал, — рассмеялся собственной тупой шутке. — Маршал, кажется, на мальчиков стал падок, раз уж девочки ему не по вкусу.

— Если вы добивались повышения таким способом, это не значит, что так делают все! — выпалил Микаш, сжимая кулаки от ярости.

— Ах, ты ж паскуда, на что намекаешь?! — Гаето замахнулся на него рукой, но Вильгельм перехватил его запястье и кивком приказал сесть. Сам снова навис над Микашем.

— Я думаю, что он бастард маршала. Ошибка юности. Вот тот и пытается его устроить. Как вам версия, а парни? — Вильгельм отвернулся к командирам.

Они невнятно забубнили.

— Маршал Гэвин для этого должен быть лет на пять старше, к тому же он никогда не бывал в местах, откуда я родом.

Вильгельм враждебно прищурился, будто услышав, как Микаш про себя назвал его напыщенным идиотом. Припомнилась случившаяся в первые дни похода порка и предупреждение доброго целителя Харуна. Не драться с высокородными, иначе из армии выставят и даже на заступничество Гэвина не посмотрят. Как же проще было в слугах, нечего терять, кроме никому не нужной жизни.

— Я знаю, почему его выбрали, — замолкла лютня, заговорил сидевший в углу Маркеллино: — Маршал умён, хитёр и ловок. Нашёл игрушку по душе, податливую и мягкую, как глина. Спит из неё то, что ему хочется.

Все удивлённо уставились на него. Он рассмеялся.

— Я сложу об этом балладу. Про коварного маршала и его верного глиняного рыцаря!

Он снова заперебирал струны, напевая себе под нос. Его дурачество разрядило обстановку. По крайней мере, командиры расселись по местам и завели беседу, забыв о Микаше. Только Вильгельм иногда косился в его сторону. Перемывали косточки старшим командирам, отпускали дурацкие шутки. Микаш отсидел ровно столько, сколько нужно было, чтобы его уход не сочли бегством, и, выйдя на улицу, направился к маршальскому шатру.

— Не велено! — скрестили перед ним алебарды караульные.

— Маршал Комри, можно? — позвал во весь голос Микаш. Любимчику можно всё!

— Пропустите! — донеслось из шатра.

Микаш нырнул под алебарды. Здесь ничего не изменилось, снова заседал военный совет. Стоявшие возле жаровни полукругом капитаны недовольно покосились на возмутителя спокойствия. Микаш пробрался в угол и затаился.

Гэвин заговорил громким уверенным голосом, продолжая прерванную речь.

— Основные силы демонов мы разбили у Огненных скал Марси. Я понимаю, наши воины устали и хотят домой. Этот поход выдался на диво длинным и тяжёлым, но лазутчики доносят, что осталось ещё довольно много мелких колоний, разбросанных по всем окрестностям. Нет смысла возвращаться, пока мы не зачистим всю территорию, иначе демоны быстро расплодятся, станут злее и осмотрительней. Вполне вероятно, найдут ещё более сильных союзников, стянут большие силы, а в условиях того, что орден слабеет день ото дня, настолько масштабных баталий мы не переживём. Даже не мы — наши дети. Мы обязаны оставить им шанс если не на благоденствие, то хотя бы на жизнь.

— Эти твари безмозглы и сварливы. Если объединятся, то продержатся недолго, прежде чем начнётся грызня между собой, — возразил кто-то из капитанов.

Гэвин почесал левое надбровье.

— Не нужно недооценивать врага. Вспомните историю. Они уже объединялись несколько раз, стоило появиться сильному лидеру: троллям шаманам с севера или драконам с юга.

— Драконы удалились на край света и в войнах больше не участвуют, а тролли малочисленны и заперты в северных горах. Откуда взяться сильному лидеру?

— Кто знает, — взгляд маршала скользнул в угол, где притаился Микаш. — Лидеров порождают трудные времена. Возможно, они уже объявились, только не успели оповестить всех, кто бы смог стать под их знамёна. Время работает против нас. Мы обязаны уничтожить как можно больше гнёзд.

Микаш понимал далеко не всё. Напрягался изо всех сил, пытаюсь уловить суть, но образ в голове приходил смутный и вместе с тем пугающий потусторонним холодом, а так сильно хотелось понять и рассуждать о действительно важных вещах: о враге, о битвах, о будущем, может даже спорить и подсказывать, а не переливать из пустого в порожнее и скалить зубы с мудозвонами из шатра командиров.

— Мы рискуем рассеять силы и потерять всю армию!

— Мы постараемся этого избежать. День марша — мы отдыхаем, день боя — роты расходятся лучами из лагеря в разные стороны, и каждая зачищает свой участок. К ночи возвращаемся и утром двигаемся дальше. Капитан Вальехиз предложил новую стратегию поднятия боевого духа и морали — состязания в ратных подвигах. Я считаю, будет очень эффективно. Также придётся потуже завязать пояса как в том, что касается оружия, так и в еде и роскоши. Поход затягивается, к людским поселениям мы выйдем не раньше чем через два месяца, а до этого рассчитывать на пополнение запасов не приходится.

— Мы и так едим грубую пищу, как какие-то простолюдины! — возмутился лорд Мнишек.

Маршал вздохнул:

— Мне показать пример лично?

— Ни к чему. Все знают, что во время странствий по Поднебесной, вы жили на воде и орехах. Но мало кто сможет так же, — возмутился другой капитан.

— А чем вы хуже? — искренне недоумевал Гэвин. — Учитесь, закаляйте тела. Быть может, только это поможет нам выжить, — он переместился к карте и принялся показывать. — Двигаться будем по расширяющейся спирали с востока на запад, пока не сделаем круг по всей долине. Выход будет здесь. На завтра участки для зачистки распределятся следующим образом: — он принялся перемещать разноцветные фигурки по карте, которые обозначали роты. Микаш подался вперёд вместе со всеми, чтобы подробно изучить цель роты красноклювов.

Гэвина переспрашивали, жаловались, что им досталось не то назначение, какое хотелось бы, что капитан соседней роты недопустимо шикует у себя в шатре. Неужели не могли сами решить эти повседневные вопросы?

— Тихо! — оборвал галдёж Гэвин, массируя пальцами виски. — Если вопросов относительно завтрашней миссии нет, расходитесь спать. У меня ещё есть дела на сегодня.

Спорить они побаивались и быстро убрались.

— Пришёл сыграть? — спросил Гэвин, расставляя фигуры на шахматной доске и

наблюдая за Микашем краем глаза.

Он покорно устроился на подушках. Играл как попало, не задумываясь над ходами. Партия закончилась почти мгновенно.

— Так неинтересно, — с досадой поморщился Гэвин. — Как служба? Нравится новое звено? Наслышан о твоих успехах. Хочешь, к награде за отвагу тебя представлю?

— Я не заслужил. — Что страшнее: терпеть насмешки высокородных или отказаться от милостей маршала? — Вы обещали, что моё назначение будет временным. Орсо идеально подходит на должность командира, у него есть опыт, в звене его уважают.

— Оно временное, пока я не уговорю Совет сделать его постоянным, — нахмурил тёмные брови Гэвин, на лбу залегли глубокие вертикальные морщины. — Если выбирать, за кого из двух безземельных хлопотать, то это будешь ты, а не Орсо. Между вами десять лет разницы. У него нет ни твоих способностей, ни твоего ума, ни твоей силы. Командир звена — его потолок, а тебя через десять лет я сделаю маршалом, если ты прекратишь сопротивляться и распускать сопли.

— Во мне нет лидерских амбиций! Ни командовать, ни получать большее жалованье, ни сидеть в одном шатре с высокородными — я не хочу. Битва с демонами — единственное, ради чего я сюда шёл.

— Ох, не хочет он! — заворчал Гэвин. — Думаешь, я хочу? Думаешь, мне нравится по десять раз объяснять одно и то же тем, кому интересна только жратва в соседской миске? Я мечтал стать охотником-одиночкой, какими были мои предки века назад. Путешествовать по всему миру, созерцать чудеса, сражаться с демонами один на один. Но я не могу. Видишь это? — он вынул из-за пазухи жёлудь на кожаном шнурке. — Это с белого дуба, который посадил Безликий перед строительством цитадели в Ловониде. Мои предки были среди его первых людей. Считается, что этот жёлудь — символ дара, который оставил моей семье наш божественный покровитель, но на самом деле это — оковы долга. Если я не поведу эту армию, если не буду её Утренним всадником, то всех пожрёт чёрная орда. Чем больше тебе дано, тем больше придётся отдать. Смысл существования Сумеречников — служение и защита. Желания мы оставляем за порогом зала клятв.

По привычке захотелось возразить, что он не Сумеречник, но вспомнилось, что Микаш давал клятву, причём именно Гэвину. Вот, значит, какова плата за его милости.

— Ветер не может быть свободен, не в этом мире, — добавил он печально, словно вспышка искренности вытянула из него последние силы. Стало стыдно. — Либо ты принимаешь мои правила и ведёшь себя как мужчина, либо проваливаешь. Выбирай.

Знакомое ощущение, почти как с Лайсве, будто смотришь в глаза потустороннему существу, настолько чистому и благородному, что лгать и притворяться не получается.

— Не могу. Есть во мне что-то тёмное. Даже тот одержимый заметил, — сознался Микаш.

— Тёмное есть в каждом из нас — свой демон. Можно прятать его от посторонних глаз или прятаться самому. Но истинную силу обретёшь, лишь встретившись с ним лицом к лицу и покорив его. Заставь его служить себе и людям, а не служи сам.

Растворяясь в бездонной синеве штормового неба, Микаш не мог сомневаться в словах своего кумира. Он зашагал прочь и обернулся только у выхода:

— Можно я ещё приду на совет?

— Зачем? Чтобы слушать, как лорд Мнишек жалуется на поваров? — удивился Гэвин. — Приходи, демоны тебя деря, делай, что хочешь! — он махнул рукой, и Микаш

удалился.

Гэвин его разозлил гораздо больше, чем высокородные командиры в шатре. Утром он шёл в бой другим, отодвинул Орсо в сторону, сам указывал, сам орал, когда они начали кочевряжиться.

— Ты нам не командир! — совсем обнаглел Иво в цветастом кафтане.

Микаш приложил его об землю перед тем, как гаркнуть на притихших Соек:

— Ещё одно слово, и разбираться с вами будет маршал!

Мерзко прикрываться именем Гэвина, но они хотя бы подчинились. Испепеляли ненавидящими взглядами, но исполняли приказы. В этот день бой был славный, много демонов полегло — ни один не ушёл. На следующий, и через день, и дальше.

Вскоре выяснилось, что придумал Вальехиз для повышения боевого духа. Посреди лагеря поставили грифельную доску, на которой мелом писали названия звеньев и количество побеждённых демонов в столбик от самого большого до самого маленького. Сойки стремительно поднимались вверх и были уже в первой десятке. Проходя мимо, Микаш удовлетворённо разглядывал её и улыбался.

С высокородными тоже стало легче. Микаш заставил их молчать, в красках обрисовав свой опыт слепого боя и схватку с гарпиями. Каждый раз, когда командиры подначивали, напоминал им про доску. Вильгельм мечтал оказаться в десятке со своими Грифами, но не мог переползти рубеж, хоть он был очень близко, краснел от злости, теряя лоск, и его шавки оставляли Микаша в покое. Иногда он вступал в их разговоры, поддерживал или смеялся над шутками, если находил их действительно остроумными, но втайне мечтал о военных советах, где можно будет молча вслушиваться в стратегические планы Гэвина и постигать его тайны.

Компания затянулась на три месяца против ожидавшихся двух. Все вымотались до предела. Остатки демонов загнали в узкую горловину каменистого ущелья. Намечался последний бой. Рыцари расслабились, только и разговоров было о возвращении домой. Микаш не разделял воодушевления — дома его никто не ждал, но уныния он не показывал. За любую слабость здесь сжирали с потрохами не хуже демонов-падальщиков.

Туманным утром выступили в атаку. Ночные заморозки стелились на камнях и лысых кустарниках лёгким инеем. Лошади ступали осторожно и протискивались между круч. Здесь царствовали тишина и тень, пахло мёртвым холодом.

Настрой в звене стал слишком несерьёзный, словно они забыли, что опасность скрывается за каждым кустом, выглядывает из каждого оврага. Вначале всё шло как по маслу. Несколько маленьких ехидн, горгон, керберов и ламий только прибавили весёлости.

Микаш заметил её первой — большую, уродливо-болотную ауру пифона, притаившуюся за изгибом каменистого русла ещё не успевшей набрать силу реки. Сойки испуганно замерли. Не ожидали снова встретить чудовище за день до возвращения домой. Страх их сделался густым и душным. А Микаш... что-то сломалось внутри него за это время. Он разучился бояться. Возликовал впервые с начала сборов. Может, и не придётся возвращаться...

Он оглянулся по сторонам в поисках Орсо. Тот мог бы привести Соек в чувство, но тоже поддался страху. Дом у него, жена и дети малые, для которых он единственный кормилец.

Надо действовать, иначе все полягут. Орать и угрожать нет ни сил, ни времени. Микаш выпустил голубые нити внушения в ближнего рыцаря, от него по цепочке перехватывал остальных. Полились по пульсирующим жилам отчаяние Микаша, его злость, желание отомстить во что бы то ни стало. В сражении смысл жизни, на острие меча все мгновения,

все желания, которые в ней есть, а страх... Бояться надо не за себя, не за мёртвых, а за живых. Защищать их до последней капли крови.

Согнулись луки, нацелились стрелы. Свистнул залп, устремил жало к выползающей из-под камней громадной ящерице. Ещё раз вместе. Лошади пятились, летели с гулким стуком камни из-под копыт. Тварь верещала, вырывая из себя древки стрел. Выстрелили снова. Как комариные укусы. Нужно достать копьями. Орсо лучший копьеметатель, только его такая оторопь взяла, что даже через внушение не пробиться. Надо пробовать!

Микаш перенаправил всю энергию на Орсо. Без поддержки агрессивными эмоциями остальные обмякли, глаза круглились и лезли из орбит от ужаса. Пифон вытянулся на задних лапах и шагал к ним, сотрясая скалы мелкими оползнями, шипя и дёргая раздвоенным языком.

— Копья, быстро! — скомандовал Микаш.

Они повиновались больше по привычке. Рука Орсо тряслась, отстёгивая древко от подпруги. «Хочешь вернуться домой — действуй!» Микаш собрался волю в кулак и пихнул ею нерасторопного рыцаря. Вышло! Полетели пять копий. Два упали, не достигнув цели, два едва воткнулись в чешуйчатую шкуру. Лишь копьё Орсо с чавканьем вонзилось в тушу почти наполовину.

— Ещё! — взметнулись оставшиеся четыре копья.

Микаш приложил пятки к бокам Беркута и помчался вперёд. Пифон ревел, пытаясь вырвать копьё. Шея — слабое место. Как бил Гэвин? В голове вырисовывалась картина, как распределялась усилие во время боя с минотавром, голубые всполохи хорошо это подчёркивали.

Они поравнялись. Микаш вцепился коленями в Беркута и выхватил меч. Один шанс! В закрученном замахе — все силы. Микаш направил клинок в зазор, копируя движения маршала, которые втайне тренировал каждый день. Захрустела плоть, хлынула вязкая серая кровь, заверещал пифон, обдавая смрадным дыханием. Клинок застрял на середине шеи. Эх, почему не телекинетик?! Микаш вдавливал меч сильнее, мышцы вздулись от напряжения, вот-вот лопнут! Зубы заскрежетали. Ещё самую малость!

Беркут отскочил за мгновение до того, как пифон взмахнул лапами. Микаш удержался едва-едва, аж в спине хрустнуло от резкого движения поясницей. Голова твари болталась на лоскуте кожи. Туловище, мелко дрожа, оседало на землю. Микаш спешил и, отделив голову от тела, поднял её над собой.

— Победа! Слава одолевшему пифона! — ликование эхо промчалось по ущелью.

Сойки бросились к нему и подхватили на руки. Гимном их стала песня боевых горнов, а стягом — багровый закат.

В лагере Микаш сидел в немом оцепенении. Голову пифона водрузили на кол рядом с костром, поздравляли, пересказывали соседям подробности схватки, до несуразности их преувеличивая.

— Наш командир — победитель пифона. Наш командир — самый лучший. Наш командир!..

Да раньше они и знать его не хотели! Не чувствовал Микаш триумфа, только опустошение и усталость. Но нужно принимать похвалу пополам с лестью и говорить: «Да, я герой, не зря маршал меня выделил». Спрятаться негде, не забиться в тень — сочтут неучтивостью. Это была самая длинная ночёвка в его жизни.

Наутро отличившихся собрали в строй, чтобы маршал лично вручил им награды. Микаш

стоял в хвосте и высоко тянул голову. Не казался выше всех, а действительно был.

— Микаш Остенский, временно назначенный командир звена Соек, рота Красноклювов, награждается орденом за отвагу в битве при Огненных скалах Марси, а также в других сражениях и за победу над пифоном, — читал глашатай из длинного, почти до земли свитка последнюю строчку.

— Микаш — наш командир! — орали позади Сойки. Надо же, поддержать явились.

На красной бархатной подушке подали серебряный медальон на зелёной ленте. На нём был выгравирован раскидистый дуб. Гэвин подошёл вплотную и тихо усмехнулся:

— Снова будешь говорить, что не твоя заслуга?

— Не буду, — Микаш опустился на одно колено и склонил голову.

Гэвин надел ему на шею орден и во всеуслышание произнёс:

— Почёт победителю!

— Почёт победителю! — хором повторили рыцари.

Гэвин снова зашептал только для Микаша:

— Надеюсь, ты не станешь после этого беспечным?

— Нет, я всегда буду помнить Келмана, Фейна и всех других погибших. Смерть наша сестра, что ждёт за углом, и встречать её надо с улыбкой и открытым лицом, — процитировал Микаш стихотворные строки из Кодекса, которые ему особенно нравились. Сестра — смерть. Так оно и было, хотя совершенно не то имелось в виду.

Гэвин улыбнулся:

— Мудрость Кодекса ведёт нас. Мудрость Кодекса наставляет наше оружие. Вся наша жизнь — служение Ему!

Сумеречники хором повторяли лозунг, не вникая в смысл, но главное, что маршал понимал всё и даже больше!

Микаш улыбался искренне.

Глава 11. С волками жить...

Началась обратная дорога. Появилось слишком много свободного времени и большую часть его приходилось проводить в шатре командиров. Чем дальше, тем несносней становились высокородные, требуя, чтобы он им поддакивал и участвовал в их сомнительных затеях. Эх, жаль, что больше не слуга, и косить под дурочка не выйдет. К тому же Вильгельм, как выяснилось, тоже умел читать в сердцах, хотя и был иллюзионистом. В открытую гадостей он не делал, предоставляя всю грязную работу Гаето. Оставалось только воспринимать это, как испытание на выдержку, смягчать углы и жить мыслями о хорошем. А хорошего теперь было гораздо больше чем когда-либо раньше.

Микаш всё чаще теребил верёвочный браслет на запястье, вспоминая её нежный запах, её смех, улыбку, ради которой можно было свернуть горы, прикосновения, ощущение гладкой тёплой кожи, поцелуи слаще медовой росы и нежные колыбельные с обманчивыми обещаниями скучать и дожидаться. Милая сказка, оказывается, он тоже их любит!

А ещё нравилось разглядывать чеканку на ордене, щупать тонкие линии ветвей и листьев, шершавость толстого ствола. Порой Микаш замечал, что подражает Гэвину не только в боевых приёмах, но и в речи, манере двигаться и держаться, как раньше ему подражали Зяблики. Ругал себя, одёргивал, но поделать ничего не получалось. Никогда бы не подумал, что кто-то может вызвать у него восхищение, тем более высокородный. Только Гэвин действительно был таким благородным, справедливым, умным и сильным, каким Сумеречников воспевали в легендах. Видно, его предки и впрямь стояли у истоков ордена и ещё хранили дарованную Безликим мудрость. Быть может... нет, это бред боготворящего своего кумира мальчишки!

Они возвращались из Сумеречного мира демонов, подъезжали к людским поселениям. Остановились на краю небольшого городка. Фермеры с неудовольствием снабжали их провиантом, ропща: «Когда уже придут единоверцы и освободят нас от тягостной повинности?» Укололо тревогой на мгновение, но забылось в повседневных заботах.

Микаш сидел в своём углу в шатре и, отложив в сторону пустую тарелку, по привычке крутил в руках орден, разглядывая блики на стене рядом с собой. Остальные обсуждали завтрашний поход в город. Хоть денёк удастся от них отдохнуть.

— Может, заглянем к госпоже Ягори? У неё такие девочки — огонёк! — мануш Ромен дёрнул смольными бровями. До этого он был молчалив и безучастен, разве что песни Маркеллино подпевал.

— Так затем и тащимся в это богами забытое место, — усмехнулся Вильгельм, встал и приблизился к Микашу.

— Пойдёшь с нами?

Высокородный нависал как грозовая туча и хитро шурился.

— В дом увеселений — нет. Кодекс порицает распутство, — Микаш выдержал его взгляд и отчеканил каждое слово очень чётко.

— Охо-хо, какой правильный. Ты часом не девственник? — прищур Вильгельма стал ещё гадостней. — Всё битвы с демонами да тренировки, а на девушек ни сил, ни времени не хватало, так?

— Двадцатилетний девственник, ха-ха! — влез под руку Гаето. Этого любителя

злословия заткнуть порой не получалось даже у Вильгельма. — Только к маршалу подлизываться умеет и награды считать. А как бабу голую увидит, небось, в обморок хлопнется. Кудахтать будет, как скудоумные старые девы, ах, какой стыд, распутство!

— У меня была девушка. Принцесса. Красивей во всём Мидгарде не сыщешь. — Микаш проверил верёвку на запястье. Такая тоска накатила, что он и сам плохо понимал, зачем и кому душу изливает. — После неё ни на кого смотреть не хочется.

— Принцесса? — рассмеялся ему в лицо Гаето. — Дочь норикийского короля, что ли? Да она б на тебя даже не посмотрела, а за интрижку с ней тебе бы королевская стража всё по самое "немогу" отчекржила и не скакал бы ты перед маршалом на задних лапах как дворняга за косточку.

Микаш оскалился, с трудом сдерживаясь:

— Лайсве дочь высокого лорда. Но всё равно принцесса, это понятно с первого взгляда. Она чистый горный хрусталь и яркий солнечный свет. Я поклялся хранить ей верность, я...

Он осекся под насмешливыми взглядами и замолчал. Они не поймут, никто не поймёт, но... плевать!

— О, так теперь он снизошёл до дочки лорда! — издевался Гаето. — Выдумываешь всё, а женщин просто боишься. Вдруг окажется, что ты совсем не такой орёл в постели, как на поле брани, а? Признайся! Никто же тебя в Эскендерии не ждёт, никому ты не нужен, поэтому ходишь будто хвост прищемило!

— Может, и выдумываю! Но это хорошая сказка, — Микаш откинулся назад и отвернулся, сложив руки на груди. Да какая разница? Пускай думают, что хотят. Испохабить мечты о ней он не позволит!

— А я уверен, что была! — тренькнули струны лютни. Все обернулись к Маркеллино. Умел он так делать — одним возгласом всё внимание к себе притягивать. — И уверен, что ждёт, не может не ждать. Пожалуй, я напишу об этом балладу. К принцессе Лайсве сватались женихи разных мастей — гордячка всем отказывала. Влюбился в неё один бедный паренёк, но над ним только посмеялись и вышвырнули из замка. Тогда он решил во что бы то ни стало доказать, что достоин: отправился на войну, победил пифона и бросил его голову к её ногам. Растаяло сердце красавицы, и в белом платье невесты она бросилась в его объятия, чтобы жить с ним долго и счастливо и умереть в один день. Не смейтесь! — он обратился к ухмыляющимся командирам. — Спорим, она убежит к нему во время марша победителей в Эскендерии и поцелует?

Все снова оценивающе посмотрели на Микаша.

— Спорим! — вызвался Гаето и поставил немалую сумму против. Остальные тоже не заставили себя ждать.

Микаш безучастно наблюдал за ними и теребил верёвку на руке. Уж сколько голов побеждённых демонов было брошено к её ногам. Жаль, что заслужить руку принцессы и благословение её отца доблестью в битвах можно только в сказках. Лайсве наверняка уже вышла замуж за какого-нибудь красивого высокородного вроде Вильгельма. Пускай он любит её, пускай с ним она будет счастлива, в золоте и шелках, как того достойна. Микаш опустил подбородок на грудь, представляя перед собой её светлую улыбку и звонкий залиvistый смех.

Утром Микаш дремал возле костра, завернувшись в одеяло. Сверху обрушился шквал ледяной воды. Микаш дёрнулся, отплёвываясь, и едва успел перехватить устремивший в живот сапог. Уже командир звена, а ничего не изменилось. Он приподнялся и, не отпуская

сапог, смерил его хозяина — Гаето с пустым ведром в руках — недобрый взглядом. Мог бы, конечно, на землю повалить и стукнуть хорошенько, но кому нужны эти неприятности? Вместо этого, Микаш резко его отпустил, едва не заставив потерять равновесие. Встал и заглянул в зелёные глаза Вильгельма, который высился за спиной своего подпевалы. Сойки встрепенулись и внимательно наблюдали. Попал, так попал. Сейчас унизят у них на глазах, и весь с трудом заработанный авторитет пропадёт втуне. Впрочем, было бы что терять.

— Пришли пожелать доброго утра? — спросил он сдержанно.

— Спокойной ночи, ага, — тупо пошутил Гаето, поправляя съехавший с ноги сапог. — Ты идёшь с нами в город, забыл? Это неучтиво! Особенно перед тем, кто выше тебя по рождению, — он кивнул в сторону Вильгельма. За его спиной уже собирались остальные командиры. Только Маркелинно не было. Видно, за него платить не хотели. Микаш бы и заплатил, лишь бы тот снова отвлёк их на себя.

Орсо спешил к Микашу с советом, но те уже были не нужны.

— Спасибо, что напомнили. Мне надо купить подарок, — он подхватил с земли плащ и направился к выходу из лагеря.

Командиры удивлённо переглянулись и поспешили за ним. Вильгельм нагнал его первым и зашагал в ногу:

— Ты же понимаешь, что мы не на рынок? Ты пойдёшь с нами к госпоже Ягори, отпразднуем там победу, я за всех плачу. Отказ принимается только с вызовом на дуэль.

— Дуэли запрещены, — Микаш шагал нарочито широко, остальным приходилось бежать, чтобы не отстать.

— Мне можно всё, — Вильгельм криво усмехнулся и показал спрятанный под жилеткой стилет. У Микаша были только метательные ножи в запасе. — Померяемся силой? Или так пойдёшь?

Выпереть его из армии хочет. Не дождётся! Микаш чуть замедлился, и Вильгельм положил ему руку на плечо.

— Вот и правильно. Надо хоть иногда развлекаться. Даже маршал по молодости знаешь, каким орлом был? До сих пор рассказывают, как он с авалорской королевой до свадьбы встречался. Так что не будь тряпкой. Тебя за это больше уважать станут, твоя принцесса, если только она настоящая, тоже. Мужчина должен быть сильным и независимым, а победы на любовном фронте его украшают не хуже боевых шрамов. Слушай меня, я буду твоим наставником в этой битве. Поверь, женщина — противник куда коварней демонов, а победа сладка как мёд.

Микаш слушал с непроницаемым лицом. Командиры, скабрёзно посмеивались и подбадривали похабными выкриками, отчего становилось ещё гаже. Пожалуй, стоит развлечься. Доказать, что он такая же дрянь, как и они, посему может общаться с ними на равных. А Лайсве наконец отпустить, как несбыточную мечту. Сорвать с запястья верёвку и... Он никогда не был достоин.

Весеннее солнце резало глаза, щебетали птицы, распускалась зелень. Пахло особенно хорошо — сладким цветением садовых деревьев. Жилетки и плащи сняли, остались в тонких рубашках и просторных шароварах, заправленных в сапоги. Вначале покутили в богатом кабаке, потом прогулялись по рынку. Командиры сорили деньгами, покупали безделушки, кичились, у кого лучше. Только Микаш вертел головой во все стороны, разглядывая товар, и ни на что не решался. Столько денег у него никогда не было, и он слабо представлял, на что их можно потратить. Хорошо бы прикупить новое оружие и доспехи, но выбирать их надо

долго и тщательно, а лучше заказать у проверенного мастера. Ничего, в Эскендерии всё добудет. Он уже прикидывал в уме, что понадобится в первую очередь.

— Что ты такой занудливый? — снова привязался к нему Вильгельм. — Ты ж подарок собирался покупать. Вон украшение какое-нибудь — женщины их любят.

Он подтолкнул Микаша к прилавку с ожерельями и бусами, за которым стоял лысый, как коленка, торгош весьма пронырливого вида. Микаш затравленно улыбнулся:

— Мне украшение для девушки.

— Выбирайте любое! — услужливо ответил торгош.

Микаш посмотрел на груды разноцветных камней и стекляшек и пожал плечами. Он в этом ничего не смыслил. Что синие и круглые бусики, что зелёные плоские...

— На ваш вкус.

— Какая она, ваша девушка?

— Красивая...

— Они все красивые. Какая именно? Маленькая или большая? Худая или пышная? Волосы? Глаза? Форма лица и носа?

— А ну... — Микаш замялся. Оно расплывчатым пятном в голове осталось, детали выудить сложно, а уж в правильные слова облечь — невозможно! — Маленькая, худая. Волосы светлые, короткие. Глаза голубые... вроде, — он обрисовал ладонями то ли её лицо, то ли фигуру.

Командиры покатались со смеху. Раздражали и сбивали с толку ещё больше. На выручку пришёл торгош:

— Какую одежду она хоть носит?

— Обычную: штаны и рубашку.

Торгош округлил глаза. Командиры аж поперхнулись от хохота.

— Ничего не перепутал? Принцесса — это у которой здесь кругло и пониже тоже, — Гаето показал руками полную женскую грудь и бёдра. — Они в платьях ходят, с юбками такими, пш-пш!

— В штанах путешествовать удобней, — осадил его Микаш. — Забудьте! Мне нужно что-нибудь чистое и чтобы светилось изнутри.

Торгош задумчиво вздёрнул бровь и достал из-под прилавка деревянную шкатулку. Внутри на бархатной подушечке лежали круглые белые бусы.

— Эти хоть принцессе, хоть королеве понравятся, — устало пояснил торгош.

Микаш принялся разглядывать их на солнце. Действительно, чистые и сверкают, искрятся в огнистых лучах.

— Ничего... вроде, — задумчиво произнёс он. — Сколько?

— Для героя-Сумеречника всего пятьдесят золотых, — льстиво прищурился торгош.

— На эти деньги можно купить пол-Заречья, и ещё останется, — нахмурился Микаш и отложил шкатулку. — Два золотых.

— Хотя бы двадцать!

— Да они наверняка вам за один достались! — громко заспорил Микаш, торгош закрыл ему рот рукой.

— Будь по-вашему. Два золотых.

Микаш отсчитал деньги и спрятал шкатулку за пазухой. Торгош косился на него недобро. Конечно, лишнего дал, да ещё и подарок вряд ли передать удастся, но всё же... всё же... Как трудно расставаться с мечтами, пускай даже несбыточными.

Командиры молча таращились на него всю оставшуюся дорогу. По крайней мере, не донимали. Остановились около большого двухэтажного дома. Деревянный, покрашенный в красно-коричневый цвет, с черепицей на тон светлее, он стоял чуть в стороне от других, на отшибе. Маленькие окна плотно занавешены, над дверью никакой вывески нет. Вильгельм первый поднялся на высокий порог и постучал. Открыла стройная девушка в пёстром платье с голыми плечами. Длинные медовые волосы волнами спускались до середины спины, раскосые карие глаза смотрели призывно, пухлые губы растягивались в соблазняющей улыбке.

— Проходите, господа Сумеречники, мы всегда рады гостям, особенно таким, — она посторонилась, пропуская их внутрь.

— Новенькая? — Вильгельм окинул её придирчивым взглядом, будто товар на рынке, и приобнял за талию.

— Первый год работаю, — улыбнулась она ещё шире, на румяных щеках проклюнулись ямочки.

— Обожаю свежую кровь! — рассмеялся он, и они вошли внутрь.

Прихожая совмещалась с большой гостиной. В мягком сумраке мерцали огоньки свечей в бронзовых канделябрах. Отовсюду выходили девушки в откровенных нарядах, много, столько Микаш за всю жизнь, наверное, не видел. Разные: тёмные, светлые, рыжие, южанки и северянки, даже с непривычной внешностью из восточных земель. Тощие и пухлые. Грудастые и плоские. Высокие и низкие. Совсем юные девочки с ярко накрашенными лицами, от которых делалось стыдно, и потасканные матроны с обвисшими телами, на которые даже смотреть было неприятно. На любой вкус. Командиры быстро выбрали спутниц, Ромен увёл с собой сразу двух рыжих близняшек. Только Вильгельм продолжал миловаться с медововолосой.

— Этот совсем зелёный. Ему бы попроще и поопытней, чтобы сама всё сделала, — отвлёкся он от девушки и подмигнул Микашу из-за её плеча.

— Госпожа Ягори подберёт, — отмахнулась она и кивком указала на широкую лестницу, ведущую на второй этаж. — Идём?

Вильгельм засмеялся, подхватил её на руки и понёс наверх. Микаш случайно поймал её взгляд и поёжился. Окатила волна чужих эмоций, зазудели крамольные мысли, те, в которых даже себе признаваться не стоило.

Микаш устроился в просторном кресле в дальнем углу, достал из-под жилетки нож и поднёс к верёвке. Рука дрогнула. Не смог. Оставалось кромсать пустой сумрак в бессилии. Какой лидер? Какой рыцарь? Не как все он, нет у него этого. Его любовь другая, не похожая на эту, которая никогда заполнит пустоту в груди, не утолит жажду. Неисполнимая мечта всегда будет доветь над ним.

Звуки раздражали: смех, томные стоны, шорох простыней и скрип кроватей. Иногда люди выбегали из комнат полуголые или нагие, играли в шумные игры, догонялки и салочки, много пили. Разум плыл по этим видениям, не вникая глубоко, а из головы не шёл взгляд медововолосой девушки.

Странные эти высокородные. Платят золотом за то, чтобы носить поношенные вещи. Будь воля Микаша, он бы никогда не притрагивался к тому, от чего разило мешаниной чужих запахов, ощущалось чужим и чуждым. Платить за любовь — это так жалко, особенно когда не можешь добиться её своими поступками. Как признание бессилия и никчёмности. Да и любовь ли это? Разве была любовь в глазах той медововолосой? Скорее уж маска, за которой

она прятала свои желания и чувства, терпела, пока пьяные и несдержанные высокородные удовлетворяют свои потребности. Насилуют, хоть и сами не понимают. И девушки не понимают, запирают это глубоко внутри и отворачиваются, кто-то даже искренне наслаждается. Гнильца остаётся в сердце, её не заметить снаружи. Но со временем она прорастает всё больше, а высокородные щедро запускают туда руки, копошатся и тоже заражаются. Смрад заполняет всё вокруг.

К горлу подступила дурнота, пришлось сглотнуть и терпеть, пока осядет. Микаш прикрыл глаза, желая забыть о слабости, которая опрокинула его на дно. Пальцы перебирали верёвочный браслет. Нет, он не отдаст, не выбросит. Когда износится, сделает новый. Без разницы, насколько грязный и недостойный он сам, и как недосыгаема она. Эта драгоценность самая стоящая в его жизни.

Заскрипели половицы — шаги размеренные и тихие.

— Чего моими девочками брезгуешь, а, служивый? — раздался над ухом сухой старушечий голос.

Микаш открыл глаза и повернул голову. Перед ним стояла пожилая манушка в пёстром платье: чёрном, с алыми маками. Сама высокая, слегка грузная, длинные чёрные волосы перемежены седыми, будто зеленоватыми прядями, но голубые глаза, как у всех манушей, сохранили ясность.

— Не брезгую, просто не хочется. Нет во мне этого, — он улыбнулся, извиняясь за неучтивость и ханжество.

Внимательный взгляд перебежал на его пальцы, теребящие верёвку.

— Скорее чего-то слишком много — совести. Невеста ждёт? Тогда понятно, — усмехнулась она.

Микаш отнял руку:

— Никто не ждёт. Просто хорошее воспоминание.

— Ждёт, ещё как ждёт. Они всегда ждут, — её улыбка стала шире. — Помочь тебе? Идём, посидишь у меня, пока я расчётные книги заполню, а товарищам твоим скажу, что ты с девушкой был.

Микаш последовал за ней на второй этаж в маленький пыльный кабинет. Манушка зажгла лампу на столе и уселась писать в увесистой книге. Микаш устроился на стуле рядом и задумчиво разглядывал танцующий над бронзовой чашей лепесток пламени.

Слабак, конечно. Прячется за женской юбкой, лжёт, притворяется, лишь бы отстали. Почему Гэвин решил, что из него выйдет маршал? Сражения и крошечная мечта — достаточно для счастья.

— Скажите, а что делают с детьми? — любопытствовал он, чтобы отвлечься.

— Девочек оставляют здесь и растят себе на смену, а мальчиков отправляют в рабочий дом. Кто покрасивше, бывает, забирают для увеселения господ. А остальные не живут долго, — безразлично отвечала она, не отрываясь от книг. — Девушки следят, чтобы ничего такого не случилось, есть способы избавиться от бремени до родов. Но молоденькие, бывает, верят, что если понесут от кого-то благородного, он обязательно явится за ними и заберёт вместе с ребёнком. По вашему же Кодексу женщина принадлежит отцу своего ребёнка и никакие другие обязательства над ней не властны. Только отцы никогда не приходят. Считают, что заплатили денег — и этого достаточно. Ничто другое их не касается: женщины, дети. Не их ответственность, не их вина.

Из коридора донеслись выкрики и смех. Был ли его отец похож на кого-то из этих

высокородных? Бравый капитан или даже маршал? Никогда раньше Микаш о нём не думал, а вот сейчас накатило. Вспоминал ли он селянку, с которой провёл одну или даже несколько ночей? Догадывался ли, что где-то подрастает его сын? Гордился бы, узнай, что он получил орден за отвагу? Что бы сделал Микаш, встретиться они когда-нибудь? Плюнул бы ему в лицо? Нет, прошёл бы мимо.

Пора отпустить прошлое, ведь теперь у него есть семья. Маршал Гэвин — его отец, а остальные Сумеречники — братья, даже мерзкий Гаето и заносчивый Вильгельм. Да, им придётся расстаться до следующего похода — тоскливое мирное время. Но потом они соберутся для новых битв. В этом смысл, единственный, который может быть.

Время было уже позднее. Не придут до отбоя — получают взбучку, а то ещё и выговор.

— Сколько я должен? — Микаш развязал тесёмки кошелька.

— Нисколько. Твои товарищи достаточно заплатили, — отмахнулась старуха и указала на верёвочный браслет: — Только будь верным, даже не ей, а хотя бы себе.

Микаш попрощался и пошёл собирать разморённых товарищей. Несколько тумачков и предупреждений хватило, чтобы его послушались. Правда, в лагерь они всё равно вернулись лишь в сумерках. У самой границы их уже поджидал злой как стая саблезубых демонов лорд Мнишек.

— Где вас носило? Три дежурства вне очереди каждому. И чтобы лагерь больше не смели покидать! — распекал он их, а потом повернулся к Микашу. — Тебя маршал искал. Думал, награду получил, и всё? Можно на правила плевать, а, герой?

— Простите! Я пойду, — сердце ухнуло в живот. Он разочаровал маршала!

Микаш, запыхавшись, промчался мимо караульных и влетел в шатёр:

— Простите! Этого больше не повторится. Я готов понести любое наказание, — извинился он с порога.

Гэвин сидел на подушках возле приземистого столика и грел ладони о стенки большой глиняной чашки. От дымящегося питья исходил душистый травяной аромат.

— К демонам наказание. Вальехиз кое-что хотел тебе сказать.

Микаш удивлённо глянул на стоявшего рядом с маршалом помощника. Тот держал в руках бумагу.

— Да, — закашлялся он, прочищая горло. — Мы составили список невест. Если вы выберете хорошую партию и примите родовое имя жены, то высокие лорды согласятся сделать ваше назначение постоянным.

— Что? — Микаш перевёл взгляд на Гэвина. Тот непроницаемо молчал.

— Взгляните, он достаточно большой. Молодые и зрелые, полные и худые — на любой вкус! Можем портретики попросить — выберете, которая понравится. Если не срастётся, так вы большую часть времени в походах пропадать будете и видеть супругу лишь изредка.

— Нет! — резко ответил Микаш, глядя в упор на маршала. Пускай сам прикажет! — Я не женюсь. Если желаете, можете меня разжаловать. Я хочу просто сражаться с демонами, никакие должности мне не нужны!

— Это глупо! — помощник собирался разразиться длинной тирадой, но Гэвин остановил его тихим вздохом.

— Снова старая песня. Вальехиз, оставь нас.

Помощник заворчал, но подчинился. Как только он ушёл, Гэвин поднялся с подушек и приблизился к Микашу:

— Хочешь, я попрошу у лорда Веломри руку его дочери для тебя? Мне он отказать не

сможет.

Микаш затаил дыхание. Вспомнилась злосчастная помолвка в Ильзаре. Птичка рвётся из клетки, а силки корсетов и этикета сдавливают её всё туже, пока она и вовсе не задыхается. Он несёт её, лишившуюся чувств, по большой парадной лестнице в опочивальню, а лорд Веломри орёт, чтобы грязный простолюдин не смел ни прикасаться, ни даже смотреть в её сторону.

— Я не могу, — с трудом выдохнул Микаш. — Для её отца это будет унижением, а она меня возненавидит. Мы расстались почти друзьями, она даже обещала за меня молиться. Знаю, что это неправда, но всё равно хочу, чтобы у неё сохранились обо мне хорошие воспоминания. Хочу, чтобы она была счастлива даже больше, чем хочу быть счастлив сам. Я не смогу быть её мучителем!

— Решай сам, — пожал плечами Гэвин и снова сел на подушки. — Значит, умаслим Совет по-другому.

— Вы тоже считаете меня тряпкой? — спросил Микаш, пристально глядя на него.

Гэвин улыбнулся:

— Это что-то изменит? Ты станешь любить её меньше и предпочтёшь свою выгоду её счастью? Тогда твои высокие слова окажутся лицемерием. Так тебе точно нужен мой ответ?

Микаш качнул головой.

— Не знаю. Просто нет во мне этого — амбиций, желаний, воли. Я хочу сражаться и иногда видеть её улыбку. Больше ничего не надо.

— Даже детей? Продолжение рода?

— У меня нет рода. И детей быть не должно.

— Глупый ты и упрямый. Ну да неважно, потом сам поймёшь.

Микаш развернулся и уже собирался уходить, как кое-что вспомнил.

— Скажите, это правда, что говорят про вас и авалорскую королеву?

— Об этом до сих пор судачат? — уголки чёрных бровей взметнулись кверху. — Король Авалора, Реган III, мой побратим, мы росли вместе. Страсть к женщине не стоит нашей дружбы, не стоит верности моей жене и чести, которую я хочу передать сыновьям. Какими бы оболстительными женщины ни были внешне, в постели все одинаковы. Такой ответ тебя устраивает?

— Да. Но вы неправы. С особенной женщиной и близость особенная. Только с ней она и может быть. Жаль, что вы этого не чувствовали.

— А ты осмелел, молодец! — Гэвин усмехнулся, разглядывая густой зелёный напиток в чашке. — Особенной женщину делает духовная близость, а не телесная. К ней стремишься как в тихую гавань, даже когда твоя единственная подлинная страсть — это война.

Микаш напряжённо размышлял над его словами. Ни тени лукавства, осуждения или насмешки, было в них что-то сродни простым премудростям Кодекса, которые понять порой оказывалось вовсе не так легко.

— Можно одно одолжение? — набрался наглости Микаш.

— Валяй.

— Проведите со мной дружеский поединок.

Гэвин поднял голову и удивлённо вскинул бровь:

— Я для тебя самый неудачный противник. Я могу использовать против тебя свой дар, а ты — нет.

— Зато вы окажете мне, безродному, такую честь.

— Когда ты уже забудешь про своё происхождение? — Гэвин закатил глаза и устало вздохнул. — Хорошо, только как-нибудь потом. Разговоры о женщинах не способствуют боевому настрою.

Микаша счастливо кивнул и вышел.

На следующий день Гэвин, ничего не объяснив, оставил армию на Вальехиза и отправился в свою «тихую гавань» на Авалор.

Глава 12. Салон мастерицы Синкло

Когда я догнала девчонок по учёбе, высвободилось немного времени. Торми взялась показать мне свои танцы в нашей каморке на чердаке. Видно, жизнь со слишком правильной Джурией ей прискучила.

Бальные танцы я знала в совершенстве, хотя учителя дома ругали меня за отсутствие грации и усердия. Народные же, манушские, казались более искренними и выразительными. Торми показывала движения: покачивания бёдрами и плечами, шаги, подскоки, повороты.

— Манушская музыка очень ритмичная. Сердце бьётся вместе с ней. И конечно, фантазия, творчество, страсть — здесь не место заученным реверансам и па бальных танцев. Ты свободна придумывать свой танец, такой, какой подходит только тебе.

Она надевала пёстрые шёлковые наряды с монетами, которые мелодично отзывались на каждое движение, и танцевала, пластично, красиво, соблазнительно. Я и то чувствовала, как изнутри вместе с восхищением поднимается жар. А уж как должны реагировать мужчины! Для такого моих способностей и артистизма не хватило бы, но сами танцы мне нравились.

— Почему ты такая скованная? — ворчала Торми. — Забудь о стеснении! Отпусти контроль — музыка сама поведёт, куда нужно.

Я старалась.

— У тебя такое красивое лицо. Зачем ты прячешь его за хмурым выражением? — отчитывала она меня. — Улыбайся. Играй глазами, соблазняй. Знаешь, что очаровывает мужчин больше всего? Не грудь, не бёдра, не ноги и не губы. Это взгляд, дерзкий, бросающий вызов. Он пробуждает в них охотничьи повадки. Смотри.

Она провела ладонью по своим глазам. Пронзительная зелень шаловливо выглядывала из-под растопыренных пальцев, на чувственных губах томная улыбка. Я попробовала повторить.

— Не стесняйся. Забудь обо всех. Делай это для себя! — подбадривала Торми.

И правда, как только я перестала думать, как выгляжу со стороны, то начала наслаждаться каждым движением, жить ритмом, страстью, пьянящей радостью от самого действия. Это здорово помогало восстановить силы после изнурительной учёбы.

Но вскоре Торми стала пропадать где-то вечерами напролёт, иногда даже не ночевала с нами. Джурия не вылезала из книг и листочков с расчётами, говорила только о занятиях с Клементом, а об остальном предпочитала отмалчиваться. Они милые девчонки, хотя и очень своеобразные. Я старалась быть к ним как можно ближе, но выходило до безобразия натужно. Микаш так же старался слишком сильно, и оттого разочарование горчило непереносимо. Микаш! В голове вспыхнул его образ, лающий говор с щекотной хрипотцой, жаркие прикосновения и томное молчание, что красноречивей самых сладких слов. Повторится ли ещё когда-нибудь?

Нет, поддаваться унынию нельзя, нужно найти отдушину, которая бы расцветила размеренное течение университетских будней яркими красками.

Я часто гуляла по Верхнему городу: разглядывала пышную архитектуру, заходила во все лавки, знакомилась со словоохотливыми купцами, ужинала в открытых забегаловках, болтала с посетителями, смотрела им в глаза, будто искала кого-то, бродила по паркам. Щемящее чувство не давало покоя. Я даже не понимала, по чему скучаю больше: семье,

Ильзару, странствиям, охоте... или по влюблённому медведю. Не думала, что он может стать мне настолько близок в разлуке.

Однажды я обнаружила среди старых вещей записку. Элоиза Пти, дом девять по Апиевой улице. Я вспомнила долговязую женщину-писаря из Университета. Следовало бы поблагодарить её за помощь, пускай даже первый поход в лабораторию оказался бесполезным. Тихим солнечным воскресным утром я направилась по указанному адресу.

Апиева улица примыкала к Университетскому городку с другой стороны. Там тоже стояли наёмные дома для книжников. Дом девять был не в пример меньше и менее ухоженный, чем наш или дом Микаша. Видно, денег на его содержание выделяли мало. Я постучала, но никто не открыл. Толкнула дверь — оказалось не заперто. Вошла внутрь и остановилась у доски, где мелом были написаны имена жителей. Комната Элоизы находилась на третьем этаже под номером пятнадцать. Я поднялась по лестнице, прошла по пустому коридору вдоль одинаковых дверей и постучала в ту, на которой был вырезан нужный номер.

Дверь отворилась, и из-за неё показалась Элоиза, одетая в коричневый мужской костюм с заправленной в штаны рубашкой и жакетом поверх. Волосы связаны в тугий пучок на затылке на манер Сумеречников. На носу знакомое большое пенсне, из ботинок выглядывали синие чулки.

Взгрустнулось по удобной мужской одежде, которую я носила во время странствий. Сейчас я носила платье воздушной Норны — небесно-голубом, с высокой талией, отпустить волосы, которые отрастали очень быстро и уже достигли плеч. Жерард говорил, что это нужно для того, чтобы создать узнаваемый образ Норн у народа. А раз нужно, то и жаловаться — нечего!

Элоиза хмурилась, явно меня не припоминая. Молчание затягивалось.

— Я Лайсве из лаборатории доктора Пареды. Вы подсказали мне, куда обратиться за работой. Я хотела поблагодарить, вот, — я протянула ей свёрток с кремовыми пирожными, которые только что купила в кондитерской.

— О, та испуганная девочка! — она улыбнулась. — Рада, что у тебя всё сложилось. Как на новом месте?

— Замечательно. Доктор Пареда оказался очень справедливым и порядочным. Вряд ли бы я нашла кого-то лучше. Ещё раз спасибо!

Она торопилась, и я не хотела задерживать.

— Я иду в салон мастерицы Синкло. Если есть время, приглашаю. Там и пирожные твои пригодятся, — дружелюбно предложила она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Что такое салон и в каком деле госпожа Синкло мастерица? Стало любопытно, и я согласилась.

Мы направились на улицу Маршмелло. Она находилась чуть дальше от центра, между кварталами знати и богатых купцов. Здесь располагались украшенные позолоченной лепниной и барельефами вычурные особняки «новой знати». Эти люди возвысились не за счёт милости монархов и ордена, а благодаря торговле, содержанию мануфактур и доходных предприятий. Старая знать «опустившихся дельцов» презирала. Я узнала всё это раньше, с Элоизой же ничего не обсуждала, не представляя, как она к этому отнесётся.

Мы постучались в особнячок, на фронтоне которого были вырезаны канарейки и гроздь винограда. Не хуже и не лучше, чем соседние дома. На порог вышел слуга в зелёной

ливрее и, окинув нас безразличным взглядом, проводил в гостиную. Дом был меблирован с женским вкусом: в розово-золотистых тонах, повсюду цветочные мотивы и канарейки!

Навстречу вышла красивая зрелая женщина в элегантном светло-коричневом костюме, тоже мужском, украшенном по краям тонким золотистым позументом. Только скроена одежда была лучше, чем у Элоизы, и облегла фигуру дамы так, что не скрадывала формы, а наоборот их подчёркивала. Утончённое чуть тронутое золотистым загаром лицо обрамляли кольца тёмных волос, связанные на затылке в пук на манер Сумеречников. Похоже, это у них ритуал.

Они с Элоизой обнялись и поцеловали друг друга в щёки.

— Кого это ты к нам привела? — поинтересовалась мастерица Синкло, осматривая меня с ног до головы.

Хоть выгляжу сейчас приличнее, чем когда только приехала в голод. Крема и масла смягчили обветренную кожу, строгая диета Жерарда помогла хоть немного набрать вес.

— Лайсве Веломри из Белоземья, к вашим услугам, — я улыбнулась и сделала книксен на всякий случай. В обществе малознакомых людей всегда сложно предугадать заведённые порядки.

— О, дочь высокого лорда? — усмехнулась Синкло, взяла меня за подбородок и принялась разглядывать лицо. — И как же отец не пристроил такую красавицу замуж?

— Не то чтобы он не пытался, — я вырвалась и отступила на шаг. Не любила, когда незнакомцы так настырно вторгались в моё пространство. — Но, видно, не судьба. Теперь учусь в Университете и замуж не собираюсь.

— О, она мне уже нравится! — рассмеялась Синкло. — Идёмте, я познакомлю её с остальными.

Мастерица Синкло взяла меня под руку и повела к круглому столу, накрытому белой кружевной скатертью. За ним сидели ещё три женщины. Две моих сверстницы и одна возраста Элоизы и мастерицы Синкло. Все в мужских коричневых костюмах и с причёсками, как у Сумеречников.

— Зои Леваль, — первой представили старшую, сухую плечистую даму с грубыми мужскими чертами лица и жёсткими каштановыми волосами. Жёлтые глаза остротой взгляда напоминали ястребиные. Оборотень.

— Приятно, — пробасила она и снисходительно вскинула уголок пухлых губ в ответ на мой приветственный кивок.

— Ниневия Суасон.

Девушка была миловидная, даже грубый покрой мужского костюма не скрывал ладную округлую фигуру. Улыбалась бирюзовыми глазами дружелюбно, хлопала мохнатыми чёрными ресницами, которые сильно выделялись на фоне золотистых локонов.

— Я тоже здесь новенькая. Добро пожаловать!

Я кивнула.

— Азура Гвидичче.

Эта наоборот выцветшая, несмотря на молодость, с плоской фигурой, с тяжёлым взглядом исподлобья, глаза бледно-зелёные, волосы тёмные, сухие и тонкие. На горбатом носу такое же пенсне, как у Элоизы. Она поправила его длинным пальцем.

— А где именно вы учитесь?

— В лаборатории доктора Пареды при кафедре Мистических возможностей одарённого разума, — бойко ответила я. — Участвую в исследовательском проекте «Норн».

— Подопытная крыска? — снисходительно улыбнулась Азура. — Я на следующий год тоже поступаю в Университет. Жаль, только в женский корпус, но я смогла бы посоревноваться в математике и астрономии с лучшими выпускниками мужских колледжей. Не веришь, что девушка может быть столь же искусна в науках, как юноши?

— Нет, отчего, — хмыкнула я, наблюдая, как слуги разливают по чашкам травяной отвар и выкладывают на блюдо мои пирожные по соседству с сахарными рогаликами, медовыми кренделями и другими сладостями. — Я знаю девушку, которая могла бы поспорить со способностями в математике самих мэтров.

Азура скривилась.

— А я работаю. В хоре пою, — перехватила инициативу Ниневия, стоило подруге стусеваться. Голос у неё был густой и сильный, с красивыми интонациями.

— О, я думала, туда берут только мальчиков.

— В хоры при храмах — да. Но мой муж Одилон, Сумеречник в отставке, а ныне распорядитель Нового театра, позволяет себе больше вольностей, — мастерица Синкло посмотрела мне за спину.

Я обернулась. По парадной лестнице спускался мужчина лет сорока. С лысой макушкой, в тёмных волосах по бокам проседь, подтянутый, ухоженный и одет в добротный чёрный костюм строгого кроя. Отпечаток времени и тяжёлой жизни отложился на его лице в виде морщин и шрамов. Шёл он медленно, опираясь на изящную деревянную трость, и едва заметно хромал.

— Как вам отдыхается, дамы? — тихо поинтересовался он, спустившись в гостиную.

— Всё прекрасно. У нас гостья, — мастерица Синкло представила меня. Её муж кивнул.

— Рада знакомству, — улыбнулась я.

Одилон молчаливой тенью ускользнул в дальние покои.

— Он хороший, не смотри, что мужчина, — засмеялась Скинкло. — Хотя бы не мешает. Жаль, конечно, что всё стряпать от его имени приходится. Но мы, — она обвела рукой женщин, потягивающих из канареечных фарфоровых чашек травяной отвар. — Всё изменим. Мы заговорщики. У нас даже тайный знак есть.

Они вытянули ноги из-под стола, задрали штанины и показали ярко-синие чулки.

— О, это так необычно, — выдавила из себя я.

— Да-да, долой тиранию мужчин! — громко, аж уши заложило, выкрикнула Зои. — Женщины имеют право самостоятельно решать свою судьбу, распоряжаться имуществом и детьми и делать всё то же, что и мужчины.

— Имеют, — обескуражено согласилась я.

Всегда думала, что мои независимые взгляды в обществе не популярны и даже порицаются. Интересные девицы. Дома у соседских курочек только и кудахтанья было про тряпки да сплетни.

— Тогда присоединяйся. Пошьём тебе такую же одежду, чулки, — улыбнулась Синкло.

— Нет, доктор Пареда требует, чтобы я ходила в этом, — я показал платье и принялась оправдываться, чтобы не потерять их уважение: — Он не плохой, как ваш муж, добрый, но есть определённые правила. И мне не кажется...

Синкло властно вскинула руку.

— Все они такие, пока не выдрессируешь. Но умная женщина сможет. Достаточно лишь немного хитрости, изворотливости, шарма, — о да, она умела, даже в мужском костюме выглядела королевой. И возраст делал её только краше. — А потом они уже как болонки

скачут у твоих ног, готовые принести хоть кость в зубах, хоть ларь с драгоценностями, хоть королевство в придачу. Учись, девочка, этим надо пользоваться, у тебя для этого всё есть.

— Но только пока мы не получим равноправие! — добавила Зои.

Сомневаюсь, что на Жерарда подействует мой шарм, он железный. А вот Микаш... нет, он совсем не для верёвок. Не надо его ни дрессировать, ни менять, пускай остаётся, как есть, застывшее совершенство. Лучше будет только хуже!

— А вы знаете, что давно, ещё до исхода из Муспельсхейма, у Сумеречников было равноправие. Женщины охотились наравне с мужчинами, — я постаралась замять неловкость, сменив тему. — Но потом они пожертвовали своей свободой, чтобы рожать и воспитывать детей на смену павшим воином. Женщины на самом деле героини почище мужчин!

Они засмеялись, и я не понимала, над чем.

— Тоже мне геройство — сопливые носы утирать, — беспардонно заявила Зои. Я потупилась. — Кому нужна охота? Бунтовщики с юга уверены, что демоны — сказка. Так пускай и будут сказкой, нечего на неё жизни тратить. А если чёрная орда нападёт, пускай богу своему молятся и проповедников на битву снаряжают.

— В самом деле, деточка, какие битвы? — включилась в беседу мастерица Синкло. — Да молодёжь спит и видит, как бы уклониться от службы. Карать возомнивших себя невесть кем непокорных — да, но демоны? Эта костная традиция отомрёт вместе с мужским строем.

— Но кто тогда будет защищать?.. — возразила я, но меня перебила Зои.

— Да кого там надо защищать? Бунтовщиков или их пособников селян? Пускай сами выкручиваются. Мы-то за толстыми стенами отсидимся. А если что, болт из самострела между наглых глаз засадить любой сможет. Показать?

— Покажите!

Она и вправду охотница на демонов? Я бы хотела научиться. Может, спросить, сколько демонов у неё на счету? У Сумеречников так принято. Нет, сейчас, наверное, не стоит.

Мы с Элоизой откланялись раньше других, в полдень. Её ждали домашние дела, потому что шесть дней придётся работать в женском корпусе, а вечерами она ничего не успевает. У меня впереди были невыполненные задания и раздражённая моим отсутствием Джурия.

— А ты бойкая, с первого взгляда даже не скажешь, — похвалила меня Элоиза.

— Когда живёшь одна, приходится всё решать самой и не надеяться ни на чью помощь.

Элоиза кивнула:

— Мастерица Синкло обязательно захочет увидеть тебя на следующих выходных. Придёшь?

Я согласилась. А что, интересные женщины, хоть какое-то разнообразие.

Через пару дней погожим утром я встретилась с Зои у дома Синкло. Мы отправились на маленькое стрельбище, которое держала пара подозрительных типов на границе Верхнего и Нижнего города. Когда мы шли, я с любопытством разглядывала охраняемые патрулём ворота, разделявшие богатые и бедные кварталы города. Серые, обветшалые и обшарпанные, они не шли ни в какое сравнение с триумфальными арками Дворца Сумеречников и Университетского городка. С обратной стороны за мощными стенами толпились люди, гомонили, прорывались в светлый Верхний город. Стражники если и пропускали, то только тех, кто был одет в форму ордена или мантии книжников. На ту сторону не шёл никто.

За медьку нас пропустили во внутренний дворик одного из прилежащих домов, окружённый глухими стенами без окон. У дальней стены стояли соломенные чучела и

деревянные столбы с мишенями. Зои принесла с собой самострел и болты в мешке. Долго и подробно объясняла мне, как его заряжать, взводить тетиву козьею ногой, целиться и выпускать болт. Я наблюдала, как вздувались мышцы на её шее, как от натуги выступал пот. Зои за три выстрела поразила три мишени в яблочко, а потом передала самострел мне.

— Не спеши, это не так просто, как кажется, — снисходительно улыбнулась она, наблюдая, как я вожусь со спусковым крючком.

Не ответив, я выпустила болт и попала в мишень рядом с болтом Зои. Та присвистнула, почёсывая затылок:

— Что ж ты сразу не сказал, что умеешь?

— Я два года путешествовала по Мидгарду. Без таких вещей в дороге не обойтись. А где вы научились?

— Я росла вместе со старшим братом. Везде за ним таскалась, даже соревноваться пыталась. Он и научил.

— А где он сейчас?

— Стал рыцарем. Женился. Его жена меня терпеть не может. Называет выжившей из ума старой девой. Теперь я почти с ним не вижу, — Зои печально вздохнула, глядя в тёмный проход между домами.

— Понимаю. У меня тоже есть брат, правда, он далеко. Наверное, его жене я тоже не понравлюсь, — я пожала плечами. Вейас казался таким далёким, недостижимым, тоска стискивала сердце едва ощутимо. Увидимся ли когда-нибудь?

Выстрели ещё раз. Я осторожно поинтересовалась:

— Вы охотились на демонов?

— Нет, конечно, только в книгах видела, — удивилась она. — А ты?

— Когда путешествовала с братом на север, — ещё один меткий выстрел. — Порой против чар бесполезным оказывается любое оружие и полагаться можно только на друзей, чутьё и отвагу.

— Ого! Я-то думала, ты просто шутишь! — уважительно отозвалась она, принимая арбалет из моих рук.

Так мы сошлись. Я упросила Шандора отпускать меня иногда на стрельбище. Он для вида повозмушался, но потом разрешил, раз «таков мой путь». Зои радовалась, что у неё появилась компания, жаловалась, что чувствует себя белой вороной даже среди «синих чулок». Я её понимала. Раз в неделю мы соревновались в меткости. Правда, я предпочитала маленький лук громоздкому арбалету. Вспоминала начавшие забыться навыки, стреляла с позиции лёжа и из-за спины. Иногда я представляла, что отстреливаю от варгов или спасаю Микаша от пересмешницы, скучала по охотничьему азарту, чувству опасности и тайны.

А вот с остальными у меня не сложилось. Азура выставляла напоказ свой ум и начитанность. Я впервые оценила скромность и кротость Джурии, которая хоть и была гораздо сообразительней, но никогда этим не кичилась. Азура же стремилась доказать, что лучше меня, хотя я себя с ней никогда не сравнивала, не отвечала на провокации, избегая неинтересных споров. Но это раздражало её сильнее. Однажды она обрезала волосы и сделала такую же причёску, как у меня, и заказала себе похожее платье. Жутко!

Ниневия наоборот настолько робела, что большую часть времени либо отмалчивалась, потупив взгляд, либо отвечала односложно, либо терялась и тушевалась. Она расцветала, только когда пела.

На следующих выходных меня пригласили в театр мастера Одилона. Он располагался неподалёку от дома Синкло, на небольшой площади с деревянным помостом под навесом, окружённым рядами скамеек. Актёры в пёстрых нарядах разыгрывали трагические сцены из сказаний древности и комические истории из повседневной жизни. Играли исключительно мужчины, даже женские роли, лицо они либо красили до неузнаваемости, либо надевали маски и выглядели потешно, даже когда изображали печаль и горе. На дальнем конце помоста стояла дюжина певчих в одинаковых бледно-бирюзовых туниках. Среди мальчишек чудом, которым, несомненно, являлась мастерица Синкло, затесалось несколько девушек. Ниневия пела божественно, чисто, с густыми грудными нотками, которые добавляли любой мелодии неповторимое звучание. Но солировал пухлый златокудрый мальчик-кастрат с неправдоподобно высоким фальцетом. Музыканты стояли позади внизу и играли на арфах, лютнях, волынках, флейтах и барабанах.

Недостатка в зрителях не наблюдалось. Все скамейки были заняты, большая часть зрителей толпилась позади, то и дело поднимаясь на цыпочки, чтобы получше разглядеть. После каждого представления зрители хлопали в ладоши, осыпали актёров цветами и монетами.

Мне понравилось настолько, что я попросила мастера Одилона познакомить меня с актёрами. Он с радостью проводил меня в маленький казённый дом, где жила и готовилась к выступлениям труппа. Я с интересом наблюдала, как они повторяют слова и одновременно красят лица в яркие краски, надевают костюмы. Нет-нет, да я слышала, как они называли мастерицу Синкло ведьмой и жалели старого Одилона.

Я тоже его жалела. Наедине со своими актёрами он с воодушевлением читал сценарии пьес и фонтанировал идеями. Но как только на горизонте появлялась его жена, превращался в тень.

Однажды за травяным отваром в особняке Синкло я рассказывала Одилону одну необычную сказку, которую накануне услышала от бродячего барда на рыночной площади. Про некрасивую принцессу и золотого дракона, который был благороднее Сумеречников.

— Хорошая сказка, только плохо, что порочит рыцарей. Я не смогу её поставить, — развёл он руками.

— Наоборот, стоит напомнить Сумеречникам об их же идеалах, иначе демоны и впрямь станут благороднее нас, — заспорила я.

Остальные девушки в нашем разговоре участия не принимали.

— Нет, — ответил он неожиданно твёрдо. — Из-за беспокойной обстановки содержание могут истолковать превратно. Труппу не только освищут, но и арестуют.

— Что это, трус, ты тут мелешь?! — взвилась спустившаяся в гостиную мастерица Синкло. — Я уже давно прошу поставить что-нибудь про угнетение женщин. Театр — мощнейшее средство, чтобы повлиять на мнение людей. Не будь ты такой рохлей, мы бы уже давно состряпали сценарий и гремели с этим выступлением по всему городу. Чего молчишь? Перестань уже бояться этих покрытых мхом и плесенью стариков из Совета. Сильный человек не должен мириться с несправедливостью, а бороться с ней и изменять мир к лучшему!

— Видимо, я не сильный, — он встал из-за стола и побрёл вверх, как делал всегда.

— Ну-с, милочка, что ты там этому олуху рассказывала? — полюбопытствовала Синкло.

Я рассказала простенькую сказку о прекрасной принцессе, которая лихо сражала кавалеров остроумием и шармом и в конце концов стала править своим королевством

единолично, принесся ему покой от войн и процветание. Синкло нашла сказку изумительно правдивой и долго расхваливала меня на все лады. Я не выдержала и удрала «освежиться».

Одилон обнаружился на втором этаже. Он стоял у окна и невидяще смотрел на улицу, где сновали хорошо одетые прохожие и катили запряжённые нарядными одномастными рысаками экипажи.

— Я поставлю пьесу о ревнивом мануше-Сумеречнике, — обернулся он на мои шаги. — Она тоже трагичная и поучительная, но не такая вызывающая. Думаю, публика будет благосклонна.

— Конечно. Как и всегда, — согласилась я. — Простите, что завела этот разговор при вашей жене. Дракон в роли героя — это слишком, вы правы.

Одилон долго молчал, отвернувшись к окну, а потом горестно вздохнул:

— Когда-то я был капитаном, управлял дюжиной звеньев. Мы сражались плечом к плечу с тварями, не зная страха и уныния. Мне вручали награды и обращались с почтением. Только потом я превратился в жалкую развалину под пятой собственной жены. А когда-то я так её любил!

— Покажите мне ваши награды, — я взяла его за руку и заставила повернуться.

Его серо-голубые глаза блестели. Он побрёл по коридору к дальней угловой комнате, снял увесистую связку с ключами и принялся отпирать. Проржавевший замок не поддавался, а петли жалостно скрипели, пока дверь отворялась впервые за много лет. Внутри оказалась маленькая трофейная. У моего отца для этого был отведён огромный зал. Все трофеи: клыки, когти, шкуры, рога, чучела и награды — содержались в порядке гораздо большем, чем что-либо в замке. Здесь же всё заросло паутиной, покрылось толстым слоем пыли, шкуры побила моль, а кое-что и вовсе превратилось в труху.

Я подобрала со старого покосившегося столика почерневший орден и принялась оттирать: «мужество», «геройство», «хитрость», «тактика». Похоже, он и вправду был доблестным воином. Жаль, что всё обернулось прахом.

— Красивые. Надо их почистить меловым порошком и выставить в витрине в холле, — предложила я с улыбкой.

Одилон печально качнул головой:

— Жена не потерпит. А ты хорошая девочка. Спасибо, что напомнила мне. Я будто живой воды глотнул. Идём, а то тебя хватятся внизу.

Я расстроилась и разозлилась. Одилон мог хотя бы попробовать побороться! Хоть слово сказать! Жалкий. А мастерица мерзкая, затравила его совсем. Это неправильно! Мужчины не должны становиться такими, особенно любящие и чуткие.

Снова вспомнился Микаш, сколько гадких слов я ему говорила, незаслуженных упрёков. Хотела бы я забрать их все обратно.

Я вернулась к «синим чулкам». Мастерица Синкло вещала про то, как недалёки мужчины и как легко ими вертеть, создавая у них ощущение, что они сами выбирают и руководят. Я слушала и кивала невпопад. Не хочу таких мужчин! Вдруг его выберет другая? А у него своей воли нет, и он пойдёт, как телёнок. Или подобно Одилону будет скитаться по углам бесшумной тенью, медленно увядая с памятью о своих подвигах. Нет, не хочу!

Глаза защипало от слёз, к горлу подступил горький комок. Я подскочила как ошпаренная и умчалась на улицу. Бежала до дома Микаша, даже бедного старого консьержа напугала, когда взлетала по лестнице на второй этаж. Отперла дверь, бросилась на кровать и долго приходила в себя, обнимаясь с подушкой. Жаль, что терпкий с горчинкой запах

Микаша выветрился так быстро, но пускай хоть моя память сохранит его навсегда.

Как Микаш там один справляется? Он ведь такой неуживчивый! Хоть бы вернулся, хоть бы!

Я отуплено огляделась по сторонам. Здесь так пыльно, затхло, неуютно и пусто. Надо всё обжить. Жаль, я плохо знаю, что Микаш любит, кроме как сражать с демонами и всех спасать. Но даже если я где-то напортачу, он простит, и не такое прощал. Я встала и отыскала среди его вещей самодельную куклу Герду, которую он подарил мне на день рождения. Одряхла, бедная, надо бы подновить. Я прижала её к груди. Этим и займусь!

В салоне мастерицы Синкло я появлялась всё реже. Не по пути мне с ними, не разделяя их взглядов, не могу неискренне улыбаться словам, в которые не верю. Теперь я лишь изредка проводывала Одилона в театре и смотрела новые представления.

Зои сошлась с Элоизой и перестала появляться на стрельбище. Они и раньше брались под столем за руки, едва заметно обменивались взглядами. Однажды я застала их в тёмном переулке целующимися. Сделала вид, что не заметила и перестала донимать расспросами. Странные отношения, но кого из нас можно назвать нормальным? Раз это заставило их глаза лучиться счастьем, то пускай!

***

Голубиную станцию я отыскала давно, в самом начале своей жизни в Эскендерии. Большое круглое здание обрамляли колонны, стены оштукатурены жёлтым, наверху открытая мансарда, усаженная крупными белыми птицами. Внутри былолюдно. Дюжина зрителей-звероустов в одинаковых белых с синими узорами балахонах занимались каждый своим направлением. Они дрессировали почтовых голубей и отправляли их с посланиями, нащёптывая адреса на языке птиц. К каждому зрителю выстраивалась очередь в несколько человек, некоторые сидели за большим круглым столом и выводили на узких полосках короткие сообщения. Скрипели перья, пахло свежими чернилами и тушью. Я направилась к прилавку, за которым стоял зритель, отвечавший за почту в западный край Веломовии.

Он вручил мне большой лист для посланий. Я отписала отцу обо всём, что со мной приключилось, и попросила не волноваться ни о чём. Через пару недель пришёл гневный ответ с требованием возвращаться сейчас же и не доводить бедного родителя до умопомрачения, как мой непутёвый братец. Для Вейаса отыскалось парочку настолько крепких словечек, что стало ясно, что отец зол до крайности. Братец наотрез отказался жениться и удрал в Стольный. Я уже и хотела, чтобы его прибрал к рукам кто-нибудь вроде мастерицы Синкло. Хотя на таких, как Вей, где сядешь, там и слезешь. Уж мне ли не знать!

Отец давил на жалость, угрожал собрать войско и взять лабораторию Жерарда штурмом. Я написала новое письмо, где терпеливо разъяснила, что не нужно за меня беспокоиться. Я как будто замужем, уехала в замок супруга, работаю... не за вышивкой, конечно, но что-то вроде того. Никаких неприятностей, опасностей и неприличностей мне не грозит. Я делаю важное дело. Возможно, когда-нибудь о моих успехах заговорит весь орден, и отец будет гордиться мной. Написала, и будто поверила, хотя никакой даже самой малой весточки от Безликого не получила.

Я уже собиралась возвращаться, как заметила, что в боковую дверь между прилавками зрителей постоянно заходят и выходят люди. Да там собралась нешуточная толпа! Я с трудом протиснулась между спинами. Просторная комната была битком набита: в основном женщины, старики и подростки до шестнадцати. Таращились на большие грифельные доски,

исписанные именами, перебирали сложенные на столе бумаги, что-то спрашивали у дежурившего рядом зрителя. Шёпот давил на уши, спёртый воздух — не продохнуть.

— Что здесь такое? — спросила я у стоявшей рядом миловидной смуглой сальванийки с пышными золотистыми кудрями и кошачьими изжелта-карими глазами.

— Военный вестник. Здесь сообщают имена павших Сумеречников и новости с мест сражений, — тихо ответила она. — Матери, жены, сестры, дети, старики — все приходят сюда, чтобы узнать о судьбах своих мужчин.

— О, в чьей армии столько потерь? — поинтересовалась я, стараясь скрыть внутренний трепет.

— Маршала Комри. Говорят, они наткнулись на демонскую рать гораздо большую, чем рассчитывали. И это ещё мало по сравнению с тем, что могло быть. Маршал Комри удачливый полководец, всегда обходится наименьшими потерями.

Я её уже не слушала. Как заворожённая, пошла к доскам, расталкивая толпу локтями. Я должна знать! Долго водила пальцем по списку, проговаривая про себя каждое имя, с каждым новым сердцем больно ухало в живот. Думала, умру прежде, чем доберусь до конца.

Имени Микаша тут не было.

Я подошла к зрителю и кивнула на доски:

— Это только за последний день?

— За предыдущие здесь, — он вручил мне стопку листков, и я снова стала вчитываться.

В глазах рябило от незнакомых имён. Я поблагодарила зрителя и вернулась к сальванийке, с которой разговаривала раньше.

— Не нашла? — спросила она.

Я покачала головой.

— Подожди ещё, сейчас будут свежие вести. Я-то не очень переживаю. Мой жених лютнист, важный человек, развлекает всех, командир его бережёт, — словоохотливо рассказывала она.

Я обняла себя за плечи.

— А мой всегда на передовую лезет.

Отворилась дверь с обратной от входа стороны. Вошёл новый зритель и вручил старому охапку кожаных футляров. Под внимательными взглядами посетителей он расчехлял послания и выкрикивал имена. То и дело кто-то выбегал из помещения, и из-за двери слышались его приглушённые рыдания. Пожилая женщина упала в обморок, её подхватили и понесли на свежий воздух. Я до изнеможения напрягала слух.

— Не назвали? — деликатно поинтересовалась сальванийка, когда все уже расходились. — Не переживай, всё хорошо будет. Мой Маркеллино всегда так говорит, — она обняла меня, и сразу полегчало. — Меня Ипполитой зовут, можно просто Лита.

— Лайсве, — я пожала подставленную руку.

— Рада знакомству. Приходи сюда через неделю, будут новые вести.

Я встречалась с Литой каждую неделю, и вместе мы ждали вестей. Она хоть и говорила, что с её женихом точно ничего не случится, но всё равно затаивала дыхание и сжимала кулаки, когда выкрикивали имена павших.

Время пролетело незаметно. Зацвела садами весна. Южные деревья были особенно хороши в эту пору года: вишни и яблони, абрикосы и апельсины, магнолии и жасмины. Кружились в напоённом душистыми и сладкими ароматами воздухе трепетные лепестки: белые, розовые, жёлтые. Я никак не могла нагуляться по паркам, слушала птиц, посещала

общественные теплицы и розарии. На холме, откуда открывался вид на излучину протекавшей через город реки Эскенды, собирались студиозусы-рисовальщики и выводили на полотнах углём наброски будущих пейзажей. Мне нравилось заглядывать в их картины, смотреть на мир чужими, полными таланта и восхищения глазами.

Сладкоголосая весна была уже на изломе, когда Жерард собрал нас втроём с Джурией и Торми в учебной комнате для важного объявления.

— Чтобы создать у народа возвышенный и светлый образ Норн, вы должны совершать благие дела и даже чудеса. В честь начала лета волей высших сил вы помилите троих осуждённых. У каждого из избранников богов будет лоскут ткани в цвет ваших платьев. Но прежде вы коснётесь остальных и сделаете вид, что впадаете в транс.

— Звучит, как шарлатанство, — я неуютно передёрнула плечами.

— Так нужно, пока вы не обретёте уверенность. Нам не оставляют времени, поэтому придётся потерпеть, — Жерард шагнул мне навстречу и мягко коснулся щеки. — К тому же благие дела останутся благими вне зависимости от того, насколько их природа чудесна.

— Но от нас будут зависеть жизни людей! Это такая ответственность, — я никак не могла увещевать свою совесть.

— Напротив, от вас ничего не зависит. Всё обговорено заранее, — уверил Жерард. — И не надо, пожалуйста, вникать глубоко и переживать. Публичные встречи совсем не об этом, вам нужно завоевать популярность.

Торми с Джурией отмалчивались, а у меня одной отбиваться не хватило сил и уверенности, но про себя я твёрдо решила, что прочитаю мысли каждого. Это будет гораздо меньший обман.

В первый день лета мы надели праздничные белые платья. Шандор умастил наши тела эфирными маслами, а лица разрисовал хной: узоры из тонких линий и вплетённые в них знаки стихий. У Джурии — цветы, у Торми — капли, у меня — спирали. Жутко, как по мне, но хорошо, что можно смыть. В полдень нас с торжественной процессией книжников отвели на казнь. Воздух млел на жаре, клубясь прозрачными вихрами над раскалённой булыжной мостовой. Каркали галки. Мрачная, пустынная площадь для наказаний располагалась позади Дворца Судей. На неё выходило множество окон и балконов близлежащих домов. Во время казней здесь собирались толпы, стражники сдерживали их, не давая подобраться к эшафоту.

На деревянном помосте перед виселицами шеренгой выстроили осуждённых со связанными руками. Пахло удушливым потом, липким отчаянием и страхом. Стражники расталкивали зевак, чтобы дать нам проход. Нас разглядывали с любопытством, по толпе бродили возбуждённые шепотки.

Начала Джурия, как самая старшая и старательная. Касалась подставленных лбов, запрокидывала голову, вращала глазами и говорила глубоким грудным голосом: «Нет, нет, нет». На четвёртый раз было облегчённое «да». Измождённая женщина в серой, как и все остальные заключённые, хламиде улыбнулась, откидывая со лба сбившиеся в колтун грязно-пепельные волосы.

— Хвала милосердной Калтац! — она воздела руки к небу и воскликнула заглубевшим, но всё же торжественным голосом. Морщины разглаживались, тени растворялись в белизне кожи.

— Слава Калтац! — заморожено повторила толпа.

Джурия смиренно улыбнулась и спустилась вместе с освобождённой с эшафота.

Следующей на эшафот вспорхнула Торми. Не скрывала, что хочет поскорей убежать к

друзьям в город, а до заключённых ей дела не было. Подходила к каждому, брезгуя даже прикасаться. Закрывала глаза, кружилась и качала головой. Замерла она возле парня лет восемнадцати. По скучающему виду было ясно, что он знает об исходе и даже не притворяется удивлённым.

Я сдавленно выдохнула. Нужно было улыбаться и смотреть на толпу, но я всё время уходила мыслями в себя и ничего вокруг не замечала, кроме кутающих меня клубов воздушной дымки.

— Слава грозной, но справедливой Седне! — крикнула Торми.

Толпа возликовала свершившемуся милосердию.

Я вздрогнула, все взгляды устремились на меня — пора! Сил в резерве я накопила с запасом, боясь, что ненароком опорожню половину на ерунду. Поднявшись по деревянной лестнице, я подходила к каждому, заглядывала в глаза, касалась головы и бродила по извилистым коридорам мыслепотоков. Жерард был прав: не стоило, я оказалась не готова. Здесь все совершали злодеяния, иных судьи-телепаты оправдывали, тщательно изучив их дела и помыслы. Мне до их опыта было как до Нифльхейма. Я видела только наружный поток всякой мерзости: грабежей, насилия, убийств, бунтовщической злобы. От разворачивающихся картин мутило, но я держалась. Представляла себя Высоким Судьей, правда, они при этом прятали лица под масками.

Я уже думала прекратить, как столкнулась взглядом с ней. Призрак повзрослевшей Айки, девочки-единоверки, которая погибла, защищая меня от своего сбрендившего товарища. Лет четырнадцать на вид. Невысокая, худая, как тростинка, но с невероятно живым, пускай и перепачканным личиком, огромными искренними, как у собаки, янтарными глазами. Пухлые губы надтреснуты, видно, били. Тёмно-каштановые волосы заплетены в растрепавшуюся косу и припрошены пылью. Я смотрела на неё слишком долго и пристально. Нависла гнетущая тишина. Вся площадь следила за мной, затаив дыхание. Я положила руку девочке на лоб. Она не выказывали ни страха, ни почтения, словно не боялась смерти. Наоборот, смотрела с вызовом, едва заметно ухмыляясь.

Ничего особо страшного она не сделала: забралась в несколько домов, срезала несколько кошельков в толпе, тягала у торговцев еду. Коренная эскендерка, жила в самом неприглядном квартале Нижнего города, в крохотной грязной лачуге, где едва умещались на ночлег она и дюжина её старших братьев. Родителей давно не стало. Чтобы не умереть от голода, она воровала с раннего детства. Да и не было того детства на самом деле.

Я ещё раз осмотрела её руки: голубого лоскута там не нашлось. Жаль. Я и дальше всех читала, стискивала зубы, уже почти достигла предела — вот-вот кровь носом пойдёт. Лоскут в руке последнего мужчины я заметила ещё до того, как приблизилась к нему. Он тоже не боялся, одаривая меня уже в открытую самоуверенной ухмылкой. Он был подтянутый, по виду приличный, не скажешь, что преступник. Лицо холёное и гладковыбритое. Только взгляд мутный.

Ох, не стоило мне его читать! Едва не стошнило. Кровь вязкой струйкой потекла из носа. Негодяй аж облизнулся. Я отвернулась и снова посмотрела на девчонку-воровку. Она улыбнулась одними губами, приоткрыв верхние зубы с едва заметной щелью между ними. Голубоватая дымка сгушалась вокруг неё, звала.

Воровка заискивала нарочно, хитрюга, но та тварь с лоскутом была во стократ хуже. Я подошла к девчонке и выкрикнула:

— Слава Безликому, защитнику слабых и угнетённых!

В лицо дохнуло прохладным ветром.

— Слава Безликому! Безликий ведёт нас, Безликий наставляет нас, вся наша жизнь — служение ему! — вторила толпа уже по привычке.

Воровка, дразнясь, шурилась в мою сторону.

— Глупая — пожалеешь! — шепнула она, и как только палач развязал ей руки, сбежала с эшафота и растворилась в толпе.

Бесновался осуждённый, которого я не спасла, изрыгал проклятья:

— Демоновы обманщики меня подставили! Нету никаких богов, никто их не слышит!

Он бросился ко мне. Я отпрянула. Злодея ухватили стражники.

— Нету возродения! Мы живём здесь и сейчас, здесь и сейчас! — успел выкрикнуть он, прежде чем стражник ударил его латной перчаткой в живот.

Силы оставили меня, ноги подкосились. Я упала в чьи-то услужливо подставленные руки, придерживалась за его шею, как за спасительную соломинку. Меня куда-то понесли. Сутолока вокруг, шелест одежды, топот башмаков.

— Чудо! Чудо! Дайте прикоснуться! Дайте же прикоснуться! — ввинчивались в уши голоса со всех сторон.

— Разойдитесь! Ей нужен воздух! Стража! — дрожало рядом горло.

Я не выдержала и ускользнула в темень.

В нос ударил резкий запах нюхательной соли. Стучали по мостовой подковы, скрипели колёса. В голове шумело, на языке ощущался солоноватый привкус крови, а тело наливалось слабостью, но я всё же заставила себя распахнуть веки. Тёплые ореховые глаза смотрели с тревогой и сожалением.

— Я... надорвалась? — язык с трудом ворочался между слипшихся нёб.

— Перенапряглась. Не стоило... — Жерард ласково провёл по моим волосам.

Я лежала у него на коленях на лавке открытой летней повозки. На козлах сидел молчаливый кучер и придерживал горячившихся гнедых рысаков. Больше никого тут, к счастью, не было.

— Я... не смогла, — голос сипел и срывался, но мне надо было сказать. — Он душегуб... насильник. Скупал мальчиков... из работных домов и издевался над ними. Потом кастрировал м-мясницким тесаком. В-вы знали?

— Боги, нет! Мне сказали, что его преступление было тяжким, но чтобы настолько... У него могущественный покровитель, теперь будут проблемы, — Жерард вздохнул и крикнул кучеру, пряча за пазуху флакон с нюхательной солью.

Свистнул бич, кони побежали шустрой, раскачивая борта из стороны в стороны.

— Если бы мы его спасли, он бы принялся за старое, — голос обрёл уверенность, а тело колотила крупная дрожь. — Я не могу так! Если я перестану верить в свою правоту, то никакие ухищрения не приблизят меня к нему!

— Тише, девочка, тише, — Жерард вдавил пальцами точки на моём теле: в ямочке на затылке, слева под ключицей и на позвоночнике у поясницы. Я обмякла, не могла даже пошевелиться, только смотреть в густые ореховые глаза. — Спи. Я поставлю тебя на ноги, и такого больше не повторится, обещаю, — он прижал меня к себе крепче и принялся убаюкивать, как ребёнка. Вдруг усмехнулся с горьковатым привкусом иронии: — Быть может, оно и к лучшему. По крайней мере, нам поверили.

Глава 13. Марш победителей

Болезнь запомнилась урывками. Меня устроили на кушетке в смотровой лаборатории, запеленав в несколько пуховых одеял. Слабость накатила такая, что я не могла пошевелиться.

Все очень переживали. Жерард ухаживал за мной, не оставляя даже ночью. Обычные целительские методы: выплетал пальцами из огня зажжённых свечей сети, укутывая меня ими, сужая звенья, чтобы восстановить силы, прикладывал ладони, обдавая животворным жаром в местах, где оболочка ауры разорвалась. Кнут и Кьел отпаивали противными горькими зельями, отирали от пота. Шандор массажировал жизненно важные точки, мазал снадобьями и эфирными маслами. Девчонки и Густаво по очереди кормили меня жидкими кашами и протёртыми супами.

Лихорадочный бред сменялся апатией. Перед глазами стояли жуткие картины, которые я подсмотрела в голове у осуждённых. Иногда вместо них снился Огненный зверь. Он сражался с мглой, она рвала его на части, заполняя собой весь мир.

Порой мне казалось, место Жерарда подле моей постели занимал Безликий. На нём был серый мешковатый балахон, а лицо закрывала круглая белая маска, как в театре, с продольными царапинами, выкрашенными в цвет крови. Лишь он, его прикосновения приносили облегчение. Но когда я просыпалась, рядом снова оказывался Жерард.

Ничто не могло длиться вечно, вот и болезнь отступила спустя две недели. Я потихоньку возвращалась к занятиям, хотя домой меня не отпускали. Как-то вечером, когда все уже разошлись, Жерард заглянул ко мне и уселся на стул напротив кушетки.

— Я уже поправилась, на воздухе быстрее сил наберусь, — не выдержала я. — Отпустите меня!

— Конечно. Только пообещай мне, я ведь тебе обещал, — ласково улыбнулся он, и на душе потеплело. — Впредь слушайся меня и веди себя осмотрительно. Я понимаю, ты далеко не всегда можешь контролировать своё естество, но тебе пока ещё рано делать подобные вещи. Твоё тело и разум не выдерживают. Учёба укрепит тебя, но не так быстро. Если мы... — он запнулся. — Если я тебя потеряю, то всё погибнет.

Он провёл по моей щеке указательным пальцем. Слишком много надежд на одну меня. Насколько же легче, когда ты никому не нужен?

— Я буду делать только то, что велит мой бог, — с трудом выдавила из себя.

— Умница. Завтра вернёшься домой, — он поцеловал меня в лоб, затушил свечи и оставил отдыхать.

На следующий день Жерард взялся учить меня отдельно в своём маленьком кабинете. Я проникала в его голову. Чёрными тоннелями раскрывались мыслепотоки: словишь серебряную рыбку — увидишь картину из прошлого, эхом отражаясь от сводов, зашепчут мысли. Я читала Жерарда, пока не доходила до грани. Там мне надо было остановиться — до того, как из носа польётся кровь. Сложно. Большинство занятий заканчивались головной болью, но Жерард заставлял повторять снова и снова:

— У тебя должно выработаться чувство — никогда не пересекать черту, что бы ни происходило вокруг.

Потихоньку получалось всё легче.

Я поражалась выдержке Жерарда. В его мыслях ни разу не промелькнуло ничего постыдного, хотя у каждого должно быть что-то, что бы он хотел скрыть. На ментальные барьеры я не натыкалась, как случилось с Вейасом и Микашем. Впрочем, единственное, что скрывал Микаш, были его чувства ко мне, но они и без того сквозили в каждом его слове и поступке, а после столкновения с пересмешницей он и вовсе перестал таиться. Было немного стыдно, что я не могу ответить ему такой же искренностью.

Жерард же будто отводил мне глаза, да так, что я ничего не замечала. Однажды я спросила об этом.

— Наблюдательная девочка, — усмехнулся он. — Это ментальные техники, основанные на работе телекинетического дара. У каждого человека есть зачатки всех способностей. Если их развивать, можно овладеть каждой хотя бы третьем уровне.

Я только заметила, что сижу с открытым ртом и тут же его захлопнула.

— Каждый может стать всемогущим Сумеречником?

— Если потратит на это с десяток жизней. Ничто не даётся легко, — ответил Жерард. — Потому надо изучать только самые необходимые техники.

— Вы покажете, как обходить телепатию?

— Когда вы с Джурией и Торментой будете готовы, — кивнул он, пока я допивала лечебный отвар.

Вскоре Жерард опять собрал нас в учебной комнате.

— Вам предстоит новый выход в свет. Не хмурься, — сказал он, глядя на меня. — На этот раз обманывать не нужно. Возвращается войско маршала Комри.

Я затаила дыхание. Неужели?!

— Рыцари пройдут Парадом победителей по центральным улицам. Это давняя традиция. Вы будете их встречать в нарядных платьях и осыпать цветами. Сможете даже подойти к одному из героев и подарить ему поцелуй признательности, — продолжал объяснять Жерард.

Сидевшая со мной по соседству Торми не сдержала воодушевлённого вздоха.

— Я сказал, только поцелуй признательности — это значит в щёку! — спустил её с небес на землю Жерард.

Торми скривилась и сложила руки на груди.

— Мы выберем сами или снова придётся искать знак? — осторожно поинтересовалась я.

— Конечно, сами. Это не запрещено, а даже поощряется. Разделите часть их славы, завоюете народную любовь заодно, — он улыбнулся. — А мы вас хорошенько принарядим, чтобы весь город шептался о вашей красоте.

Я уже не слушала, думая о своём. Сердце трепетало от радости, но было немного страшно. Интересно, изменился ли Микаш за это время? Помнит ли меня, не нашёл ли другую? Я поправила верёвочный браслет на запястье. Если его юношеская влюблённость прошла, то я смогу с лёгким сердцем его отпустить и полностью посвятить себя учёбе. Какие же жалкие у меня доводы!

С этого дня мы усиленно готовились к знаменательной дате. Жерард заказал у лучшего портного в городе летящие белые платья из тонкого шёлка, в которых мы ходили на воздушных духов-сильфид. Кожу обрабатывали мазями, делавшими её белой и гладкой, как у младенцев. Волосы полоскали в травяных отварах, чтобы они выглядели пышнее, приобрели более яркий оттенок и источали сладкий запах. Нотки розового масла возле ключицы

довершали аромат.

Для своего победителя я решила кое-что добавить. Торми подсказала, как сделать цвет губ более ярким, а щёки румяными, но чтобы при этом оставаться естественной.

— Главное, не опускай голову и улыбайся — ты очаруешь всех! — подбадривала она.

Я сходила в купальни, где мне воском удалили с тела волоски. Болезненно, но жить можно.

Накануне вечером долго разглядывала себя в зеркале в нашей комнате. Никогда и ни для кого ещё так не старалась, сделала всё, что только могла, хотя чувствовала, что моих усилий никогда не будет достаточно.

— Хотела бы я знать, для кого ты так из кожи вон лезешь, — усмехнулась Торми, сидя рядом на стуле задом наперёд. — Уж не для маршала ли Комри? Слышала, он красив как бог! Сама авалорская королева была к нему равнодушна.

— Да обычный, — отмахнулась я. Его внешность припоминалась с трудом, разве что пронзительный взгляд ярко-синих глаз сохранился в памяти. — Я жду друга, он безземельный рыцарь.

Торми сложила губы трубочкой и многозначительно изрекла:

— У-у-у!

Обсуждать Микаша не хотелось, потому я перевела взгляд на Джурию. Она забралась с ногами на кровать и читала книжку. Плохо, что она постоянно одна и ни с кем, кроме наставников, не общается. Я могла бы отвести её в салон мастерицы Синкло. Независимые умные женщины, интересовавшиеся не только тряпками и мужчинами, были бы ей интересны, но она вряд ли бы приняла их привольные взгляды.

— Вот, попробуй, — я взяла со своей тумбочки миску с соком ириса, смешанным с соком красных ягод. — Губы будут ярче и выразительней.

— Я не занимаюсь такими глупостями! — буркнула Джурия, не отрывая взгляда от книги. — И не собираюсь ни продавать себя, ни уж тем более заставлять кого-то желать меня!

— Никто и не предлагает. Но может, отвлечёшься ненадолго? Попробуешь новое? Прихорошишься? Не для мужчин — для себя. К тому же доктор Пареда хотел, чтобы мы поразили всех красотой, — я подошла и нависла над ней. — Впрочем, ты и так хороша.

— Правда? — большие тёмные глаза одарили недоверчивым взглядом.

— Правда! — я улыбнулась.

Джурия окунула палец в миску и принялась изучать снадобье.

— Если не понравится, мы всё сотрём.

Она подошла к зеркалу и осторожно намазала губы. За её спиной Торми подмигнула мне и подняла большой палец. Джурия оглядела своё отражение и повернулась ко мне в поисках то ли поддержки, то ли одобрения. На смуглой коже было не так заметно, но и не испортилось ничего.

— Я правда, ну... красивая? — она округлила глаза и смотрела как маленький ранимый ребёнок.

— Правда. Каждый человек красив по-своему.

Я обняла её за плечи и повернулась к зеркалу. В нём отражались две совершенно непохожие девушки: тонкая-звонкая я с едва достававшими до лопаток белыми волосами и крупная сбитая Джурия с толстыми каштановыми косами до бёдер.

— Просто не у всех достаточно острое зрение, чтобы разглядеть, и ясный ум, чтобы

понять.

Строгое лицо тронула улыбка, будто невзрачный бутон раскрылся чудесным цветком. Торми подскочила и обняла нас за плечи:

— Я всегда, всегда ей это говорила!

Мы засмеялись, глядя на отражение трёх Норн, прекраснее и счастливее которых не было во всем Мидгарде.

Парад начинался поздним утром, за несколько часов до полудня. Город прибрали к празднику: вымели мостовые, подштукатурили фронтоны домов на центральных улицах, развесили гирлянды цветов и еловых веток.

Знойное южное солнце уже припекало, раскаляя камни. Повсюду расточался сладкий запах томлёных роз. Войска маршировали пышной процессией от главных ворот города до дворца Сумеречников. Дорогу перекрыли, не пропуская ни экипажи, ни одиночных всадников, ни даже прохожих. Народу поглазеть собралось великое множество, в роскошных костюмах и шляпах с перьями. Девушек тут было больше всего, тоже в белых платьях, хоть и не таких шикарных, как у нас. Детишек — тьма, облепили ограждения и висли на них, грозясь опрокинуть. Зрители заполнили даже балконы домов.

Жерард подготовил для нас самое лучшее место на Дворцовой площади, на деревянном возвышении, откуда нас всем было видно. Трепетали на лёгком ветру расклёшенные рукава и пышные юбки, вились вокруг нас перистыми облаками. Венки из нежных лилий на головах, в корзинках на локтях лепестки белых роз.

Гудящая суетой толпа походила на колышущееся море. Люди то и дело оборачивались на нас и окидывали то удивлёнными, то восхищенными, то недоуменными взглядами. Вокруг словно реял ореол выпестованной Жерардом славы и таинственных слухов.

Он сам стоял рядом и сверкал победоносной улыбкой, будто вёл марширующую армию в бой. Накануне, видно, навещал дочь. Он всегда возвращался от неё в приподнятом настроении и с воодушевлением рассказывал, что нового она успела выучить. А ведь вначале даже имя ей давать не хотел. Его жену по негласному правилу в лаборатории не упоминали. Все жалели Жерарда, хоть и старались ему этого не показывать. Каково это — жить с человеком, который тебя предал?

Затрубили герольды. Под фанфары и барабанный бой первыми на площади показали знаменосцы. Летели по ветру пёстрые флаги с гербами высоких лордов. Толпа притихла и неуклюжим зверем разворачивалась в сторону марширующих победителей. Мостовая подрагивала от чеканного шага тысяч сапог.

Прошли латники и лучники, на площади показали первые рыцари в парадной белой форме, украшенной зелёными вставками и позументом.

— О-о-о, красавцы какие! — сцепила ладони на груди Торми и голодным взглядом шарил по рыцарям. — Долго ещё ждать? Я бы уже выбрала!

— А я нет. Дождусь самого неказистого и скромного. Он наверняка не засмеёт, — затараторила Джурия, трясясь как осиновый лист.

— Перестаньте! — прикрикнул на них Жерард. — Это всего лишь ритуал. Все прекрасно это понимают, кроме вас.

Я слушала вполуха. У края толпы на бочку взобралась Лита и махала мне рукой. Я кусала губы в задумчивости:

— Мой друг будет среди воинов. Можно я спущусь и встречу его? Потом вернусь и поцелую, кого скажете, — я взяла Жерарда за руку, молясь, чтобы он смилостивился.

— Беги, что с тобой сделаешь? — он тяжело вздохнул, поглядывая на Торми с Джурией.

— Спасибо, вы лучший! — я чмокнула его в щёку.

Соскочив с помоста, я побежала, расталкивая толпу.

Лита прыгала на бочке. И как не боялась проломить её и упасть? С другой стороны, молодец, я бы не нашла её в толпе. Лита спустилась, только когда я была уже в двух шагах. Люди рядом ругались из-за потерявших последний разум молодых, но я не вслушивалась.

— Ну как? Я ему понравлюсь? — я повертелась перед ней, показывая платье.

— Будет распоследним дураком, если не понравишься! — засмеялась она, обнимая меня.

Рыцари достигали дворца и расходились каждый в свою сторону. Лита в нетерпении переступала с ноги на ногу и тёрла ладони друг о друга.

— Скорее бы! Ух, как хочется, чтобы мой балбес среди героев был. Ан нет, шут гороховый из него куда лучший, чем воин.

— Уметь веселить тоже важно, особенно когда жизнь мрачна и безрадостна, — утешала я её, во все глаза разглядывая проходящих рыцарей.

Изменился ли Микаш до неузнаваемости? А может его тут и вовсе нет. А может... Я задышала глубоко, пытаясь отогнать нарастающую в груди панику. Показался хвост колонны, Лита закричала:

— Маркеллино, я здесь!

От строя отделился невысокий худой сальваниец с задорными смольными вихрами на голове. На устах играла шаловливая улыбка, глаза горели озорством, за спиной лютня. Ну точно шут!

Он подбежал к Лите и крепко обнял её.

— Хранила ли ты мне верность, коварная Далила? Узнаю чужой запах — пронзит мне сердце лихо! — говорил он стихами, а Лита звонко смеялась.

— Хватит дурачиться! Лучше скажи, денег на свадьбу достал?

Он замялся:

— Разве любовь измеряется деньгами?

— Зато жить с ними куда проще! — осадила его Лита.

Колонна простых рыцарей закончилась. Дальше шли высокородные, удостоенные особых почестей. Для них целое представление устроили. Герольды выкрикивали имена командиров и припоминали их заслуги. Зрители воодушевлённо хлопали и свистели.

— Его нет, — похоронно произнесла я и обомлела.

— Спроси у него, он всё про всех знает, — Лита подтолкнула ко мне своего жениха.

— М-может вы слышали? — А вдруг ответ мне не понравится? — Он безземельный. Микаш Остенский. Высокий такой, волосы соломенные, не очень разговорчивый.

Маркеллино задумался, разглядывая меня с ног до головы, а потом хлопнул себя по лбу:

— Микаш, командир Соек. А ты, должно быть, прекрасная принцесса Лайсве?

— Принцесса? — рассмеялась Лита.

Я вспыхнула. Некоторые вещи никогда не меняются!

— Жив-жив твой герой. В конце с отличившимися будет.

Сердце ёкнуло. Командир! Отличившийся! Я всегда знала, что если Микашу дадут шанс, он достигнет небывалых высот.

Колонны войск тянулись так медленно, что я пританцовывала от нетерпения, несколько раз обозналась и порывалась бежать к незнакомцам. Голоса стихли, зрители затаили

дыхание. Под бой барабанов на площади показались герои. Толпа взрывалась приветственными криками, ликовала и чувствовала победителей. Родители поднимали детей на руки над оградами, чтобы малыши вручили цветы проходящим мимо героям.

Микаш был там, среди них. Действительно, изменился: гладковыбритый и ровно подстриженный, в такой же парадной форме, как и остальные. Спину держал горделиво прямо, возвышаясь над всеми, маршировал в ногу, тянул носки начищенных до блеска чёрных сапог с серебряными пряжками. От товарищей отличался разве что затаённой угрюмостью в направленном строго вперёд, сосредоточенном взгляде.

Прошёл мимо и даже не заметил. Я сжалась, смотря ему вслед.

— Беги же к нему! — толкнул меня в спину Маркеллино. — Он ждёт, он только о тебе и говорил всю дорогу назад!

И правда, так хочется. А почему нет? Поцелуй признательности, древняя традиция — и ничего больше! Я побежала. Люди расступались передо мной, словно чувствовали мою решимость.

— Микаш! — позвала я дрожащим голосом. Они приближались ко дворцу. — Микаш! — так громко, словно желая разорвать горло, только бы он услышал.

Конечно, мы могли встретиться в его комнате, но...

— Микаш!

Я бежала мимо оборачивающихся замыкающих, мимо сердитых старых капитанов. Кружились в воздухе белые лепестки и оседали на волосах и плечах. Пышные юбки путались вокруг ног, золотые сандалии скользили на ступнях, цветочная сладость заполняла грудь.

Его спина так близко. Шагавшие рядом товарищи что-то говорили, посмеивались. Он молчал.

— Микаш!

Услышал! Оборачивался так медленно, как ветхая дверь нехотя отворяется на закарелых петлях. Ничего в жизни ещё так мучительно медленно не происходило. Я всё бежала и никак не могла добраться. Несколько размашистых шагов — его, не моих, я так быстро не умею. Он подхватил меня на руки и закружил, а вокруг вился подхваченный ветром вихрь лепестков, шуршал шёлк платья, кутая нас в белые облака. Я видела только его мглистые глаза, слышала только стук его сердца, чувствовала только его крепкие объятия. И целовала его твёрдые губы до иступления! Или целовал он? С такой хищной страстью, что и вздохнуть не удавалось. Нектар любви — и воздух, и вода — вся жизнь в нём одном!

Оторвавшись, только чтобы отдышаться, я вдруг поняла, что вся площадь замерла и смотрит на нас. Раздались хлопки, задорные крики:

— Почёт победителю! Пускай любовь будет слаще мёда!

Выходили к героям и другие девушки, целовали понравившихся. И мало-мало было скромных поцелуев в щёку.

— Т-ты пришла, — выдавил из себя Микаш.

— А ты герой! — смеясь, ответила я. Висела на его плечах, не касаясь ногами мостовой. Все продолжали смотреть только на нас. Мешали, как же они мешали! — Уйдём отсюда?

— Да!

Микаш споро нырнул в тенистую боковую аллею, так и не поставив меня на ноги.

— Если ты позволишь мне идти самой, будет намного быстрее.

Он аккуратно опустил меня на землю. Я взяла его за руку и потянула за собой вдоль живых изгородей дворцового парка. Успела изучить Верхний город, так что самый короткий

и безлюдный путь отыскала без труда. Микаш молчал, глаза бегали по сторонам, а ладонь не выпускала мою.

— Почему ты здесь? — вяло спросил он, когда мы уже почти пришли.

— Я же обещала тебя встретить. — Он отдалился, стал чужим. Удастся ли всё вернуть? Хочет ли он? — Я отыскала Духа огненного. Он сразу меня узнал и принял. Доктор Пареда очень хороший!

— Лучше меня? — почти безразлично поинтересовался он.

— Нет, он мой наставник, а ты мой ревнивый мануш.

— Кто?

— Это я представление в театре недавно смотрела. Там мануш-Сумеречник, герой многих сражений с демонами, задушил свою красавицу-жену из ревности.

— Я бы не никогда... — бубнил он себе под нос, когда мы были уже на пороге дома.

— Не воспринимай всё так всерьёз, — я убрала его выбившуюся из пука на затылке прядь за ухо.

Он потупился. Мы остановились у стола консьержа. Тот удивлённо вытаращился на Микаша. Пришлось напомнить, что хозяин комнаты он, а не я.

— Где твои вещи? — спросила я, отпирая дверь на втором этаже. — Где Беркут? Жив ещё?

— Мой оруженосец Варден должен принести. Я оставил адрес. Не на парад же с ними идти. А Беркут живее всех живых, никакой демон эту скотину не возьмёт.

Я усмехнулась. Небось, трясся там над ним, как над сокровищем, грудью прикрывал.

Я пропустила Микаша внутрь и захлопнула дверь.

— Ты обжила комнату? — спросил он, вертя головой по сторонам.

Я вымела пыль, убрала паутину, вымыла пол. На стенах появились крючки для одежды и полки с аккуратно расставленными вещами, хоть их было не так много. Письменный стол укрывала связанная мной салфетка, на ней — глиняная вазочка, на стульях и кровати появились маленькие подушки с моей вышивкой. Уютно должно быть, по-домашнему, а не так, будто здесь никто не жил и не ждал его возвращения. Хотя немного по-девчачьи. Наверное, слишком нагло с моей стороны.

— Я могу всё убрать.

— Нет! Просто не стоило...

Его взгляд задержался на сидевшей на полке кукле. Я сшила для неё красный сарафан, а игольчатые волосы заменила на жёлтые нитки. Вышло потешно.

— Мне было приятно.

Разговор не клеился. Разлука проложила между нами непреодолимую пропасть.

— Я тебе разонравилась? Скажи — я уйду и не стану тебе докучать. — Голос предательски дрогнул. Я отвернулась, пытаюсь отдышаться.

— Прости, я просто... — его тёплые руки легли мне на талию.

Микаш замолчал. Дыхание опаляло макушку, терпкий мужской запах обволакивал, голова кружилась, как в хмелю, по телу прокатывались волны мелкой дрожи.

— Вот, подарок.

Я повернулась, и он вручил мне резную деревянную шкатулку. Внутри лежало роскошное ожерелье: крупный жемчуг, чистый, с перламутровым блеском.

— Ты спятил? Оно же стоит безумных денег. Мне не с чем его надеть!

— Тогда я его выброшу! — Микаш вырвал у меня шкатулку и собирался швырнуть её на

пол.

— Погоди! Перестань! — я забрала её и отставила подальше на стол. Микаш хмурился и прятал взгляд. Я поцеловала его выдубленное на ветру лицо. Он терпел. Или наслаждался — я никак не могла понять. — Оно очень красивое. Ты... — Пропасть отчуждения нужно было преодолеть прыжком веры, но мешал страх, хотя до этого я бросалась и в более глубокие бездны, не задумываясь. — Не хочешь помыться? Тут бани недалеко. Могу договориться, чтобы тебе подогрели воду.

— Нет, — выдохнул Микаш. — Перед парадом мы мылись, чтобы вступить в город чистыми.

— Тогда, может, поешь? Хорошая корчма совсем рядом, — я засуетилась, размахивая руками.

Он перехватил мои ладони своими, продолжая смотреть.

— Я не голоден.

— Ну тогда... — я указала глазами на кровать.

Верхняя губа, подрагивая, приподнялась, чуть-чуть обнажив зубы. Я не расслышала его слов, но в следующий миг оказалась в его объятиях. Жадные до ласк ладони щупали через тонкий шёлк платья. Я льнула к нему, обвивала руками плечи, целовала шею и подбородок. Микаш суматошно расстёгивал булавки у меня на спине.

— Аккуратно, платье дорогое! — смеясь, предупредила я. Ещё бы чуть-чуть, и ткань треснула.

Микаш отошёл на шаг и окинул с головы до ног придирчивым взглядом, не оставляя без внимания ни пяди моего тела.

— Повернись, — велел он. Я послушалась, борясь с тревогой.

Он подошёл и убрал волосы с моих плеч.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь запомнить. На это раз всё, каждую мелкую чёрточку. Ты такая красивая! Жаль, что я не знаю слов, чтобы описать.

Мы едва добрались до кровати. После жарких ласк Микаш приткнулся ко мне боком и, натянув на нас обоих одеяло, уснул. Я сняла с его волос тесёмку, которая удерживала их в пучке на затылке. Они тут же рассыпались непослушной копной соломы.

Так страшно. Мгновение, и он уйдёт, как уходили все из моей жизни.

Я хотела прижаться поближе к нему, но нечаянно разбудила. Микаш перевернулся на спину и уложил меня к себе на грудь.

— Прости, — прошептала я.

Он приоткрыл глаза и разглядывал меня сквозь маленькие щёлки. Я боялась с ним заговорить, потревожить или надоест. По щеке скатилась одинокая слеза и капнула ему на грудь.

— Не плачь, принцесса. Я сделал тебе больно?

— Нет. Лютнист Маркеллино сказал, что ты вспоминал обо мне... — попыталась отговориться я.

— Сглупил, — отвечал он, растягивая неловкие паузы. — Эти высокородные командиры потащили меня в дом увеселений...

Я взвилась и занесла руку для пощёчины. Он распахнул глаза и не моргал, смиренно ожидая своей участи. Ну как его такого ударить? И больно внутри, всё жжёт и переворачивается, аж дышать трудно.

— Надеюсь, ты не заразил меня никакой дрянью, — я попыталась встать. Надо помыться, чем быстрее, тем лучше, и не показывать, как слёзы текут уже в два ручья.

— Стой! — он обхватил меня за талию и притянул обратно. Куда мне против такой силищи! — Я всё-таки сделал больно, да? Не беспокойся, ты ничем не заразишься, потому что я ни с кем не спал.

— Вот и хорошо, — я попыталась вырваться, но он держал стальной хваткой. — Тебе не нужно. Если... если ты будешь возвращаться чистым, я восполню тебе всё. Я нашла книжку, тут про близость всякое... Как сделать лучше, разнообразнее, вот, — он всё же меня отпустил. Я взяла с тумбы книгу и показала рисунки.

— Занятно, но человеческие тела так не гнутся, — усмехнулся он.

— Меня как раз учат гнуться, могу показать. Это и в битвах поможет, более раскованные движения, — он продолжал смеяться, и я понурилась.

Он забрал у меня книгу и оставил на тумбе, а меня снова притянул к себе. Я затихла, уткнувшись носом в его ключицу.

— Я обещал хранить тебе верность, и я это сделаю. То, что у нас есть, самое прекрасное, и я не хочу разменивать его на мелочи, марать грязью или поливать твоими слезами. Я всегда буду любить только тебя, и тебе необязательно мне угождать. Я буду с тобой до тех пор, пока ты сама меня не прогонишь.

Я подтянулась на руках и поцеловала его в губы.

— У тебя так здорово получается. Где ты научился?

— Я просто очень долго мечтал... оказаться на месте Йордена во время твоей помолвки. Смог бы я завоевать уважение твоего отца и твои симпатии?

Немного боязно отражаться в этих мглистых глазах во всей уязвимой наготы, будто мы уже одно, живём одной мыслью, одной радостью, одной болью.

— Правду?

Он кивнул.

— Мой отец очень сложный человек. — Если быть до конца откровенной, отец любого моего жениха счёл бы недостойным, даже если бы бедолага оказался королевских кровей. Родительская ревность — жуткая штука. — А я... мне надо было дорасти, пройти через всё это, понять себя и узнать тебя, — я выводила пальцами узоры на груди Микаша. Он недовольно жевал губами, явно надумывая себе что-то совершенно не то. — Но мне бы польстило внимание прославленного Сумеречника. Такой ответ тебя устроит?

— Пока ты меня не прогонишь, — прошептал он, натягивая на нас одеяло.

Я поцеловала его в угол челюсти и покорно затихла. Сон накатил сам.

Утром я проснулась от поцелуев на своей груди. Кажется, кто-то решил отомстить за то, что я не давала ему спать ночью. Разморённая нега мешала шевелиться.

— Ненасытный, — усмехнулась я сквозь зевоту и откинула одеяло с его головы.

Микаш подтянулся на руках и обиженно надул губы.

— Спозаранку пристаёт, а шуток не понимает.

Я обхватила его за плечи и принялась целовать. Через полчаса я уже одевалась. Благо, в сундуке была припрятана менее приметная одежда, чем платье с парада.

— Куда? — спросил Микаш, свесив с кровати голову и отбросив наполовину одеяло. — Полежи ещё!

— Не-а, так я никогда из постели не выберусь.

Разглядывая себя в зеркало, я расправляла складки на повседневном голубом платье.

— А я бы оставался в ней на веки вечные, — он растянулся на простыне, как разомлевший кот на нагретой летним солнцем мостовой. Разве что не мурлыкал.

— Мне надо в лабораторию, а то доктор Пареда будет волноваться. Может, отпрошусь у него на пару дней, как думаешь?

Он тяжело вздохнул, словно я возвращала его с небес на землю, а ему так не хотелось.

— Встретимся вечером в корчме, — я наклонилась и поцеловала его в губы. — Не скучай!

Его пальцы скользнули по моему лицу. Нестерпимо хотелось остаться навсегда, но заботы звали в дневной мир.

В лабораторию я пришла уже ближе к обеду, прокралась по коридору и выглянула из-за двери. Все собрались в гостиной и что-то оживлённо обсуждали. Жерард ходил из угла в угол, озадаченно заложив руки за спину, остальные сидели на диване и поставленных рядом стульях.

— В Университете каникулы. Все отдыхают, все! Даже книжники-исследователи и то на побережье Норикки подались, — говорил Сезар, как старший и, по мнению всех работников, смелый. Его всегда отправляли договариваться с Жерардом. В крайнем случае просили меня мило поулыбаться — считали, что у Жерарда ко мне особое отношение.

Клемент, Люцио и Шандор дружно кивали, близнецы Кнут и Кьел безучастно отмалчивались, Густаво терпеливо дожидался решения старших.

— Да! У меня от этой бесконечной учёбы скоро крыша поедет! — заныла Торми. — Не могу больше: цифры и руны уже по ночам снятся. Тошнит!

— Я бы сказал, отчего тебя тошнит, но промолчу, — зарычал на неё Жерард.

— Пожалуйста! — подала голос робкая Джурия. — Моя семья из Мелькасси, которую только что заняли единоверцы, помните? Они собирались уезжать на север, но успели ли, не знаю. Вестей нет. Я от беспокойства даже думать ни о чём не могу, тем более учиться!

Жерард замер, тяжело вздохнул и осмотрел смурные лица присутствующих.

— У нас осталось всего пятнадцать лет до конца света! Война уже у ворот, а сдвигов практически не было. Неужели здесь только я общее благо ставлю выше личных нужд?

— Всем нужна передышка, чтобы потом взяться за дело с новыми силами. Так получится быстрее и лучше, вот увидите! — сказала я, выходя на свет.

— И ты, горлица? — сокрушенно покачал головой Жерард, поворачиваясь ко мне. — Ладно, один против всех я не выстою. Отдыхайте, раз так нужно. Но в первый день осени чтобы все готовы были продолжить, и никакого нытья, слышите? — он выразительно посмотрел на сияющую Торми, махнул рукой и снова обернулся ко мне: — На пару слов?

Я последовала за ним в его кабинет, в то время как остальные шумно поздравляли друг друга с удавшимся делом.

— Где пропадала? — спросил Жерард, хлопнув за мной дверь.

— С другом. Праздновали его возвращение, — честно призналась я.

— Вчерашний герой-командир с парада? Тот самый таинственный Микаш, я правильно понимаю? — я кивнула, удивляясь его интересу. — Однако Гэвин взялся за него не на шутку.

— О чём вы?

— Об этом полгорода шепчется. Взял себе под крыло безземельного мальчишку и хочет из него народного героя сделать. Эдакого идола, живое доказательство, что доблесть и честь для ордена важнее происхождения и золота. Косточка для бедноты. Знали бы они, что он не безземельный, а бастард непонятного роду-племени...

— Но вы ведь не скажете!

— Чтобы Гэвин меня в порошок стёр? Это он только с виду добрый, а врагами расправляется по щелчку пальцев.

Я сглотнула ставший в горле ком.

— Ладно, беги к своему другу. Вчера вся дворцовая площадь из-за вас чуть с ума не сошла. Будто сказка в жизнь воплотилась. Барды уже всю баллады слагают.

Лицо словно кипятком обварило. Почему мы вдруг всем стали так важны?

— Только не заигрывайся, и лучше скажи ему правду. Помни, в первый день осени я жду тебя здесь.

— Спасибо! — я обняла его и поцеловала в щёку. — И вы отдохните. Проводите побольше времени с дочкой, ей это нужно.

— Отдохну... на Тихом берегу, — горько рассмеялся он, усаживаясь за заваленный бумагами стол. — Ступай же!

Вечерело, хотя от духоты это спасало мало. Микаш задерживался. Я вошла в большую корчму со свежеевыкрашенной вывеской «Учёный лис» одна. Здесь столовался почти весь Университетский городок и незнатные рыцари в придачу. Пахло копчёностями, пряностями и элем. Посетителей собралось мало: рано ещё, к тому же многие разъехались на каникулы. Я без труда нашла свободный столик и подозвала одетого в белый передник подавальщика. Готовили здесь медленно, чтобы посетители подольше потягивали эль или вино за беседой, пока не принесут дымящиеся блюда с жаровни или печи. Про Микаша я знала одно: он терпеть не мог ожидание и готов был есть всё сырым, поэтому заказать ужин стоило загодя.

Я разглядывала посетителей и прислушивалась к разговорам, привыкла и чувствовала себя непринуждённо в толпе, в задорных и крепких на словцо разговорах студиязусов, в плавных и раздумчивых речах мэтров, в отрывистых и бойких фразах рыцарей, растворялась в них, проживая более интересные жизни, чем моя. В этом была особая прелесть.

Я настолько увлеклась, что не заметила, как Микаш плюхнулся на стул напротив.

— Извини, что задержался. Торчал до закрытия в оружейной лавке, договаривался с кузнецом, — затараторил он с горящими от воодушевления глазами.

Одежда на нём была походная: заношенная серая рубаха, чёрные штаны и жилетка нараспашку, на ногах сбитые сапоги. Вид, конечно, не чета вчерашнему в парадной форме. Надо бы с этим что-нибудь сделать. Никаких больше медведей и грязных простолюдинов!

На стол поставили тушёный бараний окорок с ягодным соусом и тарелку пряного лукового супа для меня.

— Заказал обмундирование. Купить готовое можно только по мелочи. Может, к следующему походу сделают, а может и вовсе год ждать придётся. Хотя бы ковка тут хорошая, железо качественное, такое редко встретишь, — об оружии Микаш мог говорить часами без перерыва, а обо всём остальном отмалчивался.

Он отщипывал от окорока куски руками и закладывал их в рот. Подбородок лоснился от жира, а соседи недобро косились и перешёптывались.

Я встала и, зайдя к нему за спину, вложила в его руки нож и вилку. Зашептала на ухо:

— Попробуй, я помогу.

Микаш повернул голову в сторону соседей, напрягся и ссутулился.

— Это неудобно и медленно, — пробормотал он и попытался отложить приборы, но я не позволила.

— Пожалуйста, ради меня, — я коснулась губами его щеки, чтобы отвлечь. Его ладони

смягчились, и я взяла их в свои. Мы порезали мясо и поднесли ко рту Микаша наколотый на вилку кусок. — Не смотри ни на кого, их мнение ничего не значит. Важны только ты и я.

Он покорно открыл рот, жевал медленно, сглотнул с трудом. Я проделывала с ним это ещё раз и ещё, только потом села обратно. Микаш отложил приборы и отвернулся.

— Может, стоило поесть дома? — хотелось сделать как лучше, а вышло как всегда!

Он не отвечал. Еда остыла, а аппетит пропал напрочь, как улетучилось наше приподнятое настроение.

— Расскажи, как там было? — попросила я.

— Обычно. Ничего интересного, — сухо пробормотал Микаш в сторону.

Он покрутил в руках нож с вилкой, пытаясь приспособиться, и принялся резать мясо с целительской аккуратностью. Высокий лоб наморщился, губы сжались в тонкую полоску. Когда жирный кусок скользил по тарелке, Микаш закрывал глаза и делал глубокие вдохи, пытаясь успокоиться. Отрезав кусок, он снова без аппетита жевал и сглатывал, будто еда не лезла в горло.

— Судя по количеству павших воинов и шрамам на твоих плечах, там были вторые Тролльи войны, — я поставила локти на стол и оперла подбородок на ладони.

Микаш отложил приборы и почесал плечо.

— По глупости поранился, заодно осознал бездну своей ничтожности.

— Но награду же тебе за что-то дали? — отвлекала его я, когда он снова взялся пилить свой кусок мяса.

— Мастер Гэвин постарался. Хочет сделать из меня маршала, чудак. Какой из меня маршал? Даже командир звена и тот никудышный.

Кусок мяса качнулся и чуть не выскочил с тарелки. Микаш едва успел поймать его у самого края. Сзади раздался смех. Микаш отложил еду и уставился перед собой.

— Такой уж никудышный? — я пихнула его ладонью.

Удостоившись его взгляда, я взяла тарелку в руки и принялась пить из неё суп. Он оставлял на губах усы и едва не переливался на подбородок. Микаш вымучено улыбнулся и взялся за окорок как раньше руками.

Насвинячившись вдоволь и глядя на чумазые лица друг друга, мы вдруг засмеялись, забыв об окружающих.

— Расскажи! — настояла я, когда недовольный подавальщик принёс нам миску с водой и полотенца. — Я тут совсем тупею, а так хоть представлю себя на твоём месте. Можешь даже прихвастнуть. Подвиги великого Микаша!

Он сдался, размякнув от вина с пряностями. Говорил скованно и зажато, будто стеснялся, но постепенно раскрывался всё больше. Я слушала его басовитый грудной голос с упоением. Там и впрямь было жарко. Большие сражения не чета детским забавам во время испытаний. К тому же управлять людьми задача не из простых, особенно когда все принимают тебя за другого.

— Ты же сам всего добился. Перестань сомневаться в себе! — не выдержала я под конец.

— Только если ты перестанешь считать себя некрасивой, — он протянул ладонь, и я переплела с ним пальцы. Вдвоём против всего мира. Всегда!

Перед самым закрытием нас выпроводил подавальщик, даже не пожелав: «Заходите ещё» Неучтиво! Посуду же мы не били и мебель не ломали, хотя здесь, пожалуй, это бы больше поняли.

Дома у Микаша я переоделась в белую камизу до середины икр, в которой спала жаркими летними ночами. Принесла её сюда вместе с другими вещами первой необходимости.

Догорала свеча, отбрасывая на стены блики. Кисло пахли свежие чернила. Поскрипывало по бумаге перо, выводя тонкие очертания рун. Я сидела за столом и записывала всё, о чём мне поведал Микаш.

— Хочешь и обо мне своим потомкам рассказать? — усмехнулся над ухом Микаш.

— С потомками заминка вышла. Поганец Вей жениться отказался и сбежал от отца в Стольный, — я погладила пальцы, лежавшие на моём плече.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Микаш себе под нос, но я всё равно расслышала.

Ну да, мой братец шалопай знатный, но я его простила, а вот Микаш явно нет. Я даже не знала, что между ними произошло.

— Связался бы он с какой высокородной, тогда бы его заставили остепениться, но он от них как от чумных шарахается. Боюсь, наш род прервётся после нас.

— Если ты захочешь, у тебя будет всё: и дом, и муж, и даже потомки. — Микаш поцеловал меня в макушку.

— Из меня бы не вышло жены. Моя судьба — возродить Безликого, — ответила я, посыпая исписанный лист песком, чтобы чернила высохли быстрее.

— А ты пожелай! — Микаш подхватил меня на руки и потянул к кровати.

— Ты с ума сошёл?! — брыкалась я.

— Спать! Приказы командиров не обсуждаются!

Он повалил меня на перину и принялся стягивать с себя штаны и верхнюю рубашу одной рукой. Голова застряла. Я, смеясь, помогала ему выбраться.

— Я такой нелепый?

— Ты самый лучший!

Микаш улёгся рядом, прижался к моей спине и обнял за плечи. Тёплое дыхание и мерный стук сердца убаюкали очень быстро. Я улыбалась даже во сне.

Глава 14. Приём во дворце Сумеречников

Проснулась я поздно. Повернулась к Микашу. Он лежал с открытыми глазами, а падающие из окна солнечные блики блуждали по его безмятежному лицу, лаская тёплыми поцелуями.

— Почему не разбудил? — голос противно хрипел со сна.

— Не хотелось, чтобы ты снова сбежала.

— Бежать-то некуда. Мы вдвоём против целого мира. Но это лучше, чем одной.

Я прижалась губами к его шее, поддевая носом кожу, Микаш довольно заурчал, поглаживая мою спину.

В дверь постучали.

— К демонам их! — отмахнулся Микаш, когда я отстранилась.

— Это что-то важное. Открой!

Он фыркнул, встал и принялся натягивать штаны. Стук продолжался. Я спряталась под одеялом, чтобы не задавали неудобных вопросов. Микаш открыл.

— Чего тебе, Варден, не спится в такую рань?

— Уже полдень, мастер, — заметил звонкий юношеский голос. Микаш громко зевнул. — Вам послание из Совета.

Зашелестели бумаги. Послышалось вежливое прощание и суетливые шаги. Дверь со скрипом затворилась.

— Что там? — спросила я, выглянув из-под одеяла.

Микаш повёл плечами, взял со стола ножик, сломал сургучную печать на письме и развернул его. Глаза пробежали по строкам, между бровей залегла тревожная морщинка.

— Приглашают на приём во Дворец в честь нашей победы. Через неделю. Надо придумать вежливый отказ, — он сел за стол и взялся за перо.

— Нет, это важно! — я подскочила с кровати, подошла к нему и обняла сзади. — Мой отец тоже терпеть не мог пышные пиры, но орден вынуждал их устраивать хотя бы изредка. Это важная традиция. Если ты её не почтишь, то впадёшь в немилость.

Микаш замотал головой:

— Я только в походе могу притворяться, а во дворце все поймут, что я подделка. Ни есть, ни танцевать, ни говорить не умею.

— Ты подделка гораздо меньшая, чем они все вместе взятые, — я заставила его повернуться ко мне лицом. — Говоришь ты лучше многих, а есть и танцевать я научу. У Йордена получалось гораздо хуже, он просто вёл себя нагло и самоуверенно. Постарайся ради меня!

Микаш пристально вглядывался в мои глаза, словно искал там ответы. Протянул руки и провёл по моим щекам большими пальцами, улыбаясь таинственно-печально.

— Как пожелаешь. Ты ведь желаешь?

— Да! — я бросилась надевать платье, пока он не передумал. — Надо бежать к портному. А позавтракаем потом, да? Вместе мы всё одолеем!

Микаш взирал на мою суету отстранённо. Лишь после долгой паузы выдавил:

— Да-да, — и тоже оделся.

Лавки портного и сапожника на главной площади совмещались в пристроенных друг к

другу домах с общей стеной. Можно было пошить костюм и тут же подобрать к нему туфли. Цену за большой заказ уступали куда охотнее.

В продолговатом помещении с высокими окнами на стенах повсюду висели рулоны тканей, образцы лежали на длинных столах, в середине комнаты стояли приземистые лавки для снятия мерок. В глиняных лампах на свечном огне подогревалось сандаловое масло, источая нежнейший аромат.

Портной показывал мне эскизы костюмов на бумаге. В моду входили несуразно широкие штаны до середины бедра, туго набитые ватой, как два шара, с оборками внизу. Их носили с разноцветными чулками и коротким, очень узким камзолом, самые популярные цвета — голубой, золотой и малиновый.

Микаш развалился в кресле и разглядывал потолок. Ему, быть может, и пошло с его-то высокой стройной фигурой и длинными прямыми ногами, но он бы явно не понял такой экстравагантности. Чего доброго откажется, а то и вовсе обидится.

— Нам бы что-нибудь более строгое и скромное. Он только-только назначение получил. Сорить деньгами не по чину, — объяснила я портному.

Тот понимающе кивнул и показал более дешёвую одежду. Мне понравился строгий костюм прямого кроя из тёмно-коричневого сукна со светлыми застёжками и тонкой вышивкой на воротнике и манжетах. Микаш кивнул и терпеливо ждал, пока портной снимал мерки и подбирал, какой оттенок подойдёт к смуглому и выдубленному на ветру лицу.

— Тебе тоже нужен наряд на приём, — подал голос Микаш. — Я не пойду без тебя.

Нехороший блеск в его глазах говорил, что он настроен решительно. Сложил руки на груди и отвернулся. Спорить бесполезно.

— Ладно, но с условием. Ты будешь со мной танцевать.

Он улыбнулся и кивнул.

Ещё час мы подбирали одежду для меня. К сожалению, на платье из тонкого муслина, похожее на то, в котором я встречала парад Победителей, денег не хватило.

— Другая ткань к вашему утончённому личику и воздушной фигуре будет кощунством! — посетовал портной.

Я вздрогнула и прижала палец к губам, скосив глаза на Микаша. Он безучастно ждал в кресле. Хорошо, что ничего не слышал, иначе бы снова распереживался из-за пустяка. Мы сошлись на менее дорогой льняной ткани.

— Сделаю из этой жалкой тряпки самое лучшее платье, какое только смогу! — с жаром заверил портной.

Похоже, я его очаровала. Удивительно!

Когда мы вышли из лавки, Микаш вручил мне свой увесистый кошель.

— Зачем? — нахмурилась я.

Он пожал плечами:

— Я не умею их тратить.

Почему я чувствую себя его сварливой жёнушкой, когда мы даже обручальными браслетами не обменивались?

Подкрепились в знакомой забегаловке: на улице прямо с круглой печи подавали горячие блинчики с мясом, капустой, грибами или сладкие с вареньем.

Вернувшись домой, я разметила мелом на полу стрелки. Показывала сложные па, скрестные шаги, повороты и реверансы, усложняя всё то, чем учила раньше у шамана Хорхора и на свадьбе туатов. Микаш сносил всё стоически. В его голове явно бродили

шальные мыслишки, но узнать ничего не получалось.

— Музыка нет, но ты слушай ритм своего сердца и двигайся в такт, — советовала я. Его объятия стали слишком крепкими и властными, разум предавал меня, делая коленки тряпичными. — Не так близко. Для высшего общества вся близость за закрытыми дверями спальни, а на людях нужно держаться на расстоянии вытянутой руки.

Микаш отстранился и улыбнулся так, что на щеках прорезались шаловливые ямочки, но глаза остались пугающе печальным.

Танцевать получалось всё лучше, как только Микаш перестал зажиматься и волноваться, не смотрел всё время под ноги, путаясь в них и запинаясь, а уверенно вёл и кружил меня. Столько страсти в нём чувствовалось, что нельзя было не подчиниться, даже когда танец превращался в его импровизацию, а то и вовсе заканчивался в постели.

С едой выходило хуже. Мы приносили ужин из корчмы домой. Микаш часами чах над ним, путался в приборах, забывал, как их держать. Еда скользила по тарелке, убегала от вилки, высыпалась через край, мясо не хотело пилиться. Микаш не бил посуду, просто становился всё мрачнее и молчаливей. Особенно плохо выходило, когда он садился за стол голодный и торопился.

В очередной раз потерпев поражение в сражении с бараньими рёбрышками, Микаш сложил приборы возле тарелки, поставил локти на стол и закрыл лицо ладонями.

— Хочешь бросить? — спросила я, положив руку ему на плечо. Если откажется, то я не буду настаивать. Не стоит оно таких мучений.

— Нет, — он поднял голову, его голос звучал глухо и отчуждённо. — Ты права, я должен туда пойти и пересилить свой страх.

— Тогда, может, наешься до приёма?

— Так будет лучше, — безучастно ответил он.

— Раз ты такой молодец, давай поскорее ляжем спать. Завтра рано утром для тебя будет сюрприз, — я поцеловала его в макушку и забрала злосчастные приборы, чтобы он смог нормально поесть.

Утром мы отправились в купальню. От дома Микаша до длинного, облицованного лазурной мозаикой, здания с маленькими круглыми окошками, было рукой подать. Я договорилась со служащими заранее. Для нас приготовили большую кабинку, закрытую со всех сторон досчатыми перегородками. Внутри её заполнил густой пар, поднимавшийся от круглого деревянного чана. Люцио свёл меня с артелью целителей, которые делали лучшие снадобья в городе. Я вылила в воду купленный у них расслабляющий настой. Пахло терпким можжевельником, горькой полынью и сладкой липой.

— Раздевайся! — я подмигнула Микашу.

Он покорно снял жилетку и рубаху, перекинул их через перегородку, завозился с завязками на штанах. В мокрой дымке накаченное тело выглядело ещё более соблазнительным, манило прикоснуться, почувствовать под пальцами бороздки шрамов и твёрдые мускулы. Я глотнула ртом мокрый воздух, смягчая пересохшее горло. Микаш плавно опустил в чан, стараясь не выплеснуть воду и не обрызгать меня. Я тоже сняла верхнюю одежду и осталась в одной камизе. Микаш задумчиво наблюдал, как я доставала из корзины туески с мазями и фиалы с маслами. Он восторженно наблюдал, только когда я закрыла ему глаза чёрной повязкой.

— Что ты задумала? — он протянул ко мне мокрые руки.

Я их поймала и приложила к щекам.

— Ты же умеешь читать по аурам в темноте.

— Без твоих мыслей для меня белый день крошечней ночи.

Как отчаянно он это сказал!

— Разве не интересней, когда девушка загадочна и полна неожиданностей?

— Это как кататься с ледяных горок. Никогда не знаешь, когда наскочишь на бугор, перевернёшься и разобьёшь голову.

— Мне твоя голова целая нужна, — я со смехом поцеловала его, щекоча языком его верхнее нёбо. Когда оторвалась, он дышал тяжело и уже не сопротивлялся. — Тебе понравится — обещаю!

Он откинулся на стенку чана. Я устроилась сзади него и принялась разминать его забившиеся мышцы на спине, под лопатками, на плечах и на шее. Шандор рассказывал, что больше всего напряжение скапливается именно там. Чувствовались жёсткие уплотнения. Вначале легко и поверхностно — разогреть, пар открывает поры. Пальцы уже сводило от натуги, дышать стало тяжело, но я не сдавалась. Твёрдые комочки смягчались и сглаживались. Микаш терпел молча, хотя порой я ощущала волну неприятных эмоций, когда задевала болезненные места. Мышцы будто натягивались струной и расслаблялись, так я понимала, что делаю всё правильно.

— Тебе нравится? — спросила я, добравшись уже до его затылка и почти закончив. — Должно стать легче, тело более подвижное, а голова светлая и ощущения такие... будто летишь.

Так чувствовала себя я после работы Шандора. Сравниться с ним вряд ли выйдет. Лишь бы не навредить.

— М-м-м, хорошо, — он еле шевелил языком. — Но не нужно мне прислуживать.

Я откупила фиал с терпким эфирным маслом розмарина и сладким лаванды, смешала их на ладони и втёрла в распаренную спину Микаша.

— Меня всю жизнь учили прислуживать мужу, и неважно, что он меня не полюбит или окажется мерзавцем. Потому я сбежала. Хотела принять мужскую долю, но не смогла. Не мужчина я. Думала, что и не женщина, но ты во мне это разбудил. Так почему теперь не принимаешь мою заботу, ведь мне так хочется тебе её отдать!

Микаш всхлипнул и снова расслабился. Я смазала рубцы на плечах мазью, чтобы смягчить.

— Я недостойн, — едва слышно выдохнул Микаш.

Я обошла чан, упёрла руки в бока и заглянула Микашу в лицо. Почему судьба наградила меня таким упрямым? Почему так тянет в груди от одного взгляда на него? Я перегнулась через бортик и впилась в жёсткие губы. Не ожидала, что Микаш потащит меня к себе и сорвёт промокшую камизу. Будет целовать и поглаживать, разбрызгивая воду из чана по плиточному полу, пока я не перестану соображать, что происходит.

Перед приёмом я навестила Торми. Наша комната принадлежала ей одной, так как Джурия уехала искать родственников, а я жила у Микаша.

— Никак им не надышишься? — усмехнулась Торми.

— Можешь сделать что-нибудь с моими волосами? — попросила я, улыбаясь.

Денег на парикмахера не осталось, а Торми умела выглядеть если не роскошно, то хотя бы пристойно при совсем скудных средствах, и с удовольствием соглашалась помочь. Она приподняла мои волосы и заколола их шпильками в высокую причёску, украсив её живыми незабудками. Вышло миленько и к платью подходило.

Торми потянулась за мукой, которой заменили дорогую пудру.

— Не стоит. Твои волосы и так выглядят припудренными, а если какой шутник оболъёт водой — не опозоришься.

Мы вместе рассмеялись.

Дома я долго возилась с Микашем: расправляла его впервые надетый костюм и заплетала волосы. С отцом в Ильзаре я напрактиковалась достаточно. Нужно было стянуть всё это колючее безобразие в тугую жгут и свернуть его в пук на затылке. Церемониальная причёска Сумеречников, охотничья гельерка. Раньше считалось, что она усиливает связь с материнской стихией, но потом целители выяснили, что причёска на дар никак не влияет в отличие от мышечного напряжения, особенно в области шеи и головы. Гельерка осталась как символ принадлежности к ордену. Всем, кроме посвящённых рыцарей, запрещалась её носить.

Микаш как всегда молча терпел мои издевательства: расчёска с трудом продиралась сквозь волосы, непослушные пряди приходилось натягивать и скреплять шпильками, чтобы не разлетелись, пока я не закончила.

— Живой? — спросила я.

— Всё прекрасно! — заверил он и сжал мою ладонь.

Я заглянула ему в лицо. За окном раздался шум, и Микаш повернул голову. Яркие лучи летнего солнца осветили его резкий породистый профиль, похожий на те, что чеканили на золотых монетах. Шум стих, и Микаш снова внимательно посмотрел на меня. В его взгляде сквозила мощь горделивая величавость. Из всей молодёжи, которую я знала, он больше всего походил на высокородного статью, мастерством и характером. Чем дороже становилась его одежда и чище лицо, тем отчётливей проступали эти черты. Быть может, когда-нибудь... только я уже вряд ли буду ему нужна.

— Ты опять плачешь!

— Извини, — я смахнула слезинку ладонью прежде, чем это успел сделать он, и отвернулась. — Остался последний штрих.

Я взяла с тумбы шкатулку с жемчугом и вручила ему.

— Надень, это почётная обязанность подарившего мужчины.

Микаш обошёл меня со спины и обернул ожерелье вокруг шеи. Кожу щекотало, пока он возился с застёжкой, влажные губы прикоснулась к мочке уха.

— Ты такая красивая! Слишком... для меня... — бормотал он между поцелуями.

— Не сейчас, мы опоздаем, — я повернулась и поцеловала его в угол челюсти. — Потерпи, потом получишь сладкого столько, сколько хочешь.

Я взглянула в зеркало, в последний раз проверяя, всё ли в порядке. Портной превзошёл себя. Сделать платье таким воздушным, с высокой талией под грудь и длинной, спускающейся каскадами воланов юбкой. Складки выглядели удивительно мягкими, обтекающими фигуру, учитывая, из какой грубой ткани пришлось шить. Тонкая вышивка из вязи голубых цветков обрамляла квадратный вырез, придавая образу чарующую хрупкость. Я взяла Микаша за руку и притянула к себе, чтобы посмотреть на нас вместе. Конечно, это не сверкающие роскошью костюмы высокородных, но для едва получившего звание безземельного рыцаря главное скромность и аккуратность. А этого у нас в достатке.

Солнце уже пряталось за горизонт, не оставив даже багряного шлейфа заката. Пряно пахла летняя ночь, пела стрекотом цикад. Большой Дворец возвышался помпезной белой громадиной, похожей на торт с зелёными и позолоченными завитушками и кремовыми

розочками. Вычурный треугольный фронтон по бокам поддерживали складчатые конусы декоративных круглых башен. Зазывно горели большие окна, внизу огороженные балюстрадами, мелькали силуэты людей. Толпа к парадному входу тянулась почти от триумфальной арки, нарядно одетые гости и просто зеваки чинно переминались с ноги на ногу на центральной аллее, огороженной живыми изгородями.

— На тебя все смотрят, — шепнула я, когда мы уже подходили к широкой мраморной лестнице Дворца.

— Я нелепо выгляжу? — вяло удивился Микаш.

— Наоборот, — усмехнулась я. — Молодой Сумеречник, герой военной компании, любимец маршала и просто красавец. Все женщины в тебя влюблены, а мужчины завидуют. Смотри, какие томные взгляды бросают на тебя те дамы.

Микаш скривился:

— Пускай отвернутся!

Я прыснула в кулак.

Наверху, у окружённого колоннадой входа дежурил почётный караул в парадной форме. Нас удостоили лишь мимолётным взглядом и распахнули резные двустворчатые двери. Впереди по узким ковровым дорожкам вышагивали пары, но были и одиночки, и большие шумные компании. На задрапированных бежевым бархатом стенах горели свечи в серебряных канделябрах. Благоухали расставленные в больших напольных вазонах живые розы. С красочных фресок на полотке за посетителями наблюдали знаменитые воины и учёные мужи, из купольных переходов выглядывали шаловливые духи и мелкие божества.

Гости собирались в просторном обеденном зале за большими, расставленными вдоль стен столами. Убранство более мягкое, кремовое, фрески на потолках более мирные — танцующие нимфы и дриады вокруг бога виноделия Эльехо, щедро разливающего из бездонной бочки темно-бордовый напиток. Один из многочисленных сыновей матушки Калташ, по легенде самый буйный, порой впадающий в такое безумие, что убивает собственную свиту, но про эту его ипостась обычно предпочитают не вспоминать, особенно мужчины.

От деликатесов, сплошь заполонивших белые скатерти, поднимались аппетитные и не очень запахи. Некоторые блюда я не узнавала, некоторые: улитки, мидии, морские гребешки — вызывали дурноту одним своим видом. Я-то к этому привыкла, а каково должно быть Микашу?

Нас усадили у бокового стола между другими гостями. На деревянных табличках возле серебряных приборов было вырезано: командир Микаш Остенский и гостя. Я пихнула Микаша локтем под столом и указала глазами, но он лишь коротко повёл плечами. Переживает?

Началась трапеза, сновали слуги, убирая пустые подносы и подливая вина в кубки. Ели много и жадно, одна я отщипывала крохотные куски, хотя пробовать приходилось больше, чем хотелось, чтобы предупредить Микаша брать или не стоит.

Всё шло нормально. Мы цедили сухое вино мелкими глотками. Микаш побаивался захмелеть, а мне и вовсе не хотелось. Гости шумели, тосты гремели над столами:

— За победу! Жарко было на Огненных скалах, кипел даже камень! Супостаты ещё долго нас не забудут!

— Чтоб также единоверческую шваль гоняли! В Муспельсхейм пусть проваливают гиблый. Увидят заодно, каково это — справляться с демонами без нас!

Мы молчали. Я изучала обстановку, Микаш сосредоточился на том, чтобы не напортачить с манерами.

— Скорей бы уж наш маршал перестал гоняться за демонами. Он, чай, последний остался, кто ещё следует этой мёртвой традиции, — посетовал во всеуслышание кто-то из гостей. Микаш замер, так и не донеся вилку с кусом мяса до рта.

— Давно пора обратить все ратные силы на подавление бунта! Однако ж этот горделивый упрямец скорее удавится, чем признает свою неправоту! Ага, с его-то даром Безликого! — поддержал ещё один горлопан.

Микаш бледнел, глаза недовольно щурились, губы стягивались в тонкую полоску.

— Точно! Пускай голодранцы увидят истинную мощь ордена! Пускай земля напитается их нечестивой кровью, а вороньё пожрёт гнилую плоть! — отсалютовал ещё один.

Теперь сделалось дурно мне. Перед мысленным взором проносились жуткие картины: огонь и тьма мешались друг с другом в неистовой схватке. И рыцари, и единоверцы, и зверьё, даже демоны со всемогущими духами — все погибали, пока не оставалась одна лишь тёмная пустошь.

— Что же мы всё говорим и говорим? Давно пора передать слово нашему новоиспечённому герою, а мастер Остенский? Почтите нас хорошим тостом? — смеясь, спросил капитан Сумеречников.

Я ожидала, что Микаш ослобенеет и начнёт отнекиваться, но он поднялся из-за стола, держа перед собой кубок. Вытянул шею и распрямил плечи, давая всем возможность оценить внушительный рост и стать. Глаза горели упрямой решимостью. Я внутренне сжалась. Вот-вот кинется защищать поправленную справедливость, и выйдет скандал.

— Я поднимаю свой кубок за того, кого здесь нет, но кто достоин почестей намного больше, чем я, — заговорил Микаш ровным, но до того звучным, воодушевлённым голосом, что он разлетался над столами, заставляя гостей смолкнуть и прислушаться. Даже духи на фресках и те обратили к нему свой слух. — Его отваге и мастерству я обязан жизнью. Уверен, что и многие из присутствующих здесь тоже. Благодаря его стратегическому гению мы празднуем победу сегодня. Благодаря ему мы продолжаем быть орденом благородных Сумеречников, сражающихся против демонов за свободу и процветание всех людей Мидгарда. Почёт победителю, почёт Утреннему Всаднику, почёт маршалу Комри! Да будут его дни долгими, а силы не оставят его род!

Неловкое молчание звенело и давило на уши. Гости и рассмеяться не могли, и поддержать не жаждали. Микаш застыл с вытянутым кубком, бросая им вызов. Ну что же вы, давайте, ещё раз плюньте в своего маршала — только в себя попадёте гораздо сильнее.

— Почёт маршалу Комри! — громко, чтобы все слышали, выкрикнула я и чокнулась с кубком Микаша.

Зал заворочался, словно заржавевший механизм пришёл в движение.

— Почёт маршалу Комри! Почёт маршалу Комри! — слышалось неохотное со всех сторон, перемежающееся звоном кубков.

Микаш залпом выпил вино до дна и тяжело опустился на стул. Его холодный волчий взгляд пугал.

— С таким жаром только юные девицы по своим возлюбленным вздыхают. Я даже приревновала слегка, — пошутила, чтобы его смягчить, но вместо этого он покраснел, как рак. Пришлось принять серьёзный вид: — Маршала Комри здесь не жалуют. Слишком своенравен и независим.

— Это оттого, что он умнее их всех вместе взятых. Я видел его на военных советах и на поле брани. Без него не было бы ни этой победы, ни даже армии. Он и есть единственный подлинный Сумеречник, щит между нами и демонами.

— Утренний Всадник, наследник Безликого? — я снова усмехнулась. — Не создавай себе кумиров — разочаровываться будет очень больно.

— Да нет, я просто... неважно, — он уткнулся в тарелку, с остервенением мочал ножом жёсткую говядину с кровью, и заглатывал мелкими кусочками.

Зря я его задела.

После обеда гостей пригласили в бальный зал. Звенели хрустальными подвесками люстры и канделябры, паркет сверкал в радужных бликах, они же стелились узорами на золотисто-персиковой драпировке стен. Кружились в танце сотворения Первостихии со своими семьями на фресках на высоких сводчатых потолках. Оркестр притаился в углу: скрипки, арфы, трубы, флейты, даже громоздкий клавесин — на шумевшее изобретение круга книжников, созданное совместно с гильдией мастеров музыкальных инструментов.

Гости собирались в группки вдоль стен, переговаривались громким шёпотом. Некоторые ушли в маленькие смежные комнаты, предпочитая танцам игры в карты и кости, или освежались на балконах за гардинами из золотой парчи. Дамы в пышных платьях из бархата и атласа обмахивались большими пёстрыми веерами. Летом вечера в Эскендерии стояли душные. Стены впитывали жар солнца и источали его ещё долго после заката. Груды плотных сверкающих тканей хороши были в промозглom Ильзаре, а не здесь. Какая удача, что мой наряд более лёгкий, хоть потом пахнуть не буду.

Шумная компания молодых командиров, которых я видела на параде, бросала на Микаша призывные взгляды.

— Совсем зазнался, а герой? Даже со старыми друзьями поздороваться не хочешь? — подошёл к нам высокий светловолосый норикиец. Тёмно-зелёный костюм с золотыми запонками обшит по краям манжет, воротника и штанин золотым позументом. Точёными чертами этот высокородный напоминал моего кузена Петраса. В ярко-зелёных глазах сквозила та же наглая уверенность.

Ещё четверо командиров подтянулись следом.

— Не представишь свою гостью? — он закинул руку на плечо Микашу. Тот оскалился вымученной улыбкой и убрал руку.

— Как раз собирался. Мастер Вильгельм Холлес, — Микаш начал с говорившего. — Гаето Нивар, — несимпатичный парень в скромном сером костюме, из-за больших залысин оттопыренные уши выглядели несуразно. — Бастиан Дайон, — чересчур смазливый блондин — губки бантиком, глаза миндалевидные, как у девушки. — Ромен Рок, — неаккуратная цветастая одежда будто снята с кочевого мануша, серьга в ухе — неприлично для такого общества, но никто внимания не обращал. — Доминго Кирин, — курчавый смуглый южанин, тоже одетый скромно, но хотя бы аккуратно.

— А это Лайсве Веломри, мой добрый друг, — Микаш мягко улыбнулся. В его голосе почудилась печаль, и мне стало не по себе.

— Принцесса, да? — Вильгельм фривольно подмигнул. — Микаш много о вас рассказывал.

— Да какая она... — перебил Гаето, но Вильгельм осадил его тихим:

— Умолкни.

К нам направлялся ещё один мужчина, долговязый, педантично аккуратный, в слишком

строгом и мрачном чёрном костюме. Уже в возрасте судя по морщинам и едва заметной проседи в тёмных волосах.

— Мастер Остенский.

— Капитан Вальехиз.

Они обменялись церемониальными поклонами. Командиры затихли и потупились.

— Можно на пару слов? — вежливо попросил капитан.

— Извинишь меня? — Микаш повернулся ко мне и заглянул в глаза.

— Конечно!

— Ступай. Мы не позволим ей скучать, слово Сумеречника! — Вильгельм вклинился между нами.

Микаш ушёл, и стало совсем тревожно. Рядом с ним я всегда чувствовала себя неуязвимой, если что, он закроет грудью, разорвёт пасть врага голыми руками и позаботится, чтобы у меня была еда и тёплый ночлег. Пока его не было, я почти забыла об этом, а как вернулся — снова прирастала к нему. Не только к его защите, но ещё к ласке и доброте, которых я от чужих мужчин видела очень редко.

— Микаш назвал вас принцессой, — тронул меня за локоть Вильгельм.

— Да, он иногда так делает, — я безразлично пожала плечами.

— Но вы ведь не принцесса? — снова подал голос Гаето, правда, стал поучтивей.

— Нет конечно, я дочь лорда Веломри, хозяина замка Ильзар в Белоземье, — не задумываясь, ответила я.

— Белоземье — это где? Да и не похожи вы на дочь высокого лорда, — усомнился Гаето.

Решил, что мы с Микашем врём. До чего же мило!

— Это небольшой лесисто-болотный край между Веломовией и Кундией. Если не верите, загляните в родословные книги. Там есть мой портрет, — я повернула голову в профиль, чтобы показать, в какой позе там запечатлена.

— Мы и не думали сомневаться в вашем происхождении, — примирил нас Вильгельм. — Просто удивительно, что такая благородная госпожа сопровождает безземельного. Что ваш отец подумает?

Я снисходительно улыбнулась:

— Я уже вышла из того возраста, когда зависела от мнения отца. Микаш спас меня от демонов, когда мой высокородный жених сбежал, поджав хвост. Позже мы вместе приехали в Эскендерию и сдружились. Он честный человек и герой этой военной компании. Так почему мне должно быть стыдно?

Они замолчали и потупились. Я облегчённо выдохнула. Вроде и границы дозволенного не перешла, и осадил достаточно.

— Он вас содержит? — поинтересовался Вильгельм тихо, вкрадчиво. Захотелось вlepить ему оплеуху за нескромный вопрос.

— Нет, я работаю...

— Работаете? — снова встрял Гаето, не дав мне договорить, и похабно подмигнул. — Не у госпожи ли Жюли? Она хорошо своих девочек муштрует, а Ромен?

Командир с серьгой громко фыркнул и поднял большой палец.

Что?! Не могли же они спутать меня с наёмными компаньонками или того хуже — куртизанками?

— Я работаю в лаборатории доктора Пареды при кафедре Мистических возможностей

одарённого разума, — объяснила я, когда меня перестали перебивать. — Я одна из Норн. Вы должны были видеть нас на параде.

— Видели, — хмыкнул Вильгельм.

Остальные смотрели со скептическими ухмылками. Я отвернулась, ища глазами Микаша. Он беседовал с Вальехизом в другом конце зала. Музыка стала более оживлённой. Мужчины приглашали ожидавших у стен девушек на танцы. Мне тоже хотелось, гораздо больше, чем выслушивать хамские предположения командиров!

— Не обижайтесь. Мы должны были вас развеселить, а только расстроили, — Вильгельм коснулся моей руки, и я едва не вздрогнула. Он встал передо мной и заглянул в глаза: — Простите нас, вы ведь такая великодушная. Другую Микаш бы не полюбил, я уверен.

— Прощаю, — ответила я, стараясь оставаться любезной.

— Я вам верю. И про вашего отца, и про работу, и про подвиги Микаша.

Что ему надо? Извинился... Высокородные никогда не извиняются, даже будь они тысячу раз неправы!

— Вы так смотрите на танцующих. Хотите присоединиться? С удовольствием составлю вам компанию, — не унимался Вильгельм.

— Благодарю, но я дождусь Микаша. Я обещала ему первый танец.

Сложила руки на груди и отвернулась к гостям.

— Он, наверное, даже танцевать не умеет.

— Вы будете удивлены.

— Даже если так, что он может вам дать? Взгляните на себя, разве вы не достойны большего? Дешёвая одежда, дешёвое жильё, дешёвый мужчина портят ваше милое личико и свежую красоту. А ведь с вашим тонким вкусом и манерами вы могли бы блистать. Скажите, что вы видели, дочь белоземского лорда, кроме мрачных камней родового замка и убогой лачуги книжников?

Ох, лстец! Уже хотелось высказаться, как он снова невзначай прихватил меня за локоток:

— Слышали о театре? Эскендерские модницы очень любят эту волшебную забаву. Хотите, свожу вас на представление?

— Театр прекрасен, — согласилась я. — Сейчас мастер Одилон ставит пьесу о ревнивом мануше-Сумеречнике Я читала сценарий. Представление произведёт фурор. Думаю, уговорю Микаша сходить со мной на премьеру. За приглашение спасибо, но мастер Одилон уже пообещал оставить для нас лучшие места.

Вильгельм скривился и захлопнул рот, но быстро взял себя в руки и снова улыбнулся:

— Вы же умная девушка, должны понимать, неравные отношения ни к чему хорошему не приведут. Когда-нибудь вы захотите большего, и разочарование станет ужасным ударом. Знайте, в трудную минуту вы можете обратиться ко мне. Вы понравились мне с первого взгляда, там на ступенях дворца. Я всегда вас приму!

Я вскинула бровь, внимательно рассматривая его безукоризненную внешность и одежду. Вот-вот заведёт балладу о редком неграненом камушке, как мой кузен. Правда, до властного шарма, хитрости и велеречивости Петраса этому напыщенному хлыщу, как до Нифльхейма. А после обходительного подльца-Странника Вильгельм просто смешон.

Он взял мою ладонь и поднёс к губам:

— Сделайте милость — встретьтесь со мной наедине в более уютном месте.

Я не выдержала и копнула его эмоции чуть глубже. Не так глубоко, чтобы заметили, но и этого оказалось достаточно, ведь он защитных барьеров не выставлял. Зависть — вот что я там увидела. Сделалось жалко и смешно. Кому ты такой богатый и благополучный завидуешь? Мальчику, у которого в жизни не было ничего, кроме непрекращающейся борьбы с демонами и маленького триумфа во время военной компании? Зачем ты хочешь причинить ему боль, отобрав то, что тебе самому не нужно, а ему безумно дорого?

— Боюсь, это будет слишком смело и может вызвать кривотолки. Такому блестящему высокородному командиру, как вы, не стоит пятнать свою репутацию интрижками с беглянкой.

Он задумался, издеваюсь я над ним или всерьёз переживаю за его карьеру. По крайней мере, мой отказ был достаточно вежлив, чтобы он не оскорбился. Только оскорбления высокородного нам и не хватало. Как же утомили эти светские игры!

Я отыскала глазами Микаша и встретилась с его внимательным взглядом. В груди кольнуло, словно даже с такого расстояния была заметна его мрачная решимость. Он оставил меня наедине с командирами нарочно? Проверяет? Или в самом деле думает, что эта шваль более достойна меня, чем он?

Я поёжилась и обняла себя за плечи. Нет, не хочу об этом думать. Не хочу терять его и разочаровываться, не хочу испытывать эту боль! Если сладкий обман можно продлить хоть на пару минут, то я согласна выколоть себе глаза и лишиться рассудка ради этого!

Ко мне обернулся Вальехиз, скользнул ледяным взглядом и подтолкнул Микаша в спину.

Вильгельм встал передо мной и заглянул в лицо:

— Я же предупреждал — разочарует.

Похоже, понял, что я расстроена. Так и не научилась притворяться.

— Может, всё же потанцуем?

Он протянул руку.

Нет, пожалуй, пойду. Больше мне тут делать нечего. Я развернулась и едва не врезалась в грудь Микаша. Он вовремя меня поймал.

— Ты уже освободился? — спросила я, пытаюсь осадить горечь. Несмотря ни на что я бы хотела его удержать, пускай даже кажусь себе жалкой.

— Да, был важный разговор по поводу моего назначения, — Микаш смотрел не на меня, а на стоящего рядом Вильгельма. — Мои товарищи тебя развлекли?

— Они были очень милы, — я выдавила из себя улыбку.

Тот улыбнулся в ответ.

— Может, потанцуете? — предложил Микаш и, наконец, удостоил меня взгляда. Действительно, мрачный и решительный. Дурень!

Вильгельм снова протянул руку. Я глубоко вздохнула, повторяя все практики для внутреннего умиротворения, которым меня научили книжники.

— Ты всё ещё Сумеречник?

— Всё ещё, — Микаш напрягся, ощутив подвох.

— Слово Сумеречников твёрже камня. Ты обещал танцевать со мной.

— У него гораздо лучше получится. Попробуй — тебе понравится.

Вильгельм приблизился ко мне вплотную. Мужчины, а-а-а!

Я подошла к Микашу так, что едва не утыкалась носом в его грудь. Задрала голову и заглянула в глаза:

— Если ты отказываешься, я уйду. Не хочу тратить время зря, — встала на цыпочки и шепнула ему на ухо: — Ты бесчестный человек.

Я зашагала прочь. Глаза щипало, дышать становилось всё труднее. Нет, я сильная, я смогу это пережить, я смогу...

— погоди! — его голос раздался совсем рядом. Догнал! Он всегда меня настигает, что во сне, что наяву, даже сейчас, когда сам пожелал уйти. — Ты вьёшь из меня верёвки.

Микаш взял меня за руку и повёл в центр зала. Повезло, первый танец оказался медленным и простым: кружение парами, взявшись за руки. Его назвали танцем влюблённых: мужчины и женщины держались очень близко друг к другу. Я была слишком опустошена и отдалась во власть Микаша. Он уверенно вёл, я следовала за ним. Может, он и ошибался в шагах, но я не замечала. Его запах чуть кружил голову, обида растаяла, как дым. Не хотелось даже вспоминать, лишь бы он остался навсегда.

— Что говорил капитан Вальехиз? — спросила я в перерыве между танцами.

— Моё назначение сделали постоянным, — скрипучим голосом ответил Микаш, словно тоже не желал покидать умиротворённое безмолвие. — Приказ подписал сам Архимагистр.

— Поздравляю!

Микаш пожал плечами. Мы взялись за руки с остальными гостями для хороводного танца. Едва переведя дух, станцевали гальярду с энергичными прыжками, перешли к более степенным эстампидам и аллемандам, закончили стремительным ригодоном.

Здесь танцевали одновременно сальванийские и норикийские танцы из-за того, что город стоял на меже. Я-то знала их очень много. Учитель долго мучился с моей неуклюжестью и плохой памятью, заставляя заучивать сложные па и их комбинации. Повторял: «Труд даже из неумехи сделает светскую даму». Впрочем, сейчас мы танцевали не хуже тяжело дышащих в тугих корсетах дам и их подвыпивших кавалеров. И главное, мы веселились!

Вечер ещё был в самом разгаре: танцы продолжались, слуги разносили белое вино в серебряных кубках, за игральными столами в соседних комнатах что-то шумно обсуждали. От суеты кружилась голова и хотелось бежать на край света. Некоторые гости уже откланивались.

— Уйдём отсюда? — предложила я, как только мы отдышались после танцев, сидя на обитом золотистым бархатом диване.

Микаш поднялся и подал мне руку.

***

Вильгельм заметил в толпе Като Бральзевс, знакомую из восточной Кундии. Пышная красавица была как всегда румяная и полная страсти. Высокая грудь краем выглядывала из тугого лифа голубого с золотыми цветами платья, светлые кудри обрамляли до одурения хорошенькое личико.

Она, как и многие на этом приёме, внимательно следила за новоиспечённым командиром и его гостьей, даже привставала на цыпочки, чтобы получше разглядеть, как они удалялись из зала.

— Хорошую он куртизаночку нашёл, — Вильгельм хмыкнул над самым ухом Като, чтобы обратить на себя внимание. — Манеры, достоинство, внешность — всё при ней. А врёт как складно, играет почище актёров в театре — я почти поверил в её обиду. Похоже, маршал и здесь ему подсобил. Сам бы он вряд ли такую отыскал.

Като снисходительно улыбнулась:

— Все зубки об неё обломал, да? Я её знаю, это дочь старого лорда Артаса. Во время помолвки в Ильзаре она была невзрачной серой уточкой, а тут вдруг расцвела. Видно, любовь творит чудеса. Ясно, почему она сбежала. Герой и протеже маршала — трофей куда более знатный, чем шакалёнок из затухающего рода. К тому же он же не дурён собой.

— Пф-ф-ф! — Вильгельм закатил глаза. — Что в этой дворняге хорошего? Поговаривают, что он даже не безземельный, а безродный. Из какой только помойки маршал его достал?

— Не завидуй так явно, — усмехнулась Като и щекотнула его за подбородок. — С тобой всё равно никто не сравнится. В умении интриговать — так уж точно.

Она потянула его за руку в одну из дальних укромных комнат.

Глава 15. Жаркие ночи, знойные дни

— Куда ты меня тянешь? — встревожился Микаш.

— Секрет. Ещё один, — я загадочно улыбнулась.

Вместо того чтобы завернуть домой мимо стрельчатой парковой ограды, я повела его вдоль особняков знати на главную площадь. Повсюду горели фонарики, пламя костров вздымалось в звёздное небо, словно стремилось сжечь густую синь и достать до покинутых Небесных чертогов. Смолистый запах смешивался со сладкими ароматами южных цветов: гибискусов, лилий, пионов. Праздновали Суман, летнее солнцестояние, самый знатный фестиваль здесь на юге, сравнимый разве что с нашим северным Йолем. Играли городские музыканты на волынках, рожках, лютнях и других инструментах подешевле. Жрецы носили кругом чучела духов и мелких богов, изображали, как милосердная Калтащ делит владения между своими детьми. Рисовали огненными росчерками пирокинетики-служители бога Вулкана. Пёстрая толпа горожан водила хороводы, запевая весёлые песни. Отплясывали друг напротив друга пары в цветастых костюмах, шелестели юбки, вились по ветру яркие платки, стучали каблуки по булыжной мостовой.

— Ещё танцы? — удивился Микаш.

— Я их очень люблю! — я потянула его к хороводу.

Названия у этих танцев не было, как не было установленных движений и записанных нот у тех мелодий, что играли музыканты. Всё придумывалось и изменялось на ходу.

Вздохнулось свободней, словно спали оковы досужих взглядов. Я прижималась к Микашу, качала плечами и бёдрами, выплетая наш собственный, полный дикой страсти танец. Микаш засмеялся, подхватил меня на руки и кружил до тех пор, пока не начал оступаться.

Занимался рассвет, расцветивая небо нежной фиалковой дымкой. Музыка смолкла. Жрецы надели нам на головы короны из белых лилий и объявили королём и королевой самой короткой ночи. Пришлось поцеловаться под дружные хлопки и свист толпы.

Шальная радость распирала изнутри, взрывалась бурей эмоций, но когда волна отошла, песок остался гладким и недвижимым — я едва не падала. Микаш нёс меня домой на руках. Я заснула по пути и не проснулась, даже когда меня укладывали в постель.

Отсыпались мы до вечера — в окно уже заглядывали багряные лучи закатного солнца и исписывали комнату таинственными тенями. Одежда валялась на стуле. Микаш крепко спал, приобняв меня за талию, моя голова лежала у него на груди. Я вспомнила, что всё ещё обижена на него и решила отомстить. М-м-м, месть будет сладкая, и я буду упиваться ею!

Я вывернулась из рук Микаша. Целовала его грудь и шею, засасывая кожу и оставляя на ней красные следы. Губы были особенно приятны: мягкие, податливые, манящие. Микаш глухо застонал, сильные ладони легли мне на талию, прижали ближе. Ответ на поцелуй был вальяжный, но очень пикантный, распалюющий дикий голод. Месь обернулась против меня, и лихорадочное блаженство захлестнуло с головой.

Этим вечером мы выбрались из дома лишь затем, чтобы купить еду. Я сидела у Микаша на коленях и кормила его пирожными, мы никак не могли насмеяться вдоволь. Лишь переведя дыхание, я решила спросить:

— Зачем ты сватал меня к Вильгельму?

Улыбка сползла с его лица.

— Я слаб. Даже зная, что не принесу тебе ничего хорошего, отказаться от тебя не могу. Это как приказать себе не дышать, — он отвёл взгляд. — Я подумал, что будет проще, если ты уйдёшь сама. Вильгельм красив и богат, ты ему приглянулась. Он бы смог сделать тебя счастливой...

Я поджала губы, вглядываясь в его хищный профиль. Густые белые брови сошлись над переносицей, горбинка на носу, высокие скулы и прямой подбородок обрисовывались в свете свечи отчётливым силуэтом. Неужели он не понимает?

— Он только досадить тебе хочет, а со мной поразвлёкся бы и бросил. Думаешь, я раньше таких не встречала? Думаешь, их насквозь прогнивший блеск заменит мне хоть каплю твоего искреннего тепла? — Я коснулась его щеки.

— Они глупцы из глупцов... — он перехватил мою ладонь и поцеловал каждый палец.

— Хочешь сказку? Она из запрещённых, я её от одного бродячего барда на рынке узнала. Стражники прогнали его сразу после неё.

Микаш выгнул бровь.

— В ней говорится о драконе, который был благородней рыцарей. У молодняка с восточных отрогов Снежных гор в Поднебесной был жестокий обычай — пожирать принцесс и явившихся им на выручку Сумеречников. Но один дракон не хотел никому причинять страданий, и поэтому пошёл на хитрость: похитил принцессу у всех на виду и стал ждать её спасителя, чтобы сдать её ему без боя. Только принцесса оказалась некрасива и ни один Сумеречник не жаждал её выручить.

Дракон позволил ей жить в каменных чертогах и со временем полюбил. Полюбил за теплоту, которой у принцессы было столько, что она могла растопить ледяные шапки на вершинах гор, против которых бессильно было даже драконье пламя.

Дракон понимал, что счастлива она с ним не будет и решил сосватать её рыцарю. Он обернулся человеком, явился в стан Сумеречников и пристыдил их за то, что не спешат выволять невольницу. Пришлось им поторопиться, иначе разъярённая толпа закидала бы их камнями. Покорился дракон самому красивому и благородному из них, бросился на дно ущелья и затаился там. В награду Сумеречника женили на принцессе. Она была на Девятых небесах от счастья, но оно не продлилось долго. Вскоре муж стал раздражаться и огрызаться на каждое её слово и поступок. Не мог рыцарь полюбить некрасивую принцессу.

Микаш сдавленно выдохнул.

— И решил избавиться от неё — отдать морскому демону, который разорял прибрежные селения. Весть об этом дошла и до дракона. Он бросил вызов морскому демону, которого боялись даже Сумеречники, а ведь вода для огнедышащего дракона — смерть. Он победил, утерев нос высокородному негодяю, только цену заплатил непомерную — свою жизнь. Но спасённая принцесса в его умирающих глазах стала самой красивой.

— Мило, но вряд ли. Драконы не едят людей, а охотиться на них запрещает Кодекс.

— А Сумеречники всегда неотступно следуют Кодексу? — я снисходительно улыбнулась. Микаш скривился. — Это метафора.

— Так я — дракон? Я умру, сражаясь с морским демоном? — потешаясь, изобразил он беспокойство.

Я прижалась к его груди, нашёптывая:

— Нет, ты мой ласковый белый мишка посреди полей сиреневого вереска. А я не глупая принцесса и буду беречь тебя, как самое дорогое сокровище. Только не отдавай меня им, они

не смогут полюбить меня так, как ты.

Я поцеловала мочку его уха, нежно касаясь её зубами. Он хрипло застонал:

— Глупцы! Они все глупцы!

Мы снова с трудом добрались до кровати.

Я проснулась утром, когда Микаш входил в комнату из коридора в уличной одежде. В руках он нёс поднос с тарелкой гречневой каши и кусочками тушёного мяса с грибной подливой. Запах аппетитно защекотал ноздри. Я подложила под спину подушки и уселась поудобнее, с улыбкой ожидая совместную трапезу. Микаш выхлебал всю еду деревянной ложкой и невзначай обронил:

— У меня для тебя сюрприз.

Как он там говорил? Как на ледяных горках кататься. Никогда не знаешь, когда перевернёшься и разобьёшь себе голову.

— Тебе понравится — обещаю! — усмехнулся он.

Я наскоро оделась в свою старую мужскую одежду и пошла за ним на улицу. Солнце уже припекало всюду, в небе — ни облачка. День обещал быть жарким.

У крыльца нас ждал оруженосец Варден с двумя лошадьми. Беркута я признала сразу. Он нетерпеливо долбил копытом мостовую, высекая искры. Варден остервенело дёргал его за поводья, но тому и дела не было. Только завидев Микаша, конь присмирел, выпятив вперёд внушительную грудь. Рядом перебирал короткими ногами мохнатый серый мерин.

— Лютик! — обрадовалась я. Он уткнулся в моё плечо мордой и втягивал ноздрями запах, я чесала его пыльный от сена лоб.

— В конюшне ордена решили, что это моя вторая лошадь, и присматривали за ним, пока меня не было, — с улыбкой глядя на нас, ответил Микаш. — Забирайся в седло — поедем.

— Куда?

— Командирам ордена позволено выезжать за ворота и въезжать обратно в любое время.

— О, хорошая привилегия!

Жерард нам подобного разрешения не давал, ратуя за нашу безопасность.

Я засунула ногу в стремя и уже отталкивалась от земли, как Микаш подхватил меня и посадил в седло. Первым порывом было возмутиться, но я вдруг поняла, что он просто хочет лишней раз подержать меня в объятиях, и поцеловала его в макушку.

Мы двинулись по знакомым до каждого камня в мостовой и трещинок в стенах домов улицам к городским воротам. Цокали копыта, качались конские спины. Прохожие расступались перед Микашем, снимали шляпы и кивали.

— А в Нижний город командиров тоже пускают?

— Да, если понадобится усмирять беспорядки, — нехотя ответил Микаш.

Война. Война с людьми, а не с демонами. Город на краю гибели.

Показалась городская стена, а следом и ворота. Пропустив купеческий обоз, мы миновали арку — очереди на выход не наблюдалось, только снаружи всё так же стоял мрачный и грязный лагерь беженцев. Нас провожали завистливыми взглядами, шелестел недобрый шёпот. Я старалась делать вид, что мне всё равно. Я не содержанка, пускай даже Микаш отдал мне все свои деньги. Мы просто... вместе!

Дороги были пустынными. Все, кто хотел, уже приехал. Или поняли, что в Эскендерии ловить нечего и направлялись в соседние страны.

Солнце поспешало к зениту, парило. Пахло разморённой зеленью, лёгкий ветер играл в гривах коней. Пустовали поля. Фермеры передвинулись северней под защиту сильной Норикии и Веломовии.

Тихо и раздольно. Я уже забыла, как легко дышится вне каменных стен и как взгляд может заворожённо блуждать по уходящим в бескрайнюю даль просторам.

— Наперегонки? — подмигнула я.

— Лучше за мной, ты не знаешь, куда ехать, — Микаш без предупреждения пустил Беркута галопом. Лютик рванул следом, застоявшись и боясь отстать. Я едва успела уцепиться за гриву и привстать на стремянах, гася тряску. Впереди показалась засохшая живая изгородь. Микаш обернулся и вопросительно глянул на меня.

— Давай! — подбодрила я его задорным криком.

Беркут перемахнул через изгородь, словно никакого препятствия не было. Лютик затропотал, подбираясь, и подскочил так резко, что я подлетела над седлом, но, хвала богам, удержалась и поехала дальше. Микаш обернулся и, услышав мой радостный смех, пустил коня шире. У излучины реки мы замедлились, проехали по высокому берегу к месту, где он начал понижаться, а русло раздалось вширь. Спешились возле песчаного пляжа, рядом с лавровой рощей. На противоположном берегу вздымались серые скалы. До предгорий было рукой подать. Мы расседлали лошадей и навязали пастись.

Микаш вручил мне затупленный меч. Я соскучилась по тренировкам, по бряцанью железа, ощущению тяжести в руке и бодрящему азарту битвы. Вначале повторяла все стойки и приёмы, и только потом Микаш взял такой же тренировочный меч и встал на изготовку. Пожухлая трава упруго пружинила под ногами. Мы закружили друг напротив друга. Я улыбалась ему, он мне. Сошлись. Я атаковала сверху, Микаш легко отклонял лезвие, замахивался сам — я увёртывалась. Похоже на танец, стремительный и даже более интимный. Ты весь сосредоточен на противнике, на малейшем движении его мускулов, на полете сверкающей в лучах солнца стали. Пытаешься предугадать следующее действие, правильно выстроить свою партию, запутать и нанести неожиданный удар, который противник не сможет парировать.

Микаш поддавался. Забытое ощущение горечи поднималось со дна души, и жутко хотелось отомстить за то, что я всегда буду слабее его, а он — всегда относиться ко мне снисходительно! Свист, лязг. Удар, ещё удар, под оглушительный грохот сердца. Я вывернулась, сделала обманный финт и замахнулась резко снизу. Даже понять не успела, как Микаш закрутил своё лезвие вокруг моего. Рывок! Меч выскользнул из потных ладоней и упал в пыль. Несколько мгновений я разочарованно смотрела на него, и только потом подняла взгляд на Микаша.

— Над тобой властвуют эмоции. В этом ты очень похожа на своего брата, — он подобрал меч и протянул мне.

— Ты преодолел слабость передо мной, — я опустила на одно колено и отсалютовала: — Почёт победителю!

Хотелось доказать себе, что я сильная, что справлюсь не хуже, что у него нет надо мной власти, но стоило ему склониться надо мной и прикоснуться губами, как болью вспыхнула истома, вырвав из груди беспомощный всхлип. Победитель всегда и везде!

— Разве в любви может быть один победитель? — спросил Микаш, помогая мне подняться.

— Но проиграть могут оба, — я прижалась к нему, захватывая его в тенёта телепатии.

По жилам заструилась его сила и бесконечная нежность, так много, что кружило голову и спирало дух.

— Давай победим вместе! — Микаш снова протянул мне меч.

Я сама дала ему ключ к победе: перестала насмехаться и грызть, подпустила близко, позволила... Нет, почему? Захотела подчиниться и почувствовать, каково это — быть слабой, но любимой женщиной. Немного жаль, но так нестерпимо хочется тонуть в его глазах и засыпать в его объятиях снова и снова.

Я приняла оружие и будто освободилась, знала, что победить не выйдет, а потому просто оттачивала то, что раньше получалось плохо.

— Выше подбородок. Ты должна видеть всё пространство вокруг, пускай и сосредотачиваешься на моём клинке, — поправлял Микаш. — Двигайся больше бёдрами и замахивайся от плеча. Не крути ими. Перехвати клинок второй рукой и коли!

К концу я валилась с ног, липкая от пота, но это была приятная усталость. Я улеглась в тени под раскидистым лавром, не желая шевелиться. Шелестела сухая трава под ногами Микаша, шумно фырчал Беркут и снова рыл землю копытом.

— Искупаемся?

Я недовольно открыла один глаз. Микаш уже разделся и подвёл ко мне Лютика.

— Идём, так ты ещё не купалась, — он вручил мне верёвку, привязанную к недоузду Лютика, и вернулся за Беркутом.

Жеребец покорно следовал за ним. С трудом верилось, что когда-то это степенное и полное достоинства животное так и норовило высадить Микаша из седла или протащить на верёвке к водопою. На могучих вороных плечах и крупе выделялись поросшие белой шерстью рубцы похожие на те, что были у Микаша. Сильно же им досталось!

По пологому берегу они сошли к реке. Беркут зафырчал от удовольствия, плюхнул копытом по воде, обдавая Микаша тучей брызг. Тот потянул за верёвку и зашёл глубже. Жеребец последовал за ним, пока копыта не перестали доставать до дна. Из-под воды торчала только голова. Беркут двигался мощными рывками, широко раздувая ноздри и с шумом изрыгая воздух. Микаш придерживался за гребень его могучей шеи и плыл рядом. Здорово плыл, я даже позавидовала.

Флегматичный Лютик скорчил несчастную морду — глазки на ниточках. Ну уж нет, трусливая скотина! Я потащила его к воде. У самой кромки Лютик упёрся всеми четырьмя копытами, как ишак. Микаш направил Беркута к берегу. Жеребец встал на ноги и отряхнулся, разбрызгивая воду повсюду.

— Помочь? — весело поинтересовался Микаш.

Я сжала зубы и снова потянула за верёвку. Видя товарища впереди, Лютик всё же сделал робкие шажки, замер у воды, попробовал копытом, понюхал и принялся цедить через зубы.

— Эй-эй, пошёл! — дёргала я его за недоуздок и тянула за собой.

Микаш уже хотел помочь, но Лютик всё-таки поплыл.

— Аккуратней с ним, он не привык! — крикнул Микаш.

Дышал Лютик тяжело и двигался неровно. Я боялась подплыть ближе и просто тянула его за верёвку. Когда Лютик приноровился грести копытами, я смогла достать до его шеи. Прохладная вода освежала, смывала грязь и пот. Забавное чувство, когда огромное животное плывёт рядом с тобой. Ты как будто соединяешься с ним через борьбу с течением, ощущаешь величественную мощь и силу, подпитываешься от неё и становишься чуть-чуть сильнее.

После мы с Микашем ещё долго лежали на берегу и обсыхали.

— Тебе понравился сюрприз? — спросил он лениво и разморено.

Я повернула к нему голову и улыбнулась:

— Ещё как! Повторим?

Он кивнул.

Мы часто прогуливались за городом. Микаш учил меня фехтовать, я показывала ему упражнения на дыхание и растяжку. Иногда мы ходили на стрельбище и соревновались в меткости, гуляли в парках и по широким улицам Верхнего города, ужинали в дорогих корчмах и дешёвых забегаловках, посещали театр и выступления бродячих актёров, танцевали на праздниках.

Счастье до крайности, когда ты привык к пасмурному одиночеству, и тут появляется твоё личное «солнце», разгоняет тучи и расцвечивает мир радугой. Жизнь благоухает яблоневым цветом и липовым мёдом, душа поёт под чарующую музыку мироздания. Каждый миг обращается в жидкое золото. И ничего больше не надо, только он, идеальный, мой!

Вспомнились слова няни: о своём мужчине нужно заботиться. Не потому что этого требует общество и добродетель, а чтобы он дольше оставался рядом, окутывал любовью. И я старалась. А Микаш... такой неприхотливый и суровый. Только одно «желание» всегда теплилось в его зрачках.

После первых недель он стал часто отлучаться на тренировочное поле рядом с казармами и маршальскими корпусами. Проводил смотры, принимал новобранцев. За ними дозволялось наблюдать из увитой плющом ажурной беседки с другими дамами, которые восторгались полными хищнической грации тренировками раздетых по пояс мужчин и прятали восхищенные улыбки за большими веерами.

Однажды я предложила Микашу сходить в Библиотеку. Он загорелся этой идеей, даже составил список. Списки и планы — в этом весь он! Жаль, что по планам всё шло очень редко, впрочем, это никогда его не останавливало.

Мы отправились в Университетский городок рано утром. Библиотека, символ Эскендерии и книжников, находилась в самом его центре. Древнейшее прямоугольное строение подавляло размерами. На кудрявых колоннах покоился треугольный фронтон со статуями богов в центре, прославленных рыцарей слева и знаменитых книжников справа. По легенде её возвели ещё до пришествия Безликого, а книгохранилище распростиралось в катакомбах под землёй на полгорода. Судьба каждого человека в Мидгарде была записана в свитках, которые хранились на потаённых нижних ярусах. Книжники открывали посетителям лишь крохи из своих секретов.

Во время учебной поры здесь собирались толпы, но летом посетителей становилось меньше. Приближались вступительные испытания. Претенденты на места в престижных колледжах наводняли город в эту пору и атаковали Библиотеку. Но пока широкие мраморные ступени пустовали, а каменное кружево колонн и барельефов хранило молчание. С порога встречал запах кожи, бумаги, чернил и плавленого воска.

В читальном зале мерцанием свечей обозначались силуэты увлечённых исследованием рукописей мэтров и переписчиков. Только скрип перьев, шелест страниц и тяжёлое дыхание нарушали священную тишину этой обители.

Мы подошли к столу дежурного смотрителя. Старик в чёрной мантии, с замотанной белым полотном головой поднял на нас выцветшие глаза. Микаш дотошно расспрашивал его о том, что здесь есть, кто имеет доступ к каким секциям, кто и чем интересуется, много ли читают.

— Боюсь, наука увядает, как и всё сейчас, — отвечал смотритель. — Претенденты читают, только чтобы поступить, студюзусы — чтобы не вылететь, мэтры и магистры — чтобы выкачивать деньги из Совета, — он замолчал, опасливо поглядывая в сторону столов для посетителей. — Рыцари и вовсе не читают, у всех на уме одна война с неверными.

В чернильной глубине заполненных книгами стеллажей раздался шорох.

— Извините, нужно проверить. Грызуны и кошки, чтоб их!

Старик, скрипя, поднялся со стула и, прихватив со стола свечной фонарь, ушаркал в темноту.

Микаш заговорщически подмигнул и сунул нос в оставленные на столе записи с именами читателей и названиями книг. Послышалось кошачье шипение вперемежку с ругательствами. Микаш быстро вернулся ко мне и взял под руку.

«Старые привычки умирают тяжело. Когда хочешь чему-то научиться, но учить тебя никто не собирается, нужно просто наблюдать, подглядывать, осмыслять и повторять. Можно в разной последовательности», — объяснился он телепатически. Я сжала его ладонь, показывая, что понимаю.

Смотритель вернулся. Микаш зачитал внушительный список книг и попросил порекомендовать что-нибудь похожее. Нас проводили в секцию военной тактики и стратегии и предложили посмотреть самим. Микаш возился так долго! Пролистывал каждую книгу с полки, читал отрывки, узнавал, насколько часто ей пользовались. Я переминалась с ноги на ногу, чихая от книжной пыли, но мешать не хотела. Он так редко чем-то загорался. В награду мне досталась его сияющая улыбка, когда мы покидали Библиотеку под самое закрытие с охапками книжек в руках.

Микаш, оказывается, любил читать вечерами. Рисовал мелом на полу таинственные схемы, расставлял собранные на улице камни и палочки, перемещал их с места на место, бормоча и сверяясь с книгами по тактике и Большим бестиарием.

— Учусь просчитывать ходы.

Микаш принялся объяснять про рельеф, погоду и позиции, про численность и качественный состав войска, про поддержание связи между ставкой и удалёнными частями, про взаимодействие Сумеречников с разными способностями, про союзы между демонами и их излюбленную тактику. Сколько сведений нужно в голове удерживать! Я то и дело пропускала важные рассуждения и терялась. Как ему не скучно со мной?

— Не скучно!

Микаш обнял меня со спины.

— Тебе же нельзя читать мысли.

— Если очень хочется — можно! — смеясь, ответил он и принялся целовать мои волосы.

Одним безветренным днём мы устроили пикник на берегу реки. Грелись на солнышке, расстелив на земле старое, выцветшее покрывало. Я кормила Микаша с рук лепёшками, собирала губами крошки с его рта и смеялась. Он безотрывно смотрел на одинокую скалу на другом берегу. Наверху вырос необычайно красивый сиреневый ирис.

— Хочешь, я достану его для тебя? — предложил Микаш.

Туда не взобраться, а если он и залезет, то спускаться будет во стократ сложнее, он упадёт и расшибётся!

— Пускай растёт.

— Нет, я смогу. Не веришь? — Микаш начал подниматься, и я ухватила его за руку.

— Оставь, он мне не нужен!

— Как же мне доказать, что я достоин?

— Не надо ничего доказывать!

Микаш смотрел с такой тоской. Я вспомнила забитого мужа мастерицы Синкло, жалкая тень мужчины, а ведь когда-то он тоже её любил.

— Будь осторожен. Я очень за тебя боюсь.

Он улыбнулся, скинул рубашку и нырнул в воду.

Я прижала ладони к груди. Течение ведь сильное... а вдруг? Из-за мелочи, глупости!

Микаш выбрался на другой берег, отдышался и полез наверх. Я залюбовалась его мокрым подтянутым торсом, неукротимой силой... Но страх не оставлял. Я молилась всем известным богам, чтобы он не свалился и не свернул себе шею. Пару раз его ноги опасно скользили, и он не мог найти прочную опору, но в конце концов сорвал злосчастный цветок, победоносно гикнув.

Я выдавила из себя улыбку и помахала рукой. Спуск длился мучительно долго. Микаш примерялся к каждому выступу. Нога соскочила, и он повис на руках. Я закрыла глаза ладонями и заскулила от страха. Нет, не хочу его терять!

Холодные руки коснулись моих щёк. Я вздрогнула и открыла глаза. Микаш стоял рядом и улыбался:

— Ну ты и трусиха!

— Сцыкуха, ты хочешь сказать?

Микаш скривился, не желая вспоминать свою жизнь до посвящения, и вложил мне в ладонь ирис.

— Спасибо, он очень красивый, — я поднесла его к лицу и вдохнула аромат.

— Ты достойна самого лучшего. Жаль, что у меня этого нет. Может, мне вырвать сердце из груди?

— Тогда оно не будет биться. Зачем мне небьющееся сердце?

— Тогда надо найти ведьму, которая заставит его биться!

Он лёг рядом со мной. Я поставила ирис в кружку с водой и скатилась под бок Микаша.

— Зачем мне доказательства, если тебя не будет? — я обвела пальцем тёмный ореол его соска по кругу. — Пускай завянут все цветы, но мы с тобой останемся вместе навсегда.

Я обняла его и положила голову на могучую грудь.

— Мне иногда кажется, что я не всё знаю или не понимаю, и ты вот-вот закричишь, что я тебя насилую. Потому что так быть не может...

— Тш-ш-ш, — я приложила палец к его губам и глазами указала на верёвочный браслет на его запястье. — Всё зиждется на маленькой ниточке. Моргнуть не успеешь, как она перетрётся и порвётся, а связать обратно не выйдет. Эта ниточка зовётся доверием. Тут всего два пути: либо испугаться и разорвать её самому, чтобы больше никогда не открывать сердце для ножевых ран, либо набраться мужества и наслаждаться, пока не истечёт наше время. Я выбираю второе, а ты?

Он пристально вглядывался в моё лицо:

— Я готов всё отдать... за мгновение... нет, даже не поцелуй, не прикосновение, просто улыбку. Твою. Искреннюю.

Я улыбнулась, засмеялась звонко и счастливо только для него, стаскивая с себя ненужное платье. Он брал меня снова и снова, а потом мы, истощённые, лежали, тесно прижавшись друг к другу, одетые только в солнечный свет.

Глава 16. Подземный ход

Всё хорошее заканчивается слишком быстро, так и наши каникулы пролетели незаметно. В один из последних дней перед отъездом Микаша я решила на то, что запланировала ещё до его возвращения. Достала спрятанные среди вещей старые книги и карту города.

— Помнишь, я говорила, что здесь должен быть тайный ход?

Микаш задумчиво наблюдал за мной поверх книги о военной тактике.

— Ты ещё не отказалась от этой идеи?

— Я никогда не отказываюсь от своих идей!

— Какими бы сумасшедшими они ни были, — подначил он.

— Мне скучно без дороги. Я отращиваю корни и становлюсь трусихой... — Я потупилась и перевела тему: — Здесь есть легенда об основании города, — я показала первые страницы эскендерской хроники. — Людское племя обитало здесь ещё до переселения в Мидгард. Оно поклонялось богу-провидцу судеб, Эс-кенде. Он рассказывал жрецам о том, что было и что будет. Благодаря этому они скопили несметные богатства: записывали знания на глиняных табличках, бересте и свитках, из золота отливали для них полки и прятали в подземелье. Когда Безликий вёл Сумеречников в Мидгард, то попросил у жрецов Эс-кенде совета, где лучше основать цитадель. Они возмутились: почему мы должны отдавать то, что добыли своим трудом и молитвами? Напомнил тогда Безликий, что он сын Небесного Повелителя, которому принадлежат все сокровища и знания мира и у которого сам Эс-кенде ходит на посылках. Жрецы потребовали, чтобы Безликий доказал свою силу. С помощью быкоподобного демона таврия вспахал гору Акретий, что видна с южной окраины города, засеял её когтями демона дельфинии, похожей на гигантскую ящерицу, дождался, пока из них взойдут василиски и сразился с ними.

— Знали они толк в доказательствах! — усмехнулся Микаш.

Я проступила его слова мимо ушей, слишком занятая своими размышлениями. Что должен был чувствовать Безликий, когда люди не верили ни единому его слову и выдумывали каверзные испытания? А ведь он хотел сделать их жизнь легче и лучше. Терпения на такое хватило бы только у бога.

— Наутро после битвы с василисками, устелив мёртвыми тушами всю вершину Акретия, Безликий явился за наградой. Жрецы вынесли ему золотой ларь с пророчествами и велели не открывать, пока они не вернутся в город. Безликий послушался, но когда заглянул в ларь, свитки обратились в прах и развеялись по ветру.

— Он этого не предвидел и даже не смог собрать свитки из праха? — ёрничал Микаш. Я показала ему язык. Безликий настоящий, я видела его, и Жерард это подтвердил. Спорить тут не о чем!

— В легенде говорится, что он не смог ничего сделать. Возможно, его силы в Среднем мире были ограничены, а возможно, он оказался не властен над вотчиной Эс-кенде. Тем не менее Безликий впал в такую ярость, что призвал смертоносные смерчи. Они пробили тонкий слой земли над катакомбами, и по ним Безликий проникнул в город. В подземных чертогах он пробыл месяц и три дня. Нашёл всё без помощи служителей и даже больше. Узнал то, что знать не дано никому.

— Что именно?

— Знать не дано никому, значит, знает только сам Безликий. Логично?

— Только если с точки зрения женской логики.

— Если тебе не нравится, то я не буду продолжать, — я отложила книгу, бросила короткий взгляд на карту и засобиравалась спать.

Нельзя никому рассказывать про то, что действительно дорого, даже самому близкому человеку. Как будто даёшь ему в руки булаву, чтобы он как следует приложил тебя по голове. Те, кто безразличен, не смогут ранить так глубоко. Свои мечты нужно оставлять только себе. Так и поступлю. Попроюсь в Нижний город и отыщу тайный ход сама. Я сильная, я справлюсь!

Я сидела перед зеркалом в одной камизе и расчёсывала волосы. Микаш обнял меня и отнёс на кровать. Я всё ещё дулась на него и старательно отворачивалась. Он лёг рядом и властно развернул меня к себе.

— Расскажи дальше, я не буду смеяться и помогу тебе найти тайный ход, каким бы беспечным мне это ни казалось. Слово Сумеречника!

От светлой улыбки обиду как рукой сняло. Я запустила пальцы в его жёсткие волосы и закрыла глаза:

— Безликий наказал жрецов — изгнал их из города, а катакомбы зачаровал, чтобы вход и выход мог найти только главный жрец, но не мог выбраться. Безликий сказал ему:

«Ты не хотел показывать свои сокровища, так теперь их не увидит никто, кроме тебя. Ты будешь их сторожем полторы тысячи лет, пока не явится тот, кто отыщет здесь то, что я оставил».

— Что он оставил? — встрепенулся Микаш так резко, что я едва не вырвала ему прядь волос. — Молчу-молчу, продолжай!

— Это конец. Город опустел на несколько веков. Благодаря полученным знаниям Безликий построил цитадель на Авалоре и основал орден Сумеречников.

Микаш задумчиво хмыкнул. Я поднялась с кровати и подошла к оставшейся на столе карте.

— Смотри, все известные входы в подземелье располагаются в вершинах пятиконечной звезды.

Микаш снова хмыкнул, взывая к моей совести.

— Ну хорошо, известны только три входа: они завалены либо ведут вглубь города. Ещё два я вычислила сама.

Я воткнула в уже намеченные на карте точки булавки и намотала на них нитку, чтобы получилась звезда, — Микаш подошёл и выглянул из-за моего плеча.

— В центре — главное здание Библиотеки. Тайный ход должен быть здесь, — я указала на булавку на южной окраине Нижнего города, в районе трущоб и притонов, противоположном от главных ворот. — Это самая ближняя точка от Муспельсхейма. С обратной стороны стены видна гора Акретий, только зовётся она сейчас Столовой горой. И самое подозрительное, — я подмигнула напрягшемуся Микашу: — Маршал Комри после встречи с нами поскакал от старого кладбища в эту сторону и оказался в городе раньше нас, пока мы огибали стену и ехали через главные ворота.

Я прочертила пальцем линии от старого кладбища к булавке у южной стены и потом ко Дворцу Сумеречников. Почти по прямой.

— Логично?

Он почесал затылок. Взгляд стал более серьёзным и сосредоточенным. Имя маршала как морковка. Скоро ревновать начну, как раньше, когда Микаш его письмо в Утгарде без конца перечитывал.

— А ты не пробовала вначале проверить места в Верхнем городе? — он указал на булавку недалеко от главных ворот.

— Пробовала. Тут брусчатка, рядом стражники дежурят. Не могу же я при них отколупывать камни из мостовой, да и маршал вряд ли бы стал этим заниматься. Даже если в Нижнем городе не окажется никакого тайного хода, я бы всё равно хотела там побывать.

— Хорошо, раз уж я дал слово, — проворчал Микаш. — Это лучше, чем если ты пойдёшь туда одна, а ты пойдёшь...

Я хлопнула в ладоши, обняла и поцеловала его в щёку. Он подхватил меня на руки и потащил обратно к кровати.

— Надеюсь, мне не придётся драться с толпой головорезов, — пробормотал он, стягивая с меня камизу.

— Мы будем тихо, как мыши! — засмеялась я, целуя его за ухом.

Утром мы нацепили холщовые балахоны с глубокими, скрывающими лица капюшонами. Микаш вооружился до зубов: коротким мечом, кинжалом, метательными ножами — всем, что можно было спрятать под бесформенную одежду. Даже мне вручил пару кинжалов на всякий случай. Я измазала щёки в саже, чтобы выглядели грубее.

Вышли рано. Микаш хотел вернуться до темноты. С сумерками выползали все лиходеи, совсем как демоны. А если у них и ауры не человеческие?

Отблески рассвета плескались в отполированных камнях мостовой. Бодрила свежесть безлюдных улиц. Мы поспешили к воротам в Нижний город. Нас встретила угрюмая серость гнилозубой стены. Микаш показал сонному стражнику командирский знак, тот отдал честь и заставил толпу за воротами посторониться. Ропот, завистливые взгляды. Микаш схватил меня за руку и зашагал настолько широко, что пришлось догонять бегом. Только за углом улицы он остановился и дал мне перевести дух.

Здесь город стал другим: тёмным и мрачным. Обветшалые постройки из трухлявых брёвен, убогие глинобитные хибары с холщовыми занавесками вместо дверей мостились стена к стене. Каждое новое поколение надстраивало новый этаж, тонкие стены не выдерживали и грозили обвалиться. По мостовой ручейком текли нечистоты. Без зелени и фонтанов солнце обдавало жаром, как на сковороде, и смрад бил в нос до тошноты.

Босые бедняки вставали намного раньше богатого Верхнего города. Спешили мужчины в сношенных, пузырящихся на коленях шароварах, женщины в замызганных передниках непристойно ругались либо тащили куда-то помятых и полусознательных мужей. Деловито сновали подранные коты и вшивые псы. Дети в набедренных повязках копошились в подворотнях, орали, дрались. Стайка мальчишек игралась с собачьим черепом. Никогда не думала, что эта часть жизни настолько жалкая!

— Не верти головой, как флюгер. Ты привлекаешь внимание, — шепнул Микаш.

Он ссутулился и двигался вразвалочку, ни дать, ни взять один из здешних забулдыг. Я тоже вжала голову в плечи.

— Не беги, не показывай, что боишься — иначе сожрут, — наставлял Микаш. — Не удивляйся, когда смотришь по сторонам, а повторяй за всеми.

Я не запоминала дорогу и во всём полагалась на него. С ним не надо притворяться или мучительно пытаться понравиться. Лохматую и помятую со сна он всё равно примет и

поцелует, на опасные затеи добродушно улыбнётся и будет ловить каждое желание. Многие девушки на моём месте сказали бы, что это скучно, но мне нравилось до умопомрачения. Вряд ли бы во всём Мидгарде нашёлся хоть один мужчина, который смог бы полюбить меня так же страстно и бескорыстно.

— Эй, куда торопишься? Загляни ко мне на огонёк, — заступила нам дорогу девица в платье, неприлично открывающем грудь.

— Рад бы, но денег нет, — проскользнул мимо Микаш, но она не отставала. Я следовала за ним тенью и держалась тише воды.

— Для тебя — почти бесплатно, — она томно похлопала ресницами.

— Не могу. Дома дети голодные. Жена уж месяц как преставилась, — Микаш не сбавлял шага и не задерживал на ней взгляд.

Женщина поджала губы и отступила.

— Дети — единственное средство их разжалобить. Когда о них говорит мужчина — уважают, — пояснил он шёпотом.

Улочки становились всё темнее и кривее. Стены и мостовая обдавали нестерпимым жаром. Под балахоном тёк пот. Запах нечистот усиливался, а людей прибавлялось: чумазых, с ошалелыми глазами, попрошаек и калек.

— Дяденька, дайте на еду! — загнусавил тощий, словно скелет, обтянутый выдубленной кожей, мальчишка.

— Мне нечего тебе дать, — ответил Микаш, а когда я полезла за пазуху, схватил меня за руку и потянул дальше.

— Куда же вы, дяденька? Не жмитесь, дяденька! — мальчишка побежал за нами и вцепился в балахон Микаша.

— Нет ничего! Все карманы проверил?! — гаркнул он.

Мальчишка улыбнулся полным гнилых зубов ртом.

— Передай Меченому плату за проход, — Микаш достал из рукава медьку и подкинул её в воздух. — Пускай расчистят нам дорогу, а ты давай-давай отсюда, не то от своих же по кумполу так схлопочешь.

— Ты его знаешь? — шепнула я, когда мальчишка скрылся из вида.

— Нет, на ходу придумал. Здесь поодиночке не выживают, сбиваются в банды. Главарями в них становятся те, кто остальных запугает или порежет. Власть оспаривают часто — голодранцам терять нечего, и у главаря всегда найдётся пара-тройка шрамов. Меченый.

Микаш повёл плечами. Из каждого тёмного закутка нас провожали настороженными взглядами, как демоны, только ауры обычные, спокойно-прозрачные, подёрнутые серой паволокой болезней и невзгод.

Лабиринты трущоб, где нищие спали вповалку под открытым небом, закончились. Показалась обмелевшая мутная река, закованная в древнюю гранитную набережную, растрескавшуюся и почерневшую от времени. Впереди виднелась глухая внешняя стена города. Булыжники толщиной в сажень, без выступов, щели настолько узкие, что и ноготь просунуть не получится, ни руками ухватиться, ни крюк зацепить не за что. Стена серой змеёй тянулась от горизонта до горизонта, заслоняя города от мира или мир от города?

— Ну? — нетерпеливо поинтересовался Микаш.

Я сверилась с картой, он выглянул из-за моего плеча и махнул рукой влево:

— Там.

Я опустила на колени и принялась обыскивать камень за камнем. Где не было тени, они нагрелись и обжигали пальцы. Везде одинаково гладкие, никаких следов царапин, выемок или потайных механизмов, ничего, что могло указывать на вход в подземелье.

— Ты скоро?

Микаш пристально следил за улицей. В приглушённом голосе сквозила тревога, но я не чувствовала опасности.

— Погоди, ещё немного осталось, — от отчаяния я подпрыгнула, чтобы получше разглядеть верхние камни. Без толку!

— Я-то погожу, а вот они — вряд ли.

Я обернулась. Из-за обшарпанных, полуразвалившихся глинобитных домов с тростниковыми крышами вышел пренеприятный тип. В пыльных чёрных штанах и пожелтевшей от пота косоворотке, подпоясанной алым платком. Двигался вразвалочку, чернявые кудри на голове настолько слиплись и скатались в колтуны, что походили больше на шерсть борзых и не двигались даже при ходьбе на ветру. Острые скулы и залёгшие под глазами тени подчёркивали недобрый взгляд. Припомнился Лирий, единоверческий проповедник, который пытался меня убить. Нет, тот был другим, испуганным и отчаявшимся, а пришелец всем видом показывал уверенность.

Он поравнялся с нами и криво ухмыльнулся:

— Что ищете, ребята?

— Просто смотрим. Нам не нужны проблемы, — ответил Микаш, глядя на него прямо и без боязни.

— Зачем тогда в трущобы припёрлись? — улыбка стала шире, напоминая оскал. — Бабе своей жизнь низов захотел показать? Как у вас это в Верхнем называется, когда богачи собираются на зверей в клетках поглазеть?

— Зверинец, — тихо подсказала я.

— Поди плату там берут больше ломаной медьки, которую ты всучил малышу Бурро? А за выход из клетки с волками сколько просят?

— У нас ничего нет. Ваш малыш уже всё обшарил, — не терял самообладания Микаш.

— А ещё он мне передал, что ты вооружён до зубов. На войнушку собрался, а Сумеречник? — продолжал издеваться пришелец. — Откуда ты как мы балакаем и как живём, знаешь? Уж не из этих ли, карателей? — он облизнулся и обошёл вокруг, словно приценивался.

Его аура была обычной, бесцветной, подёрнутой мутными разводами и разодранной в некоторых местах из-за недомоганий и сделок с совестью. Такая тонкая, что кажется, сожмёшь в руках, и она переломится.

— Вы единоверец? — любопытствовала я из-за спины Микаша.

— Тю, разве я похож на пришибленных фанатиков, которые только и умеют что биться лбом об мостовую? — хрипло рассмеялся он.

— Если не фанатик, то чего лезешь? В петлю не терпится? — рыкнул Микаш.

— Ты тут один, колдовать не можешь. У вас с этим строго, я знаю. А за мной дружанов и братанов с две дюжины. Порвёшь меня, они тебя в клочья раздерут и с девкой твоей позабавятся заодно. Чай чистые да свежие поприятней, чем затасканные шлюхи? За деньгой домой топай, а девку твою я в залог заберу. И не обещаю, что с ней сюсюкать будут.

— Да как ты смеешь, пёс подворотный?! — взревел Микаш и выхватил меч из-под балахона.

Не сводя с него глаз, грабитель попятился. Я метнулась к нему за спину и прижала пальцы к вискам.

«Ты оставишь нас в покое и уведёшь отсюда своих людей. Вы забудете о нас, вернётесь домой и остаток дня проведёте там», — мысленно приказала я.

Спина грабителя неестественно выпрямилась. Он развернулся и с пустым взглядом поковылял прочь, путаясь в ногах, как пьяный, и натыкаясь на стены. Я облегчённо выдохнула. Видно, о том, что у девушек тоже может быть дар, но клятв они не приносят, лиходей не знал.

— Молодец! — похлопал меня по плечу Микаш. — Ход свой нашла? Теперь нам обратной дороги нет.

Я прищурилась, разглядывая ауры. Грабитель завернул в переулок, из которого пришёл, и там замер. К нему приблизилось с десятков людей.

— Здесь пусто!

Я опустилась на колени и поползла вдоль стены в поисках хоть чего-нибудь. Микаш схватил меня и запихнул в нишу между стеной и подпиравшим её косым контрфорсом. В узком каменном мешке нам приходилось прижиматься друг к другу так тесно, будто близнецам в утробе матери.

— Где они? Куда делись? — доносилось снаружи. Повернуться и выглянуть я не смела. Любое движение могло нас выдать. — Что они сделали с Лино?!

— Ничего не сделали. Никого не было. Мы возвращаемся домой, — отозвался грабитель. Кажется, наш трюк не сработал.

«Прости. Не нужно было потакать любопытству, не оценив последствия», — послала я Микашу свои мысли.

«Ничего. Я и сам был не прочь развеяться, — отозвался он. — Если нас найдут, я отвлеку их, а ты беги».

«Нет! Мы же вдвоём против всего мира, забыл?»

Он не отвечал. Шаги и голоса приближались, давили на нервы. Тело затекло, каждый вздох давался с трудом. С кончика носа падали солёные капли, хотелось всхлипнуть, но Микаш зажимал мне рот. Кто-то наклонился совсем рядом, дымчатая аура почти соприкасалась с нашей, я ловила дыхание на коже. Заметил?!

«Ушли», — голос Микаша привёл в чувство.

Он выглянул из ниши. Стало просторней и легче дышать.

«Нужно придумать способ, как добраться до ворот незамеченными», — Микаш снова заговорил мысленно.

Я выползла из укрытия. Напряжение с тягучей болью расходилось по телу. Пальцы наткнулись на острую грань выбитой в камне бороздки.

— Посвети мне! Я кое-что нашла.

Микаш запалил факел и просунул его в нишу.

— Ага, чуть выше, вот! Видишь — знаки.

— Клеймо каменщика, — усомнился Микаш.

— Нет, это не рунница и не рисунок, — маленькие клиновидные чёрточки, выбитые в камне, то скрещивались, то шли параллельно. — Помнишь, такие же были в лабиринте Хельхейма. Вейас сказал, что это древняя письменность.

— Значит, клеймо древнего каменщика. Какая разница?

— Нет, я уверена, потайной ход здесь. Надписей всего пять и расположены они в форме

знамения Безликого.

— Здесь даже лошадь не пройдёт. А маршал уехал верхом.

— Может, это древнее заклятие, хитрая иллюзия или механизм? Вейаса бы сюда, у него нюх на такие головоломки.

Я потыкала в знаки, поскребла их ногтями, попыталась засунуть пальцы между камнями — не вышло.

— Если ты не знаешь, как открыть этот ход, то нам лучше убраться. Они возвращаются, — Микаш отдал мне факел и обернулся в сторону домов.

Я чувствовала и всё же...

— Знания — сила, только плата за них непомерно высока, — сорвалась с моих губ непонятная фраза.

— Что? — Микаш снова повернулся ко мне.

— Озарение? Как в Хельхейме. Должно быть, это из-за связи с Безликим, — окрылённая пониманием, я стала приглядываться к знакам в поисках зацепки.

— Может, это предупреждение, что не нужно туда ходить? Никакие знания твоей жизни не стоят, — Микаш взволнованно тараторил. Грабители были уже близко.

— Как же ты открываешься? — Ребро ладони чиркнуло по острому краю бороздки. Камень впитал выступившую кровь. — Магия крови? Точно! В Ильзаре потайные ходы запечатывались кровью владельцев. Если этот ход запечатан кровью Безликого, то кровь пророка сможет его открыть. Моя кровь!

— Бред! Бежать надо... — Микаш прижался к контрфорсу и замолчал.

Тяжёлые шаги и брань неслись предупреждающим эхом.

— Брат мой, Ветер, помоги! — зашептала я, представляя Безликого. Жаль, его образ всегда вырисовывался размытым пятном. Я полоснула лезвием по ладони и приложила к знакам, описывая знамение. — Суровый север, — верхний знак. — Ласковый юг, — нижний знак. — Разумный восток, — правый знак. — Неистовый запад, — левый знак. — Высокое небо, — самый большой знак в центре.

— Вон они! Держи их! — кричали грабители.

Микаш рвался к ним с обнажённым мечом, но я схватила его за руку. Брат мой, Ветер, ну пожалуйста!

Мостовая под ногами разверзлась, и мы рухнули во тьму. Шмяк! Я упала на мягкое, то есть на Микаша, а вот ему судя по натужным вздохам пришлось несладко.

— Где они?! Как сквозь землю провалились! Ищите лучше!

Я скатилась с Микаша, упёрлась руками в стенку и попыталась подняться.

— Факел! Хоть бы факел уцелел! — шипел на полу Микаш, шелестя одеждой.

— Ладно, надоело. Идём на улицу Смаржи, там хоть пожить можно быстро. С колдунов проку никакого. А если Лино не перестанет пускать слюни, то выберем себе другого предводителя. Меня, к примеру, — шумел грубый хриплый голос сверху.

— Ага, надейся, Начо! — отвечал другой.

— Мы должны вернуться домой и не выходить до рассвета, — настаивал наш знакомец Лино.

Шаги удалялись, пока и вовсе не стихли. Кремень чиркнул о кресало, полетели искры, с шипеньем накинудись на намотанную на факел ткань. Тлело-тлело и разгорелось. Микаш поднялся и осветил тоннель. Потолок нависал всего в двух аршинах над нашими головами. На нём ясно различались очертания люка, через который мы сюда попали.

— Повезло, — пробормотал Микаш, потирая затылок. — Вот на таком волоске от заварухи удержались.

— Это всё Безликий, — улыбнулась я.

Пахло здесь затхло, веяло плесенью и пробирало до костей.

— Странно, они ведь слабые людишки, а мы бежали от них, как не бегали даже от самых страшных демонов.

Микаш пожал плечами.

— С демонами всё ясно. Они враги, посягают на нашу территорию и убивают наших родных, ненависть к ним мы впитываем с молоком матери, война с ними у нас в крови. Люди, какими бы они ни были, другое дело. Наше естество, наши догматы взывают к тому, чтобы защищать их. А драться с ними... со слабыми, не обладающими даже чутьём — это как срывать злость на неразумном ребёнке.

Я снова подняла глаза к люку над нашими головами.

— Тем не менее они ненавидят нас и отнюдь не неразумны. Из-за чего мы с ними боремся, мы же братья, единое племя?

— Неравенство и нетерпимость.

— Неравенство и нетерпимость, — согласилась я.

— Эта война всё изменит: научит нас убивать их или, наоборот, они станут убивать нас, — задумчиво рассуждал Микаш. — А может, война потрясёт всё мироздание от Огненных недр до Небесных чертогов. И тогда только боги смогут расхлебать заварившуюся кашу.

Сырость выстуживала душу до мурашек, бежавших по ушибленной спине. Я зябко обняла себя за плечи.

— Небесные чертоги пусты и мертвы, а Безликий не хочет возвращаться.

— А нам уже пора, — Микаш тронул меня за плечо и по-доброму улыбнулся.

Он шёл впереди, разгоняя тьму светом факела, я шла следом.

— Надеюсь, мы выберемся за стеной, а не посреди Нижнего города, — вздохнул Микаш, когда тоннель стал забирать глубже и левее.

— Пока направление вроде бы правильное.

— «Вроде» тут главное слово. Впереди кишмя кишат мелкие демоны. Интересно, как маршалу удалось здесь проехать, если он и вовсе тут был.

— Может, есть ещё один тайный ход? Может, стоит вернуться и поискать его? — я подмигнула Микашу, вынимая из кожаной перевязи под плащом ножи.

Трястись от страха и плакать больше не хотелось. Демонов, по крайней мере, можно убивать, не переступая тонкую грань, которая отделяет нас от головорезов. Но быть может, эта грань лишь иллюзия в нашем сознании, навязанная тем, кто одарил нас могуществом.

Микаш передал мне факел и со звоном потянул из ножен клинок.

Густели болотно-коричневые ауры, вязкие и смрадные, как нечистоты на улицах Нижнего города. Низкорослые демоны стелились у самых ног. Микаш прибавил шагу, приходилось бежать за ним. Демоны юркими тенями отскакивали в стороны, уступая дорогу. Тех, кто мешкал или пытался напасть, Микаш отбрасывал мечом, я отмахивалась факелом, прикрывая его спину. Брызги вонючей крови иногда долетали до меня и пачкали лицо. Демоны расползались по стенам, неслись вперёд сплошным потоком колышущихся тел. В мелькании факела разглядеть удавалось только извивающиеся движения. Шорохи, шелест и визг отовсюду. Мы всё бежали, и конца-края этому тоннелю не было видно.

Чувство направления я потеряла и полагалась на сражавшегося с зажмуренными глазами Микаша.

Шаг, пинок ногой, прыжок подальше, взмах факелом. Грудь вздымалась и опадала тяжело. Колотилось об рёбра сердце, грозя выскочить наружу. Тьма резко оборвалась, и в глаза ударил солнечный свет. Я зажмурилась, смаргивая слезы, затушила факел и повалилась на иссушенную зноем траву, пытаюсь отдышаться.

— Поднимайся! Лучше пройтись — быстрее очухаешься, — распихал меня Микаш, отирая клинок от вязкой зеленоватой крови демонов.

Я встала и огляделась. Мы выбрались у буковой рощи за кладбищем. Вдали виднелась застава на норикийской границе.

— Выбрались!

Я повисла у Микаша на шее.

— Прости ещё раз. Не думала, что будет так плохо.

Микаш утёр мои щёки большими пальцами, шершавыми от мозолей.

— Это было весело. Мирная жизнь — не моё.

— Я уже поняла.

Я целовала его солёные губы, забывая обо всех печалях.

Когда мы возвращались к главным воротам, я спросила:

— Что это были за демоны?

— Не знаю. Новый неизученный вид? Возможно, их привлекают голод и страдания не хуже, чем дар Сумеречников. Может, демоны ими питаются или появляются на свет из них и множатся, пока их не станет столько, сколько звёзд на небе и капель в море.

Я поёжилась. В довершение ко всему, Микаш решил меня запугать, чтобы я сильнее к нему прижалась, и он мог положить руку мне на талию.

— Тогда в сердце Нижнего города их должно кишмя кишеть, — поразила меня странная догадка. — Город на краю гибели!

— Город на краю гибели, — согласился Микаш.

Но за воротами Эскендерии мы забыли об этих мыслях. Слишком тревожны знания и непомерна их цена.

***

Солнце золотым светом заливало в окна тепло, доставая даже до постели, где я устроилась на новом красно-синем покрывале.

— Зачем ты это делаешь?! — Микаш старательно заслонял мне свет, пока я штопала его рубашку.

На знатную дырень под мышкой нужно было поставить латку. Дело бы пошло быстрее, если бы он не кружил вокруг меня коршуном и не вздыхал так горестно. Обычно я зашивала его одежду, пока он спал или отлучался в казармы, но на следующий день он выступал в поход. Я посплюнявила пальцы и завязала узелок на нитке.

— Потому что командиру нельзя ходить голодранцем, — пристыдила его я. — Ну отойди же ты!

— Я могу сам! Ты не должна... — вяло протестовал Микаш.

— Но я хочу! Цыц! — я осмотрела свою работу. Не так аккуратно, но сойдёт.

Он схватил меня за ладонь и поцеловал исколотые пальцы. Серые глаза полыхали воодушевлением:

— Я знаю, что нужно сделать, чтобы стать достойным тебя!

Я испуганно моргнула. Очередная блажь? Только не перед отъездом!

— Мастер Гэвин сказал, что через десять лет я стану маршалом, если постараюсь. Я приложу все силы. Маршалам хорошо платят. Я куплю особняк на берегу моря, найму много-много слуг, и ты будешь жить в нём как королева!

— О, меня повысили до королевы? — усмехнулась я. — У меня уже был целый замок со слугами. Если бы мне это было нужно, я бы осталась там и вышла замуж. Но я не хочу. Я хочу быть свободной, самой решать, как жить и кого любить. Сейчас я счастлива, разве ты не видишь? — Он снова горестно вздыхал и смотрел глазами побитой собаки. — Ты станешь маршалом, потому что ты этого достоин. А мне доказательства не нужны. Я приму тебя любого, потому что даже без этих чинов останешься собой.

Он печально усмехнулся, но возражать не стал, только не давал мне спать всю ночь. На рассвете, когда мы уже собирались уходить, он достал из-под кровати продолговатый свёрток и вручил мне:

— Это подарок. На этот раз то, в чём я точно разбираюсь.

Я развернула холстину. Внутри был тонкий длинный четырёхгранный стилет. Я провела пальцем по лезвию до самого кончика.

— После похода в Нижний город я подумал, что даже тут становится небезопасно. Всегда носи стилет при себе. Его легко спрятать под одеждой. В узких местах он удобней, чем меч. Ты не смотри, что без украшений. Зато клинок лёгкий, сбалансированный,ковка качественная. Оружейник меня чуть не выгнал, столько я его выбирал.

Я в красках представляла эту картину. Шаловливо выгнула бровь и сунула оружие за пазуху:

— Спасибо, я буду хранить его рядом с сердцем.

Микаш густо покраснел, поняв, что перебрал с пафосом. Я поцеловала его, чтобы он перестал волноваться по пустякам.

Нещадно палило утреннее солнце. Армия собиралась на Дворцовой площади, рыцари выстраивались в шеренги, чтобы пройти парадом до городских ворот под ликование толп. Руководил всем Вальехиз, Гэвин собирался присоединиться к армии недалеко от западного порта, когда подоспеет его корабль.

— Когда же вы друг от друга отлепитесь? — негодовал один из сослуживцев Микаша, кажется, его звали Бастиан.

Мы никак не могли проститься, задерживая компанию «волков», как называл высокородных командиров Микаш.

— Будь осторожен и знай, я молюсь и жду тебя. Каждый день, — я поцеловала его в последний раз и надела на шею обережный амулет из храма Умай — белую деревянную птичку с золотым знаком солнца и серебряным — луны. Осенила Микаша защитным знаменем напоследок.

— Я вернусь. И все свои победы посвящу тебе одной! — он коснулся моей щеки в последний раз и вскочил в седло.

Беркут повёз его прочь. Безликий оказался прав: Микаш и впрямь стал героем, моим героем.

Глава 17. Будни чудотворницы

Я решила срезать путь через несколько тёмных, узких переулков. Первый день осени. Что ж, надеюсь, небольшое опоздание мне простят, я должна была проводить Микаша. Ведь не увидимся долго: год, два? Я потрогала его подарок за пазухой и улыбнулась. Как быстро привыкаешь к хорошему, не замечаешь его, а когда оно пропадает, пускай даже на время, становится горько и пусто на душе. Надеюсь, наши чувства выдержат разлуку, как хорошее вино станут только слаще и желаннее.

Я настолько задумалась, что заметила человека на углу дома, лишь когда поравнялась с ним.

— Куда спешишь, ведьма? — окликнул до дрожи знакомый голос.

Я попятилась. Эти острые скулы, будто перечёркивающие лицо косым крестом, невозможно забыть. Разбойник Лино! Как он выбрался из Нижнего города?

— Не ждала, цыпа? Хахаль твой свалил, и крышевать тебя некому, — злобно ухмыляясь, издевался он.

Я же на территории Верхнего города и опасаться мне нечего! Разве что, когда их казнят, совесть не даст мне покоя. Я выпрямилась и спокойно ответила:

— Я сама могу себя защитить. Напомнить?

Ухмылка всё больше походила на оскал.

— С одним мной ты справилась, а как насчёт всех? — Лино указал мне за спину.

Я обернулась. Из прохода между двумя соседними домами вывалило с десятков парней, чумазых, тощих и в такой же неопрятной одежде, как Лино. Пару из них на вид были старше главара, но в основном мальчишки. Самый младший, попрошайка Бурро, выглядел ещё бледнее и болезненней, чем в прошлый раз. Они обступили меня со всех сторон, отрезая пути к отступлению.

Жаль, чутьё срабатывало только на демонические ауры, а хрупкие прозрачные оболочки людей как опасность не воспринимало. Я засунула руку за пазуху и нащупала стилет. Он придал уверенности.

— Я за мгновение могу послать мысленный зов Сумеречникам, — спокойно предупредила я. — Они тут же сбегутся, и вас всех повесят.

— Да неужели? — Лино приблизил своё лицо, едва не протаранив меня лбом. Обдалс вонючим дыханием.

— Хочешь попробовать? — спросила я и, выхватив стилет из-за пазухи, замахнулась. Лино отшатнулся, освободив дорогу, и я бросилась бежать. До людной улицы недалеко!

Пару прыжков. Силуэты прохожих впереди. Бам! С крыши прыгнула невысокая щуплая девчонка.

— Помнишь меня? — она улыбнулась, сверкнув тёмной щелью между передними зубами, и перегородила дорогу, широко расставив руки.

Рваную одежду украшали пёстрые лоскуты, в чёрной засаленной косе старые облупленные заколки, на запястьях и лодыжках браслеты с висюльками, половина из которых была оборвана или сломана. Да зачем я её разглядываю?

Отпихнула её с дороги. В спину упёрлось что-то острое.

— Добегалась, тварь! Сейчас я те шкурку-то попорчу! — прохрипел, пыща злобой,

Лино.

— Эй, она моя! — прикрикнула на него девчонка. — Сам виноват, что под её коготочки подставился. В следующий раз умнее будешь.

— Это уже слишком! — возмутился Лино.

Позвать на помощь и потом мучиться видениями их лиц, искажённых предсмертной мукой, или выкручиваться самой? С двумя-то я телепатией справлюсь, лишь бы остальные не подступили. Но те, наоборот, ждали, чем закончится спор.

— Брысь! — зашипела на Лино девчонка и замахала руками, как на бродячего кота.

Разбойник нехотя подчинился: убрал остриё от моей спины. Я повернула голову. Кривясь, Лино прошаркал к ждущим в стороне товарищам. Я заинтриговано обернулась к девчонке. В заострённых чертах у них с Лино проступала схожесть. Наверное, родственники.

— Помнишь меня? От ответа зависит твоя жизнь, — девчонка улыбнулась глазами цвета тёмного янтаря, такими большими и чистыми, что в них, казалось, отражался весь мир. Улыбка настолько обаятельная, что не поверишь, что она с этими разбойниками из одной банды.

— Сорока-воровка, — без страха ответила я.

Она угрожающе сощурилась. Податливый разум легко пустил меня внутрь, показывая чистую и наивную душу, с детской бравадой и уверенностью, что весь мир обязан пасть к её ногам.

Кулак устремился мне в лицо. Я перехватила его в последний момент и опустила, борясь с желанием заломить ей руку за спину и проучить, а заодно и её братцев.

Лино яро отговаривал остальных помогать девчонке:

— В следующий раз умнее будет!

Из сестринских чувств я её отпустила.

— Ты та девчонка, которую я спасла от казни.

Она потёрла передавленную руку и снова просияла наглой улыбкой.

— А мы следили за тобой всё это время. Здоровского ты себе Сумеречника отхапала. Они обычно все такие, от девчонок не отличишь, а он нормальный, ну в смысле мужик!

Я удивлённо вскинула бровь:

— Я не буду его с тобой обсуждать.

Я не собиралась про него никому рассказывать. Он только мой и ничей больше!

— Да тебя никто и не спрашивает, — она ненадолго задумалась. — Жалеешь, что спасла меня? Я же не собираюсь исправляться, нетушки! Видишь эти серьги? — она показала тяжёлые бордовые стекляшки, которые сильно оттягивали короткие мочки. — А бусики? — Нитка с крашеными синими камушками — с виду ничего, но если присмотреться — дешёвка. — Я их украла безо всякого зазрения совести. А потом мы с братьями ещё и тиару украдём. И все упадут на колени перед Хлоей Машкари, королевой воров Эскендерии! Парни, падайте!

Один малыш Бурро опустился на колени, а остальные как стояли, так и продолжили стоять.

— Видишь, как они меня слушаются? Я плохая! Я злая и циничная! Я твой ночной кошмар! Ну что, теперь жалеешь?

Как-то это всё нелепо. Я повела плечами:

— Прежде чем тебя помиловать, я заглянула к тебе в душу, и там не было ничего тёмного, только беспросветная бедность и детское ёрничанье. Сейчас ничего не изменилось.

Я оттолкнула её в сторону и направилась к улице. Насчёт Хлои я была уверена, а вот насчёт её братьев — нет. Но не успела я сделать и пары шагов, как она подлезла мне под руку и загородила путь. Когда же она уймётся?

— Куда же ты? Бежишь, значит, боишься и жалеешь! Все из Верхнего города — трусы. Знай, мы ещё встретимся. Я слежу за тобой! — она попыталась сунуть мне пальцы в глаза, но я смахнула её ладонь, как назойливую муху.

— Как скажешь. Мне нужно спешить. До скорой встречи!

Наконец, мне позволили уйти. Надо будет держаться подальше от тёмных мест и безлюдных переулков. Никаких больше нетореных троп, да здравствуют широкие нахоженные тракты. Потому что, пожалуй, впервые в жизни мне так нестерпимо хочется жить!

До лаборатории я добралась бы быстро, если бы в Университетском городке не попала в поток студиозусов в синих мантиях, похожих на стаи бестолково толкающихся галчат. Приходилось протискиваться сквозь них, уклоняясь от неуклюжих башмаков, грозивших потоптаться по ногам, и загребущих рук, норовивших облапать. Издержки мужского общества. При виде девушки у молодёжи глаза из орбит вылезают, а изо рта слюна капает, как у полоумных. Фу! В армии они хоть устают, а тут даже в драке охолонуть не могут.

Солнце поспешало к зениту, возвращая тени. Лёгкий ветерок обдавал прохладой, особенно приятной на бегу. Опоздала я безнадежно. Взлетела по лестнице, когда на колокольне Храма всех богов звонили к началу служб. Распахнула незапертую дверь, едва не пришибив замешкавшегося Густаво, и ввалилась в уже заполненную людьми гостиную.

— О, возвращение заблудшей дочери! Мы уже и не чаяли, — первым заметил меня Жерард. — А это откуда? — он коснулся моей щеки, и вдруг засадила царапина на скуле.

— Так торопилась, что зацепилась за косяк. Вы же знаете, какая я неуклюжая, — попыталась отговориться я, но одного его пронизательного взгляда оказалось достаточно, чтобы заставить меня замолчать.

— Не ввязывайся в неприятности, — заговорил он вкрадчивым шёпотом так, что каждое слово отдавалось глубоко внутри. — Без тебя всё пойдёт прахом: этот проект, я и, быть может, весь мир.

Перед глазамиплыли картины наших с Микашем приключений. О чём я только думала? Ведь я уже давно не беспечный ребёнок, как Хлоя.

— Проходи, по тебе все соскучились, — он кивнул на остальных работников лаборатории, которые приветливо улыбались и махали руками у накрытого по-праздничному стола.

— Как твоя семья? — спросила я у изрядно похудевшей и осунувшейся Джурии.

Она тут же просияла:

— Доктор Пареда отыскал их в одном из лагерей беженцев к востоку отсюда на границе с Веломовией. Все живы! Только напуганы и остались без крова. Но доктор Пареда нашёл им место в одной из приграничных деревень Ланжу. Он просто герой!

Джурия прижала ладони к груди в порыве благодарности.

— Любой на моём месте поступил бы так же, — Жерард подошёл к нам сзади с кувшином вина и разлил его по кружкам.

— А как вам удалось выхлопотать место? — любопытствовала я.

— Когда ты сирота, оставшийся без поддержки рода, приходится крутиться. Пустяк! Ничего, что я не сделал бы для своей семьи, ведь вы и есть моя семья, — он приобнял нас с

Джурией за плечи. — Надо заказать наш общий портрет для укрепления командного духа. Торmenta?

— Только если не боитесь, что моя красота затмит вас всех! — она кокетливо слизала с пальца взбитые сливки.

За лето ещё больше похорошела: искрились хитринками изумрудные глаза, горели медью волосы, на выделяющихся посреди чистой белой кожи алых губах играла шаловливая улыбка.

— Внешность ничто, дорогая, — холодно ответил Жерард.

— Это только для вас, потому что вы — из гранита, — Торми показала ему язык. — А вот brave рыцари от меня без ума! Ох, как же они хороши! Лайсве, скажи почему опоздала. У тебя на шее след от поцелуя остался!

Щёки опекло румянцем, и я натянула повыше воротник.

— Момент безнадёжно испорчен. Отдыхайте, а потом сразу за учёбу, — махнул на нас рукой Жерард и ушёл к себе в кабинет.

— Не сияй так нагло, деточка, — обратился к Торми Люцио. — Наш лис может быть и не лает, но как-нибудь ночью, когда ты будешь спать, шейку твою нежную шмяк! — он зажал её шею между двумя пальцами. — И перекусит как тростинку.

— Да ну вас с вашими дурацкими шутками! — оттолкнула она его руку и надула губы.

— Каспаша Торmenta, послушать старая обезьяна: даже из ма-а-аленький ручей мочь появиться дракон. Не стоит его будить, — вклинился между ними Шандор. — Вы не обезьяна, ни дракон, ни тигр вам не победить!

Торми презрительно сощурилась, не до конца понимая восточные премудрости.

— Да ладно вам, я вообще удивлён, что они не сбежали от слишком сложных для женских умов занятий, — не удержался от сарказма Сезар и выразительно посмотрел на меня. Я ответила ему тем же. — Это же вам не Сумеречникам на шеи во время парада вешаться. На что только доктор Пареда надеется с этим проектом и этими разгульными девицами?

— Старый ханжа! — взвизгнула Торми и бросилась на него с кулаками.

К ним подскочили Кнут и Кьел, пока Торми не успела проредить густую светлую шевелюру Сезара.

— Нельзя! Доктору Пареде не понравится, — бесстрастно выговаривали близнецы, не подпуская драчунов друг к другу.

Джурия схватила за запястье Клемента, призывая его на помощь.

— Что же вы, досточтимый Сезар, прямо как студиязус-первогодок с девчонкой дерётесь? — устыдил он Сезара. — Разве не понимаете? Война выкачала из казны всё золото, места в круге книжников сокращают до предела. Если проект доктора Пареды закроют, мы все окажемся на улице. Так что советую держать личное отношение при себе и не отворачивать наших девочек от света знаний, — Клемент повернулся к нам. — В этом году мы будем изучать пятое измерение и его численно-векторное отношение к четырём измерениям пространства-времени. Разве это не прекрасно?

— О, я всегда об этом мечтала! — Джурия принялась качать плечами из стороны в сторону, сцепив ладони вместе.

Торми обмякла в руках Кьела и одарила меня несчастным взглядом. Я улыбнулась. Соскучилась! Как будто они действительно стали моей хоть и немного странной, но настоящей семьёй.

Началась напряжённая учёба: зубрёжка формул, заковыристые схемы движения потоков энергии из и в резерв через ауру по человеческим телам, амплитуды колебания тонкого мира вокруг оси червоточин, открытого лишь глазам просвещённых Сумеречников, эманации родовых даров, графики зависимости способностей от близости к материнской стихии, времени года, суток, фаз луны и положения звёзд на небе, превалирующих эмоций. От всех этих знаний голова шла кругом.

Люцио часто вёл занятия параллельно с темами Клемента, чтобы отрабатывать теорию на практике, используя способности родовых даров. Я чувствовала себя, как сороконожка, которой только что подробно объяснили, как она ходит. Впрочем, Джурии с Торми было не легче.

Однажды Люцио заявил:

— Теперь вы будете учиться отличать правду от вымысла без... — он выразительно глянул на меня. — Ваших способностей. Собственно, истории я вам рассказывал именно для этого. Можете определить, какие из них правда, а какие — ложь?

— То есть, какие вы выдумали полностью, а какие просто приукрасили? — усмехнулась я. — Там даже по смыслу легко догадаться.

— Ой ли! Мой милый друг, не всё, что есть в природе, наукой можно объяснить! — процитировал он популярную пьесу в театре Одилона.

— Чему же тогда вы нас здесь учите? — продолжала спорить я. Жерард поощрял ведение диспутов с наставниками.

— Не концентрироваться на словах и их смысле, а на действиях, движениях рук, едва уловимом шевелении мышц лица, глазах, позе, изменениях в тембре голоса, — объяснял Люцио. Иногда он всё же мог быть серьёзен и не зря носил бордовую мантию магистра. — Если овладевшие искусством обмана в совершенстве не выдают себя так легко, то нужно наблюдать за колебаниями ауры, которая истончается и приглушает свет, когда человек неискренен или задумал недоброе. Этот секрет мало кто знает, ещё меньше достаточно наблюдательны, чтобы уловить изменения за краткий миг, который допускает человеческая мысль. Будем учиться.

Правда, порой Люцио настолько увлекался своими байками, что напрочь забывал о цели. После его занятий я была уверена, что никакой карманник меня больше не ощупает, а мошенник не сможет запудрить голову.

— Как только вы овладеете моим искусством в совершенстве, я научу вас туманить чужой разум, — напускал он по обыкновению лишнего пафоса.

— А если я не хочу никого обманывать? Это противно Кодексу и неприятно. Обманывать можно только в крайнем случае, чтобы кого-то спасти. А учиться этому, как соблазнять себя облегчать жизнь и решать проблемы с помощью лжи! — запротестовала я.

— Не будь такой совестливой занудой, детка. Если бы всегда говорили только правду, то в живых бы давно никого не осталось.

— Да-да, я знаю сказку про Меч Истины, не нужно её повторять! Но учиться обману всё равно неправильно, — я упрямо сложила руки на груди.

— Это приказ начальства, — безразлично пожал плечами Люцио.

На этом спор исчерпал себя.

Шандор добавил к гимнастике упражнения по медитации. Сидишь с завязанными в узел ногами-руками и представляешь узор из пёстрых цветных фигур: круг, внутри квадрат, внутри ещё один круг, всё обрамлено идеально ровными лепестками, а в самом центре

бесконечное множество скрещивающихся треугольников. Каждую деталь можно рассматривать часами и узнавать в ней изображения богов, духов и их символов. Все выстроено в строгом порядке, каждая фигура, каждая деталь, каждое существо на своём месте, как и в мироздании. Только от многообразия голова кружится, и кажется, что ты выпадаешь в необозримое пространство, теряя телесную оболочку, становишься всем и ничем одновременно. Долго никто из нас не выдерживал, а когда немного обвыклись, ощущения вернулись обычные, человеческие. Шандор говорил, что это «первая ступень».

Сезар допустил нас до работы в Библиотеке. В основном мы переписывали книги: дряби в глазах копировали почерк древних писарей. Когда мы закончили с первыми книгами, Сезар попросил пересказать их, но ни у кого не получилось. Тогда он заставил нас переписывать до тех пор, пока разум не научится работать отдельно от рук, вбирать информацию кожей пальцев, видеть истину между строк. Тоже своего рода медитация. Когда слишком долго перечитываешь одну и ту же вязь рун, приходит озарение и тебе открывается иной смысл казавшихся простыми и однозначными слов.

Молчаливые близнецы Кнут и Кьел снова показывали опыты и рассказывали о законах мироздания, то расщепляя материю на крошечные частички, то воспаряя к невообразимым космическим далям. Я с тоской вспоминала брата. Вейас обо всём этом догадывался по наитию или божественному озарению и понимал о мире куда больше близнецов. Если бы его слабый голос поддержал хоть кто-то кроме старого учителя, возможно, он бы стал книжником не менее выдающимся, чем Жерард, и был бы немного счастливее, чем прожигая жизнь в Стольном.

Жерард выкроил два часа в неделю для занятий с нами. Обучал «благородному искусству спора», если просто — диспутам. Мы одевались в мантии студиозусов, прятали лица за белыми масками и декларировали заготовленные заранее речи. Вначале Жерард учил нас дикции: не мычать, не нукать, не размахивать руками, не делать долгих пауз, модулировать тембр голоса. После мы отвечали на каверзные вопросы друг друга, защищали свою позицию, приводили веские доводы.

— Желательно без кулаков и угроз, — усмехался Жерард.

Позже мы пробовали выступать экспромтом. Жерард объявлял тему и давал на подготовку пятнадцать минут. Надо было наметить план, уложиться в получасовой монолог, а потом снова отвечать на каверзные вопросы.

Джурии выступления не давалась. Когда она отвечала другим наставникам, то тушевалась и краснела. Сезар выговаривал ей за это, мол, не можешь ответить уверенно, значит, не знаешь. Но знала-то она всё прекрасно в отличие от Торми, которая умела без умолку говорить ни о чём. Жерард долго занимался с Джурией один на один, а Торми чаще журил за неподготовленные задания.

— Да-да, бабы дуры, неспособные к учёбе, все мысли только о тряпках и мужиках. Можно я уже домой пойду? — ныла она после очередного провала.

— Нет, ты не дура, просто ленива до ужаса. Хочешь, чтобы я отстал, ответь хотя бы сносно, — с трудом сдерживался Жерард.

— Вы и мёртвого достанете! — сдалась Торми.

Я же обожала диспуты и очень расстраивались, когда приходилось всё отменять из-за неотложных дел Жерарда в Университете или Совете. Когда я надевала маску, то перевоплощалась в кого-то более сильного и умного, который знал ответы на все вопросы и не боялся высказывать своё мнение. Голову распирало от идей, порой я не укладывалась во

время, тараторила, комкая речь, порой горячилась и спорила с эмоциями, слишком сильно повышая голос и теряя логические доводы.

— В тебе есть страсть, а в споре это главное, — хвалил Жерард, и я заливалась пунцовой красной.

Он присоединялся к диспуту, если видел, что девочки робели от моего напора, и загонял меня в угол своими доводами. Порой я замечала, как он использовал приёмы, о которых рассказывал Люцио, выкручивался из самых безвыходных ситуаций и никогда не скатывался до «сам дурак», «я так вижу», «ты же сама всё понимаешь».

— Сегодня задание усложнится: вы будете защищать идеи, которые считаете ошибочными. Это поможет лучше освоить приёмы и понять, что идея, какой бы истинной ни казалась, на деле ничтожна, если за ней не стоит умелый оратор. Правильна та идея, которую лучше отстаивают, — объяснял Жерард на последнем занятии.

— Но так можно оправдать всё что угодно, любые зверства! — засомневалась я.

— Верный вывод, — кивнул он. — Потому мы должны сделать так, чтобы никто не смог их оправдать, а поддержку получили наши идеи.

Звучало разумно. Раньше пренебрежение к правильным вещам злило: не убивай, не бери чужого, не изменяй, не предавай, не лги. Но пару раз получив по носу за «идеалистичные взгляды», я стала задумываться об обстоятельствах и терпимее относиться к другим, тем более теперь у меня появились люди, чьё мнение для меня что-то значило. Микаш, Жерард... Я бы не хотела, чтобы последний посчитал меня глупой.

Жерард выдал мне тему: «Человек обязан сохранять свою жизнь даже ценой благополучия близких людей». Я стояла, как истукан, забыв подготовленную заранее речь. Как Джурия. Открывала рот, проговаривая про себя слова, но оттуда не вылетало ни звука. Я пыталась вызвать чары маски, представить, что я играю роль в театре Одилона, но ничегошеньки не получалось.

— Остальные — расходитесь, — прекратил мои мучения Жерард.

Девочки ушли. Я «разоблачилась» и вернулась в учебную комнату. Жерард сидел на стуле, по обыкновению закинув ногу на ногу, и о чём-то размышлял. Я устроилась на стуле напротив. Во время занятий мы собирались кружком и смотрели ему в лицо.

— Я не могу врать, — первой созналась я.

— Тогда зачем это делаешь? — удивлённо моргнул Жерард.

Я потупилась, прекрасно понимая, на что он намекает.

— С Микашем другое, я просто не говорю об этом и всё, но не вру ни единым словом. Мои чувства искренни.

— Ты понимаешь, что врешь сама себе?

— Если... если я признаюсь, он больше на меня не взглянет. Я не могу... его отпустить, не сейчас. Может, когда-нибудь, тогда этот груз упадёт с моей души. А пока это моя плата.

Я поправила верёвочный браслет на запястье. Какой же хрупкий! Вот-вот перетрётся, а так не хочется!

— Ты сама ответила на свой вопрос. Это плата, — Жерард подошёл ко мне и приподнял мою голову за подбородок, вглядываясь в глаза. — У каждого человека есть то, через что ему трудно переступить. А если нет, то это страшные люди. Верность идеалам неплохое качество, редкое в наше непростое время, но наша цель настолько важна, что ради неё стоит жертвовать. Всем!

Я выщеживала из памяти образ Безликого, его борьбу с тенью, мои видения о конце

света. Жерард прав. Но почему-то вспомнился Микаш, Вей, отец, прохлада реки в полуденный зной, уютный треск пламени в очаге, азарт схватки с демонами. Когда мне было шестнадцать, и я злилась на весь мир, отдать всё было проще. Сейчас я обросла дорогими людьми и воспоминаниями, маленькими наслаждениями — жить захотелось непереносимо, и чтобы эта жизнь, вместе с трепетной птицей счастья, которую мне удалось ухватить за хвост, длилась как можно дольше. Вечно!

— Рано или поздно нам придётся выступать перед людьми, искать их поддержку, — продолжал убеждать Жерард. — Люди жаждут не истины, а чтобы им в уши лили мёд. Тогда их можно убедить, что небо зелёное, а трава синяя. Вера народа даёт силу и безграничную власть, власть вернуть богов в наши мир. Если мы этим не воспользуемся, воспользуются наши враги. У них нет Кодекса, их руки не связаны устаревшими правилами, которые делают нас бессильными. Добро должно быть с кулаками — этот принцип главенствует над нами. Всё, ради выживания ордена.

Я отстранилась и обняла себя за плечи. Безликий не одобрил бы сделок с совестью. Или это я настолько наивна и никогда не понимала его до конца? Ни его, ни окружающих людей, ни весь наш странный сумасшедший мир, где быть доброй и честной уже давно не в моде.

— Мне казалось, главный принцип ордена — выживание всех людей.

— Они не выживут без нас. Мы избранные воины.

Жерард посмотрел на меня уставшими глазами, потускневшими, с залёгшими под ними тенями от недосыпа. Много работал над отчётами для Совета и Университета, я знала. Протянул мне раскрытую ладонь, очень красивую, аристократичную, с длинными изящными пальцами и аккуратно ухоженными ногтями. Я приглядывалась к мелочам и медлила, но в конце концов пересилила себя и пожала руку.

— Я преодолею свои слабости. Вы верите в это?

— Верю. И ты верь.

Наш проект приобретал всё большую поддержку. Жерард выступал перед публикой на главной площади с рассказами о Норнах. Послушать его собирались толпы не меньшие, чем на представления в театре мастера Одилона. Его энергичная и вместе с тем гладкая речь завораживала. Публика, затаив дыхание, следила за каждым его жестом, внимала каждому слову, хотя говорил он о материях настолько сложных, что даже мы понимали не до конца. После ему аплодировали, с гулом одобрения выкрикивали его имя и с умным видом обсуждали то, о чём ни малейшего представления не имели.

Скряжистый Казначей выделил на исследования больше денег. Нам повысили содержание, наставникам — жалованье, закупили новые книги и оборудование. Работники лаборатории несколько недель составляли списки необходимых вещей и после согласования с Жерардом убирали из них лишнее.

Мы изучали целительский дар, человеческое тело и его недуги, их лечение и приготовление лекарственных снадобий. Нас направили на практику в храме Вулкана. Он находился дальше от дворцовой площади, на границе с Нижним городом. Поблескивавший медью шпиль был виден издали. Четырёхгранная пирамида, облицованная розовым песчаником, высилась над низкими прилежащими постройками и даже стеной, разделяющей Верхний и Нижний город. На ступенях толпились люди, у которых не было денег, чтобы вызвать целителей на дом.

Мы шли в приметных белых платьях. Люди оборачивались, вслед летел возбуждённый шёпот, пока стражники отворяли треугольные медные двери. Внутри дымился ладан в

свисавших со стен курильницах, пахло миртовым маслом, трещали факелы, разгоняя сумрак. Прихожей стоял чан с бурым зельем, которое наливали каждому посетителю, чтобы он не заразился. Мне уже приходилось бывать в подобном храме, когда Микаш был ранен в бою с пересмешницей. Тогда мне пришлось ухаживать за больными две недели, чтобы настоятель его вылечил. Целители любили воспитывать нерадивую молодёжь трудом.

Зная их порядки, я ничему не удивлялась. Заткнула нос и залпом выпила гадкое, вязкое пойло из глиняной чашки. Джурия с Торми морщились и прикрывали рты руками, чтобы не стошнило после первого же глотка. Жерард провёл нас через главный зал.

Больные, лежавшие на расстеленных на полу одеялах, заполняли его настолько, что не оставалось и свободного клочка. Толпились возле своих наставников студиязусы в синих мантиях, слушая задания и отвечая на вопросы. Практиканты в красных мантиях, ещё не получившие разрешение на самостоятельную работу, ухаживали за больными под присмотром старших целителей. Много было и простых помощников на подсобных работах, не требующих ни опыта, ни даже целительского дара.

Мы прошли по узкой дорожке, которая вела к алтарю с чашей неугасимого пламени на другом конце зала. За ней притаился скромный кабинет настоятеля. Одним из главнейших принципов вулканистов была умеренность во всём и самоотречение, впрочем, это не мешало им устраивать грандиозные огненные представления.

Настоятель Беррано, лысый дядечка в годах, заморённый заботами, назначил нам задания. Мы переоделись в белые робы с передниками, на волосы повязали косынки и разошлись. Мне велено было заниматься с сиротами, которых часто находили на паперти храма. Говорили, что обитатели Нижнего города подкупали стражу, чтобы те приносили их сюда. Детей выхаживали до восьми лет и приучали к полезному труду. Жаль только, хорошие места для них находились лишь изредка.

Я меняла пелёнки, купала, смазывала опрелости, поила с ложечки козьим молоком, словом, делала всё, о чём меня просили женщины-служительницы, которые в основном здесь и работали. К обеденному гонгу мне поднесли нагретое влажное полотенце, чтобы я освежилась.

После мне показали маленького мальчика, который плакал, не останавливаясь. Служительницы шептались, что пьяный отец толкнул его в горящий очаг, а после уснул как ни в чём не бывало. Повезло, что у них оказались сердобольные соседи и привели ребёнка сюда, не побоявшись гнева его родителя.

Нужно было снять повязку, наложить заживляющую мазь и сделать новую повязку, пропитанную составом, который не позволял ей прилипнуть к ране.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— К-к-карен, госпожа, — ответил мальчик, борясь с рыданиями.

— Сколько тебе лет, Карен?

— Ш-шесть!

— Взрослый! Потерпи, скоро всё заживёт, и останется только маленький шрамик. Но это даже хорошо! Девочки обожают мальчиков со шрамами.

Он прекратил хныкать и уставился на меня большими чёрными глазами:

— Правда?

— Буду я ещё врать! Ни один мужчина не обходится без шрама, это как знак того, что он уже взрослый. А взрослым плакать не пристало, разве ты не знаешь?

Он затих и позволил мне закончить. Я достала из-за пазухи леденец на палочке и

вручила ему, подмигнув:

— За то, что всё вытерпел, мой герой.

Он счастливо улыбнулся и засунул конфету за щёку.

— Можешь отдохнуть, — сказала мне главная среди служительниц.

Я кивнула и вернулась в общий зал, чтобы навестить девчонок. Джурия поила и кормила раненных, справлялась хорошо, хотя заметно было, что устала таскать тяжёлые вёдра и котлы. Я улыбнулась ей и направилась к Торми. Она оттирала от пота бледную, почти синюю женщину. Её стошнило. Торми едва успела отскочить, чтобы не запачкаться, прижала ладонь ко рту, содрогаясь от рвотных позывов, и посмотрела на меня несчастными глазами.

— Предупреди целителей, что тебе плохо. Я закончу здесь, — заверила её я.

Торми убежала к выходу. Я принесла ведро с водой и тряпку и принялась убирать.

— Плохо мне, плохо! — стонала женщина. — Чудотворница, помоги!

Она повернула ко мне голову, разглядывая лихорадочно блестящими глазами. Да, это я тоже уже проходила. Взяла оставленную Торми чашку с лечебным зельем и поднесла к губам больной.

— Вышейте — поможет.

— Ты поможешь, чудотворница! Прикоснись ко мне, благослови! — бредящим голосом требовала она, ухватив меня за рукав.

— Благословляю, — покорно ответила я, убирая слипшиеся волосы с покрытого испариной лба.

***

Миновал полдень. Жерард вместе с Беррано прогуливались вдоль постелей больных, наблюдая за работой подопечных. Приходилось следить не только за Норнами, но ещё и за навязанными Университетом лоботрясами. Впрочем, ради места декана стоило напрячься лишний раз, тем более ему так явно намекали на это место во время общеуниверситетского собрания.

Глаза наткнулись на лентяйку Торми. Она выбежала из зала, бросив всю работу на Лайсве. Норна Воды доставляла столько хлопот! Забеременела от какого-то рыцаря. Надо будет решить её проблему и надеяться, что она впредь станет осмотрительней.

— Это она? — вывел из задумчивости голос Беррано. Настоятель указывал на Лайсве.

— Да, Норна Ветра, та самая, которая сотворила чудо во время казни, — не задумываясь, ответил Жерард.

— Я не об этом. Дама сердца Микаша Остенского, победителя пифона. Про их неземную любовь сейчас баллады на каждом углу распевают. Не слышал?

Жерард закатил глаза. Столько усилий, чтобы его девочек узнавали как чьих-то любовниц. И тут Гэвин обскакал, умеет создавать ореол славы вокруг своих подопечных. Наверняка эти песенки — его рук дело.

— Да ладно тебе, я пошутил. Вижу, что она особенная. Аура как будто мироточит, даже отсюда запах слышно. Вон как к ней больные тянутся — как чуют. Лет сто назад её бы сделали настоятельницей какого-нибудь большого храма.

— Она моя Норна, — хмуро перебил его Жерард, не желая ни с кем делить свою единственно подлинную пророчицу. — За ней нужно приглядывать. Она ещё не понимает, когда у неё наступают приступы «обожения», слишком много сил из неё сосут. Когда меня здесь не будет, не позволяйте ей перенапрягаться.

— Да хватит объяснять. Пригляжу, как и за всеми.

Жерард не отвечал. Лайсве поила больную лекарством, щедро делясь своим сиянием и облегчая страдания, а вокруг шевелились, как куча навозных червей, больные, протягивая к ней грязные руки.

Она встала и подошла к Жерарду.

— Ты своей помощью только расхолаживаешь Торми и не даёшь шанса стать лучше, — пожурил он нестрого.

Лайсве упрямо свесила голову набок, как делала всегда.

— По-моему, она просто замыкается в себе, — облизала губы и посмотрела прямо кристально голубыми глазами. В такие моменты отказать ей не мог никто. — Мне нужно занятие, которое заставило бы чувствовать себя полезной, помогло бы стать ближе к Безликому, — она указала на грудь, где билось сердце. — Здесь столько обездоленных детей, а за стенами города ещё больше. Я бы попробовала уговорить людей поделиться ненужными вещами, едой, кто сколько сможет.

— Благотворительность — похвальное рвение, особенно если надо завоевать народную любовь, м-м-м? — поддержал её Беррано.

Оставалось только согласиться.

***

Первым делом я нанесла визит мастерице Синкло. Со временем здесь ничего не изменилось: девицы всё так же собирались в полдень за канареечной чашкой травяного отвара и мечтали о свободе от мужского гнёта.

— Давненько тебя не было видно, деточка, — удивилась хозяйка, встретив меня в гостиной.

— Много учёбы, но про вас я не забыла, — я вручила слугам горячий пирог с вишней только-только из пекарни. — У меня есть идея, как показать людям силу женского духа. Мы могли бы организовать группу помощи сиротам войны.

— О, я всегда знала, что в этой милой головке бродит множество светлых идей! — мастерица Синкло захлопала в ладоши. — Ничего не может быть лучше помощи деятельной и стремящейся к независимости девушке!

Мастерица Синкло собрала своих подруг и подруг своих подруг, передала им все мои предложения и идеи по сбору пожертвований: одежды, игрушек, еды. Я ходила по домам и собирало всё, что давали, и следила, чтобы помощь шла на нужды детей, а не оседала у недобросовестных людей.

— Если бы я знал, что ты связалась с этой мегерой Синкло! — сетовал Жерард, наблюдая, как я после занятий проверяю мешки с пожертвованиями и сличаю со своими записями в гостиной лаборатории. — Она присваивает себе твои заслуги!

Ну да, лицом нашей благотворительности стала она, а не я, но разве это беда? Буду я ещё на каждом углу про свои заслуги трезвонить!

— Благие дела останутся благими, от чьего бы имени они ни совершались, — ответила я его же собственными словами.

Жерард долго разглядывал меня, настолько пристально, что стало не по себе, но я упрямо продолжала работу. Это важное дело, и я его отстою, как отстояла право встречаться с Микашем.

В конце концов получилось: Жерард смягчился и больше меня не распекал.

Глава 18. Светлая госпожа черни

Нешадным зноем заканчивалось лето. Лишь в лаборатории было прохладно — на улицу в эти дни старались выходить только после заката.

— Любовь Верхнего города у нас уже есть. Настало время покорить Нижний, — объявил Жерард, собрав нас в учебной комнате. Мы неуютно зашевелились. С обитателями трупоб даже мне было боязно. Смердное дыхание, злые лица, брр!

— Ничего сложного, — успокаивал Жерард. — Раздадите милостыню и облегчите страдания страждущих. Всё тщательно спланировано и подготовлено. Вас сопровождает охрана. Никого подозрительного не подпустят.

— А вы? Вы пойдёте... с нами? — спросила я.

— Конечно, милая, в пасть волкам не брошу. Вы — моё сокровище, — смеясь, ответил он.

Но в день похода в лабораторию примчалась перепуганная служанка и сказала, что дочка Жерарда, малышка Гизелла, захворала. У неё был сильный жар и болел живот. Жерард нахмурился и подозвал Кнута с Къелом.

— Я не могу всё отменить. На подготовку ушло несколько месяцев, а во второй раз люди не согласятся. Посему доверяю вам как себе. Никакой самодеятельности, за девочек отвечаете головой! — строго наказал он, касаясь пальцем переносицы каждого из них, а потом повернулся ко мне.

— Ступайте! Ничего не может быть важнее здоровья Гиззи. Мы справимся! — горячо заверила его я.

Он достал из-за пазухи заколку — бабочку, выложенную цветным стеклом на тонком серебряном каркасе, и приколол к моим волосам. Он в отличие от Микаша в драгоценностях разбирался прекрасно.

— На удачу. Ждал подходящего повода, чтобы подарить, но, наверное, это он и есть, — Жерард поцеловал меня в висок, и стало немного неловко. — Береги себя. Помни, без тебя всё пойдёт прахом.

Я проверила спрятанный в складках платья стилет и помахал Жерарду на прощание. С оружием спокойнее, хотя оно не спасёт, если станет действительно жарко. Я накинула на плечи голубой плащ с золотистой окантовкой и пошла вместе с девчонками следом за Кнутом и Къелом.

В сопровождение дюжины стражников мы двигались по широкой главной улице вдоль старых ветхих кварталов параллельно дороге, по который мы с Микашем искали тайный ход. Здесь основательно прибрались, прогнали попрошайек и грабителей. Хрипел под сандалиями щебень, воздух до дрожи млел запахом нагретого камня, из которого невозможными усилиями пробивалась пожухлая трава. Из-за пологов ветхих хижин выглядывали хозяйки с малыми детьми и радушно махали руками. Даже не верится, что раньше здесь было темно и грязно.

На развилке мы отвернули от реки и вошли в проход между двумя старинными двухэтажными домами. От времени они посерели. Стены растрескались, облетела штукатурка, кровоточила кирпичом кладка. Зияли пустыми глазницами окна, пугали чёрными дырами обвалившиеся крыши. Молчаливая, не дышащая даже шорохами развалина.

Лишь сладковатый запах тлена щекотал ноздри.

— Здесь никто не живёт? — спросила я.

— Простолюдины считают, что в домах обитают призраки. Но если там кто-то и был, медиумы всех выловили, — сухо ответил Кьел.

В хрониках писали, что Нижний город намного древнее Верхнего. Раньше богачи жили здесь, но позже все, кто мог, передвинулись северо-западной, выше по течению Эскенды. Почти как исход из Муспельсхейма: все знают, что стало плохо, но почему — ответить не могут. Время всё дробит и истирает, оставляя только мёртвые остовы медленно гниющих жилищ.

Внутри притаилась просторная площадь, окружённая со всех сторон чернеющими трупами домов. В самом сердце стоял засохший фонтан. Из трещин на бортиках восьмиугольного бассейна и круглой гранитной чаши торчали сухие кусты с жёлтыми цветами камнеломки. Камень оплетало резное кружево лозы, цепей и древних символов-глифов, подобные которым встречались разве что в лабиринте Хельхейма. Я пощупала бороздки: камень будто пульсировал, нагреваясь от моих прикосновений, пел эхом уходящего в тысячелетние дали голоса. Потусторонняя таинственность завораживала, словно здесь рвалась ткань реальности и уносила к звёздным домам небожителей, где в Царстве снов дожидался своего часа Безликий.

— Лайсве! — окликнул Кнут.

Я поднялась на деревянный помост, возведённый специально для нас. Вооружённые до зубов стражники в зелёных сюрко, укрывавших длинные кольчужные рубахи, выстроились с двух сторон от входа, пропуская к нам «добрых гостей».

Выглядели они неправдоподобно опрятно: никакой драной одежды, вони немытых тел и гнилых зубов, заплывших лиц и жутких язв. Мы справлялись об их делах и здоровье, выслушивали неискренние восхваления, раздавали одежду, еду, мелкие вещи первой необходимости и даже медные монеты. Всё проходило чинно-мирно до полудня, когда припекло так сильно, что мы разморились и потеряли бдительность. Под прямыми лучами солнца выступавший из-под черноты времён камень засиял золотистой белизной, окутывая нас яростным светом до рези в глазах. Ветер разгонял запах тлена, принося грозовую свежесть и развевая наши пышные плащи и платья.

Со стороны улицы донёсся грохот вперемежку с лаем. Стражники не успели опомниться, как между ними, стуча по мостовой деревянными колёсами, промчалась тележка, запряжённая двумя блохастыми псинами: высокой чёрной и низкой рыжей с подпалами. На тележке, едва не царапающей мостовую днищем, восседал калека с по-детски маленькими ножками, выставленными на всеобщее обозрение.

Его сопровождала свита отъявленных головорезов. Рты криво ухмылялись, глаза туманила злость, руки яростно сжимали палки. На драку нарываються? Кнут и Кьел подались вперёд. Стражники повернули головы в их сторону, ожидая приказа обнажить оружие.

— Что ж вы так нерадушно встречаете «добрых гостей»? Сами же приглашали всех! — хрипло загнусявил калека, натянул поводки, привязанные к ошейникам собак, и те замерли возле помоста.

Свита двигалась следом, бросая по сторонам волчьи взгляды. Люди боязливо жались к домам. Мысли текли вяло, как будто всё происходило не со мной. Жаль. О поножовщине быстро узнает весь город, репутация будет загублена, а всё, чего добился Жерард, полетит под хвосты этим мешкам с блохами. Вместе с единственным шансом оживить Безликого и

спасти мир!

— Чего вылупились? Я тоже благословения хочу и нуждаюсь не меньше, чем те, — калека указал на свои ноги, а потом махнул на отступающую толпу. — Удостойте милости — омойте мои ножки. Может, свершится чудо, и я излечусь?

Потешаясь, он обвёл нас презрительным взглядом.

— Или у вас, как и везде нынче, чудеса только по расписанию для чистеньких и благополучных? Тогда платите дань королю Лелю, властителю всех отверженных Эскендерии!

— Платите! — скандировала свита, стуча палками о мостовую так, что доски помоста жалобно скрипели и вздрагивали.

— Попасть в Нижний город легко — выбраться сложно, — издевался Лелю, с трудом перекрикивая гвалт. Махнул рукой — и все замолкли. — Красавица-белоручка, — он указал на Торми. — Не соблаговолишь помыть мне ножки? Только это уже не плата, а задаток!

Она прижала руку ко рту, борясь с дурнотой, и метнула умоляющий взгляд в Кнута с Къелом. Они привстали с лавок, чтобы подать сигнал к атаке. Не хочу на это смотреть!

Я решительно поднялась:

— Вас устроит, если я займу её место?

Калека легко выдержал мой взгляд и похабно ухмыльнулся:

— Сама вызываешься? Хм... Храбрость у нас почёте, а ребята?

— Дурость! Дурость! — хором загоготали оборванцы.

Я залпом выпила защищающее от болезней зелье из фляги и взяла тазик с водой, в котором мы мыли руки. Если что, можно будет послать кого-нибудь за чистой водой после.

— Не ходи! — схватил меня за локоть Къел. — Доктор Пареда бы не одобрил.

— Его здесь нет, — напомнила я. — А я не одобряю кровопролитие. Я сыграю по его правилам, и люди уверятся, что правда на нашей стороне. Ему придётся оставить нас в покое.

— Это опрометчиво и наивно! — поддержал брата Кнут.

Я спустилась с помоста и поставила таз на мостовую рядом с калекой. Во внутреннем мешочке завалился флакон с травяным настоем. Я вылила его в воду, чтобы хотя бы запах был приятный, правда, вонь потного тела он всё равно не перебил. Суконной тряпкой я омывала отсохшие ноги. Они были холодные, бледные и мертвенно-неподвижные. Казалось, поцарапаю их или ущипну — калека ничего не почувствует. Но проверять я не стала.

— Не противно? — продолжая насмехаться, спросил Лелю.

— Не противнее крови и кишок на мостовой, — ответила я безразлично.

Опыт в храме Вулкана отбил брезгливость к недугам. Гнойные язвы, пролежни, испражнения, затуманенные болью глаза страждущих... Это мытьё такая малость по сравнению с остальным.

— А оно и вправду поможет? — впервые поинтересовался Лелю без издёвок.

— Тут вряд ли бы лучшие целители справились. Я не вершу чудеса, я только изрекаю волю богов, — без обиняков объяснила я. — Давно у вас так?

— Всегда, — Лелю снова усмехнулся. Видимо, жалость в моём голосе ему не понравилась. — Если такая честная, может, ответишь? Ходят слухи, что ты дочь высокого лорда, а в женихах у тебя герой-Сумеречник, любимец самого маршала. Это правда?

— Он мне не жених, а в остальном — да, — созналась я, выжимая тряпку. Вода стала совсем мутная.

— Тогда зачем тебе эти унижения? У тебя же всё есть.

— Люди редко довольствуются синицей в руках и тянутся за журавлём. Вот и я хочу достать до Девярых небес и вдохнуть в них жизнь.

— Мечтательница! — рассмеялся Лелю и приложил мою ладонь к губам. — А вот оружие под плащом прятать незачем, — обернулся к головорезам. — Эй все, смотрите, Светлая госпожа сотворила чудо!

В моей ладони осталась щербатая медька. Лелю хлестнул собак поводками, и те помчали его тележку вдоль площади. Он шевелил левой ногой под восхищенные охи толпы, а я недоуменно перекатывала подарок между пальцами.

— Светлая госпожа помилована моим указом, а остальные ещё должны заслужить право на жизнь! — Лелю на прощание обернулся к помосту и помахал моим товарищам. Они взирали на нас с молчаливым неодобрением.

Снова свистнули поводки. Собаки понесли телегу к выходу с площади. Стражники попытались их задержать, но псы оказались проворней. Лишь клацнули зубами и умчались в сторону улицы. Толпа хлынула к помосту сокрушительной волной.

— Чудо! Мы хотим чуда! Дайте прикоснуться к чуду! — кричали, толкали, протягивали руки, как когда-то на казни.

Совсем ополоумели, так жаждали урвать краюху волшебства. Девчонки нехотя принимали их: прикасались к ладоням, улыбались, выслушивали, говорили тёплые слова. Кнут и Кьел расслабились и вернулись на лавки.

Я отлучилась с площади вылить грязную воду из тазика в сточную канаву. Враждебности больше не чувствовалось, как и страха. Прохожие смотрели на меня с любопытством, но никто не смел заступать дорогу. Я подошла к покосившемуся колодцу, чтобы помыть тазик. Плесневелая и местами почерневшая верёвка нехотя отматывалась от ворота и с тугим скрипом наматывалась обратно. Вот-вот перетрётся или разломаются трухлявые доски. Этого не случилось, но не повезло в другом: вода в ведре оказалась вязкой и липкой, зеленовато-ржавого оттенка. Воняло от неё знатно.

В Верхнем городе за колодцами следили младшие целители из храма Вулкана: очищали воду с помощью зелий, приглашали плотников либо лозоходцев, чтобы те искали новые места, если старый колодец высох.

Я подошла к берегу реки, но спускаться к воде не решилась. От неё тоже разило. На отмель прибывало горы мусора, тины и плавающей кверху брюхом рыбы. Правда, серые утки и зеленоголовые селезни копошились в камышах в великом множестве, дрейфовали по течению и чувствовали себя отлично.

Оставалось надеяться, что таз больше не понадобится.

Я вернулась на площадь и заняла своё место между Джурией и Торми. Несмотря на то что меня «помиловали», бросать девчонок на растерзание толпы не хотелось. Они облегчённо вздохнули, когда основной поток людей направился ко мне. Мешки с милостыней стремительно пустели, день клонился к закату, а гостей меньше не становилось. Кое-кто пытался прорваться по второму и даже третьему кругу, но их отталкивали сами возмущённые «гости».

Из-за широкой спины на диво сентиментального верзилы выглянула знакомая чумазая мордашка. Яркие ленты, цветочки, поломанные дешёвые украшения — всё при ней. Как и большие невинные глаза. Сорока-воровка дождалась, пока верзила не уйдёт, и заняла собой всё обозримое пространство.

— Помнишь меня? — обезоруживающая улыбка, ямочки на щеках и щёлка между передних зубов — ничего не изменилось, разве что подросла немного и округлилась в груди, хотя угловатые черты подростка всё ещё преобладали над мягкими девичьими формами. Красивая будет, когда созреет.

— Хлоя, принцесса воров, — ответила я без интонации. Зачастили ко мне самопровозглашённые монаршие особы из трущоб. — Я спасла тебя от казни, а потом ты меня выследила в тёмном переулке.

— Ты обещала прийти в гости, а сама только и делала, что пряталась, — она ткнула мне в грудь пальцем. Присутствующие с любопытством прислушивались. — Струсилла?

Когда я успела ей что-то пообещать?

— Я бы с радостью проведала вашу семью, но у меня нет пропуска в Нижний город, — а что? Набралась бы глупости и сиганула с очередного обрыва. Когда уже внизу окажется не глубокая вода, а острые камни?

— Я проведу тебя без пропуска, если завтра на рассвете ты будешь в том переулке, где мы встретились в прошлый раз, — хитро прищурилась Хлоя, желая загнать меня в угол. Сплюнула на ладонь и протянула мне: — По рукам?

Я хмыкнула про себя, но ладонь пожала. Почему бы нет? Лелю тут вроде главный, а он меня помиловал. Наверное.

— Через день. Завтра не успею. Какой подарок ты хочешь? Может, яблоко? Знаешь, как говорят: в день по яблоку съесть — здоровье обрести, — я полезла в мешок, но там уже почти ничего не оставалось. Пару яблок, и те оказались вялые и подгнившие.

— Нет, я хочу это, — она ткнула пальцем мне под капюшон в заколку Жерарда. Как разглядела? Точно сорока!

Жерард разозлится, если я её отдам, или не заметит? В конце концов, он не влюблённый юнец, должен понять. Я открепила заколку и, аккуратно расправив грязные пряди, заколола её Хлое с левого бока.

— Мне идёт больше, чем тебе? — она покрутилась передо мной.

Толпа уже роптала, что Хлоя отнимает так много времени.

— Красивая, — согласилась я, про себя добавив, если отмыть хорошенько и одеть в приличную одежду. — У нас самая красивая Торми, а я ни на что не претендую, — я махнула рукой в сторону подруги.

Хлоя наморщила вздёрнутый носик:

— Обычная! Так ты придёшь?

— Через день.

Она, наконец, удалилась. Люди ещё долго возмущались её наглости и просили прощения. Я с трудом сдерживала смех, слушая их серьёзные рассуждения об этом происшествии.

Вернулись за полночь. «Повезло», что летом темнело поздно. Я валилась с ног, а завтра предстояло переделать много дел. Утром я ходила в храм Вулкана за очищающим воду зельем. Денег за него запросили многовато, но зато не спрашивали, зачем и куда. Видимо, Жерарду доверяли, а соответственно и его работникам. После завтрака я навестила мастерицу Синкло и, справившись о делах нашей благотворительности, отобрала кое-какие вещи. Остальное докупила на рынке. Тащить огромные мешки было тяжело. Жаль, что у меня нет тележки, запряжённой собаками, как у Лелю.

В лабораторию я заглянула только к обеду, но и остальные тоже припозднились. От

Жерарда пришёл посыльный с сообщением, что он задержится на пару дней. Наставники не жаждали перетруждаться и отпустили нас пораньше, предупредив, чтобы и завтра приходить не торопились. Джурия немного побухтела, но её не поддержал даже Клемент. Торми радостно упорхнула незнамо куда. Мне всеобщая нерадивость сыграла на руку: легла пораньше, проснулась за час до рассвета. Времени как раз хватило добраться до условленного места с первыми лучами. Хлоя уже ждала меня в переулке. Тоненькая фигурка в лохмотьях чёрным пятном выделялась на фоне молочно-сизых сумерек. Остальных тут не было. После той засады я научилась воспринимать ауры людей так же остро, особенно когда они испытывали враждебность. Даже готовила для Жерарда исследование на эту тему.

— Не думала, что ты осмелишься, — вместо приветствия усмехнулась Хлоя и вытаращила на мешки у меня в руках: — А это зачем?

— В гости не ходят без подарков, — пожалала я плечами и всучила ей самый лёгкий.

— Тяжело! — заныла она.

— Терпи, ты же хочешь стать Королевой воров. Не думаю, что им так уж легко живётся, — я направила к воротам в Нижний город.

Хлоя, пытаясь, следовала за мной и никак не могла вырваться вперёд. Я замедлила шаг и позволила ей указывать путь. Мы петляли по подворотням, протискивались между домами, пробираясь чужими дворами. Пару раз чуть не схлопотали от дворников из квартала победнее. Остановились на углу двух очень старых плохо ухоженных домов с раскрошившейся кладкой.

Хлоя поманила меня в тень, где дома смыкались. За свисавшими с крыш засаленными холстинами прятался узкий проход между полуразрушенными стенами. Я прошла, перемазав плащ в кирпичной крошке.

— Чтобы чистоплюйки из Верхнего не повадились, — загоготала Хлоя, пока я отряхивалась.

Нижний встретил всё теми же любопытными взглядами и даже опаской. На узких боковых улицах было по-обычному грязно и неудобно. Шныряли под ногами облезлые коты, отсыпались в подворотне смердящие оборванцы. Хлоя бежала вприпрыжку, напевая под нос песенку. А ведь ещё полчаса назад на тяжесть мешка жаловалась!

Вскоре мы добрались до старой разбитой лачуги, значительно ниже прилежащих хибар. Видно, жили там одной семьёй или на надстройку денег не хватало. Дверь заменяла прохудившаяся занавесь. За ней пряталась единственная комната. Стены облупились и потрескались, земляной пол не мели похоже вечность. Маленький обшарпанный столик у закопчённого очага, разбросанные соломенные тюфяки и грязные одеяла. Старших не было, в том числе и главаря Лино. Четверо мальчишек от десяти лет до пятнадцати без дела слонялись из угла в угол, на улицу и обратно. Пятый спал на тюфяках.

Я чихнула от пыли.

— Я привела Светлую госпожу! А вы не верили! — собрала вокруг себя мальчишек Хлоя. — Все исполняют волю Королевы воров, даже она.

Мальчишки жали плечами, не желая спорить.

— Моё имя Лайсве Веломри, — от претенциозного прозвища передёргивало.

Я положила мешки на стол. В них одежда и продукты: пшено, мука, яйца, немного зелени и овощей, самые дешёвые фрукты — мелкие яблоки. Всё, на что хватило моих скудных средств. Но вытаскивать не торопилась: только запачкаю зря.

— Надо здесь убраться, — сказала я, ища что-нибудь похожее на метлу.

— Зачем? Всё равно через пару дней грязно станет. А может, даже быстрее, — ответила Хлоя. Мальчишки её поддержали.

— Значит, нужно каждые пару дней убирать, чтобы грязь не скапливалась. В ней кУли, демоны болезней, множатся.

В углу нашёлся покрытый паутиной огрызок из сточенных прутьев, отдалённо напоминающий метёлку.

— В эти сказки только высокородные чистоплюйки верят, — отмахнулась Хлоя и вместе с братьями полезла в мешки. Решили, раз подарки, значит, уже их.

Я принялась за уборку. Жаль, передника нет. Хорошо бы побрызгать вокруг водой, но с колодцем тоже нужно повозиться.

— А украшения? — надула губы Хлоя.

Мальчишки удовлетворились яблоками и разошлись.

— Там есть пару красивых платьев, — я полезла убирать под столом.

— Да фу! Унылые платья прачек, а я хочу как у высокородной!

— Хочешь душиться в корсете, таскать под юбкой каркас из железных обручей и чтобы волосы так туго закололи в высокую причёску, что голову сводило от боли? — усмехнулась я. — А туфельки настолько узкие, что придётся поджимать пальцы, а то и вовсе их отрубить.

Хлоя прищурилась, не веря.

— А в довершение ко всему тебя выдадут замуж за слюнтяя, который спит и видит, как от тебя избавиться, а на твоё место привести грудастую горничную.

— Вот ещё! Я ему ножичком по рёбрам пощекочу — сразу всю дурь забудет, — она вынула из-за пояса нож и выставила его вперёд.

Я перехватила её запястье и резко вывернула. Оружие с глухим стуком упало на пол.

— Больно! — завопила Хлоя.

Сбежались мальчишки. Я отпустила её и снова взялась за метлу. Хлоя потирала руку и посылала мне испепеляющие взгляды.

— Зачем?

— Чтобы ты, наконец, поняла: люди для Сумеречников смешной противник. Лучше не нарывайся. Пока ты безоружная маленькая девочка, тебя могут пожалеть.

— Не нужна мне ничья жалость! — она подняла нож и спрятала за пазуху.

— Давно вы без родителей? — поинтересовалась я.

— Мама умерла, когда Бурро родился. Слишком много детей — так соседи говорили. А отца через пару лет в «Дюжептице» прирезали. Старшие их ещё помнят, а мы совсем плохо, — Хлоя вначале поникла, а потом вдруг просияла: — Зато мы сами себя растим. Это намного веселее, чем с занудными взрослыми. Начо обещал сделать меня Королевой воров. Сказал, что даже Лино уговорит. А если уговорит Лино, считай, дело в шляпе!

Я потеряла нить её рассуждений, пока выметала пыль за порог. Столько её было — целые горы! Это я ещё не разбирала тюфяки.

— Вставай!

Я пихнула мальчишку-лежебоку ладонью, когда на голос он не ответил. Уж полдень близко — не время для сна, пускай даже он куролесил всю ночь, как бродячий кот.

— Не мучайте Бурро. Ему и так плохо, — попросил самый меньший из братьев Хлои.

— Что с ним? Перегулял?

— Нет, ему просто плохо. Оставьте его в покое! — потребовал старший из мальчишек.

Они явно волновались. Я повернула Бурро к себе и стянула с него одеяло. Бледная кожа

вспотела, лоб горел. Густые, как у сестры, ресницы приподнялись с усилием, открыв подёрнутые мутью глаза. Бурро сдавленно застонал.

— Давно он так?

— У него просто зуб болит. Чуть отлежится и сходит к кузнецу. — Старший потянул меня за руку прочь, но я вырвалась.

Положила голову Бурро к себе на колени и приподняла его верхнюю губу. Десны опухли, покраснели и пульсировали у меня под пальцами.

— Кузнец не поможет. Его надо вести к целителям.

— Эти шарлатаны его угробят! — замотал головой старший. — Какого демона вы распоряжаетесь в чужом доме?! Я позову Лино!

— Зови. — Лино хоть и бандит, но взрослый. Должен понимать, чем это чревато. — Хлоя, надо умыться и переодеться. Мы поведём Бурро в храм Вулкана.

— Почему я? — заупрямилась она, примеряя на себя мою заколку. Зеркала у них не было, а иначе она бы от него не отходила.

— Потому что ты выглядишь приличней всех.

Я потащила её на улицу.

— Не нужно мне мыться. Я месяц назад в речке купалась. От меня даже не пахнет совсем ничуть, вот ни капельки! — канючила она по пути к колодцу. — К тому же он протух. Там уж точно кУли водятся.

— Ты же в них не веришь, — усмехнулась я. — Сейчас мы их потравим.

Я выплеснула в колодец зелье. Хлоя перегнулась через деревянную перегородку и заглянула внутрь. Я едва успела её оттащить, когда вверх с шипением ударила струя воды, обдав нас студёными брызгами.

— Что это? — ахнула Хлоя.

— Целительская магия. — Хоть чем-то смогла её пронять!

Когда струя опала, мы набрали четыре ведра чистой воды.

— Может, сама очистилась? Эх, балаганные фокусы! — всё удивлялась Хлоя, пока мы тащили воду к её дому.

Из разбитой трубы валил дым, занавесь на входе собрали сбоку. Весело трещали дрова в очаге.

— Позвал Лино? — поинтересовалась я у старшего, который следил за огнём.

Остальные сгрудились кружком возле Бурро.

— А я знаю, где он шляется? — хмуро ответил старший. — Вот... дров позаимствовал.

Я недоверчиво выгнула бровь. Теперь воровство так называется?

— Я Чус, кстати, — он отёр ладонь от сажи об штаны и протянул мне.

— Я запомню, — пожала ему руку.

Раз уж взялась помогать... Мы в ответе за того, кого спасли. Демоны! Я вязну в этой трясине всё сильнее!

— Она точно ведьма, и безо всяких фокусов половинчатого Лелю. Колодец очистила... Вжух! — рассказывала Хлоя, размахивая руками.

— Пожалуйста, все на улицу! — скомандовала я, перекрикивая галдёж. — У Бурро на счету каждая минута.

Мальчишки послушались без возражений. Хлоя тоже попыталась улизнуть, но я ухватила её за рукав. Она разделась и села в большой деревянный чан, чудом отыскавшийся в этом бардаке. Я поливала тощее тело с выпирающими рёбрами водой и стирала

прихваченной из дома рогожкой месячную грязь. Хлоя ойкала, вырывалась и царапалась прямо как кошка.

— Холодно! Я заболею! В этой воде все кУли собрались! — причитала она.

— Не сахарная — не растаешь. А если растаешь, то Королевы воров из тебя не выйдет.

Я прополоскала ей волосы ромашковым настоем. На столе было уже приготовлено горчичное платье с квадратным вырезом, обрамлённое по воротнику и подолу белыми кружевами.

— Почему я должна носить это убожество?! — возмутилась Хлоя, но платье надела.

— И никаких украшений! — предупредила я, когда она полезла за сваленными на полу в куче грязных лохмотьев лентам и брошкам. Хлоя метнула в меня полный ненависти взгляд. — Хорошо, можешь надеть только мою заколку.

Пока она возилась, я обмыла Бурро тёплой водой и тоже передела в чистые штаны и рубаху. Он пришёл в себя и бормотал что-то невнятное, едва стоя на ногах.

Мы под руки протащили его через весь Нижний город к щели между домов. Там пришлось перегруппироваться: я тянула спереди, Хлоя толкала сзади. Мы запыхались, взмокли и снова перепачкались в кирпичной крошке. Через ворота прорываться было бы проще! Бурро держался с трудом. Каждый раз, когда его густые ресницы опускались, а подбородок опрокидывался на грудь, я вздрагивала. Может, не стоило его тревожить?

Когда мы дотащились до людной улицы, на помощь пришли двое любезных господ. Мы с Хлоей немного отдышались, пока они волокли Бурро к храму Вулкана. На пороге нас встретили послушники и проводили к свободному целителю.

— Что же вы так его запустили? — цыкнул пожилой уже дядька с седой бородой, внимательно осматривая Бурро.

Тот уже никого не узнавал, беззвучно шевеля губами.

— Здесь зреет большой гнойник. Он может вызвать заражение крови, — страдал целитель.

Хлоя бледнела и таращила и без того огромные глаза.

— Но вы ведь поставите его на ноги, правда? — спросила я, сглатывая сухой ком.

— Сделаю, что смогу, но ничего не обещаю, — развёл он руками. — Оставьте его здесь, напишите свой адрес. Я отправлю посыльного, когда будут новости.

Плату за лечение назначили такую, что мне пришлось отдать все деньги и пообещать отработать у них пару недель. Одалживать из жалованья Микаша не хотелось, всё-таки это его кровные. Он так мечтает о собственном доме со слугами...

На занятия я опоздала и решила проводить потерянную и потухшую Хлою домой.

— Старшие говорили, что всё хорошо будет. Всегда так было. Так почему с Бурро не вышло? — задавала она вопросы, ответы на которые вряд ли рассчитывала услышать.

— Плохие вещи просто случаются, — на ум шли только премудрости Кодекса. — Целители справятся. Они и мёртвого на ноги поставят. Моего друга отравил демон, и они его вылечили. А что значит обычная болезнь по сравнению с демоническими чарами?

— Да-а-а, — протянула Хлоя. — А ты их правда видела?

— Правда. Они и здесь есть, в катакомбах под городом.

Хлоя передёрнула плечами.

— Нет, я их не боюсь. Я их ножичком по рёбрышкам!

— Лучше мойся почаще. Демоны запах грязи и пота первым делом чувят.

В лачуге нас уже ждала большая компания: все одиннадцать братьев Хлои во главе с

Лино.

— Где Бурро?! Книжникам на пытки сдала или стражников на нас натравить решила? — напустился он на меня.

— Заткнись! — зарычала на него Хлоя прежде, чем я успела ответить. — Мы отвели его в храм. Его подлатают, и он вернётся как новенький. А ты только и можешь, что орать и кулаками махать. Мы, между прочим, давно говорили, что Бурро плохо. А ты: как на собаке зарастёт. Целитель сказал, что ещё чуть-чуть, и было бы всё!

— Слушайте вы их больше!

— Перестаньте, — встала я между ними. — Я пришла в гости по просьбе Хлои и принесла кое-какие вещи.

— Нам не нужна милостыня!

— Так вы же сами её просите. И воруете, к тому же. Считай, что это «плата за проход».

Лино стиснул зубы.

— Если бы не заступничество Лелю, я бы тебе показал, что такое настоящий мужчина.

— Не сомневаюсь. Ну, бывайте. Как станет что-то известно, я сообщу, — я развернулась и направилась к выходу.

— Стой! Ты ведь не испугалась? Ты ведь ещё придёшь? — вцепилась мне в рукав Хлоя уже за порогом. Младшие мальчишки во главе с Чусом тоже вывалили на улицу.

— Приду, если позовёшь. Невежливо отказываться от приглашений.

Я зашагала прочь, а дети провожали меня страждущими взглядами.

За углом настигла шумная толпа карликов, калек и попрошаек. Я вжалась в стену дома. Процессия вскоре миновала. Замыкающий её Лелю остановил впряжённых в телегу собак и галантно поцеловал мою руку:

— Не окажет ли Светлая госпожа мне любезность и прогуляется со мной?

Я улыбнулась, тревогу как рукой сняло. Собаки потянули тележку между домов, Лелю указывал им путь, слегка натягивая поводки. Мы вышли к старой набережной. Паутинки трещин бежали по отполированным ногами камням, чёрные пятна походили то ли на ожоги, то ли на тлен. Из воды плотным ковром наступала зеленовато-ржавая тина, от вони слезились глаза. В кучах мусора по берегам копошились вздорные чайки, поглядывая с враждебностью и укором, и кричали так, будто кто умер, а то и вовсе лаяли по-собачьи. Гранитные плиты вздыбливались до пояса. Я уселась на ту, где скос был ровным. Благо, камень нагрелся на солнце. Я повернулась к воде спиной, чтобы не смотреть на грязь. Уж лучше чудное, слегка кособокое лицо моего знакомца.

— Вы удивительно милы для дамы из высшего света, — печально улыбнулся Лелю.

— А вы удивительно вежливы для Короля воров, — усмехнулась я.

— Должность обязывает, — он снял широкополую шляпу с пером, обнажив лысую голову, и учтиво склонил её набок. — Так почему вы одна не испугались половинчатого уroda?

Я задумалась и посмотрела вдаль.

— Нянюшка рассказывала мне сказку, в которой в ненастную ночь на пороге замка появлялся уродливый старец и просил приюта. Высокомерный хозяин прогонял его, и тогда на его голову обрушивались все ведомые и неведомые несчастья.

— Это всего лишь сказка.

— Возможно. Но когда мой отец не пустил в замок вельву, она предрекла нам с братом скорую смерть.

— Но вы до сих пор живы.

— Потому что пошла по другому пути. Решила делать всё не так, как ожидали люди. Жить своим умом. Мне нравится это чувство — свобода. Она дороже замков, красивой одежды и вкусной еды. Только ради неё и стоит жить.

— И даже дороже счастья быть с любимым человеком?

— Можно любить и быть свободным.

Лелю снова печально улыбнулся.

— Вы ходили к Машкари, — заговорил он после долгой паузы. — Не стоит. Я знал ещё родителей их родителей. Бедовая семейка. Ничего, кроме неприятностей, от них ждать не приходится. Лино отъявленный головорез, а младшие на него ровняются. Через пару лет будет опасная банда. И с девчонкой своей они явно церемониться не станут.

— Дети не виноваты в грехах родителей. Кто-то должен дать им шанс. Мне же его дали.

— Ваша доброта вас погубит.

— Нет, доброта и вера спасут наш мир, если его ещё можно спасти, — усмехнулась я и, попрощавшись с Лелю, пошла домой.

Последующие дни пролетели в беспрестанных хлопотах. Спозаранку я работала в храме Вулкана, а после обеда уставшая тащилась в лабораторию и боролась с дремотой на занятиях. Повезло, что Жерард отсутствовал. Зато я могла навещать Бурро и справляться о его здоровье каждый день. Заглянуть в Нижний город я не успевала, но Хлоя дожидалась меня в знакомом переулке и спрашивала о брате. Бурро медленно шёл на поправку. Гнойник вскрыли, жар спал. Целитель отпаивал мальчика зельями и обрабатывал рану заживляющей мазью, я помогала Бурро есть и умываться. Неделю, обещал целитель, и мальчик вернётся домой.

Я сильно опаздывала на учёбу, но была уверена, что никто ругать не станет. С порога насторожила тишина. В гостиной никто не потягивал травяные отвары с плюшками за беседой о пустяках. Густаво таскал бумаги из кабинета в кабинет, Клемент рисовал схемы за столом, Кьел и Кнут что-то возбуждённо обсуждали. У Шандора был выходной. Сезар занимался с девчонками в учебной комнате.

Всё разъяснилось, когда из кабинета вышел Жерард и поманил меня к себе. Он выглядел ещё более измождённым и осунувшимся, чем я. Видно, болезнь дочери вытянула из него все соки. По каменному выражению стало ясно, что надвигается буря.

— Как Гиззи? — спросила я.

— Хорошо. По-моему, ей очень понравилось болеть, когда её любимая игрушка — отец — всегда при ней, — усмехнулся он.

— Вы могли бы меньше задерживаться на работе.

— Моя жена могла бы хоть немного заниматься ребёнком, но это в другой идеальной жизни. В этой приходится мириться с тем, что есть. Я найму ей лучших воспитателей.

— Мой отец их тоже нанимал, но толку было чуть, — я отвернулась. Иногда тоска по старому родителю настолько пробиралась под кожу, что становилось трудно дышать.

— Я позвал тебя не для этого, — он подошёл вплотную и заставил смотреть ему в глаза. Красные прожилки, чернильные тени, запавшие щёки — так жить нельзя! — Зачем ты мыла ноги тому попрошайке? Знаешь, как тебя теперь называют? Светлой госпожой черни.

Я виновато потупилась.

— Я боюсь вида крови.

— А говорила, что врать не умеешь. Что-то я не заметил, что ты хоть чего-то боишься в

храме Вулкана.

— Не крови больных, и даже не мёртвой крови, а крови убитых. Лучшей худой мир, чем хорошая война с людьми.

— Опять Кодекс цитируешь? — Жерард покачал головой, бледные губы дрожали, на виске пульсировала жилка. — Что тебе понадобилось в Нижнем после?

— Вы измождены! Я попрошу Кнута и Къела приготовить для вас отвар, — я отступила к двери, но он схватил меня за руку.

— Нет, я сам справлюсь, — Он сжал мой локоть так сильно, что брызнули слёзы. — Если ты не хочешь крови и смертей, то не ходи туда больше. Не рискуй! Если ты не достучишься до Безликого, то погибнет весь мир!

— Я буду осмотрительней. Пожалуйста, отпустите, вы делаете мне больно! — взмолилась я.

Дверь распахнулась, и на пороге показался Густаво.

— Вам письмо, — пробормотал он, перебегая взглядом с меня на Жерарда и обратно.

Тот разжал пальцы и забрал футляр с посланием.

— Это тебе, — быстро пробежав записку глазами, он вложил её в мою ладонь.

Я вчиталась. Слова расплылись, а смысл никак не хотел доходить. Всё это казалось злой шуткой!

— Густаво! Воды, скорее, — словно сквозь стену раздался взволнованный крик Жерарда.

Стемнело, пол просел. Чьи-то руки обхватили меня за талию. В голове набатным боем отдавалось: Микаш ранен и лежит при смерти.

Глава 19. Крылья хранителя

Читать чужие письма — что может быть ужасней? Палец заскользил по витиеватому вензелю высокого рода на серебряном медальоне.

Серебро — металл злой и ядовитый, несмотря на то что ему приписывают целебные свойства. Медь — металл цвета крови, соль земли, самый полезный металл селян и ремесленников. Золото — металл цвета солнца, самый дорогой и благородный металл королей. Мы можем позволить себе золото, но предпочитаем ядовитое серебро. Металл яростно-белого цвета, чёрная орда страшится его и бежит перед ним, зная его истинное свойство — очищение убийством. Серебро — суть Сумеречных рыцарей, наша защита, не от других даже — от тьмы в наших душах.

Выстуживал нутро ночной холод, не перебивало его даже тепло травяного отвара. Тускло чадила свеча, пуская тени хороводом по внутренностям маршальского шатра. Воск оплывал лужицей на приземистый столик, заваленный футлярами из-под посланий.

Новая блажь Малого Совета — проверять переписку рыцарей. Волна предательств на юге. Нужно вычислить перебежчиков и вербовщиков. Если бы только Совет прислушивался к предупреждениям! Одержимые — вся зараза от них. Правильно в Кодексе сказано: «Нет врага страшнее бывшего друга, чью душу захватил демон. Лишь у сильнейшего из сильных достанет мужества воспротивиться воле теней и выйти на свет после десятилетий блуждания во мраке. Только рождается он всего раз в столетие». Им точно не был ни Трюдо, ни Масферс, ни Рат. Предвестники конца. Вряд ли бы они доверили сокровенное бумаге.

А вот маленькие личные секреты, перипетии близких отношений — как будто в щель спальни подглядываешь. Давит на совесть!

— Маршал Комри! — зазвенел голос оруженосца, которого ещё не довёл до седины жеребец Шаркиз. — Целители велели передать: он умирает.

Гэвин зажмурился. Головная боль, верная спутница, затаившаяся на время, застучала в двери с новой силой.

— Я для всех отсутствую до утра, — сказал он устало.

Бои уже закончились. Так близко к людским поселениям орды демонов не подходят. Гэвин сложил письмо, сунул за пазуху медальон, подхватил мешок с вещами и, перекинув его через плечо, вышел из шатра.

Глаза быстро привыкли к темноте, полная луна заливала призрачным серебром весь лагерь. Как нельзя кстати. Дорога к палатке целителей отыскалась легко, несмотря на то что реюющий над ней красный флаг ночью выглядел таким же серым, как и все остальные. От неё разлило кровью, страданием и лекарствами. Гэвин отвернул полог и заглянул внутрь. Трещали дрова в жаровне. Целитель и его молодой подмастерье сидели возле закутанного в одеяла раненого. Его лицо было цвета восковой лужицы на столе, мокрое от испарины. Губы бледные, почти синие дрожали, шептали тихо, но слышно очень хорошо: «Лайсве! Лайсве!»

— Он уже на грани? — ровным голосом спросил Гэвин.

— Угасает, — целитель повернул голову и вперил измождённые глаза в Гэвина. — И так продержался удивительно долго. Если бы отняли руку, был бы шанс. Даже для сильного это слишком. К утру всё будет кончено.

Гэвин вложил в мокрую ладонь раненого медальон и отвёл взгляд. Глупый мальчишка,

зачем полез на рожон? А сам зачем шёл на орду такими скудными силами? Долг и милосердие остались в прошлом, страх пустил корни в душу, ужас перед будущим, которого может и не быть. Каждый поход грозит стать последним. Беда нарастает комом. Комом, который всех их, богатых и могущественных, сомнёт и уничтожит. Некому будет демонов гонять. Тогда-то они и пожрут глупых людишек, как змей Йормунганд набросившихся на собственный хвост вместо того, чтобы воевать с врагами. Этот липкий неуправляемый ужас и заставлял совершать непростительные ошибки.

Гэвин хотел всенепременно разорить кладки грифонов, но в результате загнал армию в ловушку узких пещер. С грифонами рыцари бы справились, но когда из глубокой трещины полезли линдормы, стало ясно, что в этой битве они не выстоят. Боевые горны вовремя возвестили об отступлении, только застрявшие в пещерах фермеры взмолились о помощи. Мальчишка кинулся им дорогу расчищать. Правильно целитель сказал, даже для сильного орда линдормов — слишком. Фермеры спаслись, а мальчишку с жуткой раной на плече товарищам пришлось волочь бессознательного. Так и не приходил в себя глупый рыцарь глупого маршала.

Ведь мог Гэвин просчитать такую возможность: видел в спешке брошенные фермы. Знал, что мальчишка слишком горяч. Ан нет, выпустил его на передовую.

Впрочем, чего сейчас виноватого искать? Нужно исправить, а после не допускать таких ошибок. Риск огромен, конечно. Учитель бы назвал Гэвина самонадеянным, но мальчишка слишком ценен. Когда ещё подвернётся такая удача: знать, кто именно и держать его в руках, лепить из него то, что никто другой, пришлый, изменить не сможет, как бы ни извращал его суть. Если когда и нужно рисковать, то только сейчас!

— Оставьте нас, — приказал Гэвин.

Подмастерье суетливо засобирался и выскочил вон, а вот целитель задержался, не испугавшись высокого чина и длинной родословной.

— То, что вы собираетесь делать, опасно и противоестественно. Его не спасти. Только следом пойдёте туда, откуда нет возврата.

— Слышали, что на заре ордена из Кодекса вычеркнули последнюю строчку, потому что Совету она показалась расхолаживающей?

Целитель удивлённо вскинул бровь.

— Там было написано: «Смерти нет». Последнее, что оставил после себя Безликий.

Целитель пожал плечами и вышел.

***

Микаш не помнил, сколько бродил в темноте. Здесь не было преград, пол под ногами гладкий, без единой неровности, об которую можно запнуться. Ни аур, ни звуков, ни запахов, ни даже лёгкого шевеления воздуха. Пустота вокруг. Лишь она, её светлый образ вспыхивал впереди, манил. Микаш пытался поймать, но она ускользала, едва он касался её.

Нескончаемый бег по пустоши. Сколько часов прошло? Дней? Чувства притупились, пропали: усталость, жажда, голод. Даже память о последних событиях сохранялась лишь мутным пятном, которое скоро совсем исчезнет. Только Лайсве, непонятная тяга, щемящая нужда в ней не давали остановиться.

Её призрак стал почти осязаемым, свечение опало. Длинные лунные волосы струились по спине пышными волнами, большие голубые глаза затягивали чистотой, ласковая улыбка грела душу. Микаш не сразу понял, что на ней свадебное платье: прямое, белое, без украшений и пояса. В нём Лайсве нравилась ему даже больше, чем в пышном наряде на

помолвке в Ильзаре, в котором он увидел её впервые.

— Ты пришёл! — она радостно захлопала в ладоши.

Микаш улыбнулся. Путь к ней был так далёк, но она стояла каждого пройденного шага. Он хотел прижать её к себе потуже и поцеловать так крепко, чтобы потом долго ловить ртом воздух, но она оттолкнула его руки.

— Ты не понимаешь? Я выхожу замуж!

Из темноты появился мужчина. Сколько Микаш ни старался, разглядеть его не получалось.

— Он замечательный! Красивый, умный, смелый, никогда не ноет и не ошибается. И главное, он мне ровня.

Микаш сжался, как от отрезвляющей пощёчины. Как же горели скулы, как пылало сердце! Демон внутри, спавший всё время, что Лайсве была рядом, забился об рёбра как никогда яростно, упиваясь болью и горечью.

— Ты не думал, что у нас всё серьёзно? — она звонко рассмеялась. — Это ведь только так... от скуки.

— Да! — Слушать дальше не было сил. — Ты очень красивая. Будь счастлива.

Он хотел в последний раз поцеловать её ладонь, но она отпрянула.

— Уходи! Ты больше никому не нужен.

Он глубоко вздохнул, борясь с демоном изо всех сил. Не причинить ей вреда, из всех людей — только не ей!

— Прости. Прощай.

Микаш поплёлся прочь. Хотел услышать оклик, но понимал, что его не будет. Что он должен забыть всё до последнего взгляда, прикосновения. О, запредельное наслаждение, что дарила ему лишь она. Безумно жалкие, больные воспоминания. Всё обман, нужно раствориться и не быть.

— Стой! — велел голос, которого невозможно было послушаться.

Микаш обернулся. Силуэт жениха Лайсве обрёл чёткие черты: сухощавая фигура, тёмные волосы в пучке на затылке, горящие синевой глаза, пронзающий душу взгляд. Микаш знал его когда-то давно, в другой жизни.

— Ты же понимаешь, что это существует только у тебя в голове?

Микаш посмотрел на Лайсве. Она улыбнулась, помахала рукой и растаяла, как морок.

— Реальность часто искажается в наших глазах, и мы видим лишь уродливое отражение в зеркале.

Знакомец вложил что-то в ладонь Микаша. Серебряный медальон издавал приглушённый свет, который унимал боль в груди. Микаш открыл его и провёл пальцем лежавшему поверх её портрета локону. Ромашка и мята — её аромат пробуждал воспоминания. Медальон достался Микашу от жениха Лайсве, он скрепя сердце вернул его ей, когда та просила его уйти. Он не ушёл, а она вернула медальон только сейчас.

— Я нарушил приказ и подвёл вас. Хотел быть героем, и... — словно прорвало гнойник, тошнотворная жижа потекла наружу. — Знаете, какие слухи ходят про нас в лагере? Будто бы я ваш бастард и потому вы так обо мне печётесь. Смешно, да? Но на самом деле я втайне мечтал назвать вас отцом, потому что человека более достойного не встречал.

— Что ж, — Гэвин смущённо закашлялся. — Я бы гордился таким сыном, но не желай с несбыточном.

— Эти мечты всё, что у меня есть, — Микаш снова посмотрел на медальон. Былинка на

ладони гиганта.

— Не считай несбыточным то, что уже свершилось, — усмехнулся Гэвин. — Проблема не в том, что тебя никто не любит. Проблема в том, что ты сам себя не любишь. Прими себя, и несовершенство перестанет грызть тебя изнутри. Стань другим, если хочешь, если тебе это надо, а нет — забудь и двигайся дальше.

Гэвин протянул руку:

— Ты достоин всего, что у тебя есть. И жизни тоже достоин. Скажи, что поборешься — тогда я тебя вытащу. Но если тебе проще жалеть себя и ходить по замкнутому кругу, то я не стану тратить на тебя силы.

— Я... — каждое слово давалось с трудом. Призрачная Лайсве тянула назад, в болото безнадёжности, но медальон тлел на ладони огоньком надежды. Твердил: дай себе шанс. Уйти за грань — чего проще? Всегда успеется. — Хочу... — Микаш вырывал из памяти солнечные эскендерские денёчки, бессонные томные ночи, сладкие, как гречишный мёд. — Жить!

— Значит, будешь жить, — Гэвин широко улыбнулся и обхватил его со спины под руки.

Сзади ярко полыхнуло, пахнуло грозой. Зашелестели перья, поднимая ветер. Ноги оторвались от земли. Микаш повернул голову: внизу серебристой лентой раскинулась от горизонта до горизонта река.

— Грань. Сумеречная река мёртвых, что течёт вдоль Бессолнечных земель. Ты едва её не переступил, и тогда пути назад бы уже не было, — ответил на незаданный вопрос Гэвин.

Светлело. Лиловый цвет сумерек плавно переходил в сиреневый. Серебристыми вихрями вспыхивали огоньки, ветвились, расползались тонкими нитками и затухали. Внизу волновалось пурпурное море, таинственными чёрными тенями на глубине мелькали исполинские рыбыны. Вместо соли пахло сладким луговым разнотравьем. Хлопали гигантские крылья, гоняя потоки прохладного воздуха. Микаш не видел их, только лицо Гэвина, прекрасное в своей неземной безмятежности, висело над ним. Такими в храмах изображали небожителей.

— Где мы? — выдохнул Микаш.

— Никогда не забирался так глубоко в человеческое сознание, а, телепат? — усмехнулся тот. — Мы в царстве снов. Под нами Океан грёз, а дальше Серые пустоши памяти. Выход там, где они заканчиваются.

— Никогда не слышал, — поразился Микаш. — Как вы?..

— Тайные техники, забытое ремесло. На заре времён Сумеречники были куда могущественней и ближе к богам, а сейчас обмельчали. Мало кто ещё помнит, откуда мы пришли и что должны делать.

— И часто вы здесь, ну... летаете?

— В первый раз меня самого тащили отсюда за шкуру. Потом ещё пару раз наведывался, чтобы кое-что узнать и стать сильнее. Утомительно это, можно надорваться и трудно резерв восстановить. А уж тащить кого-то... так что не подведи!

Микаш хотел ответить, но море внизу взрезалось в скалистый берег, распахнула хищный зев чёрная пещера. Хлопки крыльев эхом отражались от стен, множились сотнями. Что-то шевелилось внутри, ползло со всех сторон. Люди кричали, молили о помощи. Судорожное движение и пронзающая всё тело боль.

— Успокойся. Это всего лишь эхо воспоминаний, — пробился сквозь головокружение и темноту ровный голос Гэвина и повёл за собой. — Дальше — больше. Держись, если хочешь

жить!

Они зависли в воздухе и камнем рухнули на поле брани. Минотавр замахнулся когтистой лапой, отлетел в сторону Келман с раскрытым черепом. Глупый товарищ бросился ему на помощь слишком поздно. Двигался неловко и скованно. Зверюга гораздо сильнее, ясно же, что не победит, но дурак нёсся за своей смертью. И если бы не скачущий следом всадник, как туча полыхающий нечеловеческой силой, от глупца бы и мокрого места не осталось.

Воспоминание сменилось. Они стояли посреди лесной поляны. Пересмешница, точь-в-точь похожая на Лайсве, сражалась с тем другим, глупым Микашем, который был настолько слеп, что не мог заметить между ними разницы. Медлил, сомневался, пока она едва не прикончила его, а потом жалел себя и молил о смерти вместо того, чтобы признать ошибку и измениться.

Всплыло новое воспоминание. Блуждание в душном тёмном лабиринте, вымотанные до предела нервы и странный демон. Микаш бы всё сделал по-другому, но не мог навязывать свою волю этим высокородным детям, с которыми так хотелось подружиться. Убрал бы девчонку, но на самом деле шёл только за ней, как замороженный, и больше ничего не видел. Когда демон напал, он даже опасности не почувствовал. Не думал ни о чём. Только бы она жила... где-нибудь... без него... так и не узнав, почему он шёл за ними.

Лабиринт исчез. Они приземлились посреди пустого села. Маленькая прямая улица, огороженная околичным плетнём, мазанки с камышовыми крышами. Как из детства. Детства!

Микаш обернулся к Гэвину. Никаких крыльев у него не было!

— Дальше ты должен идти сам. Выход в том доме, — Гэвин кивнул на покосившуюся лачугу. Поправить её у единственного мужчины в семье силёнок пока не хватало.

Микаш сглотнул подступивший к горлу ком.

Летом темнело быстро. Оглушительно стрекотали цикады — голосами демонов. И пахло так знакомо. Этот запах — крови, мертвецов и Странников — долгие годы преследовал его в кошмарах.

— Не подведи, — Гэвин подтолкнул его к двери.

Микаш сделал глубокий вдох и ступил за порог. Здесь царил такой же порядок и умиротворение, как в тот день. Вещи на своих местах, пахло свежими пирожками — мама готовила их только по большим праздникам. Самой её нет. Её растерзанное тело осталось посреди улицы. На стуле между стеной и столом сидела сестра и впервые смотрела на него умным взглядом. Улыбалась.

Упырь впился в её тонкую шею клыками. Кровь мазала его губы, текла сестре за шиворот. Бездыханное тело с грохотом упало на пол. Фантом из племени Лунных Странников улыбнулся.

Закипела ярость, поднимаясь приливной волной, гораздо сильнее, чем прежде. Микаш потянулся за мечом, но на поясе болтались пустые ножны. Разорвать мерзкую тварь голыми руками!

Микаш ринулся на Странника. Тот оттолкнул его с такой силой, что затылок до оглушительной боли врезался в стену.

— Глупец! Думал справиться со мной так легко? — глумился он.

Микаш открыл глаза и уставился в своё отражение — настолько похоже Фантом подражал внешности. Жёсткие губы кривились в злобной ухмылке, глаза — один голубой,

другой зелёный — смотрели с пекущим презрением. Лазурный плащ скрывал всю фигуру.

Микаш отёр ладонью кровь со лба и попытался сделать шаг, но ноги подвели, и он едва не рухнул. Телепатические клещи сдавили голову так, что даже дышать не получалось!

— Я не Фантом, до сих пор не понял? — усмехнулся демон. — Я это ты, безо всяких чар и уловок. Не веришь?

Он подхватил тело сестры и развернул её к Микашу. Черты изменились. Ужас сковал тело не хуже телепатии. Это же... Лайсве!

— Не смей отводить взгляд! — хохотал демон.

Она открыла кристально-голубые глаза и ласково улыбнулась. Демон дёрнул руками и оторвал ей голову. Кровь вспенилась и хлестнула ручьём. Демон швырнул голову, словно мяч. Микаш поймал её и тут же уронил. На одежде остался кровавый след.

— Я — всё хорошее, что есть в тебе, — демона надвигался неумолимо, как хищник, загнавший дичь в угол и играющий с ней. — Ярость, гнев, зависть, ревность, гордыня и презрение — вот что я такое. Ты бы знал, как я ненавижу твою жалостливость и робость перед высокородными.

Микаш молча таращился на него. Тварь говорит правду! Демон. Тот что сидит внутри.

— Ах, моя любимая Лайсве, — он подхватил голову, перекинул её с руки на руку и пнул ногой так, что она отлетела в дальний угол. — Стелешься перед ней как тряпка, а она об тебя ноги вытирает. Того и гляди, ошейник с поводком наденет и станет водить повсюду, как ручную зверушку, тупую и слабую. А маршал Комри? Ты же чуть ли не землю под его ногами вылизывать готов. За что? За то, что сделал тебя рыцарем? Ты и впрямь настолько наивен? Уже наступал на эти грабли поди сколько раз. Он использует тебя, а ты даже не понимаешь зачем. Я скажу зачем: чтобы орден сохранить. Чтобы рыцари и дальше плясали на костях селян, спали с их жёнами и бросали никому не нужных детей на произвол судьбы.

А высокородные выскочки-командиры? Идёшь у них на поводу, терпишь издевательства, потому что боишься место потерять. Собачье место! Это они, маршал и принцесска, заставили тебя забыть, кто ты есть и как их ненавидишь.

Я! Я достоин возвыситься и вершить справедливость. Отправить всех на костёр, и Комри — первейших. Пускай знают, каково нам было, когда мы молили их о помощи, а они отворачивались, потому что мы не могли заплатить. Пускай их будут преследовать, пускай их дети останутся сиротами и будут скитаться по свету неприкаянными оборванцами.

Сдохни наконец и уступи мне место, чтобы правосудие свершилось!

Микаш старался отдышаться. Мыслить трезво. Это всего лишь кошмарный сон. Сколько их было? Сколько ещё будет?

«Не подведи! Не позволяй, чтобы мои усилия оказались напрасны! — ветер принёс отголосок полуистлевшего эха. И ещё: — Я буду ждать, ты только вернись».

Пальцы нащупали медальон, он толкнулся в ладонь с волной теплоты. Всё не так! Кривое отражение! Коварный демон внутри! Почему медлит? Мог бы, давно бы уже убил.

Не обращая на злобную тварь внимания, Микаш подошёл к голове Лайсве, бережно её поднял и приставил к телу.

— Что ты делаешь, тупица! — демон замахнулся носком сапога.

Микаш обхватил его стопу и дёрнул так, что тот распластался на полу. Сколько мечтал об этом, ещё когда прислуживал Йордену? Микаш снова приставил голову Лайсве к телу.

— Это Царство снов. Здесь возможно всё. Я могу быть сильнее тебя и не слушать твою чушь, — отвечал он ледяным тоном, который удивлял его самого. В ладони появилась нитка

с иголкой. Он начал пришивать голову Лайсве на место. — Я даже могу заставить тебя молчать и слушать. Ты такой умный и гордый, но не понимаешь простых вещей. Возьмёшь правосудие в свои руки, отомстишь — и станешь, как они. Будешь стяжать, жадничать и проходить мимо чужих страданий.

Демон, кряхтя, подбирал себя с пола, пока Микаш продолжал шить.

— У тебя ничего не получится, вечный неудачник!

— Возможно, — бесстрастно отвечал Микаш, не глядя на демона. — Но я не перестану пытаться. И быть может, когда-нибудь даже до тебя дойдёт?

— Что? — огрызнулся демон и напал, но будто наткнулся на невидимую стену.

— В мире есть и хорошие вещи: любовь, дружба, преданность, благородство, доброта, отвага, героизм. На этом мир и держится, а без этого потонет в хаосе алчности, корыстолюбия и подлости. Он умрёт, потому что эти вещи ни дать жизнь, ни поддерживать её не могут. Ненависть и жажда мести порождают большее зло. А я не хочу. Пока они есть со мной — Лайсве и маршал Гэвин — не хочу ни жечь, ни карать, ни нести правосудие, ни уж тем более сворачивать этот мир со своей оси. Я хочу жить, наслаждаться каждым мигом и не думать о неудачах и обидах, ни былых, ни будущих. Такова моя воля!

Микаш оборвал нитку, закончив шитьё, и склонился над телом милой, самой дорогой Лайве. Коснулся холодных губ. Солонуватый привкус крови истлел, а вместе с ним и могильный холод. Кристально-голубые глаза смотрели с умиротворённой улыбкой.

— Вернись ко мне, — вкрадчивый шёпот пробрался в самое нутро, озарил неистовым светом.

— Я постараюсь. Из всех сил!

Демон скалился за невидимой преградой, мигали разноцветные глаза. Микаш решительно поднялся. В ладонь лёг обмотанный кожей эфес, тяжесть стали оттянула руку. Микаш улыбнулся:

— Давай посмотрим, кто из нас сильнее.

Атаковал без предупреждения. Засвистел вспарываемый воздух, скрестились клинки, полетели искры. Давно Микаш не упивался битвой, давно не сражался с такой страстью, забыв о тревогах. Только движение, оборот рукояти в ладони, выверенные замахи, пружинящий шаг, гибкое уклонение. Лихорадочно быстрые мысли, вязь хитроумных финтов. Удар, блок, резкий выпад и шаг назад, отражённая в последний миг атака. Микаш знал всего его приёмы. Знал, как он будет парировать, куда нанесёт следующий удар, всю его тактику до последнего движения.

Чтобы победить, нужно придумать что-то новое, идти вперёд, становиться лучше с каждым шагом. Зов крошечной Северной звёздочки в необозримой дали, ускользающее эхо призрачных голосов направляли фантазию. В ритме сердца, ускориться, увернуться, обманный финт снизу, замедление и неожиданный рывок. Клинки переплелись в глухом захвате. Последнее усилие, и меч ударился о пол.

Микаш приставил остриё к горлу демона.

— Всё равно ты самый глупый человек в Мидгарде, — рассмеялся тот. — Нельзя убить свою тень. Без неё и ты жить не будешь.

— Но можно подчинить, — Микаш поддел лезвием его кожу, багряная капля скатилась за шиворот. — Отныне ты лошадь, а я всадник.

— Однажды ты увидишь, что правда на моей стороне: твои друзья только и делают, что лгут тебе и используют. Ты сам приползёшь ко мне на коленях и будешь умолять занять твоё

место. Ибо я и есть Дух возмездия!

— Заткнись и выведи меня отсюда!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой пока ещё господин! — рассмеялся он зловеще гортанно.

Свет померк. Когда Микаш открыл глаза, то обнаружил себя посреди походной палатки. Каменной глыбой навалилось ощущение тела, разбитого и обессилившего. В горле была сушь не хуже, чем в пустыне, в ушах шумело, перед глазами возникали тёмные пятна и никак не хотели исчезать. Микаш с трудом сделал вдох, второй, третий. Прояснилось.

Тлели угли в жаровне, освещая внутренности тусклым светом. Щипал горло дым.

— Живой? — хриплым баритоном спросил сидевший рядом маршал.

Он был нагой, только лицо скрывала круглая деревянная маска, обклеенная соломой. Синие глаза словно кошачьи светились в прорезях. Сухощавое тело, руки и ноги увивали татуировки: сплетения цепей, на свободных местах изображения птиц, зверей, насекомых, непонятные знаки. Микаш едва различал их очертания в полумраке.

Он с трудом раздвинул челюсти. Звук удалось извлечь из горла только с третьего раза. Пристойный — с пятого.

— Вы всё видели? — просипел он.

Гэвин стянул маску и поправил сбившиеся от пота волосы:

— Всё, кроме хижины.

Он достал из-за вороха одежды платок и вытер им нос. Пахло кровью. Микаш вгляделся в ауру маршала. Обычно тяжёлая и плотная, почти осязаемая, сейчас она была тусклой и порванной в клочья. Как будто он... От одной мысли сделалось дурно.

— Вы надорвались?!

— Пройдёт, не обращай внимания. Я знал, на что иду. Спасибо, что не подвёл.

Микаш пристального его рассматривал. Зачем лезть в пекло ради безземельного рыцаря? Можно ли дальше закрыть глаза на все его странности? Или это снова говорит демон внутри?

— Что это за татуировки? — спросил Микаш.

— Это? — Гэвин загадочно улыбнулся и опустил взгляд себе на живот. — Напейся до беспамятства в кабаке в Поднебесной, и у тебя такие будут.

Не врёт, он никогда не врёт — недоговаривает и играет словами. Есть ли искренность за этим неприступным фасадом? Или это демон сеет сомнения? Нужно поговорить начистоту, задать такой вопрос, от которого Гэвин бы не смог увильнуть.

— Я видел его, своего демона, сражался с ним, почти победил, но последний удар нанести не смог. Демон сказал, что мои друзья что-то от меня скрывают, и когда я узнаю, что именно, то попрошу его занять моё место.

Гэвин принялся натягивать штаны с рубахой, словно избегал его взгляда.

— С некоторыми вещами справиться до конца нельзя. Они умрут только вместе с нами. Вот к примеру, обычные демоны, твари Червоточины — не будет их, не будет и Сумеречников. Так же и с внутренним демоном. Пока есть борьба, есть и личность. Одна половина может подавить другую, запрятать вглубь, но убить — никогда.

Он снова приложил платок к носу. Видно, кровотечение не хотело останавливаться. В сумраке Микаш не мог разглядеть, да и зрение подводило.

— Вы не ответили на вторую часть вопроса.

— Ты очень настырен для того, кто только выбрался с того света, — Гэвин потянулся за сапогами. — Больше всего мы скрываем от самых дорогих людей, никогда не замечал?

Боимся их расстроить или потерять их расположение. А есть такая правда, сказать которую непереносимо тяжело. Мужества на это требуется гораздо больше, чем встретиться лицом к лицу с ордой демонов. Душевная боль всегда страшнее телесной.

— Но ведь больно и тому, кому врут. Когда правда всплывёт, а она всплывёт рано или поздно, всем будет во стократ больнее.

Гэвин горько усмехнулся, закончив обуваться.

— Есть ещё такая правда, которую лучше не знать для своего же блага и для блага всего мира. А последнее, по сути, самое важное. Всё, чтобы сохранить мир, — он с кряхтением приподнялся и, прежде чем уйти, бросил на Микаша короткий взгляд: — Если действительно переживаешь за меня, то просто не подводи больше. Ты мне нужен.

Гэвин отвернул полог и зашагал прочь тяжёлой ковыляющей походкой. За Утренним всадником багрянцем разгорался восход.

Демона пришлось успокаивать самому. Тренировка силы воли. Вскоре явились целители и долго не могли поверить, что Микаш очнулся. Тормошили, щупали пульс, заглядывали в глаза. В животе булькало от зелий и пёрло назад, кожа зудела от мазей. Целительские сети оплетали огненным коконом, подживляя раны и ауру. Во время этого Микаш уснул крепким здоровым сном.

***

Я ходила как в воду опущенная: ничего не видела, не слышала, не воспринимала. Жерард устроил меня в смотровой лаборатории и ухаживал, как во время болезни. Говорил, что я не в себе. Я слушала его отстранённо, как будто всё происходило не со мной, а я настоящая куда-то исчезла. Ни до чего не было дела: еда казалась пресной, занятия — бесполезными. Даже думать толком не получалось. Единственное, что я смогла — написать письмо. Не знала, правда, успеет ли почтовый голубь его доставить, прочтут ли его и передадут ли медальон. Для меня — бесполезная безделушка, для него — весь мир. Жаль, что я не догадалась вернуть его раньше, просто забыла в старых вещах. А сколько всего сказать не успела!

В сердцах даже обругала маршала и требовала, чтобы тот спас Микаша каким-то чудом. Понимала, что это глупо, но жуть разъедала изнутри, сводила с ума, заставляла то выть волчицей, то проваливаться в глухую апатию. Мир потерял краски и вкус без него.

Через пару недель пришло новое послание, от Гэвина. Сухо сообщалось, что он исполнил свой долг — вернул Микаша к жизни, теперь я должна исполнить свой — поставить его на ноги. Маршал надеялся, что я отнесусь к своей обязанности ответственно, и Микаш сможет участвовать в следующем походе.

От приказного тона захотелось возмутиться. Гэвин думает, что я одна из его рыцарей?!

А потом меня накрыло. Жив! Жив и едет обратно. Скоро-скоро будет в моих руках. Уж я постараюсь, я уже выхаживала его после схватки с пересмешницей, смогу и ещё раз. Сделаю всё возможное и невозможное, чтобы Микаш был здоров и счастлив. Потому что это он, и он обожает своего демонова маршала и свою службу. Без неё это будет уже не он.

Жизнь вернулась лихорадочным возбуждением. Я стала есть, занималась интенсивней, чтобы освободить как можно больше времени. Дотошно расспрашивала целителей из храма Вулкана, как и чем лечить такие серьёзные раны, сколько продлится восстановление и возможно ли полное выздоровление. Люцио помог закупить мази, травы, притирки, зелья, бинты.

Душным вечером я сидела в гостинной лаборатории за внушительным томиком по

лечению травм рук. К дивану подошёл Жерард и заглянул мне через плечо.

— Я бы на твоём месте не переживал так. Гэвин уже столько сил в него вбухал, что вряд ли отступится. Наверняка приставит к нему лучших целителей и денег на лечение выделит.

— Даже лучшие целители не заменят заботу близкого человека, — возразила я.

Жерард покачал головой, взял мой листок со списком лекарств и принялся исправлять. Похоже, хотел растопить лёд после нашей ссоры.

— Это поможет с наружной раной, но останется ещё та, что внутри. Её тоже нужно залечить, чтобы он не сломался во время следующего боя.

— Как? — с отчаянием потребовала я.

— Сама сказала — заботой близкого, — подмигнул он мне.

— Спасибо! — от души поблагодарила я. Как хорошо, что то было лишь минутное помрачение!

В храме Вулкана я расспрашивала больных об их проблемах, пыталась предугадать, с чем придётся столкнуться. Время тянулось ужасно медленно.

Микаш вернулся в первый день осени. Армия должна была вступить в город через неделю, но раненые прибыли быстрее, чтобы получить помощь и не мучиться в дороге дольше необходимого.

Я стояла на пороге нашего дома. Хмурилось небо, дули холодные ветра, хотя камни ещё сохраняли летний жар. Цокали копыта, скрипели колёса. Микаш сидел на краю набитой мешками телеги и по-мальчишечьи болтал ногами. Такой бледный, осунувшийся, будто плешивый кот из Нижнего города. Правую руку он держал на перевязи. При виде меня усталые глаза потеплели. На устах заиграла добрая улыбка.

Телега замерла, стукнули о мостовую сапоги. Смахнув задумчивость, я подбежала к нему и обняла, стараясь не задеть больную руку.

— Хватит-хватит, не плачь!

Только оторвавшись от него, я заметила мокрые разводы на серой рубаше. Его шершавый большой палец вытер мои глаза, обвёл контур моего рта, губы сомкнулись на губах в долгом отчаянном поцелуе.

Микаш достал из-за пазухи медальон, пока я переводила дыхание.

— Спасибо, он вывел меня из тьмы... напомнил...

— О чём?

— Что всё не так, как кажется. Нельзя жить одними страхами и сожалениями.

— Тогда давай не будем... — я прижалась лбом к его лбу, пытаюсь унять всхлипы.

После расставания разговоры никогда не клеились: не хватало ни слов, ни дыхания. Только прикосновения, мягкие и трепетные, как тонкий шёлк.

Я хотела подставить ему плечо, но Микаш поковылял наверх сам. Гордый!

Время с ним летело быстро, полное пьянящего счастья даже в не самые радужные мгновения, как сейчас. В его глазах — моё отражение, одиночество на двоих.

Жерард оказался прав. Уже в день приезда к нам явилось трое маршальских целителей. Платили им больше остальных, получить должность было очень трудно и к своей работе они относились серьёзно. Не слушая возражений Микаша, они сняли повязки и придирчиво осмотрели его рану. Ещё более жуткая, чем я себе представляла. Дюжина швов, свежие рубцы, рваные края, покрытые жёсткой тёмной коркой, будоражили воображение. Целители промыли и обработали рану. Микашу пришлось глотнуть зелья, от которого он посерел и едва не лишился чувств. После целители долго водили руками над его аурой, по клочку

восстанавливая пробитую оболочку и ускоряя заживление. Старший взял мой список лекарств и придирчиво осмотрел всё, что мне удалось достать.

— Кто составлял?

— Доктор Паредра, руководитель кафедры Мистических возможностей одарённого разума. Я у него учусь.

— А, помню-помню, он у меня практику проходил. Толковый юноша, из тех, кто не забывается. Идеи у него правда были... весьма своеобразные.

— Может, это и хорошо. У кого нет необычных идей, тот и не сможет открыть ничего нового, намертво привязанный к старым путям.

— Прямо слышу его голос! Что ж, своё учение в головы молодых он и правда хорошо умеет вкладывать. Передавайте ему привет!

Они наложили свежую повязку и ушли.

Вечером Микаш никак не мог улечься, отговариваясь мелкими делами: то почитать, то отчёт составить. Вещи с места на место переносил. Явно уже не знал, чем себя занять. Прометавшись полночи по постели, мокрый от пота, Микаш встал, глотнул обезболивающего зелья из фляги и, не зажигая свечей, принялся бродить по комнате.

— Болит? — спросила я, не выдержав притворяться спящей.

— Полыхает изнутри. Каждый раз. Целители говорят, что по-другому кость с мышцами не срастётся или срастётся так, что я не смогу пользоваться рукой. Им пришлось её по кусочкам собирать, а то бы и вовсе отняли, если бы маршал Комри не запретил. Опять будешь в нём сомневаться? — опередил он моё замечание. Я прикусила язык.

— Если ты ему веришь, то и мне придётся. Как тебя угораздило-то? Снова кого-то спасал?

Он громко скрипнул зубами.

— Фермеры, женщины, дети. Был приказ к отступлению, но я просто не смог их бросить. Велел звену уходить, а сам вытаскивал людей. Думал, успею, грифонов, если что, в узком пещерном лазе откину. Они всё же лучше на открытых пространствах сражаются. Всего пару человек осталось, когда появились линдормы. Это такие большие зубастые змеи с передними ногами ящерицы. Один из них меня цапнул. Повезло ещё, что сойки меня не бросили: выволокли из гадюшника и принесли в лагерь. Настоящие герои!

— Каков командир... — усмехнулась я.

Это в нём и нравилось: безрассудная храбрость, страсть и искренность. Если бы кто-то заявил, что спасать всех на своём пути, рискуя собственной шкурой, глупо, то я бы посчитала его трусом и не стала бы уважать даже вполонину так же сильно.

— Хорошо, что никто не погиб, — пробормотал он.

— Иди сюда. Хочешь, расскажу новую сказку или спою колыбельную? — я похлопала по перине, подзывая его.

Он послушно лёг рядом. Я закопалась пальцами в его густые волосы.

— Колыбельную лучше, — заурчал он почти по-кошачьи.

Матушки Умай пела её непоседливым братьям-ветрам, когда те были маленькими. С тех пор её пели все матери своим детям. Древние ноты очаровывали и убаюкивали таинственным волшебством сказаний, словно падали с необозримой выси Девярых небес звонкой капелью чистого хрусталя, сливались с воем ветра, шелестом далёких северных лесов и рокотом океана, пока не гасли в пустынном беззвучии. Микаш затих, скоро заснула и я, впервые за долгое время.

Целители приходили ещё две недели и только потом позволили мне самой смазывать края раны мазями на пчелином воске и менять повязки.

Микаш сносил заботу стоически и ни на что не жаловался. Когда он ослеп после боя с пересмешницей, то это был конец света. Сейчас он, конечно, сильно повзрослел и ни за что бы не показал страх даже мне, но всё равно я знала, насколько он боится остаться калекой, потерять силу и место, ради которого ему через столькое пришлось пройти!

Мы много занимались: я делала ему массаж, аккуратно разминала мышцы на раненой руке, чтобы они не одрябли. Микаш не позволял себе ни минуты покоя. Мы снова набрали в Библиотеке горы книг. Он обкладывался толстыми фолиантами и что-то переписывал из них на листы левой рукой. Почерк выходил корявый и неразборчивый. Микаш в сердцах комкал листы, отбрасывал прочь и принимался за новые.

Ел он тоже левой рукой, да ещё снова взялся за столовые приборы. Каждая трапеза напоминала хождение по мукам. Пальцы путались вокруг вилки, она извивалась, будто живая, и со звоном падала на пол. Еда крошилась и вываливалась через край. Микаш терпел и отказывался от помощи. Потихоньку начало получаться даже лучше, чем правой. Почерк стал аккуратней и разборчивей.

Однажды утром Микаш разбудил меня поцелуем. Солнце подглядывало за нами в окно.
— Вставай! У меня для тебя сюрприз!

Он едва дал мне одеться и потянул на улицу. День выдался ясный и безветренный, последнее особенно удивительно для Эскендерии в середине осени. Неизменный оруженосец Варден дожидался нас с двумя лошадьми.

— В-вы, с вами всё в порядке? — спросил он, разглядывая Микаша.

— Как видишь. К следующему походу буду как новенький! — тот поднял большой палец и подмигнул.

— Хвала богам! — Варден сцепил пальцы в замок. — Наши так беспокоились, вы себе не представляете. Вот!

Он вручил Микашу железную флягу с искусно выгравированной на ней сойкой. Я усмехнулась, разглядывая.

— Мы все скинулись, Глякса сделал гравировку, он умеет. На память!

— Спасибо, не стоило, конечно, — смущённо ответил Микаш. Я пихнула его в бок, он тут же поправился: — Ты же в следующем году посвящаешься?

— Да-а-а, — Варден непривычно замялся и покраснел. — Я хотел бы у вас служить.

— Разве не лучше у какого-нибудь высокородного? Мастера Холесса или Дайона, к примеру.

Я тяжело вздохнула. Некоторые вещи никогда не меняются.

Варден несчастно скривил рот и замотал головой.

— Что вы, волки злые и склочные. К тому же всегда ходят на вторых местах.

— А ты хочешь непременно на первых? — рассмеялся Микаш. — Ладно, замолвлю за тебя словечко перед маршалом. Только будь верным!

Он трижды стукнул кулаком в грудь. Варден повторил его жест — армейское приветствие. Беркут ударил копытом об мостовую, высекая искры, то ли из ревности, то ли от нетерпения. Микаш забрал поводья Лютика и подвёл его ко мне.

— Ты ещё слаб для прогулок. Вдруг рана откроется? — забеспокоилась я.

— Мы будем очень осторожно. Варден! — они на пару с оруженосцем округлили глаза и хором попросили: — Светла госпожа, ну пожалуйста!

Я вздохнула. Конечно, он зачах в четырёх стенах. Да и как я могла отказать, когда он смотрел на меня так?

— И кто после этого из кого верёвки вьёт?

Микаш счастливо улыбнулся. Мы забрались в сёдла и направились к городским воротам. За стеной лошади потрусили лёгкой рысью. Гулко и бодро стучали подковы по выбитой дороге. Прохладный осенний ветер играл в волосах. Солнце торопилось разогнать утренний туман.

Микаш хорошо держался, легко управляя Беркутом только ногами, а здоровой рукой не давал поводу соскользнуть с шеи. Кони горячились, прибавляли ходу, азарт гнал вперёд, заставляя забыть о здравом смысле.

— Хей-хей! — воскликнул Микаш, и Беркут перешёл на галоп, подкидывая вверх задние ноги.

— Осторожно, рука! — взмолилась я.

Микаша мотало над конской спиной.

— Тише, малыш, — донёсся шёпот. — Принцессочка волнуется? Не будем её пугать!

Беркут сбавил темп, галопируя настолько плавно и размеренно, что Микаш, казалось, слился с ним в единое целое. Они летели над землёй. И я летела рядом.

После прогулки я перестала пугаться, когда Микаш делал сложную работу или перенапрягался. Рана не открывалась, корки размягчались и отходили всё больше, но появлялись новые, и снова надо было их промывать и мазать. Микаш вернулся к тренировкам с оружием. Гимнастику мы делали и до этого, Микаш даже метал ножи в мишень левой рукой. Но сражаться на мечах...

Он проводил на тренировочном дворе во дворце Сумеречников дни напролёт — колошматил соломенное чучело затупленным мечом. Вокруг собиралась толпа зевак: оруженосцев, новобранцев, простых рыцарей. Нет-нет, да среди них появлялись лица знакомых командиров. Микаш ни на кого не обращал внимания и продолжал упражняться, вначале неловко, роняя клинок и едва не попадая себе по ногам, но чем дальше, тем уверенней и лучше.

Однажды Микаш засиделся допоздна над записями, педантично выводя каждый штришок в очередной руне. Я устала ждать, когда он уляжется. Закашлялась. Когда он не отреагировал, подкралась на цыпочках со спины и закрыла ладонями его глаза.

— Не слепись. Надо больше отдыхать, если хочешь быстрее выздороветь.

— Стараюсь, — пробормотал он, поднося мои ладони к губам. — Тебе скучно со мной?

— Нет, наоборот! — я уселась ему на колени, заставив отложить перо с чернильницей. — После падения подняться невероятно тяжело, но ты с таким упорством идёшь к своей цели и не жалуешься на трудности. Это вдохновляет.

Он усмехнулся мне в волосы, гладил спину.

— Хочу научиться пользоваться левой рукой так же свободно, как правой. У мастера Гэвина вышло, значит, и у меня получится.

Я припомнила, как маршал писал и двигался.

— Он левша. Им проще.

— Сложности только закаляют, сама сказала. Я справлюсь.

Он упрямо выпятил нижнюю губу. Я не выдержала и поцеловала его.

— Справишься, только не сейчас.

Я потянула его за собой к постели. Всё слилось в звёздный вихрь. Мы одно единое

существо, живущее одной слаженной жизнью, ведомое одной судьбой. Его раны — моя боль, мои беды — его печаль. И общий стон, в котором умирала ночь вместе с опадающим лепестком свечного пламени.

Я проснулась первой и наблюдала за его безмятежным сном.

— Знаешь, если бы кто-то другой на меня так смотрел, я бы поседел от страха, — пробормотал он хриплым голосом и потянулся.

— Я тут подумала — тебя надо поощрить, — сказала я, разглядывая его сонное лицо.

— Ещё поощрить? — Микаш шаловливо выгнул бровь и подтянул меня к себе здоровой рукой. В глазах горели алмазные искорки-хитринки.

— Верховая прогулка и совместная тренировка, м? Если осторожно, я разрешаю.

Через пару часов мы уже были на нашем излюбленном месте у излучины реки. Лязгали тренировочные мечи, стучали об твёрдую землю сапоги. У меня было преимущество впервые за долгое время: Микаш ещё не орудовал левой рукой так же легко и свободно, как правой. Удары были заметно слабее, никаких тебе хитрых финтов и обманных манёвров. Но он не унывал, и мне это нравилось. Я даже готова была проиграть, лишь бы он оставался доволен. Счастье такое хрупкое, как тончайшее изделие стеклодувов.

Проигрывать не пришлось, потому что Микаш остановился сам:

— Передохнём?

Я кивнула.

— Мне ещё многому предстоит научиться, — задумчиво заключил он, положив оружие на землю.

— Это и неплохо, — я последовала его примеру. — Когда нечему больше учиться, нечего открывать и некуда стремиться, жизнь теряет смысл.

— Разве твоя жизнь потеряет смысл, когда ты встретишься с Безликим?

— Не знаю. Наверное, я найду другую цель и буду стараться ради неё.

— Вряд ли что-то сравнится с миссией оживить бога и спасти мир.

— Может быть. Не уверена даже, что я на правильном пути. Иногда мне кажется, что я иду в обратном направлении. Как справится с неверием и унынием?

Микаш задумчиво повёл плечами:

— Нужно просто идти и не оглядываться. Жизнь будет испытывать тебя каждый раз, и если ты не сломаешься, то станешь сильнее и куда-то да придёшь. А если всё время останавливаться на полпути и возвращаться, то с места не сдвинешься.

— Но согласись, наше место не так уж плохо.

Микаш сощурился и приобнял меня за талию:

— И я бы провёл здесь всю вечность. С тобой.

Мы смеялись, опускаясь на одеяло, укрывавшее кучу опавшей листвы. Она шелестела у нас под спинами, сырой осенний ветер пытался в ветвях плакучих ив, солнце не жарило, а обволакивало нежным увядающим теплом. Тихо и покойно. И так невероятно хорошо вместе.

Вскоре Микашу сняли швы. Целители сказали, что он идёт на поправку быстрее, чем они рассчитывали, но руку велели беречь и оставили на перевязи. Приближался день смотра войск перед походом, где должны были решить, возьмут Микаша с собой или оставят выздоравливать дальше. Засветло я помогала ему одеться.

— Я буду держать за тебя кулаки! — подбодрила его, пока он проверял, прочно ли крепятся ножны на поясе.

— Я даже левой дерусь лучше, чем многие новобранцы, — не унывал он. — Всё будет хорошо, если я не опоздаю.

Я поцеловала его в щёку на удачу, и он отбыл. Вернулся к полудню. По виду не определишь, доволен или раздосадован.

— Не дали даже показать себя, — опередил Микаш мои расспросы. — Сказали, что маршал Комри велел держать меня при штабе, пока целители не подтвердят, что я полностью здоров.

— Бережёного Безликий бережёт.

— Быть штабной крысой скучно!

— Возьми пару книг в дорогу. Я договорюсь с библиотекарями. Ты же сетовал, что не успел дочитать что-то интересное.

Он задумчиво повёл плечами и улыбнулся. Последующие дни мы занимались сборами. Я аккуратно упаковала всего его мази, снадобья и травы, написала подробный список, что и когда применять, заставила его прочесть и вникнуть несмотря на недовольные гримасы и отговорки: «Целители сами обо всём побеспокоятся».

— Береги себя и будь осторожен, прошу! — говорила я ему на прощание на дворцовой площади.

— Буду. Теперь хочу жить. Больше чем когда-либо.

Беркут повёз его прочь, а мне хотелось бежать следом и махать рукой, пока воинство не скроется за стеной.

Интерлюдия II. Тени в полдень не умрут

Бушевал самум, кровавыми росчерками вихрился песок, сдирая плоть с костей. Жаром пекло не хуже, чем на погребальном костре. Живые укрылись в шатрах и пещерах. Мёртвые ступали среди мёртвых жертв отгремевшей битвы. Реяли изодранные в клочья небесно-голубые плащи, как знамёна победителей. Огненным смерчем приближался ифрит, песок кипел под его босыми ступнями, ревело пламя, обращая пыль в тлеющие снежинки праха.

Масферс и Трюдо опустились подле поверженного маршала Альехо в белых латах, откинули шлем с мёртвого лица. Глупец, мог бы ещё жить, если бы правильно оценил силы и вовремя отступил. Ему бы дали уйти, наводнив войско лазутчиками. Ну... хоть кость людишкам бросить — они так ждали этой победы. Напьются вдрызг и будут отплясывать на костях своих же соплеменников — несуразные создания.

Пленных много взяли, ещё с прошлого раза достаточно осталось, несмотря на то, что часть вернули в стан врага. Проще уничтожить его изнутри, с помощью шпионов и предателей, чем снаружи, имея в распоряжении столь скудные силы. Загипнотизированные загипнотизируют других, и так по цепочке. Тот мизер, который не поддастся, легко будет выжечь после.

Немного тренировки, и они научились скрывать следы внушения, чтобы дознаватели не чуяли их по первому щелчку пальцев. Жаль, в этот раз никого вернуть не удастся — не примут их после того, как они потеряли своё войско и маршала. Впрочем, воины из них лучшие, чем из вчерашних пахарей. Тех давно пора возвращать к земле, пока все не околели от голода. Насколько же неудобны эти потребности бранных человеческих тел?

— Благодарим за помощь. Когда настанет Владычество Теней, наш бог тебя не забудет, — поклонился ифриту Трюдо.

Масферс последовал его примеру.

— Как бы Утренний всадник не уничтожил мой род раньше. Он не забывает оскорблений, — ифрит указал огненным перстом на мёртвого маршала.

— Не бойся, своей помощью вы приближаете его конец, — ответил Трюдо.

— Единственное, чего я боюсь, что Вечерний всадник, который придёт на его место, будет много хуже. Всё в мире стремится к равновесию: раскачивается одна чаша весов — раскачивается и вторая. Я не жажду возвращения Безликого, но все духи уже готовятся к тому. Говорят, он назвал вэса. Теперь лишь вопрос времени, когда прольётся его кровь, и то, что было вначале, повторится вновь.

— Повторится, — кивнул Трюдо. — Только на этот раз с иным исходом. Мы не совершим прежних ошибок.

— В телах людей вы обрели их слабости. Самонадеянность — самая страшная из всех. Порой им кажется, что мир подчиняется их воле, но все здешние обитатели лишь разменные фигуры в большой игре.

— К чему разговоры? Вы либо на нашей стороне, либо против всех, потому что они вас не примут, — оборвал многомудрую речь Масферс. Не так надо вести переговоры — уж сколько раз повторялось. — Твоё решение?

— Мы встретим Утреннего всадника в долине Междуречья, где сложил голову его предок. Но боюсь, без Великого дракона Ашану, мы мало что сможем. А драконы больше

никогда не выступят против Небесных, только под их знамёнами.

— Выступят, если захотят жить! — возразил Масферс.

— Мы все этого хотим, только доживём ли до заката? — ифрит неуклюже развернул свою огромную тушу к северо-востоку и зашагал прочь, унося с собой песчаную бурю.

Трюдо и Масферс вернулись в лагерь, где в окружении доверенных воинов их дожидались пленники.

— Не стоило разбрасываться союзниками, — пожурил Трюдо товарища, вытряхивая из седых волос песок.

Он хоть и не ранил ставшую тверже черепашьего панциря кожу, но всё равно доставлял неудобство.

— Более сговорчивых сыщется не меньше. Лунные Странники спят и видят, как бы рыцарям-супостатам в горло вцепиться.

— Так-то оно так, но вода камень точит.

Пленников выстроили шеренгой. Въедливый Айгу, третий новый носитель взамен погибшего Рата, расхаживал вдоль неё и заглядывал в ничего не выражавшие лица.

— Есть кто-то подходящий? — перешёл к делу Трюдо.

— Капитан Нок, — кивнул Айгу, указывая на тридцатилетнего подтянутого авалорца с огненно-рыжей шевелюрой и бородой. — Дар истинный, за плечами больше дюжины походов, вхож в Большой Совет, водил дружбу с Синеглазым, простой народ его любит.

Трюдо глянул на Масферса. Тот кивнул и встал справа от Нока, Айгу — слева. Трюдо подошёл к пленнику и коснулся его лба. Зрачок расширился, рот распахнулся в немом крике. Нок дёрнулся, пытаясь вырваться, но Айгу и Масферс удержали его, опрокинули на колени и за волосы оттянули голову назад. Нок выпучивал глаза и бешено вращал ими. Пахло от него липким ужасом, прозрением своей истинной судьбы и судьбы своего рода:

— Я не стану служить вам! Мой дух силён, а воля свободна, очищающее пламя спасёт меня от ядовитого тлена!

— Успокойся, — Трюдо провёл по его вытянутому лицу указательным пальцем. — Станет легче, больше ты никогда не будешь один, у тебя будет истинная цель и хозяин, в праведности и силе которых ты никогда не усомнишься. Скажи, чего желаешь, и всё исполнится.

Трюдо вынул из-за пазухи фиал тёмного стекла и поднёс к лицу пленника. Струйками полился антрацитовый дым, обхватывая лицо Нока щупальцами, проникал внутрь через все отверстия — ноздри, нос, уши. Ядовитые иглы впивались в сердце, перерождая его и искажая причудливо, заполняя собой пустеющую оболочку. Нок осел и забился в конвульсиях, дико вереща. Рождаться — больно, умирать — ещё больнее, перерождаться — непереносимо. Но необходимо, чтобы замкнуть круг.

Нок затих, Масферс поднял его и перевернул лицом. Он тяжело дышал, но цвет глаз уже изменился — один голубой, другой — зелёный. Смотрел отрешённо, не чувствуя больше боли. Масферс поднял в воздух большой палец.

Трюдо перевернул фиал и попытался вытрясти последние капли.

— Осколков больше не осталось. Четверо — слишком мало. Отправишься искать новые залежи Мрака, — приказал он Айгу. — А теперь помогите расставить сети.

Масферс усадил проходящего в себя Нока на землю и вместе с Айгу подошёл к Трюдо. Они взялись за руки. Чёрные и голубые из воздуха и теней вились нити, коконами оборачивались вокруг пленников, лишая воли, вещая монотонным голосом: «Нет бога, кроме

Единобо. И мы — его верные слуги, его посланники в этом жестоком мире. Мы несём свет искупления и освобождения. Наша миссия праведна, а посему достойна любых жертв. Вы часть её, своими деяниями вы приближаете его приход. Когда он ступит на землю, ваши дети первыми войдут в Благостный край. И это ваш выбор!»

— Это наш выбор! — вторили они, освобождаясь от навешенного сна.

Смотрели друг на друга без страха и улыбались, понимая, что наконец-то среди своих.

Нок поднялся, Масферс поспешил укрыть его испачканную в пыли одежду голубым плащом.

— Добро пожаловать, брат!

Вместе с остальными они удалились в командирский шатёр, желая поговорить без посторонних ушей.

— Есть новости о духах. Синеглазый их не убил, — сообщил Нок.

Трюдо удивлённо вскинул брови:

— Даже Разрушителя?

— Взял его под своё крыло. Сейчас про него баллады слагают, мол, герой из низов, стал рыцарем, сокрушил орду демонов, добился любви прекрасной принцессы. Народ его обожает, новый символ благородства Сумеречников.

— Это неплохо, если... — Трюдо задумался. Всё шло слишком гладко, и где-то неуловимо ощущался подвох, но пьянящий привкус победы туманил разум. — Хм, а что же Синеглазый?

— Так это всё — его работа. Верха поговаривают, что он жаждет поднять престиж ордена и боевой дух, мол, не такие уж они неприступные и жадные. Но думаю, его истинная цель не в этом. Может, защитить хочет или на свою сторону перетянуть? — Нок пожал плечами.

— Но разве же он не знает, что это невозможно? Сколько в нём смелости возвращать собственного палача? — Масферс шумно выдохнул.

— Небесные всегда отличались безрассудной храбростью. Кажется, не пойдёт на такое никто в своём уме, ан нет, бросаются грудью на остриё меча. Даром, что ли, никто из них до старости не доживал? — при здравом рассуждении волноваться не о чем. Слишком невероятна неудача. Трюдо снова обратился к Ноку: — А что же Искатель?

— Связалась с книжниками. Они своими секретами ни с кем не делятся. Говорят только, что простой народ при ней рассудок теряет. Требуют чуда.

Трюдо прищурился:

— Значит, Безликий уже здесь. Нужно торопиться. Захватим обоих — и победа у нас в кармане!

Глава 20. Перстень сильфов

Пришло время возвращаться в звено. Трепетно и радостно стало на душе, когда целители подписали десятое по счёту прошение и отпустили с миром. Насвистывая под нос задорную песню, Микаш шёл через весь лагерь. Вечерело, но духота не спадала даже после захода солнца.

Целую вечность Микаш отлёживался и прозябал на скучной штабной работе. От отчётов рябило в глазах: сколько провианта истрачено и осталось, оружие, скот, возы и телеги, подсобные работники, целители, воины, раненые и павшие. Пересчитать и учесть, проверить и перепроверить, чтобы никто не проворовался и не устроил nepотребств. Черода жалоб и предложений. Отделить зёрна от плевел и донести до маршала за партией в шахматы, не упустив ничего важного. Ещё и чужой работы навешали, видя, что Микаш не отлынивает.

На редких приёмах Гэвин посмеивался. А может, снова научить хотел? Что армия — это большое существо, состоящее из многих органов, которые должны работать слаженно, чтобы тело двигалось, сражалось с демонами. На первый взгляд, воины тут главные, но убери какое-нибудь подсобное звено — оружейников, поваров или конюхов — и ничего работать не будет. Все разные, к каждому нужен свой ключ. Составить полную картину, просчитать варианты на много ходов вперёд... Голова шла кругом, но Микаш только крепче стискивал зубы, снова и снова делал больше, чем просили. И заваливал целителей прошениями вернуть его в звено.

Шатёр, шахматы за чашкой расслабляющего зелья, обваривающего нёбо горечью полыни, трепетание свечного пламени, стиснутые плотно кулаки.

— Хорош киснуть, — усмехнулся его заморённому виду Гэвин, лихо сняв пешкой ладью и почти не оставив Микашу фигур для манёвра. — Как твоя рука? Меч держать можешь?

Он встал, вынул из ножен клинок левой рукой и со свистом рассёк воздух. Гэвин удивлённо вскинул брови. Микаш перебросил меч в правую руку. Привычная тяжесть обмотанным грубой кожей эфесом легла в ладонь. Рука будто обрадовалась, истосковавшись по другу. Клинок запел, описывая дугу, извернулся, поразил невидимого врага, отзываясь ликующим звоном.

— Ты давай поаккуратней, — покачал головой Гэвин. — Не хочу тебе следующую награду посмертно присуждать.

Микаш покорно вернул меч в левую руку и спрятал в ножны.

— Не подписывал бы, — Гэвин показал листок Микаша с прошением. — Да некого на тайную вылазку послать. Ни слова из того, что я сейчас скажу, не должно выйти за пределы этого шатра.

Микаш с охотой кивнул, покусывая губу в предвкушении. Ладони и те вспотели.

Гэвин убрал шахматы и развернул на столе карту.

— Знаешь, что за земли лежат перед нами?

Микаш сглотнул:

— Древняя долина Междуречья, земля легенд. Здесь сложил голову ваш предок Джордж Драконоборец.

— Да, на Терракотовой башне, — Гэвин указал на точку, которая находилась в сердце вражеских земель. — Это первое святилище матушки Калтац в Мидгарде. Сразу после

строительства его занял дракон злого огня, Великий Ашану, вместе с верными слугами ифритами. Джордж победил Ашану ценой своей жизни, пытаясь отвоевать святыню. Тогда орден заключил союз с племенем великих драконов, по условию которого охота друг на друга строго возбраняется. До сих пор его не смела нарушать ни одна из сторон. Впрочем, в этой долине драконов не осталось.

Микаш почесал гладковыбритую щёку, разглядывая карту. Вот уж с драконами воевать точно не хотелось.

— Эти земли лакомый кусочек, многие пытались их освободить, но никто не вернулся живым. Неужели вы жаждете участи, что постигла вашего предка? Право, оно того не стоит, там некого спасать.

— Зато там много демонов, а нам во что бы то ни стало нужно сократить их число. С нашими скудеющими силами это проще всего сделать, загнав их в ловушку в собственном гнезде, а не гоняться за каждым по отдельности. К тому же я не собираюсь повторять ошибки предшественников и атаковать в лоб, — Гэвин коснулся своего виска. — Эта долина — идеальное место для ловушки, — он ткнул тем же пальцем в линию, опоясывающую Междуречье. — Раньше здесь сливались две реки, полноводная Шегами и та, что зовётся сейчас Высохшей. В сезоны дождей они затапливали всю долину. Демоны злого огня осушили одну из рек, но Шегами, вторая, не оставляет надежду оживить сестру, скапливая всё больше воды и подтачивая собственное русло сильным течением. Нужно помочь ей вырваться, и победа будет у нас в кармане.

Микаш в задумчивости забарабанил пальцами по карте:

— Чтобы разрушить русло даже в самом тонком месте, во вражеский лагерь нужно стянуть безумное количество огневой и телекинетической мощи. Это нереально, проще в лоб.

Гэвин хмыкнул, удовлетворённый его сообразительностью и дотошностью.

— Нереально, поэтому мы воспользуемся более мощным источником жара — солнцем. В первые годы Терракотовая башня служила ещё и маяком для переселенцев с Муспельсхейма, разгоняя мрак в запылённых демонами землях Мидгарда. Наверху стоял огромный кристалл, настолько прозрачный, что кажется, будто смотришь прямо на воздух. Он отражал свет от огня на многие-многие вёрсты вокруг.

— За полторы тысячи лет он мог потускнеть или разбиться, сама башня могла давно обвалиться, — замотал головой Микаш.

— Но её остов до сих пор виден на другой стороне долины, а когда солнце поднимается из-за скал на рассвете, наверху что-то ярко сверкает.

— Хорошо, тогда где мы возьмём топливо для такого костра и как нам не сгореть в нём самим?

— О, это самое интересное, — Гэвин указал на другую точку. — В сердце Перепутова леса есть бездонная яма. По легенде в незапамятные времена дети Небесного Повелителя, шаловливые братья-ветры, уронили сюда со звёздных чертогов солнечный камень. Он пробил землю почти до Сумеречной реки душ и разлетелся на тысячи осколков, которые остались внутри ямы. Ночью можно видеть, как они светятся внизу. Нужно достать их, принести на башню, положить под кристалл и направить его на русло на рассвете.

— Всего-то! Это же лес духов, а они терпеть не могут, когда кто-то нарушает их уединение. Все, кто пытался достать камни, сгинули, — маршал разговаривал настолько доверительно, на равных, что Микаш и сам не заметил, как начал входить в раж и спорить

так, как в его звании и возрасте не дозволялось.

— У нас есть союзник, не совсем добровольный, но за неимением лучшего... — Гэвин снял с пальца серебряный перстень и кинул его Микашу.

Тот принялся вертеть украшение в руках. Старинный, с изображением крылатого силфа, обхватившего руками алмаз. Микаш присвистнул и вопрошающе глянул на маршала.

— Семейная реликвия. За полторы тысячи лет походов подвалы родового замка от таких безделушек ломаются, — легкомысленно улыбнулся Гэвин, но Микаш отчего-то не поверил. — За неё можно купить большое поместье с землёй на несколько дней пути, но на самом деле ценность перстня куда больше, чем можно себе представить. В Теснине Уголты у самого входа в лес обитает должник моего рода. В обмен на этот перстень он послужит проводником и защитит от духов.

— План слишком сложный, что-то обязательно пойдёт не так, и вся затея провалится! Вам нельзя брать на себя такой риск, полагаясь лишь на родовую удачу и замшелые легенды.

— Я и не буду, — Гэвин усмехнулся. — Этим займёшься ты со своими Сойками. Считаю это проверкой на прочность. Справишься — станешь когда-нибудь маршалом, нет... что ж, мне было очень приятно играть с тобой в шахматы.

Микаш сглотнул, не веря. Его посылают на смерть!

— С такими безумными планами ко мне только Лайсве приходила.

— И как?

— Ради неё, мне казалось, я способен исполнить даже несбыточное. Поднаторел в этом.

— Хорошо! Не забывай это чувство — оно залог твоей победы. Вот тебе опорные точки: Теснина Уголты, яма в Перепутовом лесу и Тетрактотовая башня. Что делать и как прокладывать путь, решишь сам. На десятый день мы будем ждать сигнала на другой стороне долины. От успеха твоей миссии зависит, сметут нас ифриты или нет.

Микаш сдавленно выдохнул. Раз уж взялся служить, то доверяй своему маршалу. Доверяй, потому что он ещё ни разу не подводил, даже когда Микаш ошибался сам.

— Всё будет в лучшем виде, — коротко отсалютовал он.

— Ступай к своим. Завтра утром чтоб был на построении в лучшем виде.

Микаш просиял и уже направился к выходу, как Гэвин его окликнул:

— Стой! А партию доиграть?

И правда.

Не успел Микаш дойти до своего звена, как дорогу заступили знакомые силуэты. Лица в темноте было не разобрать, но по аурам сразу понятно: Вильгельм и его подпевала Гаето. Только их не хватало. Первый вышел вперёд и положил ладонь Микашу на больное плечо.

— Куда идёшь, штабная крыса, неужто выздоровел? — пальцы крепко сжимались, словно норовили пробить плоть.

— Как видишь, — ответил Микаш, стараясь держать себя в руках.

Вильгельм отступил. Заговорил Гаето, пока его высокородный товарищ «сохранял лицо»:

— Все смеялись, как ты пораниться умудрился на таком плёвом задании. Говорили, что специально подставился, потому что струсил. В штабе да в целительской палатке всяко легче, чем на поле боя шкурой рисковать.

— Я бы лучше повоевал, даже полудохлый, — спокойно выдержал Микаш. — Но рад, что доставил вам веселье. Оно продлевает жизнь.

Микаш зашагал в сторону горевшего вдалеке костра, но так просто его не отпустили.

Гаето забежал вперёд и поцокал языком:

— Неучтиво, голодранец безродный, уходить, недослушав знатных особ!

Микаш выгнул бровь. Оскорбить пытается? Был бы он действительно безземельным, было бы великое оскорбление, а на правду кто обижается? Правдой гордятся! Но молчат.

— Это ты-то знатный? Слыхал я, что твой отец все родовые земли прокутил, оставив семью в долгах перед своими же арендаторами. Так что вряд ли у тебя есть чем передо мной похвастаться. А почтенный мастер Холлес, — Микаш поклонился в пояс, как делал, когда лорд Тедеску грозил немилостью. — Пускай сам за себя говорит.

— Спеси в тебе что грязи, а гордости, поди, на короля с лихвой хватит. Ничего с ними не добьёшься, уж поверь мне, — отвечал высокородный хитрец. — Будешь брезговать влиятельными знакомыми, так и останешься пустым местом.

Вильгельм зашагал прочь, Гаето потрусил следом. Микаш потёр разбережённое плечо и, нахохлившись, пошёл дальше. Влиятельные знакомые, нет уж, это унижительно. Любой чин, любая привилегия должна быть заслужена потом и кровью. Иначе это как подтвердить, что сам ты и выеденного яйца не стоишь. Смертельное задание маршала будет исполнено!

Увидев его, сидевшие у костра Сойки подскочили и бросились навстречу: жали руки, поздравляли, обнимали. Один Орсо дожидался в стороне. Был тут за главного, пока Микаш отсутствовал. Обрадуется или пожалеет, что командование придётся уступить?

— Ты к нам проведать или останешься? — отстранённо спросил он.

— Останусь. Вот приказ маршала, — Микаш протянул ему бумагу с печатью.

Орсо её не взял, а заглянул в глаза.

— Сам-то как? Затянулась рана? — он обнял Микаша и со всей дури треснул по плечу кулачищем. Рана заныла с новой силой. Микаш скрипнул зубами. — Вижу, что не до конца. Ты это... давай поосторожней, не подставляйся больше. Мы с парнями решили, что ежели чего, то в следующий раз будем тебя до последней капли крови прикрывать. Негоже это — второго командира подряд терять.

— Я буду помнить, — Микаш улыбнулся.

После первых боёв сойки смягчились, после первого похода признали, но приняли как своего только теперь. Пришли те, кто не помнил Фейна, воспринимали Микаша как героя нескольких походов, сильного и благородного, не сомневаясь в его приказах. С ними было легко и не страшно повернуться спиной.

Допоздна просидели у костра, пили бражку по кругу, травили байки. Микаш хоть и старался не переусердствовать, а всё равно проснулся поздно. Плечо затекло из-за того, что накануне его безжалостно тревожили. Микаш засобирался на построение и только тогда обнаружил, что сапоги сверху донизу перемазаны навозом. Даже внутрь накидали. Дрянь!

Ругаясь на чём свет стоял, Микаш рванул к ручью. Навоз — не страшно. Под ним оказалось что-то липкое, похожее на дёготь, вонючее и несмываемое. Затрубили горны. Микаш натянул сапоги и побежал на плац.

Сойки уже выстроились в шеренгу с остальными по команде Орсо. Микаш встал перед ними, заложив руки за спину и высоко задрвав подбородок. Отыскал глазами Гаето — тот замер перед своим звеном через пару командиров и ухмылялся. Скотина! А вот Вильгельм, который стоял по соседству, был как всегда собран и бесстрастен. Конечно, грязную работу за него другие делают, а его высокородные руки всегда чистыми остаются. Ничего, в один из дней...

— Командир?.. — заговорил лорд Мнишек, оглядев всё звено у него за спиной.

— Остенский, — нехотя напомнил Микаш.

— Что за непотребный вид? — капитан брезгливо поморщился. — Или вы думаете, дружба с маршалом позволяет не соблюдать дисциплину?

— Простите, капитан Мнишек. Такого больше не повторится, — покорно ответил Микаш, но это его не смягчило.

— Конечно, не повторится. Ещё один выговор, и вас снимут с должности. Командование звеном — работа ответственная. А для вас, как я вижу, ответственность — пустой звук. И не отговаривайтесь недавним ранением. Если маршал счёл, что вы здоровы достаточно, чтобы вернуться в строй, значит, ни в каких поблажках не нуждаетесь.

— Так точно, капитан Мнишек, — коротко и бойко ответил Микаш, желая скорее покончить с выволочкой.

— Разойдись!

Начались спешные сборы: провиант, вода, тёплые вещи. Идти будут пешком — на лошадях там не проедешь.

Выдвинулись через пару часов под озадаченными взглядами остальных. Микаш сказал только, что отлучка будет длительной. О важности им лучше не знать, о смертельной опасности — тем более.

Через полчаса пути в гнетущем молчании Микаш решил озвучить первую задачу: остановил звено и развернул перед ними карту.

— Мы направляемся в Теснину Уголты. В неё ведёт русло высохшей реки. Вокруг достаточно много демонов. Да вы и сами должны их чувствовать.

Новички хмыкнули неразборчиво, бывалые насторожились.

— Если навалятся разом — не отобьёмся. Поэтому идти нужно скрытно, группами по трое, стараясь не вступать в схватки. Встречаемся в Теснине ночью и ждём опаздывающих до утра. Ясно?

Сойки кивнули.

— Повторяю, в схватки не вступать и спасаться бегством.

— Это не для нас надо повторять, — засмеялись они хором.

Микаш pokrивил рот. Ну да, уели.

— И ни в коем разе не нападайте на духов. Вы знаете, как отличить их от демонов?

Сойки зашущукалились. Микаш устало вздохнул.

— По ощущениям: чувствуете враждебность или опасность — демон, всё спокойно — дух. Полагайтесь на чутьё, — нахмурились — не дошло. — Если увидите что-то похожее на болотные огоньки, не трогайте их!

Теперь точно поняли.

Микаш взял с собой двух новичков, с Орсо отправил ещё одного. На скрытном задании всяко веселее, чем рубиться в общем строю. Здесь нужна хитрость, ловкость, внимательность, осторожность. Опасность подстерегает на каждом шагу, живёшь ею, упиваешься ею, лишь бы не захмелеть! Опасность Микаш любил не меньше, чем ту, чей локон носил в медальоне на шее. Игру, азарт, особенно когда ставки поднялись вместе с желанием выжить. Потому и согласился на авантюру так легко.

Вначале их тройка двигалась в тени оливок, росших вдоль русла сухой реки. Когда деревьев не стало, они спустились к текущему между камей ручью и скрылись за большими валунами. Демоны рыскали наверху, не таясь, но запаха людей не чуяли. Его перебивал отпугивающий порошок, которым были начинены мешочки у каждого за пазухой.

Главное — не шуметь. Эхо разносило звук далеко, демоны запросто могли определить направление, откуда он явился. Долго и кропотливо пришлось учить новичков ходить, не двигая мелкие камни под ногами, красться беззвучно, как призраки, издревле облюбовавшие эту долину.

Для отдыха выбрали нишу между упавшими друг на друга валунами. Забились туда, как в раковину, и переводили дух. Микаш оставил новичков и пошёл в разведку один.

Вдалеке бродили ифриты, ревело пламя, топотали копытами огромные носатые быки куйату, поднимая столбы пыли. Хорошо, что Гэвин не сунулся сюда с армией — полегли бы все.

Микаш пошёл обратно. Шёпот новобранцев эхом разносился по округе, будто они орали. Рассказывали о том, с каким трудом попали в звено. Хотели непременно служить у Микаша и стать героями. Надо же, рыцари выстраиваются в очередь, чтобы воевать под началом безродного, который даже меч носить не достоин. «Безземельный!» — повторил про себя Микаш. Теперь он такой, не стоит забывать.

Он пожурил их, глотнул воды, забросил в рот пару кусков сушёного мяса и орехов.

Снялись и пошли по руслу. Наверх выбираться не стоило. На открытой местности они будут как на ладони. Три рыцаря ифритам на один зуб, а воды здесь для защиты мало.

Тени исчезли, солнце палило так, что стёганка пропиталась потом, макушка накалилась, как сковорода. Трепетал воздух, пахло душным камнем. Молчали. Мужчины не жалуются, рыцари — тем более. Одно на солнце хорошо — враги его не любят. Даже ифриты. Нужно успеть в Теснину до заката, иначе всё осложнится.

К сумеркам новобранцы заморились. Микаш пихал их в спины, медлительных и неуклюжих, забрал часть вещей из мешков, но они всё равно дышали натужно, обливались потом и выбивались из сил. Щадил их, видно, Орсо, мало гонял. Зря!

— Пожалуйста, отдых! — взмолился более хилый.

Не дойдёт.

Микаш махнул в сторону вздымающегося отвесной стеной песчаного русла. Там можно было спрятаться. Новобранцы вжались в него спинами и съехали на корточки.

Нужно оглядеться.

Микаш вскарабкался по песчаной круче, подтянулся за край берега, распределяя больше веса на здоровую руку, и осторожно высунул голову. Исполинские Ифриты ростом в несколько сажений бродили совсем рядом, потягивая носами. Исходивший от них жар опалял лицо, застилал глаза пеленой слёз, ноздри щекотал гарью. Камни плавилась под их босыми ногами, сухие деревья вспыхивали и мгновенно обращались в прах. Свистели огненные бичи.

Что это за жужжание? Микаш сполз вниз, прислушиваясь. Ауры ифритов алыми вспышками ослепляли внутреннее зрение, чутьё заходило в панике. Даже излюбленный приём — найти в душе островок спокойствия — не помогало ничего не разобрать. Микаш направился к своим. Надо гнать их к Теснине.

Впереди замерцал огонёк, разгоняя тусклый сумрак. Сердце болезненно сжалось. Запалили факел? Зачем?! Звон в ушах оглушил. Да нет же, свет белый! Белый! Микаш рванул к ним.

Огонёк кружил у лица уставшего новичка, кидался в глаза, словно норвил их выжечь. Парень уже замахивался рукой, чтобы сбить назойливую тварь. Мгновение — Микаш проник в его разум и перехватил контроль над телом. Огонёк остался невредим. Но второй то ли от

страха, то ли от усталости оступились на камнях. Они покатались по руслу к воде и с громоподобным плеском ухнули в неё. Эхо разнесло звук по окрестностям.

«Бегом!» — скомандовал Микаш телепатически.

Один бежал сам. Вторым приходилось управлять внушением, волочь за собой, хоть и не на больных плечах. Опасно, ведь Микаш мог случайно загнать чужое тело до смерти, не чувствуя пределы его возможностей. Но это лучше, чем попасть ифритам на обед.

Демоны уже гнались следом. Дрожала земля под их ногами, летели камни, огненные бичи секли воздух, от жара плавилась одежда и волосы. С другого берега подступали куйату, за ними пузатые многоголовые людоеды — то ли мэнквы, то ли мангусы.

«Живее!»

Неповоротливые гигантские демоны ещё не настигали, но камнепад мог сделать всё за них.

Огонёк не отставал — жалил новобранца в лицо. Под внушением тот не трепыхался, просто бежал со скоростью Микаша.

Сзади из сотен плоток сошёл поток пламени. Ревущей волной оно понеслось по руслу. Демоны решили испепелить их, раз догнать не получалось. Второй новобранец — оборотень с тотемом волка. Велеть обратиться? Тогда хотя бы у него будет шанс спастись.

Русло раздвоилось. Они заскочили в уходящее вбок ответвление. Пламя промчалось по прямой, едва не прихватив одежду.

«Не останавливаться!»

Они понеслись дальше. Воздух рвал лёгкие, жар обжигал гортань, сердце грохотало об рёбра. Русло мелело. Перепрыгивая с валуна на валун, вскарабкались наверх. Нужно забрать северней. Орда демонов уже их заметила и неслась следом, плюясь огнём во все стороны.

Страх подстёгивал, затмевал усталость и боль в мышцах. Темнело стремительно. Дурацкий огонёк словно нарочно выдавал их расположение. Впрочем, и дорогу под ногами подсвечивал. В сумерках на камнях расшибиться раз плюнуть.

«Быстрее!»

Микаш прибавил — открылось второе дыхание. Спасибо подсмотренным в эскендерских книгах техникам. Ногу выпускать на выдохе. Сосредоточиться только на движении. Отталкиваться сильнее.

Впереди вздыбливались скалы. Теснина где-то там. Столько демонов! По аурам не ориентируешься. Куда бежать?!

Мелькнул тусклым всполохом ответ костра.

«Туда!»

«Вдруг ещё демоны?!» — пришла от новобранца предательская мысль.

Да без разницы!

Ифриты дышали жаром в спины. Глаза куйату сверкали колдовской зеленью. Людоеды с рёвом тянулись толстыми ручищами за валунами. Попадут — мокрого места не останется.

Последнее усилие. Рвались мышцы, выбивались сердца, лёгкие готовились исторгнуть последний выдох вместе с кровью. Воздух от летящих глыб толкал, сбивал с ног, огненные бичи свистели так близко, что едва не рассекали одежду.

Демоны замерли, словно наткнулись на невидимую преграду. Оскалились и взвыли в бессильной злобе. Огонёк исчез. Осталось только видение безмятежно трепещущего костерка впереди. Выступили тёмные силуэты, замахали руками.

Свои!

Они добежали и рухнули возле костра. Сойки бросились к ним, поднесли воду к губам. Хотя бы горло промочить. Проверjali ссадины. Микаш отпустил внушение. Новобранец заскулил и обмяк, закрыв глаза.

— Жив? — спросил Микаш, переводя дыхание.

— Да что с ним станется? — отмахнулся Орсо. Микаш устало повернул голову.

На новобранца побрызгали водой, и он зашевелился.

— Сам-то как?

— Бывало и хуже.

Только плечо пульсировало, а в остальном ничего страшного. Дыхание всегда восстанавливалось быстро, мышцы погудят с непривычки, пока их снова не придётся нагрузить до предела, а потом и вовсе привыкнут.

— Да куда уж! — горько усмехнулся Орсо. — Такую ораву за собой собрали. Мы уже и не чаяли, что добежите. Повезло вам!

Микаш оглядел Теснину, в которой они так удобно устроились. Дровишек насобирали, костёр развели, вещи разложили. От ветра укрытие, от демонов. На входе ещё широко, почти как поляна или пещера большая, а дальше сузится должно так, что щемиться придётся. Ладно, думать об этом он позже будет.

— Троиx нет, — наконец, сосчитал всех Микаш.

— Ты сам дал время до рассвета. Придут, а мы пока прикорнём. Главное, чтобы демонам не попались. Интересно, почему они этого места боятся? — Орсо опасно огляделся вокруг.

Микаш пожал плечами. Волновать Соек раньше времени не стоило. Они плотно перекусили: похлёбка с сухарями, мясо. На этот раз он хотя бы чувствовал вкус. К ночи стало холодать, в пропотевшей одежде знобило, хотелось жаться поближе к костру. Сойки уже посапывали, новички так и вовсе оглашали окрестности громовым храпом.

— После такого первого боя долго жить будут, — усмехнулся полуночничавший вместе с Микашем Орсо. — Скажи, зачем маршал сюда сунулся? Решил количеством побед своё имя в историю вписать? Каждый поход всё более безумный, ты заметил?

Микаш облизал растрескавшиеся губы.

— Это последние походы. Нужно уничтожить как можно больше тварей, пока есть время.

— Из-за заварухи на юге? Народ постоянно волнуется. Неужто мы не победим шайку простолюдинов с вилами и мотыгами? Уляжется всё, а потом будут новые походы. Больше воинов, когда не придётся на два фронта разрываться.

О грядущем конце думать не хотелось. Микаш только-только нашёл своё место, получил всё, о чём мечтал, и терять это мучительно не хотелось.

— Скажи, с тобой маршал откровеннее, чем с кем-либо! Он ведь не ясновидец и не пророк, в конце концов, — не унимался Орсо. — Идти в долину Междуречья — чистое безумие.

— Он просчитывает варианты. Он не суётся в осиное гнездо, он послал нас сбить его на землю. Нам нужно вовремя отскочить, чтобы рой не накинудся на нас. Только и всего.

— Как бы мы костями не полегли из-за этого роя.

— В бою — лучшая смерть для воина.

Орсо печально улыбнулся:

— Но хотелось бы ещё пожить. Помяни моё слово — маршал страшный человек. До лая

мелких шавок ему дела нет, а кто у него на пути станет — сметёт, как ураган. Я видел его в гневе.

— Внутри каждого из нас свой демон. Внутри меня уж точно.

Они замолчали. В полудрёме глаза Микаша набрали на знаки на скале, почти такие же, как в лабиринте Хельхейма и перед тайным ходом из Эскендерии. Достал листок и кусок угля и принялся зарисовывать.

— Что делаешь? — снова заговорил Орсо.

— Моя девушка такие вещи любит, — он показал рисунки. — Подарок.

— Женщинам обычно цапки и тряпки дарят.

— Она необычная. Книжница. В Университете учится. Тайны и загадки для неё дороже всего, — Микаш улыбнулся, вспоминая.

— И не страшно, что она умнее тебя станет?

Микаш удивлённо вскинул брови:

— Страшно, когда не любят, лгут, изменяют или презирают. А если умнее, так это только повод стать лучше, достойным её.

— Ты удивительный человек. То ли глупый, то ли бесстрашный, то ли гений, то ли безумец. Не пойму, — выдохнул Орсо с неподдельным восхищением.

— Одно без другого не бывает, — усмехнулся Микаш.

— Потому ты командир, а я всего лишь рядовой.

— Станешь когда-нибудь.

— Вот уж вряд ли.

Улеглись. Микаш дремал чутко, больше думал, чем спал. Прислушивался к каждому шороху, надеялся, ждал. Неплохо оказалось, что жизнь была так неласкова вначале. Закалила, научила преодолевать все невзгоды и полагаться только на себя. Видел бы старый лорд Тедеску его сейчас с наградами, каким-никаким чином и покровительством самого маршала. Впрочем, без разницы. Хвастать Микаш не умел.

— Идут, — толкнул он в плечо Орсо, когда почувствовал приближение знакомых аур.

Остальные тоже встрепенулись, разбуженные шорохами. Тревожно вглядывались в густую темноту. Шаги всё ближе. Мгновение, и в отсветах костра показались силуэты. Парни!

Все выбежали навстречу. Обнялись. Потрёпанные и загнанные, но живые!

— Ух и задание, уж и попали! — бухтел их старший, задиристый Иво. Микаш хлопал его по плечу и благодарил за хорошую службу.

Перекусили и отправились на боковую. Спать оставалось часа четыре, а завтра снова тяжёлая дорога.

Сон вышел поверхностным, тревога позволяла ускользнуть за грань. Любой шорох — Микаш готов был потянуться за лежавшим рядом мечом и встретить врага лицом к лицу, хоть и знал, что оружие тут бесполезно и даже вредно.

Они пришли в предрассветный час, когда ничего не предвещало, и Микаш, измучившись, размяк. Звон будто с храмовых колоколен оглушил. Слепящие вспышки с жужжанием озаряли каменные своды Теснины.

— Больно! А-а-а-а! — раздавались ото всюду крики.

— Стойте! Не двигайтесь! — орал Микаш, силясь перекричать звон. Подхватывал Соек внушением и не позволял шевелиться. Первого, второго, третьего... и до одиннадцатого добрался. Хоть бы успел до того, как стало слишком поздно!

Всё смолкло. Милостивая тьма укутала тишиной. И взорвалась болью.

— А-а-а-а!

Свет. Звон. Рой мелких жалящих тварей накинудся на заживающее плечо, словно стремился вскрыть рану и выесть всю плоть. Голос сорвался от криков, голова кружилась. Тогда хоть было быстро...

Маршал надеется!

«Погодите... мы...», — мысленно взывал Микаш, пока ещё мог.

Свет померк, боль слегка отпустила. Он прикрыл лицо здоровой ладонью. Между растопыренных пальцев проступил силуэт крохотного существа: серебристые стрекозы крылья, лысое, похожее на человечесьё тело, покрытое бледно-голубой кожей, черты лица заострённые, особенно выделяются большие оттопыренные треугольные уши, вытянутый лысый череп украшает зубчатый венец. Сильф, это точно он.

— Как смеешь ты, презренный червь, обращаться к нам? — зазвучал в голове звенящий высокими нотами голос.

— Я Сумеречник из племени первородных. Мы хотим очистить вашу землю от демонов. Пропустите нас!

В голове чуть прояснилось, но усилий приходилось прилагать много, чтобы отвечать чётко. Соек Микаш уже не держал, даже не ощущал. Казалось, во всём мире остался только он и сильф. Хотя вначале духов воздуха — хранителей Теснины — здесь было целое полчище.

— Вы или духи злопакастного огня, какая разница, кто топчет наши владения?

— Мы первородные, дети стихий. Заклинаю!

— Первородные! — рассмеялся сильф. — Дети пришельцев, такие же захватчики, как духи злопакастного огня. Заварили кашу и сбежали, заставив отдуваться всех остальных. Где твой хозяин, почему подсылает вместо себя слуг?

Микаш глубоко вздохнул. Нужно продержаться, на него рассчитывают.

— Он ждёт вместе с воинством на другой стороне долины, чтобы встретиться с лихом лицом к лицу. Мы должны обеспечить его победу, иначе ифриты выжгут долину и пойдут дальше.

— Я не о том слуге, что знает больше других слуг. Я о проклятом сыне Высокого неба, о том, кто сидит у тебя на плече и дёргает за нитки, но никогда не показывает лица.

Тревога защекотала нутро ледяным пламенем. Нет, нельзя поддаваться на уловки нелюдей. Их слова если и не лживы, то извращены так, чтобы чёрное казалось белым, а злое добрым.

Микаш достал из-за пазухи перстень Гэвина и протянул сильфу:

— Это наш дар — ваше освобождение от тяготящей вас службы. Пропустите нас через ваши владения и укройте от демонов, тогда вас больше не потревожат.

— Глупый раб, который даже не знает, что у него нет воли, какую свободу ты предлагаешь моему народу? Мой соплеменник мог убить вас ещё там, у русла высохшей реки.

— Но не сделал этого, — с вызовом ответил Микаш. Эмоции нелюдей не передавались через эмпатию, но разум угадал страх легко. Очень похоже вели себя туаты: помогали словно под принуждением, опасаясь чего-то, что было доступно только им.

— Не сделал, потому что ярость проклятого небесного племени знакома нам слишком хорошо, — сильф смерил его презрительным взглядом. — Мы пропустим вас через Теснину,

но если твой хозяин ещё хоть раз нас потревожит, то прослывет не только братоубийцей, но и клятвопреступником.

Едва договорив, сильф метнулся к перстню. Тот исчез в яркой вспышке. Злой белый рой снова набросился на больное плечо. Микаш взвыл. Твари вырывали руку заживо. Нет! Тогда он навсегда останется калекой! Разум не справлялся, градом катил пот, дыхание вырывалось с натужными хрипами. Мир канул в бездну.

Глава 21. Терракотовая башня

Проснувшись, когда выход из Теснины уже заливал яркий дневной свет, Микаш бросился ощупывать больную руку. На месте! Вроде даже не болит и скованности не чувствуется. Он стянул край рубахи, взглядываясь в плечо. Даже шрама не осталось!

Сойки мирно посапывали. Первым поднялся Орсо, за ним подтянулись и остальные. Умывались, раздували потухший костёр, перешёптывались, досадуя, что проспали. Ни слова о том, что было ночью. Не мог же шрам пропасть сам?

Проглотили завтрак и выдвинулись в путь. Путь предстоял долгий, а ночевать в тесном проходе, где даже лечь вряд ли получится, не хотелось. В звене чувствовался прилив сил: бодро перебирались с камня на камень, подтягиваясь на высокие кручи, прыгали по мокрым и скользким от струящегося внизу ручья валунам. Скальные стены смыкались, выступы поднимались и обрывались — сойки снова прыгали. Проход сузился настолько, что понадобилось снять мешки и протискиваться боком, выдохнув из груди весь воздух. На обед не останавливались: заглотили пару орехов и запили водой.

Хорошо, что подгонять не нужно, можно заняться своими мыслями. Сильфы и слова их предводителя никак не шли из головы. Микаш вертел их так и эдак, как куски мозаики, которые не хотели стыковаться друг с другом. Догадка теплилась в мыслях, но он счёл её слишком смелой и отмёл, а всё увиденное и услышанное разложил в тайной комнате у себя в голове по полочкам, чтобы если появится новая зацепка, новый кусочек мозаики, попытаться счастья снова.

Сумерки напоздали удлиняющимися тенями, прятали опасности, облекали каменные глыбы в силуэты демонов. Ноги гудели от усталости, тело стало липким и грязным. До выхода добрались только к восходу луны. Дежурные лениво занимались костром и снедью, пока остальные остужали ноги в ручье и отдыхали, подстелив на жёсткие камни одеяла.

— Ничего страшного. Вот выйдем из теснины, боком Перепутов лес минуем, и легче станет, — подбадривал остальных Орсо.

Микаш взглядывался в темноту, застилающую пеленой выход. Непроницаемое будущее. Даже звёзд с луной не видно.

— Мы ведь не пойдём в Перепутов лес? — спросил Орсо, устраиваясь рядом с Микашем.

Прерывать течение усталых мыслей разговорами не хотелось. Слишком привык он к отверженному одиночеству, и даже годы службы вытравить эту привычку не смогли.

— Маршал ведь не к Терракотовой башне нас посылал? — ну что тут ответить? — Если он решил сжить тебя со свету, то нас следом тащить незачем.

Микаш повернул к нему голову. Смотрел и не видел. Сильфы проведут через лес, а дальше как-нибудь сами. Маршал надеется. Эта миссия — единственный шанс на победу. Быть может, к ней он и готовил Микаша всё это время. Или это лишь очередная веха на очень долго пути... куда? Ввысь или в бездну унесут невидимые крылья? И ждёт ли Лайсве в безопасности большого города?

Ночь прошла тихо. Микаш поднял всех засветло, чтобы быстро позавтракать и с первыми лучами отправиться в дорогу.

Солнце нехотя выкатывалось из-за старого чернолесья, что древние называли

Перепутьем духов. Полосами разгоралось сизое и ненастное небо. Вековые дубы и вязы переплетались кряжистыми ветвями, выпирали из палой листвы корни. Пахло гнилью. Лучи света пропарывали сумрак под густыми кронами. Так узко между толстенными стволами, что протискиваться приходилось, как в теснине. Там колючие кусты, то топкий мох, а под ним скользкая кочка. Неверный шаг, чавк! Подлая трясина затягивала вниз. Мошкара так и вилась вокруг. Редкий зверь шевелил листву, мелькал тенью вдали и тут же исчезал. К вечеру туман поволок со всех щелей-низин, будто Сумеречную реку кипятили. Дым-пар валил коромыслом.

Первая ночёвка прошла в промозглой сырости. Даже огонь отказывался приниматься за отсыревшие дрова — умаял. Поживиться нечем — Микаш предупредил, чтобы дичь не стреляли, ягоды-грибы не собирали, рыбу не ловили.

Дурное место, колдовское.

На второй день лес стал суше и древнее. Чёрные стволы частоколом устремлялись в необозримые дали. Солнце не показывалось, день от ночи почти не отличался, как на севере.

Здесь всё сохло. Даже торфяники на болотах не пахли так остро. Голые деревья кренились набок, готовые рухнуть при любом дуновении ветра. Костёр разжигать было боязно — могло вспыхнуть от одной искры. Пыльный воздух душил, резал глаза, но все терпели.

С демонами не сталкивались. Лишь изредка Микаш замечал вдали светящиеся силуэты. Полупрозрачные, похожие на зверей и птиц, они брели, не обращая внимания на незваных гостей, по своим делам. Остальные рыцари их не видели. Хорошо! Чем меньше страха, тем лучше.

На четвёртый день они добрались до обозначенной на карте ямы. Круглая, шириной в десятка два саженой, с обрывистыми сыпучими краями, словно и правда сюда рухнула глыба с Девятых небес, оставив на земле незаживающий ожог.

Микаш скомандовал привал. Суетились, разбивали лагерь, окапывали кострище, чтобы огонь не перекинулся на сухой лес, готовили походную похлёбку из всего, что попадало под руку.

Микаш сидел на земле, скрестив лодыжки, дышал глубоко и медленно, впитывая душный воздух кожей. Скрипели деревья, гарь щекотала ноздри и оседала на лице, когда ветер дул едва заметно. Нужно подготовиться к завтрашнему дню: заполнить резерв внутренних сил до передела, расслабиться и отдохнуть настолько, насколько это только возможно. Внизу придётся туго. Повезло, что сильфы залечили руку, иначе понадобилось бы кого-то более здорового отправлять и лезть к нему в голову телепатией.

Подкатило время дежурства, трепетали языки пламени в костре, трещали дрова. Вспоминался другой костёр, в ледяной тундре, засыпающая Лайсве. Она бодрилась, чтобы доказать, что может не хуже других, а ему было жалко смотреть, как она мучается, но отговорить её получалось. В конце концов она пригрелась у него на коленях и уснула. Микаш долго, до окончания дежурства наблюдал за её мерным дыханием и гладил по волосам. Потом в Эскендерии было почти так же: он не находил слов, и тогда она предложила сама. Он даже не мечтал, что такое возможно. Сейчас вдали от неё всё казалось волшебным сном, которому не суждено сбыться. Может, так оно и лучше: каждое мгновение с ней переживать как чудо и упиваться им. Счастье до крайности!

— Так расскажешь, что за сумасшедший план придумал маршал? — вырвал из томных грёз возглас Орсо. — Неужто на солнечные камни позарился?

Он опустил рядом.

— Нет, — Микаш качнул головой. Орсо поджал губы. — От успеха нашей миссии зависит победа и выживание войска. Это всё, что нам надо знать. Перестань сомневаться. Сейчас мне нужна твоя поддержка, как никогда. Парни надеются, что я выведу их из этой заварушки целыми и невредимыми, а заодно кое-чему научу и заработаю им пару наград.

— Хорошо, я поддержу тебя. Только обещай, что пройдёшь этот путь до конца и заберёшься на самый верх: станешь маршалом и женишься на своей принцессе. Пускай все увидят, на что способны безземельные без связей и денег. Сделай это для всех нас. Если кто и сможет, то это ты.

— Я просто хочу защищать людей от демонов, — пробормотал Микаш, чувствуя, что наверху будет не так уж сладко.

Поутру начали собираться. Микаш объяснил задачи на день:

— Мы с Юхо спустимся на верёвках, а вы подождёте нас здесь.

Юхо, невысокий лопухий северянин, был с ними уже второй поход. Не слишком опытный, но и не совсем зелёный. Главное, что медиум сильный и не из робкого десятка, всегда рад себя показать. Раздулся от гордости, что его выбрали. Лишь бы самоуверенность не помешала.

— Возьми меня, — насупился Орсо.

— Нет, кто-то должен приглядеть за всем. Ты единственный, кому я доверяю, — Микаш похлопал его по плечу и шепнул на ухо: — Если что случится, только ты сможешь их вывести.

Орсо тоскливо вздохнул, но спорить не стал. Микаш и Юхо обвязали себя верёвкам. Другие концы прикрепили к ближайшим дубам, которые выглядели более-менее надёжно. Условились о знаках: один раз дёрнут верёвку — остановиться, два — вытягивать.

Стены ямы были гладкими, почва — спёкшейся, камень ниже — оплавившимся будто от небесного огня. Жар под ладонями чувствовался и сейчас.

Они спустились до небольшой пещеры и забрались в неё. Микаш достал из заплечного мешка факел и запалил его, высвечивая внутренности. Гарь душила кашлем. У дальней стены белели человеческие кости.

— Вызови тех, кто здесь погиб, — скомандовал он.

Юхо замер рядом и сглотнул. Преодолев оцепенение, он подобрал с гладкого пола острый камень и выцарапал им сигилы призыва.

— Что спрашивать? — спросил он, прежде чем произнести формулу.

— Созови всех, кто здесь остался. Пускай они проводят нас к солнечным камням и уберегут от опасностей.

Юхо достал из-за пазухи ворох ивовых амулетов и принялся нараспев произносить заклинания, окутывая кости зеленоватой дымкой своей ауры.

Шелест, грохот в отдалении. Изо рта повалил пар, холодок пробежался по хребту, замелькали вокруг едва уловимые тени.

— Их много, я не вытяну один, — предупредил Юхо.

— Я буду тебя подпитывать, у меня большой резерв.

Юхо удивлённо моргнул. Командиры обычно не тратили свой драгоценный родовой дар даже на подчинённых. Разве что чудака маршал Комри и тот, кто высокородным никогда не был.

Микаш сжал его ладонь, соединяя потоки аур, представляя, как голубое переливается в

зелёное и зажигает колдовскую дымку ярче, вытягивая тёмную призрачную материю отовсюду.

— Они говорят, что здесь много ловушек и демонов, — снова подал голос Юхо.

— Демонов или духов?

Юхо пожал плечами:

— Они не знают. Самые маленькие камни на глубине двадцати саженей.

— Надеюсь, длинны верёвки хватит.

Если не хватит, придётся подниматься и думать, как быть дальше. Только времени — в обрез.

Они спустились ещё. Постоянная поддержка связи утомляла, голубые нити выкачивали всю силу. Юхо не чувствовал, как теряет часть впустую, но времени учить его не было.

Мимо проносились тени — обитатели подземелий. На глубине больше, похожие на громадных хищных рыбин, насекомых и даже диковинных животных. Других. Не из этого мира. И пахло от них — такого запаха Микаш раньше не слышал, даже не находил слов, чтобы описать. Небывальщина, бр-р-р! Хорошо, что Юхо ничего не замечал.

— Стойте! — он дёрнулся.

Микаш вжался спиной в стену. Из глубины выползал великанский паук-ананси, один из древнейших демонов, упоминания о которых сохранились в книгах. Считалось, что они вымерли. Некстати вспомнились рассказы о том, как их жвала раскалывали человеческие черепа, как орехи.

Демон прополз рядом. Замер. У самого лица щёлкнули челюсти. Юхо сопел, норовя вот-вот расплакаться. Микаш рывком перенял контроль над его телом. Пару мгновений перетерпеть! Зеленоватые всполохи призраков сгустились. Дразнили. Ананси поднял голову, учуяв их, и помчался выше. Микаш облегчённо выдохнул одновременно с Юхо. Кивками условились продолжать.

Пару саженей — и ещё пару пауков промчались мимо. Этот спуск никогда не кончится!

Внизу чернела ещё одна пещера. Юхо махнул рукой. Добрались! Раскачаться, оттолкнуться — и залезть внутрь. Пещера уходила вглубь. Зажгли ещё один факел и осмотрели стены. Камней нигде не было. Неужто призраки обманули? Микаш повернулся к Юхо, тот покачал головой, но через мгновение вцепился в его локоть. Микаш замер, так и не поставив занесённую ногу на пол. Под ней зелёный призрак освещал маленькую выемку. Ловушка! Кто и зачем тут их ставил? Дальше шли осторожней, осматривали каждую пядь. Призраки указывали на свои кости и другие ловушки — сил удивляться уже не было.

Россыпь звёзд вмурована в стену. Солнечные камни! Они горели так ярко, что приходилось прикрывать глаза руками. Микаш замедлил шаг, выискивая новые ловушки. Юхо молчал вместе со своими призраками. Подозрительно.

Возле стены с камнями — мелкими, размером с палец и чуть крупнее, с кулак — они остановились. Микаш разглядывал сокровища через щели между пальцами и пелену слёз. Юхо полез выколупывать, но Микаш остановил. На больших камнях были выцарапаны знаки. Две петли, перечёркнутые сбоку прямой чертой. Микаш перебирал в памяти все символы, что знал. Алчность. Похоже на алчность.

— Берём только маленькие. Голыми руками трогать нельзя, — предупредил Микаш, натягивая рукавицы из жёсткой кожи. Жар от камней исходил такой, что они могли обжечь ладони.

Камни выколупывали ножами. Наполнили один мешок, принялись за второй.

Юхо отошёл вместе с факелом и удивлённо воскликнул:

— Здесь золото!

Микаш обернулся. Юхо освещал факелом золотые жилы.

— Не трогай!

— Пару таких камушков, и я смогу купить нашего высокого лорда с потрохами!

Глаза Юхо полыхнули зелёным. Вокруг роились призраки, отрезая телепатические связи. Истощение не давало прорваться сквозь них. Юхо ударил по золотой жиле ножом.

— Не-е-ет!

Своды пещеры сотряслись до основания. Зеленоватая аура — призраки разорвали оковы и, угрожающе шипя, заметались вокруг. Ледяное оцепенение сковывало суставы. «Не-е-ет!» — вопило чутьё, вторя голосу. Пробудило. Микаш схватил мешки в одну руку, Юхо в другую и помчался к выходу. Своды сближались, словно пещера захлопывала зев. Юхо очухался, Микаш сунул ему в руку один из мешков и верёвку, сам взялся за вторую и дёрнул два раза.

— Быстрее! — кричал он.

В зеленоватую кутерьму призраков ввязались и тени духов. Камни летели градом, плющились стены, ближе сходились потолок и пол. Верёвки дёрнулись и подались вверх. Как раз вовремя — вход в пещеру захлопнулся у самых ног, лишь пара камней полетела в бездну. Стены тряслись, болтало из стороны в сторону. Грохот оглушал. Глыбы просвистывали мимо, грозя прошибить голову. Духи металась вокруг, задевая невидимыми крыльями. Чутьё заходило в припадке, и вдоха не сделать от прикосновений потусторонней силы. Верёвки тянулись вверх, слышался треск. Ещё мгновение, и оборвутся. Ну уж нет!

Микаш уцепился за выступ, второй рукой схватил Юхо за шиворот. Они вместе повисли на обрыве, верёвки улетели в бездну. Сверху показалась голова Орсо. Он забрал их мешки, потом помог вылезти Юхо, а после и Микашу. Оказалось, что Иво и силач Глякса держали Орсо за ноги, помогая доставать товарищей из западни. Все разом повалились на землю, пытаясь отдышаться. Она ещё тряслась. В голове прозвучал голос сильфа: «Вы нарушили запрет. Дальше идите сами!»

Микаш подскочил:

— Уходим! Живее!

— погоди, ты едва на ногах держишься! — возразил Орсо.

Микаш подхватил вещи и принялся забрасывать костёр землёй.

— Идёмте живее! Это приказ!

Сойки нехотя побрели за ним. Юхо пришлось тянуть волоком. Края ямы обваливались, земля тряслась всё сильнее, на опушке падали сухие деревья. Страх придал сил. Бежали до самой темноты и дольше, когда огромная полная луна выплыла из-за горизонта и зависла над головами.

— Привал! — тронул Микаша за плечо Орсо, когда они оказались на открытом пространстве.

— Нет, я в порядке, я ещё могу идти!

— Ты можешь, а остальные — нет.

Микаш обернулся. Взмыленные сойки тяжело дышали, глаза мутные, осоловелые, колени дрожали.

Он покривил рот. Загнал.

— Привал!

Пустошь за лесом, пыльная и удушливая. Звёзды бисерной россыпью, луна как громадная головка сыра. В темноте не видно, но если они не заблудились, на горизонте должен появиться силуэт Терракотовой башни.

Разводил костёр и готовил Микаш. Остальные отлёживались вместе с Юхо — к вечеру он немного очухался от рикошета своих же способностей. Завтра сможет идти сам.

Тревога не унималась. Жизнь дала Микашу преимущество, как одиночке, но как командиру... Трудно думать за всех, соизмерять их силы со своими. К тому же под руководством Орсо они размякли. Нет, Микаш не винил старого служаку, наоборот, командир из него лучший, более опытный и рассудительный. Микаш же постоянно лез на рожон и ошибался. Взглянул на мешки с солнечными камнями. Какой с них толк мертвецам?

Поели и залегли отсыпаться. Микаш сторожил возле костра и разглядывал флягу с бодрящим зельем целителей. Если пить постоянно, без сна можно вытерпеть с неделю. А может, и больше, если рассудок выдержит.

— Ты же обещал не вести себя глупо, — перехватил флягу Орсо. — Почему тебе так нравится плясать на одних и тех же граблях?

— На этот раз риск стоит цели. Маршал надеется.

— Так не подводи его. Вялый и ослабленный, ты ничего не сделаешь. К тому же на тебя надеются и парни здесь. Прекрати винить себя во всех неприятностях. Плохие вещи просто случаются. Никто на твоём месте не справился бы лучше!

Простые истины рыцарского Кодекса! Иногда они бесят до белых демонов в глазах, но никогда не теряют своей значимости. Только от тревоги — лекарство слабое.

— Хорошо, я вздремну. Если заметишь что-то подозрительное, буди, не раздумывая.

Орсо кивнул. Микаш завернулся в плащ, рядом вокруг костра сопели остальные сойки. Через несколько мгновений сон навалился тяжёлой пустотой.

«Микаш!» — послышалось сквозь дремоту.

На лицо капнуло что-то тёплое, запахло свинцом. Микаш открыл глаза. Над ним в лучах багряного восхода застыла тень гигантского паука. Выгнувшись, завис в воздухе Орсо. Из его груди торчала острая паучья лапа, с неё неумолимо сочилась кровь. Щёлкнули жвала, чёрные глаза демона ананси уставились на Микаша.

Полыхнула ярость, притупив остальные эмоции. Паучья лапа устремилась на Микаша. Выхватив меч, он подскочил и отбил её. Ананси отступил, пытаясь стряхнуть с себя тело Орсо. Микаш подбежал к нему, крутанулся, вкладывая в удар как можно больше силы. Лапа паука вместе с Орсо рухнула на землю.

Ананси наступал. Микаш увёртывался от атак, пытаясь то попасть в глаза.

Зашевелились остальные Сойки. Едва не задев плечо, просвистела стрела, вторая, третья. Они отлетали от толстого панциря, но отвлекали демона на себя. Микаш поднырнул под него и вогнал клинок по рукоять в незащищённое брюхо. Обдав вонью, полилась жёлтая слизь. Микаш метнулся в сторону. Ананси распластался на земле. Рядом лязгало оружие. Напали ещё несколько пауков!

«Бейте под брюхом!» — мысленно приказал Микаш и рванулся к ближайшему ананси.

Клинок пел в руках, словно радовался первой за долгое время битве. Азарт, жажда крови придавали сил. Микаш проскакивал между острыми пиками лап, лихо уходя от ударов. Он снова стал собой — несокрушимым карающим клинком. За Мидгард! За Соек! И за Орсо.. За Орсо!

Выстреливали голубые нити внушения, подхватывая ближних воинов, заставляя действовать слаженно, очищая от предательского страха. Сойки оттеснили тварей друг от друга, отвлекли, нападали и увёртывались, истощая силы демона. Щёлкали жвала, свистели стрелы, пели клинки. Боевые кличи мешались с натяжным дыханием. Вдудались мышцы, сбивались в паклю волосы, липла к телу мокрая от пота рубаха.

Удачный момент — тварь слишком занята окружившими её сойками. Микаш кувыркнулся между лапами и снова пронзил мягкое брюхо. Ещё один паук пал поверженный, залив слизью грязь рядом с собой. В десяти шагах испускал дух последний враг, затухали жёлтые всполохи демонической ауры. Отрубленные лапы валялись повсюду — Сойки постарались на славу, грязные, запыхавшиеся, но всё ещё державшие оружие наготове, хотя демонических аур не ощущалось на расстоянии нескольких вёрст.

Белый кругляш солнца уже трепетал над огненно-рыжим горизонтом. Чёрной тенью высился вдали остов древней башни.

Неужели закончилось?

Всего несколько мгновений Микаш переводил дух, борясь с перхотой в горле.

«Не вини себя, плохие вещи просто случаются, — звучали в голове последние слова Орсо. Лучший друг, первый из Соек, кто его принял, верное плечо, правая рука. — Просте живи, дойти до конца, докажи всем, что можешь!»

Микаш опустился у распростёртого тела на колени и выдернул оттуда лапу. Сойки сгрудились за спиной. Пересчитал ауры — остальные живы, отделались царапинами.

— Собирайте хворост, разводите костёр! — приказал он твёрдым, как сталь клинка, голосом. Ни шороха, только тяжёлое дыхание и стук сердец. Микаш подскочил и обернулся к ним: — Живо! Я не Орсо, чтобы терпеть ваши нюни. Ступайте, а не то я решу, что ваши мамки подсунули мне дочек вместо сыновей. Всех отошлю обратно пинком под зад!

Сойки повздыхали и, перешёптываясь, поковыляли к лесу.

Микаш снова склонился над телом Орсо и прикрыл его остекленевшие глаза. Кто теперь даст мудрый совет, кто поддержит и уймёт суровый нрав? Что было бы, если бы Микаш не передал ему караул? Быть может, спас, быть может, погиб бы сам. Тогда остальные выкрутились бы? Не думать об этом извечном «бы», не марать память друга, ведь Орсо сам просил об этом! Их имена и так будто были выбиты у него на рёбрах: матери, сестры, односельчан, Дражена, Келмана, Орсо, других — всех, кого он не смог спасти. Боль резала сердце с каждым вздохом.

Нет, нужно думать о живых. Маршал надеется, Лайсве ждёт. За Мидгард!

Сухих дров отыскалось предостаточно. Пламя взметнулось до небес, пожирая завёрнутое в холстину тело.

— Ты был лучшим из нас, всегда торопился жить и не пропускал ни одной битвы, поддерживал добрым словом и не желал чужого. И вот теперь уходишь самым первым... Мы не забудем, — голос споткнулся о сухой ком, защипало нос. Микаш заговорил иначе, словно наедине, с живым: — Я буду чтить каждый совет, каждое обещание, как клятву. Не стану мучиться виной за то, что не могу исправить. Я поднимусь на самый верх и докажу этим напыщенным высокородным, что люди из низов могут не хуже их, богатых и благополучных. А может, даже и лучше, потому что всего: и чинов, и ратной славы, и трофеев, и любви мы добиваемся честно, — он сжал кулаки, ногти впивались в ладони до крови. — И это моё слово!

— И это наше слово! — надрывая глотки, закричали все Сойки.

Только сейчас он увидел их вновь, будто спала мутная пелена: глаза горели, в лицах небывалое воодушевление, что впору в смертельный бой идти. Усмешка вышла похожей на колкий утгардский лёд.

Перед отходом Микаш оставил на пепелище свою серебряную сойку. За потерю командирского знака лорд Мнишек снова будет выговором грозиться, но плевать. Пускай засунет все свои бумажки и придирки в свой сморщенный старческий зад!

Вскоре они маршировали к башне. Время выходило слишком быстро. Один день, второй, третий. Силуэт как будто не приближался, а они топтались на месте. Пили «бодрой» и спали не больше четырёх часов в сутки. Микаш подгонял, напоминая о разнужившихся бабах и бродящих в окрестностях демонах. Спасти кого-то можно, только сделав его выносливей, научив преодолевать любые препятствия, выживать в немыслимых условиях. Послабление равносильно убийству. Пусть хоть ползком ползут! Будут знать, как к нему в звено напрашиваться!

Демоны встречались изредка: перекаатуны, похожие на сухой комок стеблей, позарившиеся на еду в заплечных мешках. Справлялись с ними легко, но они отнимали драгоценные силы.

На четвёртый день, задыхаясь от усталости и пыли, Сойки всё-таки дошли. Огромная круглая башня уносилась ввысь, насколько можно было видеть. Стены украшали терракотовые горельефы: пышнотелая Повелительница земли Калтац, её муж медведь Дуэнтэ, сыновья и дочери, покровители ремёсел, с дарами для людей. Скульптура почернела и частично осыпалась, о некоторых сколотых фигурах можно было только догадываться.

Времени оставалось впрыток: к утру всё должно быть готово. Маршал с воинством ждёт знака на другой стороне долины.

Винтом поднимались полуразрушенные ступени, тёмные провалы между ними сквозили смертью, приходилось карабкаться и прыгать, балансируя на грани. Вскоре ступени оборвались чёрной бездной. Сойки зацепились осадными кошками за грозящие обвалиться стены и полезли по верёвкам.

В сумерках они добрались до выхода на смотровую площадку, вознося благодарственные молитвы всем богам. В центре лежал огромный, в человеческий рост кристалл. Уцелел каким-то чудом, даже трещин не нашлось! Сквозь него был виден большой очаг, погрызенный копотью. Шесть Соек приподняли кристалл. Микаш высыпал все солнечные камни в очаг, заполнив его с горкой. Пока не стемнело окончательно, Сойки развернули кристалл в сторону русла полноводной Шегами. Теперь свет должен быть заметен издали — вот и сигнал маршалу о том, что всё готово к битве.

От рассвета Сойки попрятались в ниши под смотровой площадкой. Микаш выбрал ту, что сужающимся окном-бойницей выходила на будущее поле брани.

Зарево разгоралось медленно, словно не желало того, что должно было вот-вот случиться. Полосами разгорался горизонт, сумерки разжижались, серость затапливал яростно-рыжий свет. Медленно вырисовывались очертания жёлтого диска. Стоило лучам добраться до смотровой площадки, как наверху затрещало, раскалился потолок.

«Зажмурьтесь!» — мысленно приказал Микаш. Яркая вспышка обожгла даже сквозь плотно сомкнутые веки, грохот оглушил.

Лишь через пару мгновений, очухавшись, Микаш распахнул глаза, и глядя сквозь пальцы, уставился вдаль. В долине происходило нечто грандиозное. Такого светопрествления, должно быть, не случалось ещё со времён Войны богов. Дробилось

русло, разлетались на осколки камни, словно в них не прекращая било молниями. Вода раздвигала себе путь, вначале робко, тонкими струями просачиваясь сквозь трещины. Осмелев, она усилила потоки, нещадно хлеща дрогнувшую преграду, с ликующей яростью набрала невиданную мощь и понеслась в наступление, сметая всё на своём пути. Вот и свет уже перестал бить по руслу, повалил пар, но алчущие волны уже бешеным табуном неслись к башне.

Перед внутренним взором металась всполохи демонических аур, застигнутых внизу неотвратимым бедствием. Толклись, бежали в разные стороны в поисках спасения, шипели и орали, перекрикивая грохот, но тут же гасли, погребённые под толщей голубой стихии.

Дрожали стены, высыпались из кладки камни.

«Держитесь!» — Сойки дружно вцепились в выступы и снова неистово молились, чтобы простоявшая полторы тысячи лет башня продержалась ещё немного.

Поток обогнул строение и помчался дальше, пожирая бессильную пустошь. Опрокидывался сухостой в Перепутовом чернолесье, молодые деревья встречали смерть стоя. И вот, наконец, вода дотянулась до вожделенного высохшего русла, щедро полилась в него, наполняя мёртвую сестру-реку жизнью.

Высоченные волны всё ещё нахлёстывали в башню, пытаясь сломить и её, но древнее строение держалось стойко, словно поддерживаемое самим богами.

Затрубили боевые горны. На берегу новообразованной реки столбом поднималась пыль. Сквозь неё нечётким силуэтом подступали войска. Из воды к ним тянулись уцелевшие демоны: мэнквы, ананси, мангусы, куйату.

Шагал впереди них, воспламеняя воздух, король ифритов, самый большой из тех, кого доводилось видеть. Раскалённый добела венец на голове и бездна в глазах. Ифрит хлестал бичами, вздымал огненные вихри навстречу Сумеречникам. Как истинный предводитель, он не отступал, он жаждал вызвать чемпиона на поединок чести. Последняя отчаянная попытка спасти положение. Что ж, враг хорош — тем слаще победа. Только тревожно, ведь чемпион у воинства один...

Утренний всадник выехал вперёд, обогнал знаменосцев. Непревзойдённой белизной сияли конь и плащ, голубыми вихрями клубилась непомерно большая, нечеловеческая аура. Один его вид внушал восхищение, священный трепет и ужас, как перед древними духами или даже небожителями. Несокрушимый, ничто не сможет его сломить! Так хочется в это верить!

«Верь, ведь вера — единственное, что у нас есть», — звучали в голове слова Лайсве.

И Микаш верил. Молился за него, ему самому, как богу. Он должен выстоять ради всей армии!

Щёлкнул хлыст, пропел боевой рог, застучали копыта. Стеной вздымались воздушные щиты, сыпля голубыми искрами. Белый конь, не боясь пламени, скакал в наступление. Тянулись к нему огненные языки, облизывали невидимую преграду, но пробиться сквозь неё не могли. Всадник выставил копьё. Жеребец взвился на дыбы и подскочил вверх. Ифрит хлестнул бичом, но тот тоже скользнул по воздуху, точно по льду.

На острие копья сгустился телекинетический шар и поразил ифрита в грудь, оттесняя к берегу. Следом — беззвучный удар воздухом. Казалось, ифрит сам пятился от страха, сам оступался, но нет — искрила аура всадника, с шипением выпуская всё новые стремительные снаряды. За спиной ифрита пенился, рос чудовищный вал. Демон обернулся на звук. Всадник разбежался и опрокинул его копьём прямо в воду. Ифрит долго барахтался, шипел

паром, но телекинетический щит намертво вжимал его в воду, топил, отталкивая дальше от берега, где на его набросилось хищное течение и, туша огонь, довершило дело, столбом пара обозначая могилу.

Как только аура ифрита потухла, Утренний всадник развернулся к орде демонов, что ждали исхода схватки в неподвижном оцепенении.

— За Мидгард! — эхом полетел над рекой клич.

Взмахнул мечом Всадник, запели победоносные горны, взвились градом стрелы. Суматоха сбила строй противника. Демоны кинулись врассыпную, визжа от ужаса. Сотрясая копытами земли, мчалось на них воинство Сумеречников. Закипела битва. Лязг стали, хрипы и рык долго оглашали долину. Воздух пропитался кровью, гарью и паром. Рыцари теснили малочисленную рать демонов к воде. По реке дрейфовали трупы, оставляя за собой тёмные разводья. Были потери и среди Сумеречников, но демоны проигрывали окончательно и бесповоротно. Рыцари добивали остатки, никому не позволяли спастись бегством. Только к вечеру всё закончилось. Впервые за полторы тысячи лет эта долина освободилась от демонов.

«Мы все хотим жить, одни — до заката, когда на землю опустится милосердная союзница тьма, другие — до рассвета, когда по ней прокатится четвёрка Всадников Зари, сметая демонов, как мусор, яростным светом. И кто из нас более достоин жизни — ещё вопрос».

К башне прислали лодки: река разлилась так, что она оказалась посредине между двух берегов. Вначале Сойки спустили оружие и вещи, а потом полезли самим. Микаш уходил последним. Заглянул на смотровую площадку: от солнечных камней остался лишь пепел, а кристалл обуглился и растрескался. Микаш отколол кусок, завернул в тряпицу и спрятал за пазуху. Уж эта диковинка точно придётся принцесске по душе, гораздо больше, чем бусы и тряпки.

Догорал закат. Воинство разбивало лагерь на берегу. Подмастерья целителей бродили вдоль реки, посыпая её обеззараживающим порошком. Тыловики доставали из воды тела и сжигали. Целители возились с ранеными, готовили к похоронам павших. Только воины, прошедшие в боях весь день, отдыхали у костров. Велись разморённые разговоры, перемежаясь взглядами в звёздное небо.

Сойки хоть и не принимали участия в сражении, а всё равно устали до полусмерти. Развели огонь в установленном месте и завалились отсыпаться. До обеда следующего дня их не беспокоили, не по приказу маршала, а потому что Микашу удалось выхлопотать эту милость.

Сам же он готовил отчёт для маршала, визнавал новости и носился по поручениям. Увидеть Гэвина не удалось. Он тоже был в делах по горло. В округе всё ещё убирались, решали, как поступить с отвоёванными землями, какими путями отводить армию к Эскендерии, пересчитывали провиант. Ликования не чувствовалось совсем, только суэта и усталость.

В полдень все выстроились у разложенных в линию погребальных костров. Не мало, но и не так много, как могло бы быть, не успеи Сойки с камнями на башню вовремя. Повезло, можно сказать. У Соек был всего один символический костерок. За Орсо.

Поминальную речь читал сам Гэвин. Исполненный торжественности голос летел над полем, не оставляя безучастным никого. Говорил о подвиге во имя всего людского племени, о долге и чести, об отваге и тяжёлых временах. Любого другого слушать бы не стали, а его

вот терпели. Одного взгляда глубоких синих глаза хватало, чтобы довести до икоты любого смеющегося. Следом речь передали капитанам, которые обращались к своим ротам, в конце позволили командирам назвать павших воинов поимённо.

Слотнув, Микаш зачитал заслуги Орсо и поблагодарил за службу. Все слова были уже сказаны у Перепутова чернолесья, боль в сердце отыграла, а вина задвинута на самое дно нерушимой клятвой. Пламя занялось быстро, встало трескучей стеной, обращая тела в пепел.

Приказ разойтись пах грозовой сладостью. Оживились голоса, полнясь высоким чувством, будто люди только поняли, поверили, наконец. Победа! Та самая, невероятная мечта, доставшаяся прыжком веры и никак иначе. Рыцари обнимались, плакали, поздравляли друг друга, ошалело кричали. Микаша подхватили на руки, и Соек следом.

— Слава победителям! Слава героям! — грянул дружный крик.

Их качали на руках, каждый тянулся потрогать, словно они стали живой легендой. Микаш ловил на себе завистливые взгляды других командиров. Лицо Гаето заметно перекосило, Вильгельм хмуро щурил кошачьи глаза и улыбался одними уголками губ. Это кое о чём напомнило.

К ужину Микаш припозднился, заканчивая дела. Ему вручили миску с похлёбкой и подлили браги в кружку.

— Мы думали, ты будешь праздновать с командирами, — осторожно начал Иво.

— Велика честь! С вами лучше, — усмехнулся Микаш и принялся за еду. — Будем больше тренироваться? С вашей выносливостью надо что-то делать. И с жаждой золота тоже.

Он выразительно посмотрел на Юхо.

— Сомневаюсь, что ты тут удержишься, — с горечью ответил тот. Микаш вскинул бровь. — Слухами земля полнится. В роту Белогрудок назначают нового капитана. Все думают, что это будешь ты.

— Я? — верилось как-то с трудом.

— Ты герой этого сражения и многих других. Маршал к тебе благоволит, — развёл руками Юхо. — И это правильно. Никто не достоин этого больше тебя, никто не справится лучше.

— Да! Да! — доносились отовсюду воодушевлённые возгласы.

Микаш смущённо жал плечами. На лице против воли расплывалась улыбка.

Пожалуй, было бы здорово!

Ночью он представлял, как будет стоять в строю, мимо пройдёт Гэвин и невзначай бросит: «Ах да, ты теперь капитан Белогрудок». Капитан! Мог бы кто поверить, что этот безродный сирота дослужится до такого? Да, Гэвин обещал сделать его маршалом, но это было как те обещания, которыми его потчевал лорд Тедеску, только бы он защищал высокородных молокососов и добывал трофеи.

Покойся с миром, друг Орсо, теперь твоя мечта наверняка сбудется.

С сапогами Микаш спал в обнимку, сторожил свои вещи. Поднялся рано и на построение явился при полном параде. Даже лорд Мнишек носа не подточит. А когда назначат капитаном, так и про старого брюзгу и вовсе можно будет забыть.

Выстроились в шеренгу: звенья и перед ними командиры. Лорд Мнишек поравнялся с ними. Вильгельм выпятил грудь и задрал подбородок. Раздался треск. Штаны слетели вместе с ремнём. По строю разнёсся дружный хохот.

— Позорище! — лорд Мнишек прикрыл лицо рукой. — Подберите свой стыд, мастер

Холлес, он вам ещё понадобится. Сюда идёт маршал!

Смех сменился тревожным шёпотом.

— Отставить разговоры! — рявкнул Мнишек.

К Вильгельму подбежал Гаето, вытягивая на ходу свой ремень взамен лопнувшего ремня высокородного.

Да, кое-чему стоило поучиться у непутёвого братишки принцессы.

Микаш сохранял непроницаемое выражение лица, но от нетерпения даже стоять смиренно было пыткой!

Показался его силуэт: средний рост, сухощавая фигура, движения скупые, словно берегущие силы. Он кого-то приветствовал, кому-то вручал награды. Когда Гэвин поравнялся с ним, Микаш не сдержал предвкушающую улыбку. Но маршал лишь безразлично скользнул взглядом и прошёл мимо. Может, объявит потом?

— Мастер Холлес, — остановился маршал возле высокородного. Тот вместо церемониального поклона едва качнул головой. — Рад сообщить, что вы назначены командиром роты Белогрудок. Несите свою службу с честью и доблестью.

Микаш повернул голову. Вильгельм смотрел на него в упор, злорадно ухмыляясь. Как плетью огрел.

Ну, конечно! Размечтался, идиот!

Микаш отвернулся и отодвинул разочарование за каменную стену безучастности. Бесполезно это. Надо тренировать парней. В голове уже составлялись планы: разметить время и нагрузку, как следует её наращивать...

— Вольно! Разойдись! — отвлѣк приказ лорда Мнишека.

Микаш повѣл затѣкшими плечами, смотря в сторону удаляющихся Соек. Они избегали его взгляда, неловко было или боялись... Как прокажѣнного. Надо где-нибудь переждать. Одному всегда легче. Одиночество исцеляет душевные раны как ничто другое.

— Эй, стоять! — окликнул его лорд Мнишек.

Микаш повиновался. Нужно соблюдать дисциплину и держаться подальше от неприятностей. Нужно хорошо исполнять свою работу.

— Маршал требует тебя к себе срочно. Надеюсь, он примет мои рапорты во внимание. Твоѣ поведение не подобает рыцарской чести!

— Так точно, мой капитан! — ответил Микаш, пропуская всё мимо ушей.

Сбегал к костру за отчётом. Сойки поглядывали исподтишка, мрачно молчали. Их жалость только нервировала. Вдох-выдох. Вытерпит, не маленький. Ночь заберѣт печали.

Стражники у шатра пропустили без лишних слов. Тлели угли в жаровне, горели свечи на столе, в чашке дымился ароматный отвар. Маршал чертил что-то на карте.

Прежде чем Микаш успел поздороваться, вошѣл Вальехиз и заставил его посторониться.

— Послание от лорда Эдгарты! — он вручил маршалу листок.

— О милостивые боги! Высокие лорды решили устроить состязание, кто отхапает себе больше освобождѣнной земли? — возопил Гэвин, смяв послание.

— Отмерьте надѣлы согласно тем деньгам, что они дали на этот поход, — пожал плечами Вальехиз.

— Они все вместе взятые давали меньше, чем вложил я, — Гэвин закрыл веки и надавил на них пальцами. — Чтобы я ещё хоть раз у них что-то попросил, скряги скудоумные! Они даже удержать эти земли не смогут, учитывая, что фронт с единовѣрцами проходит совсем близко. Когда это стало модно, жертвовать всё здравомыслие жадности?

Мда, как-то он не вовремя.

— Мне зайти позже? — кашлянул в кулак Микаш.

Гэвин открыл глаза и посмотрел на него, смягчаясь.

— Нет.

Микаш подошёл и положил на его стол отчёт.

Гэвин хмыкнул:

— Обстоятельно.

Углубился в чтение.

— Моей службой недовольны? — спросил Микаш после затянувшегося молчания.

Гэвин снова посмотрел на него. Под потускневшими глазами красовались тёмные круги, скулы заострились как у покойника.

— Вы назначили капитаном Холлеса, — неловко пояснил Микаш.

Резная чёрная бровь поползла кверху.

— Так назначили бы вас, согласись вы жениться на дочери лорда Баттьяни. Это он для своего зятя должность подсуетил, — холодно ответил за маршала Вальехиз. — Думаете, мы сильно рады его назначению?

— Да, Холлес не слишком удобный человек на этом посту. Того и жди неприятностей, — пробормотал Гэвин и снова погрузился в чтение.

Микаш виновато потупился. Высокородный продал себя подороже, как опытная шлюха. Микаш бы так ни в жизнь не сумел, лучше удавиться на собственной гордости.

— У вас ещё есть шанс получить повышение, — продолжил Вальехиз. — Женитесь на дочери лорда Веломри. Уж ей-то вы не побрезгуете, или она только в постели хороша?

Лицо будто ошпарили, даже дышать сделалось трудно.

— Каким образом моя личная жизнь стала публичным достоянием?!

— Хотите быть героем на большой должности, будьте готовы, что каждый ваш чих станут обсуждать все кому не лень, — назидательно отрядил Вальехиз.

— Скажи спасибо, что они не додумали того, чего и в помине не было — поддержал его Гэвин, не отрывая глаз от бумаги.

— Посему, — Вальехиз снова перевёл внимание на себя. — Лучшую партию, чем вы, для своей дочери лорд Веломри вряд ли отыщет. А уж родного зятя в Совете грех не поддержать. Тем более его сын показался себя хм... несерьёзным.

— Она не хочет замуж. Её работа для неё главное, — Микаш отвернулся. Неприятно было сознаваться, что ему страшно услышать отказ. А лорд Веломри? Вдруг он вспомнит слугу, которого обещал выпотрошить и выставить в трофейном зале за недостойную любовь к его дочери? Тогда все узнают...

— Твоё попустительство ни к чему хорошему не приведёт, — Гэвин отложил бумаги и, устало потирая переносицу, посмотрел на него. — Жерард мягко стелет, да жёстко спат. А женщины создания хрупкие, должны сидеть за надёжными стенами и воспитывать детей.

Микаш грыз губы. Нужно добиться повышения без чужих подачек. Быть может, тогда он станет достойным её, и она сама захочет за него замуж, как захотела быть его любовницей. Украденные поцелуи никогда не сравнятся с теми, что дарят добровольно.

— Гордыня плохой советчик. Без влиятельных знакомых ничего не добиться, — повторил Вальехиз давешние слова Вильгельма, чем утвердил решимость Микаша.

— Только порой их хочется придушить собственными руками, — рассмеялся вдруг Гэвин, показывая, как свернул бы шею высоким лордам из Совета. — Вальехиз, до завтра ты

мне не понадобится.

Помощник закатил глаза:

— Опять секреты? Нашли себе поверенного, честное слово!

Но всё же подчинился и ушёл.

Микаш облегчённо выдохнул. Наедине с маршалом он чувствовал себя гораздо раскованней, почти как с другом. Гэвин поднялся из-за стола и подошёл к нему, по обыкновению сложив руки на груди.

— Всё не так уж плохо. Для тебя есть более подходящее назначение.

Микаш удивлённо моргнул.

— Лорд Мнишек, конечно, заслуженный капитан, но потерял хватку. Больше ратует за чистоту и дисциплину во время построений, чем за мастерство и сплочённость в бою. Будешь помогать ему и наведёшь в роту порядок. Красноклювы должны стать сильнее. Мы не можем позволить себе столько потерь.

— Снова грызть зубами землю, чтобы трофеи получали другие? — Микаш понурился.

— Если есть качество хуже гордыни, то это тщеславие, мой мальчик, — качнул головой маршал. — Мне не нужны люди, которых волнует только своё благополучие и слава. Настают тяжёлые времена, когда спасти наше племя сможет разве что самоотверженный труд. Я думал, ты понимаешь, но если нет, возвращайся к Сойкам. Только ты уже получил от них всё, что мог. А помогая лорду Мнишеку, ты многому научишься. Именем высокородного ты сможешь отдавать любые приказы и никто не усомнится в твоей власти. Подумай, сколько ты сможешь сделать для меня, для этой армии и для всего Мидгарда.

Ничего никогда не даётся легко?

— Лорд Мнишек меня терпеть не может. Он воспримет это, как личное оскорбление.

— Если не хочешь, тогда я просто выдам тебе ещё одну медаль, — Гэвин безнадежно махнул рукой.

— Нет, я сделаю всё, что вы скажете, только дайте другую награду: дружеский поединок.

— Прямо сейчас?

— Бойтесь опозориться перед всей армией?

— Размечтался!

Они вышли на улицу. Забрав у стражников свой меч, Микаш скинул куртку с рубахой и встал на изготовку. Гэвин зеркально повторил его стойку. Вокруг собиралась толпа. Микаш смотрел в глаза маршалу, пытаясь предсказать его действия. Не вытерпел и первым ринулся в бой. Маршал парировал играючи. Достойный противник, единственный в жизни. Они кружили друг напротив друга. Хитрые манёвры, рискованные выпады, обманные финты. Изящный танец под музыку скрецающихся клинков. Никто не хотел, чтобы он закончился слишком быстро.

Гэвин наносил короткие точные удары. Микаш ушёл в глухую оборону, раскручивая клинок петлями. Нужно атаковать при первой возможности. Но темп всё нарастал. Микаш замахнулся несильно, изучая маршала. Увернулся, парировал, отводя клинок в сторону. Лишь короткие мгновения, когда можно откинуть противника назад.

Пот катил градом, мышцы гудели, но это была приятная усталость. Азарт пьянил. Даже глаза маршала полыхали ярче, слетали оковы измождения. Два хищника, два яростных стальных вихря, сходились и расходились, снова и снова.

Не хотелось, чтобы бой заканчивался, как жаркие ночи Эскендерии, полные томных

ласк. Где ещё можно опробовать все свои умения? С кем ещё узнать столько новых приёмов? Хотя ясно, стоит Гэвину применить дар, и бой оборвётся. Телепатия против телекинеза бессильна и даже вредна. Но Маршал сражался только мечом.

И вот Микаш ошибся: неверно рассчитанный выпад открыл брешь в безупречной защите. Остриё прижалось к груди и так же стремительно опустилось.

— Честь победителю! — отсалютовал Микаш, бухнувшись на колени.

Вокруг толпилась вся армия. Сумеречники едва слышно перешёптывались.

— Это был знатный бой, мой мальчик, — Гэвин протянул ему руку и по-дружески похлопал по спине.

— Служу моему маршалу!

— Всем людям, мой мальчик, не забывай никогда.

Глава 22. Песня земли

Выпускные испытания для женского корпуса устраивали между выпускными и вступительными испытаниями мужчин. Нас троих присоединили к остальным девушкам, чтобы всё прошло по регламенту Университета. Сдавали только общую программу: Кодекс, историю, теорию молитв и ритуалов, риторику, естествознание, математику и профильный предмет кафедры Мистических способностей одарённого разума — ауроведение. По нашей специализации — пророчествам — никто, кроме Жерарда, ничего не знал, поэтому и спрашивать было некому.

Накануне Жерард собрал нас вместе с наставниками в гостиной для напутствия:

— Нам не позволено будет видеться до окончания испытаний, ни помогать, ни подсказывать. Вы должны пройти через них самостоятельно. По результатам решат, достойны ли вы степени бакалавра, сможете ли продолжить обучение в магистратуре или должны быть с позором отчислены, — он выразительно посмотрел на Торми.

Она усмехнулась, отвечая ему наглым взглядом. Джурия, наоборот, вздрогнула и сжалась, а я закопалась в свои заметки для исследования, в сотый раз повторяя про себя задачи и выводы. Поговаривали, что Жерард претендует на освобождающуюся должность декана факультета Мистицизма, поэтому спрашивать его учеников будут с большим пристрастием. Так что лёгких испытаний ждать не приходилось.

— Тем, кто много и упорно трудился, бояться нечего, — Жерард подбадривающе улыбнулся Джурии, подошёл ко мне и заставил оторваться от записей. — Индивидуальные занятия не чета групповым. Вы прекрасно подготовлены.

Всё равно страшно!

Мальчишки разъехались на каникулы, и Университетский городок был необычно тихим и пустынным. Испытания проходили, как у всех, в главном корпусе. Шесть профессоров сидели за высокими столами в холле. Испытуемые в синих ученических мантиях и квадратных шапках с кисточками — на поставленных в несколько рядов стульях — перед ними. Каждому отводилось по полчаса на подготовку к своим вопросам. Каждый предмет сдавался с перерывом в один день, чтобы отдохнули перегруженные головы и горла.

Девушек почти не допрашивали, они спотыкались на простых вопросах, пускали слезу, а то и вовсе картинно падали в обмороки. Профессора ставили им проходные баллы. Среди испытуемых затесалась и моя давняя знакомая по салону мастерицы Синкло — Азура Гвидичче. Она стала ещё более блёклой и высохшей, но отвечала очень бойко, всё время косясь на меня, словно хотела доказать, что чем-то лучше. Вот только зачем? Ведь на самом деле мне нужно было совсем другое — призвать Безликого, а все эти знания, годы учёбы ни на шаг меня к нему не приблизили, словно мы искали не там. Может, мне требовалось быть умнее и усердней, как Джурия, или красивее и очаровательней, как Торми. Или что-то совсем иное, но где его искать и как?

Не унывать, только не унывать! Ведь меня так поддерживает Жерард, надеется, верит. Сейчас главное не вылететь, а там время ещё будет. До конца тринадцать лет! Я обязательно смогу! Иначе весь мир пойдёт прахом.

Ответы повторялись в моей голове моим же голосом до бесконечности, доблестно сражаясь с неуверенностью и страхом. Время тянулось мучительно долго. Азура прошла

испытания блестяще, а напоследок отвечать пригласили нас.

Первой шла Джурия. Кодекс отлетал у неё от зубов, а трактовать его никто не просил, учитывая, что из-за нюансов в формулировках спорили до хрипоты даже досточтимые мэтры Судьи. В датах и событиях Джурия не путалась, суть вещей объясняла чётко, а после того, как она представила доказательства теоремы, которая не всем профессорам была по зубам, даже восхищённо захлопали в ладоши, заставив её покраснеть до корней волос. Только с риторикой вышла заминка. Джурия закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, явно представляя всех присутствующих раздетыми, как советовал Жерард. Открыла глаза и бойко произнесла свою речь, легко отвечая на любые, даже самые каверзные вопросы.

Торми шла следующая — тяжёлая кавалерия, как бывало шутил Жерард. Она могла болтать без умолку на любую тему, даже когда понятия не имела о предмете разговора, лихо уводила беседу в сторону, разбрасываясь настолько пространными и обтекающими фразами, что никто не мог её обличить. Во время занятий наставники постоянно жаловались на её нерадивость и пророчили крах, но Жерард сказал, что они просто оправдывают свои провалы. Нужно выявить склонности и развить их до предела, тогда даже невозможное станет возможным. Так он и поступил — занимался с ней отдельно, несмотря на её протесты и истерики. «Благодетельная мать» не устояла — профессора поставили высшие баллы, лишь бы «деточка замолчала».

Последней к изморенным профессорам выходила я. Они смотрели на меня с недоверием, пристально изучали, не спеша давая команду к началу. Я не успевала добраться даже до трети подготовленных ответов, как на меня градом сыпались вопросы: «Вы, правда, видели Безликого?», «Он придёт?», «Он спасёт?», «Он спалит всех единоверцев небесным пламенем?», «Когда он проснётся?»

Жерард и со мной занимался отдельно. Много. Готовил именно к этому, будто знал. «Всё будет, как обещано, в своё время. Мы излюбленные чада его, в беде нас не оставят. Божественное присутствие его я чувствую каждый раз, когда душу одолевает благоговейная радость от праведных поступков. Его мудрая воля направляет меня, я его глаза и уши в мире людей». Безмятежно, тихо, уверенно — мы повторяли каждый раз в разных вариациях, пока мой голос не обрёл нужное потустороннее, почти гипнотическое звучание.

— Сама посуди, разве здесь есть хоть капля лжи? Ведь именно так ты и чувствуешь, — говорил Жерард, прикасаясь к моей груди там, где билось сердце. Я заражалась его верой, даже если и ощущала себя потерянной и одинокой на самом деле.

Отвечала, как учил Жерард, и всё прекращалось. Кто-то из профессоров приветливо улыбался, кто-то, наоборот, хмурился или оставался неприступно холоден, но все ставили высокий балл. Даже когда я представляла своё исследование — сравнительный анализ влияния эмоций на ауры Сумеречников и неударённых — выступление едва дослушали до середины и, зааплодировав «блестяще!», отправили отдыхать.

Я ещё долго стояла перед ними, разглядывая каждого, и не могла понять, почему всё кажется таким пустым и неправильным.

Пришла в себя, только когда появившийся непонятно откуда Густаво коснулся моего плеча.

— Разве нам уже разрешено видеться? — удивилась я.

— Испытания закончились, мы ни на что повлияем, — он задорно мне подмигнул. — Собирайтесь, в лаборатории вас уже заждались. Будем праздновать! И не только ваш успех.

Я посмотрела на опустевшие столы перед собой, а потом и на стулья учеников за

спиной. Все уши, я даже не заметила! Остались только Джурия с Торми и, улыбаясь, протягивали мне мои вещи. Густово конвоировал нас в лабораторию, не дав даже заглянуть домой и переодеться.

— Почему опять туда? Я соскучилась по друзьям Сумеречникам, они звали меня сегодня на домашний приём! Дайте хоть немного отдохнуть! — ныла Торми всю дорогу.

— В любой другой день сходишь, а сегодня у доктора Пареды праздник, — Густаво был неумолим. — Имей совесть!

Мы с Джурией его поддержали.

В коридоре пахло съестным, слышались весёлые возгласы. В гостиной уже накрыли стол с изысканными блюдами: гусиным паштетом, тушёным кроликом с грибной подливой и гарниром из репы и зелени, фаршированной тыквой, отварной треской. Как будто для меня выбирали.

Наставники пили белое вино и произносили тосты. Нас радостно поприветствовали и усадили за стол, пожимая руки. Даже обычно едкий и саркастичный Сезар воздерживался от колкостей. Жерард, повязавший через плечо белую ленточку декана с вышитой на ней руной «перт», служившей символом факультета Мистицизма, радушно принимал поздравления, хотя взгляд и голос оставались взвешенно-холодными.

— Поздравляю от всей души! Вы столько ради этого работали, — улучила я момент, чтобы сказать ему пару слов.

— Приказ уже подписали, но официальная церемония вступления в должность будет после объявления результатов испытаний, а там времени отпраздновать с вами уже не останется. Место советника по научным изысканиям — огромная ответственность, много хлопот — его глаза чуть-чуть потеплели.

Я понурилась и отвернулась. На нас у него времени совсем не останется!

Устав от праздничного шума, я устроилась в углу на стуле, снова просматривая записи. Столько работала над этим исследованием: рассчитывала траектории движения энергий и силу воздействия вместе с Джурией, чертила векторные схемы вместе с Клементом, донимала Хлою и её братьев, наблюдая за изменениями в их ауре в зависимости от эмоций, обсуждала исходные идеи и выводы с Жерардом. Толчок к исследованию дала его фраза о том, что каждый человек обладает зачатками всех способностей Сумеречников. Захотелось сравнить с ними обычных людей.

Способности напрямую связаны с эмоциями, которые заставляют скопленную в резерве стихийную силу сочиться через каналы в ауре и обретать форму воздействия в зависимости от желания носителя. У обычных людей резерва стихийной силы нет или он настолько мал, что не окрашивает верхнюю оболочку ауры своим цветом, оставляя её почти прозрачной. Так же, как и у нас, при сильных эмоциях она густеет, и блёклая энергия всё же истекает наружу через те же каналы. Похоже на промывку речного песка, среди которого изредка попадаются крохотные частицы золота — стихийной энергии. Если поднатужиться и собрать их в небольшой самородок, то получатся простейшие вещи из тех, что могут Сумеречники. Жерард говорил, что это слишком сложно, трудозатратно и неэффективно, поэтому вторая часть исследования осталась лишь теорией, но тем не менее она доказывала, что мы и неударённые — одно племя.

Хотелось, конечно, сравнить результаты с моими способностями к отражению. Жерард говорил, что они превращают стихийную силу в зеркало, отражающее направленный в него дар, окрашиваясь в цвета его стихии. Жаль, посмотреть на это со стороны не удавалось.

Лучшие книжники уже несколько веков бились над тем, чтобы создать зеркала, способные показывать ауры, а не только внешнюю оболочку, но получили лишь ловушки для призраков из стекла и полынного дыма. А больше — ничего. Человек, говорил Жерард, самый удивительный инструмент богов. Как бы мы ни старались, ни повторить, ни заменить его свойства не сможем.

Да зачем мне всё это?! Бесплезные знания, ближе к Безликому они меня не подвели! Я отшвырнула бумаги в угол и закрыла лицо руками.

— Что с тобой? — охладил меня спокойный голос Жерарда.

Я убрала руки. Он опустился на корточки и принялся подбирать мои записи с пола, аккуратно их складывая.

— Недовольна испытаниями? А профессора сказали, ты выступила блестяще, — Жерард подал мне записи обратно. — Ну же, улыбнись, теперь у тебя есть повод смотреть на сырых обывателей свысока. И с каждым годом, с каждой пройденной ступенью он будет становиться весче.

— Они даже не слушали. Их волновал только Безликий, который так ни разу со мной не заговорил. А это всё, — я потрясла листами. — Все эти знания — никому не нужный обман, как тот жалкий клочок бумаги и красные мантии, которые мы получим на выпускной церемонии. Это вам любой безграмотный подворотный забулдыга подтвердит!

Жерард принёс стул, сел напротив и заглянул в глаза:

— Почему меня должны волновать его слова, и главное, почему они волнуют тебя, м? Дело и правда не в мантиях и не в бумажках, даже не в этих конкретных знаниях и идеях, — он указал на мои записи. — Дело в совершенствовании, идеальной форме. Главное — научиться постигать новое, открыть свой разум для идей извне, ведь именно это и есть голос божественного озарения. Тебе только кажется, что мироздание молчит, но на самом деле оно говорит с тобой всегда, даже когда ты спишь. Чем дальше, тем больше будут открываться твои глаза и уши, тем больше сможет отметить твоё восприятие и тем больше понять твой разум.

Я вздохнула, прижимая листки к груди.

— Я смогу продолжить исследование для магистерской работы?

— Если пожелаешь. Теперь у нас будет гораздо больше времени на нашу уникальную специализацию. У тебя всё получится, у нас! Даже с этими новыми обязанностями я вас не брошу. Вы — моя главная ценность. Должности как раз нужны, чтобы позаботиться о вас и нашем проекте.

В порыве чувств я обняла его. На самом деле боялась его потерять, как свою путеводную звезду в этих поисках, а остальное так, мелочи.

— Простите мои сомнения. Я буду стараться изо всех сил!

Мы оба улыбнулись впервые искренне за этот вечер.

***

Объявили результаты испытаний, миновали и наша выпускная церемония, и церемония вступления в должность Жерарда, прошли каникулы и снова началась изнурительная учёба.

Я частенько заглядывала в Нижний. Тут кипела жизнь, о которой я раньше знала лишь понаслышке. Обитали здесь не только разбойники и попрошайки, но и бедняки, беженцы, разорившиеся торговцы. Они налаживали быт, желая лишь одного — не скатиться на самое дно, в которое превращались грязные улочки с наступлением темноты. Нищие лезли из каждой подворотни, спали на мостовой пьяные и курильщики опия, устраивали кровавые

разборки шайки бандитов. Я старалась уходить к этому времени, несмотря на то что Лелю приставил ко мне парочку верзил. На глаза они не попадались, но я всегда ощущала их ауры.

Общались местные своеобразно. Никто не следовал этикету и не опускал глаза долу, а говорили всё как на духу. Кто-то принимал меня хорошо, кто-то побаивался, кто-то испытывал неприязнь.

Часть вещей и еды, что мы собирали для сирот из храма Вулкана, я приносила сюда. Дети бедняков и беспризорники ничем не хуже, к тому же дамам из благотворительности важна была исключительно похвала за «добрые дела и милосердие». На что идут пожертвования, волновало только меня.

Дети Нижнего налетали шумной стайкой, жаловались, просили. Я старалась помочь всем, кому могла, и возвращалась домой вымотанной до предела. Создавалась иллюзия, что я делаю что-то полезное.

Я часто навещала семью Машкари. Малыш Бурро выздоровел и вернулся домой. Хлоя всё так же цеплялась за меня клещом, считая своей собственностью. Что меня в ней так проняло? Схожесть ли с погибшей Айкой, желание искупить вину или непосредственность и искренность, которой мне так не хватало среди своих?

Я пыталась привить Хлое хороший вкус, манеры, любовь к чистоте и порядку, но выходило слабо. Стоило чуть сильнее натянуть поводья, как она закусывала удила. В конце концов я оставила попытки. Когда она просила, я с удовольствием рассказывала и показывала всё, что знаю, а когда перечила и затыкала уши, я молча пыталась её понять.

Хлоя быстро выросла и хорошела. Угловатые детские черты смягчались, формы приобретали пленительную округлость, глаза и улыбка становились ещё более обольстительно-невинными, движения — по-кошачьи плавными.

Осенним утром мы гуляли по широкой главной улице. Яркое светило солнце, хоть и не припекало так жарко, как летом. Возившиеся на улице женщины и дети здоровались и махали рукам. Навстречу шагала шумная компания мастеровых. Юноши с интересом оглядывали нас, Хлоя дерзко смотрела им в глаза, надувала губы, посылая особо понравившимся томные улыбки. Те ухмылялись в ответ, один даже остановился, но товарищи потянули его за собой, не дав заговорить.

— Будь благоразумней. Парни порой плохо управляют своими страстями, лучше их не подзуживать, — предупредила её я.

— Ой ли, отобьюсь! — отмахнулась она.

— Я тоже так думала, когда кузен Петрас предложил вызвать духов в охотничьем домике ночью. Знала, что нравлюсь ему. Думала, ну обнимет у камина, поцелует. У меня и ухажёров-то до этого не было. Любопытно стало, какие они — ухаживания. А он... он опоил меня для храбрости и потребовал гораздо больше, чем я хотела ему дать.

— И что же ты? — встрепенулась Хлоя.

— Мой брат пришёл в последний миг и надавал наглецу по шее. Он всегда меня защищал, даже от меня самой, — я всхлипнула, вынимая из-за пазухи гербовую подвеску — единственное, что Вейас оставил мне перед уходом. Порой я тосковала по его шаловливой ухмылке непереносимо, хоть и старалась изо всех сил забыть.

— Я бы никогда на такие глупые уловки не попала! — Хлоя высунула язык, дразнясь.

Я печально вздохнула:

— Какой бы ты ни была умной и проницательной, всегда есть шанс, что близкий, тот, кому ты веришь больше всего, обманет и ударит в спину. Не подставляться, значит,

закрыться ото всех, забиться в самую глухую щель и не казать из неё носа. А чтобы жить среди людей, так или иначе нужно доверять. Хотя бы тем, кому хочется довериться.

— Пфе, вот поэтому тебя все и обманывают! — она смачно сплюнула себе под ноги.

Порой Хлои становилось слишком много. Тогда, вежливо попрощавшись, я уходила на некоторое время, чтобы отдохнуть и не вымещать на ней раздражение. Так поступила и сейчас.

***

Мы стали видеть Жерарда намного реже, но он о нас не забывал, всегда устраивая нечто особенное в свои визиты. Вот и в этот раз мы с нетерпением ждали, что он объявит нам, собрав в учебной комнате.

— Вы уже достаточно обучены и натренированы для поездок на природу. Медитация в уединённых местах помогает проникнуть в божественные сферы. Это будет совершенно новый для вас опыт слияния со стихиями.

Я подняла руку. Жерард кивнул.

— Я как-то провела три дня на горе Мельдау в Утгарде без еды, воды и сна. Лежала на земле в очерченном камнем круге. Разум мутился, стиралось всё личное, пропадали ощущения тела, и я растворялась в криках орлана, в завываниях ветра, в небе, в камнях. Перед глазами разворачивалась вся история мира с пришествия Повелителей стихий и их танца сотворения. Я была среди них, пела и танцевала вместе с ними, приобщаясь к таинству созидания.

Девчонки испуганно переглядывались. Должно быть, со стороны мои слова звучали очень бредово.

— Именно этого мы добиваемся, — поддержал Жерард, заметив моё смущение. — В чрезвычайных обстоятельствах открываются резервные силы родового дара, а следовательно, возрастают способности Норн.

— По крайней мере, это легче, чем бесконечные цифры и зубрёжка, — смягчилась Торми.

Джурия оставалась всё такой же недоверчивой. Мне же не терпелось выбраться из душных стен города.

Перед вылазками мы несколько дней ничего не ели в память о моём «первом опыте». Животы сводило от голода, то и дело раздавалось урчание, мысли о еде осаждали разум. Мне-то ещё ничего. Во время путешествий жить впроголодь приходилось часто. Ощущение жгучей пустоты было даже приятным — наполняло тело лёгкостью, а мысли и впрямь становились неземными. Но остальным пришлось несладко, особенно Джурии. Ей делалось дурно, если она не перекусывала каждые несколько часов.

На телеге с наёмным возницей мы ездил в пустыню. Хотя нет, это скорее была опустыненная степь, как учил нас Сезар. Мы тряслись на камнях и ухабах, то поднимаясь в гору, то спускаясь. Даже немного укачивало. Мимо проносились одинокие скалы из красного песчаника, похожие на драконовы гребни. То и дело попадались клочья сухих колочек, заросли хвоща, кусты мятлика и полыни. Их жевали иссушенные зноем козы. Выглядывали из норок кролики. Грелись на камнях змеи с ящерицами.

Воздух горчил тишиной. Ветер поднимал песок и закручивал мелкими вихрями. Мы кутались в платки, чтобы не ободрать кожу.

Узкими тропами Жерард водил нас на вершины скал. Хрипел песок под ногами, скрипел на зубах и перебивал все запахи. С пиков открывался вид на пустыню от горизонта

до горизонта с мелкими колебаниями рельефа. Акации вдаль сбрасывали листву и устремляли скрюченные ветви к милосердному зимой солнцу. Вспучивались барханы, поросшие низкой травой, совсем далеко поблескивала речка Эскенда.

Умиротворённо.

Созерцать природу в тишине мне нравилось. С молитвами и медитациями на образ Безликого выходило хуже. В голову лезли мысли, тревожные воспоминания, нерешённые вопросы, которые я не замечала за делами. Останавливать «внутренний диалог» приходилось невероятными усилиями воли. Я воспаряла к небесам, преодолевая ярусные сферы, устремляясь всё выше и выше, к звёздам. Перед глазами вставал почерневший Благословенный город, покинутые Девятые небеса, разорённые древней войной. Безликого там не было, он спал в других сферах или сторожил брата в Тэйкуоли, Пещере духов. Сколько бы я его ни звала, он не откликался. Ни голубое сияние, ни сны-видения об Огненном звере больше не посещали меня.

Из задумчивости пришлось возвращаться домой. Начался крутой спуск, мы шли очень аккуратно. Жерард пропустил нас с Торми вперёд, а сам подобрался к Джурии. Она брела, низко склонив голову, пошатывалась и шаркала ногами, поднимая столбы пыли. Споткнулась об камень и едва не полетела вниз. Мы с Торми испуганно ахнули. Жерард подхватил её в последний момент.

Она была тяжёлая и ширококостная, хотя и худая, как мы. Жерард волок её на себе до самого подножия, где усадил на песок и привалился к скале, закрыв глаза и с натугой глотая ртом воздух.

Солнце ускользало за кромку барханов, пламенел в закате песок, обдавая колким ветром. Тишина заворачивалась вокруг душным коконом.

Я подошла к Джурии: напоить водой, проверить самочувствие. И отшатнулась. Она смотрела в никуда, чёрный зрачок затопил всю радужку, растрескавшиеся губы дрожали. Она подскочила и понеслась по глубокому песку вокруг скалы — усталости как не бывало. Сандалии разлетелись в разные стороны. Ноги вязли по щиколотку, колючки и камни ранили ступни, оставались кровавые следы. Джурия упала на колени, расставила в стороны руки и залилась иступленным смехом:

— Я слышу её!

Жерард открыл глаза и уставился на неё.

— Всеблагую мать Калтац! Она повсюду! В каждом камне, в каждой песчинке, в каждой колючке. Разве вы не слышите её песнь?!

Мы с Торми переглянулись. Столько энергии и эмоций у нашей обычно сухой и сдержанной подруги! Да её никогда ничего, кроме цифр и порядка, не интересовало.

— Как же она прекрасна! Она баюкает деревья на ветру, щебечет голосами птиц, крадёт лесным зверем, жужжит букашкой. Она повсюду, в вас и во мне! Почему я раньше этого не видела?!

Джурия закрутилась на месте волчком. Жерард сделал к ней шаг, другой, а потом сорвался на бег.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Она любит всех. Она хочет всех обнять, обогреть и пожалеть. Всех: и праведных, и заблудших. Она плачет кровавыми слезами деревьев, когда её любимые чада убивают друг друга. Она плачет, когда мы глухи к её предупреждениям. А гибель уже на пороге, но мы не чувствуем её смрадного дыхания так, как чувствует она!

Джурия замерла, запрокинув голову. Глаза закатились. Она с хрипом завалилась на спину, с краёв губ потекла пена, тело тряслось от судорог. Жерард подхватил её прежде, чем она разбила бы голову о камень.

За нами уже катила телега. Возница помог уложить Джурию на устеленное соломой и покрытое мешковиной днище. Жерард устроился рядом, массировал её виски и делал пассы ладонями. Красная целительская аура густела и живительным потоком вливалась в Джурию, облегчая её муки.

Мы с Торми уселись на козлах рядом с возницей. Лошади побежали плавной рысцой, телега увёртывалась от ухабов и камней, чтобы нас поменьше трясло. Джурия затихла и обмякла. Жерард напоил её водой из фляги, смочил тряпку и обтёр лицо.

— Ты молодец. Ты справилась. Даже лучше, чем я думал, — бормотал он.

Она не отвечала: то ли устала, то ли уснула, то ли и вовсе лишилась чувств.

— Нам ведь не придётся тоже, ну как ей?.. — зашептала Торми. — Это страшно.

— Не думаю. Мне в прошлый раз плохо не было, — неуверенно повела плечами я.

Плохо было не телесно — душу будто когтями исполосовали, правда, сейчас я бы с радостью пережила всё снова, лишь бы услышать Безликого, узнать, что мы на правильном пути. Брат мой, Ветер, подай хоть какой-то знак! Но тот лишь молча перебирал мои волосы.

Торми вздохнула:

— Сбежать бы из этого дурятника.

Жерард укутал Джурию в плащ, и нам тоже передал по одному. Пустыня-не пустыня, а ночной холод и здесь зимой пронимал.

Джурия выздоравливала почти так же долго, как и я после казни. Она плохо помнила, что произошло накануне: ни своих слов, ни ощущений описать не могла. Жерард неусыпно ухаживал за ней. Наши занятия отложили, освободив много времени.

Глава 23. Единоверческий проповедник

Я прогуливалась вдоль разбитой набережной Нижнего в одиночестве. Увядавшее запустение навевало таинственные мысли о бренности бытия. Серые и удушливые тучи сливались с каменным крошевом, обшарпанными покосившимися стенами домов. Накрапывал мелкий дождь, ветер пробирался под плащ и продирал холодом. Галдели неприхотливые утки. Они свободны лететь куда глаза глядят, но всё же преданно дрейфуют по вонючим водам обмелевшей реки. Почему?

— Лайсве! — окликнул знакомый голос.

Сама не приду — всё равно разыщут!

Хлоя бежала ко мне из прохода между домов. Она превзошла саму себя: её накидка состояла из лент и лоскутов всех мыслимых и немыслимых оттенков. Волосы украшали огромные блестящие и в то же время шербохатые заколки. Мочки оттягивали серёжки-гроздьи, почерневшие, с выпавшими стекляшками. Однажды мне уже приходилось лечить её гниющие уши, но Хлоя упорно не желала слушать, что носить надо только чистое и своё.

И куда так принарядилась?

— Айда на новую забаву! — Хлоя схватила меня за руку и потянула за собой.

Мы почти бежали. Воодушевление окатывало волной. Что за забава могла так раззадорить эту пресыщенную девчонку?

— Скорее, будет обалдеть — обещаю! — подгоняла она.

Надо же, и вправду обо мне думала, а не о собственных играх?

Разлетались брызги из луж, пачкая полы одежды. Башмаки промокали, вода просачивалась сквозь подошву, пальцы стыли. Мы неслись косыми переулками, узкими тёмными улицами. Я узнавала мёртвые остовы домов даже сквозь пелену дождя. За широким арочным проходом скрывалась площадь с разбитым фонтаном. Тут снова собралась толпа. Пахло мокрыми камнями и одеждой. Люди кутались в плащи, с нетерпением глядя в центр площади. Мы протиснулись вперёд: я — извиняясь перед всеми, Хлоя — внаглую расталкивая их локтями.

Своя стук капель пробивалась музыка, едва слышная, но затмевающая все остальные звуки. Я ещё не видела фонтан глазами, но перед внутренним взором рисовалась уже вязь каменной лозы, вспыхивала бледно-голубыми огнями, цветы камнеломки источали дурманый аромат, похожий на запах ландышей. Мостовая пульсировала, словно площадь дышала, напитываясь то ли дождём, то ли судорожным дыханием мёрзнувших людей, то ли голосом того, кто вещал с высокого бортика.

Наваждение пропало, как только я увидела его. Худощавый мужчина, даже хрупкий, с мягкими мелкими чертами. Выдубленное лицо, морщины в уголках рта и на лбу. Тёплые глаза цвета гречишного мёда смотрели не по-детски серьёзно, но курчавые каштановые волосы всё равно заставляли его выглядеть мальчишкой. Грубый серый балахон, подпоясанный верёвкой, висел мешком. На шее болтался амулет, сплетённый из ивовых веток: круг с четырёхконечной звездой внутри. Память подкинула почти истлевший образ: перекошенное яростью лицо единоверца Лирия, блеснувшее в закатных лучах лезвие и кровь Айки на моих ладонях.

Паника сдавила грудь. Я схватила Хлою за руку, попятилась и наткнулась спиной на

кого-то из толпы. В ухо неразборчиво выругались и толкнули обратно. Шум привлёк внимание единоверца. Дружелюбный взгляд подбодрил. Не чувствовалось в нём злобы или враждебности, даже страха не было. Я замерла, с настороженностью ожидая, что будет дальше.

— Начнём, пожалуй, — единоведец хлопнул в ладоши. — Кто хотел, уже пришёл. Кто опоздал — подтянется позже и переспросит у остальных, да?

Толпа невнятно замычала. Единоведец продолжил:

— Как некоторые уже знают, моё имя Ферранте Диаз. Я пришёл из далёкого знойного края, что мы зовём Священной империей. Я несу в вашу обитель немного надежды и света, — чёткая дикция, хорошо поставленный голос, умение играть интонацией и выделять нужные слова — единоведец явно подкован в ораторском искусстве. Толпа замолчала, вслушиваясь, какую истину он собирался открыть. — Ни для кого не секрет, что нам было явлено чудо. Наш унылый быт озарила истина: бог есть! Он любит и заботится о нас, как отец заботится о своих чадах, пускай даже заплутавших и отбившихся от дома. Он протягивает к нам руки и говорит: впустите меня в ваши сердца, и я покажу вам новый дивный мир, где каждый больной и обездоленный будет утешен. Каждый получит счастье, доброту и милосердие, потому что этого достоин. Каждый достоин шанса на исправление, понимание и прощение. Всё, что для этого нужно — отринуть ложное и суетное, открыть уши и глаза, услышать и узреть истинный свет, без страха и сомнений устремиться за ним. Любовь — и есть тот свет. Любите себя, любите близких, а чужих любите ещё больше! Если сосед попросит у вас денег, отдайте ему деньги, снимите последнюю рубаху и отдайте ему. Ибо блажен тот, кто отдаёт бескорыстно.

Он прикрыл глаза от нахлынувшего вдохновения и заговорил ещё горячее:

— Не просите ничего — отдавайте, живите малым. Он накормит вас пролившимися с неба хлебами, он оденет вас в одежды из листьев, он обогреет и приютит вас в ненастье.

Дождь усилился, ухал ветер в выбитых окнах, заставляя дома стонать по-человечьи. Люди зябко кутались в плащи и накидки, но уходить не собирались. Единоведец хорошо держал их внимание.

— Я пришёл к вам босой, — он показал свои стёртые, покрытые жёсткими мозолями ступни. Народ ахнул. — В одном этом балахоне, — взгляды нацелились на его перелатанную одежду. — Чтобы показать вам свет и повести за собой в благодный край.

— Ну так да, — выкрикнул из толпы кто-то нетерпеливый. — Где оно всё? Счастье и хлеба с неба? Нельзя ли покороче!

Единоведец одарил его открытой улыбкой:

— Это будет не сейчас. Для этого мы должны поверить и отворить свои сердца для любви. Возвести белые чертоги небесного царства и вырастить сады благоуханных деревьев. Подумайте над моими словами и приходите сюда через неделю. Я расскажу вам, что надо делать.

Голос упал до вкрадчивого шёпота и затух в полной тишине. Но она продлилась недолго.

— А милостыня где? — послышался женский голос с противоположной стороны толпы. — В прошлый раз милостыню давали!

— Где хоть что-нибудь? Цацки, шмотки, жратва? — выкрикнул мужчина за моей спиной.

— Мои карманы пусты, а за душой нет ни ломаной медьки, но я могу дать вам гораздо

больше, — спокойно и уверенно отвечал единоверец.

Толпа подвинулась вперёд от любопытства. Единоверец распротёр руки к небу.

— Я вручаю вам всего себя. Я проведу вас по тернистому пути в благостный край. Я озарю вашу тьму светом моего пламенеющего от любви сердца!

— Вот тебе твоё сердце! — кто-то швырнул в единовеца яйцом. Оно разбилось о его лоб, по лицу потекло, но единоверец продолжал стоять, раскинув руки и добродушно улыбаясь.

— Вот же юродивый нашёлся. Честных людей отвлекает! — возроптали собравшиеся.

Толпа огромным чудищем развернулась к выходу и побрела прочь, распадаясь на мелкие группки, а потом и вовсе по одному. Единоверец замер в той же позе. Тугие струи дождя смыли с его лица грязь, оставив его таким же восторженно-юным и чистым. Мы тоже стояли. Когда последние люди скрылись за аркой, он, наконец, отмер, и опустил руки. Я подошла ближе и протянула ему платок.

— Вы очень интересно рассказывали. Простите, что они так... — затевать с ним разговор было неловко и страшно.

— Пустяки. Моих предшественников четвертовали, колесовали и натягивали кишки на ворот, — воображение живописало картины ужасающих мучений. Я сглотнула режущий горло ком. Ферранте продолжил: — Если что-то даётся легко, то потом не ценится. А вам понравилось, да? — Ферранте взял у меня платок и вытер лицо.

— Да. Я бы хотела узнать больше о вашем боге.

— Приходите через неделю. Чтобы истина пустила корни, нужно время. Должна пробудиться душа, должна привыкнуть трудиться. — Такой вежливый. Совестно его обманывать, но нужно выпытать про его цели и про то, как он миновал караульных, ведь в город никого не пускали.

Хлоя вклинилась между нами.

— О, милая Хлоя, рад, что и вы пришли послушать, — он добродушно кивнул.

Она похлопала длинными чёрными ресницами и загадочно улыбнулась одними уголками рта.

— Это очень здорово, что девушки интересуются такими серьёзными вопросами, а не полагаются полностью на мужчин. Женщина — как совесть, заставляет становиться лучше.

Всерьёз он или говорит то, что я хочу услышать, как одна из ораторских техник, которым обучал Жерард?

— Совесть нынче мало кто слушает, — я облизала пересохшие губы.

— Я это изменю, я верю.

Ферранте повертел мой платок в руках и только тогда заметил вышитый голубыми нитками вензель. Угольно чёрные, немного курчавые брови сошлись над переносицей. Взгляд стал настороженный.

— Вы ведь не отсюда?

— Из Верхнего города. Раздаю здесь милостыню, — отпираться было глупо.

— О, Светлая госпожа! — лицо смягчилось, глаза снова прищурились в улыбке. Он приложил мою ладонь к губам. — Вы уже поступаете согласно заветам Единого, значит, видите его свет, хоть и не можете понять. Должно быть, вас послали сюда, чтобы мои слова дошли до тех, кто слеп и глух там наверху.

Я растерянно молчала. Увидеть свет Безликого — я бы хотела, хотя бы услышать его печальный с бархатной хрипотцой голос!

— Не тушуйтесь, я от вас ничего не требую. Просто приходите ещё, пока сами не поймёте, в чём ваш путь.

Его перебил смех Хлои, такой резкий, что даже я вздрогнула.

— Ну ты и тупой! Совсем не понимаешь, с кем говоришь?

Ферранте переводил смущённый взгляд с меня на неё и обратно.

— Она же ведьма! Из Сумеречников. Её отец Сумеречник, её брат Сумеречник, она работает у Сумеречников, даже её хахаль-бугай и тот Сумеречник. Она сама у них жрица главная. Тронешь её пальцем, так тебе головорезы половинчатого Лелю мигом глотку перегрызут, а не тронешь — она рыцарям доложит, и тогда твои кишки тоже на ворот намотают!

Ферранте обернулся на меня. В глазах — испуг загнанного зверя и неверие, какое бывает у жертвы перед смертью. Мутная рябь страха почти осязаема.

— Чего замер?! — издевалась Хлоя. — Беги, а не то она тебя заколдует, и будешь как мой брат Лино об углы биться и слюни пускать!

Ферранте припустил к арке, всё время оглядываясь. Поскользнулся на луже и рухнул в грязь. Подскочил. По лбу текла кровь, мутная вода по балахону. Я подошла, чтобы помочь, но он рванул ещё быстрее, пока не скрылся за домами.

— Хлоя! — в бешенстве вскрикнула я.

Негодница покатывалась со смеху и совершенно меня не слушала.

— Ну тупой! Слушайте меня, я вас поведу, возлюбите соседа и отдайте ему свою рубаху, — схватила меня за плечи и легонько толкнула, изображая Ферранте. — Ты Светлая госпожа, ты избрана, чтобы донести мои слова до тех, кто наверху! Да у него ума как у ракушки!

— Хватит! — рявкнула я, стряхивая с себя её ладони. — Не нужно было его запугивать. Я просто хотела поговорить!

— Так и поговоришь. Он через неделю опять припрётся, а охотников его слушать същется немного. Так что, либо ты, либо он разговаривает со стенкой. А это уже как-то совсем, — она покрутила пальцем у виска.

— Ты просто несносна! Зачем я с тобой вожусь?! — я развернулась к выходу.

— Ну так не возись! Догони его и расцелуй! А Сумеречника твоего чур я себе заберу, — крикнула она вдогонку, но я не стала отвечать. Внутри всё кипело, и даже холодный дождь не остужал.

Неделю я не приближалась к Нижнему городу. Ферранте оказался прав: его наивные высокопарные слова затронули потаённые струны моей души, заставили раздумывать над его фразами. Чем больше я это делала, тем больше отыскивала сходств между учением единоверцев и тем, что говорилось в Кодексе Безликого. Не в словах, конечно, а в глубинах смысла, в понимании сути мироздания.

Я набрала из Библиотеки книг: самый полный список Кодекса и разные толкования. Микаш уже заимствовал их, изучал по вечерам. Это была вторая его страсть после книг по военной тактике и стратегии. Родись он в замке на холме, мог бы стать судьёй. Впрочем, нет, он слишком любит войну и своего маршала.

Толстенные фолианты в кожаных обложках, выцветшие строки на пожелтевшей от времени бумаге. Я вглядывалась между ними, представляя, как Безликий стремился донести до людей божественную мудрость. Странно, учёба никогда меня так не захватывала.

Вот оно: «Смысл существования Сумеречников в служении, в вечной битве с силами

мрака и хаоса, в защите остальных людей от кровожадных порождений червоточины». «Довольствуйтесь малым. Спешите отдать как можно больше и ничего не ждите взамен: ни благодарности, ни почестей». «Сторонитесь власти, ибо она развращает и оковывает цепями тщеславия». «Помните о том, кто вы есть, откуда пришли и куда уйдёте после смерти». «Живите по чести и совести. Помните, вы сильны, чтобы защищать слабых и обездоленных». «В вере ваша сила. В вашей вере в меня и в свою победу, в вере людей в вашу доблесть и чистоту. Не станет веры — сила что песок утечёт сквозь пальцы, а мечи разлетятся на тысячи осколков». «Смиренно принимайте любые невзгоды. Они встают на вашем пути, чтобы вы преодолели их и стали лучше». «Дорога к совершенствованию бесконечна и терниста, но даже если вы сойдёте с неё, то сможете вернуться, раскаявшись и искупив вину». «Не понадобится людям ваша служба — сложите оружие и уйдите в забвение, как уходят боги».

Последние неоконченные строчки остались только в самом полном списке: «Забудьте меня, имя и лицо. Но помните моего отца, Небесного Повелителя и его царство на Девяти небесах, его ослепительно-белые чертоги и благоуханные сады, его весёлых и светлых обителей-духов. Пускай радостью полнятся ваши души в тёмную пору. Помните мои слова. Пускай они отобьются в ваших сердцах, как древние рисунки на камнях. Да охранит вас всех любовь».

Такие высокие и полные чувства речи, совсем не похожие на сухие строки Кодекса. Видно, Безликий писал перед самым уходом и знал, что не вернётся. Каково было ему оставлять дело, в которое он вложил столько трудов? Были ли у него друзья среди людей, или он возвышался над ними, как король? Каково ему было потом наблюдать, как Сумеречники нарушают его заветы? Зачем они делают это? Люди не боги. Несовершенство, должно быть, в человеческой природе.

За это время я впервые приблизилась к Безликому, лучше поняла, представив его из плоти и крови. Даже во время медитаций так не получалось. Надо дать единове́рцу шанс. Вдруг он скажет ещё что-то, что наведёт меня на нужную мысль. Безликий, Единый... пути к ним должны быть схожи!

Дождливые дни сменились ясными и солнечными, как здесь случалось часто. Чтобы загладить вину перед Ферранте, я купила пирог с крольчатинной и капустой и рано утром отправилась в Нижний. На подходе к площади с фонтаном меня нагнала Хлоя.

— Вернулась! — ехидничала она, выставляя напоказ щель между зубов. — Долго без нас не усидишь. А что там? Это мне?

Она заглянула под полотенце, которым был накрыт пирог. Как собака тянула носом воздух, чувствуя съестное. Я прибавила шагу. Может, и прощу её, но только не сейчас.

Народу на проповедь собралось значительно меньше. Стояли чуть в стороне, в основном крепкие мужчины разбойного вида, шептались. Ферранте уже начал выступление. Голос его звучал совсем не так воодушевлённо и уверенно, хотя все ещё громко, чётко и бодро. Я подобралась поближе. Хлоя за мной — хвостом. Я спряталась за широкую спину стоявшего впереди мужчины. Не хотела, чтобы Ферранте увидел меня до конца выступления. Это наверняка бы ему помешало.

— Работу следует начать прежде всего с себя: не брать чужого.

— Мы не берём. Всё и так наше! — выкрикнули из толпы. По рядам прокатились смешки, но Ферранте не обращал внимания.

— Не завидовать и не желать зла. Не обижать и не причинять боли. Держать слово, не

предавать друзей, не изменять супругам. Блюсти тело в чистоте и не посещать продажных женщин.

— Эк, ты, батя, загнул! — возроптали уже многие. — Что мы, дети малые?! Все так делали всегда. Без этого нашим же бабам хуже будет!

Повсюду раздавались возгласы одобрения, но и это не смутило Ферранте.

— Воздержание закаляет характер, оздоравливает тело и душу. Только сильный может пройти по этому пути. Вы ведь сильные?

— Хорош заливать! Лучше скажи, когда мы хапуг из дворцов выгонять пойдём? На костёр их всех! А дома себе, и золото себе, и лучших баб тоже себе. Тогда точно по шлюхам ходить не придётся.

Остальные мычали вразнобой, побаиваясь поддерживать слишком смелого товарища.

Ферранте выцепил меня из толпы полным подозрения и возмущения взглядом. Я смотрела на него в упор.

Скажи, какова твоя истинная цель!

— Я не воин и пришёл сюда не за сварой. Лик войны ужасен. В ней нет победителей, правых и виноватых тоже нет. Все, свои и чужие, теряют в ней человеческий облик. Я не пролью ничьей крови, я не поведу вас на бойню. Наоборот, я сделаю всё, чтобы её предотвратить. Если мы все поверим и станем лучше, то люди в Верхнем городе, такие же, как мы, поймут, что наше учение и наш бог истинны. Тогда они сожгут лживых идолов и изгонят обманщиков, а для нас откроются ворота на светлые улицы Верхнего города.

— Скорее Сумеречники нас всех вздёрнут. Пошли отсюда, нечего здесь ловить. Евнух беспомощный!

Интересно, он сказал про изгнание, потому что злился на меня или потому что на самом деле этого хочет?

Я дожидалась, пока мы останемся одни, но Ферранте приблизился ко мне прежде.

— Зачем вы пришли? Увериться, что я угрожаю вашему ордену и сею смуту? Так я вам открыто заявляю, берите меня и казните, раз так хочется! Вам меня не заткнуть! Я приведу этих людей в благостный край или умру, пытаюсь.

— Вот идиот, — зашептала Хлоя. — Он хоть сам слышит, насколько он жалок?

— Я просто хотела послушать, — отвечала я Ферранте, игнорируя её. — До этого вы по-другому говорили, о доброте и милосердии, о том, что каждый человек любим богом и достоин счастья. Разве мы, те, кого вы хотите изгнать, не люди? Мы так же страдаем и кровоточим, если нас поранить.

Я достала из-за пазухи стилет. Ферранте отшатнулся. Я снисходительно улыбнулась и надрезала себе ладонь.

— У нас одна кровь, — я показала ему тёмную струйку.

Ферранте замер, раздумывая. Я перевязала руку платком и протянула единомерцу пирог.

— Это в извинение за обман и неприятное знакомство. Я не хотела, просто по-другому вы не стали бы слушать.

— Решили меня отравить? Достойный для вашего племени поступок, — Ферранте презрительно сузил глаза. — Нет, так легко я не сдамся! Пускай все увидят ваше гнилое нутро!

Он зашагал прочь, не оборачиваясь, а я так и осталась стоять с пирогом в руках. Почему все говорят одно, а делают другое? Я думала, что поняла и смирилась, ан нет, всё равно слишком наивна и идеалистична. Но ведь эта была такая хорошая мечта — помириться с

единоверцами. К-н-и-г-о-л-ю-б-.-н-е-т

Я устало опустилась на бортик фонтана и понурила голову. Изборождённый камень окутывал умиротворяющим теплом и придавал сил, словно Безликий обволакивал меня своими крыльями. Хлоя села рядом и уставилась в упор.

— Можно уже его съесть?

Я пожалала плечами и передала ей блюдо. Не скармливать же помойным псам.

***

Снова зарядили дожди. Мы вернулись к учёбе. Джурия уже поправилась настолько, что укоряла нас с Торми за отлынивание и лень. Ставшая невероятно услужливой Хлоя поджидала меня в укромных углах Верхнего. Вначале я лишь сдержанно благодарила за новости, которые она, как сорока, приносила на хвосте из пёстрых лент и щербатых украшений, но вскоре я её простила.

Нет-нет, да думала о злосчастном единоверце. Нужно сходить к нему ещё раз. Возможно, наивность и идеалистичность в себе изжить не удастся, но вот от уныния и страха перед трудностями я избавлюсь!

Прохладным пасмурным утром мы с Хлоей встретились у перехода в Нижний. Дождь поутих, накрапывал едва-едва. Сквозь тучи робко пробивались солнечные лучи. Мы направились к площади с фонтаном: я широким шагом, Хлоя за мной вприпрыжку.

Народу там собралось мало: самые любопытные и те, кто хотел поиздеваться над наивным единоверцем. Ферранте изменился. Не осталось и следа бывшего добродушия, в лице читалось презрение. Говорил он не так запальчиво, подбирая слова и рыскал взглядом по толпе. Я догадывалась, кого он ищет, вышла вперёд и заглянула в глаза с вызовом.

— Сегодня мы поговорим о тех, кто неизбежно встретится нам на пути в благостный край и постарается увести в сторону, — говорил Ферранте раскатистым голосом, от которого, казалось, трепетал даже фонтан и мёртвые дома вокруг. — Они рядятся в овечьи шкуры и бродят между нас, пряча клыки и когти, втираются в доверие кошачьими ласками и сладкими речами, щедротами осыпают из широких рукавов. Только поверишь им, как они вольют в уши яд, что медленно убивает душу сомнениями. Вы будете уже не вы, а полое создание, живущее сиюминутными прихотями и велениями плоти. Зов истинной веры вы не услышите больше никогда!

Он взял долгую паузу, как делали актёры в театре Одилона в драматические моменты, и ткнул пальцем в Хлою. Народ расступился, взгляды устремились на нас.

— Ты, девочка, — она сложила руки на груди и смешливо вскинула бровь. — Не представляешь, в какой опасности находишься. Змея уже свила гнездо у тебя на груди, — Ферранте передвинул палец на меня. В толпе зашептались. — Её слова лживы, а намерения коварны. Бойтесь ведьм, дары приносящих, ибо они растлевают души!

Я оцепенела. Что за нелепица, как на неё отвечать?

Он спрыгнул с бортика и подошёл к нам. Все затихли.

— Дай мне руку, дитя. Я излечу тебя от колдовской порчи.

— Надо же, за спасением моей души в очередь выстроились! — Хлоя сплюнула в протянутую руку и расхохоталась.

Её смех передался остальным. Только мы с Ферранте стояли друг напротив друга, как злые шуты, которые развлекали прибаутками господ, но в глубине души презирали их, мечтая выступить в трагическом амплуа.

Хлоя подбежала к фонтану и влезла на бортик.

— Послушайте меня, господа хорошие! Не нужно мне ваше спасение, и учёба тоже не нужна! Скоро я стану Королевой воров, и власти у меня будет почище, чем у вас обоих вместе взятых. Я не растрочу её на высокопарную чушь. Пускай все делают, что хотят: жрут до тошноты, напиваются до беспамятства, развлекаются с бабами и берут то, что само идёт в руки. Кто за Хлою, Королеву воров?

— Хлоя! Хлоя! — раздались одобряющие выкрики пополам со смехом.

Нужно снять негодницу с бортика, пока она не предложила грабить дворцы Сумеречников.

— Слезай! — я потянула Хлою за руку, но она вырвалась.

— Вот ещё! Вы горлопаните тут целыми днями, а мне нельзя?! Я неуловимая тень из гильдии наёмных убийц! — она сорвала с моей шеи гербовую подвеску. — Попробуйте меня догнать!

Я потянулась за ней, но меня оттолкнул Ферранте. Хлоя швырнула в нас пригоршню едкого порошка. Хлынули слёзы, чих не давал вздохнуть. Полегчало, только когда кто-то окатил нас водой.

Промокший до нитки Ферранте стоял рядом и тёр глаза, отплёвываясь. Хлои и след простыл. Отвлекла и сбежала с моей подвеской! С воришкой поведёшься...

Я зажмурилась, выискивая её ауру, позвала серую тень к себе и протянула к ней нить. Никуда девчонка от меня не уйдёт!

— Стой! — дёрнул за рукав Ферранте. — Я не дам тебе развращать её!

— Прекратите нести чушь! — я вывернулась из его захвата и побежала к выходу с площади, расталкивая толпу локтями.

Путеводная нить истончалась. Вот-вот и вовсе пропадёт. Вдруг негодница продаст подвеску скупщику? С неё станется!

Я выбежала на главную улицу. Ферранте мчался следом, тяжело дыша. Я свернула в узкий переулок, потом в подворотню, снова в переулок, на грязную улицу, мимо кособоких домов, к разбитой набережной. Показался почерневший от времени большой каменный мост. Почему здесь нет уток? И тихо... Я пригляделась. В смрадной заводи таилась демоническая аура. Вылезла со дна реки? Или из катакомб?

Сердце трепыхнулось в ужасе. Хлоя! Она пряталась под мостом. Красновато-коричневая аура демона двигалась к ней.

Я выхватила стилет.

— Стойте! — закричал подоспевший Ферранте и вцепился мне в локоть. По его лицу градом катил пот. — Я не позволю вам совершить злодейство!

— Хватит нести фанатичный бред, я не убийца!

Послышался плеск. Я пихнула Ферранте локтем так, что он упал на камни у самой воды, и побежала к Хлое. Она поджидала в тени моста и громко смеялась.

— Долго ты. Я её уже выбросила. Если хочешь достать, ныряй! — она кивнула на булькающую воронками грязь. Сверкнуло лезвие стилета. Хлоя поперхнулась и округлила глаза: — Эй-эй, вот твоя побрякушка! Я пошутила.

Она швырнула мне подвеску. Я едва успела её поймать, прежде чем она упала бы в воду.

— Беги, девочка, беги! — оглушил криком Ферранте и ухватил меня за плечи.

— Хлоя, беги, здесь демон! — заорала уже я, пытаюсь скинуть с себя умалишённого единовеца.

— Я не демон! Это она ведьма! — верещал он мне на ухо, не желая отпускать. Аура

была уже в нескольких шагах!

— Вы чего, опия обкурились? — вытаращилась Хлоя.

— Нет! Здесь демон!

Хлоя обернулась и попятилась к нам. Вовремя! Из мутной жижи всплыла плоская круглая морда. Тёмную кожу покрывали огромные бородавки, недоброй желтизной горели три пары жёлтых глаз на торчащих из середины головы тонких ножках. Щерилась полная мелких зубов пасть, трепетал раздвоенный язык. Демон вцепился в край набережной когтистыми трёхпалыми лапами и подтянулся наверх, явив мощное коренастое тело. Задние лапы, согнутые в коленях, с перепонками между длинных пальцев, измазали камень речной грязью.

— Что это? — хватка Ферранте ослабла. — Ты нас заколдовала!

— Бегите! — Я вырвалась и достала из-за пазухи метательные ножи.

Первый воткнулся твари в плечо, второй — в бедро. Засочилась тёмно-зелёная кровь. Демон зашипел, но даже не пошатнулся. Запрыгал к нам, как лягушка, настолько огромная, что камни дрожали от её толчков.

Ноги будто приросли к месту. Едва заметные посреди каменного крошева и густого сумеречного воздуха серые щупальца демонических чар оплетали нас. Жаль, что здесь нет Микаша. Нужно самой, нужно вспомнить, чему он меня учил. Зачерпнула побольше сил во внутреннем резерве и вложила их в желание. Выстрелили тугие нити телепатии, хлестнули, отогнав чужие чары. Голубоватая дымка моего внушения окутала Хлою и Ферранте.

Тварь зашипела яростней в одном прыжке от нас. Я бросилась на неё, целясь стилетом в морщинистое горло. Острие вонзилось в плоть по самую рукоятку. Демон взмахнул когтистой лапой, затрещала одежда, спину обожгло болью.

— На тебе! — заорала Хлоя.

В голову твари полетел камень. Ещё один, и ещё. Я провернула стилет в горле несколько раз, расширяя рану. Юркая тень запрыгнула демону на спину и потянула назад. Хлоя! Ферранте сдёрнул её с твари как раз вовремя.

Тот, хрипя и дёргаясь, рухнул на камни, едва я отскочила в сторону.

Спина горела. Мокла и тяжелела одежда. Сердце выпрыгивало из груди вместе с тяжёлым дыханием.

— Что это? — первым пришёл в себя Ферранте.

— Де-демон, — слова давались с трудом. Кружилась голова, в глазах темнело, а к горлу подступала дурнота.

— Их не существует! Это выдумки ордена, чтобы обирать честных людей. Колдунство! — тараторил он.

— Это ты виноват! — выкрикнула Хлоя и потянулась за новым камнем. Ферранте едва успел увернуться — тот задел его плечо лишь краем. — Тупой фанатик! Вали отсюда!

Проповедник потёр ушибленное место и, бросив на нас затравленный взгляд, поковылял прочь. Я устало опустилась на набережную возле тела демона.

— Не стоило, он действительно не понимает, — выдавила я из себя. Хлоя полыхала яростью. В минуты слабости управлять даром получалось плохо, эмпатия тянулась к тем, кто был рядом.

— Всё равно придурок! — сплюнула Хлоя.

— Светлая госпожа! — из ближнего переулка выскочили мордовороты Лелю и примчались к нам. — Вы так быстро бежали... мы упустили... что это? — Их было двое:

толстый и долговязый. Говорил второй, пузан молчал, обливаясь потом.

— Демон, — снова придётся объяснять. Я попыталась подняться — не стоило показывать слабость. Сумеречники умирают в битве, а не в постели. — Его нужно отнести его к воротам в Верхний город и подкинуть стражникам. Только так, чтобы вас не заметили и не начали расспрашивать. Мне нельзя здесь находиться.

— Наши рты будут на замке!

Я лихорадочно хохотнула:

— Дознаватели ордена умеют открывать даже самые сложные замки. Сможете достать бумагу и перо с чернилами?

Долговязый кивнул и убежал. Толстый перекинул мою руку через плечо и помог стоять ровно. Лучше бы он не приближался. От запаха пота мутило ещё больше.

— Вы в порядке? Вас нужно подлатать, — беспокоился он. Лелю, поди, шкуру сдерёт, что недосмотрели. А если умру здесь, так ещё и Жерард не даст местным жителям покоя.

— Терпимо. Наши целители помогут без лишних вопросов.

Хлоя виновато заглядывала мне в глаза. Ничего. Совестью полезно бывает помучиться. Долговязый вернулся с ещё несколькими парнями разбойного вида. Они притащили с собой волокушу и погрузили на неё тело демона безо всякого страха или брезгливости.

— А чего? — ответил один из них. — Мертвяк-то уже ничего не сделает. Живых бояться надо.

Ну да, это не суеверные кундские селяне.

Я описала демонические чары и указала место, откуда он напал. Вкупе с телом этого должно хватить, чтобы Сумеречники зачистили катакомбы. Самое время вскрыть гнойник, иначе будет только хуже.

Мордovorоты утащили демона. Хлоя помогла мне вернуться в Верхний город и проводила до Храма Вулкана. Дожидалась меня в тёмной подворотне — вместе к целителям идти не стоило.

Я постучалась в медные двери. Привратник вышел не сразу, но увидев меня, позвал товарищей. Похоже, выглядела я ещё хуже, чем чувствовала себя. Меня подхватили на руки и понесли к настоятелю. Рану на спине скрывал плащ, но он быстро промокал и пах кровью.

— Эк вас, — сетовал Беррано, осматривая меня в своём кабинете. — Демоны сточных вод хоть и не слишком опасны, но на когтях у них много всякой заразы.

Целители помогли снять рубашку, промыли раны и прижгли. Было так больно, что из глаз текли слёзы. Сверху легла холодная обеззараживающая мазь. От вкуса лекарственных зелий подташнивало, но в голове немного прояснилось. Тугие бинты сдавили грудь и рёбра. На всякий случай Беррано вручил мне длинный список снадобий. Видимо, побаивался, что Жерард с него спросит, если со мной что случится.

— Ступайте домой. Ничего страшного, до свадьбы заживёт, — подбодрил он перед тем, как отпустить меня.

Конечно, заживёт, учитывая, что замуж я не выйду никогда.

Я вежливо улыбнулась ему на прощание и вернулась к Хлое. Она ходила взад-вперёд в тени между домами и нервно тёрла руки.

— Всё в порядке, — поспешила успокоить её я.

Она обернулась и просияла, словно солнце выглянуло из-за туч. Этот бесконечно долгий день подошёл к концу.

Заночевала я у Микаша — девчонок тревожить не решилась. Джурия не только бы

заругала, но ещё и донесла... не городской страже, конечно, но получать нагоняй от Жерарда не хотелось. Я часто ночевала тут, когда одолевала тоска. Среди вещей Микаша он казался мне ближе, почти осязаемым. Я брала его одежду, укладывала рядом с собой на кровать и старалась почувствовать его терпкий, с лёгкой кислинкой и горечью запах. Он унимал тоску, и даже боль не казалась такой нестерпимой. Спасибо, что защищал меня и научил, как выжить.

Утром я поспешила в лабораторию, чтобы не привлекать внимания. Люцио занимался с нами в гостиной, пока остальные профессора ещё не пришли. Он никогда к нам не присматривался, упиваясь звучанием своего голоса, потому даже не заметил, как я ёрзала на диване, пытаюсь сесть так, чтобы ничего не болело. Но вот Жерарду хватило лишь выглянуть из-за двери прихожей, чтобы всё понять.

— Лайсве! — он вошёл и поманил меня рукой, хмурия высокий лоб. — Мастер Люцио, вы нас извините? — он приветственно коснулся полей своей шляпы, прежде чем её снять и повесить на вешалку вместе с плащом.

— Да, конечно, мы уже заканчиваем, — с охотой кивнул тот.

Мы прошли в смотровую. Жерард усадил меня на кушетку и велел раздеться. Я медлила, обнимая себя руками, и не смела поднять взгляд. Как же защититься, закрыться от всего этого? Почему мне нельзя спрятать от него ни одного своего секрета? Да, он хороший, друг, но всё же... Он не поймёт.

— Что с твоей спиной? — спросил Жерард, потеряв терпение.

— Так, царапина. Пустяки, — я отвернулась, болтая ногами.

— Думаешь, я не могу отличить царапину от удара демона?

— По ауре что ли?.. — я непроизвольно глянула на него.

Он кивнул и прикрыл глаза.

— Дай посмотрю. Чай, лучше целителей для бедных лечить умею.

Я нехотя стянула с себя платье и повернулась спиной. Жерард размотал бинты, осмотрел рану, поставил рядом зажжённую свечу и принялся выплетать из её пламени целительскую сеть. Долгая и кропотливая работа, которую он исполнял виртуозно. Зудящая боль унялась мгновенно, слабость отступила, тело сделалось невесомым, как пушинка. От тревожности не осталось и следа, такая приятная безмятежность, что улыбка сама просилась на уста.

— Где, скажи на милость, ты отыскала демона сточных вод в чистом Верхнем городе? — Жерард замотал рану свежими бинтами и отошёл к столу.

Я молча натягивала платье.

— Я понимаю, когда кто-то из моих балбесов курит там опий или развлекается с продажными девками, но тебе-то там что понадобилось? — не унимался Жерард, барабанил пальцами по столешнице.

— Демон напал на людей. Долг Сумеречников... — полностью одетая, я немного осмелела.

— Ты не Сумеречник, а они не платят десятину. Пускай сами разбираются со своими проблемами. Твоя жизнь гораздо ценнее, чем жизнь любого рыцаря, и за грязную чернь её точно отдавать не стоит. Они не скажут спасибо, наоборот, воткнут нож в спину, как только ты отвернёшься.

— Да мне ничего и не нужно.

Я выдержала его тяжёлый взгляд и спрыгнула с кушетки. Чувства Жерарда понятны. Он

рассказывал, что его родители погибли от рук бунтовщиков в Сальвани. Но ненавидеть всех из-за нескольких негодяев? Возможно, это не затронуло меня так близко, поэтому я понимаю умом, а сердцем — нет.

— Они тоже люди, так же испытывают тоску и боль и так же нуждаются в утешении и защите. Я не могу по-другому. Простите.

— Давай так, — Жерард подошёл, приподнял мою голову за подбородок и заставил посмотреть в глаза. — Если мы достигнем нашей цели, если ты достучишься до Безликого, то спасёшь всех. Но если ты погибнешь, вытаскивая нищих друзей из заварухи, то лишишь шанса на спасение всех остальных. Почувствуй ответственность и научись соизмерять жертвы с поставленной целью. Ставки очень высоки.

Я упрямо кусала губу. Как же это сложно — быть всеобщей спасительницей и не мочь помочь близким.

— Я понимаю. Я могу быть свободна?

— Иди, что с тобой сделаешь? — Жерард устало махнул рукой, и я вернулась в гостиную.

Он каждый день осматривал и лечил мою спину, и рана затянулась очень быстро.

Ферранте я больше не донимала, но вот Хлою бросить не смогла. Она ходила за мной по пятам, заглядывала в глаза, как нашкодившая собачонка, даже грозилась пойти во Дворец Судей и признаться во всех своих грешках, чтобы её вздёрнули на виселице. Как всегда чудовищно переигрывала, но я простила её и в этот раз. Мы снова гуляли по Нижнему вместе в мои редкие свободные от учёбы и благотворительности часы.

— Можешь радоваться: к тупому единоверцу больше никто не ходит. Он теперь вещает для каменных стен, — ехидно смеялась Хлоя, выкладывая последние новости.

— Чему тут радоваться? — Жаль, что не удалось ничего выведать о таинственном боге единоверцев. Но наверное, Жерард прав: тяжело доказать человеку, что ты ему не враг, если он предубежден против тебя. — Он хотел сделать вашу жизнь лучше, пускай и избрал для этого не самый удачный способ.

Хлоя фыркнула:

— Ты слишком добрая. Доброта — это глупость. На добрых все ездят. Лучше быть злым. Чуть что, как вдарить по сусалам, так никаких наездов к тебе строить не будут. Ну же, я видела, ты можешь, как с тем демоном!

— К сожалению, не все проблемы решаются силой.

— Можно ещё схитрить и что-нибудь свиснуть, — она достала из рукава сахарный крендель.

— Ты что своровала его у торговки?! — С кем я вожусь!

— Светлая госпожа! — позвали за нашими спинами. — Погодите!

Зашаркали сбитые сандалии. Мы с Хлоей обернулись и тут же напряглись. К нам спешил Ферранте, помятый, осунувшийся и уже совсем не такой самоуверенный.

— Вы не приходили на проповеди, — начала он, пытаясь отдышаться. Нагрузку-то совсем не держит.

— Вы дали понять, что мне не рады, — я пожалала плечами.

— Приходите сегодня. Мне есть, что сказать.

И ушёл. Мы с Хлоей удивлённо переглянулись.

— Ну хоть поржём.

— Ржут только лошади, Хлоя.

Она показала мне язык.

В ясный полдень мы выбрались на площадь с фонтаном. Без толпы здесь воцарилось гнетущее запустение, дома помрачнели, каменная чаша словно мерцала лунным светом. Вырастали из рисунков побеги лозы, оплетая всё вокруг, и пили жизнь или смерть, наши восторженные голоса или наши же глупые страхи. Не скажешь даже, чего здесь было больше.

Ферранте памятником стоял на бортике, охваченный едва заметной голубоватой дымкой. Завидев меня, он пошевелился. Туманное облако соскользнуло с него, чтобы принять меня в ласковые объятия и раствориться, будто всё примерещилось вместе с ощущением чего-то потустороннего.

Дурацкие предположения Хлои, что Ферранте заманивает нас, чтобы убить, я отмела. Такие если и убивают, то только от испуга, а сегодня от него разлило спокойствием и даже смирением.

— Больше никого нет, — заметила Хлоя и стушевалась.

— Мне достаточно, что пришли вы, — Ферранте добродушно улыбнулся и прочистил горло. — Сегодня я хочу поговорить о рабстве.

— Оно запрещено во всём Мидгарде, — напомнила я.

Ферранте качнул головой.

— Не о том рабстве. Я родился в далёком южном городе Хасканда на берегу океана. Мой отец был одним из первых проповедников нашей веры. Я впитал её с молоком матери, вместе с ненавистью и презрением окружающих. Страхом была пропитана вся наша жизнь, как портовый воздух солью и рыбой. Мы боялись Сумеречников, а они ещё пуще боялись нас. Гнали отовсюду, а кто сопротивлялся — вешали. Мой отец не хотел войны, он хотел жить и рассказывать всем, кто желал слушать, о своей вере. Так же хотели и другие наши братья по вере. Одно недоразумение, стычка, а может, кто нарочно подстроил — город вспыхнул ненавистью к нам, хотя никто из нас не жаждал поднимать оружие.

В своих кошмарах я до сих пор вижу насаженные на колья тела наших соседей и друзей. Мы укрылись от гонений в сточной яме, они — нет. Когда мы покидали город, я спросил у отца: «За что люди нас так ненавидят? Почему не видят, что мы не хотим ничего дурного?» «Они рабы своих идей, — ответил отец. — Слепцов можно только пожалеть — они никогда не увидят света». Тогда я решил, что не буду рабом. Мои уши чутко слышат, глаза остро видят, а разум ясно понимает. И всё же я не смог. Моё предубеждение, мой страх взяли верх, и я судил поспешно. Я был рабом, глухим безумным слепцом, но хочу прозреть и освободиться. Простите меня!

Ферранте поклонился в пояс. Я смущённо переглянулась с Хлоей:

— Да ну мы все... погорячились.

— Расскажите мне... про вас... и хм, демонов? Я хочу понять.

Я улыбнулась. Жерард неправ, мы не такие уж и разные.

Глава 24. Королева воров

Зима выдалась на удивление тёплой. Не зарядили ливни, как это бывало обычно. Даже ночами мороз не прихватывал. О снеге никто и не помышлял.

Хлоя маялась со скуки. Перемеряла всю одежду и украшения, стащила пару пирожков у зазевавшихся булочниц на рынке, а теперь забрела на площадь с фонтаном, где самозабвенно выступал тупой проповедник. Несколько сердобольных бабёнок приходили его послушать, позже к ним прибавилось немного ушибленных на голову забулдыг и романтично настроенных неудачников. Маленькие компании сменяли друг друга, чтобы проповедник не распинаясь в одиночестве.

Хлоя дождалась, пока он закончил, и слушатели разошлись. Ферранте вежливо поприветствовал её, она увязалась за ним до дома. Лайсве часто захаживала к нему в гости, приносила вкусную еду, шмотки и цацки. Вместе они делили милостыню между теми, кто нуждался и разносили по домам. Хлоя выбирала свою долю первой.

Тупой проповедник млел от каждого взгляда Лайсве и прикосновения. Даже смешно было, как он неуклюже пытался всё скрыть, а она делала вид, что ничего не понимает. Принцесса мямле не достанется никогда, что бы они ни говорили о равенстве.

— А где госпожа Лайсве? — через пятнадцать минут прогулки спросил Ферранте. Обидно! Хлоя тут, а он по другой сохнет.

— Учёба у книжников. Мудрёно всё, я не вникала, — она пожала плечами. Тоже маялась с тоски, когда Лайсве пропадала в Верхнем. Казалось, что не вернётся никогда, и правда, зачем ей, богатой и благополучной, возвращаться к убогой черни?

— У неё кто-то есть? Такая красивая, а до сих пор не замужем. Неужто никто не любит её по-настоящему? — продолжал бормотать он.

Хлоя рассмеялась:

— А это можешь у её бравого Сумеречника спросить, когда он из похода вернётся. Я засеку, как быстро он тебе шею скрутит, — Ферранте понурился, испортив всё веселье. — Думаю, он бы с радостью женился, она же чья-то там дочка, не смотри, что с чернью якшается. Только Лайсве не хочет.

— Почему? Разве это не прекрасно: иметь свой дом, детей? — удивился он, посмотрев наивными блестящими глазами.

— Забот полон рот и кучу спиногрызов в придачу, да кому это нужно? Не женщинам, уж точно. Мы хотим быть свободными и наслаждаться жизнью. Вот я замуж не пойду вовсе, а стану Королевой воров и ни с кем не поделюсь своей славой.

Ферранте передёрнул плечами:

— Ты слишком юна и не понимаешь.

— Ты-то сам много понимаешь. Почему до сих пор не женат? Где хотя бы подружка?

— Моя вера запрещает быть с женщинами вне брака.

Хлоя нахмурилась:

— Ты что девственник? Тебе ж лет двадцать.

— Двадцать два. Воздержание и добропорядочность суть моей веры, за которую я буду вознаграждён. Это единственно правильно. Только так я чувствую себя... человеком, а не этим... как вы их зовёте? Демоном.

— Пф-ф-ф! — Это она здорово придумала — скоротать время с шутком. Лайсве водила её вместе с детворой с округи на представления бродячего цирка «Герадер», который недавно заезжал в Эскендерию, но даже там не было так потешно. — Откуда ты знаешь, как будешь себя чувствовать? Голую бабу видел хоть раз? Титьки и что пониже?

Он недоумённо моргнул, покраснел и опустил глаза.

— Мои братья, что большие, что мелкие от них млеют. Говорят, один раз увидишь — и всё! Остановиться не можешь, только о бабах и думаешь.

— Может... — они замерли на пороге его убогой лачуги. Она была даже хуже того сарая, где жила Хлоя. Когда лил дождь, сверху капала вода и веяло холодом из щелей в стенах. Ферранте закрывал одну дыру, как тут же открывались ещё две. Чисто здесь было, да и только. — Но это не повод опускаться до уровня грязи. Моя вера твёрже камня. Если изо всех сил стараться, быть может, что-нибудь получится хотя бы в моих глазах!

Хлоя хмыкнула. Надо же, какой чистоплюй. Посмотрим, что он запоёт, когда припечёт хорошенько.

Ферранте отпер дверь, на которую не вешал даже ветхого замка, и пригласил её внутрь.

— Так ты собираешься работать? — поинтересовался он и добавил, уловив её недоумённый взгляд: — Надо на что-то жить, раз замуж ты не хочешь.

— Я стану Королевой воров, и все будут приносить мне подати. Братья мне обещали, а раз обещали, значит, сделают. Как их банда станет тут всем заправлять, я буду ходить в мехах и в золоте. Может, мы даже в Верхний переберёмся. А там я засияю краше самой Лайсве, вот увидишь!

— Нажитое нечестно богатство людей не красит. Они гниют изнутри, и в конце концов это становится видно снаружи.

— Пф-ф! Я стану Королевой, и ты будешь мне кланяться!

— Нет, я лучше буду кланяться полотёрке или посудомойке, которые не берут чужого. Не ступай на тёмный путь, он ведёт на дно. Я помогу тебе зажить новой, праведной жизнью!

— Отвянь! Как хочу, так и живу.

Она показала ему язык и сложила руки на груди. Проповедник ничего не ответил и полез в подпол, где в холодной земле стояли горшки с едой.

— Будешь? У меня есть тыквенная каша и квашеная капуста, — донёсся снизу голос.

— А ты что хочешь?

— Хм... капусту.

— Тогда давай мне капусту, а сам ешь тыкву.

Ферранте никогда не спорил. Поставил на кособокий стол два горшка, достал две вырезанные им самим ложки и уселся есть. Хлоя чахла над капустой. Терпеть её не могла, но уж очень хотелось убрать благодушное выражение с лица Ферранте. Хоп! Смахнула локтем горшок, глиняные черепки со звоном разлетелись, капуста рассыпалась по земляному полу.

— Ай, какая я неловкая, — Хлоя поджала под себя босые ноги, чтобы не запачкать.

— Ничего страшного, я подмету.

Проповедник подхватил стоявшие в углу веник с совком и принялся убирать.

— Ты не будешь больше? Я доем.

Хлоя пододвинула к себе наполовину полный горшок с тыквенной кашей и принялась уминать её за обе щеки. Ферранте выбросил капусту и собрал черепки, грустно вздыхая. Посуда стоит дорого. Он постоянно где-то подрабатывает, всем помогать кидается, чтобы

ноги не протянуть. Да обжуливают его, тупой ведь.

— Закончила?

Он бережно забрал горшок и унёс на улицу помыть. Чистоплюй, от всех нос воротит. Посмотрим, какой он праведник на самом деле. Хлоя стянула платье через голову, а за ним и исподнее. Послышались шаги, скрипнула дверь. Хлоя подскочила к порогу. Второй горшок рухнул на пол и разлетелся вдребезги. Ферранте застыл, его глаза сделались размером с куриное яйцо. Хлоя развела руки в стороны и повертелась перед ним.

— Разве я не красивее Лайсве? Разве не закрадываются у тебя дурные мыслишки? Может, нарушишь свои дурацкие обеты хоть раз и увидишь, как это здорово? Я приведу тебя в дивный новый мир, где все счастливы! И без дурацкого Единого.

Она рассмеялась, продолжая кружиться и качать бёдрами.

В несколько шагов Ферранте оказался возле её платья.

— Оденься, пожалуйста! — протянул его ей, отвернувшись.

— Нет-уж-ки! А если я тебя поцелую?

Хлоя убрала платье с дороги и потянулась к его сухим, потрескавшимся губам. Насколько это будет противно?

— Нет! — он отпрянул. — Я решил. Я спасу тебя. Выходи за меня замуж!

Ферранте опустил на одно колено.

— Ты с ума сошёл!

Он упрямо покачал головой:

— Нет. Я буду заботиться о тебе и научу жить правильно. Ты станешь намного счастливее, чем сейчас.

Ферранте снова протянул ей платье. А вдруг и правда больной? Глазищи-то какие шальные. Другой бы давно уж набросился на молодое мясо, а этот трясётся весь. Не-е-ет, ещё удумает какое извращение! Хлоя схватила одежду и натянула её на себя. От страха клацали зубы.

— Да не смотри ты!

Ферранте суетливо повернулся спиной.

— Больной! Пошёл ты со своими предложениями знаешь куда?!

Он сутулился. Молчал.

Расправляя юбку на ходу, Хлоя выскочила из его дома и помчалась прочь. Чтобы она ещё хоть раз пришла к извращенцу!

***

Ночью так сильно похолодало, что Хлоя замёрзла под худым одеялом. Всею дюжиной они могли надышать в лачуге так, что согревались даже в самые промозглые дни, но сегодня парни куда-то запропастились. Хлоя встала и принялась искать, чем бы наполнить урчащий живот.

Послышались голоса. Вернулись-таки, не запылились. Выпивкой от них разило с улицы, Хлоя аж отмахнула с лица тяжёлый дух.

— А вот и именинница! — позвал с порога окосевший Начо. Лучше он. Когда выпьет, добрее, в отличие от остальных.

— У меня именины летом, а сейчас зима. Забыл? — усмехнулась Хлоя, ставя на стол жидкую чечевичную похлёбку и воровато оглядываясь по сторонам, чтобы никто из набившихся в дом старших не отобрал.

— Но ты всё равно уже совсем взрослая. Женщина.

— Только заметил? Что, решили меня Королевой воров сделать в оплату за все пропущенные дни рождения?

— Ну так... шутка как бы... — замялся он, и только тогда Хлоя встревожилась. Запустила в рот ложку с похлёбкой. Когда ещё поесть удастся? — Такое дело... мы тут немного, хм... поиздержались...

— Так, Начо, иди проспись... — оттолкнул его в сторону Лино.

Старшего Хлоя слегка побаивалась. Он никогда не пьянел, а если и пьянел, то становился злым. Мог приложить так, что потом зубы по полу собирать придётся.

— Малыха, всё ещё хочешь стать Королевой воров?

— Как ты это сказал... — замямлила она.

— Должна ж ты как-то своё житло оправдывать.

Хлоя забрала миску с похлёбкой и отсела подальше.

— Надень тряпки покрасивше и цацки эти, что сумеречная девка подарила. Поведём тебя к матушке Тертецци. Она научит, как стать... Королевой воров.

— Правда? — Хлоя оторвала взгляд от миски и посмотрела в лоснящиеся глаза Лино.

Их бывшая соседка часто заживала к матушке Тертецци, когда её мужа забирали за долги. Возвращалась помятая, с синяками по всему телу, и пахло от неё хуже, чем от пьяных братьев. После очередного визита к матушке её изувеченных труп нашли в сточной канаве.

— Разве я тебе когда-нибудь врал? — от его улыбки внутренности похолодели.

Холя перевела взгляд на выход. Там толпились остальные парни, кое-кто на улице. Готовились перехватить, если она попытается дать дёру. Что же делать?

В глубине души Хлоя знала, что так случится. Так было почти со всеми девками с их улицы. Она никто и не достойна лучшего. Как бы ни старалась. Вся королевичность начнётся и закончится у матушки Тертецци и её гостей!

— Прямо сейчас, да?

— Нас уже ждут, — безжалостно кивнул Лино.

Хлоя покорно поднялась и спряталась за занавеской, чтобы переодеться. Вот и закончилось детство.

Снова донеслись голоса. Ругались. Хлоя выглянула в комнату. На пороге стоял тупой проповедник. Только его и не хватало!

— Позвольте поговорить с вашей сестрой. У нас вышло недоразумение, — вежливо и стеснительно просил он.

— Вали отсель! Не по твою честь она. Других спасай, — гнал его Лино.

— Вали, да, — Хлоя вышла, по-деловому подбоченясь. Хоть бы простофиля не заметил, как дрожит голос и глаза жжёт от слёз. — Видеть тебя не желаю!

— Но я бы помог, позаботился! И вам меньше хлопот будет, — он обратился к Лино.

— Да какая ж она обуза, кровная сестра как-никак, а парни? — ответил тот. Остальные закивали как-то неуверенно и невпопад. Совестно стало? Смешно.

— Убирайся! — топнула Хлоя. — Мы заняты, нам пора уходить! Меня научат быть Королевой воров.

Ферранте удивлённо вытаращится.

В комнату влетел запыхавшийся Бурро:

— Матушка Тертецци сказала, что если не поторопимся, заплатят вдвое меньше. Гость уже ждёт!

Хлоя произвольно сжалась. Ферранте выпучил глазищи ещё больше.

— Хозяйка публичного дома на Сарживой улице? Что здесь происходит?!

— Не твоё дело. Я уже готова! — Хлоя дёрнула за рукав Лино. Чем больше ждёшь, тем больше страха. Этот тупой проповедник только душу бередит!

— Куда идти? Хлоя! Они продадут тебя в публичный дом!

Зачем он это сказал? Так жалко себя стало, что захотелось взвыть.

— Нет, ты тупица! Из меня сделают Королеву. Я буду ходить в самых нарядных платьях и носить лучшие украшения. Я стану красивой Лайсве, и все будут мне кланяться!

— Вишь, она сама хочет. Вали отсель, нам надо деньги Одноглазому Сорхе отдать, иначе он с нас шкуру спустит, — оттолкнул его Лино так, что проповедник врезался спиной в стену, но это его не остудило.

— Я заплачу, сколько надо, только позвольте её забрать!

— Полоумный, да ты отродясь таких денег не видел! — засмеялся Лино. — Уйди с дороги, мы опаздываем.

— Нет! Беги, Хлоя! — Ферранте толкнул Лино, пихнул локтем Начо, саданул по колену Пепа. Сколько же силищи в тщедушном теле?

Ноги понесли сами. Миска полетела в гущу драки. Хлоя нырнула за полог, проскользнула между руками остальных братьев и понеслась прочь. Лишь бы не видеть! Не видеть, как глупцу разобьют лицо и будут пинать до смерти ногами!

***

Первый удар пришёлся в челюсть. Мир перед глазами поплыл, но Ферранте не мог позволить им догнать Хлою. Метался от одного бандита к другому, отвлекая внимание. Как только они поняли, что сестра сбежала, озверели. Выволокли его на улицу, швырнули на мостовую и принялись месить ногами со всех сторон. Он увёртывался, отбивался, закрывался руками, но их было слишком много. От ударов в живот Ферранте харкал кровью. Казалось, что дробятся кости, а плоть покрывает боль, изнутри и снаружи, сплошным слоем. Сквозь него даже дышать не получалось! Зрение сузилось до крошечного окошка, шум в голове затмевал все звуки.

Ударов стало меньше, значит, нападавшие уходили за Хлоей! Хоть бы спряталась. Боль обожгла затылок, лишила чувств. Очухавшись, Ферранте перевернулся на спину, вглядываясь в неприветливо-серое небо. Оно плакало жидкими звёздами. Он впервые видел снег. Это было последним, что он видел.

***

Мне нравился Ферранте. Он никогда не жаловался, не просил и уж тем более не требовал. Купил в долг ветхую заброшенную лачугу, отремонтировал её, брался за любую работу, лишь бы она была честной. Такой тощий и заморённый, казалось, он сломается, но он терпел. Копил гроши, чтобы расплатиться с долгами, питался впроголодь — я с трудом заставляла его есть то, что приносила с собой в качестве гостинцев. А что оставалось, он раздавал другим. Сколько я на него ни ругалась, о себе он заботился до скудного мало, но зато всегда следил за порядком и чистотой.

Выступления и попытки достучаться до людей Ферранте тоже не оставлял. Каждый выходной поутру он приходил на площадь с разбитым фонтаном и вещал про свою веру. Позже наедине мы обсуждали заветы наших богов, пересказывали легенды, отыскивали схожести и отличия. Последних оказалось куда меньше первых.

«Любить своё племя, не делить на врагов и друзей, богатых и бедных».

«Выживают все либо никто».

«Чем больше у человека сил и возможностей, тем больше ответственности он несёт не только за себя, но и за окружающих».

«Нельзя быть счастливым, если рядом несчастливы».

«Совершай подвиги и не требуй награды. Делай то, что велит сердце. Не ниспошлётся тебе счастье в конце пути, но приблизится день, когда он спустится с облаков по радужной лестнице, сын иступленного неба».

«Сын иступленного неба» — повторяла я про себя и гадала, возможно ли? Кто из них был изначально, Безликий или Единый? Или они всегда были одним, а потом люди отщипнули для себя по кусочку, забыв об общих корнях? Или всё — зыбкий морок, ловушка для доверчивых душ вроде меня и Ферранте? Ответов не было, поэтому мы продолжали их искать: я в книгах, Ферранте в переданных отцом знаниях.

За время учёбы я соскучилась по друзьям и Нижнему. Как только выдался свободный день, я направилась к ним.

Было раннее утро. Морозец колот щёки, на юге он ощущался особо тяжёлым и влажным. От порывов промозглого ветра пробирало до костей, я ту же запахивала плащ. Я решила срезать путь через парк. Показалась увитая плющом ограда, высокая полукруглая арка из белого мрамора. От неё ветвились аккуратные аллеи, усаженные стройными рядами деревьев. Безлюдно и сонно внутри.

Шелестела под ногами серая листва, тронутая узорами инея, он же бахромой покрывал сиротливо-голые ветки платанов. Центральная аллея вела к серебристо-чёрной ленте реки, бегущей через весь парк. У берега росли шёлковые ледяные корки, ускользящие под напором течения. Дрейфовали по воде вездесущие утки.

Впереди показался мостик с резными перилами. На нём — знакомцы. Не видя ещё лиц, я узнала по ауре и не смогла сдержать улыбки. Жерард с дочкой сыпали в воду хлебные крошки, подкармливая шумных крякв, которых уже собралось целое полчище.

Жаворонок, он вставал с первыми лучами, а полуночничать не любил. Прогулка на свежем воздухе до завтрака, говорил он, здоровья приносит больше, чем иные целительские средства.

Я прибавила шаг и окликнула их. Жерард обернулся и снял шляпу. Малютка тоже задумчиво уставилась на меня. Как время бежит, ей уже шесть! Очень красивая, она походила на дорожную куклу. Куталась в подбитый куньим мехом плащ. Из-под шапки струился чёрный шёлк волос, наливались морозным румянцем щёки на круглом белом личике, алел кончик резного носика, горели миндалевидные глаза цвета болотного дягиля.

Гизелла надула пухлые губы и спряталась за долговязой фигурой Жерарда.

— Что ты, не бойся! Разве отец тебя не защитит?

— Отец! — она дёрнула Жерарда за рукав. Он поднял её на руки, и она спрятала личико у него на груди.

— Ничего, как обвыкнется, лопотать начнёт — не утихомиришь, — улыбнулся Жерард. — Куда ты в такую рань? Отоспалась бы, а то совсем себя загоняешь — уже прорехи в ауре видны. Надо будет поменять твою диету и пересмотреть план нагрузок.

— Друзей проведываю, — нехотя призналась я. — Положительные эмоции лучше всего лечат.

— Что у тебя за друзья в этом парке, утки, что ли? — насторожился он.

— В женщине должна быть хотя бы маленькая тайна, — неловко отшутилась я.

От дотошного расспроса спасла Гизелла.

— Хочу кормить уток! — настойчиво позвала она.

Жерард поставил её на мостик и вручил горсть крошек. Она опустилась на корточки и ссыпала их через щели в перилах. Внизу уже вовсю дрались оголодавшие селезни. Жерард внимательно следил, чтобы она не упала. Она его истинная гордость. Никогда и ни с кем он не смеётся так искренне, балует, как меня баловал мой отец. Вспоминалось о нём с лёгкой грустью. Ведь один там остался, шалопай Вей его не навещает совсем, и я не могу выбраться. Нас разделяет не только расстояние, но и непонимание, к сожалению.

Я распрощалась с ними и поспешила к Нижнему городу. Там меня застал снег, первый мой снег за все прошедшие зимы в Эскендерии! Он падал на лицо набухшими хлопьями, таял и стекал противными струйками. Я куталась всё плотнее, капюшон натягивала ниже, оставляя лишь маленькую щель для глаз. Радостно, тоскливо и зябко одновременно.

Улицы пустовали. На такой холод даже бродяги выползать не хотели — прятались по подворотням. Когда я выворачивала в переулок, в котором ютилась лачуга Хлои, в груди кольнула тревога. Ветер донёс приглушённый стон, потянуло кровью и страданиями. Впереди, подёрнутая вспышками боли, в агонии затухала человеческая аура. Ноги, опережая мысли, понесли к телу, распластанному на пороге знакомого дома. Человек лежал на спине с закрытыми глазами. Одежда превратилась в лохмотья и пропиталась кровью, лицо заплыло настолько, что невозможно было понять, знакомы мы или нет. Я свистнула, подзывая людей Лелю. Они помогут!

Вместо них, громыхая по камням, в переулок въехал сам Король воров на псиной упряжке. Два мордovorота спешили следом.

— Машкари — бедовое семейство, — цыкнул Лелю, оглядывая полумёртвое существо. — Ничего святого для них нет.

Я аккуратно отворачивала обрывки грязной ткани. Бедолага, на нём живого места не осталось. Как такое можно было сотворить?!

— Он ещё жив! Помогите отнести его в Храм Вулкана! — я глянула на Лелю.

— Не надо... — простонал бедолага, ухватив меня за запястье. По сердцу как ножом полоснули. Не может быть! — Хлоя... публичный дом... спасти!

Я отогнула ворот его рубахи и достала болтавшийся на тонкой верёвке единоверческий амулет. Ферранте!

— Всё хорошо, тебе помощь нужнее, — успокаивала я его, пытаюсь унять дрожь в руках. Открылись мыслепотоки, я обхватила Ферранте голубоватыми тенётами внушения и легонько подтолкнула: — Не будь рабом своих идей! Мёртвым ты никому не поможешь!

Ферранте обмяк и лишился чувств. Я сняла с него амулет и передала Лелю.

— Госпожа, мои люди смогут защитить вас здесь, но не в Верхнем, где за ширмой благополучия скрываются негодяи куда хуже наших! — всполошился тот.

— Я справлюсь! У меня сильный покровитель.

Лишь бы успеть! Люди Лелю притащили носилки, и мы переложили на них Ферранте.

— За девчонку не переживайте. Мои парни мигом её отыщут, — на прощание пообещал Лелю.

— Только не подходите к ней, просто охраняйте. Она, должно быть, напугана до полусмерти.

Мы очень торопились. Тяжело было не трясти Ферранте на разбитой дороге в Нижнем. А в Верхнем нас остановил патруль. Пришлось показать им знак ордена. Спасло лишь то, что ухищрениями Жерарда всех Норн знали в лицо. Наврав, что исполняю божественную волю, я

добилась, чтобы нам нашли извозчика и довели до храма. Знакомый привратник позвал к Ферранте целителей и провёл меня к настоятелю Беррано.

— Что-то вы зачастили с полумертвыми голодранцами, — устало заметил он. — Когда-нибудь наше терпение лопнет.

— Пожалуйста! — взмолилась я. — Он умрёт без вашей помощи! Я всё отработаю.

— Да, — печально вздохнул он. — Ты, пожалуй, посмышлёней будешь, чем безголовые практиканты. Научишь их?

Я кивнула и поспешила обратно в Нижний город. Надо было спасать Хлою.

Чувства мешались, испуг уступал место злости и досаде, тревога сжимала сердце в тиски. Крутившиеся в голове образы обдавали тошнотворным запахом кузена Петраса. Как же это ужасно, когда мужчины пользуются тобой, как подстилкой!

Хлоя обнаружилась по следу ауры. Она пряталась под старым мостом, где на нас напал демон сточных вод. Неужели нельзя было придумать убежище лучше? Или она так перепугалась, что уже не соображала? Хорошо хоть, демонов рядом не ощущалось.

Хлоя сидела на потрескавшихся каменных плитах, вжимаясь спиной в опору моста. Всклооченные волосы занавесью закрывали лицо, плечи подрагивали от всхлипываний. Услышав мои шаги, она дёрнулась.

— Всё хорошо, — позвала я. Она убрала волосы назад и начала раскачиваться.

Я опустилась рядом и обняла её.

— Они убили тупого проповедника, — ошарашенно произнесла Хлоя.

— Ферранте жив. Не называй его тупым.

— Правда? — она вздрогнула и заговорила лихорадочно быстро: — Он совсем тупой. Зачем полез? Я же сказала, братья сделают меня Королевой воров. А он всё публичный дом-публичный дом. Теперь Лино жутко злой. Он страшный, когда злой. Он убил, ой...

Она зажала рот ладонями и снова расплакалась.

— Ты ведь всё понимаешь, да? — спросила я.

Придумала счастливую сказку, где пряталась от своей жуткой жизни.

— Может, и так, но я всё равно Королева! Самая красивая и богатая. Все будут целовать мне руки!

— Неважно, насколько ты богата, красива или умна, главное, какое у тебя сердце. Даже если ты не станешь Королевой, ты всё равно будешь моим другом, и я буду целовать тебе руки, если захочешь, — я приложила её разбитые костяшки к губам. — Признай правду. Это будет первым шагом к свободе.

Хлоя глубоко вздохнула и закрыла глаза, то ли заснула, то ли лишилась чувств. А потом выпалила:

— Они не собирались делать меня Королевой, я гожусь только для того, чтобы развлекать пьяных мужиков.

Слёзы хлынули в два ручья. Я обняла её крепче.

— Ты годишься для всего, что считаешь достойным. Братья больше тебя не тронут, если ты сама не захочешь. Чего ты хочешь? — я протянула ей руку. Подумав немного, Хлоя её приняла.

Я отвела её в дом Ферранте, раз тот пустовал. Люди Лелю потолковали с братьями Машкари, и те обещали оставить сестру в покое. Но на всякий случай мордovorоты согласились посторожить её первое время. Я отыскала для Хлои остатки еды, тёплое покрывало и перелатанный соломенный тюфяк. Одну ночь скоротает, а там я отыщу и новую

одежду, и побольше съестного, и дров для очага. Здесь жутко холодно.

Хлоя забилась в угол на лавку, обняла себя за плечи и затряслась. Я закутала её в покрывало, а потом, подумав, отдала и свой плащ.

— Ты куда? — спросила Хлоя, когда я уже стояла на пороге. Солнечные лучи пробивались сквозь приоткрытую дверь, разгоняя сумрак, и выглядели странно после мокрого снега.

— Домой, завтра вернусь тебя проведать, — я улыбнулась ей на прощание.

— Нет, стой! Я боюсь.

— Люди Лелю защитят тебя от братьев лучше меня.

— Я себя боюсь, — Хлоя опустила взгляд и всхлипнула.

Я затворила дверь и вернулась к ней.

— Давай сделаем так, я сейчас сбегая домой, а вечером принесу тёплые пирожки. Ты с чем любишь?

— С мясом, — она подняла взгляд и вцепилась в мою руку. Затравленные опухшие глаза тлели затаённой горечью.

— Дождись меня, — по пальцу я отцепила от себя её ладонь и поспешила на улицу. Шепнула дежурившему мордовороту, чтобы не выпускал Хлою никуда до моего возвращения, слишком подозрительный у неё настрой.

Я предупредила девчонок, что ночевать с ними не буду и захватила запасной плащ. Пока бегала за остальным, прокручивала в голове произошедшее с Ферранте и Хлоей. Удастся ли их спасти? Можно ли спасти если не всех, то хотя бы тех, кого любишь? От лютого демона — пожалуй, но как защитить людей от самих себя? Стоит ли?

Стремительно напоздали сизые сумерки. Мордоворот Лелю подпирал собой дверь лачуги. Увидев меня, он отошёл на шаг и показал царапины на своей руке.

— Можно забрать девчонку с улицы, но улица не отпустит её никогда, — сплюнул он и ушёл в ночь.

Я постучала и отворила незапертую дверь. Хлоя пряталась в углу. Не подошла даже к оставленному на столе свёртку с пирожками. Я растопила очаг и поставила греться воду в котле, забросила туда пучки сушёных трав из успокоительного сбора. Помещение заполонил сладковато-дурманный запах ландышей и чабреца, закружил голову, заставляя мышцы обмякнуть.

— Почему я здесь? — заговорила Хлоя настолько неожиданно, что я вздрогнула.

— Я не могу взять тебя в Верхний, потому что у тебя нет разрешения на жительство. Ферранте пока у целителей, здесь тебя никто не потревожит.

— Он не умрёт?

— Не знаю. Нам остаётся только молиться. Хочешь завтра навестить его вместе со мной? Поможешь ухаживать за больными, я как раз практикантов учить буду.

— Ссаки и слюни подтирать? Фу!

— Как знаешь, — я вручила ей пирожки и разлила по кружкам только что закипевший напиток.

— Он предлагал мне выйти за него замуж, представляешь? — разоткровенничалась Хлоя. — Даже братьям моим был готов заплатить, хотя я ему не нравлюсь вовсе.

Я не сразу поняла, о ком она, а когда догадалась, сделалось смешно несмотря на весь ужас.

— Ох уж эти мужчины, да? Им лишь бы кого-то спасти. Придумывают себе

непосильные ноши и тянут, пока те не сломают им хребет, хотя никому их геройство не нужно.

— Да! — закивала Хлоя и набросилась на пирожок так, что вокруг полетели крошки. — Они глупые!

— Нужно их пожалеть, не находишь?

Она молча ела и жадно пила, обжигаясь.

— Что мне теперь делать? — спросила после затянувшейся паузы. — Я ничего не умею, только воровать и нахлебничать. Даже решать не умею, за меня всё братья делали.

— Самое время учиться. Я тоже была в такой ситуации. Меня сосватали одному уроду, который мечтал меня отравить после рождения наследника. Я стала бороться за свою свободу. Поначалу было страшно и непонятно, что делать и как жить. Я училась на своих ошибках, падала и поднималась, шла вперёд по раскалённым углям, даже когда хотелось лечь и умереть.

— У тебя был твой Сумеречник. О таком можно только мечтать!

— Думаешь, я так сразу его разглядела? Нет, он моя награда за все испытания, которые выпали на мою долю. Если постараться, уверена, у тебя выйдет не хуже.

— Вряд ли, я ведь не сахарная принцесска и даже не Королева воров, а так... что-то жалкое без судьбы и смысла.

Я усмехнулась, но отвечать не стала. Ей надо понять самой. Нельзя спасти кого-то, если он сам этого не хочет.

Мы вдвоём устроились на соломенном тюфяке, тесно прижимаясь друг другу, чтобы согреться под худым покрывалом. Я то и дело просыпалась, когда Хлоя вздрагивала или всхлипывала во сне, обнимала её, и только тогда она затихала. Рано утром, ещё до рассвета, когда я собиралась идти в храм, Хлоя проснулась и молча наблюдала за мной.

— Хочешь со мной?

Она мотнула головой.

— Как знаешь.

В храме я переделалась в сменное: белую робу и передник, на голову повязала косынку. Навестила Ферранте. Его разместили в отдельной закрытой келье, как тяжёлого, но не безнадёжного больного. Он лежал на кушетке, посиневший и холодный, как мертвец. Целители погрузили его в беспробудный сон, постоянно вливали новые силы, восстанавливая прорехи в ауре, следом за которыми затягивались и раны на теле. Долго же мне такое отрабатывать придётся!

Пожаловали практиканты. Мальчишки в синих мантиях бросали на меня заинтересованные взгляды и перешёптывались: «Это ж Норна, которая с богами общается. Да-да, слышал она любовница самого Остенского, который из грязи в короли, маршальский любимчик. Краси-и-ивая! Ага, если бы я так поднялся от безземельного до героя битв, то тоже бы себе только лучшее выбирал».

Что они видят под ворохом мешковатой одежды? Вначале подобные разговоры — а слышать их приходилось часто — веселили, но потом стали раздражать. Не нравилось, когда по моему маленькому светлому мирку, который пришлось выгрызть у судьбы зубами, посторонние топтались грязными сапогами. Будь моя воля, я бы никому не позволила знать о моей личной жизни и уж тем более её обсуждать!

Я закашлялась, привлекая внимание практикантов, и повела их к больным в общем зале.

Пришлось промывать от гноя фурункулы на спине у высушенного, измождённого старца,

едва слышно бредящего и покрытого испариной. Практиканты отшатнулись от вони.

— Нельзя выказывать брезгливость, — назидательным тоном сказала я, устав от кислых мин, отстранённости и поджатых губ.

Они думали, я не слышу, но усиленный телепатией бубнёж доносился очень чётко:

«Зачем нас мучают этим? Здесь даже дар применять не надо! Пускай другие этим занимаются, а мы целители!»

— Иногда сострадание, доброе слово и ласковый взгляд действуют лучше, чем сильнейший дар, — объясняла я, стараясь лишить свой голос всякой эмоции. — Пока вы не научитесь ухаживать за больными и сопереживать им, пока не запустите их боль себе под кожу и не прочувствуете её до конца, пока ваша душа не загорится желанием понять и помочь, вы не сможете исцелять по-настоящему.

Я сложила руки на груди и внимательно осмотрела каждого. Они тайком усмехались и прятали взгляды, не принимая меня всерьёз.

«Да что она может знать? Девчонка, дар другой, из образования поди только учитель танцев и религиозные бредни. Красивая безмозглая куколка, годная лишь для постели», — знала, что не стоит лезть в их головы, но не удержалась.

Сколько ни бейся, они не изменятся, да и я тоже.

Следующая больная — женщина лет тридцати, синюшная и сморщенная, как сухая слива.

— Вы, вот вы, — я позвала робкого практиканта, который переминался с ноги на ногу позади остальных. С ним должно быть проще. — Покажите другим пример — позаботьтесь об этой больной. Определите, от чего она страдает, и выберете лекарство.

Парень присел на корточки, больная открыла затуманенные глаза и посмотрела на целителя невидящим взглядом. Парень вздрогнул и замер. Пришлось встряхнуть его за плечо.

— Слабаки здесь не нужны.

Он сглотнул и прощупал пульс на запястье больной, открыл ей рот и достал язык. Женщина судорожно задёргалась. Из-под неё потекла мутная лужа со смрадным запахом. Практиканты отступили на шаг, морщась и зажимая носы.

— Вы, уберите, — я кивнула на первого попавшегося практиканта и обратилась к робкому парнишке: — А вы продолжайте, у меня нет времени до обеда!

Он кивнул и ушёл к столу, где были расставлены чашки с отварами, мази, порошки и прочие снадобья.

Другой практикант заупрямился:

— Вот ещё, чужое дерьмо убирать! Что я вам чернавка какая?!

— Я тоже не чернавка, никто из нас.

Я пододвинула к нему таз с водой и вручила тряпку.

— Пускай Долкан убирает, это же его больная.

— Долкан будет поить её лекарством, а вы уберёте. Все рано или поздно будут это делать, в том числе и Долкан, если хочет не вылететь с учёбы. Просто вам выпало быть первым.

— Да вы хоть знаете, кто мой отец?

Я сложила руки на груди и покачала головой.

— Декан факультета Целительства!

— А мой отец — лорд Веломри из Белоземья. Приятно познакомиться.

— Не притворяйтесь глупее, чем вы есть. Я пожалуюсь, и вам с настоятелем небо с

овчинку покажется!

Он швырнул мне тряпку и зашагал прочь вдоль рядов стонавших больных, но вдруг замер и попятился. Громкий, хорошо поставленный голос эхом отразился от высоких стрельчатых сводов:

— Она куда умнее вас, мастер Рольф. Слушайте её, если хотите стать целителями, а не считать золото в кошельках и прятаться за мантиями ваших высокопоставленных отцов.

— П-простите, д-доктор П-пареда, — промямлил зардевшийся Рольф, вернулся, выхватил у меня тряпку и бросился неуклюже убирать, аж сам измазался.

Жерард надвигался размеренно и неумолимо, как грозовая туча. Практиканты жались у меня за спиной. Я невесело смотрела на него.

— Я принёс, — разрядил загустевшее студнем молчание Долкан.

Я повернула к нему голову, чтобы проверить, но Жерард оказался быстрее.

— Раствор с берёзовым углём и отвар из мяты, ромашки и полыни — то, что нужно против холеры, — он похлопал оробевшего Долкана по плечу.

Дождавшись моего кивка, паренёк опустил перед больной и принялся аккуратно её поить.

— А у тебя талант, — усмехнулся Жерард. — Как твоё имя? Я составлю тебе протекторат в Круге целителей.

Долкан промямлил своё имя. Остальные практиканты бросились ко мне, спрашивая, кого лечить. Я раздала всем задания и отошла с Жерардом в сторону, краем глаза наблюдая, чтобы они не набедокурили по незнанию.

— Не позволяй загонять себя в угол, — Жерард приподнял мой подбородок кончиком указательного пальца. — Умный не тот, кто с апломбом называет себя умным, а других клеймит глупцами. Умный тот, кто понимает, сколько он ещё не знает и открыт для всего нового.

Я печально улыбнулась и вежливо поинтересовалась, чтобы перевести тему:

— Проверяете практикантов?

— Скорее беспокоюсь о своих ученицах. Что за голодранца ты снова сюда притащила? Неужели думаешь, я не замечаю ваши шалости? — его тон был снисходителен, но совершенно не соответствовал смыслу фразы. — Я всё знаю: и про любовников Торми, и про голодовку Джурии, и про твои похождения в Нижнем. Ты выбрала самое дурное занятие из всех.

Откуда?! Ну конечно, настоятель Беррано! Они же дружат, и тот обо всём докладывает Жерарду.

Я виновато потупилась.

— Они мои друзья.

— Нет. Это я твой друг: кормлю тебя и одеваю, даю кров и обучаю, вытаскиваю из передрыг и лечу. Я изо всех сил стараюсь исполнить твою мечту, нашу общую мечту, о которой ты, похоже, совсем забыла. А время выходит, одиннадцать лет — и всё канет в бездну, потому что ты растрачиваешь себя на пустую суету!

Безликий! Я совсем забыла...

Жерард зашагал прочь, пока я не знала, куда деть глаза.

Глава 25. Свадьба в Нижнем городе

Сколько я ни торопилась, но вернулась в хижину Ферранте лишь с сумерками. Хлоя сидела в углу на лавке с ногами, притянув колени к груди.

— Хитрый этот мордovorот, а так и не скажешь, — пробормотала она с досадой. — Как ни пыталась его обдурить — он ни в какую. Дубина!

— Хлоя!

— Я уже шестнадцать лет, как Хлоя, а не домашняя зверушка, которую ты приютила из жалости. Я не могу здесь. Мне нужна свобода, которой ты мне вчера плешь проедала!

Её глаза горели в свете зажжённого очага.

— Никто тебя зверушкой не считает. Потерпи, пока всё уляжется и вернётся Ферранте, — успокаивала её я, раскладывая на столе свёртки с едой и заваривая душистый травяной напиток. — Целители говорят, что я успела вовремя. Он выкарабкается.

— Да какое мне дело? Я всё равно сбегу до этого, — пробубнила она, пряча лицо в коленях.

— Сбегай, если хочешь. — Я раздражённо стукнула чашкой по столу. Он вздрогнул. — Люди Лелю не будут больше тебя задерживать.

Поела и улеглась спать на жёстком соломенном тюфяке. Завтра предстоял очередной тяжёлый день.

Утром в храме ещё до начала работы меня разыскал настоятель Беррано.

— Он очнулся. Можете поговорить с ним, позже мы снова его усыпим — он слишком слаб.

Я кивнула и поспешила в келью Ферранте. Внутри царил полумрак и пахло лекарствами. Ферранте лежал на спине и бездумно смотрел на неровный потолок маленькой пещеры. Я села рядом и взяла его за руку. Он молчал очень долго, прежде чем спросил:

— Зачем я здесь? Где мой знак?

— Он у меня, не беспокойся. Я отдам его, как только мы вернёмся в Нижний. Храмовники... не поймут. Они очень злы из-за войны.

Ферранте отвернулся.

— Лучше бы я умер, чем оказался в доме чужого бога и принимал от него помощь, — его голос звучал глухо и потерянно. — Ничтожество. Сколько ни бился, а всё равно оказался вровень с непросвещённой чернью. Не удивительно, что никто не воспринял моих слов. Они лживы и лицемерны. Я даже себя не могу к свету вывести.

— Перестань! Против заостеневших устоев бороться бесполезно. Надо просто делать всё, что от тебя зависит. Сейчас ты очень нужен Хлое. Я не справляюсь. Раз уж начал, доведи до конца, а не сбегай за грань, учуяв проблемы, как это любят делать все мужчины.

Он повернулся и посмотрел на меня, долго и пронзительно. Глаза его оставались налитыми кровью и заплывшими.

— Она сказала, что ты сделал ей предложение, — я улыбнулась.

— Когда не можешь дотянуться до далёкой звезды, остаётся довольствоваться её отражением в речной воде, — Ферранте, морщась, коснулся моей щеки. — Всё лишь зыбкий мираж посреди бескрайней Балез Рухез. Лучше я развеюсь по воздуху вместе с ним.

— Не сегодня.

Я провела ладонью по его голове, заставляя уснуть. Внушила, чтобы не заикался про принадлежность к единоверцам. Неправильно, конечно, лишать человека воли, но тут головами поплатятся все. Я не могу так рисковать.

Зашли целители, мне нужно было возвращаться к практикантам.

Это странно. Тело работает само по себе, занятое ежедневной рутинной: уходом за больными, учёбой, хлопотами, — а душа плачет. Мысли прикованы к дорогим людям, вертятся в голове их слова: «Зверушка. Ничтожество». От моего вмешательства становится только хуже. Нельзя никого спасти, если он сам этого не хочет. Можно лишь наблюдать за его падением, истекая кровью вместе с ним.

Вот бы Микаш оказался рядом, перенёс на могучих плечах через эти печали, согрел тихой любовью, влил свою нечеловеческую силу тела и воли. Я тянулась к нему сквозь горизонты и расстояния, представляла его крепкие и одновременно нежные объятия, как я утыкаюсь носом в его грудь и прячу в ней слёзы. Он без упрёков и требований отдаёт мне всего себя, и я растворяюсь в чём-то подлинном и правильном.

Вечером я вернулась в Нижний. Мордоворот уже не сторожил дверь, но Хлоя продолжала сидеть в том же углу.

— Ферранте очнулся, я с ним разговаривала.

Она ответила, будто не услышала:

— Приходил Лино, я его выгнала.

— Молодец! Я справлялась насчёт работы. Тебя могут взять посудомойкой, полотёркой или даже кухаркой в кабак «Кашатри Деи». Там курят опий, но за порядком следят очень бдительно.

— Вот ещё! Не стану я стирать руки, горбатиться и терпеть приставания всяких забулдыг.

— Как хочешь.

Мы поели и улеглись спать.

Хлоя днями напролёт сидела в углу и даже по дому ничего не делала. Мне приходилось убирать, стирать и готовить за неё. Однажды вечером я снова попыталась счастья:

— Если хочешь, тебя возьмут в булочную. Им нужен помощник замешивать тесто. Это не так сложно.

— Вот ещё! Чтобы мои волосы пропитались маслом, а лицо стало бледным от муки?

Я стиснула зубы, пытаясь подавить горечь. Мои руки и волосы ничем не пропитываются, пока я в храме работаю, и кругов под глазами от недосыпа и усталости у меня совсем-совсем нет. Агр-р-р! Безликий, дай терпения, умоляю!

Нашёлся ещё один вариант. Пришлось кланяться мастерице Синкло и выслушивать долгие речи о том, как мы должны целовать ей руки за все её благодеяния.

— Есть работа, — Хлоя скривилась и зашипела. Совсем одичала за время своего затворничества. — В Верхнем городе, — она заёрзала. — Будешь носить красивые наряды, — её глаза счастливо загорелись. — И продавать розы, нарциссы и астры вместе с другими цветочницами.

— Вот ещё! — надула губы. Притворяется, паршивка, а взгляд-то какой живой стал!

— Как хочешь, — я пожала плечами. — Тогда я это платье себе заберу. Стану цветочницей. Их все любят. А на праздник весеннего равноденствия одну из них назовут. Как думаешь, мне пойдёт?

Я показала ей платье из лёгкого сукна цвета молодой листвы, с белым кружевным

воротником и манжетами. Подол украшала вышивка с розами и лилиями. По росту оно было мне мало, а по объёму велико. Хлоя вырвала его, чуть ткань не затрещала, и прижала к груди, как сокровище.

— Нет, я пойду! Я буду королевой!

Я улыбнулась. Поймать её на незатейливую хитрость оказалось так легко.

— Только поклянись не воровать — я за тебя поручилась.

— Вот ещё!

— Как знаешь. Но за любую провинность тебя уволят, лишат разрешения на посещение Верхнего, упекут в тюрьму и вполне возможно вздёрнут. И даже я тебя не спасу.

Она только фыркнула.

***

Третья Норна ускользает, словно становится миражом. Когда-то была почти как дочь, прозрачная тихая заводь — глядишься, и все мысли как в зеркале отражаются на открытом лице. А сейчас что ни день, рядится в плащ из тайн и спешит по ведомым лишь ей опасным делам, слушает, но не слышит.

Вот и приходится красться тенью, чтобы хоть одним глазком взглянуть на скрытую от него жизнь, разгадать загадку, не её даже, а бытия, всей этой кутерьмы с источником и пророчицами. Вроде всё постиг, но последней связующей нити не видишь, а без неё ничего не держится.

Жерард преследовал Норну в Верхнем, в Библиотеке и храмах, в Университете и городских корчмах, пока она не пряталась в узком переулке, что закрывался перед ним глухой стеной. Нет тебе входа в эту священную обитель. Можешь только бессильно молотить кулаками по кирпичной кладке, разбивая их в кровь.

Пучины отчаяния бескрайни. Жерард зачастил в «Кашатри Деи», наплевав на данные себе и ей зарок. Забывался в сладких опиумных грёзах. Скурил проект, должность, место в круге, особняк на центральной площади, даже жену с дочкой! Ничего не осталось, только засаленная одежда, подорванное здоровье и красная опиумная трубка.

— Я же говорил, не приходи больше! — устыдил его Джанджи Бонг, хозяин кабака. Время его не пощадило: припорошило чёрные волосы сединой, изрезало лицо глубокими морщинами, будто он увядал и гнил, будучи ещё живым.

— Ещё немного! Всего пару шагов осталось! Я должен, мой проект остановит войну и спасёт мир!

— Будет тебе, война уже закончилась, никого не надо спасать. Ты и это забыл? — Бонг говорил с ним спокойно, как с ребёнком. — Прости, но я не хочу, чтобы здесь нашли твой труп.

Охранники подхватили Жерарда под руки и вышвырнули в подворотню. Колени ударились об камни, продралась одежда, обожгло ссадинами кожу, из живота поднялась волна рвоты. Немного полегчало, по крайней мере, стала различаться обстановка, а не только отдельные предметы, на которых замирал взгляд.

«Кар-р-р!» — позвал ворон и сел на плечо.

— Старый друг, только ты со мной остался! — Жерард погладил его перья. Такая нежность прорывалась изнутри, как будто с единственной родной душой разговаривал. — Я назову тебя Ноэлем, новой надеждой для Мидгарда. Ты мой маленький ручной бог, я выращу тебя великим! Тогда все увидят, что я был прав, а они ошибались!

«Кар-р-р!» — согласился ворон.

Искрами присыпал смех. Жерард обернулся. Разлетались по ветру шёлковыми волнами пышные юбки белого платья, струились по плечам сияющие лунным серебром волосы. Босые ноги смело ступали по острым камням, оставляя кровавые следы, из которых прорастал стеной боярышник.

«Кар-р-р!» — ворон вырвал его из оцепенения и полетел вслед за чудом.

— Лайсве! — кричал Жерард, продираясь сквозь заросли, превращая одежду в лохмотья и не оставляя живого места на теле. Жаль, нет крыльев, которые вознесли бы его к небесам, к его милосердному дитя-ворону. — Верданди! погоди!

Норна шла дальше в транс. Непорочной чистотой освещались сирые улицы Нижнего. Грязь исчезала, разруха залечивала раны-трещины, выпрямлялись косые стены, ширилась и мостилась дорога, блестел на ярком летнем солнце мрамор. Расцветали повсюду яблони.

Жерард давно потерял направление. Мимо проносились незнакомые особняки, пышные дворцы, скульптуры, как из далёкой древности. Сейчас строили более дёшево и безыскусно. Горельефы, изображавшие сцены из сотворения мира и жизни богов, украшали дома. А вот и танцующий Небесный Повелитель прямо над аркой!

Норна остановилась. Усталый и измученный, Жерард ступил за ней на просторную площадь. Повсюду клумбы с белыми гиацинтами. В центре из ажурной каменной чаши бил в небо фонтан, разбрасывая хрустальные брызги. Норна танцевала вокруг него, пели для неё соловьи, и ветер ласкал белыми лепестками.

«Кар-р-р!» — спустился с небес ворон и направился к сидящей на бортике фонтана фигуре.

Жерард нахмурился и поковылял к нему. Кто это? Тот, что отвлекает Норну от главного? Ворует её у Жерарда? Та самая тайна — вспыхивающая фиолетовыми огнями руна «перт» на лбу.

Подмастерье художника? Тут их тьма, учатся храмы и богатые дома разрисовывать. Лет двенадцать по виду. Худой, с синевой в чёрных всклокоченных волосах, одежда словно соткана из лебединого пуха. Альбом на коленях, уголь в ловких пальцах. Мальчишка рисовал Норну во всей красе: игра складок одежды, трепещущие пряди волос, изящные движения танца. И ветер, и соловьиная песня, и хрустальные брызги лишь для создания идеальной картины.

«Кар-р-р!» — ворон сел на плечо мальчишки — кольнуло ревностью.

— А, Мельтеми, где пропал? Я уже соскучился! — усмехнулся он, оторвавшись, чтобы погладить птицу. — Что за странного друга ты себе нашёл?

Мальчишка поднял глаза, пронзительно-синие, словно штормовое небо. Они тянули, захватывали в неистовый смерч, клокочущий глубоко внутри. Он сам и есть — чудовищный смерч, мёртвый ураган, погубительный ветер, что рисует Норну угольными красками.

— Разве она не самое прекрасное создание в мире?

Жерард не сдержал восхищенного вздоха, мальчишка зло осклабился:

— Только она не твоя, не дочь, не любовница, и ученицей твоей тоже не будет. То, что ты делаешь, что хочешь сделать — противоестественно. Бед от этого будет больше, чем пользы. Знать и видеть ещё не значит понимать. Сила ветра в свободе, он не покорится никому, только страждущему послужит защитой. Уходи, тебе здесь не место. Невежество — твой удел!

Полыхнул голубым сгущённым воздухом, ударил в грудь, погрузив мир во тьму.

— Доктор Паред! — вернул в тело оклик.

Жерард набрал в грудь побольше воздуха, нагнулся и исторг его с гулким шумом.

— Прошу извинить, — заговорил он, обретя голос. Глаза ещё долго привыкали к полумраку комнаты, освещённой лишь горевшими в руках у гостей свечами. — Я не люблю, когда меня отвлекают во время медитации.

Тлел в курильнице ладан, дурманя приторным запахом. На той ступени, на которой находился Жерард, этого было достаточно для путешествий в грёзах и даже за их пределами.

Он поднялся с обитых бархатом подушек и поковылял к окну, надеясь, что в темноте слабость не так заметна. Плотные гардины распахнулись и впустили в комнату слепящий свет. Жерард почти наощупь нашёл умывальный столик, налил в тазик воды и опустил туда голову.

— Не слишком ли вы далеко зашли в ваших гм... практиках? — деликатно поинтересовался один из гостей, приблизившись вплотную. Проверяющие из Совета, небось, Ректор натравил, чтоб его! — Мы понимаем, кто не мечтал услышать богов? Но не стоит так сильно отрываться от земли, можно и разум потерять.

Жерард фыркнул, отплёвываясь от воды. Стиснуть зубы, держать руки чистыми, а голову — холодной. Не терять разум!

— Это просто более глубокое расслабление, для снятия напряжения и повышения концентрации. Должность, знаете ли, высокая, ко многому обязывает.

Он вытер голову полотенцем. Видение заволакивало туманом забвения, как кошмарный сон. Нужно поскорее его записать.

— Это и без того впечатляет, — проверяющий указал на развешанные по стенам красочные мандалы. — Только смотришь, а уже голова кругом идёт.

— Это не тот способ, которым можно достучаться до богов. Если хотите, я ещё раз изложу теорию в своём отчёте и присовокуплю график с результатами. Одна из Норн уже хорошо слышит своего покровителя, вторая на подходе.

— А третья?

— Третья слышала его всегда, — Жерард скрипнул зубами, вспоминая несносного мальчишку. Насколько проще бы было с вороном? Почти родным. Ближе, чем родным!

— Если добьётесь успеха, получите такую власть.

— Это не ценность сама по себе. Благо всего Мидгарда — вот, что главное.

— Безукоризненны не только на делах, но даже в помыслах? Никак на место Ректора метите? — проверяющие присвистнули.

— Только если не будет другого выбора. Это слишком хлопотно, но чего не сделаешь ради высоких целей?

— Мы так и запишем.

— Конечно. Желаете увидеть лабораторию? — услужливо предложил Жерард, лишь бы отвязались.

— Мечтаем! Особенно Норну Безликого. О ней весь город шепчется.

Пришлось потратить на них целый день. К вечеру ещё и голова разболелась. Но, хвала богам, проверяющие остались довольны.

— Густаво! — Жерард позвонил в серебряный колокольчик, разглядывая картину Балез Рухез в своём кабинете. Родной пейзаж всегда успокаивал.

Заскрипела дверь. Помощник возмужал и вытянулся за эти годы, отрастил модные усы и выглядел вполне солидно для своего возраста.

— Завтра с утра бегом в Библиотеку. Подымешь из архива планы Нижнего города, все

легенды и истории, с ним связанные. Мы ищем очень особенное место с фонтаном.

Густаво кивнул и удалился. Жерард откинулся на спинку стула:

— Прячься, сколько влезет, трусливый мальчишка, но я тебя достану!

***

Дела налаживались. Хлоя хорошо вписалась в гильдию цветочниц: хвасталась одеждой, украшениями и залиvisto смеялась в их шумных стайках. Её задорная улыбка, пускай и со щёлкой между зубов, очаровывала даже самых неприступных покупателей. Хлоя всю флиртовала со студиозусами, впрочем, никого к себе близко не подпускала. Хоть бы синоминутный каприз или тоска по старому ремеслу не заставили её все это потерять! Я постепенно приучила её оставаться одной. Вначале она угрожала вернуться к братьям, но потом и эта буря улеглась.

К весне Ферранте поправился. Я помогала ему разрабатывать ослабшие мышцы, но тяжесть в них не прошла. Я купила для него посох из ольхи, без украшений, по виду очень дешёвый, чтобы Ферранте наверняка не отказался.

Когда его отпустили домой, был ясный день. Яростное солнце жгло глаза, отражаясь от отполированной до блеска мостовой. Ферранте шёл с трудом, опираясь на посох так, что белели ладони, но от помощи отказывался.

Дома нас ждал застеленный чистой скатертью стол, накрытый пирогами с маком, рисом и капустой, которые я купила по случаю нашего праздника. В ярком платье цветочницы Хлоя с порога бросилась Ферранте на шею. Он отстранился. Не зная, как его смягчить, я сняла с него внушение и вложила в ладонь единовержеский амулет.

— Мне это больше не нужно, — процедил он сквозь зубы.

— Почему? Но ведь... — я растерялась от исходившей от него горечи.

Он сжал амулет. Сухие ветки поломались под его беспощадными пальцами.

— Я предал своего бога, приняв помощь от других, и теперь не достоин служить ему и говорить от его имени.

Обломки амулета раскатились по полу. Так, должно быть, умирают боги — в людских сердцах. И виной этому моя помощь.

— Что же ты будешь дальше делать?

— Двигаться от жизни к смерти, как все, — неумолимо и отрешённо прозвучал его голос.

Дальше говорить было незачем. Хлою Ферранте не гнал — и на том спасибо. Дом отыскать нынче очень сложно.

Я перестала у них появляться. Встречалась с Хлоей в Верхнем, в Нижний ходила только проведать Лелю и раздать милостыню. Так текли месяцы.

На изгибе лета, в знойный денёк мы с Хлоей перекусывали в маленькой, но зато опрятной уличной забегаловке. Отдыхающие от вступительных испытаний претенденты перебрасывались похабными шуточками. Мы смеялись вместе с ними.

Хлоя вдруг выдала:

— Я согласилась на предложение Ферранте.

Глиняная пиала с терпким отваром упала на мостовую и разлетелась на осколки, замазав подол платья. Жаривший на углях каштаны повар посмотрел на меня с укоризной.

— Зачем? Разве ты его любишь?

— Девчонки хвастают женихами, выходят замуж, спиногрызов рожают и только о них щебечут, а мне уже и поговорить не с кем. С братьями же я не могу больше...

Я передёрнула плечами.

— Если уж быть как все, то до конца. А эти студиозусы... — Хлоя кивнула на мальчишек, которые разглядывали её, не таясь. — Что я, дура, что ли, чтобы их красивеньким речам верить? Не нужна им бесприданница, только память простыни и бросить. Ещё потом с друзьями ржать будут, как тут.

Хотя бы в чём-то она поумнела, повзрослела даже. Вот бы ещё выразаться, как сапожник, перестала.

— Поздравляю! А что Ферранте?

— А что он? Он же как рыба. Говорит лишь на проповедях. Снова стал их читать по выходным, не знала? Горбатого только могила исправит.

Я вздохнула и отвернулась. Может, это повод помириться?

— Поможешь с подготовкой? Утру всем носы, хотя бы в Нижнем!

Хоть перестала мечтать о грабежах и драках. Скоро станет матерью семейства, обременённой заботами и тревогами, а я так и останусь пустоцветом. Впрочем, я сама выбрала этот путь.

— Помогу, чем смогу.

***

Свадьбу назначили на середину осени — сезон для сочетаний молодых пар. Я составляла списки гостей, рассчитывала, на что хватит наших скудных средств, где можно взять угощение, наряды и цветы подешевле, разузнавала, как проводят свадебный обряд единоверцы. Выходило, что они просто произносили клятвы, обменивались браслетами и поцелуями, потом вкушали из рук друг друга ритуальную еду. От жены требовалось уважать и холить мужа, следить за его домом и воспитывать детей, от мужа — беречь и защищать жену и детей, обеспечивать им достойное существование. В почёте были верность, взаимопонимание, скромность и терпимость. Порицались измены, насилие и ссоры. Почти как в нашем Кодексе, только жаль, что его заветы сохранились лишь на бумаге. Остаётся надеяться, что у единоверцев выйдет лучше.

Хлоя ни во что не вникала, лишь высказывала свои пожелания, порой совсем уж невероятные. Я взялась пошить ей платье, а Ферранте рубаху с одинаковым орнаментом. Тем более плату за лечение Ферранте в храме я уже отработала, а платить за труд деньгами Беррано не мог. Совет не отчислял им ни медьки, даже бельё и снадобья закупаться перестали. Что же дальше будет?

Люцио помог достать качественный белёный лён по дешёвке. С кроем подсобил знакомый портной всего за несколько моих улыбок. На платье по подолу, рукавам и вороту я вышила красные хризантемы вместо оберегов, которые вряд ли бы понравились единоверцам. На спине рубахи алый единоверческий знак. Надеюсь, Ферранте хотя бы из приличия не выкинет подарок на помойку.

Ещё одну вещьцу доставать пришлось тайком. В Нижнем, у разбитой набережной закутанный в серую ткань перекупщик передал мне холщовый свёрток. Люди Лелю дежурили поблизости на всякий случай. Чтобы заполучить эту вещьцу, мне пришлось кое-что продать и взять немного взаймы, но оно того стоило.

— Вы не называете своё имя, а я ничего не спрашиваю, — прошептал купец, пересчитывая монеты. — Вы не видели меня, я не знаю вас.

Я начала разворачивать ткань, но перекупщик остановил.

— Не здесь! Даже у стен есть глаза и уши.

Я прощупала внутри свёртка жёсткий каркас, явно не из веток. Значит, не обманул. Не прощаясь, перекупщик ушёл, а я направилась к Ферранте. Пора было нарушить затянувшееся молчание.

Он латал кровлю дома. Я взялась ему помогать: подавать и придерживать жерди, пока она забивал в них старые, зачищенные от ржавчины гвозди, и замазывал глиной.

Он так и не оправился от хромоты, но просить его ещё раз показаться целителям я не решилась. Заматерел, отпустил бороду. Она курчавилась у него на щеках тёмными кольцами, пряча оставшиеся после побоев шрамы.

В полдень мы спустились в дом перекусить. В углу у двери стоял подаренный мной посох, украшенный резными единоверческими знаками. Должно быть, опираясь на него, Ферранте выглядел очень внушительно.

Мы сели за стол, и я вручила свой свёрток.

— Слышала, ты снова проповедуешь. Это взамен того, что сломался.

Ферранте развернул холстину и положил перед собой серебряный единоверческий амулет.

— Спасибо. Прошлый сделал для меня отец. Мне его не хватало, не как символа веры, а как памяти о доме. Как там было легко и просто, — Ферранте облизал пересохшие губы и после небольшой заминки продолжил: — Сюда приходил старец-пилигрим в коричневом балахоне. Посох — его работа. Он проповедовал лучше меня, люди заслушивались и оставались, кое-кто даже принял веру. Но потом он заболел и слёг. Попросил меня заменить его на время, его паства очень ждала новых проповедей. Я не смог отказать. Думал, он скоро поправится, но однажды он просто уснул и не проснулся.

Ферранте отвернулся. Не хотел облекать печали в слова, делиться ими с кем-то, тем более со мной. Микаш всегда повторял: нельзя показывать слабость, за слабость убивают, особенно мужчин. Гранитная стена отстранённости, украшенная улыбчивой маской — лучшая броня, даже когда душа разрывается от боли. У нас разучились сочувствовать, утолять чужие страдания. Твои проблемы — только твои, ты обязан решать их сам, не посвящая в тайны своего внутреннего мира ни посторонних, ни даже близких, иначе будет хуже. На тебя навалят столько осуждения и презрения, что хребет сломается. Мир одиноких улыбок, которые никого не могут согреть.

Мы долго сидели молча: опершись локтями о стол, свесив на ладони голову и глядя в потрескавшуюся столешницу.

— Зачем ты это делаешь? — я не выдержала первой.

— Сам не знаю, — он отрешённо посмотрел на мой подарок. — По привычке, наверное. Привычка хуже всего.

— Я не об этом. Зачем ты женишься на Хлое, вы ведь друг друга не любите?

Ферранте встрепенулся и задумчиво повёл плечами. Отвернул голову.

— Не все находят любовь и соединяются с ней, не все могут жить высокими порывами и надеждами на несбыточное. Кто-то довольствуется тем, что есть. Я свыкнусь и буду думать о Едином, о его заветах и нуждах больше, чем о своих собственных. Любви не будет, но будет семья, надёжная и крепкая, будут дети — продолжение рода, ветки от дерева с молодыми зелёными листьями. Они будут лучше, сильнее и счастливее нас и смогут привести людей, всех, даже иноверцев в благостный край.

— Это неправильно.

— Но так должно. Этого от нас ждут все.

Мы снова замолчали. Я продолжала думать о Микаше, о наших отношениях. Возможно ли, что я тоже просто сдалась от отчаяния? Возможно ли, что так же не чувствую ничего, а просто иду от жизни к смерти. Морочу всем голову, ему в особенности. Он ведь искренне любит, как никто и никогда в моей жизни.

Я достала рубаху и показала Ферранте.

— Красиво. Видно, что от чистой горячей души, — он улыбнулся.

Я пожалала плечами.

А говорили, что души у меня нет.

Ферранте примерил. Оказалось впору, и вышивка сзади выглядела отлично. Старое мастерство не забылось — и то хорошо.

— Я хотел, чтобы всё было скромно, но вижу, ты решила устроить пышный праздник.

— Этого хочет Хлоя. Ей так будет проще.

Ферранте не спорил. Мы обменялись поцелуями в щёку и распрощались.

***

Микаш вернулся из похода. Он получил новое назначение и часто отлучался на тренировочное поле. Больше обязанностей — больше ответственности. Надо стать лучше, говорил он.

В этот день Микаш припозднился. Я сидела кровати с ногами и перечитывала Кодекс.

— Что с тобой? Кто-то обидел? — с порога встревожился он.

— Нет, просто думаю. Почему люди женятся? Тут нигде об этом не говорится.

Микаш удивлённо замер, стащив с себя только один сапог:

— Ты хочешь замуж?

— Это невозможно: доктор Пареда вышвырнет меня из проекта, да и отец не даст согласия. Я должна возродить Безликого и спасти мир, — я избегала его взгляда. Понимала, что Микаш жаждал большего, но не могла ему это дать. Возможно, честнее было бы попросить его отпустить меня, разорвать эту пагубную для него связь, найти себе ту, которая и любить будет больше, и в ордене поможет, но как только я заикалась об этом, он затыкал мне рот поцелуями и полыхал настолько яростными эмоциями, что мне делалось страшно, и все слова умирали на губах. — Я не про нас. Просто... зачем? Неблизкие люди, у которых нет ни приязни, ни даже общих интересов соединяются клятвами, чтобы всю жизнь мучиться и поступаться совестью.

Освободившись от верхней одежды и обуви, Микаш устроился рядом, я распрямила ноги, и он положил голову мне на колени. Мои пальцы зарылись в его жёсткие, как медвежья шерсть, волосы и принялись перебирать пряди.

— Природа, предназначение, — заговорил Микаш задумчиво-веско. — Мирозданию нужно, чтобы мы плодились и размножались. Место павших воинов занимали новые бойцы. Потому это так приятно.

— Даже если не любишь?

— Многие боятся любить: сильно, глубоко, искренне. Это больно, как будто сердце сжимает в тиски и кишки ползут наружу. Хочется сдохнуть, лишь бы не чувствовать. Многие не жаждут такой пытки. Без боли спокойнее и легче.

— А ты?

— Я когда-нибудь выбирал лёгкие пути?

Я засмеялась. Он выхватил мою ладонь и поцеловал пальцы.

— Семья, близкие — это строгие ограничения, — продолжал философствовать он. —

Когда ты один, и от тебя никто не зависит, ты можешь делать всё что угодно и расплачиваться за это придётся только своей жизнью. А когда у тебя за плечами куча родичей, так или иначе ты вынужден подчиняться, чтобы от твоих необдуманных поступков не пострадали они. Пока у тебя есть дорогие люди, тобой легко манипулировать. Поэтому общество и порицает одиночек.

— Это ужасно. Люди должны жить со свободной волей, любить и поступать правильно, потому что это исходит изнутри, а не кто-то им навязывает.

— Это была бы утопия, — он придвинулся ко мне вплотную, горячее дыхание опаляло кожу.

Я разглядывала каждую мельчайшую чёрточку, стараясь понять, люблю ли. Мне так нравилось его восхищение, нежные ласки, самоотверженная забота. Я пьянела от них и не желала ничего, лишь бы продлить это неземное блаженство на веки вечные. Но любила ли я его, любила ли по-настоящему?

— Но у нас всё может быть так, как ты захочешь. Чего ты хочешь? — шептал Микаш.

Его терпкий горьковатый запах обволакивал и дурманил. Зрение мутилось, голова пустела. Близость сводила с ума, даже одежда не мешала чувствовать, а только усиливала томление. Руки прильнули к нему, с губ камнем сорвался вожделенный стон. Шершавые пальцы заскользили по моей коже, стаскивая с меня камизу через голову.

— Чего ты хочешь? — настаивал Микаш хриплыми голосом.

Ладони стискивали грудь и бередили. Ощущения такие острые, что трудно дышать!

Люблю ли? Или просто жажду заполнить пустоту внутри? Утолить одиночество? Стать как все? Хочу знать!

Дразнящее прикосновение между бёдрами. Раздумью не оставалось места, нет желаний, кроме одного — раскрыться шире и позволить обладать собой.

— Х-хочу, — прошептала я, почти плача.

Он не такой, как все мужчины. Его приходится упрашивать там, где другие берут силой.

Я обхватила его ногами и прижалась сама, окунула в себя, потому что ни мгновения не могла прожить, не чувствуя его внутри.

Что есть любовь?

***

День свадьбы на нашу удачу оказался тёплым и ясным. Ферранте ушёл из дома первым, а мы с Хлоей делали последние приготовления. Я заплетала её тёмные волосы в высокую причёску, добавляя туда белые лилии и ленты. Она кусала губы и дёргалась, не позволяя мне закончить.

— А может, не надо? Я уже не так уверена.

— Пойди и скажи ему. Это не будет большой бедой, — я пожала плечами, ощущая в душе холодную сухость.

— Ты не понимаешь. У тебя есть твой Сумеречник, красивый, сильный, знаменитый. Золота горы домой приносит, тебя в шелка и жемчуга рядит, и в постели явно не промах. А что мой? Убогий совсем, беднее храмовой мыши, да ещё и единоверец. Неужели я не достойна лучшего?

— Не хочешь — не выходи за него. Это лучше, чем мучить его упрёками и мучиться самой, — надо было говорить с ней мягче и снисходительней, но у меня не получалось.

— А как же... Кто меня ещё возьмёт? Только если в публичный дом. И всё!

Хлоя захныкала.

— Тогда чего переживаешь? Реши, нужен тебе этот союз или нет. Не кивай на то, что другого выхода нет или что Ферранте обидится, потому что это не так! Это целиком и полностью твой выбор. Только ты за него в ответе.

Хлоя горестно вздохнула и разрыдалась.

— Я никогда не стану Королевой воров, даже в мечтах!

Я обняла её. Может, с возрастом я загрубела и очерствела, но хотела только помочь и уберечь. Их обоих, ведь они мне так дороги!

Церемонию проводили у фонтана, где было достаточно места для всех гостей. Мрачную заброшенную площадь украсили белыми герберами, кедровыми лапками и пёстрыми лентами, словно желали, чтобы в трупы домов хотя бы на время вернулась жизнь, а гниющие раны не выглядели так жутко. Вид был странный и немного кощунственный, словно смерть умастили благовониями и обрядили в платье невесты. Не обидится ли площадь-смерть за то, что её вековечный покой тревожат шумным праздником? Не проклянет ли так, что потомки до десятого колена не отмоются?

Кругом поставили лавки с нехитрым, но сытным угощением: квашеной капустой, репой и тыквенными пирогами. Собралась толпа: соседи, цветочницы, все, кто поддерживал единоверцев и знал Ферранте по его проповедям, люди Лелю. Даже братья Хлои явились, правда, держались на почтительном расстоянии. Церемонию проводил ещё один проповедник, случайно забредший в городе в нужное время. В длиннополом коричневом балахоне, подпоясанном верёвкой, он вместе с Ферранте ожидал Хлою у фонтана.

Мы немного опоздали, заставив гостей поволноваться. Стоило нам выйти из входной арки, как все взгляды устремились на нас. Гости так и ждали скандала, чтобы весело почесать языками на досуге.

Я вела Хлою под руку, ощущая её страх и растерянность, как собственные. Она дрожала и ступала мелкими робкими шагами. Глаза красные и воспалённые от слёз — тут уж мы ничего исправить не смогли, как ни старались.

— Чих напал. Извините, — соврала Хлоя, когда проповедник посмотрел на неё с неммым вопросом во взгляде.

Он долго пел гимны торжественно высоким голосом, растягивая слова так, что они звенели в ушах набатом.

— По своей ли воле вы пришли ко мне? Уверены ли в своём решении?

Гости ждали, когда Хлоя откажется и убежит. Её голос дрожал и затухал, но она всё-таки сказала:

— Да.

Разбитые дома отразили облегчённый вздох.

После церемонии гости вручали новобрачным подарки и угощались, пили за их здоровье дешёвый сидр, запевали хмельные песни и пускались в пляс. Мостовая дрожала от стука босых пяток и громких возгласов, свистели рожки и свирели, гремели погремушки из высушенных тыкв. Глазницы окон жалобно звенели в ответ, сыпалась из раненой кладки кирпичная крошка.

Хлоя отплясывала отчаянней всех, словно желала убежать от неизбежного будущего. Её братья ушли сразу после церемонии. Ферранте беседовал с товарищем по вере — простонародное буйство роняло достоинство проповедников. Впрочем, их бог ничего никому не запрещал, а только предписывал.

Микаш уже отбыл в поход, да и не решилась бы я тащить на праздник Сумеречника —

уж очень здесь их боялись. Но без него танцевать мне не хотелось.

Вместе с половинчатым Лелю мы наблюдали за праздником в стороне, обмениваясь короткими фразами. Под конец к нам подошли Хлоя с Ферранте.

— Ну как? — тревожно спросила я.

— Как-нибудь да будет, — добродушно и немного устало ответил Ферранте.

Они с Лелю удалились, дав нам с Хлоей попрощаться как следует.

— Не реви, уже и так лицо красное и опухшее!

Она закусила губу.

— Это конец! Смерть!

— У меня с Микашем тоже не сразу сложилось. Поначалу он казался мне грубым медведем, а потом я поняла, что медведи могут поддержать там, где другие швырнули бы в меня камнями. Дай Ферранте шанс, у него много хороших качеств.

— Что ж ты сама его не выбрала? Хочешь, он весь твой с потрохами. Забирай!

— У каждого в жизни своя ноша. Ты её выбрала сама.

Хлоя фыркнула и отвернулась. Ферранте увёл её домой. Когда гости разошлись, люди Лелю помогли мне убрать весь оставшийся мусор.

Как-нибудь да будет.

Интерлюдия III. Служение и отречение — наш путь

Всё шло идеально: границы укрепили, силы ордена откинули на север, вернули людей восстанавливать столицу. Знаменем Единого выгнали всех «призраков и злых духов» из покрытых копотью дворцов, чтобы суеверные простолюдины не боялись подходить к ним ближе, чем на версту. Работа кипела, голытьба была слишком занята и воодушевлена, чтобы обращать хоть на что-то внимание. Взалкавшие пышных храмов Сумеречников проповедники ещё больше воспаляли народ своими речами. Вера и правда великая сила, слепая и беспощадная.

Труды ещё не закончились, орден — не разгромлен, а только отброшен, но они уже приветствовали ликующий народ с высокого балкона единственного восстановленного корпуса Императорского Дворца. Император Теодор I справа, Главный проповедник слева, а посередине — воины Единого в небесно-голубых плащах. Их новая империя — Священная. Ничто не сможет её сокрушить, ничто не сможет остановить Легион Теней, даже попрятавшиеся по своим норам боги, утратившие того единственного, кто умел сплотить их, несмотря на разность в характерах и взглядах. Та древняя победа залог новой, которая вот-вот наступит. Не поднимется на Небесный Престол сильный властитель, а будет лишь марионетка, ослеплённая жаждой мести и ненавистью к собственному племени.

Внизу на дворцовой площади стягивало толпу в тугое кольцо воинство в голубом — их телепаты, их собственный орден. Давно нужно было придумать ему название. Трюдо, как старший, вышел вперёд вместе с Главным проповедником. Нет, предводителем Трюдо не станет, силёнок и влияния маловато, но единение с Мраком усмиряло амбиции, позволяя направлять все силы на общее дело — установление новой эпохи, где вершить судьбу мироздания будет пятая стихия, а остальные четыре станут лишь жалкими её рабами. В кандалы их закуют ими же взлелеянные чада, такие же недалёкие и легковерные.

Они помахали руками и дождались, пока стихнут крики и хлопки. Первое слово взял проповедник — нужно было уважить старика.

— Сегодня мы отмечаем наш первый праздник — день Свободы, свободы от непосильной дани и ложных идолов. Больше мы не будем жить в сумерках колдовской веры, в страхе перед ворожкой рыцарей и сказками о демонах, которыми на деле были они сами. Пока победы наши скромны, но мы выстояли, доказали, что можем прожить без них, ибо защищает нас, праведников, Его могущественная длань. Он послал нам защитников в голубом, раскаявшихся и отыскавших во тьме свет праведной веры. За страдания их вознаградили огненными мечами, чтобы вершить справедливый суд над колдовством и ересью, над демонами в человечесем обличье.

— Демоны! Убить демонов! — дружным хором возопила толпа.

Жажда крови сладка!

— С их помощью мы выстояли, с их помощью мы освободим соседние народы, а потом и весь Мидгард. Колдуны сами взойдут на погребальные костры, испугавшись нашего искреннего порыва! Мир воссияет красотой веры истинной. Возрадовавшись этой красоте, спустится к нам по звёздной лестнице дух праведный, сын иступленных небес, Единый-милостивый. И настанет в его владениях мир и благоденствие для всех, кто верует!

Ишь как воспалился! Взойдут, ещё как взойдут, а прежде всех ненавистный Синеглазый!

— Слава Единому, да приведут нас в Благостный край его посланники! — скандировала толпа.

Разогрелись они достаточно, пора перейти к основной части.

Проповедник уступил место Трюдо:

— Мы исполним наш долг, если вы последуете за нами! Не сейчас, конечно, но ваши внуки точно доживут до светлого дня окончательной победы! Сегодня же с вашего позволения мы хотим сделать этот день ещё и днём основания нашего ордена, ордена Защитников Паствы Единого-милостивого. Мы клянёмся, что наши помыслы будут тверды, как наши клинки, в битве против его врагов, да послужат они высшей справедливости и уравниют всех по их вере. Да падёт огненная кара на тех, кто так долго пил людскую кровь. Не будет больше демонов в человеческих обличьях!

— Кара! Кара! — вторила толпа, представляя плавающую на огне плоть Сумеречников.

«Голубые плащи» выставили мечи перед собой, повторяя слова клятвы, в которую действительно верили в отличие от той, что давали, положив руку на священный Кодекс. Так умирают боги — когда в них перестают верить.

Празднество закончилось молитвами и поздравлениями. Император с проповедником оставались с народом до конца, как парадный фасад, а руководство ордена удалилось решать насущные проблемы. Ни мгновения отдыха, поддерживаемым осколками Мрака телам он и не нужен так сильно. Ослабить и обескровить противника изнутри и сломить окончательно молниеносной атакой — их выигрышная тактика.

— Наша сила на пике, нужно забрать духов и покончить с этой заварухой, пока народ не вспомнил о жалости и не возроптал о кровопролитной войне, — заговорил Трюдо с собравшимися за круглым столом товарищами в зале заседаний за плотными дубовыми дверями. — Какие новости от Айгу?

— Он ещё в поиске. Старые носители не жаждут расставаться с бессмертием, а свободные осколки запечатаны кровью небесных, — сообщил Нок. — Нужно ещё время, где-то в Муспельсхейме обязательно обнаружатся чистые залежи Мрака.

— Времени как раз мало, учитывая, что духи находятся в ведении Синеглазого, и он властен в любой миг от них избавиться, — с досадой покачал головой Трюдо. — Тогда придётся пожертвовать кем-нибудь из нас, самым бесполезным.

Масферс недовольно засопел:

— Это глупо. Подумайте сами, почему Синеглазый взял Разрушителя под своё крыло? Он уже не раз доказывал, что не так прост. Вспомните, как он разоблачил нас на Совете? А как убил Рата? Как низверг непобедимого короля ифритов? Он готовит для нас ловушку!

— Когда это ты стал таким осторожным? — усмехнулся Трюдо. — Неужели за свою шкуру испугался? Спешу напомнить, что мы здесь общее дело делаем, отречение и служение — наш путь, прямо как говорят эти коленопреклонные фанатики.

— Да при чём здесь?!.. — возмутился Масферс. — Я только о деле и пекусь. Не хочу, чтобы планы, которые мы так долго строили, пошли псу под хвост из-за нашей самонадеянности. Оставим миражи и далёкие горизонты для потомков.

— Осколки полностью убивают волю, тебе ли не знать? Даже если Синеглазый что-то задумал, ничего у него не выйдет. Это он гоняется за миражом, веря в высокие идеалы и силу человеческого духа. Его просчёты играют нам на руку, создавая вокруг Разрушителя ореол народного героя. Нашего героя — не их.

— Давайте хотя бы дадим нашему герою «дозреть», — примирительно согласился

Масферс, встал и подошёл к окну, выходящему на площадь, где ещё продолжались народные гуляния.

— Отсрочиваешь неизбежное? Что ж, немного времени у нас есть, а дальше — посмотрим.

Масферс кивнул и улыбнулся:

— Позвольте откланяться. Меня ждёт фантом из племени Лунных Странников. Они жаждут проредить войска Сумеречников. Сейчас это — первоочередная задача.

— Дело говоришь. Ступай! — согласился Трюдо.

Масферс откланялся.

***

С фантомом всё уже было решено. Лунные Странники за тысячелетия вражды настолько возненавидели Сумеречников, что готовы броситься в бой в любой момент, лишь бы дали команду. Встреча закончилась очень быстро, сохранив столь необходимое время. Сменив праздничный голубой плащ на неприметный серый, Масферс проскользнул сквозь веселящуюся толпу в тёмный переулок, где его уже ждали.

— Я услышал о вас от своего родственника и уверовал. Примите меня! — зашептал гость в такой же неприметной серой хламиде. — Я готов на всё, чтобы приблизить его пришествие!

— Приблужишь, раз таково твоё искреннее желание.

Масферс выхватил из-за пояса кинжал и вонзил его себе в сердце. Ужас запоздало мазнул гостя, но убежать тот не успел. Масферс впился в его губы, вживляя осколок, отдавая бессмертие во имя служения, как они и хотели, как было правильно, вкладывая в порыв стремление, которое не должно забыться при переходе. Это спасёт их дело и приведёт к владычеству Мрака, и Масферс будет вознаграждён больше других.

Тело обмякло. Новый носитель поймал его до того, как оно бы ударилось об мостовую, уложил в холщовый мешок и перекинул через плечо. Нельзя, чтобы кто-то узнал раньше, чем он выберется из города.

Носитель, конечно, слабенький и долго не протянет — нужно будет искать нового. При каждом перемещении осколок теряет силу и восстанавливаться будет очень долго, но оно того стоило. Жаль, нельзя заявиться в стан врага собственной персоной — его определяют мгновенно по цвету глаз, но можно добраться до одного из шпионов, ведь их имена доступным всем через нити общей памяти. Главное, что свой конец он замотал в тугой узел, чтобы никто не догадался.

Избавится от Разрушителя, а там будь что будет. Служение и отречение — его путь.

Глава 26. Первые ласточки

Микаш с нетерпением ждал, когда можно будет приступить к новым обязанностям. Уж очень хотелось проверить пределы полученной власти. За отпуск он набросал несколько планов по реструктуризации роты: выписал имена всех рыцарей, их возраст и опыт, вид и уровень владения даром, силу и мастерство. Начертил схемы, где состав звеньев был подобран по взаимодополняемости, эффективности и специализации. Теперь Микаш понимал, зачем Гэвину знать всех по именам. Хотелось бы и самому так же за всем следить.

Вдобавок Микаш набросал графики и программу тренировок для рядовых и инструктажи по улучшению лидерства для командиров. Столько трактатов пришлось для этого перелопатить, что голова шла кругом.

Во время первой же ночёвки он представил планы маршалу в его шатре. Гэвин долго их изучал, заставляя Микаша грызть ногти от волнения. Надо же, не отмёл с первого взгляда! Что-то исправлял и только через час вручил бумаги обратно со словами:

— Если тебе удастся воплотить хоть часть в жизнь, потери сократятся вдвое.

Микаш просиял и умчался обдумывать план дальше.

Лорд Мнишек мучился ревматизмом и срывал недовольство на рыцарях во время утренних построений. Остальное его не интересовало. Он подписывал приказы, не читая, лишь бы их одобрял маршал. Единственной неприятностью оказались мелочные придирки к самому Микашу. Безропотность служила платой за то, чтобы управлять ротой от имени капитана. Если рыцари возмущались новыми порядками, Микаш разводил руками. Мол, я-то тут причём? Сам страдаю! Без лишних споров ему подчинялись.

Вставали до зари, бегали несколько вёрст, умывались и шли на построение перед завтраком. После завтрака продолжался марш. На дневной остановке упражнялись с оружием, перед сном — с даром. Основное внимание — на взаимодействие членов вновь сформированных звеньев. Составы пришлось менять несколько раз, учитывать новобранцев. Практика всегда отличается от теории, а уж если в спор вступают характеры и взгляды...

После изнурительных тренировок рыцари разбредались спать и до песни утренних горнов даже не жужжали. Образцовый порядок для лорда Мнишека!

На редких днёвках рыцари строили из подручных материалов полосу препятствий и проходили её в любую погоду: проливной дождь, палящее солнце, ураганный ветер. Всё, чтобы увеличить шансы желторотиков выжить в бою.

Для себя Микаш тоже составил график, судя по которому на всё задуманное не хватало часов по десять-двенадцать в каждом дне. Ему выделили отдельную палатку. Он имел на неё право, как командир, но желал быть со своим звеном, его неотъемлемой частью. Теперь же для работы требовалось уединение и тишина. От гулянок отмахиваться стало легко: мол, лорд Мнишек три шкуры спустит.

К остальным хлопотам добавились и неучтённые. Оружие и броня быстро изнашивались, оружейники работали плохо и жаловались на скудную оплату. Микаш стал разбираться, жалея, что вешал все денежные вопросы на Лайсве и ничему у неё не научился. Заставил казначеев всё показать. Выяснилось, что кое-кто проворовался, а кое-кто намеренно завышал цены.

Устранив эти неприятности и урезав расходы, Микаш собрал небольшую сумму. С

оружейниками пришлось договариваться лично: лестью, угрозами, посулами и обещаниями замолвить словечко перед маршалом.

К первым стычкам большинство проблем худо-бедно решились. Рота была к нему расположена, наслушавшись историй о подвигах, авторитет лорда Мнишека — непререкаем. Военные советы дозволялось посещать без попустительств маршала, из-за которых на них обоих смотрели с неодобрением. Микаш смог высказываться по любым вопросам и вносить предложения. Говорил он так часто, как только придумывал, что сказать, отыгрываясь за время, которое приходилось прятаться в углу. Гэвин спорил, объяснял или даже соглашался. Остальные слушали их с тревогой, но потом привыкли.

Зачищали северное направление, южное оказалось перекрыто из-за войны с единоверцами. Марш остановили в норикийской горной долине Ланжу, покрытой мрачными хвойниками. Вотчина оборотней с тотемом волка. Леса кишели ими. А в тёмных чащах, недоступных горных вершинах и пещерах таились демоны. Твари земли не такие опасные, как огненные ифриты и пифоны, хотя куда более хитрые и пронырливые.

— Такая сушь стоит — пирокинетиков использовать нельзя. С телекинезом тоже надо осторожно — сухостой не выдержит сильных потрясений. Каждое действие должно быть взвешено, — объяснял Гэвин на последнем совете.

Микаш изучал карту ещё долго после того, как все разошлись.

— Перестань волноваться — лучше выспись, — Гэвин положил ему руку на плечо.

— Надо отдать последние распоряжения, — отмахнулся Микаш. Никакого волнения он не чувствовал, вот совершенно, просто хотелось удостовериться...

— Успокойся, тебя аж колотит! Это очередной бой, такой же, как сотни других на твоей памяти.

Микаш напряжённо выровнялся:

— Такой же. Можно откланяться?

— Давно пора!

***

Микаш проснулся пораньше, чтобы собраться и настроиться перед тем, как затрубили горны и на пороге показался новый оруженосец Кумез, которого назначили взамен прошедшего посвящение Вардена. Кумез был молчалив и робок, но помогал облачаться в доспехи справно. Поверх надетой на стёганку кольчужной рубашки закрепил ремнями пластины панциря, проверил сочленения. Микаш уже пробовал эти доспехи во время тренировок. Не слишком удобно, но капитаны настаивали на полном облачении, раз уж ему выпало вести роту в атаку.

На построение он успел немного раньше Мнишека, чтобы всех ещё раз проверить. Капитан вальяжно прошествовал к ним в белых латах с выведенной на груди чёрной цаплей и красным плащом за спиной. Как будто собирался в бой, хотя целители строго-настроено запретили ему напрягаться. Он осматривал каждого рыцаря, кривился, отчитывал, а под конец разразился грозной речью, косясь на Микаша:

— Ну что, остолопы, к порядку вас не приучили? — Подрывает авторитет прямо перед битвой? Зачем? — Езжайте же и не смейте ронять честь войска маршала Комри. Если кто-то из вас, сосунки, побежит назад, получит болт между глаз! — капитан вскинул заряженный арбалет и обвёл им ближних воинов. — Сражайтесь, слышите?! До последней капли крови, вы только на растопку годные!

Он сплюнул и зашагал прочь. Микаш вышел вперёд, чтобы хоть немного сгладить

ситуацию:

— Лорд Мнишек поведал нам, как важны доблесть и бесстрашие на поле брани. Кто-то из вас уже пробовал вкус демонской крови, а для кого-то это впервые. Я не стану врать, что демоны не страшны и не смогут вас убить. Путь война не бывает лёгким. Но вы должны помнить, для чего вы здесь: чтобы защищать тех, кто остался в солнечном мире — детей, жён, родителей. Ради их счастливых и свободных жизней мы всё это терпим.

По роте прокатились возгласы одобрения. Микаш продолжил:

— Мы выживем. Выживем, чтобы вернуться к ним и насладиться плодами наших побед. Для этого всего лишь надо действовать слаженно. Свобода, равенство, братство — вот что заповедал нам Безликий. Полагаясь на его Кодекс, мы победим и покроем наши имена славой. Вместе!

Он ударил в латы кулаком и выставил вперёд открытую ладонь — древнее приветствие Сумеречников. Рыцари повторили за ним:

— Вместе мы сила!

— Пускай каждый из вас вернётся сегодня живым, — тихо добавил Микаш, обводя всех их, молодых и уже в возрасте, бедных и богатых, внимательным взглядом.

Настроение разряжалось. Они наполнились решимости и веры. Микаш улыбнулся и словил на себе гневный взгляд лорда Мнишека. Как же старик завидовал молодости и силе! Можно только пожалеть...

Микаш накиннул на плечи алый плащ, Кумез водрузил ему на голову шлем с белыми перьями и подвёл Беркута. Пришло время боя.

Плотно сомкнув строй, воинство ехало к широкой лощине. Красноклювы выступали в авангарде. Стремительным клином они должны были врубиться во вражью орду, истыкать их копьями и затоптать лошадьми, пока демоны не ринулись бы в лес, где их ждала засевавшая в укрытиях пехота.

Сизые клочья тумана кутали землю, скрывая выбоины и камни. Солнце выкатывалось из-за гор раскалённым слепящим маревом. Микаш натянул поводья и вскинул руку. Воинство замерло на краю лощины, кони в нетерпении рыли землю копытами. Микаш прикрыл веки, кожей осязая зловещую лиловую дымку демонических аур. Всеобщее волнение сгущалось чёрной тучей, увеличивая собственную тревогу. Живот сводило судорогами, голову вело, а перед глазами мелькали раскрытые черепа и выпотрошенные кишки. Знал бы кто, засмеяли. Нужно отрешиться.

Микаш сделал несколько вдохов, заставляя сердце биться ровно. Гнал прочь дурные мысли, сосредотачиваясь на тех образах, что вызывали спокойствие и умиротворение. Запах цветущего разнотравья на зареченских лугах, бегущее волнами на ветру море серебристого ковыля, вкус утренней росы на стеблях мятлика, отливающая золотом шерсть лошадей, терпкая теплота их шкур. И её лицо, ласковое и нежное, всегда немного печальное. Идеальная фигура, впадины и выпуклости, ложбины между ними. О, в этих лабиринтах можно блуждать вечность и не помышлять о выходе.

Эхо донесло завывание боевых горнов. Не мешкая, Микаш приставил к губам серебряный рог и подул в него.

— За Мидгард! Безликий с нами! — раскатились боевые кличи.

Шпоры скользнули по лоснящимся конским бокам. Беркут рванул вниз по крутому склону, остальные — за ним. Летели из-под копыт комья земли, катились камни. Кони приседали на задние ноги и съезжали с круч. Всадники опасно кренились из сёдел. Внизу их

уже ждали. Огромная рать, будто здесь собралась все, кого Сумеречники не успели добить. Последний бой — священная месть мерзким людишкам. Рыжие волкоподобные варги со своими дальними родичами — дикими псами дандо. Лунные Странники с кожистыми крыльями и нетопыриными головами. Великанские огры, косматые, покрытые серой морщинистой кожей. Из-под верхних губ торчали внушительные клыки. В длинных до колен руках зажаты громадные палицы. Седобородые хозяева пущ, Башахуаны, сгорбленные, с узловатыми гибкими руками. Ушастые пакостники-гоблины и их мелкие сородичи гремлины. Чудовищные грюлы верхом на косматых йольских котах с бешеными зелёными глазами. Громадные птицы с медными клювами и когтями. Тролли-шаманы с козьеголовыми посохами. Других — не счесть.

Полетели стрелы. Сумеречники врубались в самую гущу: протыкали копьями, отбивались кистенями и мечами, давили тварей лошадиными копытами. Гам, запах крови. Кто-то падал, кто-то огрызался, чёрная орда нахлёстывала волнами. Слишком много — только полягут все. Идеальный план оказался ловушкой.

Морщась от досады, Микаш снова приложил к губам рог. Три гудка — сигнал к подмоге.

С небес спикировала медная птица. От её когтей едва удалось увернуться, ещё и варги снизу набросились. Микаш отбивался, Беркут следовал за каждым его телодвижением, а мысли были с командирами звеньев. Узнать новости, оценить обстановку, отдать приказание, помочь ближним. И всё это одновременно с собственной борьбой.

Вдалеке запели боевые горны, затряслась земля от копытной дроби. Испуганным рёвом демонская орда возвестила о прибытии подкреплений. Спускались с трёх сторон в лощину конные воины, выбиралась из леса пехота. Микаш скорее чувствовал их, чем видел, в этом море тел.

Твари облепили со всех сторон, как потревоженные дикие пчёлы, огрызались отчаяньем загнанных зверей.

Микаш потерял счёт поверженным врагам и погибшим товарищам. Вся жизнь слилась в бесконечную схватку, заученные движения, когда уже не чувствуется ни страха, ни усталости, ни даже боли.

Зной отступал, ряды нечисти редели. Золото заходящего солнца пробивалось в просветы.

Зашелестели крылья, визг вывел из боевого транса, вернув миру очертания, а мыслям ясность. Обнажились рядом клыки, в нескольких пядях скользнула когтистая лапа. Микаш ударил кистенём наотмашь. Тварь грянулась оземь. Запели боевые горны, оповещая об отступлении.

В голове мелькнуло: не простой Странник, фантом — сильная аура.

Он уже поднимался. Микаш выхватил с пояса аркан и набросил на тварь. Петля сдавила раскрывающиеся крылья. Странник заверещал. Рядом шевелились уцелевшие демоны, но Сумеречники безжалостно добивали их.

Странник рванулся, верёвка скользнула по перчаткам. Микаш намотал её на переднюю луку седла и дёрнул на себя, подтягивая демона ближе. Тварь шипела, увёртываясь от ударов кистенём. Подобралась к Беркуту слишком близко, и тот пнул её копытом. Странник отлетел в сторону и повис на верёвке, как куль с соломой.

— Тише, малыш, — похлопал жеребца по шее Микаш. — Он нужен живым.

Щекотнули скользкую от пота шерсть шпоры. Беркут затрусил между тел вверх по

склону, волоча за собой бездыханного демона.

Микаш замыкал строй. Тащили раненых, за погибшими надеялись вернуться позже, если удастся выбить нечисть из леса.

В лагере Кумез помог снять доспехи и забрал Беркута. Странник ещё не очнулся. Микаш запер его в клетку, наспех сколоченную из осиновых прутьев. Осину Странники не любили.

За этим занятием его застал лорд Мнишек. Не послал кого-то, а явился сам, словно Микаш был выше его по званию.

— Что ты творишь? Думаешь, у меня есть силы читать погребальные речи из-за твоих ошибок? Никто за тебя твою работу не сделает!

О, эту песню ему напевала сызмальства мать, а потом и лорд Тедеску с его несносным наследником. Смешно! Впрочем, к старикам нужно быть снисходительней.

— Я и не думал отказываться от почётной обязанности, но спасибо, что напомнили. И за отеческую заботу, и за науку тоже спасибо, — Микаш поклонился в землю, как кланялись простолюдины, а не Сумеречники.

Мнишек смутился. Если бы не темнота, то наверняка бы был замечен румянец на впалых щеках.

— Поговори мне тут!

Он ушёл восвояси. Микаш пожал плечами. Погребальные костры ещё не собрали, поэтому он вернулся в палатку и набросал отчёт для маршала. Скорбные горны затрубили, как раз когда он заканчивал. Погребальных речей он уже успел выучить предостаточно, заодно сочинил ещё несколько.

Отослав Кумеза с отчётом, Микаш ещё раз перечитал списки погибших, переоделся в бело-зелёную парадную форму и направился на погребение. Символические костры были сложены для тех, кто остался в лощине. Громкий чистый, как звон колоколов, голос маршала летел над ночным полем, усиленный эхом. По цепочке подхватывали капитаны рот. Очередь дошла и до Микаша. Он закашлялся, прочистив горло, и шагнул вперёд:

— Сегодня многие не вернулись из боя, многие отправились на Тихий берег, молодые, полные надежд. Мы помним, как утром они шли с нами, шутили и не думали о смерти. И это правильно — не стоит звать костлявую раньше срока. Но раз уж вышло, они не дрогнули перед её лицом, прикрыли нас собой. Благодаря их подвигу мы ещё дышим, наш мир не поглотил хаос, а наши близкие могут спокойно жить в тепле и безопасности. Погибшие не уйдут в забвение, мы запомним их имена, они будут звучать в наших сердцах, пока мы сами не взойдём на эти костры. Давайте назовём их всех, — Микаш принялся читать наизусть список погибших. Отовсюду ему вторили голоса воинов. Поднималось в душе чувство единения и гордости за то, что они делают правое дело, оставив за порогом личную выгоду и распри. — Ступайте с миром. Ваш подвиг будет жить в веках, а ваших близких не обойдёт божья милость и благоденствие. Мы выстоим против мрака!

— Мы выстоим! — вторили отовсюду, даже из чужих рот.

Надо же, как воодушевились!

Слово передали командирам звеньев, которые поджигали костры. Быстро догорели, одно незаметное мгновение для звёзд на небе — человеческая жизнь, такая хрупкая, но такая важная — ничего важнее нет. В подобные моменты понимаешь это лучше всего.

После церемонии посыльный доложил, что маршал ожидает Микаша с пленным на совете. Подозвав несколько воинов покрепче, он велел помочь дотащить клетку со Странником до маршальского костра. Тварь уже очнулась, обняв костлявыми руками прутья,

просунула между ними рыло и посверкивала красными глазами в темноте. Пока парни тащили — молчала. Ничего, под серебряным лезвием расколется, как миленькая.

Вокруг костра уже собрались капитаны и советники. Настороженно наблюдали, как перед ними устанавливают клетку с демоном. Гэвин пришёл последним, по хмуром усталому виду ясно, что его что-то тревожило.

— Я взял пленного. Хочу допросить. Можете считать это мнительностью, но мне кажется, демоны знали о наших планах, — робость перед кумиром пришлось отставить в сторону ради дела.

Гэвин пожал плечами:

— Допрашивай.

Он уселся на бревно вместе с капитанами, поставил локти на колени и подпёр подбородок ладонями.

Микаш никогда никого не допрашивал, но... Не идти же на попятную.

Странника вывели из клетки и привязали к столбам рядом с костром. Тварь дёргалась, пытаясь цапнуть зазевавшихся, но, оказавшись связанной, обмякла, глядя кроваво-красными глазами в лицо Микаша.

Ему поднесли серебряный кинжал. Отрешиться. Показывать слабость нельзя никогда, особенно своим.

— Струсил, убийца? — прошипел, обнажив клыки, Странник. — Головы резать ты мастак, а мучить перед всеми — сразу совестно? Вот она, истинная суть палача!

Язык заговаривает.

— Если хочешь умереть быстро — отвечай на вопросы. Как вы узнали о наших планах? Кто ваш лазутчик?

— Думаете, мы не можем предсказать все ваши ходы? Нет никакого лазутчика. В ваших поражениях виноваты вы сами.

— Уж конечно, — хорошо хоть демон разозлил его достаточно, чтобы брезгливость унять. Микаш полоснул серую кожу серебряным лезвием. — Будешь отвечать?

Выступила чёрная кровь, запахло палёным мясом. Странник зашипел, извиваясь:

— Нет лазутчика! Вы сами кусаете себя за хвост. Скот останется без сторожей, и тогда его можно будет откормить и схарчить, как у вас в селе.

Микаш смерил его ледяным взглядом и вырезал лоскут кожи на мохнатой груди. Палёная шерсть и мясо воняли премерзко. Как когтями по стеклу, визжала тварь. Помогало только то, что капитаны наблюдали бесстрастно.

— Ещё одно оскорбление — и я сниму с тебя всю кожу. Имя!

— Хоть режь по кусочкам — не скажу.

— Значит, лазутчик всё-таки есть!

Странник зарычал, разрывая верёвки, и насадил себя на выставленный для защиты кинжал. Лезвие вошло в грудь по рукоятку. Демон дёрнулся и рухнул на землю бездыханным. Микаш мотнул головой, прогоняя оцепенение. Гэвин вручил ему платок, чтобы вытереться от крови.

— Лазутчик точно бывал на советах, — предположил Микаш, чтобы сгладить оплошность. — Нужно проверить, нет ли у присутствующих шрамов на шее.

Гэвин в задумчивости почесал бровь и приказал капитана зычным голосом:

— Исполняйте!

Микаш взял факел. Капитаны, помощники и советники отворачивали ворота рубак,

кривясь, словно это унижало их высокородную честь. Вильгельм, напротив, презрительно ухмыльнулся, когда Микаш ничего у него не нашёл. Остальные тоже оказались чисты. Микаш замер возле последнего — Дайон Томази, капитан роты Чернопёрых. Норикиец, из обедневшей семьи, телепат, как и Микаш. Ему было за тридцать, крепкий, но невысокий, звание носил не первый год, на советах отмалчивался, но на поле брани был смелый и удачливый.

Было в его взгляде что-то подозрительное, но шея тоже оказалась чиста.

— Доволен, маршальский прихвостень? — зашептал на ухо Дайон, поправляя ворот. В голос добавил: — Сам-то шею покажешь? Да я отсюда шрамы вижу!

— Они у меня с детства. Маршал знает.

Микаш повернулся к Гэвину и покорно склонил голову. В темноте не получалось разглядеть его лицо, только пульсировала и покрывалась жилками нестерпимо-голубая аура. Маршал насторожился? В чём-то его подозревает? Но ведь...

Стуток воздуха ударил в бок. Микаш едва успел подставить ладони прежде, чем упал на четвереньки.

— За Единого!

Над головой свистнул клинок. Микаш обернулся: Дайон застыл над ним с растопыренными ногами и руками, в правой зажат короткий меч. Глаза вытаращились, рот суматошно глотал воздух, словно на горло давила удавка. Телекинетические пути полностью обездвижили его всего за одно мгновение мысли!

«Маршал только что мне жизнь спас! В очередной раз!»

— Кляп ему в рот и живо ко мне в шатёр! — приказывал Гэвин, продолжая удерживать Дайона.

Микаш подскочил. После затишка мысли играли в чехарду. Бунтовщики среди Сумеречников? Снюхались с демонами? Вербовали лазутчиков? Готовили покушение на маршала? Пытались ослабить армию?

То же обсуждали капитаны.

Как Дайон пронёс оружие на совет? Всех же обыскивали!

Двое охранников выбили меч из безвольной руки Дайона и потащили к шатру Гэвина. Маршал направился следом. Ну уж дудки! Микаш защитит его, прикроет спину, даже если это будет стоить места в ордене.

Он чуть не бежал. Стражники затолкали пленника в шатёр и отошли. Гэвин развернулся у входа и перегородил путь рукой.

— Это небезопасно! — горячился Микаш.

— Правильно. Поэтому ты остаёшься здесь, — Гэвин развернулся и нырнул под полог шатра.

Микаш сунулся за ним и врезался в невидимую преграду. Полыхнул голубоватым отсветом телекинетический щит. Оставалось только молотить по нему кулаками в бессилии. Ни одного звука не доносилось! Что же там происходило?!

Микаш уселся на землю и закрыл глаза, присматриваясь к аурам, но щит глушил даже их. Голова трещала: то ли от усталости и бесконечных волнений, то ли от удара телекинезом. Хорошо хоть дар не использовал в это время, иначе бы не очухался до завтра.

Капитаны толпились рядом. Их взгляды сверлили затылок, их эмоции — тревога и недоверие. Но волновал больше маршал — закрытая на пудовый замок книга, которую нестерпимо хотелось прочесть от корки до корки, разгадать зашифрованный в мутных

словесах смысл, но Микаш не мог дотянуться даже до инкрустированной золотом обложки.

Полыхнула голубая аура. Раздался крик. Микаш подскочил и вжался в невидимый щит. Преграда, как стекло, разлетелась на осколки, и Микаш, потеряв опору, едва не рухнул, и нос к носу столкнулся с выглянувшим из шатра Гэвином. С ладоней падали тёмные капли, в ночном воздухе витал солоноватый привкус крови. Так пахла беда.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Гэвин обратился к стражникам:
— Заберите тело. На рассвете сожжём, как предателя.

Он пошатнулся. Микаш попытался подхватить его, но тот выровнялся и отстранился, скрестив руки на груди, заговорил чётко и бойко:

— В лагере есть ещё предатели. Соберите всех истинных телекинетиков, кто умеет обходить ментальные блоки и невосприимчив к внушению. Проверим всех — я расскажу, что делать. Начнём с приближённых к Томази, телепатов в первую очередь.

Рыцари бросились исполнять приказания. Сила маршала, даже когда он был настолько ослаблен, довлела над лагерем, не позволяя ослушаться. Никогда.

— Дайона подкупили демоны? — спросил Микаш.

Гэвин наградил его тяжёлым взглядом:

— Если бы. Единоверцы.

— Как у них ума хватило?

— Не у них, а у тех, кто стоит над ними. Защитники Паствы в небесно-голубых плащах — так они себя называют.

— Те одержимые из Эскендерии? Я слышал, они возглавили наступление. Говорят, будто их изгнали из ордена за то, что они услышали глас истинного бога.

Гэвин с досадой сплюнул:

— Вопрос только в том, какого именно бога.

— Иногда даже жаль, что люди так доверчивы.

— Вера — великая сила, вероятно, самая страшная в мире. Нас хотят сравнить друг с другом. Простая стратегия, как и всё гениальное: разделяй и властвуй. Не рассказывай никому, что они тобой интересовались.

— Я понимаю. — Между ними разверзалась пропасть по мере того, как Микаш осознавал происходящее. Дайон был телепатов. Допрашивают телепатов. Одержимые интересовались Микашем. И то пророчество вельвы... Гэвин всё знает! — Не возьмёте меня на допрос? Я читал о ментальных техниках, даже пробовал кое-что. Могу поделиться резервом, у меня большой запас!

— Нет, — Гэвин повернулся в сторону возвращающихся рыцарей.

— Вы мне не доверяете? — спросил Микаш в отчаянье. Нет, он не может потерять дружбу маршал! А была ли дружба? — Я готов пройти проверку первым, самую строгую и предвзятую. Я сделаю всё! Я отдам за вас жизнь!

Лишь бы не видеть подозрение в его глазах и не слышать отчуждение в голосе!

— Тише! — Гэвин зажал ему рот. — Тебя и так проверят первым. Не пойми меня неправильно: если бы ты переметнулся, я бы почувствовал, но сейчас нас обоих загрызут, если мы этого не сделаем. Просто верь мне — это единственное, чем ты можешь помочь.

У костра собрались телекинетики и бросали на них любопытные взгляды. Гэвин подошёл к ним и принялся что-то объяснять, помогая себе руками.

Скорее бы. Ожидание невыносимо!

Рыцари обернулись к Микашу.

— Не соблаговолите пройти с нами? — поинтересовался один из телекинетиков. — Это пустая формальность — не стоит волноваться.

Микаш склонил голову, для маршала — не для них. Встал у костра, куда указывали. Телекинетики окружили его.

— Не сопротивляйтесь, и всё пройдёт легко, — сказал тот же рыцарь.

Гэвин стоял в шаге от них. По хмурому виду было ясно, что легко не будет в любом случае.

Микаш сделал глубокий вдох. Пальцы множества рук легли на голову, будто покрыли её всю. Из них выстреливали искристые ленты, жалили, пронзали, рвали и выворачивали наружу мозги. Сознание мутилось, в глазах темнело. Даже на допросе у дознавателей не было так больно. Так должно быть? Или это от усталости? Или потому что и вправду виноват? Вправду, демон. Самый худший из всех!

Перед глазами мелькали детские кошмары: накатывающие на степь валы гудящего пламени, свой злорадный смех, от которого стыла кровь, тьма одиночества и беспредельной власти, жажда возмездия, что не есть справедливость, а просто оскал обезумевшего от боли зверя. Всепоглощающая ненависть. К заведённому ли порядку? К глупым односельчанам? К заносчивым и жадным высокородным? К пресмыкающимся безземельным? Нет, они все — мелкие шавки, их укусы даже не чувствуются. Но есть там кто-то родной и близкий, которому даришь любовь бескорыстно, а он обращает её в ненависть, бьёт в спину и вырывает сердце из груди. Боль завлакивает всё существо алым маревом, вытаскивает наружу злобу, оборачивает бронёй из ярости и жажды мести. Микаш выпускает внутреннего демона из клетки, чтобы поменяться с ним местами, оставляя для себя лишь узкую щель. Чтобы видеть.

Полыхнули нестерпимо-синим глаза, тонкие губы сжались в полоску, черты такие острые, что можно порезаться. Серебряная сойка в его раскрытой ладони. Этот сильный повелевающий голос: «Тёмное есть в каждом из нас — свой демон. Можно прятать его от посторонних глаз или прятаться самому. Но истинную силу обретаешь, лишь встретившись с ним лицом к лицу и покорив его. Заставь его служить себе и людям, а не служи сам. — И чуть позже, сказанное вкрадчивым шёпотом: — Не подведи. Ты мне нужен, ты нужен всему Мидгарду».

«Я не злобная тварь! Я докажу, что достоин вас»!

Микаш закусил губу до крови — её привкус отрезвил. Реальная боль. Не падать. Не показывать слабость — за слабость сжирают живьём, особенно здесь.

— Хватит, он чист! — выкрикнул Гэвин.

Отпустили так резко, что Микаша едва не разорвало на части.

— Ну как? — поинтересовался телекинетик с напускной вежливостью.

— Комариный укус! — выкрикнул он, чтобы никто не догадался, как ему плохо.

Рыцари расступились, пропуская Гэвина. Тот двумя пальцами запрокинул голову Микаша назад и вытер платком его нос, шепча на самое ухо:

— Что за глупый, упрямый мальчишка? Какой год с тобой вожусь, а ума так и не прибавилось!

Тело наливалось тяжестью, но больше всего беспокоил растекающийся по лицу стыдливый румянец.

Гэвин показал перепачканный в крови платок. Надо же, Микаш и не почувствовал.

— А вы какого демона опорожнили добрую половину резерва?! Знаете, скольких ещё

проверять придётся? — отчитывал Гэвин рыцарей. Те виновато прятали глаза. — Если он надорвался, шкуры с вас спущу, ясно?!

Подозрения сняли?

Кровь всё текла на губы, по подбородку и мазала ворот рубахи.

— Мастер Холлес, к целителям его, живо! — крикнул маршал прохлаждавшемуся рядом Вильгельму.

Тот подошёл и попытался взять Микаша под руку, но он вырвался.

— Я в порядке. Я пойду с вами!

Маршал снова зашептал:

— Не подрывай мой авторитет, я не хочу тебя наказывать. Ты нужен мне. Живым.

Ну да, приказы маршала не обсуждаются, чтоб их! Пришлось тащиться к целителям. Вести себя под руку Микаш не позволил — Вильгельм только направлял его, подталкивая в спину.

— Что же маршал такое издевательство допустил? Нет, понятно, что хотел своё имя очистить. Но нам же теперь вас на ноги ставить. А не поставим, так он точно угрозу исполнит! — кудахтал главный целитель.

Его подчинённые суетились вокруг: шупали пульс, совали в кровоточащий нос бинты. В горло влили целый кувшин особенно мерзких зелий. Аж удивительно, что не вытошнило, хотя мутило знатно. Снова много рук водило над головой — закрывали бреши в ауре и оттягивали нездоровое влияние чужого дара. Только легче не становилось. Жутко хотелось знать, что происходит в лагере: обнаружили ли ещё лазутчиков? Вдруг кто-то из его роты? Из близких знакомых? Кто будет защищать маршала, пока он тут прохлаждается?!

Микаш уже порывался уйти без спроса, как его отпустили. Напоследок главный целитель вручил ему две фляги.

— Это восстанавливающее, — он указал на красную крышку, — а это сонное, — на зелёную.

— Сонное зачем?

— Приказ маршала, — главный целитель развёл руками. — Крепкий сон восстанавливает силы лучше, чем самое чудодейственное зелье. Не пренебрегайте им!

А то Микаш не знал. Тьфу!

Он вышел из палатки. На улице вместо Холлеса его встретили два стражника. Микаш направился к себе — они двинулись следом. Слабая надежда, что отстанут, растаяла, когда он добрался до своей палатки. Хоть бы вид сделали, что не следят. Микаш развернулся и спросил в лоб:

— Что это значит?

— Приказ маршала. К вам никого не пускать, вас никуда не выпускать.

— Меня снова в чём-то подозревают?

— Нет, но на вас покушались.

Микаш недоумённо моргнул. Они про Дайона, что ли?

— Это недоразумение. Никому я не нужен!

Они встали у входа в палатку. Тут ничего доказать не выйдет. Микаш нырнул под полог и, не снимая сапоги, развалился на тюфяках. Усталость придавила к земле, а до этого не чувствовалась почти. От досады Микаш вылебал вначале всё восстанавливающее зелье, а потом принялся и за сонное. Жажда совсем замучила.

И его как будто не стало.

Глава 27. Откуп цвергов

По ощущениям Микаш проспал год или два: тело затекло, во рту будто сдохла крыса, а в голову налили свинца. Ещё и лежал лицом в подушку!

Микаш, кряхтя, подполз к выходу, отвернул полог и выглянул на улицу. К кромке горизонта скатывалось стыдливо краснеющее солнце. Лагерь безмолвствовал запустением. Тянуло гарью, пепел седыми вихрями клубился у земли, набивался в ноздри и царапал горло. Вдалеке поднимались струйки дыма. Тихо и мрачно, как в склепе. Только вороны кружили в сумеречном небе зловещими тенями, каркая томно и лениво.

Стражники испарились. Единственной живой душой поблизости оказался Вильгельм. Он сидел на бревне. Сажа на щеках и одежде сделали внешний лоск тусклым. Высокородный прикладывал к губам свёрнутую из листьев трубку, конец которой едва заметно тлел, и выдыхал круглые кольца дыма.

Микаш вышел из палатки и сел рядом:

— Я пропустил атаку?

Вильгельм вперил в него красные то ли от недосыпа, то ли от дыма глаза:

— Какая атака? Весь лагерь перевернули. Нашли с десятков лазутчиков среди командиров. Наутро были казни. После, кого смогли, снарядили мелкими звеньями для разведки и диверсий. Вечером будет совет, там огласят план.

Из-за отупения и усталости новости не воспринимались так остро, как далёкое эхо отгремевшей грозы. Микаш вздохнул:

— Жаль, я пропустил допрос.

— Ты ничего не потерял — он прошёл тихо и незаметно, как любит маршал. Всех передушили ещё до того, как отправили на костёр. Военное милосердие, — Вильгельм сплюнул от досады.

Ого, неужто за кого-то, кроме себя, переживать способен?

— Гаето, что ли, взяли?

— Нет, Бастиана.

Последний, кого можно было заподозрить, этот смазливый командир увлекался разве что своей внешностью. После назначения Микаша он перевёлся в другую роту вместе с остальными «волками».

— Странно, он же вроде из богатых.

— Не то слово. Он будто разум потерял после того, как отцовское наследство получил. Всё состояние и ценности бедноте раздарил. Наш скупердяй Бастиан, у которого в долги лишнюю медьку занять не удавалось. Можешь себе представить?

Микаш неопределённо качнул головой.

— Дела-а-а, — протянул Вильгельм и достал изо рта трубку. — Хочешь? Расслабляет почище, чем эль. Мне тесть из самой Поднебесной привозит.

Микаш закрылся рукой. От дыма мутило и щипало глаза. Хватит, вчера уже расслабился по самое «не могу».

— Как хочешь, — Вильгельм снова затянулся. — Вчетвером мы остались: ты, я, лопоухий и лютнист наш. Доминго в бою погиб, а Ромен в армию маршала Пясты перевёлся. Единоверцев убивает. Ты знал?

Микаш покачал головой. Судьбы «волков» интересовали мало, а вот дружелюбие Вильгельма настораживало. Скучно ему или снова пакость затевает? Так сложно с высокородными — прямо ничего сказать нельзя, а намёки они понимают, только когда им это выгодно.

— Я тоже хочу перевестись. В такой час за демонами бегать — глупость. Надо оборону держать, иначе на костры пойдём, как те предатели. Ты со мной?

— Я маршалу лично клятву давал, за ним и пойду. До самой смерти.

— Я всё гадаю, ты перед ним лебезишь, чтобы он косточку побольше бросил или и действительно такой простак?

Микаш не ответил. Иногда его порывы самому казались неуместными, но ничего поделать с собой не получалось. Как юнец, он преклонялся перед кумиром, сосредоточием всех мыслимых добродетелей. Раньше Микаш считал, что такими Сумеречники бывают только в сказках да на страницах Кодекса. Но маршал... Будто сам Безликий, которым так восхищалась Лайсве, возродился в нём, чтобы вести людей своей мудрой волей. До безумия хотелось соприкоснуться с этим нечеловеческим совершенством, его тайна манила словно огонь мотылька.

Нет, надо держать себя в руках, особенно после вчерашнего. Аж вспоминать противно! Как же сложно с людьми — притворяться, создавая у сослуживцев приятное впечатление. На минуту расслабишься — и всё полетит в бездну. С демонами проще: ты убиваешь или убивают тебя.

— Как он? Не было больше покушений?

— Да что с ним станется? Покушались ведь на тебя. И говорят, другие тоже планировали.

— Да зачем?!

— Ну как же, нищий сирота стал героем: сразил дракона и завоевал сердце принцессы. Не слышал, какие баллады наш Маркеллино про тебя распевает? Портишь ты им историю. Единоверцы что твердят? Что мы зажрались и притесняем бедноту, а ты живое доказательство, что это не так. Всем воздаётся по заслугам. Потому маршал с тобой и носитя. Он хоть и упрямый, как стадо баранов, но соображает, когда нужно.

Какой к демонам герой? Просто делает своё дело, как может. Гэвин подлинный герой, благородный не только на словах, доблестный и честный.

Микаш поднялся и направился к маршальскому шатру, чтобы во всём разобраться.

Внутри не пускали, зато выдали отчёты о казни и разрешённую к разглашению информацию с допросов. Не так много, но хоть что-то. Красноклювов обошло стороной — отлегло. Имена командиров в чёрном списке за исключением Бастиана оказались незнакомы, все телепаты. Была заметка о необходимости допросить тех, кто имел хоть какое-то отношение к предателям. Если ничего не обнаружат, установят слежку. Угораздило же родиться именно с этим проклятым даром! Чуть что, и за Микашем следить начнут. Это куда хуже, чем допрос телекинетиков.

Перед советом принесли донесения разведчиков. Микаш прочитал первым и передал остальным, чтобы успеть нарисовать примерную схему на земле и всё обдумать. При кажущейся простоте планы маршала всегда заключали в себе подвох, который Гэвин не объяснял, и на разгадку требовалось время и сосредоточенность.

С наступлением темноты пригласили в шатёр. Гэвин стоял, вперившись в разложенную на столе карту, и почёсывал левую бровь. Вальехиз закашлялся, чтобы привлечь его

внимание. Гэвин вскинул голову и спросил безо всякой прелюдии:

— Надеюсь, вчерашние события оставлены за порогом. Готовы обсуждать новый план?

И без того резкие черты заострились, выделив скулы и подбородок. Посреди залёгших от усталости и недосыпа теней полыхали синевой глаза.

Собравшиеся высказываться не любили, а теперь ещё и боялись угодить под горячую руку, словно впервые разглядели в маршале угрозу. Микаш если и боялся, то не гнева, а разочарования кумира. И всё равно вышел к карте. Уголок жёстких губ Гэвина пополз вверх.

— Из-за засухи в лесу должно быть мало воды. Болота, — Микаш указал на тёмные пятна на плане, — высыхают. Мы можем послать лозоходцев на поиски источников и перекрыть их. Тогда вода останется только в реке. Вот здесь, — он ткнул пальцем в изогнутую линию, — можно поставить плотину. Судя по донесениям разведчиков, большинству земляных демонов вода необходима для жизни. Если мы с основными силами станем у плотины, они рано или поздно выйдут к нам.

— Прекрасно, — кивнул Гэвин. — Но у нас недостаточно сил, чтобы перебить всю орду, даже с преимуществом.

— Почему? По-настоящему опасных тварей вроде ифритов или минотавров там нет. Если каждый рыцарь положит дюжину... — заспорил Микаш, но маршал поднял руку — пришлось замолчать.

— Ты с дюжиной, может, и справишься, а остальные одного-двух, самое большое трёх убьют. На это и будем рассчитывать.

— Надо увеличить эффективность рыцарей, — пробормотал Микаш и вернулся к капитанам.

— Надо, но не сейчас. Не стоит переоценивать наши силы, — Гэвин обвёл взглядом собравшихся. — Больше предложений нет? — Все молчали. — Хорошо, точнее, плохо. Мой план — примитивная стратегия древних — разделяй и властвуй. Здесь главное убежище демонов, — он обрисовал пальцем круг в середине карты. — Предлагаю посадить на деревья по периметру лучников и отстреливать демонов по одному. Летающих тварей там не так много. Ещё в пяти местах мелкие гнездовья — их можно зачистить небольшими отрядами. Главное, чтобы подмога не подоспела. Да, долго, тяжело и мало славы в убийстве исподтишка, но мы должны помнить, что дело не в нашей чести, а в защите всех людей Мидгарда. Мы не можем позволить себе поражение, особенно сейчас, когда мы единственная армия, секущая орду, и каждый поход может стать последним.

Истощим демонскую рать до предела, а потом... Я сказал, потом! — рывкнул он на Микаша, который хотел возразить. — Мы воспользуемся твоим планом и отсечём их от воды, а пока пусть лозоходцы вместе с разведчиками ищут источники.

У меня на столе списки звеньев с приказами. Если хотите оспорить, милости прошу. Если нет, завтра утром — к исполнению. Все свободны.

Гэвин опустил на стул и устало закрыл глаза. Капитаны разбирали бумаги и расходились. Микаш ждал, когда останется с маршалом наедине, перечитывая свой приказ раз за разом.

— Ваш отвар, — вошёл Вальехиз и поставил перед Гэвином дымящуюся чашку. — Целители говорят, что эти травы очень редкие. Требуют платы.

Тот открыл глаза и принялся греть ладони о чашку, потягивая носом мятный дым:

— Пускай не переживают. Оплачу из своего кошелька.

Вальехиз пожал плечами и ушёл.

Микаш переминался с ноги на ногу возле маршальского стола.

— Сегодня я играть не в состоянии, — заговорил Гэвин, не отрывая взгляда от чашки.

— Я по поводу приказа. Меня понизили?

— Нет, тебя поставили руководить стрелками. Лорд Мнишек обойдётся один, если эта старая развалина ещё хоть на что-то годна.

Неприятно было видеть его таким измученным и сварливым, будто его слабость передавалась Микашу и язвила самолюбие.

— Почему, зная, что так вымотаетесь, вы не позволили никому помочь? Вы не можете всё делать сами, никто не может. Вы просто человек.

Гэвин поднял на него глаза и усмехнулся:

— Иногда и простому человеку приходится быть богом. Есть вещи, которые, кроме меня, никто не сделает, а отдохну я на Тихом берегу. Недолго осталось, потерпи.

— Я не хочу! — зарычал Микаш сквозь стиснутые зубы. Зачем, зачем он всё время зовёт костлявую?!

— А ты осмелел. Уже не тушуешься, а говоришь как равный с равным. Только помни, когда и с кем можно показывать норы.

Стало не по себе. Лучше бы и не начинал.

— Прошу извинить...

— Ступай же!

Микаш откланялся, пытаясь всё осмыслить.

***

Поднимать свои звенья пришлось засветло. Микаш выбрал воинов сам. Подходили самые ловкие и меткие, зверолорды и иллюзионисты — они более эффективны во время скрытного боя. С командирами довелось повозиться — отыскать тех, кто бы быстро нашёл подход к вновь составленным звеньям. Полагаясь на везение, Микаш назначил тех, кому больше доверял. Их ведь нужно будет оставлять вместо себя на время сна и отдыха. Как жаль, что нет больше верного Орсо.

Всего — четыре дюжины. Каждая добиралась до логова самостоятельно. Скрытность — их главный козырь.

Микаш пошёл с сойками. Как он по ним соскучился! Мало что изменилось в звене, разве что добавилось два новичка, старички заматерели и нарастили мышцы. Юхо назначили командиром, но он с радостью уступил место Микашу.

Они таились в тени деревьев, за толстыми стволами, спускались в овраги и, стараясь не хрустеть сучьями и не шелестеть листьями, брели вдоль узких расселин. Иллюзионисты скрывали их туманными мороками, следопыты замечали следы. Обошлось почти без происшествий. Лишь одно звено столкнулось в дороге с хаблехубами — мелкими демонами, похожими на енотов. Но справились с ними довольно легко.

К сумеркам все прибыли на место, взобрались на верхушки сосен покрепче. Ночь была лунной, звёздной. Если что — почуют ауры. Микаш позволил себе вздремнуть. Через мгновение разбудил сидевший рядом Юхо, коснувшись локтя. В темноте посверкивали зеленью глаза-блюдца йольского кота. Размером с быка, покрытые густой чёрной шерстью, пронырливые твари по ночам воровали младенцев, оставленных без присмотра, и лакомились ими в подземных пещерах.

«Не стрелять!» — мысленно приказал Микаш, телепаты разнесли дальше. В глубине расселины, покрытой густым кустарником, ощущались и другие ауры. Не спугнуть бы!

Кот обходил опушку, задирав голову, тянул носом воздух со зловещим свистом. Из жерла расселины карабкались другие твари. Силуэты аур похожи на костлявых гончих с огромными клыками и когтями. Псы дандо. При свете они выглядели жутко — с гниющими кусками мяса и клоками шерсти на рёбрах и черепе.

Паршивый кот принялся точить когтями сосну.

«Терпите!» — приказывал Микаш.

Показался последний, тринадцатый пёс. Демонова дюжина — любимое число.

«Давайте!»

Сойки привыкли к стрельбе с закрытыми глазами, ориентируясь по бликам аур на плотно сжатых веках. С остальными приходилось обмениваться образами. Для этого Микаш поставил в каждом звене по опытному телепату, хоть и не доверяли им теперь.

Раскрутились пращи, полетели камни. Попадали, ломая кости, в жутких псов. Один рухнул, второй. Кот оторвался от дерева и, оглянувшись по сторонам, заметался от сосны к сосне.

«Лучники!»

Свистнули стрелы, жая kota в бока и голову. Следующий залп, третий. Кот распластался на земле.

Псы гибли один за другим, даже не пытаясь сбежать. Медной зеленью на горизонте забрезжил рассвет — последний пёс испустил дух у сосны, на которой сидел Микаш. Но тот не подал знак спускаться. Сумрак уйдёт в низины, капитулируя перед солнечным светом, только тогда опасность минует.

Вскоре рыцари слезли и собрали уцелевшие снаряды. «Демонова экономия на всём! Мнишек совсем из ума выжил». Только Микаш знал, что капитан такого приказа не давал. Столкнули туши в овраг, прикопали землёй, прикрыли ветками, мхом и палой листвой. Столько мороки — жаль, костров разводить нельзя. Оставшееся время отдыхали и отсыпались по очереди. Ночь снова ожидалась жаркая.

Стоило солнцу закатиться, как из леса подтянулись мелкие стайки гоблинов и гремлинов. Отстреливать их пришлось до самого рассвета. Лишь бы к расселине не пробрались остальных предупредить.

Утром снова всё убирали, проклиная духоту и тяжёлую работу. Микаш с трудом держался на ногах, реакции притупились. Скоро наступит лихорадочная бодрость, когда ты вроде летишь куда-то, горишь огнём, а смысла в действиях нет, как и трезвости в мыслях.

Спали по несколько часов, глушили бодробой вместо воды и не понимали ничего, кроме ночных боёв. Варги, огры, стрыги, Странники, тролли, гиеноподобные гноллы, змеи-аспиды, грифоны, птицы с медными клювами, троглодиты, грюлы, башхауны и ещё боги ведают кто. Всё сливалось. Бились из ночи в ночь, изредка сменяя друг друга, чтобы позволить самым истощённым глотнуть из живительного источника — материнской стихии.

В этот раз они дежурил вместе с Юхо, пока остальные спали.

— Припасы на пределе — пора возвращаться, — разморено поделился Микаш своим решением.

— Хорошо. Мы больше не выдержим. Изнурительная тактика, — Юхо сделал паузу, а потом выпалил на одном дыхании: — Когда ты вернёшься в звено?

— У меня теперь другое назначение.

— Не думаю, что лорд Мнишек станет тебя держать. Да и ты сам... он же издевается! Твои заслуги себе приписывает, а на тебя грязную работу сваливает.

Микаш повёл плечами. Ему вообще-то нравилась эта должность.

— Тут я принесу больше пользы, так считает маршал.

— Ты слишком ему предан.

— Лучше погибнуть за великого человека, чем всю жизнь пресмыкаться перед ничтожествами.

Юхо не стал спорить.

Ночь прошла на удивление спокойно. Демоны тревожили лишь раз, маленькой группкой, даже полдюжины не набралось. Видно, их силы тоже истощились.

Наутро отправились в обратный путь. Лагерь передвинулся к узкому месту на реке, где замостили плотину. Их встречали с ликованием, особенно когда поняли, что вернулись без потерь. Разведчикам, как выяснилось, повезло меньше. Одно из звеньев нарвалось на схорон демонов. Их останки обнаружили шедшие следом воины. Но в целом скрытные миссии завершились успешно.

Маршал приказал готовиться к решающей битве. Впрочем, для роты Красноклювов вся подготовка свелась к отдыху.

Микаш отсыпался несколько дней. Доходили слухи, что лорд Мнишек хотел нагрузить его какими-то поручениями, но Гэвин запретил. Немного неловко даже.

Чуть отдышавшись, Микаш взялся муштровывать тех, кто в засаде не участвовал. Отдавал последние указания перед боем. Приближалось что-то важное, грандиозное даже, заставляло ёрзать в нетерпении. Когда же?!

Демоны явились душной полнолунной ночью, когда их и ждали. Войско выстроилось плотными рядами у плотины. Чёрная ватага сверкала колдовскими глазами на другом конце широкого поля, поредела с последней встречи и не выглядела такой уж неистойвой. Демоны отчаялись, предчувствуя гибель. Ожидание победы становилось всё тягостней. Но маршал умел не поддаваться и атаковать в правильный момент.

Демоны перешли на бег, задрожала земля. Гэвин, застывший перед войском на белом жеребце, держал руку поднятой, не позволяя боевым горнам проронить и звука.

Сто шагов. Пятьдесят. Совсем близко. Рука опустилась, рёв оглушил. Конница, оцетинившись копьями, ринулась в бой. Утренний всадник — что на знамени, что на поле. Первый среди лучших. Несокрушимый. Демоны падали к копытам его коня, поверженные страхом перед неслыханной мощью.

Славная битва!

Красноклювов поставили в дальний фланг. Немного досадно было наблюдать, как удачный план Микаша исполняют другие, но так правильной, чем гнать не передовую выдохнувшихся воинов. Он только присматривал и прикрывал их спины.

Атака демонов захлебнулась, едва на небо вошло палящее солнце. Усталые воины покидали поле брани, волоча на себе мёртвых и раненых. Микаш вместе с подкреплениями добивал демонов. Надсадно каркали кружившие в небе вороны, ветер разносил запах смерти. Когда товарищи повернули в лагерь, Микаш ещё бродил среди трупов и налетевших на них стервятников, пихал ногами истерзанные туши, приглядывался к сполохам аур — ничего. Только тянуло в груди недоброе предчувствие. Не отрешиться.

Жаркое солнце скатывалось к горизонту. Микаш удалялся от поля брани, к лесу, что густо устилал круглые волны пригорков. Здесь царила тишина в ожидании, когда на освобождённую землю вернутся птицы и звери. Непокойно, словно эта победа ничего не значит перед лицом другого врага, во стократ более коварного. Того, кто незаметно

пробирается под кожу и выедаёт сердцевину, искажая мораль и отравляя помыслы родственной враждой, когда брат вонзает меч в спину брата. Не из-за денег, власти или даже жажды жизни и любви — из всепоглощающей ненависти, лихорадочного желания уничтожить мир, не почему-то, а просто... чтобы всем было одинаково плохо. Справедливость сумасшедшего бога.

— Пс-с-с, ты — он? — позвали из ниоткуда.

Микаш встряхнул головой, отгоняя наваждение. Тени причудливо расчерчивали землю.

— Нет, ты другой — палач в белом. Позови его! — не унимался голос, высокий, будто детский, но со скрежещущими недобрыми нотками.

Микаш оглядывался по сторонам: за стволы деревьев, за кусты, в овраги и ямы. Пусто. Только тени шептались, путаясь в ключьях наползающего тумана, да стонал ветер.

— Кого? Демоны ты или человек, выходи, не таись, как тать в ночи! — нараспев произнёс Микаш проявляющий сокровытое заговор.

— Наклонись, не празднуй труса. Вы уже всех порезали, кто мог сопротивляться.

Доверять голосу — опрометчиво, но любопытство пересилило. Ведь именно за этим он сюда шёл, именно это искал. Микаш согнулся в пояснице. Век коснулись мозолистые пальцы, намазанные чем-то едким. Глаза застила пелена слёз. Лишь смахнув её, Микаш прозрел. Перед ним стоял маленький цверг. Ростом он едва доходил Микашу до пояса. Тело покрыто толстой бурой шерстью, только ладони и лицо от носа до ушей и глаз лысое.

Цверги — редкие и хитрые твари, людям показываются тогда, когда уверены, что смогут что-то для себя выгадать. Микаш их знал только по историям Лайсве. Один — не опасен, но могут быть и другие, такие же невидимые. Микаш потянулся за мечом.

— Тише-тише, где ж твоя благодарность? Я пришёл с миром. Или вы, верзила небесные, все такие невежи?

— Говори, что нужно, и я подумаю, убить тебя быстро или отвести в лагерь на допрос.

— Уймись, мир ещё не пал к твоим ногам. Мне нужен ваш король. Позови его!

— Мы — рыцари ордена Сумеречников, люди Безликого. У нас нет короля.

— Да какая, к поганым духам, разница, как называется тот, кто у вас главный? Король он и есть король, пускай даже без короны. Цвергам Ланжу есть что предложить в откуп за мир на наших землях. Пускай приходит один в пещеру Димдима под горой, где живут медведи, на левом берегу лесной реки Гимеи.

Некоронованный король Сумеречников — так Гэвина часто называли за глаза. Микаш усмехнулся:

— Он устал и не будет разговаривать со вшивыми демонами в их логове.

— Тут не тебе решать, как ты не решал ничего в своей жизни. Ступай и передай ему моё слово. Решение — всегда за Синеглазым.

— Нет! Если он пойдёт, то только со мной. И это моё решение! — он шумно выдохнул. На этот раз точно не отступится!

— Будь по-твоему, раз твоё единственное желание — следовать его стезёй. Но больше — никого, иначе врата Димдима не откроются.

Микаш кивнул. Цверг растворился в густеющих сумерках. Нужно было спешить в лагерь. Как бы не хватились и не послали кого на поиски — вот стыдно будет.

Вернулся он, когда совсем стемнело. Вовсю праздновали победу. Жгли костры пьяные компании, выкрикивали тосты, слонялись друг с другом в обнимку, даже пританцовывали. Чуть позже будет прощание с павшими, а потом, как отдохнут, придётся убирать мёртвых

демонов подальше от леса и сжигать. Всё, что было живо, должно вернуться в землю пеплом. Так говорилось в Кодексе.

Едва миновав прикорнувших на посту часовых, Микаш столкнулся с пьяным Вильгельмом. Была у высокородного неприятная особенность: с каждой кружкой эля его глаза становились всё шальней, а то, что трезвым было прикрыто показным благородством, прорывалось наружу случайными словами или жестами. Микаш поприветствовал его и попытался уйти, но Вильгельм ухватил его за локоть.

— Почему не празднуешь? Ах, да, тебе же нечего праздновать! Все награды получил полоумный старик, за которым ты ночные горшки выносил?

Опять на драку нарывался. Придумал бы что-нибудь новое — однообразные оскорбления уже приелись.

— Извини, нет времени на разговоры. Срочное донесение маршалу.

— Думаешь, он выхлопочет тебе почести, которые ты не получишь от нас, простых смертных? — оскалился Вильгельм. — Не даст он тебе ничего! Пару лет, и точно в отставку пойдёт. А ты без друзей и связей никому не нужным окажешься. Даже рядовым в самое распоследнее звено не возьмут. Уж я прослежу!

— Значит, за оставшееся время я должен сделать всё и даже больше, чтобы послужить моему маршалу и ордену. А теперь извини, время. Время не терпит!

Микаш вырвал руку и размашисто зашагал к шатру Гэвина. Вильгельм бросил ему в спину:

— Идиот!

Микаш гнал от себя мысли о будущем всегда, когда становилось страшно. Оно придёт — ничего не сделаешь. Страх не заставит сослупить с выбранной стези, потому что она единственно правильная. Эта уверенность появилась в зале клятв, когда церемониальный меч Гэвина коснулся его плеча. Служить можно только достойному хозяину, преклоняться только перед истинным героем, верить лишь тому, кто никогда не лгал.

Между больших костров показался маршальский шатёр, но не успел Микаш до него дойти, как его снова остановили.

— Где тебя носило? — осведомился лорд Мнишек. — Какого демона ты вытворяешь за моей спиной?

Он замахнулся, чтобы отвесить оплеуху. Микаш перехватил немощную ладонь, смерив капитана тяжёлым взглядом.

— Я исполняю приказы маршала.

Жаль, от него нельзя отмахнуться так же легко, как от Вильгельма.

— Ты подчиняешься мне, а не ему, — Мнишек вырвал у него ладонь и отступил на шаг. — Или уже представляешь себя на моём месте? Ты его не получишь! Этот чин принадлежит моему сыну, а не помойной дворняге вроде тебя.

Микаш нахмурился. Обозвать простолюдина дворнягой было в духе высокородных, только для Сумеречников это наивысшее оскорбление. Зачем опускаться до такого даже из-за человека, которого терпеть не можешь?

— Не притворяйся, что не понимаешь. Я перетряхнул все родовые книги. Тебя в них нет. Кто ты? Предатель, лазутчик или самозванец?

— Маршал всё обо мне знает. К тому же меня проверяли и дознаватели, и телекинетики. Мне нечего скрывать!

— Ага, значит, здесь и маршал замешан! То-то ты так перед ним лебезишь. Что ж, будь

уверен, весь орден узнает правду о том, что их герой — лживая дворянка без роду и племени.

— Я никогда этого не скрывал. Простите, меня ждёт маршал.

— Капитаном станет мой сын! Слышишь, мой сын, а не ты! — кричал лорд Мнишек так, что все вокруг оборачивались.

Ни одним движением не выдать слабость. За слабость Сумеречники убивают.

— Можно? — зычно спросил Микаш, замерев на пороге шатра.

— Заходи, чего уж там, — отозвался Гэвин.

Он сидел за столом, погрёбённый под кипой бумаг. Рядом стоял хмурый Вальехиз. Казалось, они единственные оставались трезвыми и работали, когда весь лагерь праздновал победу Гэвина. Вот уж вправду несправедливость.

— Лорд Мнишек знает о том, что я безродный, — предупредил Микаш сразу же, как пересёк прихожую. — Он хочет это обнародовать и передать должность своему сыну.

Вальехиз саркастично хмыкнул:

— Старик умом тронулся из-за новостей об отставке. Целители сказали, что он настолько ослаб здоровьем, что следующего похода не выдержит.

— Меня снова назначат командиром Соек? Или разжалуют до рядового? — неопределённость нервировала.

Гэвин закончил что-то писать, прикрыл веки и принялся их массировать:

— Давай подождём до заседания Малого Совета. Лорд Мнишек лает громко, но от старости растерял все зубы.

Микаш опустил взгляд, пытаясь подавить в себе недостойные переживания и мечты, но ничего не выходило.

— Вальехиз, отправь отчёт в Совет, вот это Сольстису в Эскендерию тайной почтой, а это ко мне домой, — Гэвин вручил своему помощнику два письма, в третье дописал несколько строк, приложил к красному сургучу гербовую печать и тоже отдал.

Вальехиз в последний раз окинул их недовольным взглядом и удалился.

— В чём дело? Ты ведь не пожаловаться пришёл и не сыграть со мной партию в шахматы?

— Я добивал демонов на поле...

— Я видел, что тебе неймётся.

— ... и заплутал в лесу.

— Ведь так сложно отличить лес от поля.

— И там я встретил цверга.

Гэвин вскинул брови. Микаш улыбнулся — всё-таки удалось его заинтересовать!

— Он звал вас в пещеры Димдима, чтобы предложить откуп. Я не уверен, что ему можно доверять.

— Хм, цверги искусные ювелиры и кузнецы. Да и питаются они в основном червяками и кореньями. Хотя зловердые, да... хитрые!

— Сказали, что ждут сегодня ночью у горы, где водятся медведи, на другом берегу Гимеи, — закончил Микаш.

Гэвин развернул на столе карту и отмерил расстояние пальцами.

— Я с вами! — предупредил Микаш прежде, чем его успели отослать.

— Неужто они не требовали, чтобы я был один? — Гэвин поднял взгляд и сдвинул брови.

— Требовали. Я не согласился.

— О, ты даже цвергов переупрямил? — он рассмеялся, и сразу отпустило. — Куда уж тогда мне тебя отговаривать? Поседлай и выведи лошадей к лесу, только попроще. Я чуть позже улизну.

Микаш поспешил исполнить приказ.

К чему переживать о будущем, которое нельзя изменить? Лучше потратить все силы, чтобы сделать светлее настоящее, помочь и защитить своего маршала, раз уж он так беспечен.

Двух грязно-серых меринов Микашу вручили без лишних вопросов. Спрятав форму в амуничнике, он переделся в штатское и повёл лошадей под уздцы из лагеря. Сонные караульные не обратили на него внимания.

***

Запёкшейся кровью пахла земля. Просыпался лёгкий ветер и охлаждал потную кожу. Лошади щипали пожухлую траву, не обращая внимания на следы бойни. Микаш прислонился спиной к сосновому стволу и дремал одним глазом.

— Едем? — ухнул над ухом знакомый голос.

Микаш чуть не упал спросонок.

— Тебе нужно больше отдыхать, иначе совсем бдительность потеряешь, — укорил стоявший перед ним Гэвин.

Как ему удалось подойти настолько тихо и, что ещё невероятней, скрыть ауру?

— Уж кто бы говорил.

— И правда, — усмехнулся он.

Гэвин тоже переделся в штатское: серые шерстяные штаны, льняную рубашу и грубые сапоги до колена. Будто стал обычным человеком без формы, вне лагеря, без армии. Сухощавый, чуть ниже и уже в плечах, чем Микаш. Только в глазах ещё тлела сокрушительная мощь, при виде которой демоны обращались в бегство, а короли падали ниц.

— Пора, — он подтолкнул оцепеневшего Микаша в плечо и, не опираясь на стремя, с кошачьей грацией запрыгнул в седло мерина.

Он сделал то же. Они поехали вдоль опушки к большой нахоженной тропе, которая вилась между гор, переваливая через них в пологих местах.

— Вы решили стовориться с демонами? — Микаш задал терзавший его вопрос.

— Надо хотя выслушать их. Достаточно золота, чтобы собрать следующий поход, мы можем и не собирать, а я бы хотел зачистить ещё несколько земель до того, как отправлюсь на Тихий берег.

— Почему вы всё время говорите о смерти? — Микаш скривился.

— Не слышал легенду о происхождении моего рода?

— О том, что ваши предки были сподвижниками Безликого и постигли его мудрость? — на самом деле он подробно изучил все известные истории, связанные с семьёй маршала, и мог перечислить его родословную вместе с заслугами его предков. Не сдержал любопытства.

— Да, и о том, что он оставил нам великий дар, за который приходится платить каждому поколению. Никто из мужчин Комри не доживал до зрелости и не умирал в своей постели. Мы рано женимся и рано заводим детей, чтобы род не иссяк, — Может, это оттого, что они, не жалея себя, служили ордену и людям, а вовсе не из-за дара? Может, служение и есть плата? — Я и так задержался тут дольше срока. Чувствую, как костлявая опалает

холодом, ждёт, а нужно столько ещё успеть!

— Успеете! Я прикрою вашу спину даже ценой своей жизни, — пообещал Микаш.

— Лучше живи. У тебя другой долг и другая плата.

Ухнул филин, захлопали крылья ночных птиц, зашуршали в траве мыши.

— Жизнь возвращается, — с облегчением заметил Микаш.

— Она всегда возвращается, даже после самых страшных битв.

— Я думал об этом в детстве после смерти матери и сестры. Думал, что умру от горя, а нет, выжил.

— Если бы мы погибали от первого удара судьбы, то давно бы уже вымерли, как древние племена Муспельсхейма.

Замолчали. О таких вещах трудно говорить, и думать не особо хочется.

Кони карабкались в гору по сухой листве, оскальзывались и снова карабкались мощными рывками, словно стремились выскочить из-под всадников. Едва не покатались по почти отвесному спуску — весь сон растрясло.

— Капитанский чин дал мне доступ в архивы ордена в Эскендерии, — продолжил Микаш, когда дорога стала легче.

— Отыскал что-то интересное? — искренне любопытствовал Гэвин.

Забылось, что он высокородный, маршал, старший. Микаш будто делился сокровенным с другом, которого у него никогда не было. Хотелось высказать всё до конца!

— О моём селе. Вы знали, что его специально отдали Странникам. На заставе тогда сказали, что от них толку больше, чем от нас.

— Слышал, — ответил Гэвин честно, что подкупало и охлаждало гнев. — Не про твоё село, а про договор. В мою юность эта история была очень популярна. Великий Маршал со своим войском преследовал большую рать Странников в провинциях Норикии: Ланжу и Эльбани. Его сыновья угодили в западню. Странники взяли их в плен и потребовали выкуп — договор о ненападении. Конечно, были и другие условия: богатство, древние артефакты, от которых ломались склепы Странников. Установили квоты на охоту: только определённое количество жертв, только преступники, только из неблагополучных мест. Но, уверен, Великий Маршал пошёл на это лишь из-за сыновей.

— Это неправильно: выкупать несколько Сумеречников ценой жизней многих незащитных людей. Вы бы так никогда не поступили! — с горячностью заявил Микаш.

Гэвин долго молчал.

— Я не знаю, как бы поступил я. Сыновья, родная кровь — ничего дороже в жизни быть не может. Если их не станет, то вся сила, знания, подвиги — уйдут в землю прахом. Чужая боль не сравнится с болью собственной, когда ты старая развалина и влачишь дни в одиночестве, схоронив своих потомков.

— Но ведь Кодекс велит, чтобы мы, Сумеречники, были щитами между обычными людьми и демонами, не жалели себя для их защиты.

— Безликий писал его, когда у него не было детей, — с непонятной горечью вздохнул Гэвин и тут же усмехнулся: — Жаль, что ты сам не понимаешь.

Надо же, припомнил давнее дурацкое замечание.

— Всё равно это неправильно, — упирался Микаш, не желая отпускать обиду.

— Нельзя судить однозначно, кто прав, кто виноват, что справедливо, а что ложно. Только время покажет, кто был повелителем масок, а кто шутлом гороховым.

— Вы не шут.

— Шутом быть проще. Злым шутом.

— Вам не пойдёт.

— А жаль. Но может, кто-то из моих потомков будет удачливей.

Впереди зашумела быстротечная Гимея. Тонкой серебристой лентой она змеилась между камнями, плескалась и билась, ловя в себя звёзды и лунный свет.

— Переправы нет. Придётся вброд, — Гэвин первым подтолкнул коня к берегу.

Скользя, лошади брели по колено в ледяной воде, с трудом преодолевая течение. Приходилось поджимать ноги, чтобы не промочить сапоги. В несколько рывков выбрались на другой берег, едва не вылетев из сёдел.

Лошади прядали ушами, переговариваясь шепчущим храпом.

— Действительно, медвежья, — Гэвин спешил и повёл коня в поводу.

Микаш последовал его примеру, держа свободную ладонь на эфесе меча:

— Вдруг это ловушка? В пещере мы не сможем воспользоваться даром. Чужая стихия беспощадна.

— Поздно об этом переживать. К тому же, если они знают, кто я, то вряд ли решатся на открытое противостояние.

— Дар Безликого?

— Скорее, проклятье.

Гэвин опустился на колени и принялся обыскивать пожухлую траву. Микаш привязал коней к росшим неподалёку сосенкам и вглядывался в небо. С западного края надвигались хищные тучи.

— Будет гроза.

— Неудивительно после такой жары, — отозвался Гэвин, не поднимая взгляда с земли.

Микаш прищурился, всматриваясь в сполохи ауры: плотные, насыщенно-голубые, клубящиеся и переливающиеся магической силой. Небо, земля, трава, деревья, речка и камни — обычные. Никакого демонического присутствия.

Гэвин ухватил его за локоть, пригнул к земле и дёрнул за бульжник. Твердь обрушилась. Несколько мгновений полёта, и ноги ударились о каменный пол. Микаш выставил вперёд руки, чтобы не распластаться. Гэвин, напротив, остался стоять, вытянувшись во весь рост.

Они появились: множество враждебных зеленовато-коричневых огоньков-аур. Микаш поднялся и достал меч из ножен, но Гэвин его остановил. И правда, без доступа к небу резерв не восполнить, а значит, нужно сохранять силы.

— Негостеприимно встречать гостей в крошечной тьме, — пожурил хозяев Гэвин.

— Невежливо обнажать оружие в доме, куда вас пригласили по доброй воле, — ответил один из цвергов.

Голос его был таким же высоким, скрежещуще-ржавым, как голос его собрата, которого Микаша встретил в лесу.

Цверги зажгли факелы и осветили нутро гигантского пещерного зала с гладкими чёрными сводами, изукрашенными угловатыми узорами.

Целой армией заявили, подлецы! Кто пеший с короткими копьями, кто верхом на гигантских саламандрах.

— Куда в таком составе, на парад или на войну? — Гэвин оставался невозмутим.

— А ты как думаешь, король головорезов? — непочтительно обратился к нему тот же цверг, что и вначале. Отличить их друг от друга можно было лишь по размерам животов. У

говорливого на голове сверкала в отблесках пламени золотая зубчатая корона, украшенная крупными алмазами и рубинами.

— У нас нет королей, испокон веков мы служим лишь высшему порядку провидения, — возразил Гэвин.

Цверги тревожно перешёптывались, шевеля чёрными, похожими на собачьи, носами.

— Ты, может, и служишь, а остальным я не верю. Зачем таскаешь на плечах проклятого? Его же не спасти.

— Кто знает, в чём истинное спасение. Лучше проиграть умному тирану, чем глупой марионетке. Хотя бы есть шанс, что он не спустит мир Йормунганду под хвост, в отличие от остальной тёмной братии. У него воля что кремень. Такую даже Мраку не подавить полностью.

Микаш переводил взгляд с цвергов на маршала и обратно. Какой тиран, какое поражение? Они ведь только одержали победу! Почему же так муторно на душе?

— О самонадеянности небесных слагают легенды. Она тебя сгубит, как губила весь твой род на протяжении веков.

— Я тут не для того, чтобы отчитываться перед вами. Перейдём к делу?

— Смерть пятки лижет? — усмехнулся король цвергов. — Несите плату!

Его подданные притащили доверху набитый мешок, поставили перед Гэвином и развязали тесёмки. Глаза зарябило от золота и крупных самоцветов. Микаш в жизни подобных сокровищ не видывал. Гэвин оценил лишь одним коротким взглядом:

— Четыре таких — столько смогут унести наши лошади. И я подпишу договор о ненападении.

— Четыре, — задумчиво согласился король. — И ты поклянёшься на своей крови, что ни ты и ни кто-либо из твоих родичей не тронут нас до скончания времён.

— А не много ли вы хотите? Я поклянусь, а вы не выпустите нас или перережете глотки, когда мы ляжем спать.

Цверги оскалились, показывая верхние клыки. Микаш снова потянулся за мечом.

Король снял с головы корону, полоснул ладонью об острый зубец, и на камни полилась тёмная кровь. Они замигали, впитывая её без остатка.

— Клянусь, что ни я и ни кто-либо из моего племени не нападёт на людей Безликого, пока они сами не придут к нам с оружием или пока они воюют за него.

— Хитрец!

— Не тебе торговаться. На походы ты тратишь своё золото — оно не бесконечно, сколько бы ветвей ни насчитывал твой род. Так ты хочешь продлить агонию или готов сдохнуть прямо сейчас?

Цверг вручил ему корону. Демоны замерли, выставив вперёд копья, саламандры напряжились. Микаш держал меч наготове.

— Будет вам. Ты прекрасно знаешь, что с небесными шутки плохи, — Гэвин взял корону и тоже поцарапал ладонь. Напившись его крови, камни вспыхнули нестерпимо ярким светом. Гэвин произнёс непривычно громко: — Клянусь, что ни я, ни тот, в ком течёт моя кровь, не посягнёт земли цвергов. Пускай множатся их дни в недрах, пускай текут реки золота и полнится казна драгоценных камней.

— Ох, даже так? — усмехнулся король. — Несите мешки!

— И чтобы никаких побрякушек с сюрпризами. Знаю я вас, — прикрикнул на них Гэвин.

Цверги притащили ещё три мешка. Гэвин тщательно проверял ауру, вода вдоль них руками. Микаш спрятал меч и присоединился к нему.

— Довольны? — нетерпеливо поинтересовался король. — А теперь выметайтесь! Вам показать выход?

— Спасибо, сами найдём, — так же презрительно ответил Гэвин и, вскинув два мешка себе на плечо, выровнялся, словно стальной.

Микаш взял свою ношу и едва не прогнулся под ней. Гэвин ухватил его за локоть свободной рукой. Они стрелой взмыли в воздух и помчались к узорному потолку. Преодолев призрачную пелену, они вновь оказались на Медвежьей горе.

Оба опустились на землю, тяжело дыша.

— Зря вы, вся эта показуха, — посетовал Микаш.

— Надо же было их напоследок впечатлить, — отмахнулся Гэвин и потащил мешки к лошадям.

Микаш двинулся за ним. Лошади и ухом не повели на вернувшихся с тяжёлой поклажей хозяев.

Упаковались, забрались в сёдла и двинулись в обратный путь, надеясь успеть, пока их не хватились.

Накрапывал мелкий дождь, ветер завывал, раскачивая скрипучие сосны.

Они всё прибавляли хода, кутаясь в плащи, лошади тропотали из последних сил.

— Цверги сказали правду? — спросил Микаш. Чужло сердце, что в лагере поговорить не удастся.

— Они много всякой чуши несли.

— Насчёт того, что вы оплачиваете походы из своего кармана.

— Частично — да. Казна ордена пуста.

— Это неразумно, вы ведь ничем не восполняете своё состояние.

— Есть время брать, а есть время отдавать. Лучше тратить деньги живым, чем чахнуть над золотом мертвецом. Скоро оно всё равно не будет иметь значения, так пускай уходит. Нужно продлить агонию, как сказали эти твари.

Деревья расступались, впереди светало, падали крупные капли дождя. Полыхнула паутина молнии, расчертила сумеречный небосвод. По ушам ударил раскат грома.

Гэвин спешился:

— Спрячь золото в надёжном месте. Потом я распорядюсь, как его тайно в Эскендерик переправить.

Микаш кивнул. Тайник отыскался под корнями старой ивы. Туда влезли все мешки, а сверху легла пожухлая листва, будто и нет ничего.

Микаш вернулся в лагерь с рассветом. Все прятались в палатках и у костров, отсыпались после попойки. Микаш наскоро расседлал лошадей, переоделся и явился в маршальский шатёр с докладом. Гэвин тоже едва успел переодеться и сушил курчавящиеся от влаги волосы. К ним ворвался Вальехиз:

— Срочное послание с Авалора!

Гэвин выхватил у него письмо и развернул. Тревожный взгляд пробежался по строчкам, морщина на лбу между глаз становилась всё глубже и глубже. Письмо выпало из рук.

— Я еду домой. Командование на тебе, — бросил он Вальехизу и кинулся собирать вещи.

— Кто будет перенимать командование, когда я в отставку пойду? — проворчал

помощник, но потом нашёл взглядом Микаша и понимающе хмыкнул: — Ах, ну да, о чём это я?

— Что-то стряслось? — осторожно поинтересовался тот.

— Моя жена умерла от лихорадки, — ответил Гэвин бесцветным голосом. — Мои сыновья ещё слишком юны, чтобы справиться с горем в одиночку.

Микаш не знал, что тут можно сказать или сделать. Нужна ему поддержка или он хочет, чтобы от него отстали?

— Мне так жаль. А что...

— Разберись сам! Учись всё делать сам! — зло отмахнулся Гэвин.

Микаш больше ни о чём не спрашивал. Просто наблюдал вместе со всем лагерем, как маршал уносится на своём жеребце в самую бурю.

Глава 28. "День славный"

Зима выдалась на удивление тёплой, стояли нежно-сизые дни увядшего солнца и невыпавшего снега. Утром, когда я направлялась в лабораторию, меня подловила Хлоя. Она выглянула из-за угла украдкой, как будто взялась за старое ремесло и потеряла право бывать в Верхнем городе.

— Что стряслось?! — переполошилась я.

— Ничего особенного, так... — отнекивалась она. Похоже, всё куда хуже, чем я предполагала. — Хотела попросить об одолжении. — Ферранте, её новые подружки-цветочницы и я немного исправили её речь. Теперь на подворотный жаргон она срывалась, только когда сильно злилась или хотела показать себя «крутышкой». — Слышала, у ваших целителей много разных снадобий.

— Они непревзойдённые мастера зельеварения. Кто-то заболел?

— Нет, не совсем... или совсем. Смертельная болезнь! А есть такие, ну... чтобы не рожать.

Как молнией поразило.

— Ты ждёшь ребёнка?!

— Нет-нет, — замахала Хлоя руками. — Это для моей подружки. Она залетела, а хахале не желает на ней жениться, вот она и решила... чтобы не позориться.

Неодарённые и зачинают легче, и беременность у них протекает не так тяжело. Более дюжины детей в семье для них не редкость, в то время как для нас двое-трое — уже чудо. Дар малыша пьёт из матери все соки, подпитываясь от её резерва и даже жизненной силы.

— Убивать нерожденных детей — дело ещё более дурное, чем рожать вне брака. Но у тебя-то есть муж!

— Он ведь совсем... никакой. Я не хочу рожать, сидеть с дитём — фу! С младшенькими вдосталь насиделась. Я пожить ещё не успела!

— Поживёшь! Для чего ты замуж выходила?

Хлоя замялась и уткнулась взглядом в мостовую.

— Я ж не ты, чтобы до старости в девках ходить.

Правильно, надо ужалить меня, чтобы самой чуть легче стало. Некоторые вещи никогда не меняются!

— Вечером я загляну к вам с Ферранте, и там мы всё решим.

— Вот ещё! Я лучше в храме зелье куплю!

— Такими зельями в храме не торгуют.

Торми ими пользовалась. Слишком уж она любила рыцарей, искала кого-то, начинала встречаться и расставалась, разочаровавшись. Пропадала по ночам, а иногда просила нас переночевать в другом месте, а потом пересказывала в таких подробностях, что Джуррия затыкала уши, а я краснела. С каждым годом приятелей на ночь становилось всё больше, она связалась с компанией, славящейся гулянками вроде экстатических оргий, которые описывались в книгах по истории, как мистические ритуалы древних племён — сумасшедшее буйство первозданных стихий. Но её загулы длились не больше недели, а потом она возвращалась, пила заветное зелье, и всё шло по-прежнему.

— Тогда я к бабке-повитухе пойду. После её работы долго болеют или вообще остаются

без детей. Если я умру — это будет на твоей совести!

— Дождись вечера, — примирительно сказала я.

Угрожала-то она постоянно, но боли и болезней боялась пуще огня. Никуда не пойдёт!

После учёбы я, как и обещала, заглянула в хижину Ферранте. Он ещё не вернулся со своих подработок. Хлоя сидела на лавке у стола в самом углу и дулась:

— Не хочу ничего рассказывать. Он начнёт читать нотации. Достал! Сам же в них не верит уже.

— Он твой муж и должен хотя бы знать.

— Что знать? — подал голос Ферранте, заглянувший под ветхий полог.

— Она ждёт ребёнка, — сообщила я, чтобы не терять даром драгоценное время.

— О! — Ферранте опешил, но быстро собрался с мыслями: — Прекрасная новость! Я возьму побольше работы, чтобы скопить немного денег. И дом надо подлатать, чтобы не был такой холодный и опасный.

В вопросах, которые не касались веры, он рассуждал здраво и деятельно, не унывал, даже когда становилось страшно от бедности и нужды.

— Расслабься, я не буду рожать. Она принесёт мне снадобье, чтобы я вылечилась от этой заразы.

— Ребёнок — это дар Единого, а не зараза! Нельзя от него отказываться, иначе душу свою погубишь, — запротестовал Ферранте.

— Сам рожай, раз такой умный! — сплюнула Хлоя.

— Если бы я мог, — он вздохнул и задумался. — Я буду ухаживать за ним сам, воспитывать, научу его... путям Единого, передам свою веру.

— Размечтался! Раздулся от гордости! А если девка будет, то её на помойку, да? — Хлоя упёрла руки в бока и посмотрела на него с вызовом.

— Я буду рад и девочке, — Ферранте выдержал её взгляд. — Только не трави тело и душу колдовским зельями. Я же спас тебя от братьев и дал кров. Отплати мне этим, и больше не будешь должной.

— Он меня этой халупой попрекает! — Хлоя обернулась ко мне.

— Это хорошая идея. Ведь это и его ребёнок. Или нет? — Я перевела взгляд с Хлои на Ферранте. Тот густо покраснел и отвернулся.

— Буду я ещё с кем-то. Фу! — нашла после недолгой паузы Хлоя. — И тоже мне нате... обрюхатил! Так ты поможешь?

— Чем смогу: вещами, едой, деньгами, — охотно согласилась я.

— Мы не возьмём! — замотал головой Ферранте.

— Я не об этом. Зелье! — потребовала Хлоя.

— Нет, это противно и воле моего бога. Если я его разочарую, то мир погибнет, — я развела руками и, наивно улыбаясь, несколько раз моргнула.

— Без вас обойдусь! — Хлоя отвернулась, показывая, что это её последнее слово.

Я пожалала плечами и взглядом позвала Ферранте на улицу. Мы вышли.

— Хлопот прибавится. Не жалеешь? — спросила я на пороге его дома.

— Каждый несёт свою ношу. Я ни на что не жалею. Как-нибудь да будет, — решительно ответил он.

— Следи за ней, а то глупостей наворотит. А насчёт одежды и еды ты зря. Я же всем здесь помогаю.

— Это унижительно, как будто я сам не могу обеспечить свою семью.

Мужчины такие болезненно гордые, что порой противоречат сами себе.

— Так будет лучше для ребёнка. Кстати, что говорит Единый о гордыне?

— Что это самый страшный из грехов, — нехотя ответил Ферранте.

Я вскинула бровь. Он упрямо смотрел на меня. Может, потом смягчится.

***

Минули выпускные испытания и церемония вручения грамот магистров — всё прошло ещё более спокойно, чем когда мы получали степень бакалавра. Сменили красные мантии на пурпурные и официально вступили в круг книжников. Пару недель отдыха, и снова учёба — медитативные техники, изменения аур и чтение трудов прославленных книжников прошлого.

Однажды, когда мы вдвоём с Джурией слушали лекцию Жерарда в учебной комнате, Торми ворвалась к нам в небывалом возбуждении. Сильно потрёпанная, с неаккуратно расправленной юбкой и всклокоченными волосами. Лицо покраснелось, глаза лихорадочно блестели, и пахло от неё, как от разморённой после встречи с котами бродячей кошки.

— Уберите этот гам из моей головы! — закричала она высоким, переходящим на визг голосом.

Жерард метнулся к ней и обхватил её голову руками, всматриваясь в лицо. Мы тоже подались вперёд.

Непроглядный, как глубокий омут, зрачок, затопил всю радужку, оставив лишь тонкую зелёную кайму вокруг.

— Ба-а-а, ба-а-а! — проблеяла Торми и высунула язык, широко распахнув рот. — Она поёт и пляшет, как бурливое море. Она зовёт и плачет, не-любовь, не-любовь. Людские грехи сором тёмным в волосах застревают. Не грешите — любите, восхваляйте и ждите. Не придёт — так забудьте. Со мною танцуйте. Всем я накликаю бурю столетия, смерти и бедствия. Танцуйте и смейтесь. Ибо скоро всему конец!

С ней заговорила богиня морской пучины, Седна. Так жутко со стороны. Интересно, со мной было так же или нет? А может, и не будет...

Джурия тоже «выпала»: взгляд стал пустой, пухлые губы зашевелились в немом шёпote.

Жерард встряхнул Торми за плечо.

— Уберите! Он мешает развлекаться! — завопила она. — Когда я уже на пике, этот голос портит мне настроение. А уж ребят-то как напугал!

Жерард хмурился:

— Тебя озарило во время соития?

Я зарделась.

— Уберите это из моей головы! Я так больше не могу! — Торми взвизгнула и забилась в судорогах.

Жерард нажимал точки на её шее, спине и голове, пока она не затихла, и понёс её в смотровую, чтобы привести в чувство.

Когда Торми пришла в себя, Жерард устроил праздник. Собрались наши наставники. Пили дорогое южное вино и заедали изысканным острым сыром с пшеничными лепёшками.

— Наша рыжая егоза, оказывается, молодец! — впервые хвалил Жерард Торми. Она цвела счастливыми улыбками, растеряв все колкости и ершистый нрав. — Кто бы мог подумать, что путь к Седне окажется таким пикантным! Видимо, надо довериться океану, и он вынесет нас, куда нужно. Выпьем за успех! Конец наших трудов не за горами!

— Это так странно, — шептала Торми.

— Мне тоже сначала так казалось, но потом я привыкла. Подлинное единение — такое светлое чувство. Когда оно освободится от суетной шелухи, ты тоже почувствуешь. Блаженство и умиротворение, неземная лёгкость. Будто впервые открываются глаза и уши, а грудь наполняется чистейшим самым сладким воздухом. Из гадкого утёнка я превращаюсь в прекрасного лебедя, которому не чета летать среди серых уток! — делилась Джурия своими знаниями. — У меня дома есть список снадобий от головной боли после сеансов. Услышать стихию — ещё полбеда. Нужно сделать связь прочной, устанавливая её по своему желанию в любое время. Будем учиться вместе.

Пока все были заняты весельем, я спряталась на стуле в излюбленном углу, чтобы всё осмыслить.

Джурия изнуряла себя голодовкой и непосильной работой, чтобы на пределе сил приблизиться к божеству. Красивая пышная девушка превратилась в измождённое существо — обтянутый сухой пергаментной кожей скелет с выпирающими суставами. Впалые щёки и заострившиеся скулы выглядели жутко, густые волосы большей частью вылезли, оставив лишь куцый мышинный хвост. Передвигалась Джурия медленно и плавно, будто в трансе. Речь её сделалась певучей, похожей на баллады из глубокой древности, с высокими звенящими словами, полными мрачного тайного смысла. Карие глаза мерцали потусторонним светом, будто она уже пересекла границу видимого мира и обратилась в бесплотный дух.

Разве мы этого добиваемся? Станет ли такой звенящая смехом и жизнелюбием Торми? Стану ли такой я? Стоит ли новая встреча с Безликим человечности?

— Опять хандрить? — испугал меня Жерард, подсевший рядом.

— Простите, я мало занимаюсь и много отвлекаюсь, поэтому осталась глуха к своему богу. Но я, правда, старалась! — я обняла себя руками и вперила взгляд в пол. — Я искала Безликого: рассматривала тени в парке, мучила себя голодовкой и изнурением, пробовала даже опий в «Кашатри Деи».

— И как? — хмыкнул Жерард.

— Только перепугалась и заболела на несколько дней.

— А соитие не пробовала? — усмехнулся он.

Я вспыхнула:

— Тот единственный раз в Хельхейме и так остался клеймом на моей совести. Я не могу предать Микаша, он такой честный. Проще расстаться.

— Я давно это предлагал.

Я кусала губы. Стоит ли встреча с Безликим моих отношений с Микашем? Одинокое служение без привязанностей и сильных чувств. Могу ли я пойти на такую жертву? Не разрушит ли она меня, и всё станет бессмысленным?

— Выбирай. С нами ты движешься к запредельной реальности, недоступной никому, кроме богов и их Норн, или проживаешь обычную жизнь с обычными людьми. Нельзя быть в двух мирах одновременно, — вкрадчиво убеждал Жерард.

— Должен быть другой способ! Я верю!

Он немного смягчился:

— Вряд ли твоей платой станет соитие, опий или изнурение. У каждой стихии свой уникальный путь. Только ты можешь отыскать его в своём сердце. И раньше, раньше всех ты уже это делала. Вопрос в том, что тебе мешает сейчас. Или кто.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Имел ли он в виду Микаша или Хлою с

Ферранте? Или мою человечность и свободу?

Я перебирала в памяти все сведения о Небесном Повелителе и его семействе, с Благословенном граде на Девяты́х небесах, о единении с материнской стихией, о самом Безликом. Вспоминала наши встречи и представляла его образ: огненного зверя, крылатого воина, обычного человека, каким он стал, дабы создать орден Сумеречников и вывести людей из гибнущего континента. Я почти видела его, протягивала руки, чтобы коснуться косматой морды, зарыться пальцами в обжигающую шерсть. Он стремился ко мне, будто хотел утешить, но на меня падала тень, он рычал с угрозой и ускользал, как отражение на воде, иллюзия отчаявшегося сознания, на грани безумия и сна.

— Не переживай, рано или поздно мы выманим его вместе! — Жерард коснулся моего плеча, вырывая из задумчивости, встал и подал руку: — Идём к остальным, твои сёстры ждут.

И правда. Веру терять нельзя, иначе буду как Ферранте, тенью самой себя.

***

Хлоя смирилась с беременностью. Разболтала подружкам, что ждёт ребёнка, выпячивала свой живот и гладила его, показывая, какая она счастливая. Я радовалась и боялась одновременно. Когда наступят первые трудности, она сорвётся, как срывалась всегда. Но беременность проходила легко. Даже не тошнило особо!

Пока она была в Верхнем, я подкармливала её лучшей едой, что удавалось достать. Одежду находила удобную и подходящего размера, что надо — распарывала или подкладывала.

Я немного завидовала ей. Порой безумно хотелось обычной судьбы, семьи, дома. Ждать чуда и гадать, каким оно будет. Не думала, что пожелаю этого, как раньше не догадывалась, что могу желать мужской любви и ласки. Но с выбранного пути не сойдёшь, не с моим мужчиной, не со мной, не в нашем демоновом ордене! Я же подведу всех. На моих плечах — весь мир!

Лучше я буду радоваться за Хлою и помогу ей, чем смогу.

Время родов наступило в самую знойную пору в конце лета. Я хотела отвести Хлою в храм, но Ферранте твердил, что его ребёнок не должен появиться на свет под сенью чужого бога, иначе это будет предательством по отношению к его отцу. Пришлось согласиться, чтобы роды принимала местная повитуха, хоть старая карга с грязными руками доверия не внушала.

Ферранте смастерил деревянную колыбель на ножках с дугами, которую можно было раскачивать одной рукой. Я подобрала из вещей для пожертвований самые лучшие пелёнки и сорочки, всякую мелочёвку, кое-что докупила. Ферранте набычился, когда я принесла подарки в его дом:

— Я же сказал, мы не нуждаемся!

— Вы мне как семья, мне тоже хочется внести свою лепту.

— Но мы не твоя семья. И ребёнок этот не твой. Хватит уже вести себя так, словно ты тут хозяйка!

Щёки опалило, будто надавали оплеух. Я сложила вещи стопкой на столе и вышла на улицу. Ферранте прав, заботой о них я пытаюсь заглушить тоску по семье: отцу, Вейасу, Микашу, который мотается по всему Мидгарду со своим обожаемым маршалом, по детям, которых у меня никогда не будет. Даже по Безликому, который меня не слышит.

— Постой! — позвал Ферранте. Я обернулась. — Извини, я зря вспылал. Просто у меня

ничего не выходит, и я уже не знаю, как расхлебать всё то, что сам натворил.

— И ты извини. Я не должна была вмешиваться в вашу жизнь. Просто вы мои друзья, и я не могу смотреть, как вы страдаете.

— Люди всё равно будут страдать, как бы ты ни старалась. Это первое, чему меня научил отец в детстве.

— Пока божественные посланники не приведут в мир Единого и не настанет всеобщее благоденствие? — улыбнулась я.

Он добродушно рассмеялся и кивнул:

— Каждый наш хороший поступок приближает это светлое время.

— Жаль только, что с моим богом всё не так просто.

— Вы, Сумеречники, слишком любите сложности: ритуалы, порядки, чины, наигранное благородство, хотя в душе гниль и бурьян. На самом деле всё просто: помогай страждущим, не причиняй вреда другим, не требуй благодарности — и ты уже хороший и достоин счастья, даже если нищий и больной. Для тебя тоже всё просто: пожелай, протяни руку — и у тебя будет своя семья, своё счастье и своё дитя.

— Я хочу пробудить Безликого. Это всё, чего я хочу. А остальным готова пожертвовать.

— Ну и кто из нас фанатик?

Тут уже невесело рассмеяться пришлось мне.

— Чего ржёте?! — заорала показавшаяся из-за угла Хлоя. Она покраснела и с трудом ковыляла, держась за огромный живот рукой. — Я умираю!

Ферранте подхватил её на руки, и мы побежали к повитухе. В храме мне доводилось помогать при родах, хотя до настоящих целителей я недотягивала. Но помочь постараюсь, если что-то пойдёт не так.

Я вскочила на порог приземистой лачуги и постучала. Изнутри донеслось неспешное шарканье.

— Чего тарабанитесь, как на пожар? — распахнула ветхую дверь дородная бабка.

— Так ведь роды, — посторонилась я, пропуская Ферранте с Хлоей на руках.

Она глотала ртом воздух, бледнела и обливалась потом. Широкая юбка летнего платья промокла насквозь от отошедших вод.

— Рожают каждый день, и никакой беды, — бабка проводила Ферранте не одобряющим взглядом до самого ложа, застеленного не слишком свежим бельём.

— Помоги-и-и-и-те! Убивают! — истошно кричала Хлоя, пока Ферранте укладывал её и подставлял под голову подушку. — Это вы! Вы виноваты! Душегу-у-у-убы!

— Ах, ты ж мои старые уши, зачем так орать? Первый раз, шоль? Потерпи ж ты, недотрога. Чай, не в последний, и совсем не больно. А ты пошёл вон! — бабка отогнала трясущегося от волнения Ферранте. — Мужикам у родильного ложа не место!

Он шмыгнул за дверь.

— А ты, белоручка, помогать шоль пришла? — бабка обратилась ко мне.

Я кивнула.

— Чан с водой принеси, тряпки почище и нож на огне раскали. Только чур в обмороки не падать. Я рожать помогаю, а не за малахольными бегаю.

Я снова кивнула.

— Ненави-и-и-и-жу! Тебя и этого козла недоде-е-е-еланного! — изрыгала проклятья Хлоя. — И чудовище это внутри тоже... ненави-и-и-и-жу!

— Да будет тебе голосить. Сгибай колени и тужься, — бабка повернулась к роженице и

убрала с её ног юбку, — Может, ещё и не разродишься сейчас. Сохраняй силы.

— Не хочу-у-у-у-у!

— А, нет, уже головка показалась. Радуйся! Толкай!

— А-а-а-а-а!

Я сделала всё, что было велено, и вернулась к Хлое.

— Дыши, помнишь, как я тебя учила? Ху-ху-ху! — приговаривала я, вытирая с её лба пот. — Скоро всё закончится. Ну же, ху-ху-ху!

— Отстаа-а-а-ань! Вырежьте это из меня! Вырежьте! А-а-а-а-а! — невменяемо кричала Хлоя.

— Делай только то, что говорю, иначе выгоню, — пригрозила бабка.

Я скривилась, но всё же послушалась. Не время ругаться.

— А-а-а-а-а!

— Тужься, дура, тужься, не ори! Кроме тебя самой, никто тебе не поможет! И выродку твоему тоже.

Я встала за бабкой и выглянула из-за её спины. Уже показались плечики. Последнее усилие!

— А-а-а-а-а!

Багровый комок очутился у старухи на руках. Она передала его мне, и, ловко пережав пуповину щипцами, перерезала её. Хлоя истощённо распласталась на ложе и закрыла глаза. Малыш молчал. Я взяла его за пятки и хлопнула по спине. Он закашлялся и разразился громогласным криком. Голосом весь в мамочку!

— Ты чего творишь? А ну-ка шась отседа! — повитуха отобрала у меня младенца и принялась отмывать его от слизи и заворачивать в пелёнки. — Тоже мне, деятельница великая нашлась.

Протянула ребёнка Хлое.

— Во, малец крепкий. Хорошим помощником будет. Держи!

— Уберите, — пробормотала Хлоя севшим голосом, не открывая глаз. — Им отдайте. Ненавижу!

— Да дура ты! — махнула на неё рукой повитуха и вручила орущего младенца мне.

Я начала его раскачивать, и он тут же успокоился, мирно засопев.

— Проваливайте. В следующий раз ищите другую повитуху, раз вести себя не умеете.

С радостью!

Я открыла дверь и позвала мявшегоса на улице Ферранте. Хлое бы отлежаться в покое, но уж лучше у себя, чем у сварливой бабки. Дома и стены помогают.

Я показала мальчика Ферранте.

— У него твои глаза и подбородок.

Малыш и вправду от Хлои взял разве что голос, а всем остальным походил на отца от тёмных курчавых волос и смуглой кожи до тёплых медовых глаз и курносого носа. Хотя, может, с возрастом мальчик изменится. С детьми никогда не знаешь точно. Ферранте вернул его мне, а сам взял на руки ослабшую жену и понёс домой.

***

Хлоя потихоньку приходила в себя. Ферранте освобождал её от всех забот, кроме кормления. Я навещала их как можно чаще: помогала по дому, готовила, стирала пелёнки, гуляла и приглядывала за малышом.

Хлоя же, слыша, как он плачет, ругалась или рыдала сама:

— Забери его! Заставь его замолчать!

— Как ты с младшими сидела? — спросила однажды я.

— Не сидела я с ними, таких даже не помню. И не хочу, чтобы это повторялось. Не хочу хоронить себя под этим!

— Никто тебя не хоронит. Ведь всё же прекрасно, — пыталась увещевать её я, но тщетно.

Мучило предчувствие, что она вот-вот устроит что-нибудь жуткое, несмотря на наши попытки оградить её от трудностей.

— Жизнь кончена! Я старая дряхлая никому не нужная мамаша, единственный смысл которой — вскармливать спиногрыза.

— Это временно. Скоро он перестанет в тебе нуждаться, и ты пожалеешь, что потратила это драгоценное время зря, — я устала её слушать и отправилась гулять с ребёнком на улице.

Когда звёзды сошлись нужным образом, Ферранте устроил маленькую церемонию наречения. Во время этого единовременного ритуала ребёнку, который уже точно останется в мире живых на длительный срок, давали имя. До этого Ферранте запрещал называть малыша по-иному, чем малыш, карапуз или «чудовище», как обзывала его Хлоя.

Накануне церемонии Ферранте задержал меня на улице перед домом:

— Приходи завтра в полдень. Неважно, что у вас другая вера. Ты очень много для нас сделала, и я хочу, чтобы ты стала его заступницей. Тем, кто будет наставлять и защищать малыша, если с нами что-то случится. Это часть ритуала.

— Не могу, завтра возвращается воинство. Микаш будет ждать.

— Решай, что тебе важнее: бросится ему шею в очередной раз или разделить с нами этот самый важный из дней. Нельзя быть со всеми одновременно.

— А ты стал жестоким. Я приду. Ведь это бывает всего раз в жизни?

Ферранте улыбнулся и кивнул.

День выдался погожий, жаркий. С утра я прибрала в комнате Микаша, чтобы он вернулся в чистое, раз уж я не смогла его встретить. Ближе к полудню, одетая в лёгкую белую тунику, я пришла на площадь с разбитым фонтаном.

Солнце опаляло посеревший камень искристыми лучами. Повсюду висели лоскуты белой ткани с каплями красного, как кровь, сока, трепеща на ветру, словно бабочки хрупкими крыльями. Важный для единовременцев символ. Фонтан будто пел, призывая в свидетели знойный ветер. Голубоватой дымкой дышали заброшенные дома, словно их окропили живой водой, радовались и жалели, что времени им отвели так немного: ни раны зализать, ни пригласить в себя никого не могут, кроме птиц и бродячих котов.

На высоком бортике фонтана стояли вёдра с водой, миска с разведённой хной и деревянный поднос с постными лепёшками.

На торжество собралось с десятков человек, только самые близкие. Мрачная и осунувшаяся Хлоя качала младенца на руках. Он захлёбывался плачем. За углом, в тени домов таились её братья.

Ферранте ожидал начала церемонии в праздничном белом балахоне, накинув глубокий капюшон на голову. Увидев меня, он заметно повеселел. Я забрала у Хлои малыша. Она отвернулась и всё оставшееся время смотрела в проход между домами, где прятались её братья.

Малыш быстро затих. Я окунула его в тазик с чистой водой. Ферранте высоким голосом напевал молитвы Единому-милостивому.

— Вверяю твоей мудрой воле это дитя и нарекаю его Родриго Диасом, «Днём славным». Ибо он пришёл в наши жизни так же, как приходит «день славный» на смену ненастной и полной ужасов ночи. Пускай судьба твоя будет столь же светлой, а воля столь же крепкой, как имя. Да укажет Единый тебе путь сквозь пустоши суетной жизни, да будет эта женщина, — Ферранте кивнул мне, — Лайсве Веломри, твоей защитой и указующей звездой, когда все остальные светила погаснут. Будь славным, мой сын, и будь сильным, — он поцеловал мальчика в лоб, окунул палец в миску с хной и нарисовал на месте поцелуя рыжую точку. — А ты, Лайсве Веломри, будь ему преданным другом и заступником всю жизнь и даже после неё.

Он так же поцеловал меня и нарисовал на лбу рыжую точку, скрепив наши узы. Родриго, или Руй, как позволил нам ласково называть его Ферранте, уснул. Под сердечные поздравления гостей мы преломили лепёшки и испили ключевой воды. Задерживаться на домашнее застолье я не стала и побежала к Микашу под печальный вздох Ферранте.

Глава 29. Высокородная невеста

По моим подсчётам Микаш должен был уже прийти с парада. Его аура ощущалась в его комнате, но когда я открыла дверь, внутри никого не оказалось. Я вошла, оглядываясь по сторонам, как вдруг мне на талию легли сильные ладони.

— С любовником миловалась, неверная? — зашептал хриплый голос, требовательные губы защекотали мочку уха. — Пока я защищал мир от демонов.

— Я же писала, что буду у друзей на празднике, — я таяла в его объятиях, смаковала его терпкий запах, не в силах думать ни о чём, кроме близости его подтянутого тела.

— Странные у тебя друзья, — продолжал шептать он.

— Ты себя имеешь в виду?

— Каждый раз возвращаясь домой, я боюсь, что ты ушла навсегда и я никогда не смогу ни обнять тебя вот так, — он так крепко стиснул руки, что дышать стало тяжело, — ни поцеловать вот так, — губы впилась в шею, затягивая кожу, отчего по телу проскакивали искры, — ни даже видеть.

Отчаяние в его голосе вырвало меня из тенёт наслаждения и заставило повернуться к нему лицом:

— Пока я здесь. Мы же договаривались быть вместе и наслаждаться каждым отведённым мгновением.

— Теперь мне этого мало, — печально и пристально смотрели усталые серые глаза. Хотелось целовать их до тех пор, пока это выражение не сотрётся с его лица.

— От разлуки никакие клятвы не спасут.

— Но они помогают верить. Вера — всё, что у нас есть, — он переплёл со мной пальцы.

Наши голоса смолкли, уступив разговору изголодавшихся по близости тел.

Мне не понравилось, каким Микаш приехал в этот раз. Он уверял, что всё прекрасно, но оставался подавленным. Однажды я заметила, как он достаёт из-под неприбитой доски в полу кубышку с деньгами. Это я уговорила его завести её, а не отдавать всё жалованье мне, ведь он их заработал своим потом и кровью. Столько времени посвящал армии даже в отпуске! Я помогала ему составлять отчёты и делать записи, когда он буквально засыпал за столом. В последние дни так и вовсе не отрывался от карты и носился по городу, обстрипывая что-то для своего обожаемого маршала.

Микаш пересчитал хранившиеся в глиняном горшке монеты и ссыпал их обратно сквозь растопыренные пальцы.

— Цены на жильё растут, — ответил он на мой незаданный вопрос, не потрудившись обернуться.

— Из-за войны и наплыва беженцев, я знаю.

Я опустила рядом с ним на пол и обняла со спины.

— Теперь этого даже на небольшой домишко в дешёвом районе не хватит.

Последние монеты соскользнули с его ладоней в кубышку. Он с таким остервенением запикивал её обратно, что едва не разбил.

— Можно купить небольшую квартиру или продолжать жить здесь. Через пару лет, глядишь, война закончится, и жильё снова подешевеет. Ты станешь маршалом и купишь большой дом на главной площади, такой, какой только пожелаешь.

Микаш взял мою ладонь и приложил к губам.

— Вряд ли я когда-нибудь стану маршалом. К следующему походу мне придётся вернуться на место командира, а то и рядового. Я думал, когда посвящусь в орден, передо мной откроются все двери, а нет! Сколько ты ни бейся, сколько ни старайся, всё равно люди будут смотреть только на знатность рода.

— Мне так жаль!

— Это мне жаль, что я никогда не смогу построить для тебя дворец из белого мрамора.

— Мне не нужно, — я принялась его целовать, шею, плечи, макушку — до чего могла достать.

Пару мгновений — и мы уже танцевали танец обнажённых тел среди белоснежных простыней, неистовый и отчаянный. Столько в нём было боли, что тоска не отпускала сердце даже на пике блаженства.

Мы готовились к очередному приёму во Дворце Сумеречников. Как героя многих сражений, Микаша приглашали туда постоянно, но высшее общество ему претило. Мне приходилось уговаривать его посещать хотя бы главные мероприятия, чтобы его поведение не сочли грубым. Присматривала за его костюмом и внешним видом — немного, но хоть чем-то помогала.

Сейчас выходил в отставку его капитан, праздновали окончание летнего сезона, хотя в Эскендерии тёплая пора длилась гораздо дольше, чем у нас на севере.

— Зачем эта показная вежливость? Всё равно меня снимут с должности, — отнекивался Микаш, пока я заплетала его волосы в церемониальный пук на затылке.

— Покажи им, что ты не пал духом. Такие жесты уважают не меньше, чем ратные подвиги и знатность рода.

— Смейся, даже когда проигрываешь?

— Самая правильная стратегия.

Я поцеловала его в висок, и Микаш немного ободрился.

Пышный пир перерос в увеселения, игры и танцы. Нарядные пары кружили по мраморному полу украшенного в золотисто-персиковых тонах бального зала. Шелестела ткань нарядных костюмов, каблук отбивали ритм, мерцали радужными бликами огоньки свечей в хрустальных люстрах. Вместе с танцорами кружились величественные Первостихии на фресках, стройно играл оркестр, чинно переговаривались одетые в парадную бело-зелёную форму высокопоставленные Сумеречники.

Мы с Микашем стояли у стены в окружении его сослуживцев, потягивали из кубков подогретое вино с пряностями. Микаш держался невозмутимо, несмотря на то что многие одаривали его кривыми ухмылками, как стервятники, предчувствуя скорое падение.

Несколько раз Микаш оборачивался, улавливая на себе гневный взгляд своего капитана. Мрачный старик с одутловатым лицом тоже не радовался отставке и переносил чествования со стоическим видом.

В конце концов Микаш не выдержал.

— Извинишь меня? — он поцеловал мою ладонь.

— Конечно. — Я прошептала: — Не позволяй ему почувствовать себя победителем.

Микаш добродушно улыбнулся и подошёл к капитану. Вместе они удалились из зала. Тревога разрасталась в груди удушливым спрутом. Лучше бы они беседовали при свидетелях!

— Жаль бедолагу, — Вильгельм занял место рядом со мной.

Пришлось смириться с его обществом и настырными ухаживаниями, как с неизбежным

злом. Как и мой кузен Петрас, отказов он не принимал, не оставляя попыток завлечь меня то драгоценностями, то красивыми словами.

— Почему? Он герой! — я упрямо делала вид, что не понимаю его намёков.

— Отважный воин и тактик неплохой, как показала последняя компания. Только без помощи Совета он, как и все мы, никому не нужен. Даже маршал не поможет — сам скоро без войска останется из-за того, что не желает с единоверцами воевать. Такой же, как Микаш — никто ему не указ, да только не выходит так. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

Я пожала плечами:

— Когда-нибудь война закончится, и всё вернётся на свои места. У Микаша редкий и сильный дар. Совет не будет им пренебрегать, особенно когда каждый воин на счету.

— Вот и отправят его в первых рядах на мясо. Но вы могли бы ему помочь.

— Чем? — я чувствовала подвох, но безумно хотелось ухватиться за предательскую соломинку.

— Если бы он породнился с высокородной дамой, то получил бы поддержку. Вам ли не знать о династических браках?

— Какая тут от меня помощь? Пускай женится, если ему хочется, — ревность ужалила в самое сердце. Хотя Вильгельм, конечно, был прав.

— Так вы же не даёте. Отпустите его. У меня есть достойная девушка на примете: юная, чистая, наивная — всё, как он любит, да? Её отец знатный авалорский лорд Хармс. Наследников мужского пола у него нет, и мужу своей дочери он окажет полное содействие.

Приходите вместе на следующий бал — его устраивают в честь меня и моей дорогой супруги. Там их и познакомим. Если вы немного подтолкнёте Микаша к этому союзу, то он сохранит должность командира или даже получит повышение. Не лишайте его мечты. Если действительно любите, вы сделаете, как для него лучше.

— Я... подумаю, — с трудом выдавила из себя.

Микаш губит свою жизнь из-за меня, а мог бы давно жениться, обзавестись семьёй, детьми. Я пустоцвет. У меня иная судьба — быть Норной, пробудить Безликого и вернуть людям. Нельзя получить всё. Но отказаться от друзей, Микаша, прогулок по городу — не выходит.

Но как же сладок этот сон!

***

— Поздравляю вас с блестящим завершением службы, — вежливо обратился Микаш к капитану. — Служить под вашим началом было честью, я многому научился. Благодарю вас за это.

Лорд Мнишек зло прищурился, явно не веря ни единому его слову, хотя Микаш не питал к нему враждебности.

— Думаешь, мне нужны твои фальшивые чествования?

— Не позволите ли переговорить в более тихом месте?

Лорд Мнишек выдержал долгую паузу, смиряя его презрительным взглядом, и лишь потом кивнул.

Они вышли в коридор и заглянули в пустующий кабинет, предназначенный для личных переговоров. Несколько стульев, стол, на нём графин с водой с лимоном и пара чашек, стопка бумаг и чернильница с пером.

Лорд Мнишек выжидательно смотрел на Микаша. Нужно высказаться начистоту, кто-то

же должен быть умнее:

— Вы всё время смотрели на меня. Я подумал, вы хотите поговорить, расстаться мирно. Я не стремлюсь занять ваше место или место вашего сына. Мне важно только служить ордену и маршалу. Я не держу на вас зла, — он протянул руку.

Даже когда нет надежды, нужно постараться, только для себя. И для неё, быть может.

Лорд Мнишек рассмеялся:

— Лебезишь даже передо мной? Насколько же ты жалок! Всё, чтобы выслужиться, да? Не надейся. Оборванцу не место среди нас, не копти собой священные стены этой обители и не мозоль мои глаза своим босяцким видом. Даже женщину и ту приличную найти не можешь — сумасшедшую потаскуху книжников с собой тягаешь. Высокородная она, ну да сейчас. Благородства ни на медьку. Да и не стала бы приличная дама с голодранцем возиться, тем более делить с ним ложе. От тебя же помойкой за версту разит!

— Если бы не ваш почтенный возраст, я бы вас ударил. Потому что босяк и голодранец. И жизнь моя без служения ордену и выеденного яйца не стоит. Но я не благороден ровно настолько, чтобы не отвечать ударом на удар, особенно когда твякает дряхлая беззубая шавка. Бывайте. Здоровья вам и долгих лет, а вашему сыну удачи на службе.

— Ах ты... — лорд Мнишек замахнулся, но Микаш перехватил его запястье в воздухе.

— А ещё здорового ума и доброй памяти, — он сжал пальцы, чтобы старый лорд в полной мере ощутил его силу, но не настолько, чтобы причинить вред.

Лорд Мнишек выпучил глаза, отдернул руку и потёр ушибленное место.

Микаш зашагал прочь, не желая больше иметь с ним дел. Доброта наказуема. Пускай пожалуется, пускай выпрут или даже вздернут. Всё равно никакой жизни без службы не будет. Это как взглянуть на Девятые небеса, а потом узнать, что вечность будешь прозябать внизу. Но раз такова его стезя...

***

Вильгельм всюду ухлёстывал за мной: приглашал на танцы, приносил кремовые пирожные, подливал вино в кубок, сыпал комплиментами и рассказывал, как справлялся о моём отце и о моей северной родине. Всё, как обычно, безумно тоскливо без Микаша.

Но в этот раз он вернулся быстро и повёл меня танцевать.

— Хочешь, уйдём отсюда? Погуляем по ночному городу. Когда ещё такие тёплые ночи выдадутся? — спросил он, когда мы выполняли очередной реверанс.

— Так быстро надоело?

— Мне здесь всегда душно.

— Визит вежливости мы оплатили сполна. Думаю, можно.

— Ура! — он подхватил меня на руки и закружил.

— Тише! На нас все смотрят, — укорила я его, но счастливую улыбку сдержать не смогла.

Под любопытными ли, осуждающими ли взглядами мы покинули Дворец Сумеречников.

Звёздная осенняя ночь веяла прохладой, таинственно мерцали фонари, изукрашивая фронтоны домов причудливыми тенями. Лёгкий ветерок с шелестом волок по земле опавшую с тополей и каштанов листву. Мы кутались в плащи, не размыкая рук, и тесно жались друг к другу.

— Скоро праздник урожая. Сходим?

— Как ты хочешь. Ты хочешь?

Я улыбнулась и кивнула. Осень — странная пора, даже здесь на юге. Вроде всё хорошо, а чувствуется близость ненастий, увядания и разлуки. Но оттого ощущения острее и слаще, томление сжимает грудь. Ты наслаждаешься каждым вдохом, каждым слитым воедино ударом сердец, как последним в жизни.

Утром принесли приглашения от Вильгельма. Я не решила, показывать их Микашу или забыть, но думать об этом не прекращала.

— Как прошёл разговор с лордом Мнишеком? Удалось его смягчить? — спросила я, наблюдая, как Микаш бреется над тазом с горячей водой.

— Наговорил лишнего. Не умею я с высокородными. Они оскорбляют — я не могу ни ответить, ни промолчать. А больше всего хочется ударить, чтобы они ощутили, каково тем, кого они за людей не считают.

— Не надо.

— Сам знаю. Что бы я ни делал, только врежу. Но если кто-нибудь посмеет оскорбить тебя словом или действием, я не сдержусь. Кодекс не имеет смысла, если не защищает даже тебя.

— Я могу за себя постоять. Не пори горячку. Уверена, маршал Комри найдёт лазейку. Ты ему нужен, хотя мне и не нравятся его мотивы.

Он вытер мыло со щёк полотенцем и натянул рубашку через голову.

— У него своих забот невпроворот. Смерть жены — большое горе. Никто его не осудит, если он будет решать семейные проблемы вместо военных. А мне без него идти некуда. Безродный, да ещё телепат, как заклеимённый.

— Я тоже телепат.

— Угу, высокородная дама. Не сравнивай. Ай, пустое! Не желаю об этом думать.

Он уселся за стол и снова зарылся в свои книги, словно они его утешали. Как жаль, что его место занимают те, кто не хочет и не может.

— Давай сходим на приём к Вильгельму. Развеемся, — я подсунула распечатанный конверт ему под руку, будто только вспомнила.

— Ох! — горестно вздохнул Микаш, взглядываясь в витиеватую подпись Вильгельма. — Ты, правда, хочешь?

Я кивнула, хотя к горлу подступил ком. Я должна перестать за него цепляться, перестать тянуть его на дно, перестать быть эгоистичной маленькой девочкой. Он станет маршалом и будет защищать мир от демонов, а я достучусь до Безликого и остановлю конец света. Это единственно правильно.

Приём в честь Вильгельма и его жены был скромнее, чем пир в честь отставки лорда Мнишека, но скорее из соображений вежливости. Только для «родственников и близких друзей», которых собралось не меньше сотни. Большую часть мы не знали и только кланялись на церемониальные представления.

Женой Вильгельма оказалась бледная стеснительная девушка. Жидкие каштановые волосы были аккуратно уложены в высокую причёску, круглые каре-зелёные глаза навывкате блестели, как от слёз. Она постоянно подтягивала глубокий лиф роскошного платья из изумрудной парчи выше и сутулила худые плечи. Говорила очень тихо и смотрела только на мужа, ожидая внимания, как собака косточки от хозяина. Я вела себя так же во время помолвки с Йорденом. Нет, некоторые вещи происходить не должны!

Я развлекала Микаша танцами и разговорами. В душе хотелось обнять его и не выпускать, крича во всеулышание: «Мой, не отдам!» Но говорят ведь, если любишь —

отпусти. Отпусти, потому что его счастье важнее детских прихотей.

Нежно заиграла музыка, свечи чуть приглушили. Вильгельм подвёл к нам молодую особу.

— Позвольте представить мою кузину, Корнелию Хармс. Она давно мечтала познакомиться с героем стольких сражений. Каюсь, не смог отказать ей в удовольствии, — велеречиво обратился он к Микашу.

Девушка была очаровательной: светлые кудряшки обрамляли миловидное личико, голубые глаза сияли добродушной улыбкой. Скромное, но вместе с тем элегантное небесно-голубое платье прекрасно сидело на ладной фигуре. Больше шестнадцати ей не дашь.

— Микаш Остенский, помощник капитана роты Красноклювов. Весьма польщён, — сухо представился он и приложил её обёрнутую в белую перчатку ладонь к губам. Обернулся ко мне: — А это...

— Я столько слышала о вашей доблести и силе, но в рассказах всё преуменьшают! — она хлопнула пушистыми белыми ресницами и зарделась.

— Моя спутница Лайсве Веломри, — закончил фразу Микаш, как только она замолчала.

— Я знаю всё-всё о вашей битве при Огненных Скалах, и о тайной вылазке на Терракотовую башню, и о ночном обстреле в Чернолесье. Но это только с чужих слов, расскажите сами!

— Корнелия, душенька, не налетайте так на человека. Это невежливо, — шутливо укорил её Вильгельм, и она снова вспыхнула.

— Расскажи, чего тебе стоит? — шепнула я Микашу, видя, что он остался отстранённым.

Он пожал плечами и принялся рассказывать сухо, без интонации, теми же словами, какими писал отчёты в орден.

Вильгельм глазами позвал меня за собой:

— Не очень воодушевился, да?

— Зато её воодушевления на двоих хватит.

— Уговорите его пригласить её на танец, а лучше чтобы он протанцевал с ней до конца вечера. В танце всё по-другому видится.

Некстати вспомнился наш первый танец в медвежьих шкурах у шамана и потом на свадьбе туатов, хотя нет, первый был у меня на помолвке. Микаш так хотел потанцевать со мной, что позаимствовал тело одного из наперсников моего жениха. Украденный танец. Тогда я испугалась, случайно отразив его внушение, но сейчас его порывы казались такими отчаянными и искренними, что щемило сердце.

— Я попробую, — затолкнула чувства внутрь себя. Нельзя отступать! Дома всё вспомню и поплачу, когда никто не увидит моих слёз.

Микаш обернулся к нам, оставив Корнелию скучать в недоумении. Мы поспешили вернуться.

— Дорогая, как тебе наш герой?

— Я так рада знакомству. Это как исполнение самого сокровенного желания! — она сложила ладони на груди и заискивающе посмотрела на Микаша.

— Пригласи её на танец, — шепнула я ему. — Её отец обладает большим влиянием. Если ты ей понравишься, он замолвит за тебя словечко.

— Вот ещё! — Микаш набычился и сложил руки на груди.

— Потанцуй с ней. Протанцуй с ней весь вечер. Я этого хочу! — прошипела я сквозь

зубы. К глазам подступила мутная пелена слёз. Боль скручивала внутренности в тугую спираль.

— Если ты хочешь... — ответил Микаш упавшим голосом и пригласил Корнелию на танец.

Она счастливо засмеялась и едва не бросилась ему на шею, но высокородная выучка удержала. Они чинно закружились по залу.

— Вам нужно уйти. Так будет легче для всех, — с поддельным участием посоветовал Вильгельм.

— Вы правы, благодарю, — кивнула я и бросила последний взгляд на своего медведя.

Как быстро он возмужал и каким красивым, сильным и славным женихом стал. Жаль, что мне не шестнадцать и мы не в Ильзаре на моей помолвке.

Я решительно зашагала к выходу. Приближалась самая активная часть танца — вряд ли Микаш заметит моё исчезновение, а потом будет уже поздно.

Я надеялась побыть одной, но в коридоре меня настиг Вильгельм.

— Если вам хочется поговорить по душам, я всегда готов выслушать, — он улыбнулся приторно-сладко и потянулся за моей ладонью.

Я отошла на шаг:

— Не считите грубостью, но нам надо объясниться. Я не испытываю к вам никаких симпатий. Единственный мужчина, который когда-либо меня интересовал, это Микаш. Другие, на замену или просто скоротать скуку мне не нужны. Прошу покорнейше извинить.

Он ухватил меня за локоть, подтянул к себе и зашептал в самое ухо, почти касаясь губами мочки:

— Это вам сейчас так кажется — старые чувства ещё не остыли. Но дайте время, и вы сами ко мне прибежите. Я умею быть ласковым и обходительным. Никто ещё не оставался разочарован.

Я вырвала у него руку и с силой оттолкнула:

— Ни сейчас, ни в любое другое время вы мне не интересны. А будете докучать — я закричу. Кодекс строго порицает насилие над женщиной. Ступайте к своей жене, вот уж кто вас действительно ждёт и любит.

— Пожалеешь, — оскалился он и вернулся в зал.

— Уже жалею. Микаш... — выдохнула я.

Тоска тихих ночных улочек закрывала от холодного ветра и накрапывающего дождя.

В комнате Микаша я бросилась собирать вещи. Нужно уйти до того, как он вернётся, чтобы не делать больнее ни ему, ни себе. Мы же обещали друг другу. Пора сдержать слово.

С полки над кроватью на меня с укоризной смотрела кукла Герда. Я тщательно за ней ухаживала, подправляла, если что-то рвалось или ломалось. Единственный его подарок, который я возьму с собой.

Я укладывала одежду в тюки. Всхлипывания душили, хотелось забиться в угол, кричать во весь голос и царапать руки ногтями, только бы прошло! Будто по живому рубишь, отрываешь себя такую родную важную часть.

Наткнулась на поношенную походную форму на вешалке. Сколько ни стирай, а всё равно пахла Микашем. Я зарылась в неё лицом, глотая его запах. Представляла, как всю свою нежность, доброту и преданность он дарит другой. Улыбается ей, как улыбался мне, уверяя, что красивей её на свете нет. Целует, ах как он целует! Её. Не меня. И говорит своё вечное: «Как ты желаешь. Чего ты желаешь?»

Дверь грохнула об стену так, что дом сотрясся до основания.

— Лайсве! — низкий голос ударил по ушам.

Я сжалась. Почему он не задержался? Мой тёмный суженый всегда настигал меня, куда бы я ни бежала. В одно мгновение пересёк комнату и оказался у меня за спиной. Сильные руки развернули к нему лицом, но поднять взгляд я боялась.

— Зачем ты кинула меня с этой сопливой девчонкой?

— Так будет лучше для нас обоих, — просипела я.

— Что за чушь?! Я всё понимаю. Я ничтожество, которое только и может, что ныть. Если хочешь бросить меня, так бы и сказала. Не надо делать из меня дурака и подсовывать тупых девок! Если не с тобой, то ни с кем!

От криков закладывало уши.

— Эта девушка помогла бы тебе упрочить положение в армии, — суматошно оправдывалась я.

— Я не потаскуха, которую можно купить за золото и военные чины! — взвился Микаш ещё больше.

Я уткнулась спиной в стену, мелко дрожа, он нависал надо мной грозной тенью. Совсем забыла, каков медведь в ярости. Задерёт и не заметит.

Микаш повернул голову и увидел мой тюк рядом с полками.

— Что это?

— Я... собирала... вещи... — так близко, что думать не получалось, не то, что говорить.

— Что? Нет!

Он впился в мои губы, обхватив руками так, что даже пошевелиться не получалось.

— Скажи это! — оторвался он от моих губ, его голос хрипел, всё больше походя на рычание. — Скажи, что тебе не нравятся мои поцелуи! — Он покрывал ими моё лицо, шею, плечи. Как ему сопротивляться? Как вырвать из себя это эгоистичное желание? — Скажи, что я делаю тебе больно! Что я тебя насилую! — требовал он, стаскивая с меня платье.

Ткань треснула, разлетелась на лоскуты, но я была только рада своей уязвимой наготе.

— Скажи, что ненавидишь и презираешь меня. Скажи, пошёл вон, пропади, умри — и я всё сделаю. Только скажи! — выкрикивал он, удерживая меня на весу.

— П-п-пожалуйста, — с трудом выдавила я, обхватывая его руками и ногами настолько крепко, насколько могла.

Микаш потащил меня к кровати, расталкивая с пути мебель. Что-то падало, крушилось, билось, рвалось — я ничего не понимала, освобождая его плечи от рубахи, не оставляя ни одной пяди кожи не покрытой моими поцелуями. Руки скользили по подтянутому животу к штанам. Неверный шаг, и мы утонули в простынях, кровать жалостно заскрипела. Пока я ловила его в свои объятия, Микаш освободился от штанов и навис надо мной, опираясь на локти, заглядывал прямо в глаза, прикасаясь лбом. В огромных зрачках клокотала звериная ярость. Милый, единственный, мой!

Опустошённая после жаркой ночи, я заснула в его объятиях.

***

В маленьком окошке на противоположной стене виднелось заходящее солнце. Тело затекло и ломило. Даже мелкое шевеление доставляло неудобство, и вставать совершенно не хотелось.

Микаш судя по ровному дыханию ещё крепко спал. Я придвинулась поближе к нему и залюбовалась его лицом. Я думала, что приручила бешеного медведя, а на самом деле это он

что-то сотворил со мной. Будто срослась с ним корнями, не могу ни помыслить себя без него, ни даже просто вздохнуть.

Микаш пошевелился, облизал пересохшие губы и передвинул шершавые ладони мне на талию. Мы долго лежали. Он открыл глаза и разглядывал меня так же внимательно, как и я до этого.

— Извини, я сделал тебе больно вчера. Мне следовало сдержаться, а тебе — меня остановить, — заговорил Микаш бархатисто-хрипловатым голосом со сна.

— Я не хотела тебя останавливать, — я подтянулась и поцеловала кончик его носа. — Это ты прости, что сделала больно нам обоим. Спасибо, что остановил меня. Я хотела помочь тебе закрепиться в армии. Ведь ты об этом мечтал?

Он улыбнулся, поглаживая моя спину.

— Не такой ценой. Высокородные — заносчивые снобы. Жениться на одной из них, значит, смириться с их властью и предать всё, ради чего я трудился. Лучше уйти непобеждённым, чем позволить себя сломать. Ты же сама это говорила.

— Но моё сердце разрывается, когда я вижу, как ты страдаешь.

— Есть только одна высокородная, на которой я бы женился, — сказал он, но тут же себя одёрнул: — Сам виноват. Не буду больше жаловаться. Жил как-то без ордена, и дальше жить буду. Найду силы, перестану быть букашкой под пятой высокородных. Всё хорошо!

Почему я не могу всё бросить и выйти за него? Почему так важен этот проект и, будучи женой, я не смогу оставаться его частью? Почему мой отец никогда не даст согласия на наш союз? Почему я даже ребёнка от него родить не могу?!

— Только не замыкайся. Я всё равно вижу, что ты переживаешь.

Он целовал меня, упрямо приговаривая:

— Я сильный. Я справлюсь.

Я почти верила.

Наши ласки прервал настойчивый стук в дверь. Мы одновременно глянули вокруг: ключья одежды, разломанные доски, глиняные черепки на полу. Кажется, вчера здесь пронёсся ураган.

— Пускай убираются к демонам, — заговорщически прошептал Микаш.

— Согласна.

Он снова поцеловал меня, щекоча языком ямку на шее. Приходилось сдерживаться, чтобы не засмеяться вслух.

— Мастер Остенский, это Кумез, ваш оруженосец. Откройте, если вы здесь. У меня срочное послание! — прокричали за дверью.

— Минуту! — отозвался он, подскочив с кровати, и натянул на себя штаны с рубахой.

Как только за ним захлопнулась дверь, я тоже поднялась, оделась и принялась убирать. В коридоре раздавались голоса.

— Где вы были? Мы вас весь день искали! — вещал молодой оруженосец Кумез, мелкий, прыщавый, но зато очень старательный и вежливый. — Маршал Комри прибыл в Эскендерию вчера вечером. Вам от него личное послание. Наши уже всюю празднуют!

— Да погоди, я ничего не понимаю, — перебил торопливую речь Микаш. Зашелестела бумага, повисло долгое молчание. — Это не шутка?

— Нет-нет, герольды уже по всему городу раструбили. Вы придёте праздновать?

— Позже. Мне нужно... привести себя в порядок.

— Это же только для своих. Ребята говорят, маленький шаг для высокородных, а для

простых, как затяжной прыжок через бездну.

— Слишком пафосно. Я приду. Спасибо вам всем!

Кумез откланялся, а Микаш вернулся в комнату, сияя улыбкой до самых ушей. Замер передо мной, таинственной щуря глаза.

— Ты порвал моё платье, — я показала ошметки моего вчерашнего наряда. — Оно было дорогое. Жалко.

— Я куплю тебе новое! — засмеялся он, подхватил меня на руки и закружил по комнате. — Много-много новых платьев. Меня назначили капитаном вместо лорда Мнишека. Маршал здесь, уже ведёт подготовку к очередному походу!

— Я догадалась. Поздравляю!

— Пойдёшь с нами?

— Как только мы всё тут уберём, — я шаловливо дёрнула бровями.

Праздновала рота Микаша в центральной таверне «Красный петух», заняв её полностью. Дубовые столы составили вместе, заказали всё, что только нашлось в погребах у хозяина. Аппетитно пахло копчёностями и пряностями.

Заметив нас на пороге, порядочно захмелевшие рыцари поприветствовали нестройным хором:

— Слава капитану и его Светлой госпоже!

Здесь были и знакомые Микаша из других рот. Лютнист Маркеллино пел об удачных воинах, пенился в кружках эль, выкрикивались тосты. Нас качали на руках, обнимали, поздравляли, желали Микашу счастья и долгих лет службы.

— Клянусь Безликим, никто из безземельных не поднимался ещё так высоко. Орсо был бы счастлив, — высказался командир Юхо.

— Да... — Микаш почтил его долгой паузой, а потом поднял кружку эля: — За Орсо! За погибших друзей! За всех, кто сделал это назначение возможным!

— За друзей! Ты лучший! — раздавалось со всех сторон.

— И за Светлую госпожу, вдохновительницу всех побед, — выпил Микаш второй раз.

— За Светлую госпожу! Ну же, поцелуйте героя! — просили собравшиеся.

И я поцеловала. Никогда мы ещё не были так счастливы.

Глава 30. Наши миры не должны пересекаться

Несколько следующих дней Микаш не отпускал меня от себя. Я баловала его сверх меры. Его улыбки, лучащиеся счастьем глаза, умиротворённый голос пьянили, будто бы ничего не может быть ярче и лучше этих моментов.

Праздник закончился, когда я решила провести друзей в Нижнем. Дело было утром, погода стояла холодная, но ясная. Я думала, Ферранте ушёл на приработок, но застала его дома. Он качал сына на руках и никак не мог успокоить.

— Где Хлоя? — спросила я с порога, предчувствуя беду.

— Не знаю и знать не хочу! Вчера бросила Руя одного и ушла. Когда я вернулся, он уже орал на всю улицу, — раздражённо ответил Ферранте. Голос его был сухой и ломкий, а глаза подёрнуты красной сеточкой жил.

— Надо её найти. Руй, похоже, голоден.

— Нет, не надо. Помнишь, ты предлагала помощь? Купи нам козьего молока, пожалуйста!

— Так делу не поможешь. Ты должен зарабатывать на еду, а Хлоя — сидеть с Руем.

— Я справлюсь один, если она не хочет. Я устал утирать ещё и её сопливый нос и тянуть на своём горбу.

— Ты — справишься, а он будет всю жизнь страдать без матери. Поверь, я знаю, о чём говорю.

Он поднял на меня затравленный взгляд:

— Просто купи молока, а?

Пришлось согласиться — Руй уже захлёбывался плачем.

За свежим молоком надо было бежать в Верхний, но я постаралась вернуться так быстро, как только могла, с полным кувшином. Ферранте поил Руя с ложечки, но тот сопротивлялся, сплёвывал и заходился хриплым плачем ещё больше.

— Я разыщу Хлою.

— Делай, что хочешь! — измученно отмахнулся Ферранте и продолжил борьбу с сыном.

Обнаружить её не составило труда. Она пряталась в доме братьев. Я вошла к ним без стука. Высокие крупные парни подскочили и окружили меня как свора псов, главный из них — заматеревший Лино. Несколько передних зубов уже потерял, щетинистые щёки украшали мелкие шрамы, глаза стали совсем шальные.

— Чего припёрлась, куколка? Вишь, надоело ей с вами, чистыми да правильными. Обрато в семью хочет, к родной крови, — Лино не подпускал меня к забившейся в угол Хлое. — Полоумный проповедник ей не пара!

— Это должна решать она сама, — я оттолкнула его, подошла к Хлое и протянула руку: — Давай просто поговорим.

Она избегала моего взгляда.

— Она наша. Даже к матушке Тертеци идти согласилась. Понимает, что с убогим олухом и его отродьем жизни не будет. И ты уймись! — скалился Лино, но я не отступала.

— Это правда, Хлоя? Ты хочешь торговать своим телом? Хочешь ублажать грязных, пьяных, вонючих мужиков, пока они не изувечат тебя до смерти?

— Да! Хочу! Это будет веселее и легче, чем с чудовищем, которое сосёт из меня все

соки! — плаксиво ответила Хлоя. — Если так неймётся, забирай! Забирай их обоих, и тупого проповедника, и спиногрыза, у тебя ведь так хорошо получается!

— Я не могу их забрать. Они не моя семья, — я сделала последнюю попытку её успокоить. — Давай поговорим на улице? Как подруги, мы ведь ещё подруги?

— Гони её взащей! — подначивал Лино.

— Сам вали взащей! — гаркнула на него Хлоя, поднялась и подошла ко мне: — В последний раз.

Мы выбрались на улицу. Светлей и свежей — думается легче, и вся эта ситуация не кажется такой безысходной.

— Что ещё ты жаждешь мне сказать? Что не захочешь знаться с потаскухой? Так мне не надо больше твоих милостей. Сама проживу!

— Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я покажу тебе. Идём? — я снова протянула ей руку.

Она задумалась ненадолго, но всё-таки приняла её.

Первой остановкой на нашем пути была лачуга Ферранте. Я беззвучно отодвинула полог и попросила Хлою заглянуть внутрь. Изморённый Ферранте сидел на лавке и раскачивал на руках Руя, напевая мелодичную и нежную колыбельную.

— Где ещё встретишь такого заботливого мужчину? Он же всё для семьи делает. За ним — как за каменной стеной.

Хлоя поджимала губы и смотрела на меня волчонком. Весь её вид красноречиво говорил: забирай сама, раз так нравится. Я вздохнула и повела её дальше, в публичный дом матушки Тертеци. Обшарпанное покосившееся здание с крохотными оконцами, в которых с трудом просматривалось задымлённое помещение. Грязные столы, за ними не менее грязные завсегдагаи лапали потасканных, очень быстро состарившихся женщин. Кто-то тянул их наверх, кто-то развлекался в общем зале, придавив к стене «подружку на час».

Хлоя отпрянула от гнилой рамы и задышала часто-часто. Упрямо сжала ладони в кулаки:

— Ну и что! Лучшего мне всё равно не видать. Я такая, как они!

Осталось последнее средство: если уж оно не подействует, придётся отступить.

— Куда теперь? Смотреть дворцы знати? — зло посмеивалась Хлоя, когда мы пролезали между домов в Верхний. — Я и так знаю, что вы живёте чистенько и сладко, только у меня такого никогда не будет.

Я вела её по знакомой дороге. Хлоя тоже её узнала: столько раз мы ходили по этой улице к паперти храма врачейателей, храма Вулкана.

Служка встретил у дверей кивком и пропустил внутрь.

— Притащила очередного бродягу? — недовольно осведомился настоятель Беррано, встретивший нас у входа в общий зал, и окинул Хлою с ног до головы брезгливым взглядом.

— Нет. Мы хотим помолиться за больных, — выдержала я его презрение.

Мы прошлись вдоль рядов больных. Я хорошо знала место, отделённое от остальных пологом стыдливости и молчания. Хлоя ступала несмело, прижимая ладони к груди, и затравленно оглядывалась по сторонам, морщила нос, чуя запах лекарств.

— Я хотела, чтобы ты увидела, как заканчивается та жизнь, которую ты жаждешь выбрать.

Здесь коротали свой последний час заражённые срамными болезнями женщины из публичных домов. Не из таких дешёвых и грязных, как у матушки Тертеции, а из более-менее

приличных, которые тайно держали в Верхнем городе под видом харчевен и кабаков.

Лица, изуродованные сыпью и рубцами, с провалившимися носами, сгнившими губами и веками являли жуткое зрелище даже для привычных к недугам целителей. Пахли они затхлой болезнью, стонали едва слышно. А помощь приходила в последнюю очередь.

— Воды! — позвала одна из женщин.

Я протянула Хлое глиняную кружку:

— Напой её.

— Она меня заразит!

Я усмехнулась:

— Этим заразиться можно только от мужчин.

Хлоя дрожащими руками взяла кружку и поднесла к губам больной. Несчастливая протянула к ней покрытую красными волдырями ладонь. Бамс! Кружка разбилась о пол, вода растеклась лужицей у наших ног.

— Хлоя, стой!

Она пронеслась между тюфяками больных к выходу так, что только пятки сверкали.

Я подняла кружку и напоила больную сама, а потом отправилась искать Хлою. Она бесцельно плутала по подворотням, стремясь в противоположную сторону от прохода в Нижний. Изучив все закоулки Верхнего, я легко отыскала короткую дорогу и перехватила беглянку в узком тёмном тупике между домов.

Хлоя затравленно оглядывалась по сторонам, обнимая себя руками. Я сделала шаг ей навстречу. Она закричала:

— Что ты хотела мне доказать? Что вся моя жизнь жалкая и убогая? Радуйся — доказала!

— Я не хотела тебе ничего доказывать, но ты и правда достойна лучшего. Вернись к Ферранте и Рую. Да, жизнь с ними не будет лёгкой, придётся трудиться, преодолевать лень и раздражение, но в конце ты увидишь, что только так и было правильно.

— Правильно?! — взвизгнула Хлоя. — Да что ты можешь знать о моей жизни, ты богатенькая и благополучная! Я никогда-никогда не смогу есть такую вкусную еду и носить такие красивые наряды, как ты. Никогда не смогу привлечь состоятельного мужчину, — она махнула рукой на прогуливающуюся по большой улице парочку. Женщина в пышном бальном платье, кавалер в элегантном костюме целовал её обёрнутую в перчатку руку и шептал что-то на ухо. Она смеялась так пронзительно-счастливо, что щемило сердце.

Хлоя всхлипнула. Слезы перелились через веки и потекли по щекам полноводными ручьями.

— Это только кажется. Все сталкиваются с трудностями, но смеётся лишь тот, кто готов сцепить зубы и их преодолеть. Дай Ферранте шанс.

— Он неудачник и недотёпа. И сын его такой же. Мы всю жизнь будем прозябать в нищете, пока ты веселишься на балах и катаешься в шелковых простынях со своим Сумеречником. Не смей меня больше уговаривать, ты, ты... глупая богачка, которая только и знает, что поучать! Пускай закончится всё, как в храме, пускай в подворотне, как с мамой или даже на ваших виселицах, только бы не нищенствовать с убогими! И тебя не видеть больше никогда!

Она снова убежала, только на этот раз у меня опустились руки.

В чём-то она права. Я не знаю нужды и горестей, всегда получаю то, что хочу. Только с Безликим не выходит.

Наползали бледные сумерки. Я решила срезать дорогу до дома Микаша. Ещё надумает всякого. Не стоит его лишней раз волновать — с ним так хорошо молчать.

Кривые узкие переулки, тёмные и безлюдные, между безоконных стен домов. В благополучном Верхнем городе всегда спокойно и тихо. Стража ордена работает отменно.

Осталось пройти всего пару кварталов, когда дорогу заступили люди.

— Капитан Холлес, — стараясь звучать как можно уверенней, поздоровалась я.

Он ухватил меня за локоть,дохнул, и по хребту прошла волна дрожи. Хмельной запах вперемежку с мужским потом пугал неприятными воспоминаниями.

— Куда спешишь, красотка?

— К Микашу. Я сильно опаздываю, он уже меня ищет. Отпустите, — я попыталась вырваться, но Вильгельм крепче сжал пальцы.

— Ах, Микаш, вечно этот нищий выскочка Микаш. Как будто других мужчин нет!

— Для меня — нет.

— Хочешь, покажу, что есть, и получше, гораздо лучше, чем он, глупышка, — он прижал меня к стене и попытался поцеловать, но я вывернулась.

Убежать не удалось — с двух сторон окружили его дружки.

— Что вы себе позволяете? Забыли Кодекс? Женщин нельзя трогать без их согласия, а я с вами не согласна ни за что и никогда. И буду кричать, если вы меня хоть пальцем тронете!

— Кричи, недотрога, — Вильгельм снова настиг меня. — Твои крики станут песней для моих ушей, а потом из страха перерастут в восторг.

— Вы слишком высокого о себе мнения. Предупреждаю, отпустите — хуже будет, — огрызнулась я, нащупав за пазухой подаренный Микашем стилет.

— Я предлагал тебе по-доброму, предлагал много раз, а ты что? Обмануть меня вздумала, когда согласилась Микаша с моей кухней свести?

— Мстишь, значит? Так я всё сделала, чтобы она ему понравилась — Микаш сам не захотел. А ты ухлёстывал за мной, только чтобы досадить ему, да? Думаешь, если изнасилуешь меня, станешь в своих глазах лучше, чем он? Ты ошибаешься. Со всем своим влиянием, коварством и высокопоставленными родственниками ты никогда не будешь и мизинца его стоить. Как не будете стоить и вы все, жалкие, никчёмные прожигатели жизни, способные только подличать и измываться над слабыми исподтишка!

— Ну я тебе покажу! — Вильгельм ухватил меня за волосы и больно оттянул голову. — Раз твой убогий любовник воспитать тебя не может.

Свистнул камень, чиркнув Вильгельма по виску. Второй полетел в его товарищей. Это заставило его отступить.

— Оставьте её, оставьте! Вот вам, вот! — кричала невесть откуда взявшаяся Хлоя, швыряясь в них всем, что попадало под руку. Зачем только следила за мной?!

— Нет, Хлоя, беги! — я попыталась добраться до неё, но меня перехватил Вильгельм.

К Хлое подскочили его товарищи и быстро скрутили. Она брыкалась, визжала, царапалась, кусалась — только без толку.

— Ну вот, ребятки, и для вас сыскалось, с чем развлечься, — рассмеялся Вильгельм. — Дикарки особенно пикантны. Задирайте ей юбки!

Он схватил меня за горло и впился в губы. Я поддалась страху — не за себя, за Хлою. Меня обидеть побоятся, а вот на неё всем плевать — знают, что с рук сойдёт. Её же потом ещё и обвинят.

Я сомкнула зубы на вторгшемся в мой рот языке. Получайте, чтоб вам пусто стало!

Вцепилась в их головы телепатическими клещами, вкладывая в них весь резерв, всё отчаяние, что только смогла накопить.

— И-и-и! — сдавленно завизжали они, оседая на мостовую и корчась от судорог.

— Хлоя, беги!

Она помчалась наутёк, как испуганный заяц. Я тоже хотела бежать, но Вильгельм ухватил меня за ногу и зашипел:

— Поплатишься, тварь! Совет всё узнает!

Я пнула его и помчалась на свет. Там люди — при них нападать не станут. Запыхалась, но страх гнал вперёд. Остановилась, только когда уже совсем выдохлась. Сердце грозило выскочить из груди, в голове шумело, ноги подкашивались, а на губах ощущался привкус крови.

Если Вильгельм пожалуется Совету, проблемы будут у всех. А если Микаш узнает... Вспомнились его слова: «Если кто-нибудь посмеет оскорбить тебя словом или действием, я не сдержусь». Не спустит Вильгельму такое оскорбление, даже я отговорить не смогу! Дуэль с высокородным — конец всему. Зачем Хлоя полезла в эту свару?! Если бы не она, я бы выкрутилась. Они же только пугали. Теперь, если начнут расследовать, то всплывёт, что муж Хлои единоведец. Что же делать?!

Я оглянулась по сторонам. Стемнело окончательно, но места я всё равно узнала: увитая плющом парковая ограда, вдалеке тёмные силуэты зданий Университетского городка. До лаборатории рукой подать. Может, Жерард задержался? Он часто засиживался допоздна, а потом сразу шёл спать. Всё, чтобы поменьше бывать дома.

Я доковыляла до лаборатории. Повезло — окна горели. Постучалась. Раздались шаги, скрипнула дверь и на пороге показался Жерард со свечкой в руках. Брови его тут же полезли вверх, лицо вытянулось.

— Что стряслось? — спросил он, подхватив меня под руку, и отвёл к дивану.

— На меня напали.

— Я же говорил не ходить в Нижний город! — взвился он.

— На меня напал в Верхнем, рыцари, — всхлипывая, я рассказала про стычку с Вильгельмом и его подручными.

Жерард поднял мой подбородок на кончике пальца и повернул из стороны в сторону.

— Постаралась ты на славу, весь резерв опорожнила.

Он ушёл к себе в кабинет и вернулся с дымящимся в чашке отваром.

— Вышей — хотя бы нервы успокоит.

Я потягивала терпкий напиток, пытаюсь собраться с мыслями.

— Ничего тебе не будет, — Жерарда устроился рядом и водил вокруг моей головы руками, подлатывая бреши в ауре, восстанавливал резерв до минимума, делясь собственными силами. Немного отпускало. — Придётся провести дознание. Клятву ты не давала, а значит, и не нарушала. Они сами виноваты, что Кодекс попрали. У меня есть знакомый судейский защитник, ловкий малый, в обиду не даст. Да и не захочет Совет раздувать скандал. Скорее всего, дело предложат решить полюбовно. Извиниться и...

— Я не буду извиняться!

В дверь постучали. Жерард неодобрительно покачал головой и пошёл открывать.

— Маршал Комри зовёт вас и вашу подопечную для разговора. Сказал, это срочно, — послышался из прихожей запыхавшийся голос посыльного.

Жерард выпроводил его и вернулся ко мне.

— Вот ведь невезение. С Советом, поди, проще договориться, чем с этим лисом. Приведи себя в порядок и пойдём. Хотя нет, пускай видит, что натворили его «волчата».

Он укутал меня в плащ, взял под руку и вывел на улицу. Мы наняли извозчика и без приключений добрались до маршалского корпуса. Возле кабинета на обитой коричневым бархатом лавке сидели Вильгельм с товарищами. Судя по бледным, осунувшимся лицам с синяками под глазами, приложила я их хорошо. Они накрыли лбы мокрыми тряпками и зло поглядывали на нас.

— Сейчас за всё заплатишь, дрянная потаскуха! — с ненавистью сплюнул в мою сторону Вильгельм.

Я сжала руку Жерарда. Тот неторопливо повернул голову к рыцарям и смерил их презрительным взглядом:

— Какие любопытные образчики, дорогая, не находишь? — высокомерно осклабился он.

Я пожала плечами. Была в нём скрытая от посторонних глаз сила. Манеры, жесты, тембр голоса, мельчайшие оттенки смысла слов ясно говорили, что он даст отпор любому задире:

— Знаешь, какие разработки сейчас ведутся на Кафедре приемлемых наказаний?

Я покачала головой.

— Особое зелье, которое способно лишать мужчину потенции. Использоваться будет на рыцарях, которые совершили насилие над женщиной. Более строгие меры сейчас применять не решаются — каждый воин на счету, а вот безболезненно удалить пагубную страсть — пожалуйста. Единственная проблема — подопытных всегда не хватает, но раз уж эти трое славных рыцарей решили записаться в добровольцы...

Подручные Вильгельма вздрогнули, но он сам с вызовом заглянул в глаза Жерарда.

Прежде чем успела завязаться свара, дверь в кабинет Гэвина отворилась, и на пороге показался Сольстис.

— Маршал просит вас к себе, — вежливо позвал он нас с Жерардом.

Мужчины посторонились, чтобы пропустить меня вперёд, и я пошла, как на эшафот.

Гэвин корпел за грудой отчётов. Заиндевелые сединами виски выделялись на фоне густой смоляной шевелюры. Тревожные морщины углубились, добавилось новых. Но ярко-синие глаза смотрели с такой же остротой, словно пронзали душу. Я оробела. Жерарду пришлось подтолкнуть меня в спину.

— Слышал о вашей стычке с моими людьми. Вам повезло, что Сольстис перехватил их жалобу, — Гэвин жестом пригласил нас сесть на стулья перед его столом.

— Если нападение на беззащитную девушку можно назвать стычкой, — съязвил Жерард.

— Если девушку, владеющую боевыми приёмами истинной телепатии, можно назвать беззащитной, — парировал маршал.

— Она не рыцарь и клятв не давала. Если хотите судить её, то судите и своих людей за нападение и попытку изнасилования, — наседал Жерард. В должностях они сравнялись, но потягаться в знатности и влиянии с родом Комри вряд ли бы кто смог. Если бы захотел, Гэвин наверняка бы всех нас уничтожил. — А лучше впредь держите ваших «волчат» подальше от моих девушек. Сидя без дела, они совсем разнуздались.

— Не беспокойтесь, моя армия отбудет в поход не позднее чем через десять дней, — Гэвин хищно сощурился и перевёл взгляд на меня: — Прошу покорнейше извинить за

нахрапистые повадки моих людей. Война превращает даже лучших из нас в зверей.

— Вопрос в том, извинят ли они меня. Капитан Холлес грозился скандалом, — без обиняков ответила я.

— Если до этого дойдёт, то мы будем настаивать на двустороннем допросе с телепатами, — вставил Жерард.

— Нет! — изображая истерику, взвизгнула я. — Я не выдержу! Я согласна извиниться, если это их удовлетворит.

Оба недоверчиво уставились на меня.

— Этих «волчат» надо наказывать по всей строгости, иначе они ещё на кого-нибудь нападут, более беззащитного, чем ты, — давил на совесть Жерард. За эти годы успел изучить мои слабые места. Нет, я не пожертвую близкими во имя бесполезных принципов и такого расплывчатого общего блага! — Ты кого-то выгораживаешь?

Жаль, я пренебрегла искусством убедительной лжи.

— Капитан Холлес упоминал оборвашку, которая швырялась в них камнями. Я думал, это случайное совпадение, — некстати припомнил Гэвин.

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться:

— Она просто проходила мимо.

Брови Жерарда сошлись над переносицей. Маршал же сцепил руки в замок и попросил:

— Жерард, не мог бы ты оставить нас?

— Я не подчиняюсь твоим приказам, — возмутился тот. — Госпожа Веломри здесь под моей опекой, поэтому всё, что касается её, касается и меня.

Как я умудрилась встрять в свару двух политиков?

— Это не приказ, а дружеская просьба, — стоял на своём Гэвин. — Если хочешь, чтобы мы утрясли это дело и разошлись по домам, дай мне переговорить с твоей подопечной с глазу на глаз. Или я решу, что она выгораживает тебя.

— Уповаю на твоё хвалёное благородство, — Жерард шаркнул стулом и вышел.

— Рассказывайте, — Гэвин обернулся ко мне.

Один козырь против него у меня всё-таки был:

— Вы хотите сделать Микаша своим приёмником? Если эта история дойдёт до него, он полезет в драку. В драку с высокородным. Совет этого не потерпит, и его исключат из ордена.

Гэвин зашёлся сухим, невесёлым смехом, от которого прошибал холодный пот.

— Умная девочка, вы решили меня переиграть? Право, не лезли бы вы в осиный улей. Война и политика слишком жестоки, а уж если вы якшаетесь с сомнительными личностями...

— Хлоя просто нищая девочка из Нижнего города. Я познакомилась с ней, когда раздавала милостыню.

— Она воровка? Зря вы за неё переживаете. Сейчас до мелких грабежей никому дела нет. Вряд ли за ней отправят патруль.

Я в задумчивости жевала нижнюю губу. Насколько он ненавидит единоверцев? О чувствах к ним Жерарда я знала наверняка, но маршал Комри всегда оставался загадкой. Я зажмурилась, будто ныряя в омут с обрыва:

— Дело не в ней, а в её муже. Он единоведец.

Повисло молчание. Я приоткрыла один глаз. Лицо маршала тронула тень удивления:

— Вы знаете, что по законам военного времени не сообщать о единовецах —

предательство?

— Он обычный человек, как вы, я или доктор Пареда. Просто читает проповеди и никого к бунту не подстрекает.

— Так он ещё и проповедник?! — ахнул Гэвин.

— Я предлагаю вам сделку. Вы утрясаете всё с капитаном Холлесом, я даже могу стать на колени и извиниться, не требуете допроса и не рассказываете о моём друге. А я ничего не рассказываю Микашу.

— Вы не понимаете? Ваша дружба с единоверцами подставляет всех: вас, ваших родственников, Жерарда и его лабораторию, Микаша, меня, даже этого бестолкового Холлеса. Но в первую очередь — ваших друзей.

— Прощу, не надо их убивать! Они не демоны.

— Если бы они были демонами, то я бы уже давно направил против них свою армию, — Гэвин откинулся на спинку стула. — Мои условия: никаких извинений перед Холлесом. Вы произносите клятву, как и все рыцари, о том, что не станете использовать телепатию против своих. Я перевожу его в другую армию — хватит с меня их вражды с Микашем. Вы молчите обо всём.

— Спасибо! — я готова была расцеловать его, но он упредительно поднял указательный палец.

— Это не всё. Вы забудете дорогу в Нижний и не станете искать встречи с единоверцами. И скажите спасибо, что не требую отказаться от бредовой затеи Жерарда и перестать водить Микаша за нос.

— А сами вы что делаете?

— Я исполняю свой долг. И вам советую. Это моё последнее слово.

Маршал позвонил в серебряный колокольчик. В кабинет потянулись Жерард, Вильгельм и его товарищи. Стало тесно и душно. Я старалась не смотреть ни в сторону несостоявшегося насильника, ни в сторону Жерарда, чьим доверием пришлось поступиться, ни в сторону маршала, который вытряс из меня всю душу. Я вперила взгляд в пол.

— Госпожа Веломри, вашу руку, — Гэвин протянул мне увесистый том Кодекса. Я положила ладонь на кожаную, тиснёную золотом и окованную по углам обложку.

— Клянусь ни напрямую, ни косвенно не использовать свой дар против Сумеречников, не поднимать на них оружия и не клеветать на них перед простыми людьми, — громко и чётко выговорила я клятву.

— Вы удовлетворены, капитан Холлес? — маршал спрятал книгу.

Вильгельм недовольно прищурился.

— Принесите госпоже Веломри и её опекуну извинения за случившееся по вашей вине недоразумение, — продолжил маршал.

— Что?! — возмутился Вильгельм.

— Я подписал ваше прошение о переводе в армию маршала Пясты. Вы можете взять с собой дюжину рыцарей, включая этих двоих, — Гэвин кивнул на его товарищей и показал запечатанный конверт: — Вот ваши рекомендации.

Глаза Вильгельма хищно блеснули, рука потянулась за бумагами. Гэвин придвинул письмо к себе и положил сверху ладонь:

— Вначале извинитесь, иначе мне придётся приписать сюда пару строк о сегодняшнем происшествии.

Вильгельм закатил глаза, но всё же повернулся ко мне и процедил:

— Госпожа Веломри, прошу прощения у вас и досточтимого доктора Пареды за случившееся между нами недопонимание, — снова повернулся к Гэвину, не желая смотреть на меня дольше положенного: — Вы удовлетворены?

Тот, наоборот, протянул ко мне ладонь, ожидая вердикта.

— Вполне, — не хотелось тут задерживаться, хоть эта скотина и заслуживала порядочного наказания.

Вильгельм выхватил у маршала письмо и ушёл, забыв попрощаться.

— Покорнейше просим извинить... — смущённо пробормотали его товарищи.

Гэвин махнул рукой, и они поспешили следом за Вильгельмом. Набравшись наглости, я снова обратилась к Гэвину:

— Отправьте кого-нибудь предупредить Микаша, что я припозднюсь. Он, наверное, от беспокойства с ума сходит.

— Конечно. Только сдержите слово, — он говорил очень тихо, но во всём его облике сквозила угроза.

— Сдержу. Прощайте!

Я выбежала за дверь, краем уха расслышав, как маршал жаловался недоумевающему Жерарду:

— Молодёжь совсем от рук отбилась. Творят, что хотят, и совершенно ни о чём не думают. Что с ними будет?

Забыв об усталости, я промчалась по освещённым фонарями, людным улицам Верхнего, нырнула в узкий проход в Нижний и устремилась к знакомой лачуге. Отвернула полог, надеясь, что Ферранте ещё не спит.

Первой я увидела вовсе не его, а Хлою. Она кормила затихшего Руя грудью при тусклом свете лучины. Ферранте собирал на стол скудный ужин. Оба обернулись: воспалённые от пролитых слёз глаза Хлои и тревожный пронизательный взгляд Ферранте.

— Я вернулась, как ты хотела. Ты простишь меня? — попросила Хлоя надломленным голосом.

— Я не обижалась на тебя.

— Мы будем друзьями, как прежде?

Я покачала головой и перевела взгляд на Ферранте. Он всё понял без слов.

— Наши миры не должны пересекаться. Простите, — с трудом выдавила из себя и обняла обоих. — Не ссорьтесь и будьте счастливы.

— Нет-нет, пожалуйста, забудь всё, что я наговорила! Не уходи! — всполошилась Хлоя, испугав сына так, что он прекратил есть и расплакался.

— Это не твоя вина, это просто жизнь, — Ферранте отстранил её и повернулся ко мне. — Ступай с миром и не беспокойся о нас. В память о тебе мы постараемся прожить эту жизнь так, чтобы ты нами гордилась. Правда, Хлоя?

Она хлопнула носом, не отрывая от меня воспалённых глаз, и кивнула. Я соприкоснулась со лбом каждого из них, чмокнула малютку Руя и ушла. Последним, что я видела в их доме, были текущие по щекам Хлои крупные слёзы.

Разбитая мостовая прожигала пятки через сандалии, а следом гналось неизбывное чувство вины и страха. Страх за тех, кого я оставляла за спиной, страха за то, что я натворила, пренебрегая правилами и безопасностью, страха перед надвигающейся чёрной тенью разлуки и одиночества. Почему всё так неправильно?

На воздухе резерв восстанавливался быстрее, но усталость не проходила, а отчаяние

грозило погрести под собой. Слезы застили глаза, боль рвалась наружу сквозь сдавленные всхлипы. Скорее домой! Спрятаться от взглядов, от холода ночи, от ощущения надвигающейся беды, которую никому отвести уже не удастся.

Наёмный дом, знакомые ступеньки, узкий коридор на втором этаже, такая родная дверь с деревянной табличкой с золочёными рунами «Капитан роты Красноклювов, Микаш Остенский». В темноте не видно, но я точно знала, что это она. Хоть бы Микаш уже спал! Но надежды разбились, когда дверь распахнулась изнутри и он показался на пороге.

— Где ты была?

— Задержалась по делам. Маршал Комри должен был отправить к тебе посыльного. Он не приходил?

— Приходил, но я ему не поверил.

Микаш ухватил меня за локоть и втянул комнату на свет чадившей на столе свечи.

— Ты плакала? Кто-то тебя обидел? Скажи — я разберусь, — посыпались вопросы, которых я так боялась.

— Что-то в глаз попало.

— И губы разбиты, и одежда порвана, и резерв на три четверти пуст, потому что в глаз соринка попала? — не унимался он.

Я сбежала за ширму и принялась переодеваться:

— Я упала, надумала всякого и расстроилась. Ты же знаешь, на меня иногда находит. Пустяки.

Я уже натягивала камизу, когда Микаш ввалился за ширму и развернул меня к себе.

— Скажи, что случилось! Если не можешь, я просто прочитаю... — он уже касался моего лба.

Я вырвалась и закричала:

— Нет! Ты давал клятву!

Упала на пол и разрыдалась в голос, свернувшись калачиком и подтянув колени к груди. Заботливые руки подняли меня, отнесли на кровать и укрыли одеялом. Я не хотела, чтобы он уходил, цеплялась из последних сил, но не смогла удержать.

— Выпей, — меня приподняли и приставили к губам кружку с водой. — Тише-тише, — баюкали, как ребёнка, но больше успокаивали голос, запах, знакомые прикосновения. — Расскажи — станет легче.

— Пожалуйста, не спрашивай, если любишь.

— Это жестоко: видеть, что единственному близкому человеку плохо и не знать отчего. Понимать, что со всеми этими чинами и почестями я бессилён тебе помочь.

— Пожалуйста, — я разлепила горевшие веки. Надо мной застыло встревоженное лицо Микаша. — Не нужно ничего делать — будет только хуже. Просто обними меня.

Он послушно лёг рядом и прижал к себе крепко-крепко. Я уткнулась носом в его грудь, его рубашка промокла от моих слёз. Так хорошо!

— Пообещай, что мы никогда не расстанемся!

— Мы не расстанемся, пока ты сама меня не прогонишь.

В безопасности его сомкнутых рук я обмякла и, устроившись удобнее на его плече, уснула.

Интерлюдия IV. В свое время

Мир — лишь мгновение передышки между войнами. Снова пахло гарью и кровью над полем брани, снова жужжали мухи и кружили грифы над горами мертвецов. Сумеречники продолжали огрызаться, отказываясь верить, что могут проиграть вчерашним пахарям и ремесленникам, которых и за людей-то не держали. Биться будут, пока не передохнут все до последнего рыцаря, а там останется только редкие сорняки вовремя выпалывать, и тогда победа будет окончательной, никто не сможет оспорить их власть.

Впрочем, есть ещё свои, которым некстати захотелось действовать самостоятельно.

— Сообщение от Айгу! — потревожил созерцание смерти разгорячённый Нок. Единственный из них, кто подчинялся беспрекословно. — Он направляется в Нифельхейм. Напал на слухи, что там есть большие залежи Мрака. Отражение священного Хельхейма, его обратная сторона — такая вот легенда.

— Лучше бы он выбил осколки из парочки одиночек. Быстрее и надёжнее, — проворчал Трюдо.

Он закрыл глаза, развёртывая перед мысленным взором цветастую карту блистательной Священной империи. Южные области зачищены, кроме бескрайней Балез Рухез, впрочем, пригодна она лишь для испытаний самонадеянных Сумеречников, и уж точно не для жизни пугливого скота. А вот север ещё пылал. Взять бы один из их главных оплотов — неприступную Эскендерию или Ловонид с его священной цитаделью Безликого. Тогда бы с поимкой духов проблем не возникло. Однако без осколков они бесполезны, так пускай остаются на свободе, чтобы позже сорвать их в полном цвету, не раздавленных неволей.

— Его главный довод в том, что нам всё равно придётся возродить Тень, а сделать это можно только в месте последней битвы. Той, в которой мы не участвовали и воспоминаний не сохранилось. Айгу считает, что залежи — оставшийся от неё шрам. Хочет проверить и узнать наверняка, — перебил его мысли настойчивый голос Нока.

— Он всё стремится перескочить через несколько ступеней, но сейчас не время для этого. Нужно разобраться с Сумеречниками, оградить людей от их влияния, подготовить почву, и лишь потом засеять её семенами!

Нок улыбнулся и пожал плечами. Мол, только послания передаю.

Как же тяжело управляться с этой машиной. Прав был Рат, им не справится, характера не хватает, несокрушимого пламенного духа, чтобы держать мир в железных рукавицах. Вот уже и скот роптать начал, мол, зачем проливать кровь дальше, всё, что хотели, они получили, а золотые города Сумеречников на севере — так пусть с ними, лишь бы сюда не лезли. Смешные, ничего не смыслящие в войне людишки!

Нужны духи, за которыми пойдут, которых будут бояться и в которых поверят. Нужны, чтобы вспахать почву так, как ни один из простых не сможет. Лишь бы предатель Масферс не добрался до них раньше.

Масферс, Небесные его подери! Из-за него они лишились стольких шпионов, из-за него Синеглазый нашёл способ их вычислить!

— Где наши гости? Отчего задержка? — выкрикнул Трюдо, теряя последние крохи дарованного единением с Мраком хладнокровия.

— Сейчас будут, — оставаясь безмятежным, Нок указал на небо.

Закрывая палящее солнце, стая грифов собиралась всё гуще, кружа хороводами — внешний круг в противоположную сторону от внутреннего, так, что даже осколки Мрака укачивало. Крылья хлопали всё громче, кружился в воздухе белый пух, кричали почти почеловечьи. Столб яркого света пронзил середину стаи — любят эти твари помпезные выходы. В золоте спустились несуразные силуэты. Тонкие птичьи ноги, покрытое белыми перьями мощное тулово, похожие на человечьи руки, широкие крылья, длинные бесцветные волосы и птичья морда с продолговатым жёлтым клювом. Демоны расправили перья, позволяя солнцу изукрасить их кристаллами, что сверкали ослепительной роскошью. Нехбеты, король со свитой. Что за тщетные твари?!

Они опустились на землю и степенно прошли между трупами, будто по дорогим эламским коврам во дворцах Сумеречников. Король — самый высокий, голенастый, с жёлтым ободом вокруг шеи. С обеих сторон по три воина-охранника с серповидными клинками в руках. Позади птах поменьше, похоже, юный наследник, которого только вводят в курс дел, а потому таскают везде за собой как обузу.

Приблизились. Трюдо поклонился в пояс, показывая пример Ноку. Двое их осталось. Как управятся со всем до возвращения Айгу с подкреплением или без? Да и вернётся ли? А вот Масферс потерян наверняка.

— Зачем призывали? Мы не спускаемся с Кипящих скал без дела, — строго наказал король. Голос у него был высокий и звонкий, похожий на голоса певцов-кастратов.

Это явно не сговорчивые ифриты и полыхающие ненавистью Странники.

— Сиятельный Уомукота, — назвал его Трюдо по имени, показывая свою осведомлённость. — Мы хотели предложить союз. Освободим Мидгард вместе, и его обширные небеса будут принадлежать вам безраздельно.

— Ох, какие самонадеянные речи! — король склонил голову набок так, как смогла бы птица, но не человек, и вперил в Трюдо чёрные глаза. — Что-то не заметно, чтобы ваши союзники хоть что-то получили, кроме Сумеречного серебра в живот и горло. Мой народ не пойдёт на мясо, чтобы тени потом пировали на наших костях. Не наши пути.

— Все пойдут рано или поздно, — Трюдо презрительно сощурился. — Грядёт последняя битва, вы же сами чувствуете. Помогите победителям, и можете просить в награду всё, что пожелаете.

— Уж нет, лучше мы сами попируем на последнем пиру перед смертью, чем будем без толку биться об несокрушимые щиты Синеглазого, ломая себе крылья раньше срока.

— Я не прошу вас биться с Синеглазым. Пускай он достанется тем, кто жаждет его крови, презирая любые опасности. Поверьте, таких немало. От вас же требуется иное. Среди нас завелась паршивая овца: путает карты, срывает планы. Сами мы его достать не можем — он действует на вражеской территории. Уберите его, и награда ваша.

— Всего-то, — усмехнулся король. — Хорошо, но мы назовём награду позже, в своё время. Помните, ваше слово — всё что угодно.

Трюдо вздохнул. Кажется, его ловят на крючок.

— Нет, отец! Ты же сам говорил, что они заведут нас в погибель! — выкрикнул юный наследник, голос совсем уж тоненький, девчачий.

Что ж, другая сторона тоже боится подвоха, а значит, с ней можно будет справиться потом.

— Тише, Шепсит. Тяжёлые времена требуют тяжёлых решений. Мы согласны, лишь бы не встречаться с Синеглазым лицом к лицу, — король нехбетов склонил голову на другой

бок и протянул Трюдо руку.

— Вы жаждете его смерти? — лёгкая улыбка тронула растрескавшиеся губы Трюдо, пожалуй, впервые за эти дни. — Поверьте, этого желают все и никто больше, чем мы. Такую награду вы хотите?

— Скажем в своё время — это наше слово, — нехбет давал ему последний шанс, и Трюдо поспешил сжать его руку.

С этим покончено. Остаётся надеяться, что они справятся. Завтра нужно выступить в атаку. Новый день — новая битва, пока стены Эскендерии не падут перед Разрушителем!

Глава 31. За кольцом неприступных гор

С должностью капитана Микаш быстро сроднился. Ничего не изменилось, кроме того, что сейчас никто не брюзжал над ухом и не строил козни за спиной. Сами собой у него будто расправились крылья. Никто и слова не говорил против, не бросал негодующие взгляды. Единственные, перед кем надо было отчитываться — маршал и собственная совесть. С ними поладить не составляло труда.

Старички в роте хорошо его знали и полностью доверяли. Новички набивались именно к нему, пересказывая из уст в уста чудовищно преувеличенные истории о его подвигах. Такие воодушевлённые, заглядывали ему в рот, ждали чего-то. Микаш старался ради них, ради маршала, ради себя, делал больше, чем мог, выбивая для них лучшее снабжение, придумывая новые более эффективные тренировки, собирая идеально подходящие под задачи звенья, составляя более хитроумные планы. Сил мало, каждый рыцарь на вес золота, непозволительно расшвыриваться их жизнями, особенно сейчас — он всегда держал это в голове. Впервые всё заработало, как отлаженный механизм, невзирая даже на мелкие случайности.

Может, поэтому и проходил этот поход так легко, словно стал героической песней одного из бардов-рунопевцев, не успев закончиться.

Они продвинулись из Эламской пустыни в Габлахарские степи. За Пыльными скалами должно было раскинуться на много-много дней пути Заречье. Десять лет, поди, прошло, как он видел родную сторонку в последний раз. Как там сейчас всё? Стоит ли до сих пор чёрный замок Тедеску? Заросло ли травой пепелище на месте родного села? Щемит ли всё так же сердце, когда кличут песней зарю соловьи и стелется на ветру седыми волнами ковыль?

Такие мысли одолевали, чем ближе они подходили к заветной черте. Надежда трепетала в груди. Но всё обрушилось в миг, когда маршал возвестил на последнем военном совете:

— Пришёл приказ Архимагистра. Зачищаем скалы и возвращаемся в Эскендерию держать оборону перед единоверцами.

Собравшиеся тревожно загомонили. Микаш во все глаза смотрел на Гэвина и не мог поверить. Неужели всё закончится, не успев начаться? С трудом удалось сосредоточиться на объяснении плана действий, пришлось напомнить себе, что они ещё не на мирной земле, он — капитан, от него зависит всё и нет права на ошибку, из-за страхов ли, из-за личных желаний — неважно.

Только в конце, когда остальные покинули маршальский шатёр, Микаш поделился своей тревогой:

— Вы подаёте в отставку?

— Пока нет, но Архимагистр запрещает использовать силы ордена где-либо, кроме войны с единоверцами и обороны подконтрольных земель. Они потеряли слишком много войск и не могут позволить себе воевать на два фронта. Нам приходится платить за ошибки чужих полководцев, — Гэвин покачал головой, досадуя. — Может, отобьют очередную атаку и смягчатся, а может, это наш последний поход, так что давай завершим его красиво.

— Но без нас орда хлынет на беззащитных людей. Престолюдины этого не понимают, но Совет-то должен знать.

— Мы сделали всё, что смогли, разорили гнёзд столько, сколько никогда не

уничтожали. Лет тридцать-сорок демонам понадобится, чтобы зализать раны и восстановить численность. За это время что-нибудь точно изменится, — он подмигнул Микашу. — Иди спать и не надумывай лишнего, завтра будет трудный день.

— И вы тоже, — он улыбнулся и кивнул в ответ.

У его палатки постоянно дежурили два охранника — распоряжение маршала после покушения Дайона. Гэвин утверждал, что всё может повториться, хотя Микаш считал эту предосторожность лишней. Но спорить было бесполезно.

Лишь однажды в предрассветном тумане, когда Микаш выходил по нужде, заметил вдалеке блуждающие тени, расплывчатую, словно умирающий морок, ауру. Рука потянулась за мечом. Несколько щупающих шагов вперёд, и Микаш натолкнулся на кого-то плечом. Замахнулся, но остриё поймали ловкие пальцы и легко, словно пушинку, отвели в сторону.

— Тише, это всего лишь я, — сказал знакомый властный голос.

Микаш облегчённо выдохнул. Как ему удаётся настолько скрывать ауру? Только маленькая тень и различима, если сильно присматриваться.

— Что вы здесь делаете?

Босой, растрёпанный, нижняя рубашка в штаны не заправлена, под мышкой меч, глаза горят, как свечное пламя.

— Сомнамбулизм, с детства. Если голова болит при полной луне, то обязательно приступ, — ответил Гэвин.

— Вы ходите во сне?! — усомнился Микаш.

— Должны же у меня быть хоть какие-то недостатки, — усмехнулся маршал. — Иди спать. Ещё пару часов до побудки.

— Ага, вы тоже... идите, — нехотя согласился Микаш, поглядывая на него с подозрением.

Провожал взглядом сухощавую фигуру, пока не нырнул под полог палатки, и всё равно показалось, что маршал не пошёл спать, а следил за чем-то в тумане.

Настроение в армии было несерьёзное. Воины расслабились, предчувствуя скорее возвращение: улыбались, шутили, обсуждали, что будут делать дома. А ведь ещё не победили, не ушли из сумеречного мира демонов. Тревожное предчувствие сосало под ложечкой.

То ли из-за того, что Микаш так много об этом переживал, то ли из-за того, что в мире всё находится в равновесии, и если вначале было очень хорошо, то потом будет очень плохо, последний бой обернулся бедой.

Сбитым строем они подъезжали к выглядывающим из пыльной дымки острым серым пикам. Когда песчаные клубы расступились, из них явилась чёрная рать, какой Микаш ещё не видел. Судя по гулявшим по воинству испуганным возгласам, подобного не видел никто из них! Гидры и минотавры, ламии и горгоны, керберы и кекропы, василиски и огненно-рыжие мантикоры, толстые якши, многорукие наги и чернокожие с голубой гривой ракшасы, Лунные Странники и варги. Видимо-невидимо!

Армия замерла. Чёрная орда растягивалась в стороны, замыкая их в кольцо. Это ловушка, из которой нет выхода!

Кони тревожно хрипели, грызли удила и роняли себе на грудь белую пену, взрывали землю копытами и тревожно прядали ушами, предчувствия крадущуюся со всех сторон смерть. Воины оцепенели, перекрикивались приказами командира. Микаш мазнул шпорами по бокам Беркута и припустил к застывшей впереди воинства белой фигуре маршала. Они

никогда не стояли рядом во время атак из-за того, что телекинетические волны дара Гэвина перекрывали телепатию Микаша и могли случайно срикошетить, надолго выведя его из строя. Но сейчас как можно быстрее требовалось принять решение.

— Нужно уносить ноги, иначе все здесь полягут! — встревоженно кричал один из капитанов.

— Нужно, но так просто нас не выпустят, — согласился маршал. — Микаш, поведёшь основные силы в отступление. Пускай иллюзионисты укроют вас мороком. Я с добровольцами отвлеку врага на себя. Демоны пойдут за Утренним всадником, слишком много ненависти я у них вызываю.

— Это безумие! — замотал головой Микаш. — Вам не уйти отсюда живым.

— Я знаю, потому и беру с собой только тех, кто пожелает. Если это и правда наш последний бой, пускай он будет красивым.

— Позвольте мне пойти с вами! — не унимался Микаш. — Пусть Вальехиз руководит отступлением, у него больше опыта.

— Я поеду с моим маршалом, — выступил вперёд строгий помощник. — Мы начинали вместе, и закончим тоже вместе!

— Спасибо, друг, — кивнул Гэвин и снова обратился к Микашу. — А ты ещё слишком молод, ещё не завершил свою миссию, не дошёл до конца пути. Забирай молодых и полных жизни и поезжай в лагерь. Даст Безликий, мы выберемся и присоединимся к вам засветло, а если нет, то уходите с наступлением темноты. Я очень на тебя надеюсь, они все надеются!

Гэвин указал на стоявшее за их спинами воинство: перепуганных мальчишек, отцов семейств, которых дома ждали многочисленные родные, тех, кто хотел жить, у кого ещё всё было впереди. Микаш зажмурился, защипало нос и изнутри поднялась волна горечи, бесполезных «почему» и «не хочу». Нужно делать то, что говорят, каждый из них лишь исполняет свой долг.

Микаш кивнул, всё ещё разглядывая его, желая запечатлеть каждую черту, каждый неумолимо падающий, как песчинки в часах, миг, а мысленно уже произносил последние приказы вместе с остальными телепатами.

Гэвин приложил к губам серебряный рог, издав три протяжных гудка. Выдвинулись из строя добровольцы — заслуженные ветераны, повидавшие многое на своём веку. Ещё три коротких гудка — сигнал к атаке. Забарабанили по твёрдой земле копыта, поднялся ветер, клубы удушливой пыли столбом, боевые кличи драли глотки. Вздымалась иллюзия, что атакует всё воинство, лишь малая горстка поворачивает назад и бредёт прочь. А на самом деле... на самом деле!

Сосредоточиться на задаче, отсесть остальное, эмоции задвинуть так далеко, чтобы не язвили. Все надеются на него, даже маршал. Маршал! Не оборачиваться, не искать взглядом его непомерно большую ауру не получалось.

Конница врезалась в передние ряды чёрного воинства. Ракшасы, замыкавшие кольцо с дальних краёв, устремились к белому, изукрашенному золотом рассветной зари всаднику. Хищные волны налетели на Сумеречных рыцарей. Мелькали тени в пыли, лязгала сталь, свистели стрелы, визжали ламии, кричали люди, падали всадники, опрокидывались кони, раздираемые на куски зубастыми керберами. Вспыхивали ослепительными звёздами посреди тьмы и гасли ясные, родные ауры. Голубые всполохи телекинеза, натужное гудение ветра — ракшасы отлетали далеко, но тут же поднимались и снова бросались на окутанный морозным свечением вихрь. Огрызался запахом грозы, громовыми раскатами, но и он стих

вдали. Последним.

Отступавшим чудовищно повезло: на пути попадались лишь небольшие отряды горгон и мантикор. До лагеря добрались почти без потерь. Микаш тут же велел собираться в дорогу, следил, чтобы всё делали быстро и правильно, хотя необходимости не было. Кто видел орду, сами торопились убраться, кто не видел — услышал всё от товарищей. Просто надо было себя занять, чтобы не возвращаться мыслями, не представлять его лицо, его последние мгновения, не оставаться наедине с агонией и детской обидой. И всё равно Микаш смотрел только на горизонт и, уповая на чудо, ждал белого всадника.

К сумеркам подтянулась дюжина уцелевших, сильно помятых и истощённых.

— Это была бойня, чудом улизнули, когда вы скрылись за холмами. Вальехиза разорвали минотавры, прославленные герои — все полегли от атак пифонов и наг, — рассказывал один из них на военном совете, тот, кто ещё мог говорить.

— А что же маршал? — потребовал Микаш.

Рыцарь опустил взгляд и долго отмалчивался.

— Ракшасы взяли измором. Он принял на себя основной удар, а когда его резерв истощился, его загнали на скалу и опрокинули оттуда вместе с конём. После такого никто бы не выжил.

Микаш закрыл глаза, делая глубокие вдохи. Внутренности скручивало и жгло, хотелось упасть на колени и завывать. Нет, сейчас нельзя! Пускай осядет!

«Я надеюсь на тебя. Живи, мой мальчик».

— Трубите к отходу. Нам здесь больше делать нечего, — приказал Микаш.

Все уставились на него, один из командиров подался вперёд:

— Радуетесь? Его тело ещё не остыло, а ты уже готов занять тёпленькое местечко? Недаром же столько лет за ним по пятам бегал, шавка неблагодарная?! А теперь что, даже положенного срока дожидаться не хочешь?

— Маршал передал командование мне собственноручно, и вы все этому свидетели. Мой приказ — отходим сейчас и никого не ждём. Тех, кто не подчинится, заменят и посадят под охрану. Пускай Эскендерский суд решает, кто из нас неправ и какого наказания достоин! — ледяным тоном выпалил Микаш.

Он не знал, что они увидели в его лице, но наглеца тут же затолкали себе за спины и дружно ответили:

— Будет сделано!

Убежали исполнять и уже совсем скоро поехали обратно на запад подальше от Кровавых скал.

Только в душе всё свербело: предатель! Шавка неблагодарная! Должен был умереть вместе с ним, вместо него, а не занимать его место. По щекам текли слёзы, только в темноте их видели лишь ледяные звёзды.

***

Первые несколько мгновений он и сам не мог понять, жив или мёртв и сможет ли подняться из раскалённого моря боли и истощения, но, видимо, такова судьба его рода — погибать и возрождаться из собственного пепла, как легендарные фениксы.

Плескалась холодная вода, промочив одежду, солонела кровь на губах, камни впивались в бока, вдалеке слышались крики стервятников. Гэвин пошевелился и распахнул глаза. Он лежал в ручье, привалившись к животу своего коня, укрытый его ногами. Видимо, поэтому ракшасы его не обнаружили. Надо же, Шаркиз спас его даже в смерти. Недаром небесных

аргамаков Элама называли самыми верными из лошадей. Когда-то Гэвин мечтал отыскать водившегося в их косяках крылатого тулпара, но не вышло. Оставалось надеяться, что его потомки будут удачливей, и чудесный конь откликнется на звон узды настоящего героя.

Гэвин перелез через конские ноги и отполз подальше от ручья. От переохладения знобило или это оттого, что резерв опорожнился до предела? Гэвин ощупал себя. Вроде только висок разбил, в остальном всё цело — и то радуется. С криком встал на четвереньки и распрямился. Голову вело, ноги едва держали. Из оружия остался охотничий нож, огниво отсырело, а дров, чтобы просушиться и согреться, в лысых скалах днём с огнём не сыщешь, не то, что ночью. Только ледяные звёзды ехидно посмеивались с небес.

Гэвин зажмурился и прислушался. Усталое телами поле брани осталось южнее, орда ушла севернее за скалы. Кто такую ватагу собрал? Одержимый! Мог бы и раньше догадаться! Чувствовал же, как тот бродил возле лагеря, выслеживал. Снова, видно, пытался до Микаша добраться. Да не рассчитал, что демоны подчиняться не умеют, только жаждой крови и мстостью руководствуются. Зачем им мстить неоперившемуся мальчишке, если рядом скачет ненавистный Утренний всадник, наипервейший враг тёмных тварей, убивший их бесчисленное множество? Вот и пошёл прахом гениальный план.

Лишь бы Микаш послушался и увёл войска. Столько сил в него вбухано, а нет, слабость его главную так и не одолел. Да и сам слаб, не по руке этот лук, не взвести его тетиву так, чтобы поразил врагов в самое сердце. Впрочем, унывать нельзя, пока жив.

Надо бы восполнить резерв. Хотя нет, тогда его легко выследят. Это только кажется, что демонов рядом нет. На самом деле скалы кишат ракшасами, якшами и нагами. Как мимо них до своего воинства дойти?

Гэвин выпотрошил седельные сумки, забрав скудные запасы орехов, сушёного мяса и чудом уцелевшую именную флягу. Почтив Шаркиза молчанием, он пошёл на поиски укрытия. Если и пробовать улизнуть отсюда, то только при свете дня.

Гэвину уже приходилось умирать. Тогда он был моложе, может, даже глупее и уж точно заносчивей Микаша. Родился с серебряной ложкой во рту и считал, что весь мир вращается вокруг него. Одержал несколько побед на чистой удаче, получил звание маршала, когда одноклассники ещё из командирских чинов не вышли. Ему всю жизнь пророчили большое будущее, место Архимагистра. Но едва Гэвин нашёл себе подходящую, умную и заботливую супругу, едва появился на свет его первенец — Бран, как семейное проклятие ударило так, что он уже не чаял выжить.

Головные боли мучили его с детства. Наставники говорили, что это плата за могущество его родового дара — силу настолько огромную, что тело не выдерживало её и отторгало. С каждым годом боль усиливалась, доходя до кровавой рвоты и эпилепсии. Способности выходили из-под контроля, то поднимая все предметы вокруг в воздух, то пропадая полностью. Приговор целителей оказался неутешительным — болезнь дара, болезнь сильнейших Сумеречников. На затылке образовалась небольшая шишка, вырезав которую целители могли сохранить ему жизнь, но при этом он бы точно лишился дара и, вполне вероятно, разума. А если не резать, то жить ему оставался от силы год.

Глядя на молодую жену с сыном и представляя себя пускающим слюни в рубашку идиотом, неспособным даже держать меч, не то, что сечь орду, Гэвин струсил. Что за жизнь без дара? Даже не без руки или ноги, а без души, без самой сути, которая наполняла брэнное существование хоть каким-то смыслом.

Гэвин сбежал, от близких и знакомых, от всего мира, в погоню за мифом. В таверне

авалорского портового города Дубриса он заливал горе элем вместе с торговцами из Поднебесной. Они рассказали ему легенду о чудесном цветке, что растёт в храме Куала Джутти, в долине Агарты, окружённой кольцом самых высоких в Мидгарде гор, что зовутся Крышей мира. Цветок мог излечить любую рану, любую болезнь. Гэвин ухватился за этот миф, как за соломинку, хотя никогда не верил ни в богов, ни в сказки о чудесном избавлении. Тогда просто надо было что-то делать, чтобы не умирать жалкой развалиной.

В Поднебесной у подножья Крыши мира Гэвин нанял проводника, который согласился доставить его к ледникам, что устлали горное кольцо. Десять золотых запросил низкорослый, щуплый, плосколицый пройдоха за свои услуги и собрался в обратный путь, как только под ногами захрустел снег.

— Вон тропа. Дальше ступайте сами. Если боги сочтут вас достойным, то перенесут на своих крыльях в долину Агарты, если нет — навсегда останетесь пленником гор.

Гэвин усмехнулся. Сказками о богах его перекормили в детстве, и даже тогда он верил им не слишком. Хотел, порой очень сильно, когда надежда оставалась лишь на чудо, но даже тогда не мог перешагнуть через здравомыслие дневного мира. И вот сейчас: волшебный цветок, храм, которого никто никогда не видел? Верил ли он или шёл лишь потому, что надо было куда-то идти?

Вилась между ледяных глыб едва заметная тропка. Пленники гор — замёрзшие останки его предшественников изредка попадались на пути пугающими напоминаниями о неизбежном конце. Но Гэвин упрямо шёл вперёд, кутаясь в меха от пронизывающего холода и ветра, жмуря глаза от выжигающего зрение солнца. Каждый шаг давался всё труднее, пригибала ко льду непомерная тяжесть, стыла кровь в мертвеющих членах, холодил нутро воздух, которым не получалось надыхаться. Казалось, ещё чуть-чуть, и за поворотом появится вожденная вершина. За ней, за кольцом немилосердного сверкающего льда — цветущая, зелёная долина, полная сладкоголосой жизни и дарующая её каждому, кто смог вырваться из порочного круга гор.

В дурманном мареве истощения, холода и недостатка воздуха, Гэвин уже не понимал, видел ли сказочную долину на самом деле, или это была лишь предсмертная грёза. Он раскинул руки, крича протяжно, как птица, в сумасшедшей радости, которой у него не было так долго. Снег падал вверх, а не вниз, вихрился перевёрнутыми воронками, дробя куски льда и подхватывая за собой. Голову сжал спазм, хлынула кровь — из ноздрей, ушей, глаз — отовсюду. Такой боли он не испытывал никогда. Всё прервалось, обрушилось, твёрдая опора ушла из-под ног, и он полетел вниз, в вожденную долину. Свистел воздух, мимо проносились ледники, зелёная земля всё ближе. Гэвин вяло попытался замедлить падение даром, но тот отозвался чавкающей пустотой, будто и не было никогда.

Гэвин с детства мечтал о крыльях, иногда, когда отец рассказывал семейные предания, даже чувствовал, как они прорезаются из-под лопаток, раскрываются на много-много сажений вокруг и вспыхивают полупрозрачными павлиньими цветами. Ветер, старый друг, бьётся в них, наполняя несокрушимой мощью, щекочет перья. Гэвин воспарял над миром, видя и слыша всё, живя в каждой его даже самой мелкой частичке. Вот и сейчас, полетел — хлопали, гоняя ветер, настоящие крылья. Капали, перемешиваясь с кровью, слёзы восторга. Блаженная долина совсем близко, шептались цветущие сады, роняя на землю лепестки жасмина. Блеснула серебром речушка. Уже совсем близко! Одна нога на росных изумрудах травы, другая — коснулась прозрачной воды. Кружили тенями рыбины. Одна скользнула в сапог и обожгла кожу могильным холодом.

Снова спазм. Тот берег обратился пепельной пустошью, толпились на нём скорбные фигуры. Будто бы он их знал когда-то, будто собирал для них погребальные костры и читал наполненные высокопарной фальшью поминальные речи. Фигуры протягивали ладони и звали к себе.

Снова захлопали крылья, обняли грудь сильные руки.

— Хочешь жить? Тогда доверься мне, поверь в первый и единственный раз в жизни! — попросил молодой, полный сил голос. Ласкающий слух родной говор, в котором слышался звон клинков и гул ветра.

Гэвин поверил, ведь верить хотелось больше всего.

Сапог вместе с рыбиной отпустили ногу. Гэвин снова взмыл в воздух, только теперь вокруг была темень.

Трещало пламя, пахло терпкими целебными травами, шкуры кололи затёкшее тело. Гэвин открыл глаза. Навалилась слабость пополам с раздирающей голову болью. Болезнь никуда не ушла, полёт был лишь грёзой, а смерть так и не облегчила страдания.

— Где я? Кто здесь?

Горел костёр посреди тёмного пещерного зала. В жарких отсветах показалась затянутая в холщовый балахон фигура, на лице круглая белая маска, перечёркнутая тремя красными царапинами. Аура как у Сумеречника, похожая на его собственную. Человек или зеркальный демон, ворующий обличья?

— Это храм Куала Джутти? — снова спросил Гэвин.

Незнакомец повернул голову из стороны в сторону, словно осматриваясь.

— Если ты так хочешь, — ответил он так же по-родному звонко.

— Ты его настоятель? Ну, главный?

— Главнее некуда, — горько усмехнулся тот.

— Как твоё имя?

— Как назовёшь. Лучше выпей, — он поднёс к губам Гэвина глиняную чашку.

В горло полился горячий солоноватый напиток.

— Это что? — Гэвин попытался сплюнуть. — Людская кровь?!

— Нет, тише. Это кровь лучшего ягнёнка, принесённого в жертву на алтаре Небесного Повелителя чистой девой, — терпеливо объяснял незнакомец. — Пей, оно восстановит силы.

Жаль, что маска скрывала эмоции, и ориентироваться можно было только по голосу.

— Верь мне, я же говорил, когда тащил тебя с того берега.

— Так то была Сумеречная река мёртвых?! — пришло озарение.

— Ты оставил в ней сапог. И боюсь, всегда будешь стоять в ней одной ногой, видеть и тот мир, и этот — гораздо больше, чем простые смертные. А в остальном я тебя вылечу, ты ведь за этим пришёл?

Гэвин судорожно припоминал все казавшиеся бредом сказки.

— Какую плату ты возьмёшь?

— Плату, хм... — незнакомец задумался. — Кажется, пройдошливый проводник оставил тебе только щербатую медьку в кармане. Отдай её мне, и будем квиты.

— Всего лишь медьку за спасение жизни? Ваши подарки всегда не то, чем кажутся. Ты меня не проведёшь!

— Узнаю этот нрав! — хохотнул незнакомец. — Один из твоих предков одарил меня так, как никто из смертных не должен был. Целой вечности мне неостанет, чтобы оплатить

ему долг. Поэтому шербата медька — всё, что я могу с тебя взять. К тому же твоя жизнь с появления на свет — служение мне. Помнишь три священных гейса твоего рода?

— Ещё бы! Не кусать себя за хвост, не показывать свои крылья, никому и никогда не называть имя потомков Безликого. В нас вколачивают их розгами. В детстве они казались мне такой глупостью. Нету у нас ни хвоста, ни крыльев, а имя мы всё равно вынуждены называть каждый раз...

Незнакомец приложил палец к его губам, длинный, аристократичный и жёсткий от постоянных тренировок с мечом.

— Лучше соври, предай, но не называй его никогда, иначе весь мир пойдёт прахом. — Он убрал палец и вытер его от крови, в которой были перемазаны губы Гэвина. — Ты же знаешь, что речь не о том хвосте и крыльях?

Он задумчиво кивнул. Дети всё воспринимают дословно, но он уже достаточно повзрослел, чтобы понимать иносказания. И всё равно эти игры раздражали до одури.

— Я пришёл за волшебным цветком. Он должен излечить меня от болезни дара, иначе все твои труды окажутся напрасными.

— Этот цветок? — на ладони незнакомца вспыхнула большая синяя роза, с красотой которой не сравнится бы ни один цветок в мире. Гэвин протянулся за ней, но незнакомец щёлкнул пальцами, и она растаяла, как морок. — Речь не об этом цветке. Да и болезнь твоя вовсе не болезнь на самом деле. Тебя терзает противоречие: хочется верить, но не получается. Ты всё время поднимаешься в гору, но никак не можешь перевалить через хребет, вырваться из порочного круга. А дар всё растёт, распирает неготовое поверить тело невидимыми крыльями, разрывая его на куски. Я не смогу заставить тебя поверить: перевалить, вырваться и взрастить свой цветок должен ты сам. Я лишь смогу приковать твой дух к телу сакральными печатями, пока ты не сломаешь их, приняв до конца себя, свою роль, свой дар и свой род до самого первого легендарного предка. А до тех пор боль не уйдёт. Среди людей ты всегда будешь чувствовать себя чужим, понимать по-другому и не мочь объяснить, служить... не мне и даже не людям, а высшему миропорядку. До предсмертного вдоха, пока не будет сломлена последняя печать.

— Это такая плата?! — ужаснулся Гэвин.

— Это не плата. Я ничего ни от кого не требую, а лишь объявляю правила.

Незнакомец аккуратно перевернул его на бок и убрал с его спины меховую одежду.

— Выдохни и сожми это зубами, — он вручил Гэвину палку. — Я выправлю тебе крылья — будет очень больно.

Тот послушался. Всю жизнь прожил с болью, был уверен, что вытерпит. Но когда под лопатки ударили ножи и изнутри раны разорвало нечто ужасающе огромное — он оказался не готов. Никогда так не орал, истошно и долго, пока не лишился чувств, уверенный, что умирает. Очнулся там же. Лежал на разодранной в клочья спине, незнакомец царапал его большой иглой, выводя тонкие линии замысловатой татуировки.

Гэвин не сдержал стога.

— Тише, никто не говорил, что будет легко. Просто верь, и будешь жить.

Он прикрыл веки, растворяясь в потоках бессильной боли, а когда распахнул, обнаружил себя в комнате на занюханном постоялом дворе у подножья Крыши мира как раз там, где нашёл пройдошливого проводника. Гэвин откинул одеяло и оглядел себя. Никаких крыльев не было, но всё тело, кроме ладоней и лица, покрывала вязь чёрной татуировки: сплетение цепей и в ячейках между ними печати — птицы, звери, рыбы, растения, стихии,

сакральные руны. У левой лодыжки ядовито-красный шрам от ожога. Напоминание. Он всегда будет стоять одной ногой в Сумеречной реке и чувствовать на себе смрадное дыхание смерти.

Никто случившееся объяснить не смог. Говорили, ушёл в горы с проводником, а потом вернулся пьяный до невменяемости и весь разукрашенный, завалился спать, не отвечая на расспросы. Только шишка на затылке рассосалась, дар стабилизировался, головная боль хоть и не прошла полностью, но не беспокоила так сильно. Целители назвали его случай — чудесным выздоровлением. Сам Гэвин молчал, памятуя, что он им не объяснит, а они не поймут. Просто жил, впервые наслаждался жизнью. Послал к демонам политическую карьеру, отправлялся в походы так часто, как только мог, сёк орду, потому что знал — именно этого требует миропорядок, в этом смысл существования, и не только его, но и всего его рода и даже ордена. Оберегал глупцов от одержимых, возвращал врага, как сына, помогая ему расправить антрацитово-чёрные крылья. Во тьме они отыщут спасительный ветер, что раздует из головешек пламенеющее сердце. Новый восход станет смертью для тех, кто призывали тьму. Ибо так говорил миропорядок.

Гэвин мотнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Одному ему всегда было проще — не надо объяснять смутные предчувствия и хватать глупцов за руки за мгновение до того, как они сорвут очередной оползень.

Глава 32. Священная месть

Гэвин протиснулся в узкий проход пещерного лаза. Песчаная крошка перемазала лицо и одежду. Вниз в непроглядную темень змеился ручеёк. На ночь хотелось забиться поглубже и хоть немного передохнуть, но тоннель всё длился и длился. Гэвин полз, словно впереди брезжил обманчивый свет надежды. Но он действительно был! И не только он.

Мелькали всполохи демонических аур, среди них одна человечья, с голубыми прожилками родового дара. Гэвин дёрнулся было на выручку, но вовремя замер, учуяв пульсацию чёрных жил демонического семени вокруг сердца. Одержимый, чтоб его! Гэвин стиснул кулаки. Хотелось насадить его на меч, как на вертел, и поджарить на медленном огне, только меча больше не было.

Гэвин спрятался среди камней, надеясь, что никто не заметит его истощённую ауру.

Схватка кипела жаркая. Противники гремели оружием, швыряли друг друга на камни, шипели и визжали птичьими голосами, сотрясали пещерные своды и просыпали с них удушливую каменную крошку. Неудачное место для драки. А если начнётся обвал?

Вспыхивали и затухали ауры, тонкие, словно обмотанные жёлтой нитью — нехбеты. Редкие твари. Что занесло их так далеко от родной Балез Рухез? Зачем они напали на неистовых ракшас на их вотчине? Это самоубийство!

Агрессивно мерцали коричневые и серые ауры, глухое рычание сменялось боевым визгом. Любопытство пересиливало усталость, но Гэвин терпел. Скоро всё кончится, уже и нехбетов почти не осталось — уйдут, и можно будет глянуть на место битвы обычным зрением.

Надо отдать птичьим тварям должное — держались они до последнего. Впрочем, не стоило затевать свару с настолько численно превосходящим противником. Хотя, отсиживаясь в укрытии, рассуждать гораздо легче, чем столкнувшись с врагом лицом к лицу.

Вот и всё: ракшасы вместе с одержимым убрались в противоположную сторону от укрытия. Гэвин дождался, пока они покинут территорию, на которую простиралось его чутьё, и прокрался вперёд.

Большой пещерный зал освещала заглянувшая в колодец луна. На грани зрения зашевелилась слабенькая аура нехбета. Больше — никого. Ловушка? Выследили и пытаются выманить на открытое пространство? На тактику этих тварей не похоже, разве что одержимый ими командует? А, была не была!

Гэвин беззвучно прокрался между пропитавшихся кровью камней и пернатых тел. В пыли сверкнул серповидный клинок, целый, хоть и не слишком привычный. Гэвин плавно опустился за ним. Сбоку послышался печальный клёкот. Гэвин скосил взгляд. Возле одного из растерзанных тел замер комок белых перьев, вздрагивал и надрывно плакал. Забылся, видно, в своём горе, ничего не воспринимал. Что ж, к чужой удаче!

Гэвин поднял клинок и подкрался к твари сзади, ухватился за жёлтый гребень на голове и приставил клинок к длинной шее.

— Не дёргайся. Расскажи, что тут было, и, быть может, останешься жив.

Тварь попыталась взвизгнуть, но Гэвин сжал её клюв ладонью. Мелкая, плаксивая и пугливая. Никак, девчонка? Ну просто здорово!

— Успокойся, я не причиню тебе вреда. Пока.

Гэвин убрал оружие и развернул нехбета к себе. Чёрные птичьи глаза уставились в его лицо и едва не вылезли из орбит. Она вырвалась из его рук, запнувшись об лежавшее на полу тело, рухнула на камни и заверезжала так истошно, что уши заложило. Хоть бы демоны ушли как можно дальше!

Девчонки! Не умел с ними Гэвин никогда. С мальчишками-то всё ясно, гаркнешь на них, врежешь, сразу как шёлковые становятся, силу уважают. А девчонки, что девчонки? Слово им не так скажешь, уже на стенку лезут и в истерике бьются, а могут и вовсе себя до болезни довести! Как с ними быть?

Гэвин поставил её на ноги и отряхнул. Локоть рассадил несильно, а в остальном целая. Гэвин полез за ножом, чтобы отрезать чистый край рубахи на повязку.

— Не трогай меня, Синеглазый! Я лучше убью себя, чем позволю тебе съесть моё сердце! — взвизгнула птичья девица.

Гэвин поперхнулся, хохот заколотил в бока. Нет, он знал, что демоны придумали ему нелепую, больше подходящую дамскому угоднику кличку. Но чтобы ещё распускать такие глупые сплетни?

«Наши дети боятся сказок о чудовищах, а чудовища боятся сказок... обо мне».

Гэвин встряхнул её, приводя в чувство:

— Я не трону тебя, если ты перестанешь вести себя, как маленькая дурочка.

Она вжала голову в плечи, лупала огромными глазами и стрекотала клювом. Такой длинный, поди, и проткнуть может. Гэвин промыл ссадину на локте водой из фляги и обмотал повязкой. Такие, как он, умели отменно убивать и калечить, а уж никак не лечить и утешать.

— Как твоё имя?

— Ш-ш-шепсит, — пропищала она, немного успокоившись. Всё время возвращалась взглядом к распластанному у их ног телу. От других этот мёртвый нехбет отличался золотым ободом на шее.

— Ваш король? Твой отец? — выдавал Гэвин предположения одно за другим, следя за реакцией Шепсит. Её взгляд становился всё испуганней. Тело приняло напряжённую позу. В яблочко! — Ваших здесь не слишком много. Летучий отряд? Основные силы дожидаются неподалёку?

Клюв клекотал настолько нервно, что начал раздражать.

— Я слышал, вы умеете открывать порталы из солнечных лучей на дальние расстояния. Если я верну тебя твоему племени, вы переправите меня к моему племени на другой стороне скал?

— Нет! — она бешено замотала головой. — Ракшасы убили моего отца и его свиту. Если я не отомщу, то племя меня убьёт.

Демоны старых привычек не меняют. Живут только мстостью и жадностью крови, хотя праведней защищать живых. Впрочем, это людские традиции и взгляды: мёртвых — сжигать на кострах и развеивать обиды с пеплом, заботиться — о выживании племени. Только благодаря этой стратегии они и выбрались из смертоносного Муспельсхейма.

— Зачем вы вообще напали на ракшас?

— Охотились на взбунтовавшегося слугителя Мрака.

Гэвин вскинул брови:

— Разноглазого одержимого?

Уже интересней! Значит, эта скотина ушла в самоволку и все покушения — его личная

инициатива. Да и вряд ли бы тёмная братия стала так рисковать своими шпионами.

— Да, его. Остальные служители обещали нам награду за то, чтобы мы его убрали.

Птичий народ хорошо отлавливал одиночек, умел высмотреть их сверху и напасть неожиданно, молниеносно. Только в закрытом узком месте с многократно превышающим их численность противником не сработало.

— Отец ожидал, что они нас обманут, как обманывали всех наших предшественников, поэтому пошёл на хитрость и сказал, что назовёт награду после.

— Но его всё равно загнали в ловушку.

Шепсит воинственно выкрикнула:

— Я должна отомстить: и ракшасам, и служителям. Всем!

Гэвин не удержался от смеха:

— Как же ты собралась перерезать такую ораву?

— Вот так! — девчонка подхватила с пола ещё один клинок здоровой рукой и набросилась на него.

Гэвин лениво отбивался, больше сосредоточенный на работе своего тела. Мышцы гудели, но оставались такими же податливыми. Он примерялся к непривычному оружию. По технике боя больше похоже на топор, чем на меч. Надо опробовать его на ком-то неживом. А девчонка не так плоха, выдержки и опыта не хватает, но со временем это придёт. Если она выживет, конечно. Зацепив её клинок, Гэвин выбил его из её руки и прижал лезвие к цыплячьей шее.

— Охолонула? Эдак ты только погибнешь зря.

— Ну и пусть! Лучше умереть сражаясь, с гордо поднятым лицом!

— Умирать нужно за дело, а не из-за глупой прихоти. А лучше не умирать вовсе!

Потеряв терпение, Гэвин связал её ремнём от своих штанов. Всё оружие, что здесь нашёл, засунул под валуны так, чтобы спесивая девчонка не смогла достать. Расчистил от камней место у стены и улёгся прикорнуть хоть пару часов до рассвета. Утром что-нибудь придумает. Дожить бы!

Бессонница мучила его с детства вместе с головными болями. Даже когда удавалось заснуть, то он всё равно подхватывался от любого шороха. Поэтому у Шепсит ничего не вышло: Гэвин перехватил острый клюв в нескольких пядях от своей груди.

— Угомонись, а не то я сверну тебе шею! — прикрикнул он, не отпуская.

Из колодца над головой лился яркий солнечный цвет, поблескивая крошечными пылинками. Хоть отдохнуть дала, окаянная! Вроде уже и тело не так ломит. Гэвин запихал Шепсит на место у стенки рядом с собой, закинул в рот горсть орехов и запил остатками воды.

— Хочешь? — предложил он, заметив, что она смотрит на него, как несчастный птенчик.

Шепсит мотнула головой.

— Как хочешь. Я тут подумал, наши с тобой желания совпадают, — надо говорить на понятном этим тварям языке. С людьми у него получалось слабо, впрочем, Гэвин и правда чувствовал себя чужим в их солнечном мире, а вот демоническую братию знал, как облупленную. И твари знали его гораздо лучше, чем люди, посему силы на утайку и прикрасы тратить не приходилось. — Одержимый покушался на моего подопечного и натравил на моих людей орду. Ты выследишь его, а я вскрыю ему брюшину и выдавлю из неё осколок мрака, который делает его неуязвимыми. Мы отомстим вместе, а после вернёмся в

твоё племя, и они отправят меня к моей армии за скалы.

Шепсит недоверчиво курлыкнула и отвернулась. Гэвин снова поймал её за клюв и заставил повернуться.

— А потом. Потом! Мы вместе отомстим тварям в голубых плащах. Только на это потребуется время, много времени. Но, обещаю, мы сделаем так, чтобы они сами угодили в ту яму, что вырыли для нас. Даже проиграв, можно одержать величайшую победу.

В чёрных глазах Шепсит затеплился интерес.

— Почему я должна тебе верить? Ты такой же, как они!

— Нет, не такой. Я когда-нибудь обманывал кого-то из вашей братии или не держал своё слово?

Шепсит молчала. Осталось последнее средство. Гэвин развязал её, достал нож и надрезал свою ладонь.

— Моя кровь священна. Никто из её обладателей не сможет нарушить данную на ней клятву, не запятнав честь нашего покровителя, — Гэвин указал на видневшееся в колодце небо. — Клянусь, что ни тебе, ни твоему племени вреда не причинят. Мы отомстим вместе!

Она пристально разглядывала его, нашла глазами непогребённое тело своего отца и всё-таки пожалала окровавленную ладонь.

Шепсит показал ему другой, короткий выход из пещеры. Они спустились со скалы на усеянное трупами поле брани. Оказывается, рыцари многих демонов забрали с собой на Тихий берег, гораздо больше, чем можно было представить. Внизу из-под камней бил ключ, и Гэвин остановился набрать чистой воды во флягу.

— Поешь. Тебе понадобятся силы, — предложил он, заметив, с каким голодом она смотрит на трупы.

«Мёртвое — мёртвым», — повторял он про себя, борясь с брезгливостью, когда Шепсит накинулась на лежавшего рядом рыцаря. Не слышать бы чавканья рвущейся плоти, не ощущать бы смрадного трупного запаха, и не вспоминать имена тех, кто ещё вчера скакал с ним в одном строю. Нельзя получить всё. Злость придаст сил ослабшему телу. Главное, направить её в нужное русло.

Шепсит вернулась, закончив трапезу.

— Сможешь слетать на разведку? Мне необходим подробный план местности с точками расположения противника... и союзника, если найдёшь, конечно.

Шепсит распустила огромные крылья, распушив перья и подставляя их просушиться на солнце, и взмыла в небо. Гэвин с завистью наблюдал за её плавным полётом. Лишь когда она превратилась в точку на горизонте, напомнил себе, что у него куча дел. Обыскал погибших воинов, опробовал клинок нёхбетов на кусте чертополоха. Похожий на козью ногу, он оказался заточен с обеих сторон: удобно исподтишка глотки резать и рубиться в кучном сражении тоже неплохо, но все же прямой клинок авалорского клеймора роднее и ближе. Дома придётся искать искусного оружейника, чтобы сработал новый. Жаль, мастера сейчас, как и воины — повывелись.

Изучив ближайшую территорию и не обнаружив следов опасности, Гэвин вскарабкался на высокую скалу. Вспомнились времена ученичества, когда наставник Гвидион гонял его, щуплого и не в меру энергичного мальчишку, по кручам и высоким деревьям, а позже обучал канатоходству, чтобы он мог удерживать равновесие на кончиках пальцев ног. Равновесие как телесное, так и душевное — главное для телекинетиков. Главное для любого Сумеречника, что с активным даром, что с пассивным, воздушным, водным, огненным или

земляным. Наставник был хорош, Комри всегда доставалось всё лучшее, и заботились о них, как о королях. Жаль только, что Брана наставник признал недостойным. Сказал, нет в нём ни чутья, ни характера. А без них чистая сила, сколько бы её ни было, бесполезна. Но может, лучше, что старший сын в материнскую породу пошёл, открытый и мягкий, как маленькое солнышко. А вот с младшим, Дэвидом, который даже внешне был копией Гэвина, будто выжженный ледяной пустыней, близкие отношения не сложились. Двум замкнутым сухарям разговаривать просто не о чем.

Взобравшись на вершину, Гэвин взмахнул головой, отгоняя мысли о детях. Не время сейчас, вот вернётся и будет решать их проблемы, раз ордену его услуги без надобности. Брана отправит на испытание, он умный и осторожный. Хоть и не Гвидион, но другие учителя им гордились. И компаньон у него славный, сирота Ойсин Фейн, доблестный и верный. За время, что он воспитывался в доме Гэвина, они с Браном стали неразлучны, почти как братья. А Дэвида покажет Гвидиону. Такой характер северного волка ему нужен или опять мифического чутья не хватит?

Так, стоп! Снова не о том. Гэвин уселся на плоском пяточке, скрестив лодыжки. Сверху видно было далеко, до зубцов скал, которые загораживали степные просторы. Демоны либо ушли, либо забрались глубоко под землю подальше от солнечного света. Инстинкт, сохранившийся у тварей с давних времён, когда людские племена ещё не покинули Муспельсхейм. От рассвета до заката нещадно убивали их Всадники Зари, братья-Ветры. Лишь с темнотой возвращались они в Благословенный град на Девятых небесах к матушке Белой птице Умай. В темноте люди становились беззащитны, а демоны вымещали на них злобу, пока один из Всадников не покинул отчий дом навсегда, чтобы защищать людей и ночью. Бесстрашный и самоотверженный Безликий. Но быть может, ему просто так же было невмозможу разбираться с домашними делами, и хотелось на свободу, в большой мир, слушать зов дорог, песню копыт, танцевать танец клинков и не оборачиваться на тех, кто остаётся за спиной и режет душу корящими взглядами.

Ах, ты! Пустой резерв не даёт сосредоточиться и заставляет мысли блуждать по самым тёмным закоулкам души. Нужно его восполнить.

Гэвин сложил ладони на груди кулак к кулаку, закрыл глаза и задышал глубоко и размеренно. Он знал техники, которые позволяли восстановить силы за пару часов. Раньше Шепсит вряд ли вернётся, если вернётся вообще. А если нет, то он сам отыщет выход. Можно попробовать телепортироваться своими силами, но в запасе всего один прыжок — пять вёрст, десять самое большое, но даже этого слишком мало. Только зря себя раскроет, и дальше придётся ковылять без сил. Не телепортатор он, как Ойсин. Талантливый воспитанник такое порой выделял, что зависть брала, по-хорошему так. Годы уходят, и скоро, совсем скоро придётся уступить место молодым: Микашу, Ойсину, Брану с Дэвидом. Новый мир они будут творить самим. Тьфу, снова не то!

Выберется как-нибудь, даже если Шепсит не вернётся. Только жаль упускать возможность прищучить одержимого. Разгадал стратегию Гэвина? Или решил для себя немного власти выторговать? Свои им не особо довольны, раз следом убийц посылают. Значит, есть ещё шанс, есть за что бороться. Убрать бы гадину! Даже если Шепсит не вернётся, попытать счастья самому. Если заполнить резерв до предела, можно скрыть ауру, тайно пробраться в стан противника и... лишь бы сил хватило.

Кожа впитывала воздух каждой порой, сгущая и оборачивая внутрь себя потоками чистой энергии. Ветер, брат мой, мы одно, ты и я, моя боль — твоя боль, моя судьба — твоя

судьба, так даруй мне силу преодолеть кольцо гор, раскрой мои крылья и позволь приобщиться к благодати Священной долины, чтобы вернуться из неё перерождённым для новых свершений во славу твою и во спасение всего сущего.

Захлопали крылья. Гэвин распахнул глаза. Перевалило за полдень, на небо набежали плотные серые тучи. Похоже, будет дождь. Резерв восстановился! Гэвин удовлетворённо щёлкнул пальцами и поднялся, ощущая в теле пьянящую лёгкость силы. Энергия текла по жилам, растапливая сковавший суставы лёд. А вон и Шепсит, уже на подлёте, вернулась-таки, шельма!

Гэвин спустился к подножию, где для них двоих хватило бы пространства. Шепсит села рядом, подобрала с земли палку и нарисовала в пыли план местности.

— Вот здесь ракшасы стоят, у реки, никуда вроде идти не собираются. Служитель в центре, его хорошо охраняют.

— Наверняка решил, что после той бойни вы будете мстить. Какой там рельеф? Есть, где спрятаться?

— Нет, степь отовсюду просматривается. Только за высоким берегом можно укрыться ненадолго.

— Угу, и вода запах отобьёт. До твоих далеко?

— Не очень. Они с другой стороны скал дожидаются, но скоро уйдут.

— Тогда не будем терять времени, — Гэвин задумчиво почесал бровь. — Сможешь спрятаться в облаках и отнести меня туда, где находится одержимый?

— Ты слишком тяжёлый!

— Я облегчу свой вес с помощью дара, это не сложно. Схвачу одержимого и телепортируюсь с ним к тому высокому берегу, что ты показала. За полчаса я с ним разделаюсь, а потом ты заберёшь меня и отнесёшь к своим.

— Я думала, ты войдёшь туда в небесном сиянии и всех раскидаешь! — усомнилась Шепсит. — Лучше я вернусь в племя, и мы нападём сверху скопом.

— Будет бойня, как в той пещере. Надо действовать скрытно. Неожиданность — наш единственный шанс. Ракшасы уверены, что я мёртв, а вы так подло нападать не станете. Давай, ты же ничем не рискуешь в отличие от меня. Если не получится, возвращайся со своим племенем и атакуйте в лоб.

— Ты безумен, как и твой план!

— Как и твоя месть. Так чего мелочиться? Управимся засветло?

Шепсит обхватила Гэвина крепкими руками под мышками и взмыла в небо. Видно, других вариантов у неё не нашлось.

В облаках было холодно, как зимой. Ветер трепал оставшиеся от добротной одежды лохмотья, пронизывал до костей. Впрочем, так даже легче — силы на уменьшение веса тратились небольшие, а близость к материнской стихии тут же их восполняла.

Вначале они осмотрели берег, чтобы Гэвин смог верно сориентировать прыжок, и снова спрятались в густом облачном мареве. Теперь силы расходовались и на скрывающий ауру полог. Несложная отработанная техника, но тех крупинок, что на неё уходят, может не хватить на прыжок. Нет, нельзя думать о неудаче! Гэвин зажмурился, выискивая нужную ауру. Она как маяк среди демонической тьмы, светила лазурью, обманчиво человеческая, дружественная.

— Спускайся! — скомандовал Гэвин прямо над ней.

Засвистел ветер, заложило уши, дыхание спёрло от стремительного падения. Шепсит

отпустила руки. Гэвин приземлился на ноги посреди лагеря ракшас. Одержимый остолбенел от неожиданности на расстоянии вытянутой руки. Сверкали желтизной глаза ракшас, щерились их кошачьи морды в чёрно-белую полосу, становились дыбом голубы гривы. Твари шевелились, как сонные тетери — светло ещё слишком, не ожидали, устали.

Не раздумывая, Гэвин ухватил одержимого за руку. Беззвучным громом раскрылась вихревая воронка. Шаг в бурю, и нет уже вражеского лагеря. Они заскользили по отвесным горкам, вниз и вверх, снова и снова. Одержимый истошно вопил над ухом. Выход озарился молниями, ноги врезались в илистую речную почву.

Одержимый рухнул на колени, закрывая ладонями голову. Гэвин привычно помог себе удержать равновесие руками. Эта часть прошла как по маслу. Он ухватил тварь за волосы и поднёс к горлу нож.

— Не ждал, голубчик, что я тебя на твой же крюк поймаю? Отвечай, какого демона тебе от моих людей понадобилось!

— Сам-то не знаешь? — отплёвываясь от воды и песка, хрипел одержимый. — Пытаешься изменить его суть? Уничтожить нас изнутри? Не получится, не возьмём его, тобою подпорченного. Есть лучше, мы найдём!

— Твои товарищи с тобой не согласны, если не заметил, — парировал Гэвин.

— Они тоже поймут, когда увидят, как он лижет твои руки.

— Может, они уже знают и понимают гораздо лучше, чем ты, — Гэвин усмехнулся. Кажется, одержимые и правда куда ближе к людям, чем к демонам, а значит, не всё потеряно. Человечность — единственное, что может спасти от Мрака. — Власть над людьми тяжёлая штука, особенно когда зиждется на таком шатком фундаменте, как народная вера. Не зная правил игры, вы не выстоите, просто заведёте этот корабль на риф, и все пойдут ко дну — мы, вы, они. Я же сотворю такого кормчего, который не даст вам, идиотам, отправить этот корабль в бездну. А твоё непонимание будет стоить тебе жизни.

Гэвин развернул пленника лицом к себе и воткнул нож между рёбер.

— Ты... будешь... гореть! — хрипел одержимый на последнем издыхании.

— Буду, но ты этого не увидишь.

Тело с плеском рухнуло на мель. Гэвин растопырил пальцы, направляя остатки сил в развороченную грудину. Осколок отчаянно цеплялся за сердце, не желая покидать свою жертву. Дурнота обозначила предел возможностей. Гэвин потчевал Мрак мерным речитативом тайного заговора, как своей священной кровью. Если верить, что она и вправду... Что все сказки, все легенды, которые он так презирал в детстве, истинны.

«Перевалить, вырваться и взрастить в своей душе цветок можешь лишь ты сам».

Такие нечеловеческие усилия!

Что-то хрустнуло, и тьма потекла в густеющие молоком сумерки, развеиваясь по ветру прахом. Гэвин припал на четвереньки. Кап-кап-кап — подали с носа и расползались в прозрачной воде тёмные цветки. Шелестели крылья, сильные руки обнимали со спины.

«Продержись ещё немного, герой всех сказок!»

Каким чудом Шепсит дотянула его до своего племени на другом конце скал, Гэвин не знал. Сил едва хватало, чтобы удерживать бодрствование.

«Спи», — шептали птицы, укладывая его на собранное из гибких прутьев ложе. Он спал и видел сны о полётах и павлиньих крыльях, но даже в них попасть в долину Агарты за кольцом неприступных гор не смог. Пусть кто-то из потомков будет удачливей!

— Заря, пора возвращаться, пора уходить, — разбудила его Шепсит мягким клёкотом.

Гэвин поднял голову и оглянулся. Много нехбетов. Птичья девчонка среди них ярче и будто значительней, а вокруг шеи, как у отца золотой обод. Пускай наши дети будут лучше нас, счастливее и сильнее!

— Какой у тебя план, ну... насчёт остальных?

— Сейчас не время... — слова выговаривались с трудом, но их нужно было сказать. — А когда наступит, я подам знак, и вы назовёте одержимым свою награду. Ею будет моя смерть в огне.

— Нет, герой, не нужно! — вскрикнула Шепсит плаксиво. Как с девчонками сложно, впрочем, с мальчишками не легче.

— Нет, нужно! Ради праведной мести, ради того, чтобы наш корабль не разбился на рифах и жизнь продолжила свой путь. Я не боюсь смерти!

Шепсит сжала его ладонь, не выдержала и обняла. По её примеру обнимали его и остальные птицы. Пришло время прощаться.

***

Первые дни отступления Микаш почти не спал. В войске не роптали из-за его решения, красноклювы поддерживали, старые друзья не забывали похлопать по плечу и справиться, всё ли в порядке. Только вину это никак не утоляло. Он не делился своей болью, продолжая тянуть маршальскую лямку, показывал себя железным, бесчувственным даже. Только бы все шли вперёд, только бы не подвести его хотя бы в этом.

Мелкие стаи горгон и керберов нападали исподтишка, но войско легко их отбивало, не замедляя марша. Спасение было уже так близко. Ночёвка длилась часов шесть. Последний переход, и они попадут в светлые людские земли.

Микаш лежал в своей палатке и вглядывался во тьму, пытаясь отпустить кошмар: ракшасы рвут на ошмётки маршальский плащ, опрокидывается со скалы тонконогий белый конь, и Гэвин гибнет в огне. Почему в огне? Микаш не знал. Только кошмары должны пройти за ночь, а днём — упорный труд — им места нет.

— Мастер Остенский! — громко позвал посыльный.

Микаш схватил меч и выскочил из палатки.

— Демоны идут! Дозорные видели! — кричал Кумез, махая рукой на восток.

— Трубите общую тревогу! Вооружайтесь! — приказывал Микаш, уже мчась туда.

Убьёт! Даже если не убьёт, то погибнет с честью!

Пылала кромка горизонта, выщечивая ночную синь до сизой зелени. В небе чёрной тучей собиралась стая грифов. Галдели, кружили, словно выглядывая падаль. Но ведь войско ещё живо!

Микаш бежал к ним со всех ног, не понимая, что гнало его так отчаянно. Хлопали мощные крылья, в нос набивался пух, мерное кружение птичьих хороводов завораживало чем-то потусторонним. Золотистый столб света едва не ослепил, пылинки складывались в магический узор, поворачивались и менялись. Показался внутри чёрный силуэт. До него — один шаг. И целая вечность — бездна между ними.

Нет! Микаш рванулся изо всех сил, отчаянным прыжком веры, замахнулся, но остриё поймали ловкие пальцы.

— Тише, это всего лишь я, — миролюбиво сказал голос, который он так жаждал услышать.

Опустошённый, Микаш упал на колени. Тихо звякнул в траве клинок.

— Накажите меня за предательство!

— Какое предательство? Ты же спас войско, я горжусь тобой! — Гэвин протянул ему руку, преодолевая это чудовищное расстояние. — Когда-нибудь ты станешь великим, совершеннейшее из моих творений. Только не плачь, праздник — не время для печалей.

Микаш судорожно выдохнул, сглатывая слёзы. Надо же, не сдержался! Грифов уже и след простыл, исчез столб золотистого света, и только солнце румянилось у горизонта.

— Какой праздник? Мы же проиграли.

— Можно победить, даже проиграв. Идём, я научу тебя. Мы ещё поборемся.

Гэвин впервые улыбнулся настолько искренне и открыто. Микаш снова не сдержался, смеясь над собой и своими глупыми мыслями.

— Так намного лучше! — маршал похлопал его по плечу, когда тот поднялся.

Вместе они побрели навстречу воинству.

Глава 33. Точка невозврата

Малый Совет донимал отчётами, стараясь урезать финансирование. Уже не было секретом, что казна пуста и золота не хватает даже на войну с единоверцами. Будто видения об умирающем мире сбывались. Город мрачнел, увядание и тлен витали даже в свежем весеннем воздухе. А ещё страх, очень много страха, который стал осязаемым даже для тех, кто телепатией не владел.

Со слабаками из своего же племени Сумеречники ощутили ущербность: не могли сражаться и вполнину так же яростно, как с демонами, мучились жалостью и сомнениями. Ошибались и падали под ноги грязных и безграмотных оборванцев, словно колдовство спеленало их, сделав бессильными.

Предательства прошли по ордену моровым поветрием. Армия маршала Беноччи из-за этого попала в засаду, единоверцы вырезали её под корень. Теперь следили за каждым членом ордена и арестовывали по малейшему подозрению.

Волны непрекращающихся боёв подкатывали близко, захлестнув весь юго-запад Мидгарда и прорвавшись даже северней, в большую и сильную Веломовию. На Авалоре дела обстояли не лучше: священный остров, как саранча, наводнили проповедники, баламутили простой люд, вербовали легковерных, устраивали покушения на знать.

Совет только очнулся. Повсюду возводились эшафоты, частоколом с отрезанными головами обрастали центральные площади, но время безвозвратно ушло.

Нужно было срочно переводить проект в более безопасную и богатую Норикю. Только он спасёт мир, когда ничего уже не останется. Жерард писал письма королю и влиятельным вельможам, прилагал рекомендации, тайно встречался с нужными людьми. Переговоры шли медленно, все требовали результатов. Джурию с Торми можно было смело показывать народу, а вот с Лайсве всё оставалось очень зыбко. Проявления Безликого совершенно не управляемы, даже закономерности вывести не удалось, разве что её странная тяга к черни, стремление помогать нищим и убогим. Мешало ли это? Что служит ей здесь помехой, если раньше, без знаний и особых условий, Безликий приходил к ней по своей воле?

В этот день учитель Гизеллы отпросился пораньше, и Жерард забрал её к себе в лабораторию. На Пиллар он не полагался. Молва через четвёртые руки доносила слухи о её похождениях. С ней он не ложился уже много лет. Брезгливо делить женщину с оравой грязных мужиков. Для разрядки Жерард завёл себе молоденькую содержанку из сальванийских беженцев. Поддерживал её семью деньгами с условием, что она сохранит себя чистой для него. Девчонка оказалась вполне разумной, тихой и кроткой, потому он и держал её при себе.

Для Гиззи Жерард нанимал лучших нянек и учителей. Природа щедро одарила его дитя талантами, чтобы компенсировать скудоумие матери. Маленький «сильф» всегда был счастлив, ухожен и блистал во всех науках и искусствах. При каждой встрече Гиззи бросалась ему на шею и удивляла новым достижением, обожала его так сильно, как только может дитя обожать своего отца.

Работников лаборатории Гизелла полюбила как друзей и с радостью проводила там время, дожидаясь, пока Жерард освободится, чтобы погулять с ней парке перед сном. Утренние и вечерние прогулки стали их каждодневным ритуалом, когда девочка щебетала

обо всём, что приходило в её милую головку. Жерард прислушивался внимательно, чтобы вовремя заметить сорняки и выполоть их до того, как они станут проблемой.

Возвращаться домой с прогулки не хотелось им обоим. В воздухе томила весна, все тревоги отдалялись, и каждый миг наполнялся особой ценностью.

Стемнело. Гизелла устала так, что пришлось нести её на руках. Тяжёленькая, а ведь недавно была как пушинка.

Дом встретил их темнотой, слуг нет, только шорохи, звуки. Жерард слишком расслабился, чтобы сразу заподозрить неладное.

— Мама! — позвала Гизелла, соскочив с рук в коридоре, и понеслась на поиски Пиллар. — Мама!

Вместо задорного крик стал испуганным. Жерард забежал в тёмную столовую. В окно заглянула луна, осветив Пиллар. Очередной ухажёр разложил её на обеденном столе, задрал юбки, и наяривал так, что деревянные ножки отбивали по полу дробный ритм.

— Мама, он делает тебе больно? — испугалась стоящая рядом Гизелла.

Жерард подхватил её на руки и выскочил за дверь.

— Почему ты не спасаешь маму?! — дочка колотила в его грудь кулачками.

— Обязательно спасу! А ты лучше спрячься пока в своей комнате.

Жерард поставил её на ноги, и она послушно взлетела по лестнице на второй этаж.

Хвала богам, ничего не поняла! Пускай детская память скроет всё туманом, чтобы потом и следа не осталось от этого срама!

Жерард ворвался в столовую, схватил ухажёра за шиворот и вышвырнул за порог, как выбрасывают шелудивых псов. Когда вернулся, Пиллар спрыгнула со стола и принялась нарочито оправлять юбки.

— Что значит эта выходка? — Жерард говорил холодным шёпотом, боясь потревожить Гизеллу.

— Пораскинь мозгами, ты ведь такой умный, — отвечала Пиллар с томным придыханием.

Иногда он замечал, что она пытается то ли соблазнить его, то ли воспалить ревность, но всё это выглядело нелепо.

— У тебя горячка? Помутился разум? Старая болезнь возобновилась?

У неё их было несколько, по крайней мере, тех, которые лечил Жерард, не желая, чтобы кто-то посторонний знал о них.

— Ты моя единственная болезнь, от которой никак нельзя избавиться.

Жерард вскинул брови. Открытое противостояние было вновинку, впрочем, волновало не особо.

Пиллар подошла, виляя широкими бёдрами, обхватила его за шею, провела пальцем по щеке и остановилась на краешке губ. Склонилась так низко, что пышная грудь едва не вываливалась из глубокого выреза, сверкая ореолами сосков. Жерард отодвинул её от себя.

— Делай, что хочешь. Только чтобы Гиззи не знала, какая у неё мать.

— Ты надеешься, что хоть чем-то лучше меня, курительщик опия и интриган? — распалилась она. — Думаешь, я не знаю о том, как ты устраняешь конкурентов, чтобы занять более высокое место в Совете? Или о том, как ты подкупом и обманом собираешь народную поддержку для своего маленького борделя, который ради приличия зовёшь «лабораторией»? Или о том, что ты как крыса готовишь побег? Ты можешь обманывать кого угодно, но я не слепая!

Жерард прищурился:

— Всё, что я делаю, лишь для спасения мира. Сейчас не время думать о совести и милосердии. Минуют года, и никто меня не осудит.

— Ничего у тебя не получится. Я всем расскажу, какой ты на самом деле. Не поеду за тобой. Уйду!

— Уходи, — Жерард пожал плечами. Ну пустит ещё один слушок, ну нажалуется своим поклонникам — да что они смогут сделать? Напасть из-за угла, как бандиты? У всех этих «прожигателей жизни» кишка тонка. — Хочешь, выхлопочу нам развод?

— Нет. Я заберу ребёнка, и ты будешь отдавать нам на содержание всё золото, которое тебе удастся выжать из своих покровителей, — она принялась теребить его воротник. — Приучать моего ребёнка к извращениям я не позволю!

— Попробуй, — бросил Жерард и зашагал к лестнице.

Вслед неслись проклятия. Но волновала только малютка Гиззи.

Ректор слёг, изученный слабоумием и дряхлостью. Жерарда прочили на его место. Чтобы не вызывать подозрений, пришлось включиться в состязание. Оно пожирало драгоценное время, а конец приближался неумолимой поступью солдат и беженцев.

Под наблюдением Малого Совета Жерард инспектировал цех аптекарей. Последнюю проверку сделали самой сложной, явно хотели уступить место кому попроще, с единственной амбицией — набить карманы. Жерард шагал между столов, что-то спрашивал, отдавал указания писарям. Приходилось приноживаться, как ищейке, одним взглядом оценивать, к кому стоит присматриваться, а на кого закрыть глаза.

— Это опий? — нахмурился он, взяв из глиняной тарелки щепотку мелкого белого порошка.

— Самый чистый! — подтвердил молодой целитель рассеянного вида. Запоздало спохватился: — Чтобы снять боль, для армии — сейчас требуется в больших количествах.

Жерард кивнул.

«Кар-р-р!» — спустился с высокого сводчатого потолка ворон и замер у одного из столов. Милому другу никогда не требовалось повторять дважды.

— Что это?

Жерард взял колбу с прозрачной белой жидкостью и поболтал. На стекле остался маслянистый след с маленькими ножками. Жерард откупорил флягу и принохался.

— Осторожнее! — перехватил его руку седой старик-аптекарь в чёрной мантии. — Это сильнейший яд.

— Элапедай из Хаабской пустыни. Как вам удалось сделать такую тонкую вытяжку? — перебил его Жерард.

Наблюдали из Совета уважительно заскрипели перьями.

— Я потратил на изучение ядов большую часть жизни. В малых дозах они способны вылечить любую болезнь, но этот... это совершенство, которое только мог создать наш покровитель, искусный Вулкан. Без вкуса и запаха, не отличим от воды, не оставляет следов, действует медленно. Кажется, будто сердце остановилось само по себе, — Заметив внимательный взгляд Жерарда, аптекарь осекся: — В малых дозах он замечательно расслабляет тело!

— Покажите, пожалуйста, записи ваших исследований и списки снадобий, — бесстрастно попросил Жерард.

Аптекарь напрягся, видимо, дураком не был. На него смотрели все присутствующие, в

том числе вооружённые стражники — бежать некуда. Молодой помощник принёс кипу исписанных неразборчивым почерком листов. Аптекарь застыл, ожидая своей участи.

— Список заказчиков, будьте добры, — помахал Жерард, не отрываясь от записей.

— Что? Зачем?! — вскипел аптекарь.

— Впрочем, мы сами. Марин, Шанже, обыскать его кабинет, — окликнул он стражников и повернулся к наблюдателям: — В этих списках с дюжину запрещённых веществ, которые кроме отравлений нигде не используются. Думаю, среди заказчиков всплывут весьма любопытные личности, в чьей верности ордену придётся усомниться.

Один из стражников отыскал запрятанные под половицу записи. Старик посерел. Второй стражник ухватил его за локоть и потянул за собой к дознавателям.

Остальные аптекари тревожно перешёптывались, и только наблюдатели продолжали скрипеть перьями.

— Я не знал, клянусь, — бормотал помощник с потерянным видом. — Что теперь со мной будет?

— Если не знал, волноваться не о чем. Как твоё имя? — успокоил его Жерард.

— Люсьен. Я практиковался у него в аптекарском деле перед получением степени бакалавра.

— Знаешь его секреты?

— Если попробовать расшифровать записи...

— Хм, а ты умный малый. Не хочешь перевестись в мою лабораторию? Денег там платят больше, и грязными делишками заниматься не придётся.

— Работать у самого Ректора? — Люсьен сверкнул глазами и пожал подставленную ладонь так, что затряслись его лопоухие уши. — Спасибо вам, спасибо!

Прихватив с собой записи и колбу, они вернулись в лабораторию.

Через неделю утром запыхавшийся Люсьен принёс радостную весть: герольды трубили, что новым Ректором назначили Жерарда. Некстати это, лишняя головная боль. Нужно будет выбрать доверенных помощников и переложить на них львиную долю обязанностей, а самому воспользоваться привилегиями и влиянием. Надо же, почётный член Малого Совета! С такими регалиями его прошения к норикийской знати будут выглядеть куда более вескими.

Весь день пришлось праздновать с высокопоставленными мэтрами и членами Совета. Улизнуть удалось только поздним вечером. В лаборатории его уже ждали, чтобы устроить куда более тёплое и уютное торжество.

Веселье длилось до полуночи. Одна Лайсве сидела в углу и безотрывно смотрела в тёмное окно. Хрупкое воздушное создание из солнечного света и сладких росных капель, идеально-безмятежное в каждой своей черте, гораздо больше похожее на духа, чем старательная Джурия или разгильдяйка Тормента. Непостижимая и пугающая своей близостью к той стороне. Никак Безликий снизошёл! Бродит между ними невидимый, чтобы прикоснуться к своей драгоценной пророчице, подпитываясь и направляя в нужное русло.

Жерард устроился рядом, пытаясь увидеть то же, что и Лайсве. Она превзошла все его хитрости, создавая светлый образ Норн у народа. У неё так естественно получалось быть образцом милосердия и умеренности, что вся чернь города едва не возносила ей молитвы. Даже порочная связь с безродным пошла ей на пользу, сделав любимейшей героиней народных баллад.

— Поговори со мной! — не вынес Жерард этой пытки.

Она повернула голову и уставилась на его руки. Глаза выщвели до снежной белизны, черты заострились, придавая обычно мягкому и ласковому лицу жестокое выражение, словно не она была перед ним, а мальчишка-художник из сна.

— У вас руки в крови, — заговорила она насмешливо и свесила голову набок: — Я всё знаю.

Жерард вздрогнул. Она снова ушла в себя и отвернулась. Улизнув в смотровую, он налил в таз воды и принялся остервенело драть ладони рогожкой. Всё вплоть до грязи под ногтями. Отец всегда говорил — держи руки чистыми.

«Кар-р-р!» — раздалось за окном. Жерард обернулся. Ворон ударил клювом в раму и разинул кроваво-красный изнутри рот, словно кричал: «Не сходи с ума!»

Это отрезвило. Жерард взглянул на свои ладони: стёрлись до глубоких ссадин. Он отшвырнул рогожку, подошёл к шкафу со снадобьями, накапал в чашку с водой настойки корня валерьяны и выпил залпом. Терпеть! Руки чистые, а ум ясный, иначе десятилетия труда пропадут втуне!

«Кар-р-р!» — согласился ворон за окном.

Жерард обмакнул лицо в воду. Кожу немного охладило, непослушные волосы закрутились барашками на висках.

Прав был покойный Бержедон: с Джурией и Торментой сладить оказалось намного проще. Проникнувшая в них воля божеств укрощала нрав. Всё, что они делали — изнуряли себя головкой или непристойно развлекались — приближало к созданию оракула. Лайсве же, наоборот, сопротивлялась — не своему строптивому божку, конечно, а Жерарду. Свобода во всём и всегда — суть стихии ветра. Безликий, чтоб его! Дразнит, будто говоря, из-за тебя, Жерард, я не показываюсь. Тебя и твои методы презираю! Тебе не понять.

Но откуда у неё эта тяга к убогим и интерес к единоверцам? Откуда нечеловеческая угроза на дне огромных прозрачных глаз? Не может же сам сын иступленного неба желать спасти неправедных демонопоклонников, а не рыцарей своего ордена. Проклинает их, отправляя на заклятие!

Если так, то Жерард заставит его помогать силой и хитростью. К демонам свободу!

Он достал из потайного ящика стола чертежи. Клемент с его учениками тщательно спроектировали и обсчитали всё строительство. Идеальная форма, хитроумная ловушка. Жаль, место не то, но на первое время сгодится. На кое-каких материалах даже можно сэкономить. Уж с должностью Ректора он отыщет средства. Безликий никуда от него не денется!

Когда Жерард вернулся в гостиную, Лайсве уже смеялась вместе со всеми. Завидев его, подошла, словно ни в чём не бывало:

— Поздравляю! Вы, как никто, достойны этой чести!

Жерард выдавил из себя улыбку:

— Спасибо... всем! Давайте уже расходиться, время позднее.

Через несколько дней умерла Пиллар, во сне, от остановки сердца. Все соболезновали Жерарду, сетуя на разгульный и неумеренный образ жизни его жены. Гиззи поначалу спрашивала, где мама, но получив ответ, что она уехала к друзьям, забыла о ней. Только небесная Норна корила брошенным исподтишка взглядом выбеленных глаз, будто знала о захваченной у аптекаря колбе.

***

Настала тоскливая пора. Даже смены времён года не бодрили. Мои дни были заняты

шпудированием книг, медитациями, молитвами и выступлениями перед народом. Я старалась догнать и обогнать Джурию в науках и Торми в упражнениях на гибкость и расслабление. «Идеально!», «Блестяще!» — твердили наставники. «Слава чудотворнице! Слава Светлой госпоже! Да пребудет с нами Безликий!» — скандировали толпы, собиравшиеся у помоста для выступлений на главной площади, словно приходили послушать только меня. А внутри жгло: «Всё ложь. Я не слышу его». Всех знаний, скопленных в Библиотеке, мне не хватит, чтобы достать до Безликого. Почему я решила, что избрана им?

Жерард развернул в подземелье Университета грандиозное строительство, про назначение которого никому не рассказывал. Большую часть времени посвящал ему, а наш проект почти забросил. Я встречалась с ним только на еженедельных осмотрах, где он потчевал меня холодной отчуждённостью, словно тоже потерял веру. Во мне долго зрело это желание, и в конце концов я высказалась напрямик:

— Я забыла дорогу в Нижний и не встречаюсь ни с кем, кроме членов ордена. Вы правы: наши миры не должны пересекаться. От этого всем только хуже.

— Молодец, — безразлично кивнул он и даже не добавил: «Когда ты прекратишь бегать к своему рыцарю»!

Я обняла себя за плечи — в одной камизе было прохладно. Болтала босыми ногами, сидя на кушетке и разглядывая курчавую шевелюру Жерарда, пока он записывал наблюдения в дневник. По хребту бежали мурашки, поднимая изнутри волну чуждой мне сварливости, раздражения даже, хотя чему тут раздражаться?

— Я видела Безликого, — с удивлением услышала свой голос.

Перо пробило бумагу и надломилось. Жерард обернул голову.

— Он был бродячим котом, — он менялся в лице, бледнел и приоткрывал рот всё шире. Забавно! — Скитался по трущобам Нижнего между тугими струями дождя, питался объедками на помойке, пил протухшую воду из реки, слушал речи единоверческих проповедников на площади у разбитого фонтана и говорил: «Они правы, а Сумеречники сами накликали беду на свои головы».

— Это правда?

— Нет, просто хочу привлечь ваше внимание. — В самом деле, зачем? Я спрыгнула с кушетки и принялась одеваться. — Я не слышу Безликого. Наши ухищрения не помогают. Я верно ошиблась, увидела всё во сне и... Простите! Простите, что потратила столько вашего времени, денег и сил впустую. Нужно остановиться, пока ещё не слишком поздно. Вы найдёте другую, настоящую Норну. У неё обязательно получится достучаться до Безликого. Он и сам хочет быть услышанным, спасти мир. Всё обязательно получится, только не со мной. Отпустите меня!

Он пристально изучал моё лицо, словно пытался разгадать.

— Ты просто устала. Столько занималась, да ещё обстановка не располагает к бодрости духа. Отдохни пару дней, неделю, сколько понадобится, пока уверенность не вернётся, ну? — он протянул ко мне руку и коснулся щеки.

Я отпрянула:

— Нет, я серьёзно. Я хочу уйти!

— Отдохни, а после обсудим на свежую голову, — Жерард бессильно опустил руку. — Я не ошибаюсь: ты — единственная Норна Безликого. Ты его услышишь и приведёшь в наш мир!

Я покачала головой и ушла. Сбегу, как сбегала раньше. Никто меня не остановит.

От беспросветной тоски спасало лишь то, что вернулся Микаш. Ему тоже приходилось несладко. Маршал Комри уехал на Авалор разбираться с домашними делами. Большую часть его людей перевели в другие армии, несколько рот под командованием Микаша оставили патрулировать окрестности Эскендерии. Линия боёв подходила всё ближе, городские стражники не справлялись с наплывом беженцев и бандитов. Нельзя было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на вооружённых до зубов Сумеречников.

Я перенесла к Микашу все свои вещи и в нашей с девчонками комнате не появлялась. Что толку безучастно слушать их разговоры, до ряби в глазах вчитываться в очередную книгу, которых я уже изучила гораздо больше моих соседок, или медитировать, до потери сознания, считая кольца на досках на потолке?

Дома... у Микаша, именно его комнату я называла домом, ждали более полезные занятия: уборка, стирка и латание одежды. На вечер я купила особенный ужин, жареную говядину с овощами, и накрыла стол к его приходу. Так соскучилась! Бывало, его поднимали по тревоге среди ночи, и он не возвращался неделями, а мне только оставалась ждать вестей от патруля. Хоть бы не сегодня!

Зазвонили колокола всех храмов — оповещение об опасности. Рыцарей призывали на дворцовую площадь, остальным на улицу выходить запрещалось. Я всплеснула руками. Хоть бы быстрее закончилось!

Загремело в коридоре, вскрикнула сотня голосов. Ослепительная вспышка обрисовала силуэт двери.

Я оцепенела. Сердце вырывалось из груди, по спине катил холодный пот. Там кто-то был! Мягко переступал, скрипя половицами, горели зловещие ауры, монотонно бормотали голоса.

Там что-то жуткое, не стоит туда идти, но всё равно тянуло с неодолимой силой. Чутьё кричало «нет», но я брела как в тумане. Рука сама потянулась за ручкой, скрипнула отворяемая дверь, обдало холодными белёсыми клубами. Шаг, ещё шаг моих босых ступней. Каменный пол, испещрённый родовыми рунами. Из дымки вырисовались устлавшие его тела. Будто уснули, но на самом деле умерли — потухли ауры. Так много случайных жертв, которые даже сопротивляться не смогли. Кому? Перепуганному мальчишке, который ради спасения своей шкуры пожертвовал братством, а теперь трясётся, истекая кровью из выклеванного в отщипление глаза? Я почти видела его лицо, и будто узнавала...

Тёплое мерцание впереди звало, такое родное, как часть меня, тянуло в груди, под сердцем. Шевеление, шелест одежды, голоса гудели неразборчиво.

Догадка пронзила молнией. Микаш! Аура ещё не опала, он жив! Я побежала, спотыкаясь об чьи-то ноги, руки хватали мои ступни, стремясь задержать, уберечь. Нет-нет, я должна спасти его, пускай это будет последним, что я сделаю! Но что же я могу?..

Вот он! Лежал на полу безучастно. Серые глаза смотрели вверх, в необозримые дали. Кто-то склонился над ним... Я знаю его? Знает ли его настоящего хоть кто-то из людей? Может ли постичь?

Он вынул из рукава фиал тёмного стекла и откупорил его. Оттуда потёк сверкающий антрацитовый дым, удушливый и едкий. Он впивался в лицо Микаша осьминожьими щупальцами, ввинчиваясь в рот, глаза, уши и ноздри. Рядом стояли люди в лазоревых плащах и пели низким вибрирующим хором:

— Чего ты хочешь? Пожелай! Мы всё исполним. Будь с нами, будь одним из нас. Наши цели праведны, наш бог приведёт людей в Благостный край, а ты станешь наипервейшим его

службой и соратником. Пожелай! Отрекись от лживых идолов. Они все тебя предали, только мы, мы! Любим тебя по-настоящему! Призываем, грозный Разрушитель, стань нашим карающим мечом!

— Остановитесь! — кинулась я на плечи склонившегося, но он смахнул меня как былинку.

Обернул голову вполоборота. Я обомлела:

— Маршал Комри, молю вас, остановитесь, вы превращаете его в чудовище! Он же так в вас верил!

— Я делаю лишь то, что велит мне долг, — надломлено ответил он и скосил взгляд на мой живот. — И вам советую делать то же. Если никто не будет жертвовать, то и жить тоже никто не будет.

Я тоже посмотрела. По белой камизе растекалось кровавое пятно, внутренности стягивало болью, вызывая дурноту.

— Нет! — я протянула к Микашу руку. — Он не такой! Он не хочет всего этого.

Маршал повернулся ко мне полностью. Вторую половину его лица скрывала маска, перечёркнутая тремя красными царапинами как от когтей.

— Лучше он, чем кто-то другой. Он справится — верь. Вера — всё, что у нас осталось, — отвечал мне иной знакомый голос. Быть не может!

— П-пожалуйста! — прошептала дрожащими губами, на пороге смерти, чёрное небытие разверзлось у моих ног. Спасти хотя бы Микаша!

— Колесо не отвернуть. Остался последний штрих, — снова послышался неумолимый голос маршала.

Он выхватил меч и пронзил им меня. Я медленно опадала на пол вместе с затухающим сиянием.

Микаш пробуждался от наведённого сна, глаза безвозвратно изменились: вместо колкого льда злая потусторонняя зелень и голубизна. На лице ужас:

— Лайсве, нет!

Праведный гнев его суть, возмездие за грехи, свои и чужие. Маршал отрешённо смотрел на него, не пряча окровавленного клинка, словно направлял на себя всю его ярость. Последний штрих — Микаш замахнулся на него мечом, но тот вспыхнул ярчайшими огнями червоточины, столь буйными красками, каких не видывал этот мир. Раскрылись павлиньими цветами огромные крылья. Непобеждённый, непойманный, вечно свободный, он поднимался в небо по радужной лестнице, а Микаш бился в агонии, ненавидел ещё сильнее, чем умел любить. Мой тёмный суженый.

— Лайсве! — подхватил он меня и заколотил по щекам, так отчаянно испуганно: — Лайсве!

Я открыла глаза. Алевшая в закатных лучах комната приобретала чёткие очертания.

— Ты в порядке? Позвать целителей?! — спрашивал Микаш.

Глаза обычные — серые. Я лежала на полу, рядом раскатились яблоки, которые я собирала на стол. Мне всё приснилось?

— Воды! — позвала я. Он поднёс к моим губам флягу. — Тревога?

— Всё спокойно. А с тобой что?

— От духоты дурно стало, — не хотелось ему рассказывать. Вера — всё, что у нас есть. И я верю, в него единственного. Пускай он не сломается, пускай не станет таким! — Всё прошло, не беспокойся.

Микаш уложил меня на кровать. Я улыбнулась. По лицу растекался лихорадочный румянец.

— Точно? Ты говорила, что удержишься допоздна.

— Решила устроить праздник, — я кивнула на накрытый стол и понурилась: — Но сама всё испортила.

Микаш подозрительно прищурился:

— Я снова забыл какую-то дату?

— Нет, — я усмехнулась уморительному выражению его лица. — Когда всё плохо, нужен праздник. Иначе можно сойти с ума.

— У нас всё плохо? — Микаш побледнел.

— Это ты мне скажи, — не могла придумать, как облечь свою тревогу в слова: — На службе неприятности?

— Тоска! — он отошёл к столу, набрал себе еды в тарелку и вернулся ко мне. — Только пьяные дебоши среди своих разнимаем. Тоже от скуки демоняют. А в город переводиться маршал запретил. Сказал, чтобы я не марал руки людской кровью. Не хочу быть... палачом. Когда убиваешь себе подобных, будто переступаешь запретную грань, выпускаешь внутреннего демона, и уже не ты им управляешь, а он тобой.

Его затаскали по допросам. Микаш никогда не жаловался, но возвращался истощённый до предела и болел потом несколько дней. Почему Гэвин не оградил его от этого? Или сюда не простирается даже его власть? Но всё же Гэвин мог не бросать свой орден в такое время! Как Безликий мог бы снизойти до меня и хоть каплю помочь. Неужели никто из нас не заслуживает спасения?

Кошмар сковывал недобрым предчувствием. Эти разноцветные глаза. Разрушитель — они его называли, сумеречный дух возмездия с хмурым усталым лицом от навалившихся невзгод. Как его уберечь от предательств и разочарований, от горечи потерь, что разъедает душу и обращает любовь в ненависть?

— Ты им не станешь. Один мудрец обещал мне, что ты сможешь выстоять, если не сдашься.

— Порой вы говорите очень похоже: ты и маршал.

Я судорожно выдохнула, вспоминая, как он поил Микаша чёрной дрянью в моём сне, намеренно превращая его в чудовище.

— Как насчёт того, чтобы зачистить катакомбы от демонов? — я поспешила перевести тему. Он не поймёт, если скажу прямо. Мои сны для него как детские сказки, бессмысленные страхи. — Если прорвёт гнойник, то демоны хлынут и в Верхний. Ты отправлял прошение в Совет?

Микаш унёс пустую тарелку и набрал еды в другую:

— Его отклонили. Сказали, нельзя тратить силы без веской причины. Демоны, видно, уже не причина. Я одного не понимаю, если мы с ними не сражаемся, то какой нам смысл вообще быть? Если бы маршал Комри был здесь, уверен, он бы уговорил Совет. А я не тяну, как ни стараюсь. Если подчинённые ещё слушаются, то начальству плевать на все мои доводы. Как маршалу удавалось гнуть свою линию?

Я подоткнула подушку и села поудобней. Микаш резал овощи и жёсткое мясо на маленькие кусочки, накалывал их на вилку и кормил меня ими.

— Он родился в древнейшем роду Сумеречников, все его предки управляли армиями, его самого сызмальства учили повелевать, — ответила я, без аппетита прожевав первую

порцию. — Власть у него в крови. А ты до двенадцати лет землю пахал.

Микаш помрачнел и принялся мочалить говядину ножом.

— Эй, я не хотела тебя обидеть! Не гонись за ним — не догонишь. Происхождение, опыт, возраст, королевский дар, боевое искусство, образование и воспитание, влияние и знакомства — всё играет роль. Во всём он тебя превосходит. Но это не страшно! Ты хорош таков, как есть. Подумай, каких небывалых высот ты добился для безродного сироты.

— Этого всегда будет недостаточно!

Он замолчал и снова взялся меня кормить. Мои слова не помогали, а только растравливали ему душу. Это отчаяние, отчуждение ото всех роднило нас ещё больше.

— Давай всё бросим, — решила я, ладонью отодвинув протянутую вилку. — Пошлём к демоновой бабушке мой проект и доктора Пареду, твою службу и блудного маршала, рыцарей и единоверцев, всю эту никому не нужную войну и подыхающий от своей глупости орден. Уедем в Муспельсхейм, будем скитаться по диким джунглям, посмотрим кладбище слонов и заброшенные храмы, доберёмся до самого Нифельхейма!

— Отыщем очередную гробницу Безликого? — невесело усмехнулся Микаш, отставляя тарелку. — Мы уже не дети, у каждого из нас есть обязанности, мы не можем всё бросить.

Я теряю даже его. Всё растворяется, уходит. Друзья, молодость, золотое счастливое время, и вот теперь... Нет, Микаша я не отдам ни за что!

— Я серьёзно. У меня... дурное предчувствие, — он избегал моего взгляда, не верил. Надо подобрать такие слова, которым он бы внял. Я схватила его за руку и заставила посмотреть мне в глаза. — Забудь про Муспельсхейм и Безликого. Давай поженимся! Я уговорю отца согласиться и рожу тебе ребёнка. Только уедем сейчас как можно дальше! Я хочу этого больше всего на свете!

Микаш шумно выдохнул, вырвал руку и отвернулся:

— Ты просто устала и расстроена. Все сейчас подавлены из-за войны. Пройдёт немного времени, и ты захочешь обратно к книжникам. Такие вещи сгоряча не решаются. Подождём немного. Может, маршал вернётся, я переговорю с ним, попрощаюсь, и тогда, если ты всё ещё будешь этого хотеть, попытаем счастье в Ильзаре.

— Когда вернётся маршал, нас уже может и не быть! — вспыхнула я.

Опустила подушку, улеглась и натянула на голову одеяло, пытаюсь унять всхлипывания. Микаш ещё некоторое время ходил по комнате, а потом тоже улёгся спиной ко мне и затушил свечу.

Мы застыли в ожидании шторма: с обречённостью смотрели на приближающиеся чёрные вихри и не пытались спастись. Как во сне непонятная сила сковала нас цепями в ожидании горькой участи. Страшно. Плохо. А будет ли что-нибудь дальше?

Утром колокола зазвонили к общей тревоге уже наяву. Микаш подскочил и стал суматошно натягивать одежду. В дверь постучали, послышался крик оруженосца Кумеза:

— Мастер Остенский, откройте! Весь патруль подняли по тревоге!

Я тоже встала, оправила камизу и обернула вокруг плеч шерстяную шаль. Микаш отпер дверь:

— Что стряслось?

— Ночью пришли вести с южного фронта, — тараторил прыщавый юнец. — Армия лорда Кардоса разбита, армия лорда Манчетти попала в засаду. Ходят слухи, что его предали самые доверенные люди. Единоверцы прорвали сопротивление и направляются сюда основными силами. Армии маршала Пясты и маршала Сильво идут наперерез, остальные

следуют с южных земель, но могут не успеть. Вас вызывают в Совет для особых указаний перед выступлением из города.

Микаш повернулся ко мне:

— Я подам прошение в Совет на перевод. Как вернусь, обещаю, если ты захочешь, мы уедем!

— Забудь, что я наговорила вчера. Я соберу вещи и буду ждать, ты только возвращайся!

Я поднялась на носки, чтобы поцеловать его в лоб, но он перехватил меня и впился долгим жадным поцелуем в губы.

Как и всегда говорить без слов у него получалось намного лучше. Даже Кумез стыдливо отвернулся.

Последний полный тоскливой нежности взгляд, и Микаш вышел в коридор за оруженосцем. Я подбежала к окну и наблюдала, как они удаляются. Тревожное предчувствие подступало к горлу тошнотворным комом. Хоть бы вернулся!

Глава 34. Мы одной крови

Я собрала вещи и, когда снова зазвонили колокола, разрешая выходить на улицу, отправилась в лабораторию. Надеюсь переговорить с Жерардом в последний раз так, чтобы он принял моё окончательное решение. Но он не явился, заседаая безвылазно в Совете. Занятий не было. Все разговоры сводились к обсуждению последних событий на фронте. Охали, гадали, успеют ли объединённые силы двух маршалов отбить атаку.

Пять дней напряжённого ожидания вытянули из нас все соки. Только в конце шестого скрипнула входная дверь, в коридоре послышались знакомые шаги. Мы повыскакивали с мест и встретили Жерарда на пороге гостиной.

— Ну что? — потребовала я.

Не выражавшее ничего лицо помрачнело. И вдруг озарилось улыбкой:

— Они успели! Маршал Пяста и маршал Сильво совместными усилиями отразили атаку. Правда, основная часть единоверцев ушла. Воеводы надеются загнать их на копья армии, которая отступает из Сальвани, или как её теперь называют — Священной Империи. Есть хороший шанс раздавить гадину!

Не совались бы они в это жерло, а вернулись охранять те земли, которые удалось отстоять.

— А патруль? — не унималась я.

— В окрестностях опасно. Говорят, были потери среди рядовых. Пока всё не уляжется, отзывать их не станут. Неделю, может, две.

Я понурилась и вернулась на диван. Нужно дождаться удобного момента и поговорить с Жерардом наедине.

Остальные праздновали, выпрашивали подробности и пили вино. Я от крепких напитков отказывалась. Не в моём положении.

— Натравить на фанатиков орду демонов. Посмотрим, как их Единый защищать станет! — предлагал Люцио полушутливым тоном.

— Ага, пускай чернь отправится по Сумеречной реке с выпотрошенными животами! — поддерживал его Сезар на полном серьёзе.

— Часть из них отправится в ближайшем будущем, — ответил Жерард, разглядывая вино в серебряном кубке. Все уставились на него, ожидая продолжения. — Совет решил зачистить Нижний. Уже возводят виселицы на главной площади.

— Но ведь там много невинных, которые никому зла не желали! — я подскочила с дивана.

— Всё в чем-нибудь виноваты. А чего ты так переживаешь? Неужто у тебя среди этой клоаки друзья остались? — спросил Жерард так, будто знал о Ферранте и Хлое.

Я отвела взгляд:

— Мне просто жалко... всех. Можно, я пойду? В последние дни скверно себя чувствую.

— Если что-то серьёзное, могу тебя осмотреть, — он подошёл ко мне вплотную.

От винного духа по шее бежали мурашки. Я нервно сглотнула:

— Не стоит. Это из-за волнений. Лучше лягу спать пораньше.

— Что ж... Лети, моя горлица, в ночь, только под полной луной не забудь дорогу домой, — ответил он строчками из грустной песни, позволив совести высказать всё то, о чём

он молчал.

Я оделась без суеты и степенно вышла на улицу. Нельзя вызывать подозрения. Только завернув за угол, я побежала со всех ног. Надо успеть так много, а времени совсем нет!

Я примчалась в дом Микаша, схватила скрывающий ауру амулет, серый плащ и немного денег на еду. Фляга с водой, тёплое покрывало — тоже понадобятся. Быстрее!

Стемнело. С тяжёлым тюком за плечами я петляла по узким переулкам, держась подальше от людных улиц, где меня могли бы заметить. Пару раз натыкалась на патрули, замирала и ждала, пока они пройдут, потом снова бежала. Показался проход в Нижний. Хоть бы его не обнаружили!

Повезло — там было пусто.

Нижний не подозревал, какая над ним нависла опасность. Обитатели занимались своими заботами: ужинали, укладывались спать, кто-то, наоборот, только собирался на ночные делишки. А по разбитой брусчатке уже топали сотни сапог городского патруля. Тишь всколыхнуло кошачье шипение, испуганный крик пришёл со стороны ворот. Они уже здесь, хватают людей без разбора! А если разобраться...

Я припустила во все лопатки. Давно не бегала так отчаянно, знакомая дорога теперь казалась непереносимо длинной. Вот их лачуга! Сумеречники ещё только в самом начале. Может, успеем.

Я ворвалась внутрь и замерла на миг. Такая безмятежная картина, аж сердце защемило. Повзрослевшая и похорошевшая Хлоя в чистом скромном платье, без украшений и с уложенными вокруг головы косами напевала малютке Рую колыбельную. Ферранте за столом строгал ложки при неярком свете лучины. Видно, снова брал работу на дом.

— Лайсве, что стряслось? — он оправился первым.

Хлоя таращилась на меня огромными от удивления глазами, пухлый рот растягивался в счастливой улыбке:

— Тебе разрешили нас навещать? Я стала хорошей, правда! Оставайся...

— Да, конечно... — сделалось неловко и одновременно жутко за них. — То есть нет. Собирайте вещи. Нужно бежать! — я плюхнула на покосившийся стол тюк. — В городе облава, наши совсем озверели, всех хотят повесить. Сумеречники уже здесь!

По правде, этого ждали, жили в страхе перед неизбежным концом. Ферранте наскоро запихнул в мой тюк те скудные пожитки, что у них имелись. Хлоя никак не могла поверить:

— Что-что-что? Я позову братьев! Лелю! Всем миром отобьёмся!

— Нет, они не справятся! Нужно спасаться. Если не ради себя, то ради меня и Руя, — отчаянно уговаривала её я.

С улицы донеслись крики. Хлоя подхватила Руя на руки и прижала к себе, затравленно оглядываясь.

— Как мы выберемся? В прошлый раз я заплатил одному пройдохе, но сейчас это не работает! — переполошился Ферранте, так и не упаковав тюк.

— Попасть в Нижний легко — выбраться сложно, — горько усмехнулась я и накинула на зябнущие плечи Хлои свой тёплый плащ. — Я вас выведу.

Не туша в доме свет, мы выскользнули на улицу и, крадучись по тёмным подворотням, помчались к городской стене. Невероятно повезло, что мы с Микашем нашли тот потайной ход. Как странно поворачивается жизнь. Тогда мы спасались от братьев Хлои, а теперь я спасаю её семью от своих.

Топот, лязг оружия, перемежавшийся криками, неумолимо приближался. Оплетённые

родовыми дарами ауры подёрнула мутная дымка злобы. Взалкали крови, отдались во власть демонов — на милосердие рассчитывать бесполезно. Интересно, девушек-предателей вешают или отправляют на костёр?

Мы запыхались. Ферранте тащил тяжёлый тюк, Хлоя ребёнка, я подгоняла их из последних сил. Хорошо хоть разбойники дорогу не заступали, перепуганные патрулём.

Мелькнула тёмная лента стены.

— Стойте здесь, — я указала на неприметную щель между домов. — Я позову. Только тихо!

Лишь бы Руй не заплакал. Если нас найдут, даже связи Жерарда не помогут. Впрочем, он наверняка откажется, разочаровавшись во мне окончательно.

Я опустилась на колени и оцупала стену. Ниша, возле неё странные знаки. Надо намазать камни своей кровью, чтобы открылся проход. Внизу полчища мелких демонов. У меня припасён стилет, чтобы от них защититься. Удивительно, сейчас они менее страшны, чем свои же, Сумеречники.

Место никак не отыскивалось. Я, наверное, не там свернула, вышла чуть дальше или чуть ближе. Демоны! Ну пожалуйста...

Совсем рядом послышались голоса.

— Голодранцы указывали в эту сторону.

— Думаешь, не врал?

— Не в их интересах. Единоверческая шваль на них опасность наводит. Чем раньше избавятся, тем целее собственная шкура.

— Смотрите, там кто-то движется!

Я юркнула в ближайшую нишу. Амулет на шее раскалился, жёг кожу. Они проверяли территорию. Лишь бы Хлою с семьёй не нашли — патруль уже шагал к ним! Я подобрала лежавший рядом камень, выглянула из ниши и швырнула его в противоположную от них сторону.

— Там кто-то есть! — раздалась бойкая команда.

— Но... там... — кто-то засомневался.

Я швырнула ещё один камень.

— Живее — уйдут!

Пальцы скользнули по выпирающим булыжникам. Выщербленные бороздки сплелись в знакомый узор. Приложив ладони к губам лодочкой, я несколько раз ухнула и, вынув стилет, полоснула руку и коснулась камней. Пол в нише ушёл вниз, образовав крутые ступени. Я выглянула на улицу и ещё раз ухнула. Хлоя с Ферранте бежали ко мне.

Патруль обернулся и спешил назад.

— Я же говорил, в другой стороне! — доносились их голоса.

Хлоя проскочила по ступеням первая, зажимая ладонью рот Руя. За ней Ферранте, пятившийся, как загнанный зверь. Быстрее, ты же ничего сделать не сможешь! Я толкнула его внутрь, едва не опрокинув со ступенек.

— Туда-туда! Я их вижу!

Спрыгнула сама, оглаживая камни за собой окровавленной ладонью. Стена сомкнулась над нашими головами.

— Где? Как сквозь землю провалились! Демоны им помогают, тьфу!

Косность и глупость — вот до чего докатился орден. Как фанатики. Нет, с нашей силой много хуже — как демоны. Прав был Микаш — стоит лишь раз попробовать человечью

кровь, и дороги назад уже не будет.

— Ваша магия и вправду пугает, — Ферранте положил руку мне на плечо.

Я зажгла припасённые факелы. Один отдала замыкающему Ферранте, второй — взяла сама и стала впереди. Хлоя с Руем на руках между нами. Малыш тихонько скулил. Видно, страх передался и ему.

Я внимательно оглядывала узкий затхлый тоннель. Здесь никого не было, даже аур не ощущалось, словно демоны тоже бежали в ужасе перед рышущим наверху хищником. С одной стороны, тревожно, с другой — хоть каплю легче. Я выведу их живыми. Ноги почавкали по нечистотам, бившим в нос тошнотворным запахом. Один раз меня всё-таки вывернуло, но я не позволила этому нас задержать. Вскоре мы поднялись по таким же каменным ступеням. Снова обогрив камни своей кровью, я открыла выход. В лицо пахло свежим воздухом. Я глотала его полной грудью, радуясь свободе и звёздному небу над головой.

Хлоя с Ферранте вышли следом.

— Вот и всё, — тихо сказала я, повернувшись к ним.

— Ты пойдёшь с нами? — Хлоя поставила малыша Руя на землю. Тот уже неплохо держался на ногах. Перестал плакать и сунул в рот палец.

Ферранте с грустью смотрел на меня, понимая, что я не соглашусь. Обнял меня, обняла и Хлоя.

— Я должна дождаться Микаша. Простите! Будьте осторожны. Здесь тоже встречаются патрули, — глаза щипало от слёз. — Пускай Единый хранит вас, вы этого достойны.

Я отстранилась, чтобы бросить на них последний взгляд. Надо возвращаться, пока не хватились.

— Нет, это ты достойна, — сказал молчавший почти всю дорогу Ферранте. — Так жаль, что божественный посланник остаётся сиять перед теми, кто ни понять, ни оценить его не сможет. Но мы будем помнить и научим Руя.

Он взял стилет, порезал себе ладонь и приложил к моей:

— Мы одной крови. Сможем ли когда-нибудь тебя отблагодарить?

По спине бежали мурашки. Странно знакомые ощущения в теле — они появились намного раньше, когда только Жерард рассказал о гонениях, но я не обращала внимания. Они усиливались, стягивая тело, будто я уже не я и наблюдаю за всем поверх собственной макушки. Чужой ледяной голос сорвался с губ:

— Верь мне, Ферранте, я всё взыщу в своё время.

Дикий хохот сотряс бока. Что со мной? Почему так жутко?

— Лайсве? — Хлоя подалась ко мне, но муж схватил её за руку и потянул за собой во тьму.

Прочь-прочь из города, что вот-вот погибнет!

Наваждение ушло, оставив жгучее опустошение внутри. Даже страх — и тот умер. Я отправилась в обратный путь. Спасла их, они будут жить — это главное. Это свершение стоило всего. В нём смысл, а не в поисках того, кто отыскиваться не хотел. Хватит стучаться в запертые двери!

Я вышла из прохода. Луна заливала улицу ровным белым светом, околдовывая безмятежностью, хотя отовсюду тянуло гарью и свежей кровью, слышались гам и крики. Я плотнее закуталась в плащ и шагнула в сторону узкого переулочка. Меня схватили за руку и потянули на себя.

— Не знал, что наша наёмная квартира находится в этом милом квартале, — усмехнулся Жерард. — Так что же ты делала в Нижнем городе посреди ночи, когда патрули ловят единоверцев?

— Вы нарочно мне всё рассказали! — ахнула я.

— Я просто хотел вывести вас на чистую воду. Тебя и его. Ты знаешь, что твой поступок зовётся предательством и карается казнью? Единоверцы — враги, они убивали нас, пока мы защищали их от демонов и лечили от болезней. А ты выдала им тайный ход в город!

— Они не смогут им воспользоваться без меня. И они понимают главное гораздо лучше, чем вы. Мы одной крови! — я показала свою поцарапанную ладонь.

Жерард пожал плечами:

— Я вызову патруль, и их схватят, вот и всё твоё спасение.

Оцепенение холодным потом прокралось по моему телу от кончиков пальцев ног до макушки. Раскалённое белое марево плескалось перед глазами. Так трудно дышать. Чужая ярость затмевала волю, ледяной шёпот звенел наточенной сталью. Всего одно слово:

— Попробуй.

Губы растянулись усмешкой сумасшедшего шута. Жерард ошарашенно выдохнул. Взвыл ветер в вышине, обдав грозовой сладостью, и ударил в стены лачуг так, что они вздрогнули. Ноги подкосились. Жерард подхватил меня и, ничего не говоря, понёс прочь из Нижнего.

***

Жерард притащил меня в лабораторию и уложил на кушетку в смотровой. В горло полилось зелье с дурманным привкусом ландыша и красавки. Я обмякла. Жерард сидел рядом, пока сон не захватил в плотные тенёта.

Когда проснулась, вместо вчерашней неприметной одежды на мне была нижняя камиза. Опостылевшее голубое платье Норны висело на спинке стула. Я оделась и попробовала открыть дверь, но она не поддавалось. Стилет пропал. Окон в смотровой не было. Выбраться или хотя бы позвать на помощь нельзя. Оставалось только ждать, когда кто-нибудь зайдёт.

Примерно через полчаса в коридоре послышались шаги. Я спряталась за дверь. В комнату заглянул Кьел с подносом в руках и замешался, не обнаружив меня. Я выскочила из укрытия и, сбив его с ног, выбежала в коридор. Там меня встретил Жерард, затолкал обратно в смотровую, перешагнув через Кьела, и снова уложил меня на кушетку.

— Спи. Сон — лучшее лекарство.

Опоил зельем, поцеловал в макушку и ушёл. Играет в доброго отца, чтоб его! Гнусный обманщик! Небось, это он предложил Совету устроить облаву и уж точно голосовал за неё. Хоть бы Хлоя с Ферранте спаслись. Боги, Жерард же всегда хотел убивать единоверцев, мстить за своих родителей, а не спасать мир, не остановить эту чудовищную войну! Оракул ему нужен только для этого — устроить бойню. Почему же я раньше была так глуха и слепа? Как хорошо, что Безликий не откликнулся!

Я пыталась сбежать снова и снова, но за мной неусыпно следили все работники лаборатории и возвращали обратно. Успокаивали, что я немного не в себе из-за проснувшихся способностей Норн. Простаки! Никаких способностей у меня нет. Зачем Жерард только меня здесь держит?

Ничего плохого мне не делали: еду приносили исправно, хотя вначале я от неё отказывалась. Чувствовала себя одной из сумасшедших в закрытых кельях храма Вулкана. Меня не слушали, только посмеивались и разговаривали нарочито ласково, как с маленькой.

— Съешь ложечку, — упрашивала Торми. — Знаешь, я тоже сначала боялась, а потом

мне понравилось. Загадка — эти голоса, болезненная хрупкость, заперделье на самом пике наслаждения — мужчины на это падки. Тем паче, что наша судьба гораздо ближе к божественной сфере, чем жалкая участь простых смертных жён.

Надо же, как запела наша бунтарка. Точно телепаты мозги прополоскали, хотя наверняка Жерард справился и без этого. Она сдалась, они все сдались.

— Можно я отправлю весточку Микашу?

— Доктор Пареда не велел, — качнула головой Торми.

— Тогда пусть придёт он сам!

Придумала кое-что, что бы его удовлетворило.

— У него много дел, но как сможет, то обязательно. Ты же знаешь, какой он добрый и внимательный.

Я отвернулась, не в силах слушать эту чушь. Время взаперти тянулось медленнее улитки.

— Звала, милая? — явился Жерард под вечер третьего дня.

Я кивнула:

— У меня к вам выгодное предложение. Я хочу наружу, я отдам всё...

Он коснулся моих губ указательным пальцем.

— Завтра выйдешь, не переживай. В городе большой праздник. Вы в нём главные участницы, как раньше, помнишь? — он приподнял мою голову за подбородок и заставил заглянуть в его обманчиво тёплые глаза: — Давай забудем всё и снова станем семьёй. Я помогу тебе пробудить Безликого.

— Потом вы меня отпустите?

— Всё будет зависеть от твоего поведения, — он снова по-отечески приобнял меня за плечи и поцеловал в лоб, шепча, как заклинание: — Спи!

«Что же это за праздник?» — мелькнула запоздалая тревога, прежде чем я опрокинулась в небытие.

Кнут разбудил меня засветло. Под его наблюдением слуги вымыли меня, умастили благовониями и одели в летящее белое платье из настолько тонкого шёлка, что оно казалось сотканным из воздуха. Волосы уложили в высокую причёску, оголив шею. Даже победоносные войска ордена мы не встречали такой роскошью. Только молчание окружало предстоящий праздник зловещим туманом.

С рассветом меня с Торми и Джурией выпустили из лаборатории и поставили во главе праздничной процессии. Пёстро одетая толпа пела и разбрасывала повсюду цветы, поздравляли всех встречных. Многие тянулись именно к нам — трём божественным Норнам — за благословением. Работа Жерарда во всей красе. Я натянута улыбалась. Он должен меня отпустить!

Под ноги ложилась дорога на главную площадь. Дворцы знати выглядели, как никогда, помпезно, скульптуры прекрасных юношей и девушек будто подмигивали толпе и веселились вместе с ними. Миновал вход во Дворец Сумеречников, сверкнул звёздами синий купол Храма всех богов. Мы обогнули украшенный колоннадой фронтом Дворца Судей, и только тогда пришло осознание. Я замерла и обернулась на толпу за своей спиной — нет, мой побег ничего не изменит.

Все остановились, дожидаясь меня: Джурия и Торми впереди, толпа сзади. Я сняла сандалии и пошла босиком. Брусчатка мостовой казалась раскалёнными углями. Они прожигали пятки до костей, но я шла. Остальные тоже снимали сандалии и шлёпали босыми

ступнями следом за мной, даже Джурия с Торми.

Показалась мрачная Площадь наказаний. Длинными рядами её заповили эшафоты с виселицами, в самом центре — деревянные «троны». Нас вели туда, как королев-вершительниц, которые изрекали волю богов. По ней якобы должно было свершиться правосудие. Но моей воли никто не спрашивал.

Колыхающееся море людей напирало со всех проходов. В праздничных одеждах, шутили и смеялись, тыкая пальцами в качавшиеся на балках петли. Меня усадили на один из тронов между Джурией и Торми. Стражники повели вереницы осуждённых. Так много я никогда не видела. Вправду, весь Нижний вычистили.

Я узнавала их. Добродушный король разбойников половинчатый Лелю стал жалким без своры бездомных дворняг. Его мордороты не выглядели в сверкании лат рыцарей такими уж внушительными. Сонмы попрошак, бродяг, воров и продажных женщин. Были здесь и братья Хлои: задира Лино, малыш Бурро, которого я когда-то лечила, остальные. Товарищи-единоверцы Ферранте, которых я знала лишь мельком. Все до одного, так много, что рябило в глазах! Грязные, помятые, бледные, со следами побоев. Стражники направляли их к виселицам, зачитывая списки преступлений и приговоров. Я искала глазами Хлою с Ферранте, но не находила. Хоть бы им удалось выбраться!

Я хотела помолиться, но слова застревали в горле, резали разочарованием и неискренностью. Я потеряла веру, как Ферранте когда-то.

Жерард стоял впереди толпы, сложив руки за спиной. На лице маска светлой безмятежности. Как же хорошо он умеет играть! Издевается, показывает, что со мной станет, если не буду слушаться. Что станет со всеми моими друзьями. Которых больше нет.

Мысли сами сложились в яростное послание и хлестнули Жерарда голубыми плетями телепатии:

«Ты обманщик и душегуб. Ты оправдываешь божественной волей свои преступления. Ты слеп и глух, даже открывая дверь в неизведанное. Тебе никогда не увидать света!»

Он улыбнулся одними губами. Ничем не проймёшь!

Зазвонили колокола Храма всех богов, набатом отдаваясь в ушах. Стражники заталкивали осуждённых на скамейки и продевали головы в петли. Они сопротивлялись и плакали. Горожане кричали и швыряли в них мусором. С последним звоном колокола скамейки оттолкнули, и висельники обмякли на верёвках, суча ногами и выпучивая глаза. Площадь пропитывалась страданиями и смертью, а толпа с ликованием отплясывала на костях, будто демонов убивали, а не своих же — людей.

Я не могла оторвать взгляда. От лика смерти, от ужаса этой бесконечной братоубийственной войны, от несуразности происходящего. В голове мутилось и искажалось. Я уже видела на месте этих несчастных нас, Сумеречников: отца, брата, сослуживцев Микаша, всех-всех, кого знала и не знала. Единоверцы в лазоревых плащах загоняли их на костры и сжигали живьём, так же приплясывая и ликуя. Плакали матери, орали несмышлёные дети, пожираемые злым огнём.

Если в вас нет нужды, зачем вам быть?

Кувалды лупили по белоснежным стена Ильзара, откалывали камни, разносили в удушливую крошку. Горела Библиотека, уходили в небытие все знания, скопленные орденом за тысячелетия. Мир обращался во прах под колесом всеобщей ненависти. Что с одной стороны, что с другой — одинаково. Невинных нет, и правых тоже. Все умирают, все обращаются в ничто от неистовой схватки тьмы с Огненным зверем. Остаётся лишь пустошь

несуществования — единственная возможная победительница в этой борьбе.

Перед глазами темнело, голоса отдалялись. Лишь что-то внутри ещё было со мной, протягивало руки и не давало ускользнуть за край безумия. Звало детским голосом:

«Мама, не уходи!»

На лицо плеснули воды, нос дёрнуло от запаха нюхательной соли. Я открыла глаза. Бодрил прохладой сумрак кельи для знатных больных в храме Вулкана. Над моим ложем замерли Джурия и настоятель Беррано.

— Ты упала в обморок во время праздника, — она протянула мне кружку с водой. — Доктор Пареда был слишком занят, поэтому попросил отнести тебя сюда.

— Я... знаю... — указала глазами на дверь.

Язык ворочался с трудом, а в голове шумело.

Джурия поняла меня без лишних слов и вышла. Я обратилась к настоятелю:

— Как... ребёнок?

— Нормально... пока, — задумчиво ответил он.

Я поняла, что беременна вскоре после отъезда Микаша, когда вместо месячных кровей пришли утренняя тошнота и разбитость. Вправду, просто пожелала этого и получила. Я положила руки на ещё плоский живот. Самое странное, что Жерард на осмотре не заметил. Или снова играет со мной?

— Его отец — капитан Остенский? — спросил Беррано. Я кивнула. — У него очень сильный дар, у вас обоих. Судя по течению беременности, ребёнок тоже будет сильным, если вы его выносите. В обычных обстоятельствах я бы посоветовал капитану увести вас в отдалённое поместье и оградить от всех волнений, но очевидно, что так не выйдет, — настоятель протянул мне кусок бумаги: — Здесь список снадобий для поддержания ваших сил. Главное, отдыхать и не переживать, иначе пострадает и ребёнок, и вы сами.

Я отвернулась и закрыла глаза. Хотя бы несколько мгновений покоя!

Когда я пришла в себя, меня отпустили под присмотром Джурии. На ступенях храма встретили Кнут с Кьелом и конвоировали нас в лабораторию. Меня снова заперли в смотровой. Несколько часов я неподвижно просидела на кушетке, размышляя о том, что делать дальше. Очнулась, только когда в комнату вошла Джурия с подносом с едой и села рядом.

— Ты как? — тронула мою руку.

— Жива, если ты об этом.

— Не горюй, Торми тоже поначалу волновалась.

Ага, только Жерард обработал её, как настоящий гипнотизёр!

— Вот, — Джурия вложила мне в ладонь флакон с ядовито-фиолетовой жидкостью, так и не дождавшись ответа. — Я доставала их для неё, с чёрного рынка, ну знаешь... Она говорила, что это не больно. Как месячные крови. Главное, не переживать.

Я повернула флакон к себе и пригляделась внимательней. То самое средство, о котором мечтала Хлоя и которое я отказалась ей доставать. Теперь его хотят всучить мне.

— Это единственно правильно. Наш путь, наше предназначение важнее, чем предназначение обычных женщин. Наша цель важнее жизни любого человека, важнее жизни любой из нас. Наш путь — стезя богов к каменным чертогам в центре земли. Мы направляем наш потерянный народ к свету из непроглядной тьмы, как это было раньше. Уничтожить, чтобы пересотворить и вернуться к истокам!

Слова Жерарда — не её. Что стало с той трудолюбивой девочкой, которую я знала? Она

иссушила себя голодовками и, не дожив до тридцати, превратилась в морщинистую старуху. Обменяла свой ясный ум на беспрекословное послушание коварному кукловоду. Так жаль!

Я коснулась её впалой щеки и убрала за ухо седую прядку. Она перехватила мою ладонь и поднесла к губам:

— Потерпи. Последняя капля трудов и жертв — и мы окунёмся в источник вечной благодати и мудрости.

— И тогда он спустится к нам с небес по звёздной дороге и приведёт в Благостный край, где не будет несчастных и больных, — ответила я, убрав её ладонь.

— Да-да, ты сама это чувствуешь! Безликий возродится и явится людям во всём своём великолепии!

Знакомые мурашки побежали по хребту, заставив запрокинуть голову. Хохот сгибал пополам, делал больно в животе, но остановиться я не могла. Боги, они даже не понимают, насколько стали похожи на единоверческих фанатиков. Я цитировала самое знаменитое их утверждение, а его восприняли как откровение Безликого!

Смех оборвался так резко, что меня едва не вытошнило. Пропитанный ядовитой иронии голос говорил слова, которых я не понимала:

— Безликий явится нищим сиротой, лишённым памяти и силы. Его не признают, его будут гнать отовсюду и проклинать. Свои и чужие возненавидят его одинаково. Духи нечестивые закуют его в кандалы долга, но он сломает их, чтобы проложить неторный путь босыми пятками по раскалённым углям. Его подвиги не оценят. Его сердце вырвут из груди тисками мести и попрут ногами. Он пожертвует собой, чтобы спасти всех, но спасённые не узнают даже его наречённого имени.

Я тяжело опустилась на кушетку. Последние силы покидали меня, а разум мутился, закрываясь от происходящего.

— Д-д-доктор Пареда! — вскрикнула Джурия и убежала за дверь.

Я проснулась одна, всё ещё сжимая в ладони флакон со зельем. Темно, ни звука. Меня вряд ли побеспокоят. Я встала и, запалив свечу, подошла к большому зеркалу в тонкой медной оправе на стене. Задрала подол камизы так, чтобы видеть свой живот. Провела по нему ладонью. По щекам ручьями текли слёзы:

— Ничего, я выстою ради тебя. Я сделаю тебя самым счастливым малышом на свете. Обязательно! Я очень тебя люблю.

Я вытерла лицо и откупорила флакон. Глотнула побольше воздуха для решимости и отправила вонючее содержимое в отхожее ведро. День мудрее ночи.

Я дремала на кушетке чутким сном, вздрагивая от каждого шороха. Стоило отпустить себя, как начинало казаться, что моего ребёнка пытаются отобрать. Я сопротивлялась, хваталась за живот, звала Микаша. Он не приходил, а если и приходил, то смотрел разочарованно: «Ты предела нас ради единоверцев. Ты одна из них». Разворачивался и удалялся, игнорируя мои протянутые руки.

Окончательно меня разбудили шаги в гостиной, хлопанье двери и громкие разговоры. Я встала и приложила ухо к замочной скважине.

— Нужно что-то решать, — озабоченно ухал голос Жерарда. — Пояса велено затянуть потуже — половину факультетов сократили, а на остальные набор уменьшили вдвое. Плата за места в грамматической школе взлетела до небес. Многие забирают детей домой.

— Да уж, тяжёлые времена — никогда о таких не слыхивал, — сетовал Сезар.

— Стройку пришлось завершить раньше срока. Впрочем, не беда. Хуже, что Совет

требует результатов прямо сейчас. Даже на посту Ректора не выходит их умаслить.

— Я думал, босая Норна со своим припадком во время казни произвела фурор. В городе и разговоров — только о ней. Даже про фанатиков забыли.

Твари, мою беременность себе на пользу обернули!

— Ум-м-м, Норна Ветра производит на толпу почти гипнотическое воздействие. Еле удалось оттеснить зевак, чтобы доставить её к Беррано — все хотели прикоснуться к чуду, — Жерард высокомерно усмехнулся. — Только Совет ещё пуще требует результатов. Уже разослали приглашения всем высоким лордам. Урд и Скульд готовы, одна Верданди нестабильна. Не могу даже представить, что она выкинет в следующий раз.

— Что же вы хотели от «сына иступленного неба»? С ним ведь сам Высокий совладать не смог.

— Ладно, ничего уже не изменишь. Выкрутимся как-нибудь. Всегда выкручивались.

Шаги приближались. Я вернулась на койку. Жерард вошёл и опустился рядом со мной. В руках была серебряная щётка. Он принялся расчёсывать мои тяжёлые, густые, отросшие до самой талии волосы. Аккуратно перебирал, прядка за прядкой, не дёргал и не драл, хотя после долгих валяний в постели они сбились в колтуны:

— Нравится? Мы с Гизеллой это очень любим. Я расчёсываю её волосы, а она рассказывает мне обо всём, что думает, и я разрешаю её маленькие горести.

— Мне не десять лет, и я не ваша дочь, — холодно напомнила ему.

— К сожалению, — печально ответил он и отпустил меня. — Слышала мой разговор с Сезаром? Через пять дней заседание Большого Совета, где вы должны будете изречь волю богов.

— Но я не слышу Безликого, — я сцепила руки на груди. — Напишите моему отцу. Если вы отпустите меня, он щедро вас вознаградит.

Жерард погладил мою щёку.

— Деньги не важны. Не понимаешь?

Я потупилась. Чем ещё можно откупиться?

Он достал из-за пазухи свёрнутый вчетверо листок и вложил мне в ладонь.

— Выучи наизусть и дословно повтори перед Большим Советом. Сможешь?

Я кивнула, вчитываясь в написанные его педантичным мелким почерком строки.

— Если всё пройдёт спокойно, я отпущу тебя.

— Почему я должна вам верить?

— А у тебя есть выбор?

Он вышел и затворил за собой дверь.

Я вертела лист в руках. Стоит попробовать. Я ничего не теряю. Поверят ему или нет, войну не прекратят в любом случае. Всё зашло слишком далеко.

Я снова принялась рассматривать свой живот в зеркале:

— Твой отец обязательно спасёт нас и увезёт далеко-далеко, где нету войны и ненависти. Он добрый, он поймёт, он обещал!

А если нет? Если сочтёт предательницей? Если он уже перегорел из-за моих отказов? Что ж, я тоже обещала его ни в чём не винить и не удерживать. Отыщу другой способ. Выживу как-нибудь!

Глава 35. Норны говорят

Дни до Совета прошли тихо. Меня выпустили из смотровой. Следили, ждали, когда я сорвусь, перешёптывались и переглядывались тревожно. Меня они трогали слабо, я была уже не с ними, а где-то там, в большом мире, за гранью этой благополучной, но насквозь лживой иллюзии. Теперь мне впервые захотелось жить, забыть о высокомерных детских мечтах и вернуться ко всему тому, о чём рассказывала моя мудрая старая нянюшка. Лишь бы Микаш меня забрал!

Я выучила назубок речь и отрепетировала её с Сезаром, применяя все знания, которые в меня вложил Жерард, чтобы звучало убедительно и не отличалось от того, как говорили Джурия и Торми в трансе.

— Мастерская работа! — похвалил Сезар после последней репетиции.

Я опробовала фальшивую улыбку из своего нового арсенала. Правда и справедливость больше никого не волнуют. Сейчас мой единственный долг — добиться спасения для малыша, а остальные пускай сами решают судьбу мира.

— Думаете, нам поверят? — больше волновало, сдержит ли Жерард своё слово.

Сезар неуверенно повёл плечами. Он и Кнут с Кьелом знали о планах Жерарда больше чем остальные. Играть так правдоподобно, как он, они не умели, и когда начинали темнить, становилось жутко.

— Настроение публики, как и воля высших сил — вещи непредсказуемые.

— Если что, я использую внушение. Ведь это не во вред, а на благо всего ордена. Я даже клятвы не нарушу.

Интересно, как далеко мне удастся зайти во вранье?

— Вот это точно не стоит, — покачала головой Сезар. — Там будет маршал Комри. Доктор Пареда надеялся, что он проведёт последние дни с сыном, но влияние в ордене для него оказалось важнее семьи.

— А что случилось с его сыном?

Никогда не следила за слухами, а теперь и вовсе потеряла связь с внешним миром.

— Во время испытания в Балез Рухез саблезубый мелькарис оторвал ему обе ноги. Родовой удачи Комри хватило лишь на то, чтобы компаньон унёс его с поля боя. Сейчас он дома на Авалоре при смерти.

Я в задумчивости провела пальцами по сухим губам. Гэвин пугал своей суровостью и строгостью, а ещё тот кошмар... Как давно это было, кажется, вечность назад! Но он единственный мог противостоять Жерарду. Нужно заручиться его поддержкой.

— Кстати, он нашёл себе нового протеже взамен твоего Микаша — компаньона своего сына. Ойсин Фейн, кажется. Тоже нищий сирота с большим талантом. Телепортатор, представляешь? Даже истинной телепатии не чета, особенно сейчас, когда она не в чести, — Сезар криво усмехнулся, наслаждаясь своей шпилькой.

Я стиснула зубы. Телепатов поголовно считали предателями и чурались будто чумных. Но Микаш никогда бы не переметнулся. Он слишком предан делу ордена и своему обожаемому маршалу. Жаль только, маршал этого не ценит. У нас с Микашем и правда одна судьба на двоих: доверять не тем людям, переживать обман за обманом, предательство за предательством, даже от самых близких.

— Значит, обойдусь без внушения.

Я выстою!

Перед Советом нас собирали ещё тщательней, чем на «праздник». Заплели волосы в множество тонких косиц, составляя на голове причудливые узоры. Шандор изрисовал хной наши тела и лица: ритуальные руны, переплетения лозы, узлы и трикветры, знаки стихий. Подвели глаза и губы. Надели новые платья из сверкающего атласа, головы увенчали тонкими серебряными тиарами, украшенными рубинами у Джурии, сапфирами у Торми и алмазами у меня. Ожерелья с магическими подвесками, браслеты с такими же подвесками на руки и ноги, серьги. Сандалии из тончайшей кожи обхватили лодыжки. Так дорого, что даже неловко, особенно когда вокруг война и голод. Всё это должно было помочь Джурии и Торми донести божественную волю до людей. А я просто делала вид.

Мы снова шагали во главе торжественной процессии под песни и пляски. Трубили герольды, объявляя о нашем появлении. В цветах и пёстрых стягах утопали улицы. Храмовники в белых рясах читали воззвания и окропляли наш путь настоянной на серебре водой. Люди ждали сошествия в мир богов, чтобы они сказали: «Вы избраны нами, вы всё делаете правильно, вы несёте свет, а те, кто сражаются против вас — зло, которое нужно уничтожить любым способом».

Я шла со всеми, опустив взгляд, будто надела маску и была уже не собой — куклой, послушной своему хозяину.

Мой бог теперь живёт внутри меня. Только он и важен. А остальное пускай катится к демонам!

Мы прошли сквозь триумфальные ворота, вдоль центральных корпусов Дворца Сумеречников к огромной круглой арене, обнесённой дюжинами ярусов каменных трибун — летнее место заседаний Большого Совета. Рыцарей собралось видимо-невидимо — никогда они ещё не заседали настолько полным составом. Все взгляды устремились на нас, любопытные, недоверчивые, насмешливые. Но исход меня уже не волновал.

Я буду свободной!

Нас провели через всю арену в просторные помещения под трибунами. Там нас ждал Жерард с напутственной речью. Вначале выступал он, потом Джурия, как самая опытная и уверенная, следом Торми, как самая экзальтированная и восторженная, и последняя — я, разочаровавшаяся и отчаявшаяся.

— Не бойтесь. Действуйте по плану, и всё будет хорошо. В вас верю не только я, но и ваши божественные покровители, — Жерард тепло улыбнулся девчонкам и перевёл на меня напряжённый взгляд.

— Сделаю в лучшем виде, — бойко отрапортовала я. — Можно мне посмотреть? — указала пальцем вверх, где располагались трибуны. Вряд ли такая толпа меня отпустит, — я улыбнулась. Пускай думает, что я смягчилась. Я тоже умею играть!

— Хорошо. Люсьен? — он подозвал своего младшего помощника, с которым я не успела сдружиться. — Пригляди за ней. Шкурой отвечаешь!

Старательный юнец с готовностью кивнул и предложил мне руку. Я сделала вид, что не заметила и, подобрав юбки, побежала на трибуны. Люсьен следовал за мной по пятам как преданная шавка своего господина. Люди оборачивались в мою сторону и взглядами просили сесть по соседству, дотронуться, поговорить. Но я направлялась прямоком на верхний ряд. Найти маршала не составило труда — слишком плотная и тяжёлая аура выделялась на фоне серой толпы яркими всполохами. Свободного места вокруг было

предостаточно. Я усмехнулась. Даже сейчас люди чурались любого горя, словно могли заразиться им.

Гэвин всматривался в пустующую пока сцену и перебирал в руках чётки из семян лотоса. Одолела робость. Люсьен сел с самого края, нахохленный и съёжившийся от страха, как воробей. Я устроилась через сиденье от маршала и разглядывала его исподтишка. Как он отнесётся, если я к нему обращусь и какие слова лучше подобрать?

С другими даже без телепатии выходило неплохо, если понаблюдать, уделяя внимание каждой детали, каждому произвольному жесту, движению лица — Жерард хорошо меня обучил. Но с Гэвином это не работало точно так же, как телепатия. Он слишком хорошо держал себя в руках или вправду был настолько холоден и бесстрастен.

Он так сильно постарел. Высокий лоб перечертили глубокие морщины, щёки впали, выделив скулы, глаза почернели до цвета грозового неба, а иссиня-чёрные волосы словно инеем припорошила седина. Только осанка осталась такой же прямой.

По другую сторону от него сидел высокий статный юноша. Тёмно-каштановые волосы, чёрные глаза, бледное вытянутое лицо с резкими чертами выдавало в нём авалорца. Новая игрушка, замена Микашу — догадалась я. Крепкий и плечистый, в силе ничем не уступал моему медведю, а в пылком юношеском задоре явно превосходил. Смотрел на своего кумира с таким же слепым мальчишеским восхищением, готовый прыгнуть с обрыва по первому приказу. Будет ли Гэвину хоть какое-то дело до игрушки старой?

Жерард торжественной походкой вышел на арену и встал у высокой ораторской кафедры. Смысла ждать больше нет.

— Соболезную вашему горю, — вежливо обратилась я, надеясь расположить его к себе.

— Не стоит. Мой сын ещё жив, хоть рыцарем уже никогда не станет, — ответил Гэвин, одарив меня пронизывающим взглядом. — Лучше подумайте о своём ребёнке.

Я сжалась. Ведь даже Жерард не догадался!

— Как вы узнали?!

— По ауре — у беременных она всегда как будто сияет, и взгляд направлен внутрь себя.

Я облизала пересохшие губы.

— Вы ведь не станете угрозами требовать от меня прикрывать ваш обман в очередной раз? — он развернулся ко мне всем телом и посмотрел в упор.

— Вы не верите, что мы связались с богами? — спросила я, опешив от такой прямоты.

Жерард уже вовсю вещал о нашем предназначении:

— Эти девушки — светочи новой надежды. Внимательно слушайте и запоминайте каждое их слово. После оно может трактоваться совершенно неожиданным образом и спасти весь мир в решающий момент.

Мы одновременно горько усмехнулись и снова посмотрели друг на друга.

— За всех не скажу, но мои предки были сподвижниками Безликого, — ответил Гэвин. — Кое-какие воспоминания о нём до сих пор хранятся в моей семье. Если хоть часть из них правда, он не стал бы участвовать в этом балагане, даже если и был богом, которого можно воскресить.

— Он и правда... бог, — только и смогла выдавить я.

— Скажите, оно того стоило? — не унимался Гэвин, заставляя мои щёки пылать от стыда. — Жуткая краска на лице и ложь во имя чужих целей?

— А сами? Попользовались Микашем, потом нашли кого-то лучшего, а его мечты, преданность и даже дружбу — на помойку? Другого места он попросту не найдёт, а без

ордена жить уже не сможет.

— Странно слышать такие речи от вас. Ведь именно из-за вас он в таком положении. Не стыдно? Разве вы не понимаете? Я бы мог принудить вас стать его женой по первому его слову, но он не хотел вас неволить и наивно надеялся, что вы возьмете совесть. Но даже сейчас, нося под сердцем его ребёнка, вы предпочитаете амбициозную ложь искреннему чувству.

— Я просила его забрать меня отсюда, обещала выйти за него, только он во что бы то ни стало хотел дожидаться вас. И вот теперь... — зашептала ему на самое ухо и указала глазами на Жерарда. — Молю, помогите мне! Я... увязла...

Гэвин пристально разглядывал его, мерно щёлкая чётками:

— Вы хотите, чтобы я рассказал о вашем положении Микашу? Я отозвал своих людей из патруля. К вечеру он будет у меня на докладе.

Я схватила Гэвина за руки:

— Скажите ему, что я в беде и мне больше не у кого просить помощи. Скажите, что я очень-очень его жду!

Резные брови маршала сдвинулись над переносицей, очертив неумолимую, жестокую дугу:

— Только если вы пообещаете выйти за него и заставите вашего отца дать ему ваше родовое имя вместе с привилегиями. Вы правы в одном: наши дороги расходятся. Я больше не смогу ему помогать. Вы — его единственный шанс закрепиться в ордене.

— Обещаю, если Микаш ещё любит меня, я стану его женой.

— И родите его ребёнка.

— Я рожу в любом случае, — сложила руки на животе, обороняя его ото всех, кто хотел посягнуть или причинить вред.

— Хорошо, я сделаю, что вы просите, — Гэвин кивнул и отвернулся.

На арену вышла Джурия с одухотворённым лицом и устремлённым в необозримую даль взглядом. Высокий торжественный голос эхом разлетался по примолкшим трибунам.

— Я память древности, я вижу корни. Отзвуки тех событий, что сотрясали мою твердь эоны назад, рокочут в моих ушах до сих пор. Я помню, как пришёл Мрак. Его голос наполнился гневом, а слова горечью. Он жаждал то, что ему не принадлежало и никто из нас не мог ему это дать. Мы твердили Высокому: попытки договориться тщетны, нужно сразиться и убить, но он боялся оставить незаживающие шрамы на ткани мироздания. Говорил, ОНА скинет всех, обернувшись в первозданный хаос неподвластной нам музыки.

Люди перешёптывались, не понимая смысла слов. История давно минувших дней — совсем не то, что они жаждали услышать.

— Высокий отпустил Мрак. Удалился тот в недра небытия вынашивать планы мести. Скрутил пространство, изломал пороги, вспорол материю чёрной дырой, как червь проточил в яблоке ход, распахнул вихревую воронку, сияющую ядовитыми огнями.

Вначале люди тарасились, потом удивлённо открывали рты, пока и вовсе не зазевали. Может, не стоило начинать настолько издали?

— Мрак привёл пришельцев и засеял ими наш мир. Пришельцы стали убивать нашу паству, жать нашу плоть и кровь, чтобы самим кормиться. Мы защищались, но нас было несоизмеримо мало. Рати, полчища, орды прокатывались тут и там, как саранча, ничего после себя не оставляя. Тогда Высокий велел одарить лучших из лучших, чтобы они стали равными нам и сражались бок о бок. Мы взяли их — неразумных детей — подняли до небес

и вскормили своим молоком. Сильные из сильных, они стали овчарками для наших пастбищ. Демоны дрогнули, ощутив нашу силу, но Мрак не внял. Ярился пуще прежнего, испускал ядовитые шипы, отравлял и искажал. То, что было наше, делал своим. Но оно не живо, безвольно, не утоляло жажду и только воспаляло её больше. До крайности!

Мрак измыслил самую гнусную месть: пробраться в дом Высокого, соблазнить его непутёвое чадо, возвести на Небесный престол дух несправедливый, а праведный заковать в цепи, заключить в недра и убить.

Сражались мы долго, сражались мы тщетно. Не знали мы о напасти, что таилась среди нас. Братской крови напился Мрак, любовь в ненависть обратил. Гремела последняя битва, и закрывал нас Высокий грудью. Устрашился Мрак, уполз Мрак зализывать чудовищные раны, собирать новых приспешников, придумать новый план. Но шипы зла поразили Высокого, ослабив предательством и отравив безутешным отцовским горем. Он ушёл, оставив нас сиротами без вождя. Благославленный град — мёртвым, Небесный престол — пустым. Мы рассеялись в горе и страхе, уступили пастве, оставив её на страже вместо себя.

Заунывная речь длилась так долго, что усыпила даже меня. Я не выдержала и ещё раз обратилась к Гэвину:

— Ведь Микаш сможет, да?..

— Он всё сможет, — ответил мне другой, более молодой и бодрый голос.

Я вздрогнула и повернула голову в противоположную сторону. Рядом со мной сидел высокий человек в холщовом балахоне. Его лицо скрывала круглая белая маска с тремя красными полосами, будто царапинами от когтей. Из-под неё выбивались чёрные волосы. Полыхали небесной синевой глаза в прорезях.

Я протянула к нему руки. Это сон? Грёза рехнувшегося от всего происходящего разума?

— Кто ты?

— А ты не догадываешься? — такие знакомые властные нотки, приправленные бархатной хрипотцой. Этот запах сладкого морозного утра, аж щёки щиплет. Насмешливые повадки, скрывающие горечь глубоко внутри. Он перехватил мои ладони и по-дружески сжал. На глаза навернулись слёзы. — Демон, злой дух или такая же заблудшая душа, которая не может отыскать путь домой. Выбери, что нравится.

— Безликий, я... — к горлу подступил ком. — Ты пришёл! После всех этих лет, после всего, что было. Я же отчаялась, якшалась с единоверцами, предавала своих, теряла веру. Разве ты можешь меня простить?

— Я никогда на тебя не обижался, — он вытер мои щёки большими пальцами, совсем как тогда в Хельхейме. — Пожалуйста, только не слёзы. Всегда чувствую себя гадко, особенно когда знаю, что виноват в них я.

— Где ты был?

— Там, — он указал вверх, — здесь, — обвёл пространство вокруг. — Но главным образом вот тут, — он коснулся моей груди, где билось сердце.

— И ты вот так запросто позволял мне творить все эти безумства?

— Нет, я творил их вместе с тобой: отчаивался, угрожал Гэвину и дерзил Жерарду, лечил Ферранте и наставлял Хлою, сжимал телепатическими клещами головы насильников и спасал единоверцев через тайный ход. Думаешь, тебе бы удалось отыскать его и открыть без моей помощи?

— Но зачем? Зачем помогать тем, кто воюет с твоим орденом? — недоумевала я.

— Поначалу, как и тебе, было любопытно. Они — нечто новое для нашего мира. Я

изучал их через тебя, пробовал понять.

— И как, понял?

— Вполне, иначе бы не отпустил.

— То есть у меня не было ни воли, ни выбора?

— Отчего же, будь на то моя воля, ты бы никогда не связалась с этим безумцем, — он кивнул на Жерарда, который вернулся на сцену, чтобы поблагодарить Джурию за выступление и пригласить Торми. — И вышла бы замуж за Микаша. Но ты решаешь сама, я могу только поднимать тебя к небесам и закрывать своими крыльями, когда ты просишь.

— Я прошу? Даже теперь?

— Каждый миг.

Я вздохнула и отвернулась, не совладав с чувствами. Столько времени, столько переживаний, столько усилий потрачено на поиски того, кто всегда был рядом!

— Я пронзающее время око, я вижу ваше будущее во мгле! — Торми закрыла глаза и, запрокинув голову, начала вещать глубоким грудным голосом. — То, что было, повторится вновь. Сотрясётся твердь, прольются кровью небеса, из искры разгорится пламя, весь мир охватит чудовищный пожар, и живые позавидуют мёртвым!

Если от речей Джурии лорды зевали, то сейчас просто посмеивались. Если бы рядом не было Безликого, я бы разволновалась, как бы не случилось какой беды, ведь меня отправляли на заклятие последней, когда всеобщее раздражение достигнет апогея. Но с ним: уверенным и насмешливым — страх отступил.

Безликий вальяжно развалился на каменном сиденье, закинув ногу на ногу.

— Многомудрые тётушки в своём репертуаре. Всё бы им страшать байками о светопреставлении. В них же давно никто не верит!

— Конца света не будет? — с надеждой спросила я.

— Отнюдь. Всегда есть варианты будущего, которые заканчиваются скверно, и сейчас их, как никогда, много. Но есть шанс, что всё уладится, пускай и мизерный.

— Так зачем ты пришёл?

— Поучаствовать в балагане, — он усмехнулся, украдкой поглядывая на Гэвина. — Надо же высказать всё, что наболело, пока за меня это не сделали другие, — Безликий указал на торчавший у меня из-за пазухи лист с речью Жерарда.

— И каково тебе? Ну, видеть, во что превратился твой орден?

Безликий ссутулился:

— У каждой вещи есть начало и конец. В детстве мой отец казался мне вечным, но и ему пришлось уйти за грань, чтобы уступить место новому.

— Тебе?

Он молчал.

— Сейчас такое время — всё подходит к концу: отцветает, увядает и опадает, оставляя голый остов. На пороге эпоха затяжной зимы, которая укроет прах — истерзанные тела, разорённые селения, израненную землю — толстым снежным покровом, пока жизнь не наберётся сил, чтобы возродить мир заново. Сделать сейчас можно лишь одно — посеять семена, которые в нужную пору дадут сильные всходы.

Его слова звучали так же туманно, как речи Джурии и Торми.

— Я постараюсь обойтись без пространных метафор и высших материй, — усмехнулся он.

— Предаст родная кровь родную кровь. Последним злодеянием ляжет гора мертвецов, и

подымится посреди той горы единственный уцелевший — Разрушитель. Примет он белый плащ палача, и карающий меч его распалит пожар, что очистит землю от виновных и безвинных разом. Возродятся посреди тех пепелищ молодые боги. Содрогнётся твердь от их поступи, и наполнятся реки кровью. Их будет пятеро: последний отпрыск побочной ветви священного рода, что не должен жить. Величайший герой, что должен умереть. Отверженный сын отверженного, что должен выжить, чтобы жили другие. Последний из видящих, что должен выбрать между тенью и светом. Мечтающий о любви, что должен отдаться ненависти и пробудить древнее проклятье. И проснётся во льдах Небесный Повелитель, на спасение или на гибель. Когда соберутся вместе все пятеро, наступит последний час этого мира. Час Возрождения!

— Ну, шуметь мы будем явно не громче, чем вы здесь, — съязвил Безликий.

Торми в последний раз воскликнула что-то невразумительное и лишилась чувств. Жерард подхватил её до того, как она упала бы на пол. Подбежали Кнут и Кьел и унесли её. Большой Совет, высокие лорды и маршалы, громко роптали. Убедить их оказалось куда сложнее, чем легковерную толпу, которая велась на драматические эффекты в духе театра Одилона. Жерард поднял на меня хмурый взгляд и подозвал рукой. Я послушно встала.

— Только помните — вы клялись, — донёсся глухой шёпот Гэвина.

— Не беспокойся ни о чём, тебе вредно, — Безликий поднялся следом и положил мне руку на плечо. — Говорить буду я, и ответственность за каждое слово — тоже на мне.

— Я не боюсь. Больше — нет, — я сжала его пальцы.

Держась за руки, мы спустились на арену. Люди, мимо которых мы проходили, оборачивались и пристально вглядывались, будто хотели увидеть того, кому я так загадочно улыбаюсь.

— У тебя щёки горят и глаза сияют. Что-то случилось? — спросил Жерард, как только мы поравнялись.

— Он со мной! — ликуя, объявила я. — Он будет говорить сам. Без обмана. Разве вы не рады?

Я всучила ему скомканный листок с речью, Безликий одарил недобрым взглядом. Похоже, мне передавалось его презрение, и я спутала его со своими чувствами. Все эти странные речи! Насколько же сильна наша связь?

— Рад, что он вылез из своей раковины, — Жерард улыбнулся, обнажив ровный ряд белых зубов, и кивнул. — Пускай говорит. А потом мы тоже... поговорим... все вместе. Это будет очень длинный и поучительный разговор.

Он удалился с помоста. Я подошла к кафедре. Безликий положил руку мне на плечо. Сквозь его пальцы потекла живительная сила, совсем непохожая на ледяное вторжение, как было раньше. Тело наполнилось лёгкостью, я словно воспарила над миром. Вместо страха безмятежная полудрёма, в которой я наблюдала театральное представление, но не участвовала в нём сама. За кафедрой стоял один Безликий, опираясь на неё жилистыми мужскими руками, выглядывающими из прорезей холщового балахона. Обводил толпу пристальным взглядом, захватывая внимание каждого. Они перестали дышать, замороженные мерцанием нечеловеческой синевы его глаз.

— Предвосхищая ваши вопросы, это действительно я, Безликий, создатель ордена. То ли бог, то ли ушлый человек. Пришёл из ниоткуда и ушёл в никуда — это про меня, — он выдержал паузу, чтобы до всех дошло. — Сегодня я решил выступить, потому что не могу больше молча наблюдать за тем, что вы творите. Когда-то я считал, что орден необходим,

что это — дело моей жизни: научить вас, поднять с колен, помочь выжить и хоть на каплю облегчить ваше существование. Я щедро делился с вами своей силой и знаниями. Высшими знаниями, которые собирались по крупицам столько времени, что ваш разум даже представить не в силах. Я записал для вас законы мироздания в Кодексе самыми простыми словами, которые смог придумать. Вам оставалось вчитаться, проникнуться и следовать заветам. Пока вы это делали, всё работало, как хорошо отлаженный механизм. Но стоило вынуть одну деталь, допустить одно послабление, как порядок разлетелся на куски. Да кому я говорю! Вы ведь сами всё знаете.

Безликий смотрел на высоких лордов. Они молчали, лица вытянулись в гримасы, у кого стыдливые, у кого возмущённые — равнодушным не остался никто.

— Мне больно видеть, как вы падаете всё ниже с каждым днём. Потеряли веру в нас — потеряли веру в себя. А без веры мы все лишь былинки на ветрах времени, — он вытянул руку, разглядывая свои растопыренные пальцы, будто забылся на мгновение. Столько пыла и искренности было в его словах, настолько естественно он себя вёл, что невозможно было усомниться. И вправду... бог! Истинный, в отличие от потуг Жерарда. — Вы подрубили сук, на котором сидели — народную веру. Она подпитывала ваше могущество, позволяя чувствовать себя господами мира. Но сила была дана не для этого. Когда её используют не по назначению, она просачивается сквозь пальцы, как вода. Вы слабеете час от часа. Враг, истинный враг, а не та мелкая шушера, с которой вы вытрясаете дань, если народ не может удовлетворить ваши аппетиты, не дремлет. Он чует брешь в броне, как собаки чуют дичь на охоте, он выжидает нужный момент, чтобы ударить в незащищённую спину. В вашу спину. Он уже здесь. Предатели среди вас.

Безликий принялся указывать на людей из толпы. С десятков. Соседи шарахались от них. Со всех сторон к ним спешили стражники. «Предатели» сопротивлялись. Несколько лордов вступили в схватку, чтобы скрутить их и увести.

Безликий терпеливо дождался, пока закончится потасовка.

— Поздно. Надо было думать раньше. Теперь уже ничто не остановит запущенного колеса. Вам не выстоять в этой войне, и это вы тоже уже поняли, — раздался всеобщий испуганный вздох. Только Жерард выступил из тени кулис, глядя с внимательной настороженностью. — Казна пуста, войска разгромлены, боевой дух пал. Орден не может сражаться против собратьев — людей, он был создан не для этого. Не для этого полторы тысячи лет в вашу кровь впитывался запрет на убийство себе подобных — его не сломать, не сломав себя. А сломанные вещи существуют недолго, пока тлен не пожрёт их полностью.

Безликий взял паузу, словно прося об ответной реакции. Собравшиеся молчали.

— Вы скажете, не страшай нас мрачными пророчествами. В этом достаточно преуспели твои предшественницы. Лучше посоветуй, что делать. И будете правы. Капитуляция, полная и безоговорочная, ваш единственный шанс. Необходимо отступить в те земли, где вера в вас ещё не угасла. Где не станут вспоминать годы угнетения и поборов. Где будут чтить подвиги, помогать и защищать, пока не взойдёт молодая поросль, что не будет помнить эпоху Сумеречников. Они закалятся в тяжёлых условиях, они станут сильнее и лучше нас прежних, они вернутся к истокам и смогут то, что не смогли вы — восстановить порядок вещей, отстроить свой Благословенный град на Девятых Небесах вместо разрушенного. Умерьте гордыню и дайте детям шанс на будущее — это единственное, что от вас зависит.

Он замолчал в последний раз. Я словно таяла, чтобы очнуться в своём теле, в бережных руках Безликого.

— Ты как? Не устала? — участливо спросил он.

Я улыбнулась и покачала головой:

— Это сакральное отношение к беременным?

— Это моё отношение, — твёрдо ответил он. — Давай уйдём отсюда?

Я оглянулась. Собравшиеся продолжали сидеть, как громом поражённые, словно ждали продолжения и боялись его. Не могли ни осознать до конца, ни поверить. Они не станут нас задерживать.

Я вложила свою ладонь в ладонь Безликого. Вместе мы спустились с помоста. Жерард и его люди наблюдали за нами в оцепенении. Походкой победителей мы покинули Большой Совет.

Глава 36. Ты — это я

Мы шагали по пустынным улицам, залитым солнечным светом. Сияла вычищенная мостовая, сверкал белый мрамор дворцов, весь воздух словно лучился прозрачным теплом. Хотелось петь и кружиться, стирая с лица проклятого города тысячи тысяч злодеяний, наших и их без разбора.

— Осторожней, угомонись! — засмеялся Безликий.

Я кружилась под летящими по воздуху пылинками, пушистыми облаками развевались юбки, татуированные руки выплетали фигуры танца.

— Почему? Ведь мне так хорошо!

— Это эйфория от моего вхождения в твоё сознание. Всё вот-вот закончится.

Я схватила его за руку, увлекая за собой. Злость прошла, стоило ему появиться на трибунах. Он стал мне другом, самым лучшим и близким. Требовать большего не стоило, чтобы не рушить это неземное счастье.

Я потянулась за его маской. Безликий перехватил мою ладонь и опустил.

— Ты испугаешься. Там уродство, морда чудовища.

— Нет, там печальное лицо одинокого мужчины.

Он усмехнулся:

— Ты слишком добрая.

— Расскажи про единоверцев, — потребовала я, продолжая кружиться вокруг него. — Что ты о них узнал? Видел их бога?

— Его никто не видел. Эта религия — просто идея, которая появилась сравнительно недавно. Но однажды она станет явью, как и всё, что придумывают люди, в которых заключена искра божественного творения, — его слова звучали невероятно даже по моим меркам. — Что вы скажете на земле, то будет сказано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Небесный Престол пустует. Тот из младших богов, в кого поверят и примут люди, и станет новым Небесным Повелителем, Единым.

Я замерла. По хребту продрал холодок понимания, будто из разрозненных кусков мозаики сложилась картинка: народные волнения, падение ордена, новая вера, одержимые, которые стали во главе воинства единоверцев, череда предательств среди Сумеречников.

— Одержимые — лазутчики Мрака? Они хотят возвести на престол твоего брата! — я приложила ладонь ко рту, ужасаясь своей догадке.

— Умная девочка, — похвалил Безликий. — Хотят сделать его Единым и урвать кусок от паствы. Только есть одна загвоздка: чтобы быть живым богом среди людей, нужно обладать гигантским запасом терпения и мудрости, а Тень никогда ни тем, ни другим не отличался. К тому же власть ему нужна постольку-поскольку. Осколок Мрака сильно повредил его разум. Теперь он жаждет опрокинуть мир, чтобы все страдали так же, как он.

— Ты так легко об этом говоришь?

— А что мне плакать и заламывать руки? Я не так устроен. Полторы тысячи лет забвения притупляют остроту любых эмоций, заставляют смириться даже с трагедией своей семьи.

— Почему бы тебе самому не стать Единым? Ферранте бы с радостью тебя принял, как и многие.

— Любовь толпы — вещь ненадёжная и недолговечная, — вздохнул он с печалью.

— Госпожа Лайсве! — раздался за спиной взволнованный голос. — Погодите!

Я обернулась. К нам размашистой походкой спешил маршал Комри. Лицо закаменело, потускневшие глаза вспыхнули былым огнём, смотрели с ястребиной остротой, то ли обвиняя, то ли упрекая. Казалось, что не меня, а Безликого, будто Гэвин мог его видеть.

— Я не использовала телепатию. Безликий действительно выступал на Совете, — я улыбнулась, потому что грустить сейчас было кощунственно.

— Я знаю, я... — он приложил руку к груди, закрыл глаза и выровнял дыхание. — Мне нужно поговорить с ним!

— Если получится, — я вопросительно глянула на Безликого.

— Мой маршал, вот вы где! — выбежал из-за угла запыхавшийся Ойсин и встал возле своего кумира. — Вы так неожиданно сорвались, я решил, что появились новости от Брана.

Распахнув глаза, Гэвин выхватил из-за пояса кинжал и полоснул им ладонь Ойсина. Тот вытаращился и приоткрыл рот.

— Заклинаю тебя кровью твоего потомка, поговори со мной! — Гэвин показал выступившую из царапины на руке Ойсина кровь.

— Ух, видимо, без семейных драм не обойтись, — хмыкнул Безликий и обнял меня за плечи.

Ласковая теплота вновь заставила выпорхнуть из тела белой горлицей и наблюдать за ними поверх своей макушки.

— Так это ты был в Священной долине? — Гэвин окатил Безликого настороженным взглядом. Видел ли его, как я?

— Ты ждал кого-то другого? — отвечал тот насмешливо.

— Зачем, раз всему существу суждено погибнуть? — с жаром вопрошал Гэвин. — Почему отказываешься от борьбы? Бросил нас на заре времён, а вернулся лишь на закате, чтобы обвинить в том, что мы просто были людьми и совершали ошибки? Этот орден — твоё детище, а значит, и ответственность твоя, как каждый отец отвечает за поступки своего чада. Не бросай нас на съедение алчущим волкам только потому, что мы перестали соответствовать твоим ожиданиям. Стань наконец мужчиной! Воплотись и укажи своим примером, какими мы должны быть, а не прячься в ожидании потомков, которых может и не быть!

Таких обличительных речей в его адрес даже я себе не позволяла. Что сейчас будет? Безликий разъярится и испепелит его одним ударом молнии? Он может! Уже запахло грозой!

Пожалуйста, не надо!

Но вместо этого Безликий заговорил с тихой печалью, с какой бы отец обращался к своему ребёнку:

— Ты не понимаешь, какой болью может обернуться моё воплощение.

— Наш мир гибнет. Власть захватывают демоны и уведут паству твоего отца в бездну. А ты, как распоследний сосунок, боишься какой-то боли? — не унимался Гэвин, выплёскивая всю накопившуюся горечь и разочарование.

Безликий несколько мгновений разглядывал его перекошенное лицо, прежде чем ответить:

— Ты и правда не понимаешь? Ты и я — мы одно, моя боль — твоя боль, моя судьба — твоя судьба. Я покажу тебе нашу плату.

Он обхватил голову Гэвина и прижался лбом к его лбу так, что они могли видеть только глаза друг друга. Синие на синем — штормовое небо повсюду, захлестнуло прибойной волной, утопив в себе без остатка. Я присутствовала в кошмарах Гэвина бесплотным духом, но не понимала ни тех образов, что он видел, ни тех эмоций, что обуревали его смертоносными вихрями.

Туманные сумерки укрывали после брани. Запах огня и крови, стоны раненых, под ногами истерзанные тела. Больше всего досталось мальчику — его превратили в кровавое месиво. Мальчику, который верил Гэвину. Мальчику, которого он предал. Гэвин закрыл мёртвые глаза ладонью и взял его на руки. Горечь разъедала разум, осознание — это конец! Дальше неизбежное не оттянуть.

— Остановитесь! — перекричал бурю Гэвин. — Именем Безликого, дарованной мне властью, мы капитулируем полностью и безоговорочно. Я распускаю этот орден! Уходите! Уходите все, пока можете!

Сумеречники оглядывались, но не слышали, не хотели верить.

— Уходите! Он мёртв! Вы никому больше не нужны! — заорал он, раскрывая за спиной огромные полупрозрачные крылья павлиньего цвета. Их взмахи порождали гигантские воронки. Воздух чернел, посверкивая молниями, распахивал хищный зев огненный смерч. — Именем Безликого, убирайтесь! Иначе будете сметены его волей. Я её проводник, моего приказа вы не слушаетесь!

Раскаты грома били в уши, ветер, завывая, стремился сорвать плоть с костей, изничтожить вместе с изувечившей землю войной. Гэвин в самом сердце, он сам — сердце бури, синими сполохами вихрились крылья его потустороннего могущества. Оно устрашало и отрезвляло. Этой силы Сумеречники и их враги не понимали и боялись больше смерти, от неё — бежали, проклиная до десятого колена. Свои и чужие хором. Ненавистное Небесное племя.

— Почему?! — вырвался у Гэвина отчаянный стон.

Взметнулось до небес стена очищающего огня.

Опала.

Перед нами — двор старой усадьбы. Жидкие сумерки. Кричали дети, рыдали женщины, реяли по ветру голубые плащи, сломанным на земле валялся герб — копьеносец, повергающий дракона. Запах огня и крови уже здесь. Они следовали за нами повсюду.

На лужайке на коленях замер мужчина похожий на Гэвина: стройный, темноволосый, синеглазый. Только не воин, по выправке и по взгляду видно, невинная жертва войны. Палач в белоснежном плаще схватил его за шею. Потребовал:

— Где он?

— Далеко. Ты никогда его не получишь! — с ненавистью выплюнул мужчина.

Палач поднял на Гэвина разноцветные глаза — один голубой, другой зелёный:

— Ты кормил меня своими милостями, ты вливал мне в уши яд, я целовал твои запятнанные кровью руки, и не было в мире человека, который служил тебе больше верой и правдой, чем я. А ведь ты с самого начала знал, с самого начала предал меня и обрёл на эти муки. Скажи, ты этого хотел?

Палач как тростинку переломил пленнику шею. Гэвина задохнулся от боли и за пленника, и за палача. Кто бы ни были эти люди, он знал их слишком хорошо.

— Скажи, теперь тебе так же больно, как мне? — палач протянул руку и шагнул навстречу Гэвину. — Почему?

Снова огонь, поднялся и опал.

Мы стояли посреди пыльного чердака. Тускло чадила свеча на тумбе у приземистой кровати. На смятых простынях, заботливо укутанная в одеяло, спала девушка. Рядом на коленях сидел юноша. В одних штанах, весь его торс покрывали татуировки. Лицом он напоминал Гэвина. Воин, смог бы стать таким же великим, если бы у него был шанс. Но сказанные дрожащим, полным непереносимой боли, голосом слова не оставляли никакой надежды:

— Как же я? Разве я недостаточно сделал, недостаточно людей спас, недостаточно служил тебе? Неужели всё, что у меня есть, даже самое сокровенное, мне придётся отдать другому, пускай и лучшему другу? Неужели я ничего не заслужил? Тогда зачем? Зачем ты заставил меня пережить это блаженство? Я бы мог легко исполнить то, что ты просишь, в один из чёрных дней, когда я сам молил о смерти. Так почему сейчас, когда жизнь перестала быть крошечным кошмаром, когда я впервые счастлив и не хочу умирать, ты просишь меня об этом? Как будто цена вовсе не вера и не добрая воля, а непереносимые муки, которые я испытываю после каждой крохи радости. Почему я один из всех не достоин жить в этом лучшем мире, который настанет после моей смерти? — он повернул голову и впериł пронзительно синие глаза в Гэвина. — Почему? Почему?!

Мы снова утонули в них, а когда очнулись, маршал стоял на коленях и в иступлении глотал ртом воздух. Ойсин дёргал его за руку, но тот не реагировал.

— Ответь мне Гэвин, почему? — спросил Безликий, смотря на него сверху вниз.

Маршал поднял на него затравленный взгляд:

— Потому что вся наша жизнь — служение высшему порядку. Если никто не будет жертвовать, то и жить тоже никто не будет.

— Что ж, твоё желание будет исполнено, — Безликий протянул ему руку, и только опираясь на неё, Гэвин поднялся. — Ты отдашь всё, что у тебя есть: состояние, орден, честь, друзей, близких. Когда ты осознаёшь, что такое истинная боль, я возрожусь в крови своих потомков.

Ойсин испуганно выдохнул, взглянув на свою окровавленную ладонь:

— Мой маршал, это я — потомок?

— Да... — рассеянно ответил Гэвин. — Священный долг моей семьи — защита потомков Безликого. Поэтому после гибели твоего отца я взял тебя под свою опеку, — он ударил в грудь кулаком. — Служу Безликому и его крови.

Ойсин открывал и закрывал рот в онемении. Видно, мальчишка из бедной семьи никак не ожидал, что его предком может быть сам легендарный основатель ордена. А Безликий смотрел вовсе не на Ойсина. Шагнул к маршалу и зашептал на самое ухо:

— Не забывай: три священных гейса. И ещё: всё, что я вам дал, мне придётся забрать.

— Как всё?! — брови Гэвина взлетели вверх. — Ты не можешь быть настолько жесток, мы же... мы же... — его обычно твёрдые губы дрожали.

— Кто? Скажи же уже это! — потребовал Безликий, теряя терпение.

— Самые верные твои слуги, — выдохнул после долгой паузы Гэвин и опустил взгляд, словно не смог вымолвить то, что хотел на самом деле.

— Не я придумываю эти законы, я их только объявляю, — Безликий печально склонил голову и обратился уже ко мне: — Идём, нам здесь больше делать нечего.

Дёрнуло вниз, и я вернулась в своё тело. Безликий взял меня за руку и потянул прочь. Гэвин прожигал его взглядом, пока Ойсин трогал его за локоть, пытаюсь привлечь внимание.

Что-то было в корне неправильное в этой картине: низвергнутый маршал и растерянный потомок бога, так и не удостоившийся ни единого слова от своего предка.

— За что ты так с ним? — спросила я, когда мы завернули за угол.

— Тебе же он не нравился.

— Раньше — да, но теперь он показался мне... неплохим. Я не разбираюсь в людях.

Безликий провёл тыльной стороной ладони по моей щеке:

— Ты слишком добрая, я уже говорил. Всем приходится платить свою цену, даже мне.

— Ты, правда, был женат на земной девушке?

— Что тебя так удивляет? — он усмехнулся. — Земные девушки прекрасны, в них столько нежности, теплоты, самой жизни. Я любил её до безумия. Такое сильное чувство, что кажется, будто готов горы свернуть, совершить любое безрассудство. Даже отринуть благодать и принять смертную долю. Кто-то говорит, что со временем такие чувства остывают, но мои — нет. Я люблю её до сих пор и вспоминаю все мгновения, которые мы провели вместе, как самые счастливые в жизни.

— А твой ребёнок? Каким он был?

— Я... не знаю. Я ушёл до того, как моя жена поняла, что ждёт ребёнка. Я мог видеть его лишь в своих грёзах, наблюдать издалека, как он растёт и стареет. Не было в моей жизни пытки худшей, чем эта: смотреть — и не мочь прикоснуться.

— Мне так жаль.

Некоторое время мы молчали. Видения Гэвина никак не шли из головы, будто слова и образы лишь оболочка, а смысл сокрыт в чуждом для смертных языке.

— Так почему же ты не хочешь возродиться и помочь нам? — озвучила я терзавший меня вопрос, когда мы уже подходили к дому Микаша.

— Дар и проклятье Небесного Повелителя — видеть все варианты будущего. Из тысячи тысяч возможностей есть лишь одна с благополучным исходом. Не для всех, конечно, но хотя бы для нашего многострадального мира. Этот вариант будет стоить огромной боли для моих близких. И если что-то пойдёт не так, все жертвы окажутся напрасными.

— Ты не хочешь убивать вэса? — не поверила я ему, как не поверил раньше Гэвин. — Скажи, где его искать, и мы сделаем это сами!

Безликий снова печально качнул головой:

— Не выйдет. Я должен убить его сам, в тот момент, когда он докажет мне свою преданность.

— А он ещё не доказал?

— Нет, сам ход событий должен сложиться так, чтобы дать ему возможность доказать.

— А если этого не случится?

— Я буду безмерно рад. Я не желаю ничего больше, чем чтобы мой вэс прожил долгую и счастливую жизнь, и мне никогда бы не пришлось проливать его крови, — он снова ласково коснулся моей щеки, словно хотел смягчить.

— Похоже, ты и вправду трусишь.

— Я никогда не называл себя героем.

Ругаться было неумоготу, упрекать его — бесполезно. Такой же упрямец, как и мы все, но всё же радостно, что он откликнулся. Хоть какие-то подвижки. Лучше не уничтожать их недобрым словом.

Мы миновали консьержа и поднялись на второй этаж. Я открыла дверь комнаты Микаша. Тут всё сохранилось так же, как в ту ночь, когда я убежала спасать Хлою с

Ферранте. Тюки с вещами покрылись слоем пыли, воздух сделался затхлым и душным, недоделанные дела так и остались недоделанными. Что ж, теперь точно сюда не вернёмся.

Как только маршал отпустит Микаша, мы уедем навсегда. Домой, в Ильзар. Буду ли я скучать? По Хлое и Ферранте — да, но их уже тут нет, по счастливым денёчкам с Микашем — тоже да, но ведь он никуда не денется, и у нас будут новые ещё более счастливые дни вместе. По залитым солнцем широким улицам Верхнего города, по вечно спешащей толпе студюзов в синих мантиях, по театру Одилона, по Джурии и Торми, какими они были до того, как стали «неживыми» Норнами, по разбитой набережной в Нижнем, по добродушному половинчатому Лелю и его мордоротам, которых уже нет в живых — сотни раз буду. Но жизнь продолжится, появится на свет мой малыш, ради которого мне так хотелось выстоять. И главное, со мной будет Безликий. Он не разочаруется и не бросит, будет хранить и защищать до конца. То, что я так долго и отчаянно искала, всегда было со мной. Теперь всё будет хорошо, не может не быть!

— Ты не сердись, что я выбрала Микаша? — обратилась я к Безликому.

Он наблюдал за мной, сидя на стуле у окна.

— Нет, он твой суженый, не я. Вспомни: сильный, благородный воин, который любит тебя одну и никогда не предаст. Разве не это ты загадывала на каждый праздник в детстве?

Я зажмурилась до слёз, прижимая к груди куклу Герду. Моя сокровенная мечта сбылась, а я даже не поняла, не поверила своему счастью. Так долго разменивалась на пустяки вместо того, чтобы окунуться в него полностью.

— Скажи ему про ребёнка. Для мужчины хуже нет — не знать своей крови, не мочь поддержать первенца на руках.

Я повернулась к нему. Безликий так тосковал по семье. Ах, если бы реки времён можно было повернуть вспять, чтобы он снова пережил эту радость от зарождения чувств, восторженную влюблённость, то тихую и сдержанную, то болезненную и клочущую, глубокую, как воды океана, любовь и безмятежное счастье в ожидании новой жизни.

— Я сделаю это. Ради тебя.

В дверь постучали. Микаш! Наконец-то пришёл, я так соскучилась. Хотела с порога бросить к нему на шею, расплакаться и расцеловать. Отперла засов, потянула за ручку.

— Нет, Лайсве, стой! — запоздало донеслось предупреждение Безликого.

Я обернулась. Кто-то нажал пальцами у меня над ключицей. Я обмякла, и мир вокруг схлопнулся в чёрное небытие.

***

Дни в приграничном дозоре тянулись ленивой улиткой. Враг не показывался, попадались только беженцы, бродяги и разбойники. От допросов и «чтений до дна» голова раскалывалась. Большую часть пойманных вышвыривали. Тех же, кто вызывал малейшие подозрения, отправляли под конвоем в город, где их допрашивали куда более опытные дознаватели. Там уже решали, упечь или казнить. Больше казнили.

Микашу тоже дали такие полномочия, но он не пускал их в ход, памятуя слова маршала. Запах людской крови воспалял внутреннего демона, мучил тревогой, что стоишь на грани и вот-вот сорвёшься, начнёшь крушить и резать без разбора.

Несколько раз патруль натыкался на сховища мелких демонов. Микаш первым мчался в бой, а после парни рассказывали, что даже в самых жарких схватках не видели его настолько яростным. Как не знавший пощады стальной вихрь, даже подойти страшно — изрубит и не заметит. Действительно — не замечал, не помнил себя.

Это отчаяние, ощущение неминуемого конца. Не будет больше походов, не вернётся маршал, даже от ордена ничего почти не осталось. Так только, свора побитых псов, огрызающаяся из последних сил, отступающая до самого обрыва, чтобы сверзиться на острые камни.

За каждым его шагом следили. Свои — смотрели исподтишка, перешёптывались за спиной, додумывали то, чего никогда не было. Чужие — Микаш кожей чувствовал их заинтересованные взгляды. Из-за кромки горизонта тянулись тёмные щупальца зловещего шёпота: «Приди к нам, будь одним из нас! Мы исполним все твои желания! Мы сделаем тебя великим! Ты спасёшь орден!» Он упрямо мотал головой и повторял себе: не поддаваться, что бы там ни было, оставаться верным своему слову и своему маршалу. Он не станет злом, он не станет предателем!

Новости доходили с большим запозданием. Атака единоверцев отбита — хорошо. Но в победе — привкус ядовитой горечи, совсем не так, как когда побеждали демонов. Тогда это был праздник жизни, а теперь уныние над пролитой братской кровью. Оно ощущалось даже в поздравлениях и тостах.

Прошёл слух о том, что старший сын Гэвина покалечился во время испытаний. Маршал сидит у его постели безвылазно и вряд ли вернётся к делам ордена. Позже о том, что Гэвин нашёл себе нового протеже и приехал на Большой Совет. Краем уха Микаш слышал с демонстрации Норн-пророчиц, что рекли божественную волю. Поначалу он даже не понял, что речь о Лайсве и её подругах.

За спиной судачили о том, что Микаш лишится поддержки и его снимут с должности, боялись его реакции, даже пытались всё скрыть. Чудаки! Не ревновать же маршала, уж точно не сейчас. Гэвин знает, что делает. Если выбрал другого — значит, так нужно. Верить и ждать — единственное, что оставалось.

Но дождался Микаш лишь скупого приказа о возвращении в город. Он гнал свои войска из последних сил, словно чувствовал — во что бы то ни стало надо успеть. Время утекает сквозь пальцы, совсем как говорил Гэвин. Мгновение промедления, и хрупкое счастье истает, как мираж.

Эскендерия встретила солнечным забвением. Безлюдные улицы, закрытые ставни, неестественно вычищенные мостовые. Только цокот копыт отдавался в угрюмых каменных стенах. Весь народ собрался на Дворцовой площади в ожидании чего-то небывалого.

Микаш спрыгнул с коня, отдал поводья Кумезу и, расталкивая зевак локтями, проложил себе путь в самую гущу. Гул перешёптываний с трудом связывался в осмысленные сообщения: что-то случилось на Большом Совете. Пророчества Норн, явился сам Безликий Орден вот-вот падёт! Прямо сейчас сквозь землю провалится, да в самую Сумеречную реку душ. Даже сплунуть от досады некуда — обязательно кого-нибудь заденешь.

— Как думаете, правда? Потомок Безликого? Да что-то не похож. Нет ну рослый, пригожий. Слыхали? Сына маршала Комри спас — на себе с поля битвы унёс. Герой! Кому быть потомком бога, как не ему? Сам маршал Комри объявил, а он никогда не врёт! Даже в отставку подал, чтобы уступить мальчику место. Комри же сподвижниками Безликого были — уж кому, как не маршалу.

Микаш замер, не веря.

Гэвин подал в отставку? Уступил место сосунку, которого обозвал потомком Безликого?

Микаш заработал локтями ещё яростней. Люди возмущались и шипели, но ему было

плевать. Пробился к помосту для выступлений. Там стоял тот самый малец, о котором в последнее время только и говорили. Действительно, высокий и крупный, ни в чём не уступавший Микашу, разве что молодой совсем, не успевший растерять наивный блеск в угольно-чёрных глазах. Открытое лицо с правильными чертами. Тёмно-коричневые волосы заплетены в церемониальный пук на затылке, одежда скромная, из немаркого серого сукна. Микаш ходил в такой же, когда только поступил в орден.

«Ойсин Фейн», — повторяли его имя стоявшие рядом высокопоставленные Сумеречники. Решили взять парня в оборот, указывая, что и как делать. Он мялся, сутулился, краснел, явно не привыкший к вниманию, но всё же улыбался счастливо.

Вспомнился другой Фейн. Завёрнутое в белый саван тело со страшными ранами. Маршал тогда предпочёл спасти безродного новобранца, а не опытного командира звена... потомка Безликого! Да и не чувствовалось в нём ничего божественного, даже таинственного, как и в этом наивном мальчишке сейчас. Силён, с уникальным даром, пульсирующим синими прожилками в ауре, подающий надежды телепортатор, но не больше.

— Маршал! Где маршал? — спрашивал Микаш у всех, кто стоял рядом.

Его не слушали. Всё внимание было приковано к марионеточному мальчику на помосте. Его плечи укрывали белым маршальским плащом, подбитым песцовым мехом, на голову водружали серебряный венец с синими камнями.

— За орден! — скандировала толпа. — Мы освободим Мидгард от единоверческой ереси! С нами Безликий!

Балаган!

— Где маршал Комри?! — Микаш схватил за грудки стоявшего рядом рыцаря.

— В своих покоях. Вещи собирает, если ещё не уехал. Он больше никто! — ответили Микашу, только чтобы он отстал.

Нужно успеть сказать последнее слово! Неужели и впрямь — конец? Вырвавшись из толпы, Микаш побежал к стоявшим на отшибе маршальским корпусам. Здесь было непривычно тихо, но это только радовало. Не хотелось видеть никого, кроме маршала. Лишь бы не уехал!

Микаш взлетел на порог, толкнул дверь так, что она врезалась в стену и едва не слетела с петель. Топот сапог не глушил даже толстый ковёр, отбивая мгновения с ударами сердца. Последняя преграда — дверь в кабинет маршала. Воспоминания захлёстывали тугим валом. Как он первый раз шёл по этому длинному коридору, как ягнёнок на бойню. Как трясся от одного строгого маршальского взгляда, как сопротивлялся во время допроса, стыдясь своего прошлого, как услышал заветные слова: «Ты мой человек. Собирайся. Через день выступаем!» Как радостно было оттого, что детская мечта всё-таки сбылась. А теперь всё пошло прахом, не повторится больше никогда!

Микаш вошёл без стука.

Гэвин сидела за столом, сосредоточившись так, что ничего вокруг не замечал. Вместо того чтобы составлять очередной отчёт или прошение, он разглядывал свою перевязанную бинтами ладонь. На них едва заметно проступал кровавый след.

— Мой маршал? — позвал Микаш.

Он не отвечал. Микаш подошёл и встряхнул его за плечо. Только тогда Гэвин поднял на него воспалённые глаза, под которыми залегли чернильные тени. Вкупе с бледной кожей выглядел он как покойник.

— Уже не маршал. Просто мастер Комри, — он спрятал перебинтованную руку под

стол, а здоровой взлохматил и без того растрёпанные волосы.

— Зачем вы солгали, что этот мальчишка — потомок Безликого? Это же смеху подобно! Любой здравомыслящий человек поймёт. Это же вы, вы истинный потомок бога! — горячился Микаш.

— Тише. Ты не понимаешь, о чём говоришь, — ответил Гэвин бесцветным голосом, словно молил не мучить его больше.

Но нарыв неизбывной горечи прорвался, хлестнув гноем упрёков и возмущения. Микаш не мог остановиться:

— Я не настолько наивен, как вы думаете. Я видел, как вы сражаетесь, видел, как говорите с демонами, видел вашу мудрость. Только вы достойны вести это воинство близоруких глупцов в последний бой!

Гэвин вытянулся на стуле и посмотрел ему в глаза, как в зеркало собственной совести.

— Утихомирьтесь, капитан Остенский! — в распахнутой двери появился Сольстис с подносом в руках. На нём в большой глиняной чашке дымился отвар, обдавая терпким запахом сушёного разнотравья. — Имейте совесть! Маршалу только что сообщили, что один его сын умер, а второй лежит при смерти. А его лучший друг, король Авалора, погиб от руки заговорщиков. Не смейте его осуждать!

— Простите, я не знал, — устыдился Микаш. Сердце сжималось от жалости, хотелось забрать хотя бы часть его горя себе, только чтобы не видеть его таким... сломленным.

— Выпейте, это должно помочь, — намного мягче сказал Сольстис и поставил перед Гэвином чашку.

— Благодарю, но право, не стоит распространяться о моих проблемах и тем более жалеть, — процедил он сквозь зубы. Глаза полыхнули, словно жалость разозлила его куда больше, чем обвинения во лжи и трусости. Он взял чашку и выпил залпом. Бледное лицо обрело хоть какую-то краску. — Я не потомок Безликого. Был бы им — он бы со мной так не поступил!

Он сорвал с шеи жёлудь-талисман и сдавил его пальцами с такой силой, что тот рассыпался в труху. Но этот акт отчаяния только убедил Микаша в своей правоте.

— Даже если и так, не уходите, не уподобляйтесь ему. Без вас этот орден и дня не выстоит. Безусый юнец будет беспрекословно слушать высоких лордов, а они с их глупостью и страстью к стяжательству изничтожат даже то, что можно было ещё спасти!

— А что ты мне прикажешь делать? Я не могу кусать себя за хвост! — Гэвин достал свой меч из ножен и бросил на стол: — Если обагрить этот клинок кровью собратьев, он расколется на осколки, а божественный дар утечёт сквозь пальцы и не возродится в моих потомках. Если тебе так горит, то ступай под их стяги. При должном рвении сможешь сделать так, что Ойсин будет смотреть в рот только тебе. Но надо ли тебе это?

Микаш потупил взгляд.

— Я слишком долго отдавал ордену всего себя. Настало время побыть со своей семьёй и родиной хотя бы немного. И тебе советую сделать то же, пока не потерял самое дорогое, что у тебя есть. Что ещё может быть!

— Что? — нахмурился Микаш, оглядываясь по сторонам, будто надеялся найти ответ в этом кабинете.

— Лайсве в беде. Слышал, что творилось на Большом Совете? Она привела Безликого оракул Жерарда заговорил. Если я правильно понял хотя бы часть из его планов, ничего хорошего ей это не сулит. Только ты можешь её спасти.

— Как?

Сердце ухнуло в живот, тело свело судорогой ужаса. Эта тревога... Она была вовсе не о маршале! Лайсве! В ушах набатом крови стучали её последние слова: «У меня... дурное предчувствие. Давай уедем! Я буду ждать, ты только возвращайся!» Боги, она всё знала! Молила его спасти, а он не внял и бросил в беде, хотя клялся защищать до последней капли крови!

— Помнишь Кодекс? Женщина принадлежит отцу своего ребёнка, если он заявит на неё права. Она беременна. Жерард развернул грандиозное строительство под Университетом. Должно быть, он держит её там. Поторопись. В последний раз, когда я её видел, она умоляла, чтобы ты забрал её.

Микаш резко выдохнул и развернулся к выходу. Не успел дойти до двери, как Гэвин перехватил его за плечо, оказавшись рядом за одно стремительное движение.

— Подпиши, — протянул два одинаковых листа с гербовой печатью рода Комри.

Микаш пробежался глазами по стройным строчкам, в очередной раз не веря. Договор о брачном союзе потомков? Древнейший высокий род с престолюдинами?!

— Это слишком, я не могу...

— Можешь! Покажи это отцу Лайсве — он выдаст её за тебя и примет в свой род.

Микаш попытался возразить, но Гэвин зажал ему рот рукой.

— Так будет лучше для всех, для неё и твоего наследника в первую очередь. Перестань потакать своей чрезмерной гордости. Помни: как бы дальше ни сложилось, за все свои поступки отвечаешь только ты сам. Ни люди, ни обстоятельства не сломят тебя, если твоя воля будет твёрже кремня. Только её советы укажут правильный путь.

Скрепя сердце, Микаш подписал оба листа и один вернул Гэвину. Не выдержал и обнял его так крепко, как в детстве хотелось обнять отца, которого никогда не было. Коснулся сухими губами изборождённого глубокими морщинами лба.

— Да хранит вас небо, раз Безликий не может.

Гэвин смотрел тяжело, словно ему было неудобно и совестно за открытое проявление чувств. В следующий раз, когда Микаш увидит эти неестественно яркие, светящиеся синевой штормового неба глаза, они уже будут принадлежать кому-то другому.

***

Когда за Микашем захлопнулась дверь, Гэвин повернулся к ожидавшему в углу Сольстису:

— Что стоишь? Надо уже и нам отбывать. Думаешь, они когда-нибудь меня простят?

— Вас не за что прощать!

— Пока не за что.

Глава 37. Пророчество Безликого

Я очнулась в темноте. Твёрдая поверхность впивалась в спину. Руки и ноги привязаны, тело затекло. Я зажмурилась, вкладывая весь внутренний резерв в ментальный зов. Пускай хоть кто-нибудь услышит.

Услышали!

Затопали, скрипнула дверь, огонёк свечи обрисовал проём и силуэт человека.

— Вы правы, она очнулась! — донёсся голос Къела.

Я дёрнулась и позвала:

— Что происходит?!

— Успокойте её и подготовьте. Мне нужно закончить со Скульд, — ответил Жерард из соседнего помещения.

Я забилась отчаянней. Скульд? Это ритуальное имя Норны воды, Торми. Что с ней сделали? Ужас ознобом бежал по хребту, мучая болезненным предчувствием.

— Развяжите меня! — потребовала я.

Къел молчал. Из-за его спины вышел Кнут и подобрался ко мне вплотную.

— Никак нельзя. Вы сами себе навредите. Отдыхайте лучше — вам понадобятся все силы. Ничего отвратить не выйдет, на ваш зов никто не явится. Мы глубоко под землёй, — сказал он настолько бесстрастно, будто объяснял, что трава зелёная, а солнце заходит на западе.

Я сощурилась, пытаюсь загипнотизировать их или хотя бы сдавить телепатическими клещами — ничего! Меня словно отрезало от резерва. Даже ауры не видно!

Кнут поднёс к моему лицу фиал с настойкой. Пахнуло свежими ландышами. Голова отяжелела, и снова навалилась темнота.

Во второй раз я проснулась от плеска воды. Открыла глаза и зажмурилась от яркого света. Обвыкшись, я разглядела обстановку. Похоже на смотровую в нашей лаборатории: голые белые стены, застеленная чистым бельём кровать, к чьим спинкам меня привязали. На столах в тяжёлых серебряных подсвечниках горели свечи, стояли горшки со снадобьями, колотушки со ступами, лежали ножи и серпы разных размеров. Всё, что казалось таким обыденным, а на деле вышло иначе.

Из противоположного угла раздавался плеск. За полотняной ширмой — силуэт склонившегося над тазом человека.

Жерард! Только он столько времени тратит на мытьё рук.

Я принялась выворачиваться из пут, стараясь не шуметь. Микаш научил, как выбраться из самых тугих узлов. Несколько ловких движений, капля удачи. И... Да! Правая рука свободна. Остальные верёвки развязать оказалось намного проще. Молясь, чтобы кровать не закрипела, я слезла и на цыпочках прокралась к двери. Потянула за ручку — не поддавалась. Заперли, проходимцы!

Взгляд упал на массивный подсвечник на столе. Я затушила свечу, взяла его и подошла к ширме. Вода всё плескалась и плескалась. Я слышала, как Жерард дерёт рогожкой пальцы. Безумный! Как я могла ему доверять?

Ничего. Я сильная. У меня получится. Целители не умеют сражаться и не могут убивать напрямую. Спротивляться у него не выйдет.

Я заглянула за ширму и устоялась в его незащищенный затылок. Ради моего малыша. Смогу! Замахнулась, и... Жерард развернулся и перехватил мою руку в воздухе.

— Убить меня задумала, неблагодарная? А ведь я так о тебе заботился.

Он вытряхнул из моей ладони подсвечник, и тот с оглушительным звоном покатился по каменному полу. Жерард притянул меня к себе, обдав запахом крови и эфирных масел, как пахли целители после лечения тяжёлых больных, только этот не лечил, а убивал!

— Отпустите меня! Вы же обещали. Всё прошло хорошо, даже лучше, чем вы рассчитывали. Совет поверил, они дадут вам деньги!

Он усмехнулся. Зловещий шёпот вкручивался в ухо:

— Ты так и не научилась отличать цель от средств. Деньги, поддержка Совета, народная вера — облегчают мою работу, но это далеко не главное. А знаешь, что главное?

— Что? — вопрос больше походил на мышинный писк.

— Ты, моя дорогая Верданди, завершённая, идеальная. Ты и твой несносный божок, который столько времени играл со мной в прятки. Вы мой ключ к силе оракула, который спасёт наш орден. Разве ты не этого желала? Разве не этого желает Безликий?

— Нет! Это неправильно! — я затрясла головой, хотя прекрасно понимала, что мои слова уже ничего не значат.

— Перестань! Будь смелой, у тебя же раньше получалось, ну? Твою жертву, твой подвиг восславят в веках. Если бы Безликий не явился, а ты прочитала мою речь на Совете, то я отпустил бы тебя и перестал надеяться.

— Правда?

— Нет. Я знал, что он придёт. Иногда он перехватывал контроль над тобой, а ты даже не замечала.

Он просчитал каждый наш шаг! Всё, чтобы выманить Безликого! Почему я не догадалась раньше?

— Позови его!

— Нет! Он не станет уничтожать единоверцев по вашему приказу!

Я укусила его руку и рванулась, но Жерард встряхнул меня так, что голову повело, и я едва не лишилась чувств.

— Ничего-то ты, милая, не понимаешь ни в политике, ни в мужчинах, — поддельно сожалел он.

— Отпусти её, Жерард. Ты победил, — раздался спереди холодный голос Безликого.

— Нет! Зачем?! — всхлипнула я.

— Я никогда не прятался за женскими спинами и уж точно не собираюсь делать это сейчас, — он стоял перед нами. Я не знала, видел ли его Жерард, но судя по задержке дыхания — слышал.

— Сама предсказуемость! Чуть девой в беде помани, а ты уж тут как тут, — торжествовал Жерард. — Ничего, я научу тебя, как преодолеть эту слабость. Как жить по законам нашего изменившегося мира, как обойти запреты, которыми вы себя связали, и как управлять сбродом, что вы уважительно зовёте людьми.

— Ох, сколько высокомерия! Ты сам разве не человек? Думаешь, мне интересны твои жалкие интриги и политические амбиции? — презрительно отвечал Безликий.

Жерард держал меня одной рукой за талию, другой за горло. Вместе с Безликим они кружили друг против друга, ожидая подходящего момента для нападения.

— Мой разум и трудолюбие уподобили меня богам. Я Дух Огненный, а ты мой пленник,

а вскоре станешь рабом.

Безликий взмахнул руками. По его пальцам побежали огненные лозы, оплели до локтя и хищными отростками поползли дальше.

— Поставил защиту от чужих стихий? — усмехнулся Безликий. — Неужто решил, что справишься со мной дешёвыми фокусами?

— А разве нет? Пока не возродишься, ты лишь тень, привязанная к пророчице. Идём, я покажу твоё будущее.

Я упиралась, извиваясь всем телом, но Жерард упорно тянул меня к двери. Никогда бы не подумала, что в этом сухощавом книжном черве столько силы!

— Кнут! Къел! — позвал он.

Близнецы отперли дверь, и мы вышли. Безликий брёл за нами на огненной привязи, которая тянулась через меня к Жерарду. Я обмякла. Оставалось только надеяться, что Микаш отыщет меня вовремя.

Жерард провёл нас через ещё одну чистую комнату в огромный круглый зал. Трещало пламя в развешанных по стенам факелах, разгоняя тени по углам. Приторность ладана и дурмана кружила голову. Пол испещряли магические знаки, глифы, письмена, о которых я раньше не слышала. Всё в невообразимом порядке, только последовательность вывести сложно — нужно долго изучать.

Жерард подтолкнул меня к клубящемуся стальной испариной облаку в центре залы. Аура от него исходила настолько тяжёлая и злая, что у меня подкосились ноги. Внутри живота больно потянуло, и я не сдержала стон. Мой ребёнок! Пожалуйста, нет!

Жерард подхватил меня на руки и внёс в облако. Туман разошёлся, явив знакомые серые бортики фонтана, увитые вырезанными в камне цветами и изукрашенные искусственными трещинами. Точная копия того, что я столько раз видела в Нижнем.

— Нравится? — сощурился Жерард. — Это вы подсказали мне форму: ты и твой божок. Нижний словно звал вас. Я знал, что это неспроста.

Я обернулась на Безликого. Маска скрывала выражение его лица, но оно явно было недобрым. Он упрямо выпрямился, растворяясь в заморожённом созерцании. Жерард подтолкнул меня к бортикам. Я едва не перевалилась через них, в последний момент выставив перед собой руки. Внутри бассейна мерцали зелёные и сиреневые сполохи, напоминая сияние Червоточин, клубился в разноцветном хороводе туман. Из него вынырнуло два существа. Круглые лысые головы, бледная, с голубыми жилами кожа, свежие шрамы на плоской безволосой груди. Существа распахнули огромные глаза, и я шарахнулась в сторону.

Колотила крупная дрожь, ладони соскальзывали со рта, который я пыталась прикрыть, чтобы не заорать в голос. Джурия! Торми! У них отняли волю, а потом искалечили тела! Сердце надрывалось от жалости. Я онемела настолько, что не могла даже мысленно позвать Безликого. Он всё смотрел в круговерть паров.

— Твои сестры — Урд и Скульд. Разве они не прекрасны? — Жерард снова обхватил меня со спины. — Идеальные бесполое создания, свободные от мирской суеты и ненужных эмоций. У них теперь только одна цель — служение высшим силам, передача их мудрой воли нам. От них мы сможем черпать мощь богов и направлять её на выкорчёвывание единоверческих ересей. Боги отвернулись от нас, но я, Дух Огненный, поймал их в ловушку их же заветов. Они спасут мир в оковах, раз отказались сделать это добровольно. Твой божок тоже станет частью оракула, как только ты присоединишься к своим сёстрам в Источнике.

Безликий обернулся. Глаза полыхали яростным синим пламенем, грозя расплавить маску:

— Это сумасшествие! Ты душишь первостихии пуповинами, что связывают их с их пророчицами. Твоя ограниченность не позволяет тебе видеть, как они кричат от боли. Нарушается мировая гармония и расползается по швам ткань реальности, а первостихии обездвижены и не могут уравновесить колебания и залечить раны. Бед от этого будет больше, чем пользы. Погибнут все: не только единоверцы, но и Сумеречники. Даже богам не спастись. Мир опрокинется и вернётся в первозданный хаос. Лучше бы Мрак захватил власть!

— Ты стар и труслив, как Совет Сумеречников. Не стоит бояться нового. Мир меняется, человечество меняется — мы становимся взрослее и сильнее. Теперь вы, Высшие и устаревшие, будете служить нам, бесстрашно глядящим в сверкающее будущее.

— Гордыня и невежество — твоё единственное будущее. Мироздание нельзя укротить, рано или поздно ОНА наберётся сил и восстанет против тебя. Тогда за твою ошибку ответят все невинные.

— Невинных нет!

Дымка внутри фонтана озарилась грозowymi вспышками, зашевелились Норны.

— Он здесь! — зашептали они хором. — Блудный сын иступленных небес! Тот, кто не решается принять отцовскую силу и взойти на его престол! Глупый трусливый мальчишка! Он бы смог нас спасти, он бы смог не допустить нашего плена!

Безликий обхватил голову руками и закричал так, словно его рвали его на части. Он оседал на колени, а Норны пели скрежещущую сталью песню.

— Ну что за слабак? Они сами его наказали, — покачал головой Жерард. — Идём, Кнут и Кьел уже всё подготовили для операции.

Он потащил меня к выходу. Я рвалась, протягивала руки к Безликому. Он корчился на полу, словно его тело перемалывали жерновами. Так хотелось помочь ему, но даже помочь себе я оказалась не в силах.

От яркого света в соседней комнате я на мгновение ослепла. Когда пелена слёз спала, я различила силуэты всех работников лаборатории. Добродушные учителя и молодые помощники превратились беспощадных демонов в человеческих масках. Смотрели холодно и отчуждённо, как на вещь, а не на живого человека. Были ли они такими изначально или Жерард лишил их сострадания и совести, как девчонок — воли?

— Что вы хотите со мной сделать? — вопрошала я, пока меня запикивали на кровать рядом со столиком с острыми ножами.

— То же, что и со всеми: очистить от скверны, от женского. Волос, груди, матки, — буднично сообщил Жерард, словно говорил о лечении простуды. — Не бойся, боли ты не почувствуешь. С помощью зелий мы погрузим тебя в «вечный транс». Джурию и Торми ты видела — они в полном порядке.

— Вы не посмеете! — выкрикнула я в отчаянии.

— Отнюдь. После твоего выступления Совет позволил мне распоряжаться вами по своему усмотрению. Они поняли, что значит жертвовать малым ради великих целей. Крепись, скоро ты воссоединишься с Безликим в вечности. В итоге все от этого только выиграют.

Кнут замер, приглядываясь к моей ауре:

— Она беременна.

Жерард развернул меня к себе и провёл вокруг моего живота ладонями.

— И правда. Демонов божок решил это скрыть?

Я глянула на дверь в зал, где корчился Безликий. От всех опасностей он закрывал меня своими крыльями, но больше — нет. Ему самому нужна помощь!

— Кьел, неси abortирующее зелье. Срок маленький — подействует быстро. Несколько часов промедления ничего не значат.

Я перестала рваться, забыв, как дышать. Неужели это смерть? Нет! Участь изуродованной куклы сумасшедшего книжника во стократ хуже смерти! О, мой малыш, прости!

Кьел вернулся из подсобки с фиолетовым зельем.

— Держите её крепко, — Жерард подтолкнул меня к белобрысым близнецам и забрал фиал.

Кнут с Кьелом ухватили меня за руки и, потянув за волосы, заставили запрокинуть голову.

Жерард откупорил зелье и поднёс к моим губам:

— Пей!

Я стиснула зубы так плотно, как только могла. Край фиала впечатывался в губы. Жерард зажал мне нос, но я не открывала рот до последнего. Голова кружилась, мир вокруг расплывался тёмными пятнами. Лучше быстрая смерть от удушья!

Жерард одёрнул мой подбородок, едва не сломав челюсть. В глотку потекла тошнотворная вяжущая горечь. Живот обдало ледяным жаром.

Лязгнула дверь. Послышались торопливые шаги и скулёж.

— Микаш! — позвала я из последних сил.

Не видела ауры, но знала, что это он. Он всегда настигал меня! Широкоплечая фигура показалась в проходе. Микаш держал за горло задыхающегося Густаво и смотрел на всех, как разъярённый зверь.

— Что здесь происходит? — пророкотал басовитый голос.

Хватка близнецов ослабла. Я вырвала руки и засунула два пальца в рот. Хоть бы малыш не пострадал! Брат мой, Ветер...

Скрутило рвотным позывом и выпростало на пол, запачкав белую сорочку.

— Здесь происходит таинство, одобренное Малым Советом и Архимагистром, — выговорил Жерард, смерив Микаша презрительным взглядом. — А по какому праву вы врываетесь сюда, хватаете моих людей и требуете от меня объяснений?

— По самому что ни на есть главному праву. По праву отца ребёнка этой женщины я требую вернуть её мне! — Микаш отшвырнул Густаво к стенке, подошёл ко мне и помог подняться.

Я вцепилась в него и спрятала голову на груди, громко всхлипывая.

— Вы так уверены, что это ваш ребёнок? — усмехнулся Жерард.

— Что? — опешил Микаш.

Я вздрогнула, предчувствуя беду.

— Вы и вправду настолько наивны? Вас использовал ваш маршал, чтобы поддержать славу ордена, но бросил, как только у него появился новый питомец. Вас использовала эта девчонка, а вы простодушно верили, что дочь лорда может полюбить нищую безродную дворнягу. Знаете, как она стала пророчицей? Помните, когда вы спустились в гробницу Безликого в Хельхейме, то были смертельно ранены, а когда очнулись, на вас не осталось и

царапины?

Микаш напрягся.

Накатывала такая слабость, что казалось, я вот-вот лишусь чувств. Нет, я должна продержаться! Эти последние мгновения... вместе.

— Безликий вселился в ваше тело, и она, — Жерард кивнул на меня. — Отдала ему свою девственность, пока он был в вашем теле.

— Я не верю! — процедил Микаш сквозь зубы.

— Пускай она сама опровергнет. Молчит? Потому что это — истина. После, каждый раз, когда она была с вами, то ждала, что он снова завладеет вашим телом, чтобы быть с ней. Кто знает, может, он так и поступал, а вы ничего не замечали. И этот ребёнок вовсе не ваш, а его, иначе зачем Безликому защищать её? Не переоценивайте свою важность, господин безродная дворняга. Вы никогда и никому не были нужны, только как игрушка — попользоваться и вышвырнуть.

Микаш оскалился и наставил на него меч. Руки мелко подрагивали, глаза налились кровью, трепетали в бешенстве ноздри.

— Давай, покажи свою суть, уничтожь всё, ради чего землю носом рыл все эти годы, — Жерард даже бровью не повёл. — Истина на моей стороне!

Хотелось выкрикнуть, Микаш, он лжёт, когда я была с тобой, то желала только тебя. Мне было хорошо с тобой, твоя любовь согревала меня, когда мне было плохо и зябко. Я дорожила ею, я хотела остаться с тобой, я так желала нашего ребёнка!

Но слова умирали на губах, так и не родившись. Не родившись!

— Жерард!

Стены содрогнулись. Дверь в зал с фонтаном слетела с петель. На пороге стояла объятая пламенем фигура. Огонь ревел, плясали алые языки, наливаясь изнутри синим сиянием. Очертания менялись, скатываясь в шар и из того шара в образ гривастого Огненного зверя.

Книжники пятились, вжимались в стены, увидев его впервые.

Только Микаш и я стояли, пригвождённые к месту, оупленные горем и ужасом.

— Я, может быть, мягок со своей пророчицей, но тебя не прощу! Отпусти её!

— Ты не в том положении, чтобы указывать. Ты всего лишь сон, — отвечал Жерард совсем не так уверенно.

Хоть кто-то из нас спасётся!

— Я дам тебе, что ты хочешь. Только отпусти! — зашипело пламя.

— Что? — Жерард подался вперёд.

— Бога! Настоящего, живого, а не полумёртвых стариков, которых тебе удалось связать. У Ойсина Фейна родится ребёнок, который станет величайшим героем. Он сплотит вокруг себя остатки Сумеречников и поведёт их в последний бой. Но только со смертью последнего Комри я обрету силу, если он пойдёт на неё добровольно. А до того я буду не больше чем все — обычное человеческое дитя.

Что же он наделал! Добровольно отдал себя в руки этому кукловоду!

Жерард задумчиво смотрел в синие глаза-блюдца зверя, словно в его голове зрел очередной коварный план.

— Что ж, ты выбрал правильно. Я научу тебя быть великим. — Жерард развернулся к нам: — А вы, господин безродная дворняга, можете забирать мать не вашего ребёнка. Если она вам ещё нужна...

Зверь зарычал и бросился на Жерарда.

— Прости... — прошептала я, коснувшись щетинистой щеки Микаш, и в последний раз заглянула в его мглистые глаза.

— Лайсве! — возглас Микаша и Безликого слился воедино.

Силы оставили меня, окунув в омут беспомыслия.

Морское путешествие к родному острову немного остудило горечь потерь и разочарований. Солёный воздух щекотал ноздри, холодный ветер путался в волосах. Чайки кричали так пронзительно, будто оплакивали жестокую к его роду судьбу. Выступали из тумана скалистые складки берега, щетинились разлапистыми елями, как войско — копьями. Маяк на длинном мысу горел призывно и таинственно. Сердце сжимала тоска по этой древней земле легенд и загадок, по миру великих героев и их подвигов, который так скоро канет в забвение под натиском нового времени. Времени обычных людей и их серой повседневной суеты, наполненной лишь личной выгодой.

Похоронить свои кости Гэвин хотел именно здесь, на родине, а не на большой земле, спасая то, что никому уже не нужно.

Дорога от портового Дубриса до столичного Ловонида заняла целый день. Гэвин нахлёстывал коня изо всех сил. Накрапывал дождь. Впрочем, лило здесь большую часть года, тёплыми ли летними каплями или ледяными, смешанными со снегом хлопьями.

Столица встретила чёрными цветами. Нет, траур тут был не по сыну Гэвина, а по безвременно ушедшему королю Регану III, другу и побратиму. Война не знает границ, море для неё не преграда. Слухи донесли: единовец из толпы выстрелил арбалетным болтом в незащищенное горло. Спасти не удалось. Перед смертью король звал лучшего друга, которого, как всегда, не оказалось рядом. Нельзя быть со всеми одновременно — дурацкая черта, передававшая по наследству вместе с даром.

До своего особняка на дворцовой площади Гэвин добирался уже в промозглых сумерках. Безлюдные, обманчиво тихие улицы. Нападать лихой народ не решался, чуя перед собой страшного Сумеречника-колдуна, не настроенного на милосердие.

Дома его не ждали. Управляющий встретил на пороге долгими, неуклюжими расшаркиваниями. Прислуга собралась в шеренгу в холле, как рыцари на утреннем построении. Только глаза отводили, жалели, и это бесило настолько, что дрожали руки.

— Брана уже похоронили. Если бы мы знали, что вы так быстро обернётесь, — неловко оправдывался управляющий. — Его Величество тоже похоронили. Сегодня на рассвете была церемония.

Везде опоздал. Впрочем, думать надо о живых, мёртвым — уже не помочь.

— Хорошо. Отправьте канцлеру послание, что я вернулся и согласен взять на себя регентство и опеку над юным мессиром Лесли, как того хотел Реган. К ордену я больше не принадлежу, — управляющий сдавленно выдохнул.

Гэвин не мог отказать лучшему другу в просьбе — защитить наследника и королевство, пока тот не войдёт в силу. Узы побратимства священны, крепче них разве что узы крови. А орден с Безликим на пару пускай катятся к демонам!

— Где Дэвид?

Управляющий потупился:

— У кровати мастера Брана. Тот заколол себя у него на глазах. Мы звали мастера Дэвида, пытались увести или хотя бы поговорить — он ни на что не реагирует. Целители твердят, у него шок, и разводят руками. Никакие средства ему не помогают.

Гэвин велел управляющему замолчать, и зашагал к комнате Брана на втором этаже.

Отворил дверь, не заботясь о громком скрипе.

— Дэвид?

Младший неподвижно сидел на стуле у кровати. Темно. Воспоминания нахлынули некстати. В последний раз Гэвин видел старшего сына здесь же. Бран лежал бледный и потный, с отрубленными по колено ногами и заливался слезами:

— Прости-прости меня, отец, я подвёл! Я не справился! Я виноват!

Так гадко становилось от этих слов, так муторно, что хотелось бежать без оглядки.

Это не ты должен просить прощения, не ты виноват! Это я тебя подвёл! Отправил на это дичайшее испытание, хотя в глубине души знал, что ты «не тянешь». Семейная гордость — демоны её подери вместе с Безликим! Потому и сбежал, как распоследний трус — Совет был лишь поводом.

Гэвин зажжёт свечу и поставил её на прикроватную тумбу.

— Дэвид?

Он не реагировал: держал спину неестественно прямо и смотрел в одну точку на кровати. Бледный как смерть, под глазами круги, и без того острые скулы выперли из впалых щёк. Бескровные губы плотно сжаты. Как прозрачная тень, умирающая от безжалостного полуденного солнца. Немой укор нерадивому отцу.

Гэвин встал перед сыном, закрыв собой кровать, и заглянул в пустые глаза.

— Дэвид, ты меня слышишь?

Неподвижное молчание в ответ. Упрямый и замкнутый, после смерти матери Дэвид отдалился от Гэвина, был близок только с Браном, который всегда старался примирить их или хотя бы смягчить. Теперь Брана нет.

— Дэвид!

Да как он может?! Он что, издевается?! Всем своим видом показывает, какой Гэвин ужасный отец. Губит себя в отместку за то, что он погубил Брана! От ярости стало трудно дышать. Гэвин схватил сына за плечи и хорошенько встряхнул.

— Хватит уже! Всем больно, мы все его любили, мы все не смогли его спасти. Но сидя здесь в ступоре, наказывая меня молчанием, ты ничего не исправишь. Нужно думать о живых и жить дальше!

Сказал, и вроде самому полегчало. Будто не его уговаривал, а себя.

Близилась полночь, плакал воском свечной огарок, трепыхались тени. Дэвид медленно перевёл на него прояснившийся взгляд. Тонкие губы дрожали, словно он хотел и не мог что-то сказать. Гэвин наклонил к нему ухо.

— Он попросил... — язык ворочался вяло, слова тонули в тяжёлых вздохах, — принести родовой кинжал. Твой подарок... Я не знал. Он заколол себя. Я... убил его! Убил! — закричал так истошно, что Гэвин едва не оглох.

Голова Дэвида бессильно склонилась на грудь. Гэвин прижал его к себе, глядя по волосам:

— Ты не убивал. Бран выбрал сам. Боль оказалась большей, чем он смог вынести. Где бы он сейчас ни был, ему бы не хотелось, чтобы мы винули себя в его смерти. В память о нём нам обоим нужно жить дальше.

Впервые они были так близки. Дэвид обмяк. Гэвин поднял его на руки и перенёс в другую спальню с уже расстеленной постелью. Подоткнул одеяло, подложил под отошавшие ноги грелку и поцеловал в висок. Единственный оставшийся дар. Неужели и его заберут безжалостные боги?

Дэвид быстро уснул, свернувшись калачиком и подложив ладонь под щеку. Гэвин оставил его, но перед сном запер проклятую комнату Брана на ключ. Мёртвое — мёртвым.

Последующие несколько дней прошли в беспрестанных хлопотах. Нужно было утрясти формальности до вступления на пост регента, подготовиться к отъезду сына в Озёрный край, войти в курс дел в королевстве, хоть немного вникнуть в политику, которую он всегда презирал. Собраться с силами и жить дальше. Пока она ещё теплится в брэнном теле — эта жизнь.

Дэвид шёл на поправку под неусыпным наблюдением целителей и прислуги. Его отпаивали бульонами и лечебными зельями, купали в горячей ванне с травяными отварами, растирали мазями, выпроваживали на прогулку в садике, когда между проливными дождями выдавались редкие солнечные часы. Но по-настоящему он оживал, только когда Гэвин приходил его проведать. Разговаривали они мало, но всё же в этом скупом на чувства молчании было что-то близкое им обоим, оно исцеляло. Становилось немного совестно, что единственного сына придётся отослать, чтобы посвятить себя воспитанию чужого мальчика.

Ночь Гэвин прокорпел за столом над стопкой бумаг. Все дела уже были исправлены, и только последний белый лист не хотел заполняться словами. В окна брезжил свет восходящего солнца, косые лучи пронзали клочья тумана радужными бликами. Они зывали к веселью, которое было не к лицу ни Гэвину, ни этому мрачному городу.

Особняк оживал, скрипели двери, топали в коридоре слуги, перешёптываясь между собой. Вот-вот за Гэвином придут, и от прошлой жизни не останется и следа.

— Почему?! — влетел в комнату Дэвид с порога, упрямо сжимая кулаки. — Почему ты гонишь меня?

— Свежий воздух и смена обстановки пойдут тебе на пользу. Помнишь мамино имение в Озёрном крае? Тихое, уединённое, рядом с морем. Помнишь, как ты любил те дикие туманные леса? Не переживай ни о чём. Я выделю тебе самых доверенных людей, лучших лошадей для прогулок и собак для охоты. Тебе не придётся скучать.

— Но я хочу остаться с тобой, узнать отца, которого у меня никогда не было!

— Я буду слишком занят регентством. Долг велит...

— Долг всё время велит тебе быть со своим поганым орденом или со своим королём, но никогда — со своей семьёй. Где ты был, когда умирала мама? Где ты был, когда Бран заколол себя у меня на глазах? У нас больше ничего не осталось! Взгляни!

Дэвид взмахнул рукой, пристально глядя на стоявшую на столе чернильницу. Она с трудом сдвинулась с места всего на палец.

— Я потерял дар. Ты поэтому отсылаешь меня «поправлять здоровье»? Такой же искалеченный, как Бран, я тебе не нужен?!

— Не говори так! Твой дар восстановится, просто потребуется время. Время и покой. Мой главный долг — обеспечить тебе это.

В дверь постучали. Вошёл посыльный:

— Его Высочество призывает вас во дворец. Он желает, чтобы вы сопроводили его в королевскую усыпальницу после второго завтрака.

— Я буду к условленному времени, — кивнул Гэвин. Что ж, совместный траур — хороший повод сблизиться.

Посыльный ушёл, а Дэвид продолжил смотреть на него волком.

— Я тоже хочу навестить могилу брата!

— Твои нервы слишком расшатаны. Быть может, в следующий раз... — Гэвин протянул

к нему руку, но Дэвид отшатнулся.

— Ты мне не отец!

— Когда у тебя будут свои дети, может, ты меня поймёшь.

— Когда у меня будут свои дети, я не стану вести себя так, как ты! — он выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью.

Гэвин наблюдал из окна, как прислуга выносит сундуки с вещами. Дэвид спустился с крыльца и направился к распахнутой лакеем двери экипажа. Спина ровная, голова высоко, шаг широкий и чеканный. Маленький лорд, ни одним движением, ни одним жестом не выдавал истинных чувств. Сел в экипаж, дверь затворилась, и шестёрка серых рысаков понесла его прочь из города. Когда ещё увидятся?

Некстати вспомнилось: «Кто? Скажи же уже это!» Как хотелось выплеснуть всю детскую обиду на несправедливость глупого взрослого: «Мы твои потомки! Ты самый ужасный в мире отец и муж!» Но Гэвин не сказал, потому что на самом деле всё это надо было сказать себе. Проклятое Небесное племя.

Время бежало, а белый лист продолжал быть белым. Накричать бы на себя: «Сделай ты уже это! Скажи всё, что думаешь, что не мог сказать, когда была возможность». Он начал писать так лихорадочно, что строчки скакали вкривь и вкось.

«Тому, кто будет после меня,

Я знаю, ты получишь это послание не в самый светлый момент своей жизни. Дар и проклятие нашей семьи — предвидение будущего, способность просчитывать варианты во всём их необозримом множестве. В этом возможном будущем я вижу тебя, мой друг, почти как своих современников. Ты вылитое совершенство, сильный, смелый, с независимым живым умом, способностью сострадать и принимать тяжёлые решения. Ты куда лучше, чем был я, чем были мы в переломную эпоху.

Я знаю, тебе приходится очень непросто. Ты один, и все стремятся перетянуть тебя на свою сторону. Они упирают на твою ответственность, на самопожертвование. И это есть в тебе в полной мере. Но нету знаний, потому что я вряд ли успею их передать. Это письмо — не место для них. Некоторые вещи нужно обсуждать, глядя в глаза, иначе они останутся лишёнными смысла словами. Да и не нужны тебе эти знания, ведь тебя ведёт воля куда более мудрая, чем может объять человеческий разум.

Я напишу тебе всего две вещи, две вещи я завещаю тебе — единственное, что от меня останется. Первое: не верь никому. В этом мире надеяться можно лишь на себя, на свой светлый ум и чутьё, только они помогут отличить правду ото лжи, истину от заблуждений. Свободная воля выведет из тьмы к свету. Неторный путь тернист и полон опасностей, но я верю, что ты его одолеешь и найдёшь то, что ищешь, на другом конце дороги.

И второе: не держи зла. Знай, мы не были плохими, но не были и хорошими. Мы были просто людьми, ошибались, как и все люди, хотели жить в достатке и счастливо, обеспечивать своей семье уверенность в завтрашнем дне, когда нас не станет, чтобы о них позаботиться. Эта человечность нас и сгубила, сделала слабыми. А за слабость в нашем мире убивают — ты знаешь это лучше всех. Поэтому прости и не уподобляйся. Тебе всё по плечу, как бы сильно ни была жизнь. Выстой, дойди до конца своей тропы — это твой единственный подлинный долг перед мирозданием.

На прощание оставляю тебе письменное соглашение о том, чтобы род Комри породнился с родом Микаша Остенского через брак, подписанное им собственноручно. Надеюсь, оно тебе поможет.

С безмерной любовью,
Твой предок, Гэвин Комри».

Едва поставил последнюю точку, как в дверь постучали. Заглянул личный слуга и напомнил:

— Скоро полдень, вам пора во дворец.

Гэвин посыпал письмо песком и положил сушиться на окно, пока переодевался в чёрный траурный костюм. Перед уходом запечатал послание гербовой печатью и спрятал в тайник в стене. Тот, кому адресовано, найдёт, а другим знать не следует.

До дворца Гэвин добрался пешком, побрезговав и свитой, и каретой. Уж очень хотелось насладиться последними мгновениями свободы. Он брёл вдоль широких улиц, через парадные ворота, по центральной алле между сочных лужаек дворцового парка. Тот плохо сочетался с мрачной старинной цитаделью, сложенной из грубого серого камня. Сам дворец перестроили, придав более помпезный вид ажуром лепнины, фигурными арками, стройными колоннами, резными перилами. Безликий бы не оценил. От этой мысли хотелось улыбаться.

Укутанные в плащи придворные прогуливались по прибранным дорожкам, выкраив несколько солнечных часов у сгущавшегося тучами неба. Гэвина провожали любопытными взглядами и перешёптываниями, но заступать дорогу не решались — слишком грозной была слава маршала Сумеречников. Только она и спасала, когда разговоры не радовали.

Во дворце встретил канцлер с многочисленными лакеями. Шептал на ухо о расстановке сил на политической арене, с кем заключить союз, кого стоит опасаться. Многие министры и придворные плохо восприняли пожелание Регана назначить регентом бывшего Сумеречника. Хотели оспорить право опеки над принцем. Это особо не волновало, Гэвин как-то расправлялся с хищными акулами Малого Совета и заносчивыми высокими лордами Большого. Вряд ли авалорский королевский двор переплюнет их в искусстве плетения интриг и козней.

«Если кто и сможет меня победить, то только я сам», — витиеватой рунницей было выбито над королевскими покоями. Точная копия камня из старого дворца Безликого. Гэвин снова усмехнулся. Дома, он дома! Эти легенды, эти запахи, эти реликвии наполнили его жизнью, потому что она ещё жила — Родина, земля Безликого, её дух густ и как никогда крепок.

Шире распахнулись золочёные створки. Гэвина пригласили внутрь, но не успел он ступить и шага, как навстречу рванулся убранный в оборочки и рюши мальчуган.

— Дядя Гэвин!

Под недовольные взгляды придворных он подхватил принца на руки и чмокнул в щёку. На несколько лет младше Дэвида, юный Лесли, облечённый властью и вниманием, выглядел совсем ребёнком. Измученным оттого, что никто не давал ему шанса насладиться детством. Чернявый и синеглазый, как и все в его роду, он был изумительно красив и хрупок, особенно в далеко не мужественной одежде, которую его принуждали носить. Ничего, Гэвин ещё наведёт здесь порядок, оградит от ахающих нянек, женоподобных щеголей и прочего дурного влияния, научит, как быть мужчиной. Сильным мужчиной, который сможет противостоять козням политической элиты.

— Скучал?

— Очень!

Церемониально раскланявшись, они вдвоём направились в спальню. По пятам следовала охрана, совершенно бесполезная, раз уж не защитила своего короля. Пусть

создают видимость. Не оружие, не латы и щиты защищают короля, а правильная стратегия поведения и руководства. Придётся изучить её, как прежде Гэвин изучал тактику военных сражений. Пока ещё есть время.

Они остановились у винтовой лестницы в подземелье цитадели. Стражникам внутрь заглядывать не позволялось, в усыпальницу допускались только члены рода. Старший жрец Храма всех богов в день похорон приходил сюда, чтобы поставить освящённый прах в нишу и выбить на ней имя усопшего. Гэвин вёл принца за руку по крутым ступеням, поджигая факелы на стенах. Затхлый воздух напоминал о том, как редко тишину склепа нарушали шаги живых.

После спуска — длинный извитый коридор, с двух сторон от которого тянулись выбитые в стенах ниши. Гэвин поджигал свечи, стоявшие рядом с запечатанными глиняными горшками. В них покоились останки королей древности и их семей. Принц Лесли читал имена, выбитые под нишами. Звонкий детский голос эхом отдавался от низких сводов.

— Фергюс Справедливый, второй король Авалора. Прославился тем... — мальчик запнулся, пытаясь вспомнить.

— Тем, что вершил справедливый суд над своими подданными и первым из Мидгардских правителей предложил союз ордену Сумеречников.

Лесли обернулся к Гэвину и повторил слово в слово. Они двигались дальше, к последней нише с именем побратима и отца. Свеча Регана едва тлела и тухла, словно король не хотел отправляться по Сумеречной реке к мёртвым. Но Гэвин был настойчив — с четвёртой попытки на фитиле расцвёл мерцающий рыжим лепесток. Лесли положил рядом с горшком букет скорбных паладинников — траурных цветов из королевских оранжерей.

— Мы отпускаем тебя с миром, старый друг, — Гэвин поклонился в пояс.

— Мы отпускаем тебя с миром, отец, — повторил за ним принц.

Гэвин оставил его наедине с королём, а сам свернул в едва заметное боковое ответвление. Здесь тоже были ниши с прахом. Гэвин снова зажигал свечи и читал выбитые имена. Джордж Драконоборец, один из первых Сумеречников, погиб в сражении с драконом на Тетраковой башне, Эльгас Кушедавец, прославленный Сумеречник, разодран на части ордой пятихвостов и ещё много имён почивших безвременно воинов. В первую пустую нишу поставил горшок, который нёс с собой в мешке. Взял лежавшее здесь долото и молоток и выбил: «Бран Комри. Смелый Сумеречник, погиб в бою с саблезубым мелькарисом в Бале Рухез». И букет диких паладинников, которые Гэвин искал большую часть прошлой ночи.

В отличие от королевской семьи, Комри здесь хоронили тайно, только члены рода — никто посторонний об этом склепе не знал.

Гэвин встал на колени и сложил ладони в молитвенном жесте:

— Покойся с миром, сын мой, я отпускаю тебя. Отпусти и ты. Мою вину перед тобой не искупить ничем.

Простоял так, пока свеча не потухла с едва слышным шипением. Гэвин уже хотел вернуться к Лесли, но таинственный шорох заставил взглянуться вглубь прохода. С две дюжины шагов, и Гэвин упёрся в тупик, где в скальной породе была выбита необычная красивая статуя.

***

Фергюс дожидался брата внизу. Стройка едва закончилась. Не терпелось показать её самому близкому человеку. Корона, перешедшая ему от безвременно почившего отца, всегда

была велика, но он научился выносить все тяготы своей участи. Раздались умноженные эхом шаги, бойкие и энергичные. Фергюс улыбнулся.

— Рад, что ты почтил нас своим присутствием, — сказал он, не оборачиваясь на собственное отражение, повторявшее каждую его черту в идеальной точности. Чёрные волосы, забранные в тугий пук на затылке, ярко-синие глаза, резкие черты, жилистое, худощавое телосложение. Только одежда на них разная: золотой плащ поверх алой королевской туники и поношенный дорожный плащ из грубого серного сукна поверх такого же сурового воинского одеяния.

— Как я мог? Ведь она и меня вырастила, и я её любил, как обоих родителей вместе взятых. Жаль, что не успел на похороны.

Брат положил руку ему на плечо. Фергюс обернулся, но вместо лица близнеца увидел круглую белую маску, перечерченную тремя красными полосами.

— Что это?

Фергюс протянул ладонь, но брат её перехватил.

— Ритуал. Теперь я главный среди Сумеречников, как ты среди своих подданных.

— Да, знатную ты заварушку устроил. Отец бы городился. Если бы дожил.

— Поэтому я и решил разделить нас. Себе забрать семейное проклятье вместе с даром, чтобы ты долго и мудро управлял нашей страной. Живи, брат, ты этого достоин.

— Думаешь, это правда? Всё, что нам рассказывала бабушка? Люди говорят, что я король брошенных. Что дед просто оставил её и дом, как иные мужчины оставляют опостылевшее хозяйство.

— Не знаю. Когда ты в сумеречном мире демонов, даже самое невероятное кажется возможным. Будто за спиной распускаются крылья и отгораживают от людей, вздымают над миром, заставляют смотреть дальше, видеть больше, делают цельным. Вот тогда и впрямь кажется, что ты бог.

— Жаль, я не могу разделить с тобой это чувство.

Брат коснулся лба Фергюса, как в детстве.

— Так поверь и позволь себе чувствовать. Делай то, что считаешь правильным, как я. Мы в своём праве, был он или не был. Бабушка точно была, и она верила, что мы справимся.

Фергюс пропустил брата к вырезанной в скале статуе. Прекрасная стройная дева с длинными струящимися волосами и невероятно светлым, одухотворённым лицом. ЛХасси Фенталийская, первая в роду, жена того, кого не было. Брат опустился на колени и положил на постамент букет голубых паладинников.

— Что это? — он указывал на лежавший рядом букет синих роз, настолько ярких, что они казались волшебными.

— Они тут всегда, когда я прихожу. Свежие. Может, он и правда был, — усмехнулся Фергюс и помог брату подняться. — Куда теперь?

— На юго-восток в Междуречье. Мы выбьем дракона с Терракотовой башни! — брат сжал ладонь в кулак и ударил о кулак Фергюса. — Позаботься о моей жене и сыне.

— Позабочусь, как о своих! Только возвращайся живым... — прошептал на прощание молодой король, глядя, как выцветший плащ брата растворяется в сумраке тоннеля.

***

Как и многие до него, Гэвин преклонил колени перед прародительницей рода, прося умиловать её жестокого супруга. Того, которого никогда не было. На постаменте так же, как прежде, лежали свежие синие розы.

